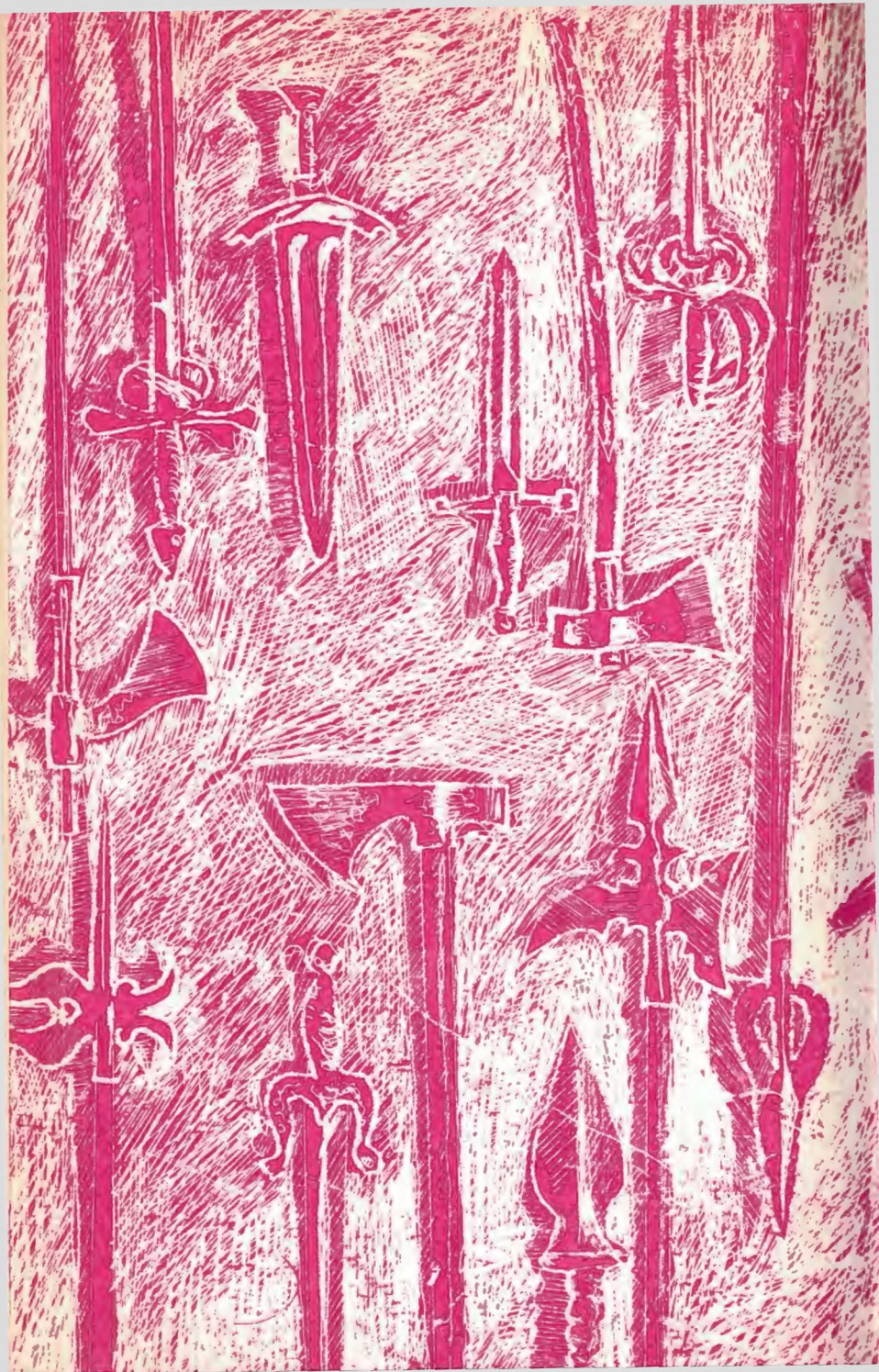

БЛАСКО ИБАНЪЕС

ГАННИБАЛ

Легіон 10

БЛАСКО ИВАНЬЕС

Куртизанка Сонника

РОМАН

ПЕРЕВОД С ИСПАНСКОГО

КАРЛ ОППЕЛЬ

Меч Ганнибала

РОМАН

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

А. И. НЕМИРОВСКИЙ

Три войны

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

**Внимание издателей и издающих
организаций!**

и название сериала **«ЛЕГИОН»** являются интеллектуальной собственностью издательства «Octo Print» и охраняются законом об авторском праве.

Любое несанкционированное издательством использование логотипа и названия сериала считается противоправным и будет преследоваться по закону.

Художник
Ю.А. Станишевский

Ответственный редактор
и составитель
В.М. Мартов

Издание осуществлено по заказу компании

ISBN 5-85686-008-X (Вып. 10)
ISBN 5-85686-005-5

- © Ю.А. Станишевский
Рисунки. 1994
- © «Octo Print»
Редакция, составление,
оформление,
название серии. 1994
- © А. И. Немировский,
«Три войны», 1961

Куртизанка Сонника

Текст печатается по изданию:
Бласко Ибаньес, Полное собрание сочинений, т. VIII
Куртизанка Сонника, исторический роман,
Издательство «Сфинкс», Москва, 1894 г.

Текст романа дается в редакции 1894 г.

I. Храм Афродиты

Когда судно сагунтинского моряка Полианта появилось ввиду его родины, рыбаки и моряки издали узнали своими зоркими глазами, привычными к ширине морского горизонта, шафранного цвета паруса и статую победы с распростертыми крыльями и короной в правой руке, занимавшую всю ширину носа корабля, так что ноги ее касались воды.

— Это судно Полианта «Викториана» возвращается из Гадеса и Нового Карфагена.

Три отделения Сагунтинского порта соединялись с морем широким каналом и были окружены террасами, на которых теперь теснился народ, чтобы лучше видеть приближающееся судно.

Болотистые низины, покрытые камышами и перепутавшимися водными растениями, тянулись до Сукронесского залива, выделявшегося изогнутой полоской своих линий и лазоревым цветом; на нем, как рой мух, сновали челны рыбаков. Корабль тихо приближался к входу в порт. Красный парус его трепетал под легким дуновением ветерка, но не надувался более; три ряда весел начали работать, двигая судно по белой пене, как бы запиравшей вход в канал.

Наступал вечер. На холме, около порта, возвышался храм Венеры Афродиты. В его полированном фронте отражались лучи заходящего солнца. Золото разлилось по голубоватым мраморным колоннадам и стенам храма, будто отец дня огненным поцелуем прощался с богиней моря. Цепь темных

гор, покрытых пиниями и кустарниками, громадным полукругом окаймляла лежавшую между нею и морем плодоносную долину с ее белыми загородными домами и башнями, тонущими в зелени деревьев. Над ними, на скате гор, расстился древний город Зацинто; он виднелся вдаль, в дымке поднимавшихся от земли паров, и его дома казались подавленными множеством стен и башен. Выше всего стоял Акрополь с циклопическими стенами и массой храмов и общественных зданий.

В порту еще кипела работа. В большой лагуне два марсельских судна грузились вином; корабль из Либурнии набирал запас сагунтинской глины, чтобы продать ее в Риме; карфагенская галера скрывала в своих недрах пласты серебра, добытого в кельтиберийских рудниках. Другие суда, с собранными парусами и опущенными веслами, стояли неподвижно около мола, как заснувшие птицы. Тихо покачивали они изваянными на их носках любимыми украшениями александрийского флота — головами крокодилов и лошадей или страшными карлами, подобными тому, который красовался на корабле финикийца Кадмия во время его удивительных странствий по морям.

Рабы, в одеждах, состоящих из перевязи вокруг бедер и белой шляпы, с напряженными, потными мускулами, сгибаясь под тяжестью амфор, кусков металла и других товаров, непрерывной вереницей тянулись по доскам с берега на суда и наполняли их товарами, заранее нагроможденными на молу.

У входа в центральный бассейн порт охраняла высокая башня, купая в глубине моря свой крепкий фундамент. Прикрепленный к железным кольцам в стене этой башни, качался военный либурийский корабль с высокой кормой, с изображенной на носу головой овна, с опущенными громадными парусами и зубчатой башенкой близ мачты. Вокруг бортов виднелись сложенные щиты классиариев — солдат, предназначенных специально для морских сражений. Это было римское судно. Оно должно было на следующее утро отправиться обратно с посредниками, посланными великой республикой для разбора смут, волновавших Сагунт.

Со второго бассейна, где строились и поправлялись суда, доносились звуки инструментов, ударявших по твердому дереву. Как адские чудовища, виднелись там полуразрушенные, лежавшие в песке галеры, открывая, сквозь оторванные борта, крепкую структуру или глубокий мрак своих недр.

В третьем, наименьшем бассейне становились на якорь лодки рыбаков. Над ними капризными извилами носились чайки, спускаясь иногда, чтобы схватить плавающие на поверхности воды отбросы. Старые и молодые женщины собирались на берегу в ожидании барок с рыбой из Сукронесского залива, где рыбный промысел был отдан в аренду на более отдаленному племени Кельтиберии.

Сагунтинское судно должно было привезти много того, чего желали жители порта. Рабы двигались медленнее, так как внимание приставленных к ним надсмотрщиков было поглощено прибывающим кораблем; спокойные граждане, сидевшие на набережной, лова на удочки жирных угрей, забывали о своей ловле, глядя на «Викториану». Она уже вошла в канал. Корпуса ее не было видно. Мачта с опущенным парусом плавно двигалась над высоким камышом, окаймлявшим вход в порт.

Вечерняя тишина нарушалась лишь кваканьем лягушек в окрестных болотах и пением птиц, доносившимся из оливковых рощ храма Афродиты. Молоты арсенала медленно били, люди в порту болтали, следя за ходом судна Полианта. Когда «Викториана» обогнула острый изгиб канала, глазам толпы явились ее золотая статуя и первый ряд красных весел, ударявших по воде с такой силой, что от них летели брызги.

Толпа, среди которых были семьи моряков, разразилась восклицаниями.

— Здорово, Полиант! С приездом, сын Афродиты! Да осыплет тебя благодеяниями твоя госпожа, Сонника!

Голые, растрепанные мальчишки бросались с головой в воду и плавали вокруг судна, как маленькие тритоны.

Обитатели порта восхваляли своего соотечественника, охотно преувеличивая его достоинства. Все было

в порядке на его судне, богатая Сонника должна была остаться довольной своим отпущенником.

На самом носу корабля, недвижим как статуя, стоял прорета, внимательным взором следивший, какие могли оставаться препятствия впереди; матросы гребли, мерно разгибая свои голые, потные, блестящие на солнце спины; на возвышенном месте кормы стоял кормчий, сам Полиант, в развивающейся красной одежде. Он не обращал внимания на крики толпы; он держал руль правой рукой, а левой белую палочку, с помощью которой управлял движениями гребцов. Около мачты стояли группы людей в чужеземных одеяниях и женщин, окутанных в широкие плащи.

Судно, только что выдержавшее сильные удары волн залива, теперь, как громадное насекомое, тихо проскользнуло в порт, прорезая килем как бы застывшую мертвую воду.

Когда бросили якорь и придвинули сходни, гребцам пришлось силой сдерживать толпу, хлынувшую было на палубу корабля.

Кормчий отдавал приказания, и его красная одежда развевалась пламенным пятном под лучами заходящего солнца.

— Эй, Полиант!.. С счастливым приездом, мореход!.. Что нам привез?

Кормчий увидел на берегу двух верховых. Тот, что окликнул его, был в белом плаще, конец которого, накинутый на голову, оставлял открытой только его завитую и надушенную бороду. Его товарищ крепко стиснул бока лошади сильными голыми ногами; на нем был сагум кельтиберийцев: короткая шерстяная туника, через плечо был привешен широкий меч. Его всклокоченные волосы и борода обрамляли смуглое, мужественное лицо.

— Здравствуй Лакаро, здравствуй Алорко! — сказал моряк очень почтительно.— Видели ли вы мою госпожу Соннику?

— Не дальше, как этой ночью мы ужинали на ее даче,— ответил Лакаро.— А что ты привез?

— Скажите ей, что я привез серебристый свинец из Нового Карфагена и шерсть из Бетики. Хорошее было путешествие.

Молодые люди подобрали повода своих лошадей.

— Ах, постойте! — крикнул Полиант, — скажите ей, что я не забыл ее поручения и исполнил его: привез танцовщиц из Гадеса.

— За это мы все поблагодарим тебя, — сказал со смехом Лакаро. — Прощай, Полиант! Да будет к тебе благосклонен Нептун!

Наездники пустились в галоп и скоро скрылись за хижинами, расположенными у подножья храма Афродиты.

В это время один из пассажиров сошел с корабля и прокладывал себе дорогу в толпе, теснившейся у сходней. Он был грек: все узнали это по его пилеосу, конической кожаной шапочке, напоминающей головной убор Улисса на греческих картинах. На греке была темная короткая туника, подпоясанная ремнем, с висевшей на нем сумкой. Хламида, падавшая ниже колен, была скреплена на правом плече медной застежкой; на его ногах были ремневые, потертые и запыленные сандалии; мускулистые и тщательно освобожденные от волос руки старались держать прямо копьё; короткие и вьющиеся волосы, вырываясь из-под шапочки, окружали его голову, как венцом; они были черные, но в них, как и в бороде, уже проглядывала седина. Над верхней губой усы были выбриты, как водилось в Афинах.

Это был человек сильный и в то же время ловкий, мужественный, крепко сложенный и здоровый. В его несколько насмешливом взгляде был огонек, присущий людям, рожденным для блеска и власти. Он проходил по незнакомому порту с уверенностью путешественника, привыкшего ко всяким странностям и неожиданностям.

Солнце закатывалось, работы в порту прекращались, народ расходился. Перед иностранцем проходили партии рабов, обтиравших с себя пот и потягивающих свои наболевшие члены. Понукаемые палками своих зрителей, они шли на ночлег в горные пещеры или в мельницы для выжимания оливкового масла, находившиеся близ таверн для матросов, трактиров и публичных домов, которые,

как принадлежность порта, своими земляными стенами и деревянными крышами теснились у подножия холма Афродиты. Купцы отыскивали своих лошадей и телеги, чтобы возвратиться в город. Они проходили группами, рассматривая надписи на своих дощечках и обсуждая дневные дела. Их различные типы, одеяния и манеры указывали на смешение народностей, царствовавшее в Зацинто, торговом городе, соперничавшим с Ампурией и Марселем, куда с давних пор стекались все суда Средиземного моря. Азиатские и африканские купцы, привозившие слоновую кость, страусовые перья, пряности и благовония для городских богачей, отличались благородной и важной осанкой; на них были туники с вышитыми золотом цветами и птицами, зеленые сапоги, высокие тиары с бахромой; бороды их спускались на грудь горизонтальными волнами мелких завитков. Подвижные греки болтали, смеялись, хвалились своими товарами и громко порицали иберийских экспортеров, серьезных, бородатых, диких, одетых в грубую шерсть, отвечавших презрительным молчанием на то, что считали пустой болтовней и лишними словами.

Молы пустели, вся жизнь перешла на дорогу к городу, где в пыли скакали лошади, гремели экипажи и бежали мелкой рысцой африканские ослики, несшие на спинах каких-нибудь толстых горожан, сидевших наподобие женщин.

Грек шел по молу за двумя людьми, одетыми в короткие туники. Их конические шапки со спускавшимися по бокам крыльями напоминали те, что носили эллинские пастухи. Это были городские ремесленники. Они провели день, занимаясь рыбной ловлей, и возвращались домой, с гордостью рассматривая свои корзины с мелкой рыбой и несколькими угрями. Они изъяснялись обычным языком этой древней колонии, находившейся в постоянных торговых сношениях со всеми народами земли, то есть в иберийскую речь вмешивали греческие и латинские слова. Грек с любопытством иностранца прислушивался к их разговору.

— Ты пойдешь со мной, друг,— сказал один из них,— я держу своих ослов, которые, как ты зна-

ешь, служат предметом зависти для соседей, в гостинице Абилиана. Мы попадем в город прежде, чем запрут ворота.

— Благодарю тебя, сосед. Действительно, опасно ходить одному, когда везде шныряют искатели приключений, которых мы нанимаем из-за войны, а также злоумышленники, ушедшие из города во время последних беспорядков. Ты, верно, слышал, что третьего дня на дороге нашли тело Актея, брадобрея с Форума. Его зарезали и ограбили, когда он утром возвращался из своего загородного домика. Теперь, говорят, после посредничества римлян мы будем жить спокойно. По требованию римских легатов отрубили несколько голов, и уверяют, что мы теперь заживем мирно!

Они на минуту остановились и оглянулись на римскую галеру, едва видимую около башни, уже окутанной покровом ночи. Потом, задумавшись, продолжали путь.

— Знаешь,— опять заговорил один из них,— я только башмачник, имею палатку на форуме, скопил понемножку мешок серебряных викториатов, чтобы спокойно дожить старость, сидя вечером у своих детей, опершись на палку; я не учен, как те риторики, что гуляют за городскими воротами, крича как фурии, не разумен, как философы, собирающиеся в портиках форума, чтобы при насмешках торговцев спорить о том, кто более прав из афинских мудрецов. Но, при всем моем невежестве, я все же себя спрашиваю: к чему борьба между живущими в одном городе, которые должны бы были относиться друг к другу, как братья? Зачем это?

Товарищ башмачника одобрял его, быстро кивая головой.

— Я понимаю,— продолжал ремесленник,— что время от времени у нас могут быть войны с соседями турдетанами, ну, там из-за водоснабжения или из-за пастбищ, из-за границ, или чтобы помешать им разрушить наш прекрасный порт... Тут, конечно, горожане могут вооружиться, воевать, опустошить поля врагов, сжечь их жилища. Это люди не нашей породы и должны уважать великий город. К

тому же война доставляет рабов, которых часто не хватает, а без рабов что будешь делать?..

— Я беднее тебя, сосед,— сказал другой рыболов,— седла, которые я делаю, приносят меньше дохода, чем твоя обувь, а все же я имею одного раба, который много помогает мне в моей работе. А война очень выгодна моей торговле.

— Война с соседями — это ничего, пускай себе будет. Молодежь развивает свои силы, желает отличиться; республика получает большее значение; воины, отправляясь по горам и долинам, покупают сапоги и седла. Прекрасно. Поощряется торговля. Но скажи, пожалуйста, зачем форум уже больше года, как обращен в поле брани, а каждая улица — в крепость? Вот сидишь ты себе в своей палатке, расхваливаешь какой-нибудь покупательнице элегантность модных в Азии сандалий из парусины или прочность греческих котурнов... Вдруг на ближней площади раздается шум оружия, крики, стоны умирающих, и тебе остается одно: поскорей запереть лавочку, чтобы какой-нибудь острый меч не пригвоздил тебя к твоему сиденью. И за что? Какая причина заставляет людей драться, как котов, в столь спокойной и трудолюбивой прежде Зацинте?

— Заносчивость и богатство греков...— начал было его товарищ.

— Да знаю я эту отговорку! Ненависть между иберийцами и греками; уверенность, что последние, вследствие богатства и учености, властвуют над первыми и эксплуатируют их!.. Как будто в городе есть в самом деле греки и иберийцы!.. Иберийцы, это те, что живут за окружающими нас горами; грек, это вот тот человек, что приехал сегодня и идет теперь за нами; а мы, мы только дети Зацинта или Сагунта — как хочешь называй наш город. Мы результат многих встреч на земле и море, сам Юпитер не сумел бы сказать, кто наши предки. С тех пор, как Зацинт был укушен змеей и наш отец Геркулес положил основание стенам Акрополя, кто может знать, какие люди прибывали сюда и поселялись здесь и кто силой присвоил себе их поля и каменоломни? Сюда приезжали люди из Тира в

поисках глины, моряки Занта, убежавшие с семьями от своих тиранов, земледельцы из Ардеи, уроженцы Италии, бывшие в свое время могущественными, но теперь униженные Римом, карфагеняне, когда они более думали о торговле, чем о войне... И кто знает, сколько еще разного люда! Надо послушать педагогов, объясняющих историю в портиках храма Дианы... Я сам, разве я знаю кто я — грек или ибериец? Мой дед был отпущенник из Сицилии, он нанялся здесь на гончарный завод и женился на кельтиберийке, жившей внутри страны. Моя мать была лузитанка, участвовавшая в экспедиции, имевшей целью продажу в Александрии золотого песка. А я? Я останусь сагунтинцем, как и все. Те, кто в Сагунте называют себя иберийцами, веруют в греческих богов, греки же бессознательно принимают многие обычаи иберийцев. Они считают себя разными народностями только потому, что живут в отдельных частях города. Однако, праздники у них те же, и в близких Панафинеях ты увидишь сынов эллинских купцов и земледельцев, одетых в грубые шерстяные ткани и отращивающих бороды, чтобы быть похожими на дикие племена внутри страны.

— Да, но ведь греки всем овладели, сделались полными господами всего, взяли в свои руки жизнь города.

— Они самые образованные, самые отважные, в них есть что-то божественное,— вдумчиво произнес башмачник.— Посмотри на того, кто идет за нами. Он одет бедно, в его кошельке, наверно, нет и двух оболов, чтобы поужинать, он, может быть, будет спать под открытым небом, а между тем он, не преувеличивая, имеет вид Зевса, сошедшего к нам с небес.

Оба ремесленника инстинктивно оглянулись на грека и пошли дальше. Они подошли к хижинам, где из-за близости порта ютилось многолюдное население.

— Есть другая причина разделяющей нас вражды,— сказал седельщик,— не ненависть между греками и иберийцами, а то, что одна партия желает быть в дружбе с Римом, а другая — с Карфагеном.

— Не надо дружить ни с теми, ни с другими, — наставительно произнес башмачник. — Надо жить спокойно и торговать, как прежде, вот и будем благоденствовать. Я обвиняю греков только в том, что они склонили нас к дружбе с Римом.

— Рим — победитель.

— Так, но он от нас далеко, а Карфаген — рукой подать. Войско Нового Карфагена может быть здесь в несколько дней.

— Рим наш союзник и сумеет защитить нас. Вот уж его легаты, уезжающие завтра, прекратили наши беспорядки, отрубив головы гражданам, возмущавшим мир и спокойствие города.

— Да, но эти граждане были друзьями Карфагена и издавна под покровительством Гамилькара. Ганнибал не забудет друзей своего отца.

— Э! Карфагену также нужен мир для развития торговли и богатства. Несмотря на нападение в Сицилии, они страшатся Рима.

— Страшатся сенаторы, но сын Гамилькара молод. Боюсь я этих, сделавшихся предводителями, ребят, которые забывают вино и любовь ради славы...

Грек не мог более ничего расслышать, так как ремесленники скрылись за хижинами и звуки их слов заглохли вдали.

Иностранец был совершенно одинок в этом незнакомом порту. Молы уже были безлюдны, начинали блестеть кое-где фонари на кормах кораблей, и вдали над морем восходил диск луны цвета меда. В маленьком порту рыбаков еще замечалось некоторое движение.

Женщины, обнаженные по пояс, держа между ног отребье, служившее им одеждой, стоя в воде, мыли рыбу, потом, положив ее в корзины, ставили их на голову и шли, таща за собой виснувших на них малюток. С судов сходили группы людей и направлялись к нищенским постройкам у подножья храма — это были матросы, разыскивающие таверны и публичные дома.

Грек знал их обычаи. Таких портов, как этот, он видел много. Храм на высоте служил вехой морякам; под ним внизу было вино, дешевая любовь и

кровавые схватки, как финал праздника. Грек подумал было пойти в город, но это было далеко, и он не знал дороги. Он решил остаться тут и поспать где-нибудь до восхода солнца.

Он вошел в узкие кривые переулки между не в ряд построенными, будто случайно с неба упавшими домишками, с их земляными стенами, тростниковыми крышами, узкими оконцами, с отверстиями, завешанными оборванными коврами вместо дверей. В некоторых, менее нищенских домах, жили торговцы, доставлявшие продовольствие на суда, маклеры, продававшие зерно, и те, кто с помощью нескольких рабов, доставали воду из источников долины и снабжали ею корабли. Но большей частью в этих жилищах помещались кабаки, таверны и публичные дома.

На некоторых из этих заведений красовались греческие, латинские и иберийские вывески, намаленные охрой.

Кто-то окликнул грека. Толстый лысый человек, стоя у своего порога, делал ему какие-то знаки.

— Здравствуй, сын Афин,— он назвал имя самого известного греческого народа,— проходи сюда, будешь между своими: мои предки были оттуда. Посмотри на вывеску моего трактира: «Паллада Афина». Ты у меня найдешь лауронское вино, не уступающее аттическим. Если хочешь попробовать кельтийское пиво, оно есть у меня. Могу, если желаешь, предложить тебе и бутылочку самосского вина, такого доброкачественного, как сама богиня Афина, украшающая мою вывеску.

Грек сделал, улыбаясь, отрицательный знак, а велеречивый трактирщик уже приподымал завесу своего логовища, пропуская в него толпу матросов.

Через несколько минут грека остановил свисток, как будто призывавший его из глубины одной хижины. Старуха, закутанная в черный плащ, стоя у двери, делала ему знаки. Внутри, при свете глиняной лампы, подвешенной на цепочке, было видно несколько женщин, сидевших на циновках с видом смирившихся животных и проявлявших жизнь только застывшей улыбкой, показывающей их блестящие зубы.

— Ты, однако, прыткая, мать,— сказал, смеясь, иностранец.

— Пстой, сын Зевса,— возразила старуха на эллинском языке, испещренном грубым акцентом и свистящим дыханием ее беззубого рта,— я сейчас узнала, что ты грек. Все твои соотечественники прекрасны и веселого нрава, а ты похож на Аполлона, ищущего сестру свою небесную. Войди, здесь ты найдешь...— и, схватив иностранца за его хламиду так сильно, что чуть не разорвала ее, старуха начала перечислять все прелести ее иберийских, балеарских и африканских питомиц. Одна была высока и величественна, как Юнона, другая — маленькая и грациозная, как александрийские и греческие гетеры... Когда же мнимый покупатель оторвался от нее и отошел, старуха повысила голос и, думая, что не угодила его вкусу, продолжала докладывать, что у нее есть еще девушки белые, с длинными волосами, прекрасные, как сирийки, которых так любят в Афинах.

Грек уже вышел из кривого переулка, а все еще слышал голос старухи, как бы опьяневшей от своих гнусных предложений. Он вышел в поле на дорогу в город. Направо от него был холм храма и у подножия его дом, несколько больший, где помещалась харчевня, освещенная красными глиняными лампадами. Через окна и двери было видно, что делалось внутри. Там сидели на каменных скамьях моряки всевозможных стран, говорившие на различных наречиях. Были и римские солдаты в бронзовых чешуйчатых латах, с короткими мечами, висевшими с плеч, с поставленными у ног шлемами, увенчанными красной щетиной из конских волос; были гребцы из Марсея, почти голые, с ножами, скрытыми под тряпками, окутывавшими их бедра; финикийские и карфагенские моряки в широких шароварах, в высоких шапках в форме митр, с тяжелыми серебряными серьгами в ушах; негры из Александрии — силачи с неловкими движениями, показывавшие при улыбке острые зубы, напоминавшие возмутительные сцены людоедства; были кельты и иберийцы, в темной одежде, с непокрытыми спутанными волосами, смотревшие недоверчиво и ин-

стинктивно протягивающие руки к своему широкому ножу; несколько грубых людей из Галлии, с длинными усами, с огненного цвета волосами, завязанными узлом и спадавшими им на затылок; наконец, люди, заброшенные сюда со всех концов света случайностями войны или морских путешествий: сегодня победоносные воины, завтра то рабы, то моряки, то пираты, без законов и национальности, они боялись только главу судна, который, не задумавшись, мог велеть наказать их кнутом или распять, и верили лишь в свой меч и в свои мускулы; по ранам, бороздившим их тела, по обрезанным ушам, прикрытым грязными волосами, можно было догадываться об их прошедшей жизни, полной ужасающих тайн. Они ели, стоя у прилавка, на котором находились ряды амфор с заткнутыми свежими листьями горлышками; другие, сидя на сложенных из камня скамейках, держали на коленях глиняные блюда. Большинство лежало на животе на полу, как звери, делящие добычу. Они простирали волосатые руки над большими блюдами, между слов шумно шевеля челюстями. Они не пропускали случая налить себе вина и требовать женщин. Измученные бездействием во время путешествий или грубой дисциплиной на кораблях, они теперь предавались еде и питью, как какие-нибудь сказочные людоеды.

Скученные в тесном помещении, задыхаясь от чада лампад и запаха кушаний, они все же чувствовали потребность общения и, между глотками разговаривали со случайными соседями на языке, который состоял больше из жестов, чем из слов. Карфагенянин рассказывал греку о своем последнем путешествии по серому, туманному Великому морю за Геркулесовыми столбами, до берегов, известных только его соотечественникам, где они добывают олово. В другом углу негр передавал двум кельтиберийцам о поездке по Красному морю, о его берегах, пустынных днем, но по ночам покрытых движущимися огнями, о местах, где живут люди, покрытые шерстью и быстрые, как обезьяны, шкуры которых, набитые соломой, посылались в египетские храмы, как дань богам. Наиболее старые рим-

ские солдаты вспоминали свою великую победу при Эгастских островах, положившую конец войне, изгнав карфагенян из Сицилии; они, в своей дерзости победителей, не обращали внимания на то, что их слушали побежденные. Иберийские пастухи, находясь среди моряков, старались умалить значение их походов, говорили о волшебной быстроте коней их племени, в то время как какой-нибудь маленький грек, живой и остроумный, начинал, чтобы унижить варваров и показать превосходство своего народа, декламировать отрывки из оды, выученной в Пирейском порту или затягивать медленную и нежную песню, которая терялась в шуме разговоров, жующих челюстей и звона посуды. Требовали больше света. Атмосфера в душной таверне становилась гуще, на черных от сажи стенах еле видные светильники лампад казались пятнами крови. Из смежной кухни несся запах пикантных соусов и несвежего мяса, заставлявший иных посетителей плакать и кашлять. Некоторые были уже навеселе в начале трапезы и просили у рабов венки, чтобы украситься, как богатые на пирах. Другие хлопали и кричали от восторга, когда трущоба осветилась кровавым светом факелов, зажженных хозяином. Рабы суетились около прилавка, двигали тяжелые амфоры, бегали в кухню, несли, красные от напряжения, тяжелые блюда. Вино при открытии одной амфоры полилось на пол. Время от времени появлялись у окон размалеванные лица падших женщин, волчиц порта, дожидавшихся, чтобы их впустили в остерию; моряки со смехом здоровались с ними, подражая вою зверя, имя которого они носили, как прозвище, или бросали им остатки кушаний, которые они вырывали друг у друга, царапаясь и ругаясь.

Кушанья были так остры и пряны, что каждый кусок приходилось запивать. Греки ели мидии, плавающие в шафранном соусе, свежие сардинки, окруженные лавровыми листьями; птица подавалась им под зеленым соусом; иберийские пастухи довольствовались жесткой копченой рыбой; римляне и галлы поглощали большие куски кровавого мяса; угри, ловимые в порту, подавались с вареными

яйцами. Все эти и многие другие кушанья были насыщены солью, перцем, пахучими травами, которым приписывали странные качества. Присутствующие чувствовали потребность тратить день, наедаться и валяться пьяными на полу, чтобы вознаградить себя за полную лишений жизнь на судах и на время забыть о ней. Римляне, уезжавшие на другой день и получившие задержанную раньше плату, спешили оставить свои сестерции в Сагунтинском порту; карфагеняне с гордостью превозносили свою республику, самую богатую на свете; моряки хвалили своих хозяев, всегда щедрых, когда прибывали в порт, благоприятный для их торговли. Трактирщик то и дело опускал в пустую амфору разные монеты: зацинтские — с изображением носа корабля и летящей над ним Победой, карфагенские — с легендарным конем, монеты с ужасными кабирскими божествами, или изящные александрийские с красивым профилем Птоломея.

У самых грубых гребцов являлось желание хотя бы в продолжение одной ночи подражать богачам, показать свою власть, чтобы этим воспоминанием утешаться в трудовые дни. Они спрашивали себе лукринских устриц, которых суда привозили или в амфорах с морской водой крупным сагунтинским купцам, или оксигарум, возбуждающее аппетит кушанье из внутренностей рыб, приготовленных с солью, уксусом и пряностями, за которое римские патриции платили громадные деньги. Красное лауронское и розовое сагунтинское вина были в презрении у тех, кто имел деньги. Также презирали марсельское вино, болтая о мякине и глине, которые к нему примешивали. Они требовали вин Кампании, фалернского, массики и цекубо, которые, несмотря на их ценность, пили из очень вместительных сосудов сагунтинской глины в форме лодки. Вместе с горячительными кушаньями и многообразием напитков — от иностранных вин до кельтского пива — эти люди после долгого пребывания на море были жадны до продуктов полей и поглощали большое количество овощей и фруктов. Они бросались на блюда грибов, хватали руками репу, приготовленную с уксусом, земляные груши,

свеклу и чеснок. Горы свежего салата из загородных садов исчезали, покрывая пол зелеными листьями и грязной землей.

Грек смотрел на это зрелище, стоя у дверей с несколькими моряками, не нашедшими себе места в таверне. При виде грубой трапезы иностранец вспомнил, что он ничего не ел с утра, с тех пор, как надсмотрщик над гребцами на судне Полианта дал ему кусок хлеба. Новые впечатления заставили на время молчать его привыкший к лишениям желудок, но при виде столь обильного количества съедобного грек почувствовал сильный голод и инстинктивно шагнул через порог харчевни, но тотчас же подался назад. Зачем было ему входить? В его сумке были папирусы, свидетельствовавшие о его путешествиях, памятные дощечки для записей; были также щипчики для вырывания волос из кожи и гребенка — вещи, с которыми не расставался никогда порядочный, внимательный к своей внешности грек. Но сколько он в ней ни рылся, он не нашел ни одного обола. В Новом Карфагене его приняли на судно даром, потому что кормчий уважал уроженцев Аттики. Голодающий был одинок на чужбине и, если бы он вошел в харчевню и спросил поесть, не предлагая денег, с ним поступили бы, как с рабом и погнали палками.

Он предпочел бегством избавиться от мучений Тантала. Обернувшись, он столкнулся с высокого роста человеком, одетым в темный сагум, в сандалии, привязанные к ногам грубыми веревками. Человек этот имел вид кельтского пастуха, но греку при быстром взгляде на него показалось, что он уже не в первый раз видит эти пламенные, повелительные глаза, заставлявшие вспомнить орла у ног Зевса.

Грек, однако, равнодушно пожал плечами; он думал только о том, чтобы заглушить голод и, если возможно, выспаться до восхода солнца. Уйдя от этой несчастной части города, освещенной и шумной, он искал место, где бы отдохнуть, и направил свои шаги к роще Афродиты. К храму, находящемуся на вершине холма, вела широкая лестница из голубого мрамора, нижние ступени которой начинались у мола.

Грек сел на отшлифованный камень, решившись дождаться здесь дня. Луна освещала верхнюю часть храма; шум улиц, глухо доносившийся сюда, сливался с дальним шепотом моря, с дрожанием листьев масличных деревьев, с однообразным кваканьем лягушек и утопал в великой тишине ночи.

Несколько раз до его слуха долетал звук, похожий на вой волка. Вдруг этот звук раздался за его спиной, и он почувствовал на своей шее горячее дыхание; обернувшись, он увидел женщину, наклонившуюся над ним, упершуюся руками в колени и улыбающуюся глупой улыбкой, которая портила ее рот, открывая десны, лишенные нескольких зубов.

— Здравствуй, иностранец. Я видела, как ты вышел из улицы. Ты, верно, скучаешь в одиночестве, и я пришла дать тебе счастье. Что? Разве это невозможно?

Грек тотчас же узнал, кто она. Это была «волчица» из порта, одна из тех несчастных, которых он видел на пристанях всех стран: всенародные продажные женщины, любовницы на одну ночь людей разных цветов кожи и рас, без всякой воли, с одним желанием лечь на спину с двумя-тремя оболами в руках на какой-нибудь камень или под тень барки; старые гетеры, отупевшие в разврате; беглые рабыни, искавшие свободы в проституции, шуме и опьянении; самки, олицетворяющие любовь по грубым понятиям жестоких людей моря; бедные скотины, в молодости изнуренные излишествами, обреченные в старости переносить одни побои.

Иностранец смотрел на эту еще молодую женщину. В ней можно было найти остатки красоты, но лицо исхудало, глаза слезились, и рот был обезображен отсутствием зубов. Она была закутана в широкий кусок грязной, разорванной, но прекрасной материи, ноги ее были босы, спутанные волосы придерживались ремнем, который несчастная украсила несколькими, заткнутыми за него полевыми цветами.

— Теряешь свое время,— сказал, добродушно улыбаясь, грек,— у меня нет ни одного оболы в кошельке.

Ласковый голос этого человека смутил блудницу. Она привыкла к ударам: для нее мужчина был грубый драчун, кусанием выражающий свое наслаждение. Перед нежностью грека она потерялась и притихла, как перед непредвиденной опасностью.

— У тебя нет денег? — скромно сказала она, после некоторого молчания. — И не надо, бери меня даром. Ты нравишься, из всех людей в харчевне мои глаза выбрали тебя, я раба твоя.

Она наклонилась над греком, лаская огрубелыми руками его кудри, в то время, как он смотрел на нее с несказанной жалостью: ее впалая грудь и изогнутый стан, казалось, носили следы попиравших их ног всех народов мира.

Голодный чужестранец был тронут великодушием этой несчастной: это было братство несчастных.

— Если ты не желаешь быть одной, останься со мной, говори со мной, но не ласкай меня. Я голоден, я ничего не ел с утра и в эту минуту отдал бы все наслаждения Цитеры за порцию еды какого-нибудь матроса.

Женщина выказала крайнее удивление.

— Ты голоден?.. Ты изнемогаешь от голода, а я думала, что ты насыщен амброзией Зевса!..

В ее глазах было изумление, как если бы она увидела, что Афродита, богиня сверкающей наготы, сошла с мраморного пьедестала и с распростертыми объятьями отдалась за обол гребцам порта.

— Подожди, подожди! — сказала она после некоторого размышления решительным голосом.

Грек видел, как она побежала к хижинам, когда же усталость и слабость начали смыкать его веки, он снова почувствовал ее возле себя.

— Кушай, мой господин, — сказала она, дотрагиваясь до его плеча, — мне дорого стоило достать это. Жестокая Лаис, старуха, страшна как парка, но она помогает нам в тяжелые дни и согласилась дать мне свой ужин, заставив меня поклясться, что к восходу солнца я принесу ей два сестерция. Кушай и пей, милый.

Она положила на ступени серый хлеб в форме диска, сухую рыбу, полкруга сагунтинского белого сыра и поставила кружку кельтского пива.

Грек бросился на пищу и стал пожирать ее, а «волчица» смотрела на него нежно, почти с материнским выражением.

— Я бы хотела быть богатой, как Сонника, которая, как говорят, начала свою жизнь так же, как и мы, а теперь она обладательница многих кораблей, садов тенистых, как Олимп; толпы рабов, гончарные заводы и лучшие окрестные поля принадлежат ей. Я хотела бы быть богатой только на одну ночь, чтобы угостить тебя всем, что есть лучшего в порту и городе. Я бы хотела устроить для тебя такой пир, какие бывают у Сонники, чтобы он продолжался до утра и чтоб ты, увенчанный розами, пил из золотой чаши самосское вино...

Грек, тронутый искренностью и наивностью болтовни этой несчастной, посмотрел на нее ласково.

— Не благодари меня. Я должна благодарить тебя за то счастье, которое я чувствую, дав тебе возможность утолить голод... Что со мной? Не знаю. От каждого человека, дотрагивавшегося до меня, я что-нибудь получала. Кто давал кожаную монету, кто кусок материи, кто кружку пива, большинство только удары и пинки, а все что-нибудь давали; я терпела и равно ненавидела всех их. Вдруг ты пришел, бедный и голодный, меня не искал, ничего мне не дал, отталкиваешь меня, а мне довольно того, чтобы ты был около меня, и по телу моему разливается никогда не испытанное блаженство. Тебе принесла я ужин, а сама опьянела, как после пира. Скажи, действительно ли ты человек, или отец богов, спустившийся ко мне на землю, чтобы поднять и возвеличить меня?

Возбужденная своими собственными словами, она опустила на колени на ступенях лестницы и, протягивая руки к купающемуся в лунном свете храму, воскликнула:

— Афродита, богиня моя! Если я когда-нибудь соберу то, что стоят две белые голубки, я принесу их тебе в дар, украшенных цветами и огненного цвета лентами в память об этой ночи!

Отпив горькой влаги из кувшина, грек протянул его девушке; она прильнула губами к тому месту сосуда, которого коснулись его губы.

Не дотронулась она до еды, но продолжала пить, что еще более возбуждало ее красноречие.

— Если бы ты знал, как трудно мне было достать все это! Улицы полны пьяных, валяющихся в грязи; они, приподымаясь на руках, рвут платье, кусают ноги. Вино льется на улицу из дверей тракторов. Один африканец бежал за каким-то человеком, догнал его и бросил в воду, а один кельтиец раскроил ему голову кулачищем... Тулу, одну иберийскую девушку, раз подняли за ноги и окунули головой в самый большой кратер в таверне, она чуть не захлебнулась вином до смерти. Это обыкновенные увеселения. Я сама видела, как бедная Альдура, моя приятельница, сидела на земле вся в крови и держала в руках свой глаз, который выбил ей кулаком пьяный египтянин. И это каждую ночь!.. Вот теперь, хотя мне и страшно как-то с тобой, а, кажется, что с тех пор, как я узнала тебя, я живу в другом, новом мире, я в первый раз даю себе отчет в том, что меня окружает.

И она рассказала ему свою историю. Звали ее Бахис. Родину свою она не знала. Вероятно, она родилась не в здешнем порту, потому что помнила в раннем возрасте большое путешествие на корабле. Должно быть, ее мать была тоже «волчицей», и она, Бахис, была плодом случайной встречи ее матери с каким-нибудь матросом. Имя Бахис, данное ей в детстве, было именем многих известных в Греции куртизанок. Одна старуха, должно быть, купила ее у матроса, привезшего девочку в Сагунт. Любовь она узнала раньше, чем сделалась женщиной. Хижину старухи посещали старейшие коммерсанты порта и все развратники города, которые передавали друг другу это беспомощное, слабое, неразвившееся детское тело. По смерти своей хозяйки она сделалась «волчицей» и поступила в полное владение матросов, рыбаков, горных пастухов и всей грубой толпы, кипевшей в порту.

Ей еще не было двадцати лет, а она уже состарилась, увяла, истощилась от излишеств наслаждений и побоев! Город она видела издали: только два раза в жизни была в нем. Там не терпели «волчиц». Им позволяли существовать близ роши

Афродиты, как гарантия для спокойствия Сагунта, так как они отвлекали от города людей разных национальностей, приезжавших в порт. В городе чистые нравами иберийцы негодовали при виде проституток, а развратники-греки имели слишком утонченный вкус, чтобы чувствовать хотя бы сострадание к тем несчастным продавщицам любви, которые, как скоты, падают на краю дороги за кисть винограда или горсть орехов. И тут, в тени от храма Венеры, жила Бахис, ожидая приезда новых людей, возбужденных воздержанием на море, которые валились на нее, волосатые, бесстыдные и грубые, как сатиры. И так будет она влачить жизнь, пока не зарежут ее во время какой-нибудь ссоры или не умрет она от голода под покинутой баркой.

— А ты кто? — спросила по окончании своего рассказа Бахис. — Как зовут тебя?

— Меня зовут Актеоном, моя родина Афины. Я много изъездил разных стран: в одном месте был воином, в другом — моряком, я сражался, торговал, а также сочинял стихи и беседовал с философами о вещах, которых ты не понимаешь. Я был богат много раз, а теперь ты мне дала поесть. Вот вся моя история.

Бахис смотрела на него с восторгом, угадывая в его кратких словах целое прошлое приключений, страшных опасностей и неожиданных превратностей судьбы. Она вспоминала подвиги Ахиллеса и похождения Улисса, о которых столько раз слышала в пьяных песнях греческих моряков.

Блудница, склонившись на грудь Актеона, гладила рукой его волосы. Благодарный грек улыбался ей братски, но так бесстрастно, как если бы она была маленьким ребенком.

Два матроса вышли из одной хижины и, шатаясь, направились к молу. Резкий вой, пронизывающий воздух, долетел до слуха Актеона. Его подруга по привычке, по инстинкту продавца, издали угадывающего покупателя, встала на ноги.

— Я вернусь, мой повелитель. Я было совсем забыла ужасную Лаис. Надо отдать ей деньги раньше восхода солнца: она изобьет меня, если я не исполню обещания. Подожди меня здесь.

И, повторяя дикий вой, она бросилась за двумя матросами, которые остановились и встречали смехом и неприличными словами крик «волчицы».

Когда насытившийся грек остался один, ему стало противно приключение. Актеон — афинянин, которого оспаривали друг у друга в Керамике самые богатые гетеры прекрасного города, оказался под покровительством несчастной блудницы порта и любим ею!.. Чтобы не встречать ее более, он покинул лестницу и пошел бродить по переулкам. Он во второй раз остановился у той харчевни, где почувствовал страдания голода. Там шла настоящая оргия. Хозяин прятался за прилавком. Рабы спасались в кухне от ударов. Вытекшее из разбитых амфор вино казалось лужами крови. При звуках просачивающейся в землю влаги, пьяные поворачивались и криками требовали себе напитков, о которых смутно слышали во всех странствованиях, или фантастических блюд, будто бы изобретенных для тиранов Азии. Египетский геркулес лазил на четвереньках, изображая шакала, и кусал женщин, которых уже впустили в таверну. Несколько негров плясали, подражая движениям женщин, и, как загипнотизированные, не сводили глаз со своих пупков, сотрясаемых движениями живота. По углам на скамейках, при ярком свете факелов, валялись мужчины в объятиях женщин, запах голого и потного тела смешивался с запахом вина; в этой атмосфере отвратительной вони некоторые матросы, забыв всякий стыд, отказывая с пренебрежением куртизанкам, ласкали друг друга и предавались половому извращению, свойственному той эпохе.

Среди этого беспорядка несколько человек около прилавка, казалось, совершенно спокойно о чем-то спорили. Это были двое римских солдат, один карфагенянин и один кельтиец. Медленность их речей, принимавших от гнева повышенный тон, их налитые кровью глаза, их ноздри хищных птиц, все более раздувающиеся, указывали на степень их опьянения, упрямого, задорного, оканчивающегося нередко убийством.

Римлянин вспоминал о своем участии четырнадцать лет тому назад в битвах при Эгастских островах.

— Знаем мы вас! — дерзко обратился он к карфагенянину. — Вы — республика торговцев, рожденных от бесчестия и лжи. Если надо дорого что-нибудь продать и обмануть покупателя, то в этом вы всех превзойдете, но если говорить о настоящих людях, о воинах, то первенство принадлежит нам, сынам Рима, держащим одной рукой соху, а другой копьё.

И он гордо поднял свою коротко остриженную голову и надул бритые щеки, на которых легли глубокие следы от подвязей шлема.

Актеон в окно смотрел на кельтиберийца, который один между ними молчал, хотя не спускал своих пламенных глаз с бронзовых лат и открытой шеи римского легионера, будто его привлекали выпуклые вены, выступавшие на его коже. Без сомнения, грек уже видел эти глаза где-то. Так, встречая старого знакомого, мы не можем вспомнить его имя. Наблюдательный грек почувствовал, что в наружности кельтиберийца было что-то поддельное.

«Я бы поклялся Меркурием, что этот человек не то, чем он кажется. Он не похож на пастуха, и цвет его бронзовой кожи темнее цвета кожи даже загорелого кельтийца. Во всяком случае его падающие на плечи волосы фальшивые...»

Он не мог продолжать своих наблюдений за этим человеком, так как его внимание поглотил все разгоравшийся между легионером и старым кельтийцем спор, прерываемый шумом, царившим в харчевне.

— Я также участвовал в тяжелом деле при Эгастаке, — говорил карфагенец. — Там я получил рану, которая так избороздила лицо мое. Еще не доказано, что вы нас победили!.. Я много раз видел, как ваши корабли убегали от наших, и насчитывал сотнями трупы римлян на сицилийских полях. Ах, если бы Ганон не опоздал явиться на поле битвы!.. Если бы Гамилькар прислал подкрепление!..

— Гамилькар! — презрительно воскликнул римлянин. — Этот великий полководец просил нас о мире!.. Торговец, превратившийся в завоевателя!..

И он смеялся с дерзостью сильного, не обращая внимания на возмущение карфагенянина, который задыхался и не находил слов возражения.

Молчавший до сих пор кельтиец дотронулся рукой до старика.

— Молчи, карфагенянин. Римлянин прав. Вы, купчишки, не можете равняться с ними в сражении. Вы большего достигаете деньгами, чем мечом. Но не все же принадлежат в Карфагене к твоему сословию, родятся там и такие, которые сумеют дать отпор итальянским разбойникам.

При вступлении крестьянина в их спор римлянин принял гордый вид и дерзко, с презрением, воскликнул:

— Кто же это? Уж не сын ли Гамилькара? Этот мальчуган, мать которого, как говорят, была рабой?

— Основатели Вечного города были сыновья проститутки. Римлянин, не далеко тот день, когда карфагенский конь побьет римскую волчицу.

Легионер вскочил, дрожа от ярости, и поднял меч, но в ту же минуту вскрикнул и упал, хватаясь за горло.

Актеон видел, как кельтиец выхватил из рукава сагума нож и всадил его в ту шею, на которую смотрел, пока ее обладатель издевался над Карфагеном.

Харчевня задрожала от завязавшейся борьбы. Другой римлянин, увидев упавшего товарища, бросился с поднятым мечом на кельтийца, но получил сам удар ножом в лицо и был ослеплен хлынувшей кровью.

Удивительна была ловкость этого человека. Его движения показывали гибкость и упругость пантеры, удары сыпались на его тело, не принося ему вреда. Вокруг него летел дождь горшков, кусков разбитых амфор и бросаемых в него мечей. Но он, угрожающе подняв руку с ножом, прыгнул в дверь и скрылся.

— Держи! Держи! — кричали побежавшие за ним римляне. Привлеченные грубым удовольствием охоты за человеком, за ними последовали все те из посетителей харчевни, которые еще держались на ногах. Несколько человек, возбужденные видом крови, перескакивали через умирающего римлянина и через тела мертвецки пьяных, валявшихся

около раненого. Выйдя из харчевни, они разделились на несколько групп и по разным направлениям пустились в погоню за кельтийцем, но последний, за несколько шагов от остерии, вдруг исчез, будто сквозь землю провалился.

Весь порт заволновался. Огни забегали по молам и по узким переулкам селения, трактиры и публичные дома страдали от ярости обезумевших от гнева римлян: около их дверей начинались новые ссоры, доводившие также до кровопролития. Грек, боясь быть замешанным в какую-нибудь неприятную историю, быстро повернулся к лестнице храма. Бахис не возвращалась и грек взошел по мраморным ступеням на паперть — широкую террасу с полом из голубого мрамора, на которую падали тени от поддерживающих фронтон колонн.

Просыпаясь, Актеон почувствовал на лице своем теплоту солнца. Птицы пели на маслинах, и где-то слышались людские голоса. Приподнявшись, он увидел, что наступило уже утро, между тем как ему казалось, что прошло всего несколько секунд с тех пор, как он задремал.

Женщина, патрицианка, стояла недалеко от него и улыбалась ему. Она была закутана в длинную белую льняную одежду, спадавшую до ног и драпировавшую ее, как статую. На лоб ее спадало несколько колец рыжих волос. Ее губы были подкрашены, во взгляде ее бархатных черных глаз, окруженных тенью от усталости бессонной ночи, светилось что-то веселое и нежное. На ее руках под мантией серебристо звенели невидимые запястья, а кончик сандалии, высунувшийся из-под одежды, блестел драгоценными камнями. За ней стояли две прекрасные кельтийские рабыни с полуоткрытыми роскошными смуглыми грудями, с ногами, укутанными разноцветными тканями. Одна из них несла двух белых голубей, другая держала на голове корзину, полную роз.

В находившихся близ прекрасной патрицианки Актеон узнал Полианта и надушенного эlegantного юношу, бывшего с другим всадником на моле при встрече корабля.

Пораженный прекрасным видением, грек встал.

— Афинянин,— сказала она чистейшим греческим языком,— я Сонника, хозяйка того судна, на котором ты прибыл сюда. Мой отпущенник Полиант хорошо сделал, что принял тебя, он знает, как я сочувствую твоему народу. Кто ты?

— Меня зовут Актеон, и я молю богов, чтобы они осыпали тебя благодеяниями за твою доброту. Да сохранит Венера твою красоту на всю жизнь.

— Ты мореплаватель?.. Или торговец? Или странствуешь по свету, давая уроки красноречия и поэзии?

— Я солдат, как были все мои близкие. Мой дед умер в Италии, защитив своим телом великого Пирра, который любил его, как брата, мой отец командовал наемниками на службе Карфагена, и его несправедливо казнили во время беспощадной войны...

Он остановился, как будто это воспоминание мешало ему продолжать речь, но тотчас же прибавил:

— Я недавно сражался под предводительством Клеомена, последнего Лакедемонца. Я был его товарищем. Когда же герой был побежден, я проводил его в Александрию, а потом начал странствовать по свету, так как не выношу бездействия в изгнании. Я был торговцем в Родосе, рыбаком на Босфоре, каменщиком в Египте и сатирическим поэтом в Афинах.

Прекрасная Сонника приблизилась к нему, улыбаясь. Этот афинянин обладал всеми качествами, которые она так любила в его соотечественниках. Это был один из тех любителей приключений, привычных к непостоянству судьбы, которые, путешествуя по всему свету, под старость часто делались историками своей жизни.

— Зачем приехал ты сюда?

— Приехал сюда, как мог бы приехать в другое место. Мне предложил твой кормчий свести меня в Зацинто, и я согласился. Я хотел было остаться в Новом Карфагене. Я мог бы поступить в войско Ганнибала, достаточно было бы объявить о моем происхождении, чтобы быть хорошо принятым всюду: грекам дорого платят во всех армиях. Но здесь у вас война, а я предпочитаю драться против ино-

земцев и служить стране, где меня не знают и не причинили мне еще никакого вреда.

— И ты спал здесь эту ночь? Не нашел ночлега в гостиницах?

— Я не нашел обола в своем кошельке. Я насытился благодаря милости одной падшей женщины, которая поделила со мной свой ужин. Я был нищ и изнемогал от голода. Не смотри на меня с таким сожалением, Сонника. Я давал пиры, продолжавшиеся до утра: в Родосе мы во время песен бросали в окошко рабам серебряные блюда. Жизнь человека должна быть такой, как герои Гомера: в одном месте он царь, в другом нищий...

Полиант с интересом смотрел на этого искателя приключений, а эlegantный Лакаро, который сначала был против того, чтобы Сонника заговорила с таким плохо одетым греком, теперь приблизился к нему, отдавая справедливость изяществу греков, не зависящую от одежды, и предполагая войти с ним в дружбу, чтобы получить полезные советы.

— Приходи ко мне на дачу,— сказала Сонника,— на закате. Поужинаешь с нами. Кого ни спросишь, всякий проведет тебя к моему дому. Мое судно привезло тебя в эту страну, чтобы ты пользовался гостеприимством под моим кровом. До свидания, афинянин, я ведь тоже оттуда. Увидев тебя, мне показалось, что перед моими глазами блеснуло золотое копье Паллады с высоты Парфенона.

Сонника, улыбкой простившись с афинянином, двинулась к храму со своими рабынями.

Актеон слушал, что говорили, стоя вне храма, Лакаро и Полиант. Они провели ночь у Сонники и только утром встали из-за стола. На Лакаро еще был веночек из поблекших теперь роз. Узнав, что привезены танцовщицы из Гадеса, которых она ожидала с нетерпением, Сонника пожелала посетить корабль Полианта и, проходя мимо храма, принести жертву Афродите, что она всегда совершала, отправляясь в порт. В своих широких носилках, сопровождаемая Лакаро и рабынями, она исполнила эту фантазию, надеясь выспаться по возвращении, так как она почти всегда оставалась в постели до самой ночи.

Кормчий отправился на свой корабль, чтобы высадить танцовщиц на землю, а Актеон с Лакаро подошли к открытым дверям храма. Его внутренность была проста и красива. Это было большое квадратное помещение с отверстием в потолке, дававшим возможность свету проникать в храм. Лучи солнца, проходя через отверстие, придавали лазоревым колоннам и капителям, изображающим раковины, дельфинов, амуров с веслами в руках, аквамариновый неопределенный цвет моря. Из полутемной от нежной дымки фимиамов глубины белая, гордая, ослепительная в своей наготе, выступала перед очарованными глазами людей богиня, будто только что родившаяся из пены морской. Недалеко от двери находился алтарь. Перед ним жрец в белой льняной мантии, придержанной на голове венком из цветов, принял из рук Сонники ее дары.

Выйдя на перистиль, она с любовью окинула взором пенящееся море, порт, блестящий как тройное зеркало, зеленую долину и далекий город, золотившийся под утренними лучами солнца.

— Как хорошо!.. Актеон, посмотри на наш город. Греция не прекрасней.

У подножья лестницы ждали ее носилки, настоящий домик с красными занавесями, с пучками прелестных страусовых перьев по четырем углам ее кровли. Их держали восемь атлетов-рабов. Сонника приказала войти рабыням в свое движущееся жилище, отстранила Лакаро, с которым обращалась, как с низшим существом, допуская фамильярность ради каприза, и, обратившись к греку, стоявшему на вершине лестницы, еще раз улыбнулась ему, сделала знак рукой, до ногтей покрытой драгоценными украшениями, которые при каждом движении рассыпали в воздухе блестящие искры.

Быстро удалились носилки по городской дороге, а Актеон в то же время почувствовал ласковое прикосновение к его шее.

То была Бахис, казавшаяся при свете солнца еще более грязной и оборванной. У нее был подбит глаз и несколько синяков на руках.

— Я не могла прийти раньше,— сказала она со смирением рабыни,— только недавно заплатили мне.

Вот люди! Едва только дали мне достаточно, чтобы заплатить Лаис... Всю ночь, в то время, как они меня мучили, как я чувствовала на лице дыхание этих утомившихся сатиров, я думала о тебе, мой бог.

Актеон отвернулся, избегая ее ласк. От этой пьяной и усталой после испытаний ночи несчастной пахло вином.

— Ты презираешь меня? Я видела, как ты разговаривал с богатой Сонникой, которую друзья ее называют первой красавицей в Зацинто. Ты будешь ее любовником? Понимаю, что она влюбилась в тебя, но ведь в конце концов она такая же женщина, как и я... Скажи, Актеон, почему не сделаешь меня своей рабой?.. Заплати только одной ночью...

Актеон отстранил руки, старавшиеся обнять его, и поглядел на дорогу, где звучали трубы и в пыли блестели шлемы и копыя.

— Это легаты Рима,— сказала куртизанка. И привлеченная чарами этих воинов, действовавшими на ее детское воображение, она быстро спустилась с лестницы, чтобы быть ближе к зрелищу.

Впереди шли трубачи римского флота, трубя в свои громадные металлические трубы, с щеками, повязанными шерстяными полосами. Толпы граждан провожали посланников, ехавших верхом на мохнатых кельтских лошадях. Их копыя были покрыты касками с тройными султанами, хранившими следы ударов, полученных в схватках с туземцами. Следовали на белых конях старейшины сагунтинского сената; они держались неподвижно, седые бороды их спускались на грудь, их темные мантии, придержанные на голове тиарой с бахромой, спускались до стремян. Римский стяг, увенчанный изображением волчицы, несли сильные моряки, и за ними ехали легаты с открытыми, стриженными головами; один был толстый, с тройным подбородком, другой худой, нервный, с ноздрями хищной птицы. Их латы были из чеканной бронзы, их ноги обуты в металлические котурны, а на крутые бедра их спускались юбочки цвета отстоя вина, украшенные золотыми тесемками, которые шевелились при малейшем прыжке лошадей.

Подъезжая к молу, шествие встретилось, среди рыбаков, матросов и рабов, с толпой женщин, укутанных в плащи, которых вел старик с нахальными глазами и влажным ртом, имевшим то отталкивающее выражение, которое принимают евнухи от общения с порабощенными женщинами. Это были танцовщицы из Гадеса, привезенные Полиантом, и теперь проходившие незамеченными, так как все внимание толпы было обращено на проводы отъезжавших моряков.

Несколько женщин из рыбацкого порта предлагали легатам венки из душистых горных цветов на длинных стеблях.

Возгласы раздавались в группах матросов всех стран.

— Да здравствует Рим! Да защитит вас Нептун! Да сопутствуют вам боги!

Актеон услышал смех за собой и, обернувшись, увидел кельтийского пастуха, убившего накануне легионера.

— Ты здесь? — спросил мрачно грек. — Ты один и не прячешься от римлян, которые ищут тебя?

Повелительные глаза, те странные глаза, возбуждавшие в Актеоне смутные воспоминания, гордо смотрели на него.

— Римляне!.. Презираю и ненавижу их. Я пошел бы без страха на сам их корабль. Занимайся твоими делами, Актеон, и не заботься о моих.

— Как, ты знаешь мое имя? — воскликнул грек со все более возрастающим удивлением, восхищенный в то же время совершенством, с которым пастух говорил по-гречески.

— Знаю и твоё имя, и твою жизнь. Ты сын Лизастра, полководца на службе Карфагена, и бродишь по всему свету, не находя нигде удовлетворения.

Грек, такой сильный и самоуверенный во всем, чувствовал смущение перед этим загадочным человеком.

Последний, следя за проводами, повернулся спиной к Актеону. При виде блестевшей на солнце волчицы, сопровождаемой восторженными криками сагунтинцев, глаза его наполнились еще большим презрением и гневом.

— Они считают себя сильными, потому что их защищают римляне. Они воображают, что Карфаген погиб, потому что торгашеский сенат боится разорвать трактаты с Римом. Обезглавили сагунтинцев, бывших друзьями Карфагена, старыми друзьями семьи Барков, и ездили на поклон к Гамилькару, когда он отправлялся в свои экспедиции. Они знают, что есть некто, кто не спит и во время мира... Мир распростерся между этими двумя народами. Или один, или другой!

Восторженные крики народа, провожавшие лодку, которая отвозила легатов на Либурнику, как будто бичом хлестнули пастуха, и при звуках труб с корабля, он, стиснув зубы, со сверкающими от ярости глазами, протянул свои сильные руки к кораблю и прошептал со скрытой угрозой:

— Рим!.. Рим!..

II. Город

Дорога, называемая Змеиной, по которой шел Актеон, подымалась в гору.

Навстречу ему попадались телеги, нагруженные мехами с маслом и амфорами вина. Вереницы рабов, согнувшихся под тяжестью нош, с ногами, покрытыми пылью, сторонились и давали ему дорогу с покорностью и робостью, внушаемую им свободным человеком. Грек остановился на минуту у масляных мельниц, где скованные рабы вертели огромные каменные жернова, и продолжал подыматься на горы, наверху которых виднелись красные дозорные башенки, своими огнями возвещавшие Сагунту о приближении кораблей или движении турдетанцев на противоположном склоне гор, где начинались их владения.

Плодоносная земля золотилась восходящим солнцем. Из дач, из деревенских домов, из бесчисленных жилищ, расположенных в долине, шел народ по Змеиной дороге в город.

Большая часть сагунтийского народа жила в долине, обрабатывая землю. В городе жили только купцы, богатые землевладельцы, чиновники и иностранцы. Когда грозила опасность, когда турдетанцы намеревались совершить нашествие на страну, весь народ бросался в город, ища защиты в его стенах; крестьяне, со всеми своими стадами, смешивались с ремесленниками и искали убежища в том месте, которое обыкновенно посещали только в базарные дни.

Видя идущий в город народ, Актеон догадался, что это был день рынка на форуме; шли крестьянки с корзинами, покрытыми листьями, на головах, одетые только в одну темную тунику, обрисовывавшую формы их крепкого тела. Крестьяне, загорелые, мускулистые, с телом покрытым звериной шкурой и куском грубой ткани, погоняли запряженных в телеги волов или навьюченных осликов; по всему пути раздавались колокольчики стад коз и мычание коров, в пыли, поднимаемой их ногами. Некоторые семьи уже возвратились, показывая с гордостью то, что променяли в палатках форума на свои фрукты; друзья их останавливались, чтобы полюбоваться тканями, кусками красной глины, женскими украшениями из грубо обработанного серебра, поздравляли их, довольных обладателей, восклицанием *salve!*

Загорелые девочки, с крепкими, худыми членами и большими лбами, с волосами, подобренными по кельтиберийскому обычаю, шли по двое, неся на плечах шести, на которых висели пучки цветов для городских дам. Другие несли закрытые листьями от пыли большие тирсы, увитые красными вишнями. Время от времени они шалили, прыгали и подражали голосам и жестам богатой молодежи Сагунта, которая, к всеобщему скандалу города, сходилась в сад Сонники, чтобы воспроизводить перед изображением Диониса очаровательные безумства Греции.

Актеон любовался красотой пейзажа: рощи фиговых деревьев, слава Сагунта, уже покрылись листьями и зелеными ветками и спускались до земли; виноград изумрудными волнами расстилался повсюду по дальним горам до рощ пиний и каменных дубов; маслины, посаженные симметрично, казались витыми колоннами с капителями из листьев.

Этот прелестный пейзаж возбуждал в греке воспоминания детства. Эта долина была прекрасна, как его родина, Греция; туда он вернется, если боги захотят прекратить его отчаянные скитания по свету.

Пройдя более часа по направлению к городу, он достиг бесчисленных построек Акрополя. При повороте дороги он заметил, что люди останавливаются перед широким каменным алтарем, на котором раз-

ворачивала свои кольца из голубого мрамора громадная змея. Крестьяне клали перед неподвижным пресмыкающимся с узкой головой и открытой ядовитой пастью, хотевшей, казалось, проглотить их, цветы и кружки с молоком. На этом самом месте змея ужалила несчастного Закинфа, когда он с похищенными в Героне быками возвращался в Грецию; около его тела, сожженного на высоте Акрополя, вырос город. Народ поклонялся змее, как одному из основателей их родины, и, с ласковыми словами, приносил ей дары, неизвестно куда потом исчезающие. Последнее давало повод верить, что змея оживала в темноте и что в бурные ночи далеко слышен был ее свист.

При приближении к Сагунту по сторонам дороги возвышались гробницы с надписями, привлекавшими внимание проходящих. За ними раскинулись сады дач, окруженные заборами, через которые перевешивались ветки фруктовых деревьев. Рабы смотрели за детьми, обнаженными и с явным греческим типом, игравшими и борющимися между собой. У калитки одного из садов толстый старик смотрел на снующую бедноту холодным взором разбогатевшего торговца. На террасе одной виллы Актеон заметил афинскую прическу крашенных в золото волос и около нее опахало из разноцветных перьев азиатских птиц. Это была одна из дач, принадлежавших покинувшему дела богатым негоциантам.

Приближаясь к реке Бетис-Перкес, отделявшей город от полей, грек увидел перед собой девушку, почти ребенка, с целым стадом коз. Гибкая, стройная, худенькая, с темной бархатной кожей, она казалась бы мальчиком, если бы ее короткая, с разрезом на боку туника не открывала нежную округленность груди, похожую на бутон распускающегося цветка. Ее черные, влажные, большие глаза освещали таинственным блеском лицо, между ее красных, сухих от ветра губ блестели белые, сильные и ровные зубы. Волосы, приподнятые с затылка, она украсила гирляндой из маков, собранных во ржи. Она несла на плече без всякого усилия тяжелую сеть, полную кружков белого сыра, свежего, не потерявшего еще запах пахтанья, а свободной ру-

кой ласкала белую шерсть рогатой козы, ее любимицы, прижимавшейся к ее ногам и позванивавшей своим колокольчиком.

Актеон залюбовался этой девушкой, молодость которой превозмогала усталость тяжелого труда. Ее гибкость и стройность напомнили ему танагрские фигурки на столах афинских гетер и надменную юность канефор, изображенных на греческих вазах.

Девочка несколько раз взглянула на него и, наконец, улыбнулась, показывая белые зубы с доверчивостью молодости и с сознанием, что ею любят.

— Ты грек? Правда?..

Она говорила, как и люди в порту, странным наречием этого открытого для всех торгового города — наречием, смешанным из кельтийских, греческих и латинских слов.

— Я из Афин. А ты кто?

— Меня зовут Ранто, а моя госпожа — богатая Сонника. Ты, верно, слышал о ней? У нее корабли во всех портах, сотни рабов, и пьет она в золотых чашах. Видишь, над маслинами в сторону моря розовую башенку? Это вилла, где она живет, когда хочет удалиться из города. Я прислуживаю ей на даче в это хорошее время. Мой отец заведует ее стадами, и она часто приезжает к нам поиграть с козами.

Актеон был смущен тем, что только и слышал разговоры о Соннике с тех пор, как ступил на сагунтинскую землю. Имя этой роскошной женщины, которую одни называли «богачкой», а другие «куртизанкой», было на всех устах. Пастушка, которой, казалось, понравился иностранец, продолжала:

— Она добрая. Иногда она бывает грустная, говорит, что она погибнет от тоски среди своих богатств, что ко всему она равнодушна; в такие минуты она способна позволить распять всех своих рабов. Когда же она бывает весела, она добра и не наказывает нас. Наше горе — ее управляющий, иберийский отпущенник. Он начальник над рабами и каждую минуту грозит нам плетью и крестом. Он сколько раз сек моего отца за пропавшего ягненка, за сломанную ногу козы, за несколько капель молока, оставшихся в сыворотке. И меня бы не раз

побил, но не смеет, потому что видел, как меня ласкала Сонника.

Ранто, от рождения привыкшая к ужасному положению рабов, говорила о нем совершенно просто.

— Зимой,— продолжала она,— я уйду с отцом в горы и с нетерпением дожидаясь хорошей погоды, когда госпожа приедет на дачу, и я спущусь в долину, где растут цветы. Тогда я могу весь день проводить в тени деревьев с моими козами.

— Откуда ты научилась говорить по-гречески?

— Сонника говорит по-гречески с богатыми гостями и с рабами, которые им служат. К тому же...

Она на минуту остановилась и покраснела.

— К тому же,— оживленно продолжала она,— на этом языке говорит мой друг Эросион, сын стрелка Мопсо из Родоса; мой друг помогает мне стеречь коз, когда он не работает в гончарне, которая тоже принадлежит Соннике.

Она указала на обширные мастерские на берегу реки, знаменитые сагунтинские гончарные заводы; поверх их земляных стен поднимались купола горнов, похожие на гигантские красные улья.

Около дороги, среди деревьев, раздались нежные, но безумно радостные звуки свирели, и юноша, почти одних лет с Ранто, соскочил на дорогу. Единственную одежду высокого, стройного, босого мальчика составляла оленья шкура, скрепленная у левого плеча и оставлявшая открытым правое. Его глаза горели, его черные волосы с синим отливом, в густых локонах, развевались при нервных движениях его головы. Его крепкие, худые руки, с кожей, натянутой над выступающими венами и жилами, были окрашены до локтей красной глиной.

Глядя на правильный профиль красивого отрока и на его нервные движения, Актеон вспомнил учеников афинских скульпторов, тех юных артистов, которые солнечным утром, перед тем как идти в мастерскую, своими шалостями в портиках Керамика скандализировали мирных граждан.

— Это Эросион,— сказала Ранто, нежно улыбаясь своему другу,— хотя он родился в Сагунте, но он грек, как ты, иностранец.

Юноша смотрел не на девушку, а на незнакомца.

— Ты правда из Афин? — восторженно воскликнул он.— Да в этом не может быть сомнений! Ты похож на Улисса во время его странствований, о которых рассказывает отец Гомер. Я видел твое изображение на вазах и барельефах. И по осанке и по одежде ты похож на супруга Пенелопы. Кланяюсь тебе, сын Паллады!

— А ты тоже раб Сонники?

— Нет,— с гордостью ответил отрок.— Ранто — раба, но когда-нибудь не будет ею, а я — свободный, мой отец Мопсо, грек из Родоса, первый стрелок Сагунта. Когда он приехал сюда, все его имущество состояло из лука и стрел, а теперь он богат и с последнего похода против турдетанцев он — первый человек в сагунтинской милиции. Я работаю в гончарных заводах Сонники, она меня любит. Это она дала мне имя Эросион, потому что ребенком я был похож на амура. Я не принадлежу к тем рабочим, которые мнут глину или вертят станки, чтобы придать форму вазам. Меня называют художником: я вылепливаю листья и разных животных, я на память изваял голову Дианы, а на днях я вылепил из глины великий сагунтинский герб! Знаешь, какой он? Корабль без парусов с тремя рядами весел и над ним Победа с распущенными крыльями опускает на него венок. Я могу, если хочешь, сделать твой портрет...

Он как бы сконфузился от своих последних слов и продолжал с грустью:

— Но ты осмеешь меня, иностранец! Ты приехал из той великой страны, о которой рассказывал мне отец. Ты видел Парфенон, Палладу Афины, видную морякам раньше самих Афин, процессии лошадей в мефонах, чудеса Фидия!.. Как бы я хотел поглядеть на это все! Когда приходит какой-нибудь корабль из Греции, я убегаю с завода и целый день провожу в тавернах моряков. Я пью с ними, дарю им фигурки в неприличных позах, которые смешат их, только для того, чтоб они рассказали мне о том, что они видели: о храмах, статуях, картинах, но их рассказы не успокаивают, а сильнее возбуждают мое желание... Ах, если б Сонника согласилась! Если

бы она позволила мне отправиться с одним из тех кораблей, которые поднимают свои паруса, чтобы пуститься в путь к Греции!..

Потом он энергично прибавил:

— Вот эта, моя милая Ранто, одна меня удерживает. Если б она не существовала, я давно бы нашел какого-нибудь капитана, и если нельзя бы было иначе, продал бы ему себя в рабство, чтобы путешествовать по свету, видеть Грецию и сделаться одним из тех художников, которым там воздают почести, как богам!

Некоторое время они шли молча в пыли, поднятой козами. Юноша, идя за руку с Ранто, стал опять веселым.

— А ты зачем приехал сюда? — спросил он Актеона.

— Приехал так же, как твой отец: я не имею средств и хочу предложить свои услуги сагунтинской республике в ее войне.

— Поговори с Мопсом. Ты найдешь его или на форуме, или в Акрополе, около храма Геркулеса, где собираются правители. Он будет рад видеть тебя; он любит своих соотечественников и поручится за тебя.

Снова наступило молчание. Грек наблюдал любовные взгляды молодых людей, пожатия их сплетенных рук, нежность, с которой их здоровые молодые тела прикасались друг другу. Эросион, исполняя молчаливую просьбу своей возлюбленной, вынул из-за пазухи свирель из тростника и стал тихо наигрывать на ней нежную пасторальную мелодию, на которую козы отвечали своим блеянием.

Грек догадался, что его присутствие было лишнее для этой парочки, тем более, что они заметно замедляли свои шаги.

— Прощайте, дети. Не торопитесь, молодость всюду приходит вовремя. Мы увидимся в городе.

— Да хранят тебя боги, иностранец,— ответила Ранто.— Если тебе что-нибудь нужно, ты встретишь меня на форуме, я там буду продавать и этот сыр, и тот, что привезет утром в телеге садовник.

— Прощай, афинянин. Поговори с моим отцом, но не выдавай, с кем ты встретил меня.

Вода речки доходила до половины колес телег, переправлявшихся через нее, Актеон между ними перешел на ту сторону и направился вдоль стен, любуясь их крепостью; глыбы неотесанного, ничем не связанного камня поддерживали стены и башни.

В главных воротах города в конце Змеиной дороги, Актеону пришлось остановиться, столько столпилось народа, лошадей и телег в узком, крытом проходе. В городе, прислоненный к стене, был храм Дианы, древнейший в мире, доставлявший не мало славы сагунтинцам. Актеон взглянул на крышу из толстых можжевелевых досок,— постройку, замечательную своей древностью, и поспешил в город. Он очутился в прямой улице; в конце ее возвышались здания, окаймлявшие громадную четырехугольную площадь с красивыми аркадами, под которыми кипела толпа. Это был Форум. Над черепичными крышами виднелись без конца белые дома лепившегося по горе города, а еще выше стены Акрополя, колонны и скульптурные фризы его храмов.

Улица, ведшая к Форуму, напомнила Актеону прибрежную часть Пирея. На ней селились негоцианты и ремесленники, большей частью греки. Всюду кипела торговая жизнь.

Рабы несли тюки с товаром; юноши с завитыми бородками и носами хищных птиц записывали на восковых таблицах свои счета, около дверей домов, на маленьких столах лежали образчики товаров: кучи ржи или шерсти и куски минералов из рудников. Продавцы, стоя, облокотившись у притолоки, говорили с покупателями, усиленно жестикулируя и жалобно призывая богов в свидетели того, что торговля разорвет их.

У некоторых лавок хозяева, одетые в миртовые и пурпуровые сандалии, молча слушали разговоры, смотрели зорко своими глазами сфинксов и поглаживали кольца своих надушенных бород. Это были африканские, азиатские, карфагенские, египетские и финикийские купцы, хранившие в домах своих много сокровищ: золотые украшения, слоновые клыки, страусовые перья и куски амбры. В дверях виднелись богатые женщины в белых мантиях, окруженные рабами, опьяненные ароматами едких

азиатских и таинственных восточных духов; они в разговоре выставляли на крыльцо свои розовые мордочки. Среди прочего товара резко кричали привезенные из разных мест редкостные птицы и торжественно распускали, как мантии, свои перья.

Быстро окинув все это взором, Актеон вошел на Форум. Был базарный день, и вся жизнь города сосредоточилась на этой большой площади. Огородники разместили близ портиков горы своих овощей; пастухи из долины складывали кучи сыров и ставили кувшины с молоком; женщины из порта, загорелые и почти голые, предлагали свежую рыбу. С края площади пастухи с гор, дикого вида, вооруженные копьями, караулили коров и лошадей, пригнанных для продажи. Они были кельтийцы и, как о них говорили, ели при случае и человеческое мясо. На площади они чувствовали себя как в тюрьме, и недружелюбными глазами смотрели на тесноту и движение, столь отличные от свободы их бродячей жизни. Богатство Сагунта возбуждало их разбойничьи вожделения. Сжимая в руках копья, они бросали злобные взгляды на наемников-солдат, охранявших на ступенях одного храма сенатора, которому было поручено отправлять правосудие в базарные дни.

Среди площади шумели, торгуясь люди, одетые в пестрые наряды и говорившие на разных языках. Проходили доброжелательные граждане, просто одетые в белое, с рабами, несшими в сетках провизию, купленную на неделю; греки, в широких хламидах шафранного цвета, осматривали все и долго торговались, прежде чем купить какую-нибудь безделицу; сагунтинские граждане, иберийцы, потерявшие из-за бесконечных скрещиваний свою первоначальную грубость, старались подражать римлянам, народу, который в то время пользовался наибольшим уважением. Тут же были и жители из центра страны, бородатые, у которых желание побывать на базаре побороло их постоянную ненависть к городу и в особенности к грекам, из-за их изысканности и роскоши.

Несколько кельтийцев из племен, соседних с Сагунтом, верхом на лошадях, стояли среди Форума

ма, не оставляя копий и покрытых бычьей шкурой щитов. Одетые в тройной шлем и кожаные латы, они, казалось, были во вражеской стране и ожидали нападения. В это время их ловкие, загорелые и мужественные жены, размахивая широкими платьями с каймой самых ярких цветов, бегали по всему рынку, останавливаясь с детским восторгом у прилавка какого-нибудь грека, торговавшего стеклянными бусами и грубой работы бронзовыми ожерельями и браслетами.

Плащи из тонкого льна и пурпура смешивались с голыми членами рабов и с кельтийским черным шерстяным сагумом, сдерживаемым на плечах медным кольцом. Греческие прически, перекрещенные красными лентами, соломенные колпачки, похожие на пламя факела, низкие лбы, как верх красоты, мешались с прическами кельтиберийских женщин, подбравших волосы, чтобы их загорелые лбы казались большими. Некоторые из этих женщин имели на шее стальной ошейник, от которого шли вверх железные проволоки, соединявшиеся над головой и с этой клетки уже опускалось покрывало, оставляя открытым огромный лоб, блестящий и светящийся, как луна.

Актеон долго смотрел на странные прически и на бойкий, мужественный вид этих женщин. Его тонкое чутье грека подсказало ему, что было бы небезопасно засматриваться на стоявших среди Форума варваров, смотревших с ненавистью на землепашцев и торговцев. Это были хищные птицы. Чтобы быть сытыми в своих горных ущельях, они должны были прибегать к разбою. Окруженному таким народом Сагунту неминуемо предстояло сразиться с ними.

Думая об этом, грек вошел под портики, где собирались люди праздные, среди палаток брадобреев, менял и продавцов вина и прохладительных напитков. Это было похоже на галереи афинской Агоры. В уменьшенном виде это была обстановка его родного города. Важные граждане сидели на принесенных для них рабами складных стульях у палаток, прислушиваясь к новостям; сплетники переходили от одной группы людей к другой, переда-

вая самые удивительные ложные известия; паразиты, гонявшиеся за приглашением на ужин, льстили богачам и дурно говорили о проходящих; педагоги без места крикливо спорили о каком-нибудь правиле греческой грамматики; молодые граждане жаловались на старых сенаторов и утверждали, что республика нуждается в более сильных людях.

Много говорили о последних победах над турдетанцами. Теперь они не поднимут головы; их царь Артабан, ушедший в дальний угол своих владений, получил хороший урок. И молодые сагунтийцы смотрели с гордостью на висевшие на пилястрах копья, щиты и шлемы — трофеи их побед. Это было оружие сотен турдетанцев, убитых и взятых в плен. В палатках брадобреев продавались мебель и украшения, добытые у врагов сагунтинскими воинами. Никто не желал приобретать их. Город был наполнен такой добычей, сагунтинское войско пригнало вереницы телег с вещами, целые полки людей и множество скота. Все, думая о победах, улыбались с той холодной жестокостью древних воинов, которая заставляла побежденных считать рабство великой милостью.

Около храма, где совершалось правосудие, был рынок рабов. Они сидели в кружке на земле, обхватив руками колени и упираясь на них головой. Рожденные в неволе, покорно, как животные, ждали нового хозяина; мускулы их были истощены от голода, бритые головы покрыты белыми шапками. Другие, которых сторожили с большим вниманием, были бородаты и на волосах их лежали венки из веток в знак того, что они были военнопленные. Это были турдетанцы, не внесшие за себя выкупа. Мысль, что они попали в рабство, заставляла их глаза блестеть яростью. Многие из них были скованы, у многих на телах зияли раны. Рты их судорожно сжимались, будто хотели укусить, а некоторые из них потрясали остатками обрубленных рук: они лишились их в борьбе с племенами, жившими внутри страны и имевшими обыкновение таким образом делать своих врагов безвредными.

Сагунтинцы смотрели равнодушно на врагов, превращенных в вещи, в скот суровым законом

войны и, забывая их, разговаривали о делах города, о борьбе партий, которая как будто прекратилась после вмешательства римлян. На ступенях ближайшего храма еще виднелись пятна крови обезглавленных друзей Карфагена, а приверженцы Рима выражали свое одобрение энергичным поступкам посланников республики. Теперь, под покровительством Рима, город будет жить спокойно.

Актеону, слушавшему эти разнообразные разговоры, вдруг показалось, что среди людей, стоявших на ступенях храма, находится тот кельтийский пастух, который накануне убил римлянина, но его черный сагум скрылся в толпе, и грек не знал, действительно ли это был он.

Утро приходило. Актеон провел много времени на рынке; пора было подумать о делах. Он надеялся увидеть стрелка Мопсо в Акрополе и направился туда по узким, мощенным булыжником улочкам с белыми домами, женщинами, прядущими у порогов.

Близ Акрополя грек полюбовался циклопическими стенами, сложенными из больших глыб камня так искусно, что они не нуждались в цементе. Здесь была колыбель города, основанная товарищами Закинфа, оставшимися между грубыми туземцами.

Пройдя под широким сводом, он очутился на самой вершине горы, на площади, окруженной стенами, которая могла бы дать убежище всему народонаселению Сагунта. На этом громадном пространстве, без всякой симметрии, возвышались общественные здания, как память о тех временах, когда город еще не распространился по направлению к морю. С высоких стен виднелись обширные обработанные поля, принадлежащие республике, простиравшиеся за Суром, вдоль морского берега, до границ страны Олькадов. По берегам Беатис-Перкеса виднелось множество деревень и дач, а по склону горы веером развевывался город, окруженный стенами, над которыми среди садов как бы выскакивали домики.

Актеон рассматривал в Акрополе храм Геркулеса, колоннаду, где собирался сенат, монетный двор, храм, где хранились сокровища республики, арсенал, казарму наемных войск и подымавшуюся над

всеми этими зданиями башню Геркулеса, громадную циклопическую постройку, с которой яркие огни, повторяя сигнал сторожевых башен берега и порта, распространяли тревогу по всей сагунтинской территории. В настоящую минуту толпа рабов кончала, под руководством греческого художника, последние украшения маленького храма, воздвигнутого в Акрополе Сонницей в честь богини Минервы.

Сагунтинцы, пришедшие сюда любоваться своим городом, и наемники, чистившие свои доспехи у дверей казарм, с любопытством поглядывали на грека.

Сагунтинец, одетый в красную римского покроя тогу и опиравшийся на толстую палку, подошел и заговорил с ним. Это был человек средних лет, сильный, с завитыми волосами и бородой, с добрым выражением глаз и улыбки.

— Скажи мне, грек, — спросил он ласково, — зачем приехал ты сюда? Ты купец или мореход? Не ищешь ли ты серебро, которое разрабатывают кельтиберийцы?..

— Нет. Я бедняк, странствующий по свету и хочу предложить свои услуги республике, как воин.

Сагунтинец грустно заметил:

— Я бы должен был догадаться об этом, видя твое оружие... Солдаты, все солдаты!.. В прежние времена в городе трудно было увидеть меч или кинжал. Приезжали к нам иностранцы, привозили нам свои товары, брали наши, и жили мы мирно, как описывают поэты. Теперь греки и римляне приезжают вооруженные: собаки, предлагающие пасти стадо, которое без них кормилось спокойно, не опасаясь врагов. При виде воинственных приготовлений, радости, с которой наши юноши рассказывают о последнем походе против турдетанцев, мне становится страшно за судьбу города и моих близких. Теперь мы сильнее, но почему мы знаем, не придет ли к нам более сильный и не наложит ли на нас рабских цепей?..

Он с грустью взглянул на любимый город.

— Чужестранец, — продолжал он, — меня зовут Алько, а друзья прозвали «осторожным». Старшие сенаторы внимают моим советам, но молодежь не

следует им. Я торговал, я ездил по свету, у меня жена и дети; я считаю, что в мире благоденствие народов и что мир следует удерживать всеми силами.

— Я Актеон, афинянин. Я был мореплавателем — в бурю погибли мои суда; я был купцом — и потерял свое состояние. И Меркурий, и Нептун обошлись со мной как бесчеловечные родители. Я много наслаждался, много страдал, а теперь нищий; я продаю свою кровь и свои мускулы.

— Плохо поступаешь, афинянин: ты был человеком и хочешь сделаться волком. Знаешь, что мне нравится в твоём народе? То, что вы смеетесь над Геркулесом с его подвигами и поклоняетесь Палладе Афине. Презираете силу и превозносите ум и мирные искусства.

— Сильная рука столь же ценна, как и голова, в которую Зевс вложил свое пламя.

— Да, но эта рука убивает голову.

Актеона возмутили слова Алько.

— Знаешь ты стрелка Мопсо?

— Ты найдешь его близ храма Геркулеса. Ты его узнаешь по оружию, которое он никогда не покидает. Он из тех, кого привлекает сюда злой дух войны.

— Прощай, Алько.

— Да хранят тебя боги, афинянин.

Актеон узнал храброго грека по луку и колчану за его плечами. Это был крепкий человек с длинной бородой; вокруг его седых кудрей была закручена воловья жила, служившая для натягивания лука. Его развитые мускулы показывали, сколько надо было употребить напряжения, чтобы натянуть его тугой лук.

Он обратился к Актеону с тем уважением и сочувствием, с которыми относились к афинянам греки, жившие на островах.

— Я поговорю в сенате,— ответил он на предложение Актеона.— Моего слова будет достаточно, чтоб тебе дали место, соответствующее твоим достоинствам. Ты сражался когда-нибудь?

— Я был на войне с лакедемонами под начальством Клеомена.

— Знаменитый полководец; до нас дошли рассказы о его подвигах. Что случилось с ним?

— Я оставил его, когда он, побежденный, но не падший духом, спасся в Александрию. Там он жил под покровительством Птолемея; однако, я теперь слышал в Новом Карфагене, что вследствие придворной интриги он впал в немилость, египетский монарх подослал к нему убийц и Клеомен с его двенадцатью товарищами погибли, защищаясь. Когда он пал, перед ним была гора трупов.

— Дстойный героя конец... Где ты учился военному искусству?

— Я начал в Сицилии и Карфагене, в лагерях наемников, а кончил свое воспитание в Пританее в Афинах. Мой отец Лизастр был на службе у Гамилькара и был казнен карфагенцами во время их войны с наемниками — войны названной «безжалостной».

— Хорошая школа и достойный ответ. Прежде, чем я поступил на службу Сагунта и бродил по свету, до моего слуха доходило его имя... Привет тебе, Актеон! Если хочешь, поступи в гоплиты, ты будешь в первом ряду фаланги, у тебя будет тяжелое вооружение и широкая пика... Впрочем, нет! Вы, афиняне, любите сражаться налегке. Ваше преимущество в быстроте, а не в силе. Ты будешь пельтастом с копьем и легким щитом, называемым пельта; ты будешь драться свободно, и о твоих подвигах наверняка заговорят.

Мимо двух греков прошло несколько стариков, которым стрелок низко поклонился.

— Это сенаторы, — сказал он, — они собираются, потому что базарный день. Многие из них прибывают сюда на носилках из своих поместий. Они собираются там, около той колоннады.

Актеон видел, как старики усаживались на деревянные кресла с изогнутыми ножками и с головой немейкого льва над спинками. По их лицам и одеждам можно было заметить, какое разнообразие народностей скопилось в городе. У приехавших из своих ферм бородатых, смуглых иберийцев были полотняные, подбитые шерстью панцири, короткие, обоюдоострые мечи, висевшие через пле-

чо, и шапки из такой твердой кожи, что могли служить шлемом. Греческие же купцы были бритые, задрапированные в белые хламиды, из которых высывалась обнаженная правая рука; тесьма связывала их волосы на подобие короны, и они опирались на палки с заостренным верхом. Они напоминали греческих царей, соединившихся против Трои.

Между ними Актеон заметил гиганта с черными курчавыми волосами. Из-под его красной материи виднелись выдающиеся мускулы и жилы.

— Это Терон,— сказал стрелок.— Он главный жрец Геркулеса; поразительный человек, получивший венок в олимпийских играх, убивающий быка одним ударом кулака по шее.

Актеону во второй раз показалось, что он видит между сенаторами фигуру кельтийского пастуха, но стрелок заговорил, и он обратился к нему.

— Начинается заседание; я должен стать на ступенях и ожидать приказаний. Поди, Актеон, и подожди меня на Форуме. Там ты встретишь моего сына. Ты говорил, что видел его уже по дороге? Наверно с ним была пастушка Сонники? Не смущайся, Актеон, не лги. Я верно догадался. Ах, дети! Этот бродяга, вместо того, чтобы работать, бегаёт по полям с рабой!..

Несмотря на строгость слов стрелка, в его тоне слышалась нежность; он, очевидно, предпочитал другим детям этого свободолюбивого капризного артиста, на целые недели исчезавшего из отчего дома, чтобы слоняться по горам или порту.

Греки расстались. Когда Актеон направился к Форуму, он снова увидел снующего по Акрополю таинственного кельтийского пастуха. Входя в портики, грек услышал крики и свистки: толпы людей смеялись и ругались, народ выходил из палаток брадобреев и продавцов благовоний. Группа нарядной молодежи важно проходила в толпе, не обращая внимания на свистки и насмешки, раздававшиеся по их адресу.

Это была золотая молодежь Сагунта, богачи, подражавшие обычаям афинской аристократии, утрируя их в силу отдаления и дурного вкуса. Актеон

улыбнулся, видя, как неуклюже сагунтинцы подражали своим далеким образцам.

Впереди шел Лакаро, сопровождавший Соннику в ее утреннем посещении храма Венеры. Они были одеты в ткани ярких цветов, столь прозрачные, что тело сквозило; платья их напоминали одежду гетер на пирах. Их бритые щеки были нарумянены, а глаза подведены темной краской; волосы их завитые, напомаженные и надушенные, были перевиты лентой. У некоторых из них висели длинные серьги и бренчали запястья. Иные облакачивались на маленьких рабов с белыми шеями и густыми локонами, рабов, которые своими округленными формами напоминали девушек. Как будто не слыша брани и насмешек народа, они говорили между собой о греческих стихах, сочиненных одним из них, обсуждая их достоинства и какой должен быть для них аккомпанемент на лире; они прерывали свой разговор только, чтобы погладить по щеке своих юных рабов или поклониться знакомым; в глубине души они были очень довольны скандалом, произведенным их появлением на Форуме.

— Не говорите мне, что они подражают грекам,— кричал в одном кружке старик с остроумным лицом и грязной, заштопанной мантией педагога без места.— Огонь богов падет на этот город. Верно ли то, что наш отец Зевс в минуту страсти унес Ганимеда? А Леда? И все бесчисленные красавицы, которые поддавались пламенному властителю Олимпа?.. Хороша бы была гармония мира, если бы люди стали подражать богам и все оделись бы женщинами, как эти дураки. Хотите видеть грека? Вот он: это настоящий сын Эллады.

Он указал на Актеона, на которого обратились любопытные взгляды окружающих.

— Как ты будешь смеяться, иностранец, над этими несчастными, так грубо подражающими нравам твоего отечества! — продолжал кричать этот хулигатель с внешностью нищего.— Знаешь, я философ. Единственный философ в Сагунте, поэтому ты поймешь, что этот неблагодарный народ дает мне умирать с голоду! Я в молодости был в Афинах, учился в тамошних школах, потом отправился по свету

искать истину. Я ничего не выдумал, но знаю, что говорили люди о душе и мире. Хочешь я скажу тебе на память целые параграфы из Сократа и Платона или речи великого Диогена? Я знаком с твоим отечеством и стыжусь за свой город при виде этих дураков. Знаешь, кто виновник всех этих постыдных чудачеств? Это Сонника, которую зовут «богачкой», бывшая куртизанка, которая кончит тем, что превратит Сагунт в позорище, разрушит традиции города, грубые, но здоровые нравы прежнего времени.

При имени Сонники раздались возгласы неодобрения.

— Вот видишь! — закричал еще яростнее философ. — Они ее поклонники, рабы, боящиеся правды. Имя Сонники для них — имя богини. Видишь вот этого? Сонника дала его отцу большую сумму денег без процентов на покупку зерна в Сицилии, вот он поэтому не может слышать, чтобы ее осудили. А этот за нее стоит, потому что она выкупила его отца из рабства, и все они, те, что сейчас хотят съесть меня, все получили от нее какие-нибудь милости и наверное постараются отомстить мне за мои слова. Они, рабы, защищают ее, как какое-нибудь божество. Так как их много, то правительство не смеет наказать эту гречанку, сумасбродства которой скандализуют весь город. Ну, бейте меня, купчишки! Бейте единственного правдивого человека в Сагунте!

Молодежь стала удаляться с бранью по адресу философа.

— Ты должен бы проявлять более благодарности, — сказал один из уходивших, — если ты обедаешь только у Сонники.

— Буду у нее ужинать и сегодня, — дерзко ответил философ, — ну, так что это доказывает? Я ей в лицо скажу то, что говорил здесь!.. И она будет смеяться, как всегда, тогда как вы будете слюнки глотать в ваших домах, думая о ее ужине.

— Неблагодарный! Паразит! — ответил, презрительно пожимая плечами, один из уходивших.

— Благодарность — добродетель собак; человек доказывает свое совершенство, понося тех, кто ему

покровительствует... Если не желаешь, чтобы философ Евфобий был паразитом, то и давай ему содержание в замен его мудрости.

Но Евфобий говорил напрасно: слушатели его все исчезли. Оставался только Актеон, с интересом рассматривавший человека, встреченного в чужом городе и так походившего на тех голодных и невежественных философов-плебеев, которые кишели вокруг академии в Афинах.

Увидев себя без окружавшей его публики, Евфобий взял грека за руку.

— Ты один достоин того, чтобы меня слушать. Видно, что ты оттуда и умеешь различать людей по их достоинству.

— Кто эта Сонника, так возмущающая тебя? Знаком ты с ее жизнью? — спросил афинянин, желавший что-нибудь узнать о прошлом женщины, о которой толковал весь город.

— Как не знать! Тысячу раз она мне сама рассказывала в минуты меланхолии и скуки; когда я более не в силах смешить ее своей мудростью, она начинает говорить о своем прошлом, да так небрежно, точно говорит с собакой. Это длинная история.

Философ прищурился и показал глазом на дверь помещения, где виднелись ряды амфор.

— В доме Фульвия нам будет удобнее. Это честнейший римлянин, он поклялся не иметь дело с водой. У него есть удивительное ауронское вино. Отсюда слышен его аромат.

— У меня нет ни одного обола.

Философ потянул носом любимый запах вина и сделал неодобрительный знак. Несмотря, однако, на это, он посмотрел с нежностью на грека.

— Ты достоин того, чтобы слушать меня! Ты беден, как и я, среди этих купцов, наполняющих серебром свои лавки!.. Если нет вина, будем прогуливаться, это освежает мысли. Я буду обращаться с тобой, как Аристотель со своими любимыми учениками.

И, прохаживаясь вдоль портиков, Евфобий начал рассказывать то, что знал о жизни Сонники.

Она предполагала, что родилась на Кипре, острове любви. По тем побережьям, где по словам поэтов из плещущей пены морской родилась Вене-

ра Афродита, женщины острова искали моряков, чтобы отдаться им в память богини. От такой встречи женщины с гребцом родилась Сонника. Она смутно помнит первые годы своей жизни, протекшие на палубе корабля; она прыгала по скамьям гребцов, ее кормили как живущих на корабле котят и так же пренебрегали ею; она побывала во многих портах с разным народонаселением, с различными одеждами и нравами; но она их видела издали, как бы во сне, потому что никогда не сходила на землю.

Прежде чем она сделалась женщиной, она уже была любовницей хозяина судна, самосского моряка. Потому что она ему надоела или из-за выгоды, он продал ее беотийцу, державшему публичный дом в Пирее. Маленькой Соннике не было еще двенадцати лет, а она уже обращала на себя внимание среди других блудниц Пирея, главного центра афинской проституции.

Иностранцы, шулера, юноши, убежавшие от отцовской строгости, ютились в той окраине Афин, которая простиралась вокруг портов Пирея и Фаралоо и составляла предместье Эстирон. Едва спускалась ночь, как весь этот буйный, испорченный народ собирался на главную площадь Пирея, между крепостью и портом, где начинали появляться проститутки, которых только в сумерки выпускали из их жилищ. Под портиками площади игроки бросали кости, странствующие философы спорили между собой, спали бродяги, рассказывали о своих странствованиях моряки; и среди этой разношерстной толпы ходили проститутки с нарумяненными лицами, почти голые или в пестрых, ярких мантиях африканского и азиатского происхождения. Здесь выросла и развилась молодая дочь Кипра, сходясь каждую ночь то с хлеботорговцем из Вифинии, то с продавцом кожи из Великой Греции, с людьми грубыми и веселыми, которые перед возвращением на родину тратили часть приобретенных денег с афинскими куртизанками. Дни Сонники проводила в доме довольно бедной наружности, украшением которого служила только эмблема плотской любви,— вывеска заведения. Двери были всегда открыты, охраняемые собакой на цепи; шерстяная завеса

едва отдергивалась, как в открытом внутреннем дворике уже виднелся сидящий и лежащий на земле живой товар дома: женщины, истощенные страстью, и еще не сформировавшиеся девочки, все голые. Тут перемешивались темные пушистые тела египтянок с бледными гречанками и белыми шелковистыми телами азиаток...

Сонника, звавшаяся тогда Мирриной (именем, данным ей моряками), устала от жизни в этом доме. Здесь все были рабыни, которых беотиец бил, если посетитель уходил недовольным. Ей противно было получать два обола — цену, установленную законом Солона — из мозолистых рук, причинявших боль, лаская; ее тошнило от пьяных и грубых людей, искавших минутного удовольствия и сменявшихся все новыми и новыми, с тем же приливом желаний, возбужденных солью моря, с теми же капризами и одинаковыми требованиями.

В одну из ночей она посетила в последний раз храм Венеры Пандемонийской, выстроенный Солонем на главной площади Пирея, положила по оболу у статуй Венеры и ее спутницы Пифо — двух богинь, чтимых куртизанками, что она делала часто, прежде чем отдаться на берегу моря или у большой стены, воздвигнутой Фемистоклом для соединения порта с Афинами, своим случайным любовникам. Потом она пошла в город, радуясь свободе и питая надежду сделаться одной из афинских гетер, роскошью и красотой которых она любовалась издали. Она жила, как жили свободные и бедные проститутки, называемые афинской молодежью волчицами. Первое время она иногда не ела целыми днями, но считала себя гораздо счастливее своих бывших товарок из Фаралейского порта или предместья Эстирон — рабынь содержателей публичных домов.

Местом ее деятельности теперь сделался Керамикон, окраина Афин, простиравшаяся от Керамикских до Динильских ворот, где находится сад Академии и гробницы знаменитых граждан, погибших за республику. Днем туда прибывали известные гетеры или присылали своих рабочих узнать, написаны ли их имена на стенах Керамикона. Афинянин, желавший сношения с какой-нибудь куртизанкой, писал

на стене ее имя и цену, которую он мог дать ей, и если это ей оказывалось подходящим, то она у этой надписи ждала сделавшего предложение. При свете солнца гетеры показывались там почти обнаженными, в красных сандалиях, в цветистых мантиях, с венками роз на волосах, покрытых золотой пудрой. Поэты, риторики, артисты и знаменитые граждане гуляли по зеленым садам или открытым портикам Керамикона, разговаривая с куртизанками и ломая головы, чтобы остроумно ответить им.

Ночью же толпа бедных, оборванных женщин слонялась между гробницами знаменитостей. Это были подонки забавлявшихся Афин, живущие свободно и искавшие темноты ночи: старые куртизанки, с помощью сумерек зарабатывавшие свой хлеб на том самом месте, где когда-то царили своей красотой; женщины, вырвавшиеся из публичных домов; рабыни, на несколько часов убежавшие от хозяев, и женщины из народа, искавшие в проституции облегчения своей нужде. Присев около могил или под кустом лавра, они были недвижимы, как сфинксы; когда же шаги какого-нибудь человека нарушали тишину Керамикона, из всех углов подымались слабые призывы. Часто, увидев агента, которому было поручено собирать с куртизанок пошлину, установленную законом Солона и составлявшую главнейший доход Афин, они обращались в бегство. Проходивший здесь в полночь после пира, чувствовал вокруг себя дыхание невидимого мира, слышал стоны и движение по зеленой траве и белой площади. Поэты смеясь, говорили, что это вздохи великих людей о профанации их могил.

Так жила Миррина до пятнадцати лет, проводя ночи на Керамиконе, а день — в хижине старухи из Фессалии, которая, как все ее соотечественники, считалась колдуньей и жила тем, что продавала любовные напитки и раскрашивала физиономии постаревших куртизанок.

Чему только не научилась маленькая волчица у этой костлявой и безобразной старухи! Она помогала ей примешивать свинцовое белило к рыбьему клею, чтобы этой мазью сглаживать морщины, приготавлила муку из бобов для растирания груди и живота,

что придавало гладкость и крепость мускулам; наполняла флаконы антимонием, придающим блеск глазам; распускала кармин, чтобы слегка раскрашивать морщины, покрытые известным составом. Она с величайшим вниманием слушала умные советы старухи, преподававшей своим ученицам искусство рельефно выставлять свои внешние достоинства и скрывать недостатки. Старая фессалийка советовала маленьким полным девушкам носить подошвы из корки, а высоким тонкую обувь и втягивать голову в плечи; она изготовляла выпуклости для худых, корсеты для полных; красила сажей седые волосы, а тем, у кого были хорошие зубы, советовала держать в них веточку мирта и смеяться при каждом слове.

Молодая девушка пользовалась ее доверием и потому помогала ей в самых опасных предприятиях: составлении любовных напитков и разных чар, из-за которых ее не раз преследовали служащие при Академии. Наиболее зажиточные гетеры обращались к ее искусству со своими желаниями радости или мести. Чтобы помочь бессилию мужчины или бесплодию женщины, надо было в их чаше вина утопить маленькую рыбку; чтобы привлечь любовника, надо было на огне из веточек тмина и лавра спечь мучную лепешку без дрожжей; чтобы обратить любовь в ненависть, надо было идти по следам означенного человека, ступая правой ногой на след его левой ноги и приговаривать: «против тебя иду по следам твоим». Если желали возвратить охладевшего любовника, то старуха поворачивала в руках бронзовый шар и прижимала его к груди, моля Венеру, чтобы названный человек также вертелся у дверей его бывшей любовницы. Если же это не помогало, то колдунья бросала в волшебный костер восковое изображение любимого человека, обращаясь ко всем богам с просьбой, чтобы его сердце растопилось любовью, как растопилась его восковая фигурка. К этим заклинаниям часто прибавлялись лекарства, составленные из разных возбуждающих средств, причинявших иногда смерть.

В одну лунную весеннюю ночь одна встреча заставила Миррину бросить лачугу фессалийки. Её зов, слабый и нежный, как стон, обратился на нее

внимание человека в белом плаще, с венком из вялых роз. По блеску глаз и шатающейся походке можно было предположить, что он пьян.

Миррина догадалась, что это знатный гражданин, возвращающийся с пира. Это был поэт Сималион, молодой аристократ, получивший венок на олимпийских играх и считавшийся в Афинах наследником Анакреона. Его стихи читали под аккомпанемент лиры гетеры на пирах, а честные граждане, краснея от волнения, в уединении гинекея. Самые знаменитые красавицы Афин ссорились из-за него. Слабый, несмотря на молодость, как бы не в силах перенести тяжесть всеобщего внимания, удалялся он в храм Эскулапа, отправлялся ко всем чудотворным источникам Греции и островов, но лишь только мучившее его кровохарканье прекратилось и здоровье улучшилось, он бросал лечение и возвращался к пирам, к гетерам и прелестным грешницам, переходил из одних объятий в другие, платил за их ласки стихами, которые облетали весь город, прожигал свою жизнь, как факел, переходивший во время праздника Диониса из рук в руки вакханкам, пока не пропадал в бесконечности.

Возвращаясь с одной из таких оргий, он встретил Миррину. Увидев при свете луны ее свежую, почти детскую красоту в месте, посещаемом самыми последними волчицами, он не поверил своим глазам. Перед ним была Психея с крепкими, круглыми грудями, как опрокинутая прекрасной формы чаша, с линиями тела, столь мягкими и правильными, что не сумели бы создать ничего подобного и скульпторы Академии. Поэт почувствовал такое же наслаждение, как когда проходя по дороге из Афин к порту, вдоль стены Фемистокла, ему приходили в голову последние строфы какой-нибудь оды.

Сонника хотела пригласить его в хижину фессалийки, но Сималион, ослепленный мраморным телом, сквозившим сквозь рубище, увел ее в свой великолепный дом на улице Треножников, сделав ее его хозяйкой, окружил рабами и дорогими одеждами.

Такая фантазия поэта огорчила Афины. И в Агоре, и в Керамиконе только и говорили, что о новой любовнице Сималиона.

Важные гетеры, так желавшие завоевать поэта, оскорбились тем, что он увлекся девочкой из публичного дома, испытавшей, вероятно, много приключений в Пирее. Сималион возил ее на своей колеснице, запряженной тройкой лошадей с подстриженными гривами, на все праздники в храмах Греции; сочинял для нее много стихов и под дождем падающих на постель цветов будил чтением их свою возлюбленную. Он давал пиры своим друзьям-артистам, наслаждаясь их завистью, когда заставлял ее, обнаженную, стоять на столе, во всем великолепии ее чистой красоты, возбуждавшей в этих греках почти религиозное чувство.

Верная Сималиону сначала из благодарности, а потом из любви к поэту и его произведениям, она обожала его как артиста и как любовника. Скоро она научилась играть на лире и декламировать его стихотворения в разных стилях, прочла библиотеку своего любовника, могла поддержать разговор с художниками, посещавшими его вечера и, наконец, прослыла одной из умнейших гетер Афин.

Сималион, все более увлекаясь своей милой, беззаветно тратил жизнь и деньги. Для нее он выписывал из Азии ткани, вышитые фантастическими цветами, сквозь которые просвечивал перламутр ее тела, золотой порошок для волос, чтобы она была похожа на богинь, изображавшихся в Греции всегда белокуроыми; давал поручение купцам привозить из Египта самые свежие розы. Иногда он в припадке кашля падал в изнеможении, бледный и с горящими глазами, в объятия своей любовницы. После двух лет, проведенных таким образом, в один осенний вечер, лежа в своем саду, склонив голову на колени красавицы, следя за ее белыми пальцами, перебиравшими струны лиры, он в последний раз услышал свои стихи, спетые свежим голосом Миррины. Солнце осветило последними лучами верхушку копья Минервы в Парфеноне; его слабые руки едва могли поднять чашу, полную вина и меда; он сделал усилие, чтобы поцеловать свою возлюбленную. Розы его венка облетели и покрыли лепестками грудь Миррины; он издал тихую жалобу, закрыл глаза и склонился в

объятия женщины, которой посвятил остаток своей жизни.

Молодая женщина оплакивала его с отчаянием вдовы. Она обрезала свои роскошные волосы и положила их на его могилу, она оделась в темного цвета шерстяную одежду, как добродетельные афинянки, и осталась в доме, пустом и одиноком, как гинекей.

Но необходимость жить и поддерживать ту роскошь, к которой она уже привыкла, иметь лошадей, рабов и наездников, заставила ее вспомнить о своей красоте и возбудить в гетерах страх перед новой соперницей. С головой, покрытой рыжим париком, укутанная прозрачными покрывалами, выдававшими округленные линии ее груди, увешанной жемчугом, с руками, до плеч покрытыми запястьями, она показалась у высокого окна своего дома, как богиня у входа храма. Самые богатые афиняне простаивали ночи на улице Треножников, чтобы увидеть *вдову поэта*, как ее с насмешкой называли в Керамиконе. Некоторые, более храбрые и сгоравшие желанием, поднимали указательный палец, в виде безмолвной просьбы, но напрасно ждали они жеста, которым гетеры изъявляли свое согласие, складывая большой и указательный пальцы в форме кольца.

Через некоторое время они старались достигнуть возможности хотя бы посетить дом знаменитой куртизанки. Шли толки о том, что в минуты скуки она ночью впускала к себе молодых скульпторов, изваявших свои первые вещи в садах Академии, или поэтов, читавших свои непризнанные стихотворения праздным людям на Агоре, людей, которые за любовь могли заплатить несколько оболлов или, самое большее, драхму. Богачи же, предлагавшие несколько мин, чтобы войти в дом, не могли удовлетворить своего желания. Старая куртизанка рассказывала с некоторым уважением, что один азиатский король, проездом в Афинах, дал Миррине за одну ночь два таланта,— то, что тратили в год некоторые греческие республики,— а красивая гетера, не тронутая такой щедростью, позволила ему быть около нее только пока вылилась

одна склянка ее часов. Чувствуя отвращение к мужчинам, она мерила любовь песочными часами.

Сказочно богатые купцы, приезжая в Пирей, искали протекцию, чтобы попасть в дом Миррины. Они давала взятки бродячим артистам, принятым у нее, чтобы получить приглашение на ее ужин. Некоторые из них, прибывшие накануне с целым флотом товаров, продавали их с кораблями, чтобы войти в дом поэта, и возвращались в свою страну нищими, но довольные завистью и уважением, которое возбуждали в товарищах.

Таким образом она познакомилась с Бомаро, молодым иберийцем, закинфским купцом, пришедшим в Афины с тремя кораблями, нагруженными кожами. Куртизанке понравилась его нежность, так отличавшаяся от грубости других торговцев, испорченных жизнью в портах. Он говорил мало и краснел, как будто долгое молчаливое пребывание на море придавало ему скромность девушки; когда его просили рассказать о его приключениях, он делал это правдиво, не упоминая о пережитых опасностях и детски восторгаясь греческой культурой.

Во время ужина при первом знакомстве Миррина заметила его обращенный к ней взгляд, полный нежности и уважения, будто обращенный к богине, недоступной желанием. Этот моряк, воспитанный среди варваров, в колонии, почти не сохранившей следов Греции, возбудил в куртизанке более живой интерес, чем окружающие ее афиняне и богатые купцы. Дрожа и путаясь в словах, молил он даровать ему, как милость, одну ночь, и провел ее, не столько в чувственном, сколько в духовном восторге перед ее царственной наготой, перед ее дивным голосом, усыплявшим его теплым материнским напевом.

При отъезде он хотел отдать ей все состояние, заключающееся в грузе его кораблей, но Миррина, сама не зная почему, несмотря на его просьбы, отказалась принять его дар. Он был богат, не имел родителей и там, в варварской стране, обладал громадными имениями, сотнями рабов, работающих на его полях и в его рудниках, большими гончарными заводами и множеством кораблей, таких же, как

стоявшие в Пирее. Когда куртизанка, глядя на него с улыбкой, как на щедрого ребенка, отказалась принять его деньги, он купил на улице «Золотых дел мастеров» великолепное жемчужное ожерелье, служившее вожделием всех гетер, и подарил его перед отъездом Миррине.

Однако он возвращался несколько раз. Не мог решиться вернуться домой. Отправлялся со своей флотилией, но из первого же порта брал груз для Афин, не думая о цене, и войдя в Пирей, бросался в дом куртизанки, не решаясь уехать и в то же время боясь, что его присутствие неприятно Миррине.

Кончилось тем, что куртизанка привыкла к этому смиренному любовнику: он всегда был у ее ног, он готов был умереть за нее, и выражал свое обожание с горячностью варвара, не со скептической и шуточной вежливостью афинян. Она его называла *братом*, и это слово, употребляемое гетерами по отношению к очень молодым людям, приобретало в ее устах оттенок искренней нежности. Иногда он долго не возвращался из поездок на острова, она ждала его возвращения; увидев его в дверях, бежала к нему с распростертыми объятиями и с радостью, с которой не встречала никого из своих остальных друзей.

Она не любила его, как своего поэта, но страстная преданность Бомаро, его любовь, покорная и смешанная с уважением, так непохожая на похотливое чувство других, возбуждали в Миррине чувство благодарности.

Один раз ибериец, с большою нерешительностью, осмелился высказать ей свою мысль.

Он не мог жить без нее; он никогда не вернется в Закинф; он потеряет все свое состояние, но расстаться с ней не может. Лучше он будет крючником на Фаралейском молу... И вдруг, как бы для того, чтоб скорей отделаться от возможного препятствия, он предложил ей быть его женой, обещал отдать ей все свое состояние, увести ее в веселый Закинф, с цветущими полями и розовыми горами, похожими на горы Аттики.

Миррина смеялась, слушая его, но в душе она была тронута самоотвержением иберийца, который

чтобы соединиться с ней, закрывал глаза на ее прошлое. Куртизанка с улыбкой, шутливо отказывалась, но Бомаро был настойчив. Неужели она не устала от жизни, где ее покупают, как дорогую вещь, где грубые люди, считая себя ее господами за горсть золота, презирают ее? Разве не лучше ей быть повелительницей в Иберии, обожаемой народом, который будет восхищен ее талантами афинянки?

Бомаро своим любовным упорством победил ее, и в один прекрасный день куртизанки Афин увидели с грустью, что дом в улице Треножников был продан, что рабы несли на корабли иберийца, украшенные красными парусами, как для какого-нибудь торжества, сокровища, собранные в три года безумного успеха.

Куртизанка, чтобы успокоить человека, так всецело отдавшегося ей, решила оставить в Афинах воспоминания о своем прошлом. Она решила быть новой женщиной, забыть свое позорное имя и, не желая называться некрасивыми иберийскими названиями, приняла имя Сонники, которое так нравилось ей.

Приехав в Закинф, моряк и гречанка венчались в храме Дианы при полном сборе сенаторов, к которым принадлежал и молодой человек. Весь город ощутил очарование, как бы исходящее от всей личности Сонники. Это было как дыхание далеких Афин, безумно обрадовавшее греческих купцов в Сагунте, огрубевших от долгого пребывания среди варваров.

На пирах, когда она пела гимны, сочиненные великими художниками, вся молодежь из греков готова была пасть к ее ногам и молиться ей, как богине. Через год после брака Бомаро уже чувствовал в хозяйстве помощь этой женщины, при перемене жизни занявшейся материальными заботами и употреблявшей все усилия, чтобы затушить ропот честных граждан по поводу ее прошлого.

Она следила за работами в поле, на гончарных заводах, присутствовала при выгрузке кораблей, и громадное состояние Бомаро увеличивалось вследствие разумных советов, которые она давала своим тихим, мелодичным голосом, лежа под кустами лавров, в то время, как рабыня освежала ее веером из перьев.

Бомаро, удовлетворенный в своей любви, часто плавал по берегам Иберии, желая еще увеличить состояние, которым так хорошо управляла Сонника. Она была окружена толпой греческих юношей, рожденных в Сагунте, желавших узнать у нее обо всех обычаях Афин. Злые языки в городе звали ее Сонникой-куртизанкой, а народ и мелкие торговцы, которым она много помогала, звали ее Сонникой-богачкой и готовы были драться со всеми, кто поносил ее.

После четырех лет счастливого брака Бомаро утонул в зимнюю бурю близ Геркулесовых столбов, и Сонника осталась полной хозяйкой громадного состояния и, благодаря богатству и доброму сердцу, получила огромное влияние в городе. Она освободила нескольких рабов в память погибшего морехода, принесла дары во все храмы Сагунта, воздвигла в Акрополе памятник Бомаро, выписав для работ над ним греческих художников. Своим великодушием она заставила суровых граждан забыть ее происхождение и терпеть ее веселую, свободную жизнь, ее греческие обычаи среди иберийского общества.

Когда прошло время траура она стала давать пиры, продолжавшиеся до рассвета; выписала из Афин известных флейтистов, и их игра сводила с ума сагунтинскую молодежь; ее корабли принимали путешествия с единственной целью привозить ей благовония Азии, ткани Египта и фантастические украшения Карфагена; ее слава так распространилась, что некоторые кельтиберийские царьки приезжали в Сагунт, чтобы познакомиться с этой удивительной женщиной, добродетельной, как жрица, и прекрасной, как богиня. Греки восхищались тем, что с ней возвеличивалось превосходство их соотечественников над туземцами, а последние ценили ее щедрость. В ее дом не входили другие женщины, кроме рабынь, флейтисток и танцовщиц; она была окружена мужчинами, боготворившими ее, но не сближалась ни с одним. Она обращалась с ними просто, но холодно, принимая их ухаживание, но ничего большего не позволяла им. Она мечтала только об Афинах, о лучезарном городе ее юности, и старалась на чужбине воссоздать его нравы.

В этом месте своего рассказа философ Евфобий горячо утверждал чистоту ее жизни. По словам греков торгового квартала Сонника не имела любовников, и он, самый злой язык города, уверяет в том же. Несколько раз она склонялась в пользу кого-нибудь из своих знакомых; Алорко, сын одного из царей Кельтиберии, произвел на нее впечатление мужественной и гордой красотой горного жителя. Но в последнюю минуту Сонника отступила, как бы убоявшись смешения с низшей расой. Воспоминание об Аттике наполняло ее воображение. Если бы приехал какой-нибудь афинский юноша, красивый, как Алкивиад, поэт или ваятель, ловкий, как участник олимпийских игр, она упала бы в его объятия, но дерзкие кельтиберийцы, приехавшие на игры верхом и при вооружении, или женоподобные сыны купцов, завитые, надушенные, ласкающие маленьких рабов, сопровождающих их в бани, не были опасны для нее.

— Ты, афинянин,— продолжал философ,— должен представиться ей, ты будешь хорошо принят... Хотя ты и не юноша,— прибавил он, улыбаясь,— у тебя уже седеет борода, но в твоём облике есть что-то, напоминающее царей Илиады, а в чем величие Сократа? Кто знает, может быть, ты будешь наследником богатств Бомаро? Если это случится, не забудь бедного философа. Я буду доволен бурдюком лауронского вина, хотя ты теперь и не утолил мою жажду...

И Евфобий смеялся и хлопал Актеона по плечу.

— Я приглашен к Соннике сегодня вечером,— сказал грек.

— Вот как! Ну, мы там увидимся. Меня не приглашают, но я вхожу по праву домашней собаки.

Мимо разговаривающих прошел Алько, миролюбивый гражданин, возвращающийся с Акрополя.

— Это один из лучших людей в городе. Он проповедует мне добродетель, советует работать и забыть философию, но всегда дает мне чего-нибудь выпить. До ночи, иностранец!

Он побежал за Алько, который, опершись на палку, с добродушной улыбкой поджидал его. Актеон направился к центру рынка. Его позвал детский

голос. Это была Ранто, сидевшая на земле между опустевшими уже кувшинами молока и продававшая последние круги сыра. Около нее на корточках присел молодой гончар. Они ели пирог с луком и, играя и смеясь, вырывали друг у друга куски. Пастушка предложила Актеону кусок пирога и сыра, что он принял с благодарностью, так как был голоден. Казалось, это была его судьба, получать в Сагунте помощь от женщин: это случилось уже два раза, с тех пор, как он приехал.

Сидя с двумя детьми, он заметил, что рынок пустеет. Пастухи гнали свои стада к морским воротам; кельтиберийские вожди, взяв на лошадей своих жен, торопились в свои горные жилища; и опустевшие телеги громыхали, направляясь за город.

Снова увидел Актеон кельтиберийского пастуха, снующего между народом и прислушивающегося к разговорам. Проходя мимо грека, он взглянул на него тем таинственным взором, который возбуждал нежные воспоминания.

Вдруг молодой гончар встал и бросился бежать, прячась за колоннадой форума.

— Он увидел своего отца,— спокойно заметила Ранто.— Вот идет Мопсо, спускаясь с Акрополя.

Актеон встал навстречу стрелку.

— Моего слова было достаточно, чтобы сенат принял тебя. Городу нужны хорошие воины. Старшины очень озабочены сегодня: боятся Ганнибала, этого Гамилькарова волчонка, который поднимает карфагенян и не снесет спокойно нашей дружбы с римлянами и казни его здешних союзников... Смотри: это задаток тебе от республики.

Он подал горсть монет, которые Актеон положил в свою сумку. Затем Мопсо пригласил его к себе познакомиться с его сыновьями и отобедать с ними, но афинянин поблагодарил, извиняясь тем, что уже приглашен к Соннике.

Простясь со стрелком, Актеон почувствовал жажду и, вспомнив рекомендацию философа, зашел к тому римлянину, лавронское вино которого восторгалось Евфобия. Он разменял денарий и получил глиняный кувшин искрящегося красного вина. В углу лавки два грубых наемника с разбойническими

физиономиями пили вино. Один был ибериец, другой ливиец, с большой головой и атлетическими формами, со щеками, огрубевшими под шлемом, шеей и руками, изборожденными ранами. Он был одним из тех воинов, которые за деньги одинаково готовы служить как одному народу, так и его врагу.

— Я на службе Сагунта,— говорил ливиец,— эти купцы платят более, чем карфагеняне. Хотя я и доволен службой у этого народа, но считаю, что они напрасно делают неприятности Ганнибалу. Рим имеет большое значение, но Рим далеко, а этот львиный щенок недалеко отсюда. Я его видел ребенком, когда служил его отцу Гамилькару. Бегаёт он, как беговой конь, сражается и пешком, и на лошади, как придется, одевается, как раб; более всего нравится ему оружие; спит он на земле, и часто отец по утру находил его среди сторожей лагеря. Он ничего не хотел слышать, все хотел видеть собственными глазами, проникнуть во вражеский стан, чтобы наверно узнать его слабую сторону. Газдрубал, муж его сестры, несколько раз изумлялся, когда в его палатку врвался старый нищий, и потом хохотал до слез, когда Ганнибал сбрасывал парик и рубища, которые помогли ему проводить несколько часов среди вражеской армии.

Увидев Ранто, отдавшую свои пустые кувшины рабу, уложившему их в телегу, и собравшуюся идти к жилищу Сонники, Актеон вышел из таверны.

— Я пойду с тобой, малютка. Ты меня проводишь в дом твоей госпожи.

Солнце склонялось к западу. Вечерний луч золотил зелень полей и придавал янтарную прозрачность листьям. По сельским дорогам звенели колокольчики стад, дребезжали телеги и раздавались песни возвращавшихся из города крестьян.

Пришли в громадную виллу Сонники. Прошли мимо жилищ рабов, у дверей которых кипела масса голых детей с толстыми животами и пупками, выдающимися как пуговики. Дальше шли конюшни, из которых подымался пахучий пар и несло ржание; амбары, дом управляющего, ямы с отдушинами на уровне земли, куда сажали провинившихся рабов; голубятни, высокая башня из красных досок, около

которой кружилось облако белых крыльев и слышалось нежное воркование; большие соломенные жилища сотен кур, и за всеми этими зданиями находилась уже сама вилла Сонники, о которой говорили с восторгом даже в самых отдаленных племенах Кельтиберии. Утопая в лаврах и кипарисах, окруженные решетчатой изгородью, увитой вьющимися растениями, над целым морем зелени, возвышались ее розовые стены с колоннадами и фризами из голубого мрамора и террасой.

Актеон шел молча и задумавшись. Несколько раз Ранто заговаривала с ним, не получая ответа.

— Смотри, иностранец, все, что ты можешь окинуть взглядом, все принадлежит Соннике. Смотри, грек, сколько кур. Кажется, все яйца, продающиеся в городе — отсюда.

Актеон не обращал внимания на указания пастушки; когда же она закричала у входа в сад, и внутри со звуками кимвала слился лай собак и странное чириканье невидимых птиц, грек ударил себя по лбу, как будто сделал какое-то открытие.

— Я знаю, кто это,— сказал он, как бы просыпаясь.

— Кто? — удивленно спросила девушка.

— Ничего,— ответил он холодно, боясь, что сказал лишнее.

В глубине души он был доволен своим открытием. Он вспомнил слова наемника-ливийца в таверне, и перед ним встал образ загадочного иберийского пастуха. Вдруг его мысль просветлела.

Теперь он знал, кто он. С первой минуты на него произвели впечатление глаза этого незнакомца: глаза, которых время не изменило. Эти глаза он часто видел в своей молодости, когда его отец был на войне, а он сам воспитывался в Карфагене.

Пастух был Ганнибал.

III. Танцовщицы из Гадеса

Сонника проснулась в два часа. Косые лучи солнца проникали через золоченый переплет окна, закрытого листьями вьющихся растений. Свет отражался на ярких алебастровых орнаментах, обрамлявших сцены из олимпийских игр, нарисованные на стене, и колонки из розового мрамора, украшавшие вход.

Красавица-гречанка сбросила белое покрывало из сегабийского полотна, и ее первый взгляд при пробуждении был на свою наготу. Она любовно следила взглядом за всеми очертаниями своего обнаженного тела от груди, выдававшейся гармонической округностью, и до конца розовых ног.

Роскошные, надушенные, волнистые волосы, рассыпавшись, покрыли ее тело как бы золотой царской мантией, приникая к ней от затылка до колен сладким поцелуем. Куртизанка любовалась при пробуждении своим телом с поклонением, которое вселили к ней похвалы афинских художников.

Она была молода и красива, она могла вызывать трепет волнения в людях, когда в конце пира появлялась на столе обнаженной, как Фрина. Жажда убедиться на ощупь в своей красоте, она проводила рукой по упругой шее, по перламутровым выпуклостям груди, оканчивавшимися как бы розовыми лепестками, убеждаясь в их твердости; они касались запутанной сети голубых жилок, слегка обозначающихся под атласной кожей, и мало-помалу спускалась от глубокой впадины у талии к крепким бедрам

и мягкой выпуклости живота, напоминавшей выпуклость кратеры, а отсюда к ногам, гармоническую упругость которых азиатские купцы, посещавшие Соннику в Афинах, сравнивали с хоботом слона.

Любовь коснулась ее своим огненным дыханием, но не сожгла ее: она жила среди ее пламени холодная, бесчувственная и белая, как мраморная статуя, под сиянием солнечных лучей. И видя себя еще такой молодой, красивой, девственно свежей, она улыбалась, довольная собой, довольная жизнью.

— Одацис!.. Одацис!

На звук ее голоса вошла рабыня-кельтиберийка, высокая, худая, сильная, которую гречанка очень ценила за нежность, с которой она расчесывала ее волосы.

Опираясь на ее плечи, Сонника поднялась, улыбаясь, и встала с постели, чтоб отправиться в ванну.

Волосы окутывали ее наготу, как прозрачное золотое покрывало. Прикосновение голых ног к холодному мозаичному полу, изображавшему суд Париса, заставил ее засмеяться коротким смехом, причем на щеках ее обозначились ямочки и по спине пробежала легкая дрожь.

Она спустилась с трех ступенек в яшмовый бассейн и развела руками, разбрасывая воду жемчужными брызгами. Ее тело в зеленоватой воде казалось как бы прозрачным, переливаясь фантастическими оттенками, когда она двигалась с одного конца на другой, как сирена с перламутровыми плечами и плывущей по воде волной волос.

— Кто приходил, Одацис? — спросила она, вытягиваясь в воде.

— Приходили гадесские женщины, которые будут танцевать сегодня. Полиант поместил их около кухни.

— А еще?

— Несколько минут тому назад пришел иностранец из Афин, которого ты встретила сегодня утром в храме Афродиты. Ты провела его в библиотеку и не забыла правил гостеприимства. Теперь пора выходить из ванны.

Сонника улыбалась, вспоминая об утренней встрече. Она плохо спала. Она приписывала это

бессонной ночи, проведенной с друзьями на террасе загородного дома и прогулке к городским воротам до восхода солнца. Ее несколько волновал образ, оставленный в ее воспоминании личностью афинянина, так что она даже видела его во сне. Сама не зная почему, личность Актеона сливалась у нее с представлением о Зевсе, спустившемся на землю в человеческом образе, ища земной любви.

В минуты, когда она с отвращением расточала в Афинах свои ласки, продавая их за груды золота, у нее являлось смутное желание быть любимой богом. Она думала о Леде, о Психее, об изнеженном Ганимеди, любимыми жителями Олимпа, и сердилась на невозможность встретить бога, который бы взял ее в таинственной роще или на краю одной из дорог, ведущих неизвестно куда. Ей хотелось любоваться своим образом в глубине глаз, оживленных отражением бесконечного; целовать уста, из которых исходит высшая мудрость; чувствовать себя рабой в объятиях, обладающих бесконечной силой могущества. Она испытала долю подобного блаженства, любя своего поэта, величественного и недостижимого в некоторые минуты, как божественное существо; но в юношеской простоте она не могла вполне оценить этого наслаждения, а теперь, достигнув полного развития, встречала только людей таких же, каких знала в Афинах: или грубых и невежественных или изнеженных и сумасбродных, лишенных той строгой и величественной красоты, какой она любовалась в статуях.

Выйдя из ванны, она по-детски грациозно вздрагивала, между тем как при каждом ее шаге с волос ее водяные капли падали легким дождем.

По зову Одацис вошли три рабыни, помогавшие ей в услугах ее госпоже. Их обязанностью было массировать ее.

Сонника отдалась в руки женщин, которые начали сильно растирать ее и вытягивать ее члены, чтобы придать им гибкость и легкость. Затем она села в кресле из слоновой кости, опершись порозовевшими локтями на дельфинов, образовавших ручки, и в таком положении, неподвижно и вытянувшись, ждала, чтобы рабыни приступили к ее туалету.

Одна из них, почти еще девочка, одетая в тунику с широкими полосами, присела на пол, держа большое зеркало резной меди, в котором Сонника могла видеть всю верхнюю часть своей фигуры. Другая разложила на мраморном столе принадлежности для причесывания, и Одацис начала расчесывать гребнем из слоновой кости роскошные волосы своей госпожи. Между тем прочие рабыни подошли с бронзовой патерой, наполненной серой массой. Это был порошок, который изящные афинянки употребляли для сохранения гладкости и эластичности кожи. Служанки натерли лицо, упругие груди, торс, бедра и ноги гречанки, покрыв таким образом все тело ее блестящим масляным слоем. В местах, где кожа была покрыта пушком, они провели особым составом, состоящим из уксуса и кипрской земли.

Сонника смотрела совершенно безучастно на эти приготовления к своему туалету, на минуту обезображивавшие ее, чтобы потом придавать ей ежедневно новую красоту.

Одацис продолжала причесывать ее. Она собрала роскошные волосы, спускавшиеся блестящим каскадом на ее плечи, осторожно скрутила их, обвивая вокруг руки, как огромную золотую змею, и начала разделять на пряди, чтобы высушить, а потом любовно стала разделять их гребнями из слоновой кости, лежавшими на столе — настоящее произведение искусства со своими тончайшими зубьями и резной верхней частью, представлявшей сцены в рощах, шаловливых нимф, преследующих оленей, безобразных сатиров, гонящихся за обнаженными красавицами.

Высушив волосы, парикмахерша приступила к их окраске. Из маленькой амфоры, оканчивающейся широким горлышком, она смочила их раствором шафрана и аравийской камеди и, открыв маленькую шкатулку, полную золотого порошка, посыпала им густые пряди, принявшие блеск солнечных лучей. Затем, обернув пряди на висках вокруг железной палочки, гревшейся на жаровне, завила их в локоны, покрывшие лоб гречанки почти до самых бровей, собрала массу волос на затылке, перевив их крепко красной перевязью, и закончила прическу,

придав верхним прядям вид колыхавшегося пламени факела.

Сонника приподнялась. Две рабыни придвинули массивную амфору с молоком и губкой стерли с тела своей госпожи покрывавший ее слой. Яркая белизна ее кожи засверкала еще светлее и ослепительнее.

Одацис, с серебряными щипчиками в руке, осмотрела тело своей госпожи с вниманием и знанием дела артиста, заканчивающего великое произведение искусства. Она очищала кожу от малейшего волоска; и никто не мог сравниться в нежности, с которой она удаляла тончайший пушок, проходя по всем выпуклостям и углублениям тела. Ее щипчики вырвали несколько тончайших волосков, показавшихся было под мягкой округленностью живота, там, где природа стремится прикрыться темной и бархатистой растительностью, безжалостно истребляемой греческим обычаем и стремлением подражать блестящей гладкости статуй.

Она заставила Соннику сесть обратно в ее кресло из слоновой кости и начала туалет лица. На столике, под рукой, вытягивался целый ряд стеклянных флаконов, алебастровых сосудов, бронзовых и серебряных ящичков, коробочек из слоновой кости и золота — все резное, блестящее, покрытое изящными изображениями, украшенное драгоценными камнями и содержащее египетские и европейские эссенции, аравийские благовония — ароматы и опьяняющие жидкости, привозимые караванами из глубины Азии в финикийские порты, а оттуда в Грецию и Карфаген, и приобретаемые для Сонники кормчими ее судов во время торговых поездок.

Одацис покрыла лицо куртизанки белилами и затем, смочив деревянную палочку в розовую эссенцию, обмакнула ее в черный порошок, кохель, который египетские купцы продавали по баснословным ценам, и хранившийся в бронзовой шкатулке, украшенной гирляндами лотоса. Рабыня тронула острием палочки веки гречанки и окрасила их в черный цвет, а затем провела тонкую линию в углах глаз, отчего они стали казаться больше и мягче.

Гримировка оканчивалась. Рабыни открыли многочисленные флаконы и сосуды, стоявшие на мраморном столе, и по всей комнате распространился чудный аромат сицилийского нарда, иудейского ладана и мирры, индийского алоэ и греческого аниса. Одацис взяла крошечную стеклянную амфору с золотой инкрустацией и конической крышечкой, оканчивавшейся крошечной дырочкой, служившей для того, чтобы посыпать глаза антимонием, оживляющим блеск их, и наконец подала госпоже три мази, придающие различные оттенки коже: миний, кармин и египетский пурпур, извлекаемый из внутренностей крокодила.

Рабыня стала нежно раскрашивать тоненькой кисточкой тело своей госпожи. Она нарисовала нежно розовые кружочки на щеках и маленьких ушках; положила как бы два розовых лепестка на конические оконечности груди; тронула своей кисточкой бутон жизни, обозначавшийся легкой впадиной на блестящей гладкости живота и, нагнувшись, окрасила Соннике локти и ямочки, обозначавшиеся ниже талии, в выпуклостях гармонических окружностей. Наконец, одна за одной были тронуты египетским пурпуром ладони рук и подошвы ног, которые другая рабыня обула в белые сандалии с подошвами из папируса и золотыми застежками. Всю Соннику опрыскали благовониями, каждую часть тела особенными, чтобы все оно походило на букет цветов, в котором сливались различные ароматы. Одацис поднесла госпоже ларец с уборами, среди которых драгоценные камни сверкали переливающимися пятнами. Тонкие пальцы гречанки перебирали равнодушно грудку ожерелий, повязок и подвесок, очень дорогих, подобно всем греческим украшениям, как по своей артистической работе, так и по богатству материала. На корналиновых, ониксовых и агатовых камнях были изображены почти в микроскопическом виде сцены из великих поэм, а изумруды, топазы и аметисты были украшены классическими профилями богов и героев.

На обнаженной груди Сонники засверкало ожерелье из различных камней, пальцы на руках покрылись перстнями, а белизна ее рук выступала еще

прозрачнее в промежутках между охватывающими их золотыми браслетами. Чтобы придать более выразительности лицу своей госпожи, Одацис украсила его несколькими легкими пятнышками и затем начала окружать тело ее фасцией, корсетом того времени,— широкой полотняной полосой, поддерживавшей груди, чтобы они сохраняли свою упругость, не теряя формы от тяжести. Глядя на себя в полированную бронзу, Сонника улыбнулась своему обнаженному телу, прекрасному, как тело отдыхающей Венеры.

— Что ты наденешь, госпожа? — спросила Одацис.— Потребуешь тунику с золотыми цветами, привезенную из Крита, или покрывало из каласирийской ткани, прозрачное как воздух, которую ты приказала купить в Александрии?

Сонника не знала, на чем остановиться: надо было пойти в гардеробную. И во всем величии своей несравненной наготы она, в сопровождении служанок, двинулась из спальни, шурша на каждом шагу папирусом своих сандалий.

Все это время Актеон ждал к библиотеке. В продолжение его странствований по белу свету ему приходилось видеть роскошные дворцы: видел он, за два года до его разрушения землетрясением, знаменитого Колосса Родосского; видел Серапион и могилу великого завоевателя в Александрии. Он привык к богатству и роскоши, но не мог скрыть изумления, вызванного в нем этим греческим жилищем в стране варваров, гораздо более роскошным и художественным, чем дома богатых афинских граждан.

Следуя за рабом, он прошел через сад с его густой зеленью и клетками чужеземных птиц, и через колоннаду вступил в самый дом — в протирум с его мозаичным цоколем, где были изображены собаки с огненными глазами и раскрытыми пастьями, усаженными клыками.

Над дверью была прикреплена лавровая ветвь и лампада в честь богов-покровителей дома. За протирумом, несколько темноватым, обрисовывался под открытым небом, составляя как бы легкие всего дома, атриум с его четырьмя рядами колонн, поддержи-

вавших крышу и образовавших галерею, на которую выходили двери жилых помещений, обитые до трех четвертей своей высоты гвоздями с блестящими шляпками.

По середине атриума находился *импловиум* — мраморный бассейн для стока воды с крыши, откуда она уже собиралась в цистерну. Между колоннами на пьедесталах возвышались вазы из красной глины, полные цветов. Четыре мраморных доски, поддерживаемых крылатыми львами, окружали импловиум и среди них возвышалась статуя Амура, служившая в дни празднеств резервуаром для воды.

Актеон любовался стройными прочными колоннами синеватого мрамора, такого же, как панели галереи, что придавало атриуму мягкий неопределенный оттенок, как будто все здание было погружено в море.

Проводник передал гостя Одацис, любимой рабыне, и она провела его в *перистиль* — второй внутренний двор, гораздо меньших размеров, чем атриум, по своей пестрой отделке напоминавший греческий стиль. Колонны были выкрашены при основании в красный цвет, который выше смешивался с золотом и лазурью на желобках и капителях, расходясь по архитектурным украшениям потолка над портиком. На непокрытой части перистиля, у входа, помещался глубокий водоем прозрачной воды, где, как золотые искры, сверкали сновавшие взад и вперед рыбы. Кругом него — мраморные скамьи, поддерживаемые ножками с головой Гермеса, столы на дельфинах с извивающимися шеями, кусты роз, в листве которых скрывались белые или терракотовые статуэтки, представлявшие сладострастные позы. А стены перистиля между дверями жилища были заняты большими картинами греческих мастеров: Орфей со своей тяжелой лирой, обнаженный и в фригийском колпаке, окруженный львами и пантерами, слушающими его пение, склонив головы и сдерживая рыдание; Венера, выходящая из пены морской; Адонис, которого лечит мать Амура, и другие сцены, выставившие силу искусства и любви.

К Актеону вышли два молодых раба и отвели его в ванну; по выходе из нее его снова встретила Одацис, и пригласила войти в библиотеку, помещавшуюся в глубине перистилия.

Это была большая комната с мозаичным полом, представлявшим торжество Вакха. Молодой бог, красивый как женщина, обнаженный и увенчанный виноградными листьями и розами, ехал верхом на пантере, ударяя в тирс. Стены изображали знаменитые места из Илиады. На столах были разложены книги, очень объемистые, а мелкие, в связках, лежали в плетеных корзинах, внутри обитых шерстяной тканью.

Актеона поразило богатство библиотеки, заключавшей больше ста книг. Она представляла из себя целое состояние. Мореплаватели получили от Сонники поручение приобретать все выдающиеся сочинения, какие встречали в своих путешествиях, и афинские книготорговцы передавали им интересные книги, пользовавшиеся распространением в их городе. Книги все были из папируса; полосы его обертывались вокруг *умбиликуса*, деревянного или костяного цилиндра с артистической резьбой по камням. Листья, исписанные с одной только стороны, были пропитаны с другой стороны скипидаром, в предохранение от моли. На верхней стороне, разрисованной пурпуром, блестели названия книг, написанные киноварью и золотом, имя автора и заглавие. Его почтительный взгляд переходил с Гомера на старинном папирусе, выцветшем от лет, и произведений Фалеса и Пифагора к поэтам современным: Феокриту и Каллмаку, свитки которых были развернуты, указывая на недавнее чтение.

Актеон услышал легкий скрип сандалий в перистиле, и в раме бледного золота, образованной на полу светом, проникавшим со двора через дверь, обрисовалась тень. То была Сонника, одетая в легкую белую тунику. При свете, падавшем на ее плечи, под прозрачным облаком одежды отчетливо обрисовывался восхитительный абрис ее тела.

— Приветствую тебя, афинянин,— сказала она с утонченной, гармонической интонацией.— Прибывшие оттуда — хозяева у меня в доме. Сегодняшний

пир будет в честь тебя. Покажи, как афинянин может царить за столом и вести разговор.

Актеон, несколько смущенный присутствием красивой женщины, окутанной опьяняющим благоуханием, начал говорить о доме, о своем восхищении перед его великолепием в варварской стране и о восторге, возбуждаемом его хозяйкой в городе. Все говорили ему о «богачке» Соннике.

— Да, так они меня зовут, хотя иные и критикуют меня. Но теперь поговорим о тебе, Актеон. Расскажи мне, кто ты: твоя жизнь должна быть интересна, как жизнь Уллиса. А прежде скажи мне, что нового в Афинах?

И между двумя греками завязался продолжительный разговор. Сонника желала знать, какие куртизанки были самыми известными и считались законодательницами мод; она оживилась, довольная тем, что могла вспомнить прошедшее; она помолодела, забывая свое сагунтинское богатство, она как будто снова жила на улице Треножника, а Актеон был одним из бедных артистов, посещавших ее по вечерам, чтобы потолковать по-товарищески о городских делах. Она смеялась, слушая рассказы о последних шалостях праздных людей из Агоры, песенки, бывшие в ходу год тому назад, когда Актеон уехал из Афин, и нахмурившись, с серьезностью пожилой женщины, подробно вникала в последние новости одежды и причесок наиболее знаменитых гетер.

Она удовлетворяла своему любопытству оторванной от родины афинянки, подробно расспрашивая о полной приключений жизни своего гостя. Актеон вел рассказы просто и чистосердечно. Он родился в Афинах, и переехал в Карфаген десяти лет. Его отец, состоя на службе африканской республики, воевал вместе с Гамилькаром в Сицилии. Один и тот же раб-грек смотрел в одном из внутренних селений за сыном греческого наемника и за четырехлетним мальчишкой Гамилькара — Ганнибалом. Афинянин помнил, как народ поколачивал этого маленького зверька в ответ на укусы, которыми африканец наделял его невзначай во время игр. Он описал восстание наемников со всеми ужасами,

превратившими его в беспощадную войну. Отец его, оставшийся верным Карфагену и не хотевший взяться за оружие вместе со своими товарищами, был за это распят карфагенской чернью, которая забыла раны, полученные им на службе республике, видела в нем иностранца, друга Гамилькара, ненавистного сторонниками Ганона. Актеон чудесным образом спасся от кровавой расправы, и верный раб Гамилькара отправил его на судне в Афины.

Там, благодаря покровительству одного родственника, он получил воспитание, даваемое всей греческой молодежи. Он получал награды в гимназии за атлетическую борьбу, бег и метание диска, он научился ездить на лошадях, даже не опираясь ногой о древко копья. Чтобы смягчить суровость такого воспитания, его учили играть на лире и петь стихи в различных стилях, а достигнув полного физического и умственного развития, он был отправлен, наравне со всеми афинскими юношами, для обучения воинскому искусству в один из пограничных гарнизонов.

Ему стало ненавистно подобное прозябание; он был беден, но любил удовольствия; в его жилах кипела кровь его предков, бывших солдатами, искателями приключений,— и он бежал из Африки, поступил на рыболовное судно Понта Эквинского. После этого он был мореплавателем, морским и сухопутным купцом; его караваны ходили в глубь Азии к воинственным племенам и народам, жившим изнеженной жизнью древней цивилизации, приходившей в упадок. Он был могущественным лицом при дворах многих тиранов, восхищавшихся его способностью выпивать залпом амфору душистого вина и побеждать своей афинской проворностью гигантских телохранителей на поединках. Разбогатев, он выстроил на Родосе дворец у моря и давал там пиры, продолжавшиеся по двое суток. Землетрясение, низвергшее колосса, подорвало и его богатство: его корабли потонули, и волны залили его магазины, полные товаров. Он снова начал скитальческую жизнь по всему свету. Был и учителем пения, и преподавателем военного искусства, пока, привлеченный спартанской войной, не поступил в

войско Клеомона, последнего греческого героя, которого сопровождал тогда, когда тот, побежденный, сел на корабль, убежденный, что богатство уже не вернется к нему. Огорченный тем, что весь мир был теперь Карфагеном и Римом, а Греция повергнута в забвение, он искал убежище в Сагунте, маленькой, почти неизвестной республике, надеясь найти кусок хлеба и мир в ожидании последнего часа. Он хотел — если только не отвлечет его война — написать историю своих странствований.

Сонника следила за рассказом Актеона с интересом, глядя на своего собеседника с участием.

— И ты, бывший героем и могущественным человеком, хочешь служить в этом городе простым наемником?

— Мопсо-стрелок обещал меня отличить.

— Этого недостаточно, Актеон. Ты станешь жить, как все солдаты, проводя жизнь в тавернах предместья и спать на ступенях храма Геркулеса. Нет, ты поселишься здесь. Сонника окажет тебе покровительство.

И в ее блестящих глазах, увеличенных темными кругами, появилась нежность, как бы материнская ласка.

Афинянин смотрел с восторгом на нее, стоявшую в своей одежде, как бы обвитая белым облаком, среди полумрака библиотеки, получавшей свой свет, как все греческие библиотеки, только из двери.

— Пройдем в сад, Актеон. Вечер темный и нам можно будет насладиться несколько минут в рощицах Академии.

Они вышли из дома и пошли по извилистой аллее, обнесенной высокими лаврами, под которыми растирались ветви платанов, поливаемых вином для усиления их роста. На террасе дачи два павлина, пронзительно крича, взлетали на балюстраду и распускали свои величественные хвосты.

Актеон, глядя при солнечном свете на свою красивую покровительницу, чувствовал, как по его телу пробегала дрожь желанья. На Соннике был только один греческий хитон — открытая туника, сдерживаемая металлическими брошками на плечах и перехваченная у талии узким золотым поясом. Обна-

женные руки выходили из белой ткани, а разрезные края туники, спускавшиеся до щиколоток и сдерживаемые несколькими маленькими брошками, распахивались на каждом шагу, обнажая перламутровую наготу. Полотно было так тонко, что через его прозрачность просвечивали округлости розового тела, казалось, плававшего в тенистой ткани.

— Актеон, тебе не нравится мой наряд?

— Нет, я люблю тебя. Ты мне кажешься Афродитой, выходящей из волн. Давно я не видел прелестей афинских красавиц. Меня испортили мои странствования среди грубых варваров.

— Это правда. Как говорит Геродот, почти все не греки смотрят на наготу, как на что-то постыдное... Если бы ты знал, как возмущались вначале жители этой страны моими афинскими привычками! Как будто на свете существует что-нибудь прекраснее человеческого тела! Как будто нагота не высшая красота! Ведь поклонились же Фрине, появившейся в полной наготе своего тела перед старцами ареопага, ведь вырвала же она крик восхищения у тысяч странников, собравшихся на елеврийские игры, когда ее белая фигура показалась из волн, как луна из-за облаков. Она сделала красотой своих груди больше, чем могущество богинь.

— Ты не веришь в богов? — спросил Актеон с тонкой улыбкой афинянина.

— Так же, как ты и все тамошние. Богини только служат образами для художников и если они терпимы у старика Гомера, так потому, что он умеет рассказывать об их спорах в красивых стихах. Нет, я не верю в них, они просты и легковыжны, как дети, но я люблю их потому, что они красивы.

— Во что же ты веришь, Сонника?

— Не знаю... В нечто таинственное, что пробудило нашу душу к жизни. Я верю в красоту и любовь.

Гречанка на минуту задумалась, а затем продолжала:

— Я презираю варваров не потому, что они не знают великолепия искусства, но за их ненависть к любви, которую они связывают всякими законами и предупреждениями. Эти законы лицемерны и безоб-

разны. Варвары воспроизведение рода считают преступлением и с ужасом отвертываясь от наготы, окутывают свое тело разными тряпками, будто оно представляет отвратительное зрелище. А между тем чувственная любовь, слияние двух тел, есть та любовь, от которой мы родились, и без нее источник жизни иссяк бы и мир перестал бы существовать...

— Этим мы велики,— серьезно сказал Актеон.— Благодаря этому наши искусства наполняют землю и все преклоняются перед нравственным величием Греции. Мы — народ, сумевший возвысить жизнь, поклоняясь ее источнику; мы без лицемерия удовлетворяем потребностям любви и поэтому лучше других понимаем потребности души. Ум работает лучше, когда не чувствуешь тяжести тела, мучаемого воздержанием. Мы любим и учимся, наши боги ходят нагими без иного украшения, кроме луча бессмертного света на челе. Они не требуют крови, как те божества варваров, закутанные в одежды, оставляющие открытыми только зверские лица; они красивы, как смертные, они смеются как смертные, и их смех, раздающийся с Олимпа, распространяет радость на земле.

— Любовь — чувство добродетельное: она рождает все великое. Одни только варвары клеветают на нее, скрывая ее, как нечто постыдное.

— Я знаю народ, у которого на любовь, на божественное слияние двух тел смотрят как на осквернение,— сказал Актеон.— Это израильтяне — несчастное племя, живущее в бесплодной стране вокруг храма варварской архитектуры, заимствованной у всех народов. Они лицемерны, хитры и жестоки: потому любовь им ненавистна. Если бы подобный народ достиг величия Греции, если бы он овладел миром и предписывал свои законы, если бы ему случайно удалось погасить вечный свет, сияющий в Парфеноне — человечество погрузилось бы во мрак, сердце его высохло и мысль умерла, земля превратилась бы в некрополь, все сделались бы ходячими трупами, и протекли бы многие века, пока человечество вступило бы вторично на дорогу, ведущую к нашим веселым богам, к культуре красоты, придающему радость жизни.

Сонника, слушая грека, подошла к высоким розовым кустам и, срывая цветы, вдыхала с наслаждением их аромат. Ей казалось, что она в Афинах, в саду на улице Треножника, слушает своего поэта, посвятившего ее в сладкие тайны любви. И она взглядывала на Актеона с явным и откровенным увлечением, с покорностью рабыни, говорившей глазами «проси», и как бы ожидавшей только слова, чтобы упасть в его объятия.

Ветерок тихонько пронесся по саду. Через листву виднелось пурпурное небо, горевшее при закате. Под деревьями начинал ложиться таинственный полумрак. Шум полей, движение на дворе дачи и в домах рабов, вместе с криками чужеземных птиц на террасе, казалось, доносились из отдаленного мира.

Из двух кустов роз поднималось изваяние Приапа, вырезанного в древесном стволе. Первобытное изображение бога улыбалось похотливо, выставляя вперед свою волосатую грудь и выгибая бедра, как бы для того, чтобы лучше показать признаки мужского начала, окрашенные в красный цвет.

Сонника улыбнулась, видя, что афинянин смотрит на бога.

— Ты знаешь, что существует старинный обычай — отдавать сады под охрану Приапа. Говорят, он пугает воров. Мои рабы верят этому; но я сохраняю бога, как символ жизни среди этих роз, не уступающих в красоте розам Пестума. Грубость жеста Приапа дополняет собой нежную грацию Амура.

Оба пошли молча медленным шагом по аллее стройных кипарисов, в конце которой открывался грот с входом, затянутым плющом, через который лился зеленоватый, рассеянный свет. Белый амур выбрасывал из раковины струю воды, как будто тихо плакавшую, падая в алебастровый резервуар. Здесь куртизанка проводила жаркие часы дня.

— Сонника!..

Взявшись за золотой пояс гречанки, он уронил его на пороге. Белые атласные руки куртизанки обнажились до горла, как змеи, выточенные из слоновой кости; ее голова любовно склонилась на плечо грека, устремившего на нее темно-синие глаза, увлажненные крайним волнением.

— Тебя ко мне посылают Афины,— прошептала Сонника в нежной истоме.— Встретив тебя сегодня утром на ступенях храма Афродиты, я приняла тебя за Аполлона, спустившегося на землю... Испытай в моих объятиях восторги богов... Соппротивление невозможно... Я давно изменила Амуру... Но божок мстит, и я люблю тебя... Приди ко мне... Приди!..

Она тянула Актеона, обвив его шею руками. Застежки туники расстегнулись, они спустились вдоль тела, и в сумерках грота красота обнаженной гречанки сверкнула на мгновенье бледным сиянием.

Гостей, приглашенных Сонником, было девять человек. Прибыв с наступлением ночи, кто в экипажах, кто верхом, они проходили между охранявшими вход в виллу рабами, державшими факелы.

Когда Сонника и Актеон вошли в залу пиршества, гости стояли группами около пурпуровых лож вокруг круглого стола, мрамор которого рабы вытирали губками, смоченными душистой водой. Четыре больших бронзовых светильника стояли по углам *триклиниума*. С них спускалось на цепочках множество курильниц с благовониями; фитили трещали, распространяя яркий свет. От одного светильника к другому тянулись гирлянды из роз и листьев, окружая благоуханной изгородью обеденный стол. Около двери, выходящей в перестиль, на резных столах возвышались груды блюд, золоченых и серебряных ваз и острых вилок, которые должны были служить рабам при подаче кушаний.

Кельтибериец Алорко разговаривал с Лакаро и еще тремя молодыми греками, возбуждавших своей изнеженностью негодование сагунтийцев на Форуме. Заносчивый варвар, по обычаю своего племени, не снял до начала ужина своего меча, которым был опоясан, потом привесил его за рукоятку из слоновой кости к ложу, чтобы иметь его постоянно под рукой.

На другом конце стола два пожилых гражданина спокойно беседовали с Алько, миролюбивым сагунтинцем, с которым Актеон разговаривал утром на площадке Акрополя.

Старики были давние друзья дома — греческие купцы, с которыми Сонника вела торговые дела и которых пригласила на свои ночные празднества, ценя умеренную веселость, вносимую ими.

При входе влюбленной пары в зал все гости угадали ее счастье по влажным, блестящим глазам Сонники и истоме, с которой Актеон склонял свою голову, увенчанную розами и фиалками.

— Уже влюбились,— с завистью прошептал Лакаро.

— Ему повезло больше, чем нам,— заметил кельтибериец просто.— Ведь он афинянин, и понятно, что неприступная Сонника склонилась к одному из своих.

Познакомившись со всеми гостями, Актеон прошел по комнатам с уверенностью влиятельного лица, сознающего свое богатство, с видом человека, привычного к блеску и одним шагом вернувшегося из бедности к своим обычным привычкам.

По знаку Сонники гости возлегли на пурпуровые ложа, окружавшие стол, и в залу вошли четыре девушки, едва вступившие в юношество, неся на головах, с грацией привычных носильщиц, корзины розовых венков. Они шли легкой походкой, как будто скользя по мозаичному полу, под звуки невидимых флейт, и своими тонкими детскими пальчиками увенчали гостей.

В комнате появился домоправитель, очевидно, рассерженный.

— Госпожа, Евфобий, паразит, во что бы то ни стало хочет войти.

При известии о приходе паразита среди гостей послышались крики и протесты.

— Гони его, Сонника! Он заразит нас своей бедностью! — кричали молодые люди, со злобой вспоминая шутки, которые паразит позволял себе над их нарядами и привычками.

— Позор, что город терпит этого дерзкого нищего,— говорили солидные горожане.

Сонника улыбалась: ей припомнилась жестокая эпиграмма, которую паразит посвятил ей.

— Прогони его палками.

Гости обмыли руки душистой водой в чаше, которую рабыня переносила от ложа к ложу, и

Сонника отдала приказание начать ужин, когда снова появился домоправитель с суковатой палкой в руках.

— Я его гнал, госпожа, да он не хочет уходить. Его бьешь, а он все лезет.

— Что же он говорит?

— Говорит, что праздник у Сонники не мыслим без присутствия Евфобия, а удары служат признаком, что его ценят.

Красавица-гречанка как будто сжалилась; гости засмеялись, и Сонника приказала впустить философа. Но прежде, чем домоправитель успел дойти до двери, Евфобий уже входил в триклиний, прилежно согнувшись, однако глядя на всех дерзким взглядом.

— Да будут боги с вами! Да сопутствует тебе всегда веселье, красавица Сонника!

И, обращаясь к домоправителю, он высокомерно приказал:

— Братец, ведь тебе известно, что я как-никак, вошел бы. В другой раз постарайся, чтобы у тебя рука оказалась полегче.

И при смехе гостей он стал поглаживать себе лоб, где вскочила шишка, а кончиком старого плаща вытер несколько капель крови, выступивших за ухом.

— Привет вшивому! — крикнул ему изящный Лакаро.

Но Евфобий не обращал на них внимания. Он смотрел на Актеона, помещавшегося рядом с Сонником, и в глазах его сверкнул задорный огонек.

— Ты попал туда, куда я полагал, афинянин. И ты присоединился к этим изнеженным людям, окружающим Соннику и осыпающим меня оскорблениями.

И не слушая шуточных возражений молодежи он прибавил с заискивающей улыбкой:

— Надеюсь, ты не забудешь своего старого приятеля, Евфобия? Теперь ты можешь выпить, не платя, все вино, какого тебе хотелось выпить в тавернах Форума.

Философ занял место на отдаленном конце стола и отстранил венок, который ему подала рабыня.

— Я пришел не за цветами, а пришел поест. Роз довольно видишь на каждом шагу в полях, а куска хлеба философ не найдет себе в Сагунте.

— Ты голоден? — спросила Сонника.

— Еще бы. Весь день пробродил по предместью; все меня видят и никому не приходит в голову дать мне промочить горло.

По греческому обычаю следовало выбрать распорядителя ужина — самого почетного гостя, который должен был предлагать тосты, указывать время, когда пить какое вино и направлять разговор.

— Выберем Евфобия, — предложил Алорко со своей шутливой серьезностью кельтиберийца.

— Нет, — протестовала Сонника. — Однажды, я, ради шутки, поручила ему руководство ужином и еще раньше третьей перемены мы все были пьяны. Он предлагал возлияние при каждом куске.

— Кого выбрать распорядителем? — спросил философ. — Мы уже видим его рядом с Сонникой. Пусть им будет афинянин.

— Пусть так, — согласился Лакаро, — и пусть он на всю ночь заставит замолчать тебя, дерзкого паразита.

Посреди стола возвышалась большая бронзовая ваза — кратера, с краев которой группа нимф смотрелась в овальное винное море. За каждым гостем стояло по рабыне, прислуживавшей ему, и каждая из них зачерпнула из вазы кубком, так называемой *мирридой*, привозимой за дорогую цену из Азии, вина для первого возлияния. Технология приготовления миррид хранилась в секрете. Известно было только то, что при их изготовлении использовались порошок раковин и сгущенная толченая мирра. Цветом она напоминала матовую слоновую кость. Кругом шел греческий цветной бордюр, а таинственный состав придавал вину необыкновенный аромат.

Актеон приподнялся на своем ложе, чтобы предложить первый тост в честь наиболее почитаемого божества.

— Выпей за Диану, афинянин, — раздался серьезный голос Алько. — Выпей за сагунтинскую богиню.

Но грек почувствовал нежное, очаровательное прикосновение к своей свободной руке.

Он посвятил первое возлияние Афродите, и молодежь поддержала его восторженными криками. Афродита должна была стать богиней этой ночи, и между тем, как молодые гости думали о гадесских танцовщицах — одной из приманок ужина — Сонника и Актеон, облокотясь локтями о подушки, а грудью о край стола, ласкали друг друга взглядами, между тем, как горячие тела их соприкасались.

Сильные рабы, вспотевшие от кухонного огня, подавали на стол первую перемену кушаний на больших блюдах сагунтинской глины. То были ракушки, подаваемые или в том виде, как они ловятся, или печеные на углях, с большим количеством специй. Свежие устрицы, мидии, морские ежи, убранные петрушкой и мятой, спаржа, огурцы, салат, яйца королевских павлинов, свиной желудок, приправленный тмином и уксусом, жареные воробьи под соусом из сыра, масла и уксуса. Кроме того, гостям подавали *оксигариум*, приготавливаемый на рыбных промыслах Нового Карфагена — род теста из внутренностей тунца с солью и уксусом, острую закуску, возбуждавшую жажду.

Аромат всех этих блюд наполнил столовую.

— Пусть мне не говорят о гнездах птицы Феникса, — решил Евфобий, набив рот. — Поэты рассказывают про нее, что она набивала свое гнездо ладаном, лавровым листом и корицей, но, клянусь богами, что не могло пахнуть в этом гнезде лучше, чем в триклиниуме Сонника.

— Что не мешает тебе, негодяю, посвящать мне стихи, в которых ты меня оскорбляешь, — с улыбкой ответила ему Сонника.

— Я хочу указать тебе на твои сумасбродства. Днем я философ, ну а к ночи желудок принуждает меня приходить к тебе, чтобы твои слуги гнали меня палками, а ты меня кормила.

Рабы сняли блюда первой перемены и внесли вторую — мясные и рыбные. Кабанчик занимал середину стола, большие жареные фазаны в перьях красовались на блюдах, обложенные вареными яйцами и душистыми травами; дрозды, нанизанные на

прутья, образовали венки; разрезанные на куски зайцы обнаруживали фарш из розмарина и тмина, а дикие голуби перемешивались с куропатками и дроздами. Рыбы было несметное количество: они напоминали грекам блюда их родины, и они наслаждались мегарскими улитками, шпионскими муренами, золотыми рыбками, мечами-рыбами от фалернских берегов и Геллеспонта.

Каждый из гостей выбирал те блюда, которые ему больше нравились, и угощал ими своих друзей, пересылая выбранное через рабов с одного конца стола на другой. Появлялись из погребов новые вина в запечатанных, покрытых пылью амфорах и текли в кубки гостей. Дорогое привозное хиосское вино смешивалось с цекубским, итальянское, фалернское и мессинское — с лауронским и местным, сагунтским. Аромат этих вин смешивался с запахом соусов, в которые по сложным рецептам греческой кухни входили лук, петрушка, иссон, укроп, тмин и чеснок.

Сонника едва прикасалась к еде: она забывала кушанья, присылаемые ей гостями, и только думала об Актеоне.

— Люблю тебя,— тихо проговорила она греку,— как будто меня околдовал фессалийский волшебник. Я вся полна любовью. Видишь ты этих рыб?.. Я боюсь есть их: мне кажется, я совершила бы святотатство: розы и рыбы посвящены Венере, матери нашего блаженства. Я хочу только пить... много пить. Во мне горит огонь, который нежит меня, но вместе с тем сдает.

Гости поглощали блюда, расхваливая повара Сонники, уроженца Азии, купленного для нее одним из ее мореплавателей. На цену, заплаченную за него, можно было приобрести целую дачу, но все считали, что деньги потрачены не даром, восхищаясь искусством, с которым он умел придумывать у себя на кухне бесконечные комбинации, исполняемые под его надзором другими слугами, и особенно его удачным изобретением: соусом из фиников и меда к жаркому.

«Имея такого раба,— говорили гости,— можно наслаждаться всю жизнь и отсрочить смерть на многие годы».

Окончилась вторая перемена. Гости полулежали на ложах, распуская одежды. Чтобы они не трудились приподниматься для питья, рабы подавали им вина в сосудах, имевших форму рога, из острия которого вино лилось тонкой струей. Большие светильники по углам, в которых горело душистое масло, казалось, гасли в этой сгущенной атмосфере, насыщенной запахом кушаний. Гирлянды роз, протянутые от одного светильника до другого, осыпались в этой тяжелой атмосфере. Через дверь виднелись колонны перистилия и клочок темно-голубого неба с мерцающими звездами.

Флегматичный Алько, склонясь к ложу, мечтал в спокойном опьянении, смотря на небо:

— Пью за красоту нашего города,— сказал он, поднимая рог, полный вина.

— За греческий Закинф! — крикнул Лакаро.

— Да, мы греки,— подтвердили его друзья.

И разговор обратился к празднествам, которые сагунтинские греки намеревались устроить по инициативе Сонники после окончания жатвы в честь Минервы. Празднества должны были окончиться процессией, подобной устраиваемым в Афинах и увековеченным Фидием на его знаменитых фризах. Молодежь с увлечением говорила о своих лошадях, на которых она будет скакать на скачках, и атлетической борьбе, к которой готовилась постоянными упражнениями. Сонника поддерживала эти празднества своим богатством и желала, чтобы они прославились наравне с афинскими, устроенными при постройке Парфенона.

— Ты и в самом деле веришь в Минерву? — спросил Евфобий у Сонники.

— Я верю в то, что вижу,— ответила гречанка.— Верю в весну, в воскресение полей, в жатву, поднимающуюся из земли и питающую своими золотыми колосьями людей, в цветы — благовонные курильницы земли,— а больше всех богов люблю Атенея за мудрость, которую он дал людям, и Минерву за то, что она поддерживает ее.

Рабы устави́ли стол третьей переменой, и гости, уже несколько захмелевшие, приподнимались на ложах, заглядывая в корзиночки, полные фруктов.

На блюдах высились пирамиды слоеного сладкого теста, свернутого на огне по капподокийскому способу, оладьи из кунжутной муки, начиненные медом и подрумяненные на углях, и пироги из вареных фруктов.

Начали раскупоривать маленькие амфоры с самыми драгоценными винами, привозимыми кораблями Сонники из отдаленнейших мест света. Библосское вино из Финикии наполнило комнату своим ароматом, сильным, как туалетные духи; лесбосское вино распространяло, когда его наливали, нежный запах роз, и вместе с этими винами в кубки лились вина из Эретрии и Гераклеи, крепкие и спиртные, родосские и хиосские — предусмотрительно смешанные с морской водой, что способствовало пищеварению.

Чтобы возбудить снова аппетит и жажду гостей, рабы обносили блюда с саранчой в рассоле, редьку с уксусом и горчицей и другие закуски, ценимые по своему вкусу и пикантности.

Актеон не ел: прикосновение Сонники, приподнявшейся со своего ложа и прижимавшейся к нему, касаясь своей щекой его щеки и смешивая свое дыхание с его дыханием, волновало его. Оба молчали, любуясь каждый своим выражением в зрачке другого.

— Дай мне поцеловать твои глаза,— шептала Сонника.— Они — окна души, и мне кажется, что через них моя любовь проникает в самую глубину твоей груди.

Дерзкий Алорко, при своем опьянении важный, как кельтибериец, говорил о ближайших празднествах, глядя на свой пустой кубок. У него в городе было пять несравненных лошадей, и если власти позволят ему принять участие в празднестве, несмотря на то, что он иностранец, то он покажет им быстроту и силу своих чудных животных. Венец достанется ему, если только какой-нибудь неожиданный случай не принудит его покинуть раньше город.

Лакаро и его изящные друзья намеревались оспаривать друг у друга награду за пение, и их женские руки, тонкие и выхоленные, нервно двига-

лись по столу, будто перебирая струны лиры, а раскрашенные губы напевали в полголоса гомеровские стихи. Евфобий, опираясь плечом на ложе, задумчиво смотрел вверх без всякой другой мысли, как бы больше съесть и выпить, а Алько и греческие купцы теряли терпение от продолжительности ужина.

— Танцовщицы! Пусть войдут гадесские девушки! — требовали они дрожащими голосами, с глазами, сверкавшими опьянением.

— Да, пусть придут танцовщицы! — крикнул Евфобий, выходя из своего оцепенения.— Я хочу видеть, как сладострастные позы этих дочерей Геркулеса нарушат пищеварение почтенных людей.

Сонника сделала знак домоправителю и через несколько мгновений и перистиле раздались веселые звуки флейты.

— Флейтистки! — закричали гости.

В комнату вошли четыре красивые девушки, увенчанные фиалками, в хитонах, открытых с пояса до низу и обнаруживавших на каждом шагу крепкие ноги. Во рту у них были двойные флейты, клапаны которых перебирали проворные пальцы.

Обходя вокруг пола, флейтистки заиграли нежный мотив, погруживший в сладкую мечту гостей, облокотившихся о свои ложа. Большинство из них встретило танцовщиц, как старых знакомых и, качая головами в такт флейт, следило жадными глазами за очертаниями этих тел, трепетавших при движениях в ритм такту.

Несколько раз флейтистки меняли мотивы и ритм, и через час это, по-видимому, начало надождать гостям.

— Мы уже знаем их, Сонника,— сказал Лакаро.— Эти флейтистки выходят на всех твоих ужинах. Ты, кажется, влюбившись, позабыла о своих друзьях. Дай нам другое: мы желаем танцовщиц.

— Да, пусть войдут танцовщицы,— присоединились голоса молодежи.

— Успокойтесь,— ответила гречанка, поднимаясь на минуту с груди Актеона.— Танцовщицы придут, но только под конец, когда я уйду спать. Я знаю вас хорошо и знаю, чем кончится праздник. А

пока приглашаю вас полюбоваться маленькой рабыней, выучившейся у греческих моряков ходить по канату и плясать, как афинские танцовщицы.

Прежде чем вошла рабыня, гости в тревоге обратили взгляды на конец стола. Оттуда доносилось как бы рычание зверя. То был Евфобий, свалившийся с ложа и лежавший головой на мозаичном полу, залитым вином.

— Дайте ему лавровых листьев,— посоветовал благоразумный Алько.— Нет ничего лучше против хмеля.

Рабы почти насильно заставляли философа жевать листья, не обращая внимания на его протесты.

— Я не пьян,— кричал Евфобий.— Меня преследует голод. У меня часто по целым дням не бывает куска хлеба во рту, и когда приходится насладиться таким столом, как у Сонники, так то, что я ем, идет у меня назад.

— Лучше скажи — то, что пьешь,— поправила его Сонника, снова наклоняясь к греку.

Канатная плясунья подошла к столу и поклонилась госпоже, поднося руки к лицу. Это была смуглая девушка четырнадцати лет. Всю одежду ее составляла одна полоска красной ткани, обернутая вокруг бедер ниже живота. Ее нервные худощавые члены и тело, с едва обозначившимися возвышениями груди, делали ее похожей на мальчика. Старые гости улыбались от удовольствия, видя эту почти мужскую свежесть.

Девушка вскрикнула, согнулась с нервной гибкостью и, опустившись на руки, пошла вокруг стола, держа ноги вверх, а голову в уровень с полом. Затем сильным изгибом рук она вскочила на стол и побежала на руках между блюдами, амфорами и кубками, не сдвигая их...

Гости ободряли ее восторженными восклицаниями. Греческие купцы предлагали ей свои кубки, трепля ее щеки, когда она пила, целуя ее руки и поглаживая плечи.

— Лакаро,— обратился философ к своему изящному врагу,— почему ты и твои друзья не привели сюда красивых рабынь, служащих вам опорой на Форуме?

— Сонника нам запретила,— отвечал молодой человек, польщенный вопросом и не замечая иронии Евфобия.— Она женщина, стоящая выше других; но из всех утонченных афинских обычаев, это единственный, который она отказывается принять. Она верит только в Юпитера и Леду, а на красавца Ганимеда плюет. Она не вполне афинянка.

Несколько рабов по приказанию распорядителя воткнули в пол ряд острых и широких мечей, чтобы плясунья показала свой главный фокус. Флейтистки заиграли медленную, грустную мелодию, и плясунья снова опустившись головой к полу, начала двигаться между мечами, не задевая их и не касаясь их острого лезвия. Гости, держа кубки в руках, со страхом следили за ней, когда она двигалась среди этого леса отточенного оружия, которое могло вонзиться в ее тело при малейшем колебании. Плясунья остановилась возле одного из мечей. Подняв одну руку и опираясь на другую, она перегнулась, пока не коснулась локтем пола, затем вытянулась совершенно прямо, и в эту минуту острое лезвия коснулось ее живота и груди, но даже не оцарапало кожи.

Гости снова выразили свое одобрение, когда девушка кончила представление. Двое стариков принудили ее поместиться между ними, почти закрыв ее своими широкими туниками и оставив открытой только ее шаловливую мальчишескую головку, с любопытством смотревшую на окружающих.

— Однако, Сонника,— протестовал Лакаро,— где это видано, чтобы красавица-гречанка так забывала своих гостей? Афинянин, употреби красноречие своей любви и вступишь за нас: пусть выпустят скорей девушек из Гадеса.

Сонника, казалось, дремала на груди Актеона, опьяненная жаром тела своего возлюбленного.

— Прикажи им войти... Исполни их желание... Пусть только нас оставят в покое.

В перистиле раздался звук шагов, смех и шепот, и в триклиниуме, как непослушное стадо, вступили гадесские танцовщицы.

Это были девушки невысокого роста со стройными гибкими членами, со светло-янтарной кожей,

живыми, блестящими глазами, черными волосами и телом, окутанным развевающимися покрывалами, обманчивыми и полупрозрачными, более соблазнительными, чем простая нагота. На груди, ногах и руках у них был род браслетов и амулетов, весело позванивавших при каждом движении, и они смотрели на гостей прямо, не выражая никакого смущения, как труппа, привыкшая к празднествам, переходя с пира на пир, и видевшая мужчин только в часы опьянения.

Начальник труппы был старик, с лицом, обтянутым как бы пергаментом, и дерзким взглядом, одетый так же, как танцовщицы, в женское платье, с нарумяненными щеками, глазами обведенными черными кругами, большими кольцами в ушах и циничной усмешкой на крашенных губах, готовый принять самое гнусное предложение.

Евфобий, равнодушный к прелестям танцовщиц, смотрел на него с восторгом, возбужденный сомнительностью его пола, который выдавали его худые руки, накрашенные белым и отягченные браслетами, просвечивавшими сквозь одежду.

— Брат, мужчина ты или женщина? — серьезно спросил его философ.

— Я отец всех этих цветков,— ответил евнух гнусливым голосом, обнажая свои беззубые десны.

Трое из женщин, сидя на корточках, принялись потрясать бубны со звонкими колокольчиками, между тем как другие ударяли в тамбурины с выгнутой серединой, держа его за изогнутую ручку.

Евнух, стоя на пороге, стукнул палкой об пол, и четыре пары танцовщиц, выступив на середину триклиния, начали танцевать под шумную, примитивную музыку своих подруг. Они танцевали торжественно, двигаясь величественно, вытягивали руки, как бы плавая в пространстве, медленно поворачивая свое смуглое тело, как бы ныряя в прозрачных пенистых волнах своих одежд. Мало-помалу движения их ускорились; они слегка откидывались назад, выставляя свои упругие груди, причем их выпуклость обрисовывалась под легким покровом и вертелась на бедрах. Взмахи этих тел в белых развевающихся одеждах, взлетавших тысячью

складок, в изгибах, полных неги, казалось, оживляли свет светильников.

Внезапно, по знаку старика, музыка замолкла, и танцовщицы остановились.

— Еще! Еще! — кричали гости, приподнимаясь на ложах, возбужденные танцами.

Это была остановка для перемены темпа и возбуждения коротким переливом нетерпения зрителей. Музыка перешла в шумный, оживленный темп; старик, ударив жезлом об пол, издал протяжный вопль, печальный, приятный и страстный, какого никак нельзя было ожидать из такого отвратительного рта, и затем начал медленно-торжественно петь любовные строфы с двусмысленными словами, производившие действие возбуждающего средства и заставившие взречь гостей.

Танцовщицы устремились на середину триклиниума в бешеном танце, как бы охваченные горячкой. Каждая песня была как бы бичом, возбуждавшим их нервы, и их голые ноги, коснувшись, подобно белоснежным птицам, мозаики пола, снова взлетали легким движением, приподнимая облака газа, открывшего красивую ногу, унизанную запястьями, издававшими серебристый звон. Их животы с мягкими округлостями, казалось, приобретали особую жизнь, и на вытянутых телах, в их священной неподвижности, они двигались как нервны животные, сокращаясь с круговыми содроганиями, образуя круговорот сладострастных изгибов, розовый центр которого составляли танцовщицы, сопровождавшие танец щелканьем пальцев. Спустив газ с плеч и укрепив его вокруг бедер, они производили полные неги движения вокруг амфор, вздыхая в истоме, наклонив голову, как бы замирая в созерцании собственной красоты. Музыка по временам ослабевала, будто удаляясь, и танцовщицы, сдвинув ступни и расставив ноги, медленно кружились спиралью, мягко колышась, едва касаясь земли, а затем быстро, от самой мозаики пола выпрямились, подобно развивающейся змее, между тем как бубны и тамбурины звучали громче, флейтистки возбуждали танцовщиц словами любви, восклицаниями экстаза, как будто они стояли перед смущающим воображение ложем.

Гости, раскрасневшиеся от волнения, со сверкающими глазами и нервными губами, бросились на середину триклиниума и прервали танец, смешавшись с танцовщицами. Евфобий храпел на полу. Сонника уже давно исчезла, покинув триклиний, опираясь на рабыню, но не снимая головы с плеча Актеона.

Покрывала танцовщиц упали около стола. Они набросились на сладости и фрукты, пили из амфор и погружали головы в кратеру, поддерживаемую нимфами, чтобы потом, обернувшись, заливаться смехом, с лицом, смоченным вином. Евнух продолжал петь, неистово стуча жезлом, чтобы указывать ритм своим музыкантам. Но напрасно: танцовщицы не могли пошевелиться в руках гостей, захвативших их и срывавших с них одежду. Юноши валялись у подножья светильников, доведенные до иступления этими вакханками, выросшими в морском порту и посвященными моряками во все утонченности и всю испорченность целого света. Кельтибериец Алорко, грубый в своем восторге, ходил по триклиниуму, вытянув руки и, хвастаясь своей силой, держал в могучих объятиях двух танцовщиц, громко взвизгивавших в испуге; а снаружи, в темноте перистилия, слышались шаги кухонных рабов и рабынь, собравшихся, чтобы издали полюбоваться зрелищем вакханалии.

Уже начало светать, когда Актеон, проснувшись, поднялся с мягкого душистого ложа в спальне. Сонника лежала рядом, и при свете светильника и занимающегося дня он видел улыбку блаженства на ее устах.

Афинянин чувствовал после ночного опьянения непреодолимую потребность свежего воздуха. Он задыхался в жилище Сонники, спешил покинуть это ложе, казалось, еще горевшее огнем недавних восторгов опьянения страстью, после которых тело оставалось неподвижным и жизнь его проявлялась только в тихих вздохах, поднимавших грудь.

Грек осторожно, на цыпочках вышел в перистиль. Светильники еще горели в триклиниуме и из его дверей шел нестерпимый запах мяса, вина и

потных тел. Актеон увидел гостей, лежавших на полу между женщинами, храпевшими, обнажая при перемене положения самую сокровенную наготу. Евфобий отрезвился и, занимая почетное место — ложе Сонники — воображал себя хозяином дома. Закутавшись в свой старый плащ, он приказывал танцевать двум сонным танцовщицам, глядя с презрением на их наготу, как человек, стоящий выше плотских желаний.

При приближении Актеона несколько рабов побежало прочь, опасаясь наказания за свое любопытство. Не желая, чтобы философ увидел его, грек вышел из дома в прохладный сад. И здесь он увидел перед собой бегство. По аллеям бежали обнявшиеся пары; в густой листве раздавались вскрикивания застигнутых врасплох, и сад казался оживленным таинственной жизнью, как будто в тени, царившей под его густолиственными кустами, скрывалось целое племя, предававшееся любви.

То были рабы, которые, возбужденные видом пира, продолжали под открытым небом сцены, разыгрывавшиеся в триклиниуме.

Грек улыбнулся, думая, что праздник еще увеличит новыми рабами богатство хозяйки дома.

Пусть наслаждаются в мире. Помешать, значило бы вредить Соннике.

Он прошел огромные владения куртизанки, фиговые рощи, большие масленичные плантации и вышел на Змеиную дорогу. Кто-то ехал по ней. Вдали слышался лошадиный топот, и Актеон увидел при голубоватом свете занимавшегося утра всадника, без сомнения, направлявшегося к воротам.

Когда он подъехал, афинянин сразу узнал его, несмотря на то, что его голова была покрыта капюшоном. Это был кельтиберийский пастух. Грек бросился к лошади и схватил ее под уздцы, между тем как всадник, задержанный в пути, откинулся назад и выхватил кинжал из кожаных ножен за поясом.

— Брось! — тихо сказал Актеон. — Я остановил тебя потому, что ты мне знаком. Ты Ганнибал, сын великого Гамилькара. Ты можешь скрываться под маской от сагунтинцев; твой же друг детства всегда узнает тебя.

Африканец приблизил свою голову, покрытую густыми волосами, и его зоркие глаза в полумраке узнали грека.

— Это ты, Актеон? Встречая тебя вчера столько раз, я знал, что ты наконец узнаешь меня. Что ты тут делаешь?

— Живу в доме богачки Сонники.

— Я слышал о ней: это гречанка, известная своей красотой и талантами афинской куртизанки. Мне хотелось бы познакомиться с ней, и думаю, я полюбил бы ее, если бы задачей мужчин было вращаться среди женщин. У тебя нет другого дела?

— Я воин по найму у города.

— Ты?.. Сын Лидия, доверенного вождя Гамилькара? Человек, воспитанный в Афинах, на службе у варварского и купеческого города!..

Он помолчал, как бы изумленный поведением грека, и продолжал решительно:

— Садись на лошадь позади меня. Поедем ко мне. В порту меня ждет карфагенский корабль с грузом серебра. Я отправляюсь в Новый Карфаген, чтобы стать во главе своих соотечественников. Дни славы приближаются, начинается чудное смелое предприятие, как предприятие гигантов, нагромоздивших горы, чтобы взобраться на ваш Олимп. Поедем со мной: ты друг моего детства, я знал тебя раньше, чем Газдрубала и Магона, сыновей Гамилькара, данных мне славным полководцем в брата. Он называл нас «тремя львятами». Я знаю тебя: ты ловок и храбр, как твой отец. Со мной ты наживешь богатство. Может быть, сделаешься царем какой-нибудь прекрасной страны, когда я, следуя примеру Александра, поделю между моими полководцами свои завоевания.

— Нет, карфагенянин,— ответил серьезно Актеон.— Я не презираю тебя и с удовольствием вспоминаю о наших первых годах жизни, но не поеду с тобой. Против этого твое происхождение, прошлое твоего народа, окровавленная тень моего отца.

— Происхождение — воображение; народ только предлог для начала войны. Не все ли равно тебе — служить Карфагену или другой республике, если ты грек? Если бы мои соплеменники покинули меня,

я отправился бы в какую-нибудь другую страну. Мы — люди войны, мы сражаемся ради славы, ради могущества и богатства; нужды нашего народа только служат для оправдания наших побед и грабежа наших врагов. Я ненавижу карфагенских купцов, мирных и приникших к своим лавкам, а также и высокомерных римлян. Едем, Актеон; раз мы встретились, последуй за мной: счастье мне сопутствует.

— Нет, Ганнибал, оставь меня здесь. Увидав твоих африканских солдат, я вспомню чернь, распявшую Лидия.

— Преступление было неминуемо: безумие беспощадной войны, на которую нас вызвали наемники. Отец мой не раз сокрушался об этом, вспоминая своего верного Лидия. Я постараюсь исправить несправедливости Карфагена.

— Я не последую за тобой. Я простился с войной и грабежом. Я предпочитаю жить здесь тихой и спокойной жизнью со своей Сонникой, любящей мир, как любой сагунтинец, живущий в коммерческом квартале.

— Мир!.. Мир!..

И тихая дорога огласилась резким и грубым хохотом, который Актеон слышал на ступенях храма Афродиты, когда римские послы садились на суда.

— Слушай хорошенько, Актеон,— сказал африканец, снова возвращаясь к своей серьезности,— доказательством того, что я сохранил воспоминание о нашей детской дружбе служит откровенность, с которой я сообщаю тебе мои мысли. Пойми — только тебе!.. Если бы во время сна в моей палатке у меня вырвалось одно слово о том, что я думаю, я бы заколол стражника, охраняющего мой сон... Ты говоришь о мире!.. Проснись, Актеон! Если хочешь найти где-нибудь мир, отправляйся с этой гречанкой, которую любишь, далеко... далеко... Там, где я, ты не найдешь спокойствия, пока я не стану повелителем мира. Война следует за мной по пятам, кто не подчиняется мне, тот должен умереть или стать моим рабом.

Грек понял угрозу, заключавшуюся в этих словах.

— Вспомни Ганнибал, что этот город все равно, что Рим. Он союзник республики, и она покровительствует ему.

— Ты думаешь, я боюсь Рима?.. Я ненавижу Сагунт за то, что он кичится своим союзом, а меня презирает и забывает, хотя я здесь. Он делает вид, что спокоен, потому что ему покровительствует эта отдаленная республика, и относится с насмешкой ко мне, хотя я царствую над всеми полуостровами до самого Эбро и стою, так сказать, у ворот Сагунта. Он враждует с турдетанцами, моими союзниками, как все иберийские племена, и в своих стенах обезглавливает любящих меня горожан, друзей великого Гамилькара... О, слепой и надменный город! Дорого тебе обойдется, что в тебе живет Ганнибал, и ты его не знаешь!..

Обернувшись на седле, он с угрозой смотрел на Акрополь Сагунта, обрисовывавшийся в предрассветном тумане.

— Рим устремится на тебя, как скоро ты нападешь на его союзника.

— Пусть себе! — вызывающе воскликнул африканец. — Этого я именно и желаю. Мир тяготит меня: не могу я привыкнуть к мысли о порабощении Карфагена, пока существуют такие люди, как я и мои друзья. О, Рим! О, Африка! Пусть же наступит скорей последнее столкновение, высшее напряжение, и пусть станет господином мира народ, который устоит на ногах... Я ненавижу богачей своей страны, живущих беспечально, забывая позор поражения, потому что они могут спокойно торговать и набивать свои подвалы серебром. Эти негодяи после наших поражений в Сицилии задумали было покинуть Карфаген и переселиться на острова Великого моря, чтобы жить в покое. Это настоящие карфагеняне-финикияне, не знающие другой славы, кроме меновой торговли, других стремлений, кроме открытия новых гаваней для сбыта своих товаров. Мы, семья Барка — ливийцы: мы потомки богов; у нас, как у них, широкий горизонт мысли; мы стремимся или повелевать, или умереть... Эти купцы не понимают, что не достаточно быть богатым; что необходимо господствовать и внушать страх; они

образуют в Карфагене партию мира, отравившую жизнь моего отца своим сопротивлением и меня поставившую особняком, без помощи, кроме той, какую я могу достать себе на полуострове. Они не понимают, почему Барки стремятся к мировому могуществу Карфагена. Отец в потере Сицилии видел смерть для нашего народа и пытался спасти его. Мы лишились большей части нашей древней торговли: нам нужно было войско для защиты против римского честолюбия, а войска у нас не было. Граждане Карфагена годятся для того, чтобы воевать в своих землях. Коммерсанту в тягость оружие и он не выносит походов в продолжении целых месяцев и даже лет во враждебных странах. Им легче получать прибыль путем торговли, чем добывать добычу кровью, и так как они любят деньги, то неохотно платят иностранным солдатам. Ради денег Гамилькар привел нас на полуостров, и мы открыли карфагенянам новые гавани и рынки, а Барки содержат войско, набранное ими самими. Мы не обращаем внимания на то, что в карфагенском сенате друзья мира отказывают нам в доставке солдат. Иберийские племена любили моего отца, узнав на деле его энергию, и они возьмутся за оружие по призыву Барков против врага, которого мы им укажем.

И Ганнибал взглянул на далекие горы, будто видя в них бесчисленные варварские народы, жившие там, занимаясь земледелием или скотоводством.

— Гамилькар пал,— продолжал он грустно,— собираясь осуществить свои мечты: собрать большое войско, чтобы вступить в борьбу с Римом и употребить собственные богатства для поддержания войны, не прибегая к помощи африканских купцов. Газдрубал, красавец-муж моей сестры, потерял восемь лет, унаследовавших ему. Он был хороший правитель, но плохой полководец. На этот раз Ваал, наш жестокий бог, руководил рукой его убийцы, чтобы его наследовали другие, способные уничтожить вечного врага Карфагена... И это сделаю я, слышишь, грек? Тебе первому я открываю свои мысли. Пришла минута дать решительную

битву. Рим скоро узнает, что существует Ганнибал, который пошлет ему вызов, овладев Сагунтом.

— Это тебе будет трудно, африканец. Сагунт силен, и я, приехавший из Нового Карфагена, видел там только слонов, остатки войска твоего отца и нумидийских всадников, посланных вашими друзьями из Африки.

— Ты забываешь иберийцев и кельтиберийцев и весь полуостров, который целиком поднимется, чтобы взять Сагунт. Страна бедна, а в городе много богатств. Это я видел. Их хватит, чтобы платить в течение нескольких лет войскам, и от берегов самого Великого моря придут лузитанские племена, привлеченные жаждой добычи и ненавистью, которую туземцы-варвары питают к богатому и цивилизованному городу, где живут пользующиеся их трудами. Ганнибалу не трудно будет овладеть республикой земледельцев и купцов.

— А после того, как ты овладеешь ею?..

Африканец не отвечал, склонив голову на грудь с загадочной улыбкой.

— Ты молчишь, Ганнибал? Овладев Сагунтом, ты вовсе не продвинешься вперед. Рим будет обвинять тебя в нарушении трактатов, а карфагенский сенат станет проклинать тебя; твоя голова будет оценена, твоим солдатам прикажут не повиноваться тебе, и ты умрешь распятым или будешь скитаться по свету, как беглый раб.

— Нет, клянусь огнем Ваала,— воскликнул запальчиво воин,— Карфаген ничего не предпримет против меня! Он примет войну с Римом, даже если я не стану добиваться ее. У семьи Барка там много сторонников; чернь желает войны, надеясь на добычу и раздел; весь сброд предместий охвачен жаждой разграбить полуостров после того, как будет уплачено войскам. Гамилькар и Газдрубал поступали также. Народ способен броситься с кинжалами на богачей, если бы они что-нибудь предприняли против Ганнибала. Девять лет после смерти отца я не возвращался в Карфаген; но народ обожает мое имя. И партия мира последует за мной на войну, если я ее призову к войне.

— Как же ты победишь Рим?

— Не знаю,— ответил Ганнибал со своей загадочной улыбкой.— У меня много мыслей, которые заставили бы засмеяться моих друзей, если бы я их рассказал им... Я воображаю себя титаном, взбирающимся на недоступные горы, пробираясь извилистыми тропинками, блуждая в снегах, взбирающимся до самого неба, чтобы с большой силой устремиться на врага... Не спрашивай меня: я ничего не знаю. Моя воля говорит: «дерзай», и этого довольно... Я ей повинуюсь.

Ганнибал замолк, нахмутив брови, как бы опасаясь, что сказал лишнее.

Уже совсем рассвело. По дороге шли женщины с корзинами на головах. Два раба, несшие большую амфору, подвешенную на коромысле, остановились на минуту, разговаривая с ними. Африканец потрепал лошадь по шее, как бы намереваясь пустить ее.

— В последний раз спрашиваю тебя, грек: едешь? Актеон отрицательно покачал головой.

— Я слишком хорошо знаю тебя, чтобы просить тебя забыть, что ты видел Ганнибала. Ты умен: ты знаешь, что молчание полей должно поглотить сказанное мной и нет надобности повторять, что ты слышал здесь. Будь счастлив со своей новой любовью и живи в мире; родившись орлом, чтобы летать, ты думаешь, что уживешься в курятнике. Если же когда-нибудь ты станешь биться в рядах врагов против меня, я не убью тебя, не сделаю тебя своим рабом. Хотя ты и не следуешь за мной, я люблю тебя, я не забываю, что ты первый научил меня пускать стрелу из лука. Да хранит тебя, Ваал, Актеон! Теперь мои ждут меня в гавани.

И он ускакал в своем развевающемся плаще, окруженный облаком пыли мимо поселян и рабов, жавшихся к краям дороги, чтобы дать ему проехаться.

IV. Среди греков и кельтиберийцев

Актеон никому не рассказал об этой встрече. Даже больше того: через несколько дней он забыл о ней. Он видел, что в городе, уверенном в покровительстве Рима, своего соперника, все спокойно и идут приготовления к большим Панафейским празднествам; и мало-помалу воспоминание о встрече с африканцем стало в его памяти смутно, как сон.

Слова Ганнибала казались юношеской заносчивостью. Ненавистный богачам своей родины, без иной опоры, кроме той, какую он мог бы достать себе сам, карфагенянин не был в состоянии выполнить смелое предприятие: напасть на город, союзный с Римом, и нарушить таким образом карфагенские трактаты.

Кроме того, грек переживал период сладкого опьянения; он постоянно находился или в объятиях Сонники, или вместе с ней наслаждался прохладой перистилия, слушая игру на лирах рабынь или флейтисток и глядя на танцы гадесских танцовщиц, между тем, как его возлюбленная украшала его голову венком из цветов или обливала драгоценными духами.

По временам его беспокойный дух путешественника и война побуждали его искать движения и борьбы, восставая против изнеженности. Тогда он отправлялся в город. Там он беседовал с Мопсострелком и прислушивался к слухам на Форуме, посетители которого, не подозревая планов Ганнибала относительно Сагунта, говорили о возможности каких-нибудь замыслов африканского вождя про-

тив города и смеялись над его силой, полагаясь на крепость своих стен, а еще более на покровительство Рима, которому на берегах Иберии так же легко восторжествовать над карфагенянами, как он восторжествовал над ними в Сицилии.

У Актеона завязалась большая дружба с Алорко, кельтиберийцем. Ему нравилась мужественная гордость варвара, благородство его чувств и почти религиозное почитание, проявляемое им к греческой культуре. Его отец, старый и больной, был царьком одного племени, пасшего в кельтиберийских горах большие стада рогатого скота и табуны лошадей. Алорко был единственным его наследником и должен был со временем управлять этим суровым, диким народом, постоянно ведущим междоусобные войны, похищая друг у друга лошадей, а в голодные годы спускавшегося с гор, чтобы грабить земледельцев равнин. Отец воспитывал Алорко с детства в Сагунте, и таким образом к юноше привились греческие обычаи; когда он достиг совершеннолетия, его самым горячим желанием было вернуться в приморский город, и он жил здесь с несколькими слугами из своего племени и чудными лошадьми, не обращая внимания на сегования старика, которому уже оставалось недолго жить. Сагунтийцы же смотрели на него почти как на согражданина.

Он желал принять участие в Панафейских празднествах, желал, чтобы греки видели его участие в скачках и присудили ему оливковый венец. Он был очень благодарен Актеону за то, что тот, пользуясь влиянием Сонники, убедил старшин допустить кельтиберийца к участию в большой процессии, которая должна была двинуться из Акрополя, чтобы отнести первые колосья в храм Минервы.

В те дни, когда афинянину наскучивали пение и благовония, или когда он, отуманенный ласками гречанки, казалось, сгоравшей последней страстью своей жизни, вскакивал с ложа на рассвете, он схватывал лук и дротик и в сопровождении двух великолепных собак отправлялся в окрестности Сагунта, гоняясь за горными козами, спускавшимися с окрестных гор.

Во время одной из таких прогулок у него произошла встреча. Было около полудня, солнце стояло над головой, и собаки, высунув языки, медленно направились к роще вековых смоковниц с ветвями, спускавшимися до земли, образуя своей листвою темные беседки. Актеон приказал молчать своим животным и двигался осторожно, подняв лук. Вдруг, раздвинув листву, увидел на площадке, образованной деревьями, своих двух друзей — Ранто и Эросиона.

Мальчик сидел на полу перед кучкой красной глины, которую он медленно лепил, хмурия брови и задумчиво посвистывая. Пастушка, совершенно обнаженная, не стыдясь здоровой и невинной красоты и довольная, что ею любят, улыбалась Эросиону и каждый раз слегка краснела, когда артист поднимал глаза из-под бровей на свою модель.

Актеон впился взглядом в формы этого юного тела. Он испытывал восхищение греков перед красотой, он любовался нежными и маленькими, как розовые бутоны, грудями, едва обозначившимися на теле, слегка выдающимися бедрами, волнистой линией всего тела, от затылка до ног, придававшей еще более очарования его чистоте, грацией красивого юноши, соединенной с обаянием пола. Его вкус утонченного грека оценил свежесть форм, и он сравнивал их про себя с упоительной, хотя несколько зрелой, красотой Сонники.

Ранто, увидев голову грека, просунувшуюся через листву, пронзительно вскрикнула и бросилась за смоковницу искать свою одежду. В чаще зазвенели бубенчики коз, встревоженных криком пастушки, и животные подняли кверху свои блестящие головы с влажными глазами и витыми рогами.

— Это ты, афинянин? — спросил Эросион, вставая с недовольным видом. — Ты испугал Ранто своим неожиданным появлением.

И затем он прибавил шаловливо:

— Ранто — твоя рабыня, я знаю это. И также знаю, что ты — хозяин гончарни, где я работаю. Ты высоко поднялся с того дня, когда мы повстречались с тобой на Змеиной дороге. Ты теперь вертишь как хочешь Сонникой: любовь сделала ее твоей рабыней.

— Ничей я не хозяин,— ответил грек просто.— Я ваш друг и помню, что первый кусок хлеба, который я съел в городе, я получил из ваших рук.

Эти слова, по-видимому, пробудили доверие Эросиона.

— На что ты смотришь, афинянин? На эту глину? Как ты должен смеяться надо мной! Ты уверен, что из меня не выйдет художник. Бывают минуты, что я чувствую себя способным создать великую вещь: я вижу ее, она как будто стоит во весь рост у меня в голове; а когда запущу руки в глину, то чувствую свою слабость и готов плакать. О, если бы я мог поехать в Грецию!

Он сказал эти слова со слезами в голосе, сердечно глядя на кучку глины, в которой уже начинали обозначаться формы Ранто.

— Если бы ты знал, сколько было разговоров прежде чем она решилась показать мне божественную наготу своего тела... Не удивляйся, она из племени варваров: она боится посоха своего деда-пастуха, которого бы ей пришлось попробовать, если бы он увидел ее, как тебе пришлось увидеть. Я говорил ей о наших ваятелях, рассказывал, как наши красивейшие гетеры спорили за честь обнажиться перед ними, и единственное, побудившее ее решиться, было то, что ее госпожа Сонника делала то же в Афинах... Но все же, как скопировать ее божественное тело? Как вдохнуть в глину, которую месишь, жизнь, бьющуюся под кожей?

В своем отчаянии юноша угрожал глиняной фигурке, будто собираясь растоптать ее. Все более оживляясь, он сказал наконец решительно:

— Только я сильнее своего неумения. Я буду работать годы и еще годы, если понадобится, пока не воспроизведу во всей его красоте божественное тело Ранто. Я не пойду в гончарню, хотя бы старый стрелок избил меня. Я начал свою статую, надеясь, она появится на Панафейской процессии. Ранто понесет ее на голове и люди будут тесниться, чтобы увидеть ее. Я жду только минуты вдохновения, счастливого проблеска. Кто знает, не спустятся ли ко мне музы завтра, и я почувствую силу в руках, чтобы выполнить свою мечту?..

И смело опустившись в водоворот своего воображения, молодой художник поведал афинянину свои мечты.

— Если мне удастся окончить эту статую, будущее — мое: через несколько дней мое имя будут с восторгом повторять на Форуме и в городе. Я навсегда освобожусь от гончарни; после того, как весь Сагунт полюбуется моей статуей на празднествах, я подарю ее Соннике, и твоя возлюбленная, такая щедрая, отправит меня на одном из своих судов за море. Я увижу Афины, буду любоваться всем, что ты видел, а потом... потом!.. Взгляни, Актеон через эти листья. Что ты видишь на горах Акрополя? Ничего. Стены из больших камней, колоннады, высокие крыши храмов, но ни одной статуи, что возвещала бы издали о славе города. Говорят, что над афинским Акрополем возвышается гигантская фигура Паллады, вся из бронзы и золота, с копьем, горящим при солнечном свете и светящим, как пламя, морякам, плывущим в море. Правда ли это? И вот мне много ночей снится нечто подобное, и я вижу, как Эросион, великий художник, вернувшись из Афин, воздвигает на нашем Акрополе свое колоссальное произведение — быков Герiona, огромных, с золочеными рогами, сверкающими на солнце, как факелы, а между ними Геркулес, покрытый шкурой немейского льва, подобно Ферону, его жрецу, в великие сагунтинские празднества, потрясает в вышине своей палицей, которая будет служить сигналом всем мореплавателям Сукронесского залива... О, если бы мне удалось когда-нибудь осуществить эту мысль!..

Ранто в тунике показалась из своего убежища и боязливо подошла к Актеону, глядя на него с уважением и в то же время краснея при воспоминании о наготы, в какой он застал ее. Эросион, возбужденный рассказом о своих планах, очевидно, желал бы снова приняться за работу. Он смотрел на свое произведение и, казалось, глазами раздевал пастушку, чтобы иметь возможность продолжать.

Афинянин понял, что его присутствие мешает молодым.

— Работай, Эросион,— сказал он.— Сделайся великим художником, если можешь. Скульпторы Афин позавидовали бы твоей модели. Теперь, зная, что вы скрываетесь здесь, я постараюсь не досаждать вам своим присутствием.

Он так и сделал. Он уже не возвращался в рощу смоковниц, чтобы не мешать молодым в их убежище: ему — пылающему честолюбию, ей — покоренной любовью.

Наступил день празднества. Весть о торжестве распространилась далеко за пределы Сагунта, и целые толпы кельтиберийцев собирались в город, чтобы взглянуть на сельские празднества.

Поселяне оставили работы и, одетые в лучшее платье, с вечера спешили в город, чтобы принять участие в чествовании богини нив. Они несли огромные снопы пшеницы, перемешанной с цветами, чтобы принести в дар богине, и белых ягнят для жертвы на ее амфоре.

На рассвете город наполнился пестрой толпой, запрудившей Форум и берега реки, чтобы видеть лошадиные скачки.

Около Бетис-Перкеса была устроена большая эстрада, на которой должно было происходить состязание между знатнейшими сагунтийскими гражданами. Сенаторы председательствовали на празднестве, сидя на скамьях, охраняемых отрядом наемной стражи. На одном конце арены сыновья коммерсантов и богатых земледельцев, вся сагунтинская молодежь ожидала сигнала; почти обнаженные, опираясь на свои легкие копыя, молодые люди держали в поводу неоседланных лошадей, горячившихся и кусавшихся в ожидании состязания.

Подали сигнал к началу, и все, опираясь ногой о древко копыя, одним махом взлетели на коней и плотной толпой помчались по дороге. Несметная масса народа приветствовала всадников, сидевших так плотно на спинах своих скакунов, будто составлявших с ними одно целое. Держа кверху копыя, они криком возбуждали себя и поднимали облака пыли, сквозь которую виднелись ноги лошадей, брюхами почти касавшихся земли.

Бешеная скачка продолжалась долго. Несколько ездоков, менее искусных или имевших худших лошадей, отстали, число всадников, очевидно, уменьшалось. Последний, не покинувший путь и все время шедший во главе скачки, должен был получить венец, и в толпе держали пари за кельтиберийца Алорко и афинянина Актеона, которые с первого мгновения вели скачку.

Граждане, не намеревавшиеся ожидать под жгучим солнцем конца скачки, шли вдоль берега реки к стенам, в тени которых юноши боролись один на один или бились на кулаках, ожидая награды за ловкость. Другие, более мирные, направлялись на Форум, где под портиками между изящной молодежью происходило состязание в пении и музыке и победителя венчали лавровым венком. Сидя в креслах из слоновой кости, окруженные красивыми рабами, обмахивавшими их миртовыми ветвями, Лакаро и его друзья играли на флейте или на лире, пели греческие стихи с притворно нежным выражением. Среди слушателей кое-кто смеялся, передразнивая нежность их голосов; но другие унимали с негодованием насмешников, увлеченные пением, производившим, несмотря на отпечаток женственности, своим искусством впечатление на примитивные души.

Около полудня восторженные толпы потоком запрудили тесный Форум. То был народ, возвратившийся со скачек, приветствуя победителя. Наиболее восторженные, сняв мужественного Алорко с коня, поднимали его на руках. Оливковый венец украшал его длинные волосы, растрепавшиеся и покрытые пылью. Актеон шел рядом, по братски приветствуя его торжество и не проявляя ни малейшей зависти.

Певцы, захваченные этой волной энтузиазма, вернулись к своим креслам и инструментам. Лакаро надел на себя лавровый венок при общем равнодушии, приветствуемый только своими рабами. Весь энтузиазм граждан был целиком отдан победителю скачки: народ восторгался его силой и ловкостью.

Наступил торжественный момент: должна была начаться процессия. В коммерческом квартале рабы

перекидывали от одной черепичной кровли к другой красные и зеленые покрывала, дававшие тень улицам. Окна и террасы покрывались пестрыми коврами с затейливым рисунком, а в дверях рабыни ставили жаровни, чтобы жечь благовония.

Богатые гречанки, сопровождаемые слугами, несшими резные носилки, искали место на ступенях храма или под навесами Форума, а народ становился у домов, с нетерпением ожидая появления шествия, устанавливавшегося за стенами. Толпы детей, совершенно голых, бегали по улицам, махали митовыми ветвями и громкими криками восхваляли богиню.

Скоро толпа заволновалась, раздражаясь восторженными криками. Шествие в честь Минервы вступило через ворота Змеиной дороги и медленно приближалось к Форуму по кварталу торговцев, устроителей праздника.

Во главе шли почтенные старцы с длинными бородами, одетые в белое, в мантиях с глубокими складками, с седыми волосами, увенчанными зеленью, и неся в руках масличные ветви. За ними — наиболее знатные граждане, вооруженные копьями и щитами, с забралами греческих шлемов, спущенными на глаза, гордо выставляя на показ сильную мускулатуру своих рук и ног. Потом шли наиболее красивые городские юноши, увенчанные цветами и пели гимн в честь богини; бежали голые дети, приплясывая с детской грацией, взявшись за руки и образуя цепь, извивающуюся причудливыми изгибами. Тут же шли девицы, дочери богатей, в одних только туниках чистейшего льна, обрисовывавших их молодые прелести. Они несли в руках легкие тростниковые корзиночки, покрытые покрывалами, скрывавшими орудия для жертвоприношения богине, и снопы свежей пшеницы, чтобы возложить на ее алтарь вместе с пригоршнями золотых колосьев. Для указания на положение богатых девушек, за ними рабыни несли деревянные носилки с инкрустациями из слоновой кости и полотняные зонтики с большими пестрыми султанами на верхушке.

Группа рабынь, известных своей красотой, во главе которых шла Ранто, несли на головах амфоры

с водой и медом для возлияний в честь богини. За ними выступали все городские певцы и музыканты, увенчанные розами, в широких белых одеждах. Они играли на лирах, на флейтах, а несколько греков из гончарной Сонники, бывшие бродячими певцами в своей стране, пели отрывки из «Троянской войны» перед толпой варваров, едва понимавших их, однако, восхищавшихся гармоническим ритмом стихов Гомера.

Люди толкались, вытягивали вперед головы, чтобы лучше видеть танцовщиц Марса, выступавших обнаженными, вооруженных дротиками и кинжалами. Двое рабов несли висевшие на шесте, положенном на их плечи, бронзовые щиты, по которым другие ударяли палками, и при их звонких звуках танцовщицы исполняли пляску, делая вид, что нападают друг на друга: махали дротиками и кинжалами, испуская дикие крики и представляя пантомиму, воспроизводящую главные моменты жизни божества.

Среди этой сутолоки, наполнявшей улицы и заставлявшей реветь от восторга чернь, возбужденную видом сражения, появился ряд девушек, поддерживавших тончайшее покрывало, на котором самые знатные гречанки города вышили битву Минервы с титанами. Это был дар, который они несли в новый храм богини на вечное воспоминание о празднестве.

В заключении процессии двигался священный отряд всадников, состоявший из самых богатых граждан, ехавших на великолепных конях, принуждавших толпу отступать к стенам. Они представляли мужественные фигуры и горячили своих скакунов, на которых ехали без седел, с одной только уздой, обхватив лошадь коленами и бедрами. Старые ездоки защищали себя от жары по афинскому обычаю большими шляпами. На молодых были крылатые каски Меркурия, или они ехали с обнаженными головами и короткими волосами, перехваченными перевязью. Алорко выставял на показ свой венец победителя, а Актеон, ехавший рядом на одном из коней кельтиберийца, улыбался толпе, смотревшей на него с некоторым почтением, как будто он

был супругом Сонники и владел ее огромными богатствами. Всадники с гордостью смотрели на мечи, которыми были опоясаны и которые ударялись о бока лошадей и окидывали взглядом высокий Акрополь с расстилавшимся у его подошвы городом, как бы выражая уверенность в своей силе и спокойствии, в каком мог жить Сагунт под их охраной.

При появлении блестящего шествия толпа приветствовала Соннику. Окруженная рабынями, она поднялась на площадку большого здания, служившего в торговом квартале для склада товаров. Она была устроительницей прекрасного афинского праздника в Сагунте. Она приносила покрывало в дар Минерве. Курильницы распространяли в воздухе благоухание; из окон на девиц лился дождь роз; оружие сверкало, и в минуты, когда замолкал гул толпы, издали доносился звук лир и флейт, сопровождавших нежной мелодией голоса певцов Гомера.

Суровые кельтиберийцы, собравшиеся, чтобы посмотреть на праздник, молчали, пораженные шествием, ослепившим их сверканием оружия, блеском драгоценностей и пестротой одежд. Сагунтинцы приветствовали своих сограждан-греков, восхищаясь великолепием празднества.

Торжественным шествием праздник еще не закончился. На вечер оставалось развлечение для народа — праздника бедноты. Вдоль стен должен был происходить бег с зажженными факелами в память Прометея. Участниками в нем были моряки, гончары, земледельцы — все свободные и бедняки из порта и полей. Победителем признавался тот, кому удастся оббежать вокруг всего города с зажженным факелом. У кого факел погасал и кто шел осторожно, чтобы защитить огонь, того провожали свистки и пинки толпы. Впрочем, и богатые с увлечением принимали участие в этом народном развлечении, сопровождавшемся большим весельем.

Когда вся процессия вступила уже в Акрополь, Алорко увидев в толпе кельтиберийца на вспотевшей лошади, знаками подзывавшего его.

Алорко, выехав из ряда, подъехал к всаднику.

— Что тебе надо? — спросил он на суровом наречии своей страны.

— Я из твоего племени. Твой отец — мой начальник. Я прибыл в Сагунт, три дня проехав по пустыне. Алорко, отец твой умирает и зовет тебя. Старейшие племени приказали, чтобы я не возвращался без тебя.

Актеон, выехав из рядов священного отряда, последовал за другом и слышал разговор; он не понял ни слова, но по побледневшему лицу кельтиберийца догадался о каком-то несчастье.

— Плохие вести? — спросил он Алорко.

— Отец умирает и зовет меня.

— Что же ты думаешь делать?

— Ехать немедленно. Мои призывают меня.

Оба всадника направились в сопровождении кельтиберийского посланца к выходу из города.

Актеон чувствовал участие к своему приятелю. Кроме того, в нем проснулось желание путешествовать, возбуждаемое столько раз рассказами кельтиберийца.

— Хочешь, я поеду с тобой, Алорко?

Молодой человек взглядом выразил свое согласие, однако, отказался принять предложение, ссылаясь на срочность, с которой должен уехать. Греку надо проститься с Сонникой; разлука наверное огорчит ее; он желал бы немедленно пуститься в путь.

— Обойдемся без прощания,— сказал грек со свойственной ему веселой беззаботностью.— Сонника покорится, когда я пошлю ей сказать через раба, что отлучусь на несколько дней. Ты хочешь отправиться немедленно? Хорошо, мы поедем вместе. Я хочу сопровождать тебя. Мне любопытно взглянуть вблизи на твою страну с ее варварскими обычаями и храбрыми, суровыми обитателями, о чьих подвигах ты мне так много рассказывал.

Они проехали город: все улицы были пусты, население устремилось в Акрополь. Актеон заехал на минуту в товарный склад Сонники, чтобы сказать о своем путешествии ее рабам; затем он догнал своего друга, и оба выехали из города.

Алорко жил в одной из гостиниц городского предместья — огромном здании с глубокими воротами и обширными внутренними дворами, где пос-

тоянно раздавался разговор на различных наречиях из глубины полуострова — голоса охрипших и разгоряченных купцов, торговавшихся за скот и товары. С молодым кельтиберийским вождем в Сагунте жило пятеро людей его племени, ходивших за лошадьми и прислуживавших ему, как свободные слуги.

При известии об отъезде эти сыны гор закричали от радости. Они томилась бездействием в этой богатой, плодородной стране, нравы которой были так ненавистны, и стали поспешно готовиться к выступлению.

Солнце клонилось к закату, когда началось путешествие. Алорко и Актеон ехали впереди, накинув капюшоны на головы, закрыв грудь куском полотна по кельтиберийскому обычаю, с коротким широким мечом у бока и кожаными щитами, висевшими на поясе. Пятеро слуг и кельтиберийский гонец, вооруженные широкими копьями, заключали шествие, ведя за собой двух мулов, нагруженных вещами Алорко и провизией на время путешествия.

В этот вечер они ехали по проезжей дороге. Они были на сагунтинской земле и проезжали мимо возделанных плодородных полей, красивых загородных домов и местечек, теснившихся вокруг башен, служивших им защитой. При наступлении ночи отряд остановился в бедной горной деревушке. Здесь оканчивались сагунтинские владения, и тамошние племена вели почти постоянную войну с прибрежными обитателями.

На следующее утро грек увидел совершенно изменившийся пейзаж. Море и зеленая равнина скрылись из глаз, на горизонте выступали горы и одни только горы, некоторые, покрытые высокими елями, другие красные с голубоватыми выступами и поросшие вереском, из которого под копытом лошадей поднимались стаи птиц и, обезумев, металась между ног лошадей.

Дороги не были проложены человеческими руками. Лошади с трудом пробирались по тропинкам, протоптанными другими путешественниками; много раз с вершин скатывались глыбы камней, и

горные речки перерезывали путь. Всадники взбирались по скалам до самых вершин, где их встречали криком орлы, выходявшие из себя от злобы, видя это нашествие в их тихую область; они спускались в пропасти, глубокие ущелья, где царствовали могильные сумерки и где гнездились вороны, привлеченные трупом какого-нибудь павшего животного.

Вдали, в небольших долинах, или на берегу речки, виднелись группы бедных глиняных хижин с соломенными крышами, где были проделаны отверстия для света и дыма. Женщины, костлявые и одетые в кожи, окруженные голыми ребятишками, выходили из дверей, чтобы издали взглянуть на проезжавших всадников, явно выражая тревогу, как будто появление незнакомых могло означать только одно бедствие. Другие, очень молодые, с голыми ногами и только спереди прикрытые лоскутом ткани, прикрепленным у пояса, косили редкую пшеницу, едва возвышавшуюся золотой щеткой над скудной, беловатой почвой. Мальчики, крепкие и некрасивые, но здоровые, спускались с гор, неся за плечами большие связки хвороста, между тем как мужчины, со включенными волосами, спускавшимися на бородатые, загорелые лица, в тени ореховых деревьев плели из воловьих жил щиты или упражнялись в стрельбе из лука и владении копьем.

На высоких дорожках показывались всадники подозрительного вида на маленьких, длинношерстных лошадках — полупастухи, полуразбойники, одетые в кожи и вооруженные длинными копьями. Они вглядывались в путников и, убедившись в их силе, возвращались к своим стадам, пасшимся в глубоких горных расселинах, поросших вереском.

Актеону нравилась суровая жизнь этих людей. Хижины их были из красного кирпича или камня, скрепленного глиной, крыши из ветвей; женщины, более некрасивые и подвижные, чем мужчины, исполняли трудные работы. Только дети помогали матерям. Юноши брались за копье и под руководством старших учились сражаться как пешком, так и верхом; они объезжали жеребят, прыгая им на

спину и прыгивая на полном скаку, или скакали, стоя на коленях неподвижно, со свободными руками, чтобы схватить кинжал или меч.

В некоторых деревушках путешественников принимали с традиционным гостеприимством, а иногда даже выражали свое удовольствие, узнавая Алорко, наследника Эндовеллина, страшного главы племени Барка, пасших свой стада испокон века по берегам Халона. Горцы приказывали женщинам готовить постели из кож, покрытых мягким сеном, надевали на вертел теленка и жарили его на огромном костре в честь приезжих, а на пути женщины останавливали их у дверей хижин, предлагая им в больших глиняных сосудах горькое пиво, приготовляемое в долинах, и хлеб из желудевой муки.

Алорко рассказывал афинянину об обычаях своих соплеменников. Они собирали желуди — свою главную пищу — и, выставив их предварительно на солнце, чтобы они высохли, очищали от кожи, мололи и запасались мукой на шесть месяцев. Этот хлеб, продукты охоты и молоко составляли главную пищу. Случалось, что чума опустошала стада, поля не давали урожаев. Когда голод свирепствовал среди населения, более сильные съедали более слабых, чтобы существовать. Алорко помнил, как старики рассказывали ему, что это бывало в старые годы, когда Нетон, Аутубель, Наби и другие местные божества, разгневавшись на народ, насылали на него страшную кару.

Молодой кельтибериец продолжал рассказывать об обычаях. Многие из женщин, работавших так усердно в полях, часто погибали в раннюю пору своей жизни. Едва только ребенок появлялся на свет божий, его погружали в ближайшую реку, чтобы этим испытанием закалить против холода и укрепить организм. И между тем, как мать вскакивала с постели, принимаясь немедленно за работу, муж ложился на ее место, укладывая рядом с собой новорожденного. Еще не оправившаяся женщина готовила пищу обоим и окружала своего сильного повелителя уходом, как бы в благодарность за плод, данный ему ей.

Несколько раз во время пути всадники встречали на краю тропинок кучи травы, на которых неподвижно лежали больные. Мухи тучей вились вокруг головы. Недалеко, так, чтобы можно было достать рукой, стояли амфоры с водой. Иногда ребенок, присевший на корточках рядом, отгонял веткой насекомых. Но были калеки, которых родные сажали, по древнему обычаю, на край дороги, чтоб они просили милосердия богов, выставляя на показ свои болезни, и чтобы прохожие мимоходом давали им лекарство, распространяя таким образом рецепты, привозимые из дальних стран.

Здоровые люди обмывались лошадиной уриной, чтобы укрепить свои мускулы. Оружие было их единственной роскошью, и они берегли, как сокровище, бронзовые мечи, привозимые с северного полуострова и стальное оружие, приготовляемое в Бильбилесе и закаленное в песках его знаменитой реки. Гибкие панцири, приготовляемые из нескольких слоев полотна, наложенных один на другой, и кожаные, украшенные гвоздями, были оборонительными доспехами, с которыми кельтибериец не расставался, даже ложась в постель. Они спали, не снимая военного плаща, с металлическими наконечниками на ногах и кладя оружие под рукой, чтобы быть готовыми к обороне, лишь только малейшая тревога нарушала сон.

После трех суток пути поезд вступил в пределы владений племени Алорко. Оно жило на склонах гор по обе стороны Халона, образовавшим веселые долины, покрытые хорошими пастбищами, где носились на свободе табуны полудиких лошадей с волнистыми гривами и развевающимися по ветру хвостами. Женщины выходили из хижины, чтобы приветствовать Алорко, а мужчины, схватив копье, вскакивали на лошадей и присоединялись к каравану. В первой деревушке, где они остановились, старик сказал Алорко, что отец его, могущественный Эндовеллико, при смерти, а в другом селении, куда приехали через несколько часов, они узнали, что великий вождь умер на рассвете.

Все воины племени, пастухи и земледельцы сели на коней, чтобы последовать за Алорко. Когда они

прибыли в деревню, где жил царек, присоединившиеся по дороге образовали целое войско.

В дверях отцовского дома — низкого строения из красного камня с бревенчатой крышей — Аларко увидел своих сестер с пучками цветов в руках и в уборе в виде сетки на головах, с которой спускались траурные покрывала.

Сестры Аларко, так же как и другие женщины, бывшие с ними, — жены первых воинов племени, — скрывали свое горе по умершему и улыбались, будто ожидая праздника. Старость считалась несчастьем у кельтиберийцев, презиравших жизнь и дравшихся для развлечения, когда не было войны. Умереть в постели считалось чуть ли не несчастьем, и единственное, смущавшее семью Эндовеллика было то, что такому знаменитому воину, пришлось умереть, дожив до седых волос, постепенно угасая, после того, как этот вождь на своем коне принимал участие в стольких битвах, где врагам не было пощады от его меча.

Одежда и наружность Актеона привлекли на него взгляды всего племени. Многие из кельтиберийцев никогда не видели ни одного грека и смотрели на прибывшего враждебно, вспоминая хитрость и уловки греческих торговцев, от которых их соплеменникам приходилось терпеть, когда они отправлялись в Сагунт для продажи серебра из рудников.

Аларко успокоил своих.

— Это мой брат, — сказал он на местном наречии. — Я жил по соседству с ним в Сагунте. Но он не из этого города. Он приехал издалека, из земли, где люди похожи на богов, и захотел сопровождать меня, чтобы познакомиться с вами.

Женщины смотрели на Актеона, как бы пораженные почти божеским происхождением, приписываемым ему Аларко.

Всадники спешили и вошли в обширный дом, служивший дворцом главе племени. Обширное помещение, закоптевшее от дыма и без других отверстий для света, кроме огромных отдушин, похожих на бойницы, служило местом сбора и совета воинам племени. На одном конце находился огромный камень, на котором тлели дрова, а над ним в крыше

большое отверстие, заменявшее трубу. В стене был вырублен каменный стол с грубо вырезанным на нем изображением бога племени, удушающего двух львов. Стены были увешаны копьями и щитами, шкурами диких зверей, ветвистыми рогами и белыми черепами животных, убитых на охоте. Вдоль стен тянулась деревянная скамья, прерывавшаяся у очага, чтобы уступить место возвышению, сложенному из дикого камня и покрытому медвежьей шкурой. Здесь сидел вождь.

Собравшиеся воины вошли.

Один из стариков, взяв Алорко за руку, подвел его к почетному месту.

— Садись здесь, сын Эндовеллика. Ты его единственный наследник и достоин быть нашим главой. Ты унаследовал его храбрость и рассудительность.

Прочие воины серьезными взглядами выразили одобрение словам старика.

— Где тело моего отца? — спросил Алорко, взволнованный этой простой церемонией.

— До заката солнца оно будет находиться на лугу, где ты учился объезжать лошадей и владеть оружием. Юноши нашего племени охраняют его. Завтра с восходом солнца совершится его погребение, достойное столь великого вождя. Теперь же ты, как новый царь, дай свои распоряжения по делам племени.

Алорко посадил рядом с собой грека. Женщины внесли факелы, так как сквозь узкие отверстия только слабый рассеянный свет проникал в комнату, и в ней стоял полумрак.

Сестры Алорко, опустив глаза, и в украшенных цветами туниках, обвивавших их девственные крепкие тела, обходили воинов, угощая их из роговых сосудов медом и вином. Все пили очень много, но не теряли при этом своей важности. Они говорили о подвигах умершего, о великих походах, в которых, без сомнения их поведет его наследник, причем несколько раз намекали таинственными словами на один вопрос, который должен был обсуждаться на следующих днях на совете.

Внесли ужин. Кельтиберийцы не имели обыкновения есть сидя за столом. Они продолжали сидеть на каменных скамьях. Женщины ставили рядом с

ними пшеничный хлеб, как праздничное угощение, заменяющее, обыкновенно употреблявшийся хлеб из желудевой муки. Другие женщины обносили большой сосуд, наполненный кусками жареного мяса, из которого сочилась кровь, и каждый воин брал кусок кончиком ножа. Рога, полные питья, переходили из рук в руки; когда сосед предложил греку Актеону рог, он принял его и поблагодарил, отвечая на приветливые слова, хотя и не понимал их.

По окончании ужина в комнату вошло несколько юношей племени с рогами и флейтами и начали играть странную мелодию, в которой слышалось и веселье охоты и ярость врагов в боевых стычках. Гости разгорячились, и многие из них, наиболее молодые, выскочив на середину, начали пляску, проявляя при этом большую ловкость. То была пляска, которой кельтиберийцы оканчивали все свои пиршества — упражнения, требовавшие большого напряжения мускулов и возвращавшие им силы даже в минуты наибольшего их ослабления.

Воины разошлись задолго до полуночи, оставив Алорко и Актеона одних в этом громадном помещении, наполненном дымом, среди которого трещали факелы, окрашивая кровавым оттенком варварские украшения стен. Друзья улеглись на сене, не снимая одежды и положили оружие возле себя, как делали вообще все воины, постоянно опасавшиеся какого-нибудь нападения со стороны соседей, привлеченных богатством стад племени.

С рассветом все отправились на луг, где был выставлен труп Эндовеллика. Все племя собралось на площадке около реки, молодежь верхом с копьями и в полном вооружении. Старики сидели в тени буков, а женщины и дети — вокруг костра из древесных стволов, на котором лежал труп умершего вождя племени.

Эндовеллик лежал в воинском наряде. Его поредевшие волосы выбивались из-под трехэтажного шлема; разглаженная борода спускалась на латы из бронзовых блях; мускулистые обнаженные руки держали кельтиберийский меч с короткой рукояткой, на ногах перекрещивались широкие ремни кожаной обуви. Меч, с вырезанным на нем изобра-

жением бога, борющегося со львами, лежал под головой в виде подушки.

Когда появились двое приятелей, им навстречу поднялся старик, говоривший с Алорко накануне. То был мудрейший из всех старейшин, с которым Эндовеллик не раз советовался прежде, чем предпринять свои смелые набеги. В чрезвычайных случаях он разрезал священным ножом живот у пленников, чтобы по трепетанию внутренностей предсказать будущее. Он также отсекал руки побежденным, чтобы посвятить их божеству племени, пригвоздить у дверей вождя и тем умиловить божество. Он был прорицателем, и все племя смотрело на него с благоговением и страхом, считая его способным изменить течение солнца и в одну ночь уничтожить жатву врагов.

— Подойди, сын Эндовеллика,— сказал он торжественно.— Взгляни на свой народ, избирающий тебя, как самого храброго и достойного унаследовать отцу.

Он обратил вопросительный взгляд на толпу, и воины выразили свое согласие, ударяя по щитам и приветствуя избрание такими же криками, какими возбуждали свою храбрость перед вступлением в битву.

— Ты нам король! — продолжал старик.— Ты будешь отцом и хранителем твоего народа. Чтобы выполнить свой долг, прими наследство отца... Подайте щит!..

Двое юношей подошли к изголовью костра и, приподняв голову Эндовеллика, вынули щит с изображением бога, и передали Алорко.

— Этим щитом ты будешь ограждать свой народ от ударов врагов,— сказал старик.— Теперь возьми также меч.

Юноши подали меч, вынув его из окоченевших рук умершего предводителя.

— Опяшься им, Алорко,— продолжал вещун.— Им ты будешь защищать нас и как молния разить кого тебе укажет твое племя. Подойди, юный король!

Старик взял Алорко за руку и подвел к костру на котором покоился его отец. Молодой человек

отвернулся, чтобы не видеть труп, боясь растрогаться и прослезиться в присутствии племени.

— Клянись Нетопом, Аутубелем, Наби, Каулеком — всеми богами нашего племени и всех племен, населяющих эту землю и ненавидящих иноземцев, однажды пришедших из-за моря, чтобы захватить наши богатства! Клянись быть верным твоему народу и всегда исполнять то, что решат воины твоего племени!.. Клянись телом твоего отца, который скоро превратится в пепел!

Алорко поклялся; воины вторично застучали в щиты, вторя стуку восторженными криками.

Старик с необычайной силой поднялся на ковер и сдвинул панцирь покойника.

— Возьми, Алорко,— сказал он, спускаясь и подавая новому вождю медную цепочку с висевшим на ней кружком того же металла.— Это лучшее наследие твоего отца: спасение, с которым он никогда не расставался. Нет во всей Кельтиберии воина, который не носил бы на себе яд, чтобы умереть, но не стать рабом победителя. Этот яд я приготовил для твоего отца. Целый лунный месяц я извлекал его из дикого селлера, и одна его капля убивает, как молния. Если тебе когда-нибудь случится быть побежденным, выпей и умри прежде, чем твои соплеменники увидят своего вождя с отсеченной рукой рабом врагов.

Алорко надел цепочку на шею и спрятал на груди наследие отца. После того он вернулся под деревья, где собрались старейшины.

Молодежь, занимавшаяся воинскими упражнениями на лугу, подбежала с факелами к костру. Юноши подожгли смолистые стволы, и скоро дым и пламя окутали труп.

Воины, наиболее прославленные своей силой и мужеством, окружили костер на горячившихся лошадях.

Потрясая копьями, они хрипыми криками перечисляли подвиги умершего вождя и все племя вторило им. Они рассказывали о бесчисленных битвах, из которых Эндовеллик выходил победителем, о смелых набегах, когда он достигал врага врасплох ночью, забирал запасы и уводил бесконечное число пленных и дорогих стад, для которых почти не

хватало места на землях племени; они вспоминали о его громадной силе и быстроте, с которой он умел обуздать самого дикого жеребца, и о мудрости, проявляемой им на всех совещаниях.

— Он покрывал руками рабов двери наших домов! — воскликнул один воин, как призрак промчавшись среди дыма, окружавшего костер.

И толпа кричала с жалобной интонацией:

— Эндовеллик!.. Эндовеллик!

Так они продолжали восхваление своего вождя. Пламя костра поднималось среди густого дыма к небесной лазури, и воины, громко выкрикивая подвиги умершего, ездил взад и вперед, как черные демоны в венцах из искр, заставляя прыгать своих коней через горящие головни. Подрубили костер; останки Эндовеллика рухнули вместе с пеплом и головнями, а на месте потухшего костра началась битва в честь покойного.

Воины приближались, опустив поводья своих коней, держа щит перед грудью, подняв меч кверху, и вступив в бой между собой, как будто были непримиримыми врагами. Лучшие приятели, друзья, обменивались тяжелыми ударами с увлечением народа, видевшего в борьбе лучшее развлечение. Они считали, что чем больше прольется крови, тем больше почета будет оказано умершему; если лошадь падала при столкновении, продолжали биться пешими, и щиты звенели от ударов мечей. Когда некоторые воины удалились, все покрытые кровью, борьба приняла вид общей битвы, в которую вмешались женщины и дети, разгоряченные зрелищем. Алорко приказал трубить в рога сигнал отступления, и сам вмешивался в толпу сражавшихся, чтобы разнять наиболее рьяных.

Похороны кончились. Рабы племени закопали остатки костра, и толпа, видя, что празднество кончено, в последний раз подняли рога, полные пива, чтобы выпить в честь нового короля, и затем вернулись в свои селения.

Главные воины направились в дом начальника, чтобы составить совет.

Афинянин ехал рядом с Алорко, высказывая ему ужас, вызванный варварскими и воинственными

обычаями кельтиберийцев. Так как он не понимал их языка, то воины без тревоги увидели его появление на совете рядом с новым начальником.

Колдун при почтительном молчании воинов сказал длинную речь, обращаясь к Алорко. Актеон понял, что он отдавал отчет о событиях, происшедших в племени за несколько дней до прибытия нового короля — о собраниях дружественных племен и нескольких удачных набегах, произведенных наиболее смелыми.

Он увидел, что по лицу Алорко пробежала легкая тень, как будто ему говорили о чем-то тяжелом, что шло в разрез с его взглядами. Воины смотрели на него пристально, и в глазах их читалось соглашение и одобрение всему, что говорил старик. Алорко овладел собой, внимательно выслушал колдуна, и когда тот кончил, после продолжительного молчания, сказал несколько слов и головой сделал знак согласия.

Присутствующие встретили восторженными криками согласие своего вождя и быстро вышли из дома, будто спеша сообщить весть всем бывшим вне его.

Когда грек остался один с кельтиберийцем, последний сказал грустно:

— Актеон, завтра я выступаю в поход со своим народом. Я становлюсь предводителем своего племени. Оно желает, чтобы я вел его на битву.

— Могу я сопровождать тебя?

— Нет. Я не знаю, куда мы отправимся. У моего отца был могущественный союзник, которого не могу назвать тебе, и он зовет меня, не говоря, куда. Все племя с нетерпением ждет этого похода.

И после долгого молчания Алорко прибавил:

— Ты можешь оставаться здесь, сколько хочешь времени. Мои братья будут повиноваться тебе, как бы ты был сам Алорко.

— Нет, мне нечего делать здесь, когда тебя не будет. В один день я увидел достаточно, чтобы узнать кельтиберийцев. Я вернусь в Сагунт.

— Счастлив ты, что можешь вернуться к греческой жизни, к пирам Сонники и к мирной жизни этих купцов, что тебя ничто не смущает, и ты можешь вернуться туда другом!

Оба долго молчали, как будто обоим в голову пришли мрачные мысли.

— Ты вернешься из своего похода отягощенный богатствами и приедешь в Сагунт весело проживать их,— сказал грек.

— Кто знает,— проговорил Алорко.— У меня есть предчувствие, что нам уже не увидеться с тобой, Актеон. Если мы увидимся, мы проклянем богов, и потому лучше, если не увидимся...

Они больше ничего не прибавили, как бы боясь высказать свои мысли.

Грек и кельтибериец обнялись и затем, в знак высшей нежности и братской дружбы, поцеловали друг друга в глаза.

V. Набер

Красавица Сонника думала, что навеки потеряла Актеона. Она считала внезапный отъезд за каприз непостоянного афинянина — вечного странника, побуждаемого жаждой видеть новые страны. Одни боги могли знать, куда направилась эта перелетная птица после своего посещения Кельтиберии! Теперь он уехал с Алорко; станет воевать вместе с этими варварами, и они, покоренные его образованием и ловкостью, кончат тем, что провозгласят его королем.

Сонника полагала, что афинянин никогда уже не вернется, что короткая весна ее любви походила на мимолетное счастье женщины, полюбившейся богам, ради которых они спускались на землю. Она, относившаяся так хладнокровно и насмешливо к чувству, проводила целые дни, плача на постели или как тень бродила ночью по большому саду, подолгу оставаясь в гроте, где в первый раз под рукой грека упал пояс ее туники. Рабы трепетали перед изменчивостью ее настроения: она то жаловалась, как девочка, то вдруг, во внезапной вспышке жестокости наказывала всех. И вдруг, в одно прекрасное утро, перед загородным домом явился грек на взмыленной, запыленной лошади. Он отпустил варваров свирепого вида, сопровождавших его, и с распростертыми объятиями бросился навстречу дрожавшей Соннике. Все огромное имение как бы ожило: хозяйка улыбалась, сад казался красивее, перья редких птиц на террасе сверкали ярче, веселее звучали флейты флейтисток, и рабы, не боясь

наказания, имели вид более покорный; даже воздух стал как будто мягче и небо чище...

Загородный дом Сонники снова зажил своей веселой жизнью, точно хозяйка его воскресла. По вечерам происходили пиры в обширном триклиниуме. Сонника приглашала своих изящных молодых друзей, и даже для Евфобия оказывалось место за столом, и бедному философу не приходилось предварительно считаться с палками рабов.

Сонника улыбалась, обнимая Актеона, и слушала его голос, как приятную музыку. Гости просили его рассказать о его путешествии в Кельтиберию, дивилась обычаям племен, над которыми царствовал Алорко. Паразит Евфобий не скрывал своего удовольствия, что имеет столь могущественного друга, и говорил о своем намерении отправиться к нему на некоторое время, чтобы пожить без забот, не нищенствовать и не питаться подающими сагунтских купцов.

Для афинянина снова вернулась весна любви. Он проводил дни на даче у Сонники, одетой, как обыкновенно, в шерстяную ткань ярких цветов, а полировку его тела производили ее рабыни. При наступлении сумерек Сонника шла с ним в сад, и ночь застигала их в гроте, тесно обнявшихся, прислушивающихся, как к сладкой однообразной мелодии, к песне струи, падавшей в алебастровую чашу.

Иногда, по утрам, Актеон отправлялся в город пройтись под портиками Форума, прислушиваясь к новостям с любопытством грека, привыкшего к сплетням Агоры. Он замечал необычайное волнение на большой сагунтской площади. Праздные люди говорили о войне; наиболее воинственные граждане вспоминали о своих подвигах в последнем походе против туртенданцев, конечно, преувеличивая свою храбрость, а спокойные купцы покидали свои лавки, чтобы собрать сведения, и встречали жестом отчаяния известие о возможности близкой войны. Проходя по Сагунту, Актеон видел, что рабы исправляли еще не совсем развалившиеся места вековых стен и заделывали трещины, образовавшиеся в крепкой ограде в продолжении долголетнего мира.

Мопсо-стрелок сообщал Актеону о совещаниях, происходивших между старейшинами. Ганнибал прислал к ним комиссара с требованием возвратить туртенданцам земли и добычу, отнятые у них в последнюю войну. Африканец держался с нестерпимым высокомерием, а сагунтинская республика отнеслась к нему презрительно и наотрез отказалась исполнить его требования. Сагунт мог повиноваться только своему сильному союзнику — Риму, и, уверенная в его покровительстве, кельтиберийская республика относилась равнодушно к угрозам карфагенян. Однако, несмотря на это, так как война казалась неизбежной и все боялись молодости и смелости Ганнибала, то двое сенаторов сели на корабль в порту Сагунта и отправились к берегам Италии, чтобы сообщить о происшедшем и просить покровительства римского сената.

Подобные слухи ходили в народе на Форуме, и толпа смеялась над Ганнибалом, как над заносчивым юношей, которого надо проучить. Пусть он пожалует в Сагунт, когда угодно! Карфагеняне — сицилийские изгнанники, основавшие новый город после своего изгнания римлянами из Великой Греции. Хотя они и одерживали после того победы в Иберии, но то были победы над варварскими племенами, незнакомыми с военным искусством и сделавшимися жертвами их хитрости. Нападая на Сагунт, они встретят врага, достойного себя, за спиной которого будет стоять Рим и уничтожит их.

Подобные рассуждения ободряли город. Приходили вести, что Ганнибал уже выступил в поход и медленно надвигался; и при этом известии как будто воинственный дух пронесся по Сагунту, воспламеняя самые благоразумные умы. Спокойные купцы, с глухой злобой людей, видящих, что их добру угрожает опасность, выставляли старинное оружие у дверей своих лавок или выходили на берег реки, чтобы упражняться во владении им, смешиваясь с молодежью, с восхода солнца скакавшей на конях, фехтовавшей на копьях или упражнявшейся в стрельбе из лука под начальством Мопсо.

Актеон начал проводить целые дни вне дома, несмотря на просьбы Сонники, желавшей видеть

его постоянно возле себя. Сенат дал ему начальство над *пельтастами*, легкой пехотой, и во главе нескольких сотен молодежи, босоногой и не имевшей другой защиты, кроме шерстяной кольчуги и тростникового щита, он отправлялся на берег реки и учил ее там пускать стрелы, не останавливаясь на бегу, и ранить врага, быстро пробегая мимо него, не давая ему времени ответить ударом.

По окончании упражнения, вспотевшая молодежь бросилась в реку, чтобы восстановить силы плаванием, а грек медленно отправлялся в загородный дом, останавливаясь в самых красивых местах по дороге.

Однажды вечером афинянин встретил Эросиона-гончара, сидевшего под огромным вишневым деревом. Он смотрел на самые высокие ветки, откуда лился дождь красных плодов, бросаемых невидимой рукой. С того дня, как Актеон застал его работающим над фигурой обнаженной пастушки, он не видел юношу. Эросион встретил грека улыбкой.

— Что же ты не работаешь? — спросил Актеон с отеческой добротой. — Ты кончил свою статую?

Мальчик сделал отрицательное движение с равнодушным видом:

— Статуя? Не смейся надо мной грек. Я ни над чем не работаю...

— А Ранто?

— Она на верхушке дерева собирает для меня лучшие вишни. Она лазает как коза, а мне не позволяет. Бойтся, как бы я не упал.

Листья вишни зашевелились, и вниз кубарем спустилась пастушка с голыми ногами и подолом юбки из кожи, полным вишен. Она принялась их истреблять со своим другом, и оба смеялись покрасневшими губами и украшали себе голову и уши гирляндами и подвесками из вишен.

Актеон с улыбкой смотрел на этих сильных, красивых молодых людей, возившихся и обнимавшихся, как будто они были в пустыне, не смущаясь близостью города.

— Отчего ты бросил свою работу? — спросил он.

Эросион и Ранто засмеялись при воспоминании о прошедшем.

— Я ее раздавил,— отвечал мальчик.— Я разбил ее на куски и поклялся, что не возьму в руки другой глины, кроме гончарной... если решусь вернуться в гончарную...

Он обнял девушку за талию, положил голову на ее плечо, потираясь об ее шею с любовным наслаждением кошки.

— Зачем работать? — продолжал он.— Много дней провел я над той проклятой глиной, стараясь придать ей форму этого тела, и все напрасно. Глина остается глиной и не может превратиться в тело. Когда у меня под рукой гладкая кожа моей Ранто, разве не безумство стараться передать ее жизнь комку мертвой земли! Не хочу я больше мечтать, афинянин. С меня довольно того, что я имею.

И с наивным бесстыдством он начал ласкать свою подругу в присутствии Актеона.

— Однажды,— продолжал он,— я прозрел и понял истину. Ранто стояла голая передо мной. Позабыв все из-за моей мечты, я видел в ней только одну модель, но в этот день я увидел женщину. Зачем гоняться за славой, когда в руках держишь счастье? Я мечтал сделать большую статую; чего бы я достиг ею? Чтобы люди говорили после моей смерти: «Ее сделал Эросион, сагунтинец». А я, проведя всю жизнь в работе и страданиях, даже не слышал бы этого... Нет, станем жить и наслаждаться. В этот день я палкой разбил статую и обнял Ранто. Лучше наслаждаться с ней, чем терять время с комками глины. Не правда ли, Ранто?

И он снова продолжал обнимать девушку, не обращая внимания на присутствие грека.

И последний понял по смелости юноши и по огню, горевшему в глазах пастушки, какая великая перемена произошла в них. Любовный пыл как бы изменил их тела, придав их членам грацию, полную неги, сладкую истому, которой в них прежде не было.

— Я забыл искусство и мы счастливы,— снова заговорил юноша.— Было бы безумством бежать в Грецию, оставив здесь это сокровище. Мы проводим время, бродя по полям, находим в рощах таинственные уголки за занавесями из листьев, душис-

тые темные гнездышки, за которые нам позавидовала бы сама богачка Сонника; а когда проголодаемся, доим коз Ранто, выбираем мед из какого-нибудь улья или влезаем на деревья и отыскиваем плоды. Теперь самое время: куда не повернись, везде вишни.

Он замолчал, думая, что сказал лишнее; да и Ранто делала ему знаки, что он слишком разболтался, и он прибавил умоляющим голосом:

— Ты добрый, афинянин. Ранто и я, мы смотрим на тебя, как на старшего брата с тех пор, как повстречались с тобой на Змеиной дороге. Не говори ничего отцу и Соннике. Дай нам наслаждаться этой жизнью, достойной богов...

Актеону было несколько завидно смотреть на счастье этих двух милых созданий, любивших друг друга в полях, под деревьями, как здоровые красивые животные, у которых одна вера — любовь.

— Сагунт будут осаждать, война близка. Ты не знаешь этого?

— Не знаю,— ответил Эросион, с беспечным жестом,— мне не до чего нет дела, кроме Ранто.

— А твой город? Тебя не озабочивает его безопасность?

— Я забочусь больше о поцелуях моей пастушки. Пока могу наслаждаться любовью, солнцем и плодами, какое мне дело до остального мира.

— Ты не любишь своей страны, неблагодарный?

— Теперь я люблю только вишни и эти красные губы, свежие как они.

Они расстались, и Актеон некоторое время вспоминал о встрече.

Веселая беззаботность счастливой парочки наполняла его завистью.

Прошли летние месяцы. В полях созрел виноград, и виноделы любовались близкой жатвой, скрытой под широкими листьями; а время от времени, как зловещий звук трубы, приходили вести о Ганнибале, о его победах над внутренними племенами, не желавшими подчиниться ему, и о его притязаниях на Сагунт.

Актеон угадывал близость войны, и она доставлявшая ему до сих пор средства к жизни, вызывала

в нем на этот раз глубокую печаль. Он полюбил эту землю, прекрасную, как Греция. Его душа, проникнувшаяся глубоким миром плодородных полей и богатого промышленного города, омрачалась при мысли, что эта жизнь будет скоро нарушена. Он провел свою жизнь в борьбе и приключениях и теперь, когда богатый и счастливый, он нашел мир в уголке, где надеялся окончить свои дни, война, как забытая любовница, являющаяся неожиданно снова, без всякого желания с его стороны, вынуждала его к жестокостям и разрушению.

Однажды вечером, под конец лета, он уехал верхом по направлению к городу, раздумывая об этом. В косых лучах солнца мелькали, как золотые блестки, трудолюбивые пчелы, отыскивая полевые цветы. Сборщики винограда пели в виноградниках, присев под лозами... Актеон увидел бегущего из ворот города раба, служившего при складах Сонники в Сагунте.

Поравнявшись с Актеоном, он остановился, едва переводя дыхание от усталости, и в его отрывистых словах слышался испуг. Ганнибал приближался со стороны Сетабиса... Уже в город спешили поселяне со своими стадами. Они не видели врага, но бежали, побуждаемые рассказами беглецов из пограничных сагунтинских земель. Карфагеняне перешли через рубеж; это люди, со свирепыми лицами и страшным оружием, грабят деревни и предают их пламени. Он бежал к своей госпоже, чтобы и она могла укрыться в городе.

Раб продолжал свой бег к загородному дому Сонники. Грек постоял с минуту в нерешимости. Он думал было вернуться за своей возлюбленной, но затем решил поскакать в город и из его стен доставить ей возможность спасения. Он хотел отыскать дорогу в горы, посредством которой Сагунт сообщался с племенами, живущими внутри страны и ветвь которой шла к Сетабису и Диене. При приближении к городу он начал встречать беженцев, о которых говорил ему раб.

Они запружали дорогу; стада мычали, погоняемые бичами и путаясь между повозками; женщины бежали, неся на головах большие тяжести, и таща

за собой ребят, ухватившихся за края юбки, мальчики погоняли лошадей, нагруженных домашней утварью и платьем; все перепуталось в поспешном бегстве; а ягнята прыгали по краям дороги, рискуя ежеминутно попасть под копыта скакунов. Грек ехал по направлению, противоположному потоку беглецов. Он миновал бесконечный ряд повозок и стад, крестьян и рабов — толпу, где смешались различные народности и терялись члены одной и той же семьи, отчаянно призывая друг друга среди облаков густой пыли.

Толпа начала редеть. Мимо Актеона прошли отставшие: несчастные старики, шедшие нетвердым шагом, неся за плечами корзину со всем своим добром, сгибаясь под тяжестью котлов и всякой рухляди; калеки, останавливающиеся, опираясь на клюку; брошенные животные, забирающиеся в оливковые сады по краям дороги, и затем, как бы вспомнив о далеких хозяевах, бросившиеся куда глаза глядят по полям; дети, сидевшие на камнях, потерянные родителями.

Скоро дорога стала совершенно пустынной. Вереница беглецов скрылась вдаль, и Актеон видел перед собой только прямую ленту красной земли, извивавшуюся по скатам гор. Ни одного живого существа кроме его силуэта. Звон копыт его лошади раздавался среди глубокого молчания. Как будто сама природа замерла, чувствуя близость войны. Даже вековые деревья — кривые маслины по краям дороги, большие буксы, зелеными купами покрывавшие скаты гор, — стояли неподвижные, как бы испуганные этим бегством населения, которое они привыкли видеть под своей сенью.

Актеон проехал через одно селение. Дома были пусты, улицы тихи. Ему показалось, что из одной хижины он слышит как бы тихий стон. Вероятно, какого-нибудь больного забыли в поспешном бегстве. Дальше он проехал мимо большого загородного дома. Из-за высоких стен отчаянно залаяла собака.

И снова одиночество, молчание, отсутствие жизни, разлившееся по всей окрестности. Вечерело. Издали донесся ослабленный отдалением глухой гул,

похожий на рев невидимого моря, на усиливающийся гул приближающегося наводнения.

Грек съехал с дороги; он поднялся по обработанному склону холма, покрытому виноградниками. С вершины его он мог окинуть взглядом большую часть пейзажа.

Последние лучи солнца освещали скаты гор, где вилась дорога, и на ней сверкали искрами латы отряда всадников, продвигавшегося рысью с некоторой осторожностью, как бы исследуя местность. Актеон узнал их; то были нумидийские всадники в белых развевающихся плащах, и смешавшись с ними, скакали другие воины, менее внушительной наружности, махавшие копьями и горячившие своих маленьких лошадей.

Актеон улыбнулся, узнав в них амазонок Ганнибала — знаменитый отряд, который он видел в Новом Карфагене и состоявший из жен и дочерей воинов, под командой храброй Асбиты, дочери Хиарбаса из африканского племени гарамантов. За этим отрядом дорога снова оставалась пустынной на некотором расстоянии, но в глубине, подобно темному чудовищу, извивавшемуся, как змея, обрисовывалось войско, несметная плотная орда, сверкавшая, как огненная полоса своими копьями, прерываемая местами какими-то квадратными массами, везшими передвижные башни. То были слоны.

По временам среди войска как будто загоралось новое солнце, освещая путь, по которому оно прошло. Горизонт загорался, и извилистые очертания огромной движущейся массы вырисовывались на багровом фоне. То загорались деревни. Орды Ганнибала, состоящие из наемников разных стран и варварских племен из центра, спешили к вражескому городу, и, вступив на сагунтинскую землю, вытаптывали поля и сжигали жилища. Актеон боялся, как бы его не окружили нумидийцы и амазонки. Поэтому, спустившись с холма, пустил своего коня во всю прыть к Сагунту.

Он достиг города уже ночью, и, назвав себя, попросил своего друга Мопсо отпереть ему ворота.

— Ты видел их? — спросил стрелок.

— Прежде чем пропоют петухи, они будут под нашими стенами.

Город представлял необыкновенный вид. Улицы были освещены кострами. Смоляные факелы горели в дверях и окнах, и толпы беглецов собрались на площадях, наполняли портики и жались под сводами ворот. Весь сагунтинский народ собрался в городе.

Форум представлял лагерь. Стада помещались под колоннадой, где они не могли пошевелиться и только топтались и ревели. Ягнята прыгали по лестницам храмов, семьи поселян кипятили воду на мраморном полу атриумов, и свет всех этих костров, отражаясь от стен домов, озарял город трепетным, тревожным светом. Магистрат распорядился разместить беглецов, заполнивших улицы и мешавших движению по ним, в домах богатых людей вместе с рабами, или в Акрополе, предоставив его многочисленные здания в распоряжение пришельцев. Туда перевели также и стада при свете факелов, между двумя рядами почти обнаженных людей, кричавших на волов, когда они намеревались разбежаться по склонам священного холма.

Заглушая шум толпы, раздавался звук рогов и морских раковин, призывавших граждан образовать отряды для защиты города. Купцы выходили из домов, вырываясь из объятий жен и дочерей, в греческих шлемах, увенчанных огромными пучками конских волос, и величественно подвигались среди сельской толпы с луком в руках, с пикой за спиной, перепоясанные мечом, и в кожаных котурнах. Юноши складывали у стен огромные камни, чтобы бросать ими в осаждающих, и смеялись, когда им помогали женщины, также желавшие принять участие в битве. Старики с почтенными бородами, богатые сенаторы, пролагали себе дорогу, сопровождаемые рабами, несшими охапки пик и мечей, и раздавали оружие наиболее сильным поселянам, предварительно справившись, свободные ли они.

Город, казалось, был доволен. Пусть приходит Ганнибал!.. Наиболее воодушевленные сомневались,

чтобы африканец посмел подойти к стенам их города. А если он подойдет, то все говорили, смеясь, что Карфаген погибнет под Сагунтом, да и Рим придет на помощь городу.

Сагунтские посланники уже были там, и, без сомнения, скоро должны прибыть римские легионы и в миг уничтожить осаждающих. Многие в своем оптимизме склонялись в сторону чудесного, верили, что боги совершат чудо и прибытие состоится через несколько часов, и что на рассвете, вместе с войском Ганнибала, подступившего к Сагунту, по голубой поверхности Сукронесского залива покажется туча парусов: флот, который привезет непобедимых римских солдат.

Почти весь город был у стен. Здесь теснилась толпа, так как многие думали, что, укрывшись за зубцами, они останутся невредимыми.

За стенами царствовал полнейший мрак. Замолкли, как бы в испуге, лягушки, населявшие речные камыши, но бродячие собаки в полях лаяли, не переставая: они чуяли присутствие каких-то невидимых существ, подвигавшихся во мгле и окружающих город.

Мрак усиливал напряженное опасение людей, находившихся в стенах города. Вдруг среди равнины сверкнул огонь, а затем другие в разных местах, на некотором расстоянии от города. То были факелы, при свете которых шла надвигавшаяся орда. При отблеске их красного света виделись силуэты людей и лошадей. Вдали, на скатах гор, блестели костры, вероятно, служившие сигналом отставшим отрядам.

Этот свет заставил наиболее нетерпеливых выйти из себя. Несколько юношей не могли удержаться, чтобы не начать спускать стрелы с натянутых луков. Из мрака скоро ответили. Над головами толпы раздался свист, и с ближайших домов грохоча полетели черепицы. Их сбили камни, брошенные вражескими пращниками.

Так протекла ночь. Когда петухи своим пением возвестили рассвет, большинство осажденных спало, накучив всматриваться в темноту, в которой слышался шум от невидимого врага.

На заре сагунтинцы увидели все войско Ганнибала под своими стенами. Актеон, определив расположение отрядов, не мог не улыбнуться.

— Он хорошо знает местность,— проговорил грек.— Воспользовался своим пребыванием в городе он сумел определить единственное место, откуда можно напасть на Сагунт.

На скатах гор не было видно никого. Все войско расположилось между рекой и низменной частью города, занимая огороды и сады дач знаменитого предместья, которым так гордились сагунтские богачи.

Солдаты входили в роскошные виллы и выходили из них, приготовляя утреннюю еду. Они вытаскивали богатую мебель, чтобы разводить костры, драпировались в найденные ткани и с корнем вытаскивали деревца, чтобы укрепить разбитые палатки. На другом берегу реки, на обширной равнине, рассыпались всадники, занимая деревни, дачи, бесчисленные постройки, выглядывавшие из зелени и покинутые при приближении неприятеля.

Прежде всего обратили на себя внимание сагунтинцев, возбуждая детское любопытство, слоны.

Они стояли в ряд по другую сторону реки, огромные, серо-пепельного цвета, похожие на холмы, поднявшиеся из земли в продолжение ночи, с ушами, падающими, как веера, окрашенные в зеленый цвет, и время от времени потрясали своими хоботами, казавшимися гигантскими пиявками, намеревавшимися впиться в небесную лазурь. Вожак их, с помощью солдат, разгружали с их спин квадратные башни и развертывали гигантские покрывала, покрывавшие бока животного во время битвы. Их пустили на свободу, будто поля были огромной конюшней, так как вожаки были уверены, что осада предстоит долгая и в продолжение ее не понадобится помощь ужасных животных, столь ценимых в битвах.

Вслед за слонами на берег реки прибыли боевые машины, стрелометы, тараны, подвижные башни — сложные сооружения из дерева и бронзы, влекомые двойными упряжками огромных быков с закрученными рогами.

Вся местность как будто перенесла землетрясение: она покрылась кочками разных цветов: полотняными и кожаными палатками — коническими и квадратными, но в большинстве случаев круглыми как муравейники. И вокруг них копошилась вооруженная толпа.

Сагунтинцы с вершины своих стен рассматривали войско осаждающих, занявшее всю равнину и постоянно увеличивавшееся новыми конными и пешими ордами, то и дело прибывавшими по всем дорогам, как бы порождаемые недрами близких гор. То был калейдоскоп различных племен и народностей, пестрая смесь одежд, цветов и типов, и сагунтинцы, встречавшие в своих путешествиях всех этих людей, указывали их своим удивленным согражданам.

Всадники, как бы летавшие распластавшись на своих маленьких лошадках, были нумидийцы — африканцы изнеженного вида, покрытые белыми покрывалами, с серьгами в ушах и в восточных туфлях, надушенные, с глазами, подведенными черным, но в бою горячие, сражавшиеся на всем скаку и владевшие копьем с большим искусством. Вокруг костров в садах прохаживались ливийские негры, атлетического сложения с шерстистыми волосами и ослепительными зубами, смеявшиеся с глупым самодовольством, закутывая свое голое тело в богатые ткани, похищенные ими, и дрожа жавшиеся к огню, как будто их мучила утренняя прохлада. Эти люди с темной блестящей кожей, редко виданные в Сагунте, возбуждали любопытство граждан почти наравне с амазонками, смело проезжавшими галопом вокруг стен, чтобы поближе взглянуть на город.

То были молодые, стройные женщины с загорелой кожей. Их волосы спускались из-под касок, и всю одежду составляла широкая туника, с разрезом на левом боку, обнажавшим мускулистые ноги, сжимавшие бока лошади. На некоторых были безрукавки из бронзовых чешуй, также открытые с левого бока, чтобы не мешать во время сражения, и обрисовывавшие круглоту груди, прямых и твердых, вследствие постоянных физических упражне-

ний. Амазонки сидели без седел на крепких диких лошадях, управляя ими с помощью легкой узды, и во время похода злобные животные кусались и брыкались между собой, оживляя тем отчаянную скачку. Амазонки подъезжали к самым стенам, смеясь и говоря что-то, чего сагунтинцы не понимали, они потрясали копьями и щитами, а когда в них посылали тучи стрел и камней, бросались прочь, оборачивая головы на скаку и повторяя свои насмешливые телодвижения.

Горожане различали среди серой массы солдат латы некоторых всадников, сверкавшие, как золотые искры. То были карфагенские вожди, карфагенские богачи, последовавшие за Ганнибалом — сыновья богатых купцов, сопровождающие войско скорее в качестве советчиков, чем вождей. Они были закованы в металл с головы до ног для защиты от ударов, и по духу своего племени годились скорее, чтобы управлять завоеванными землями и делить добычу, чем стяжать славу в бою.

Кроме всего этого люда, бывалые горожане указывали за стенами на настоящее осадное войско. Люди с молочно-белым цветом лица, белокурыми усами и рыжими волосами, связанными в пучок на макушке, сбрасывавшие свои казакины и высокие сапоги недубленой кожи, чтобы выкупаться в реке были галлы. Другие, бронзовые и такие худые, что кости выступали из-под кожи — африканцы из оазисов великой пустыни, таинственные люди, заставлявшие звуком своих барабанов луку спускаться на землю, а игрой на флейте плясать ядовитых змей. Рядом с ними стояли гиганты-лузитанцы с ногами, крепкими, как колонны, и грудями высокими, как скалы; уроженцы Бетики — нынешней Андалузии, не сходившие с лошадей ни днем, ни ночью из любви к ним, продолжавшейся всю жизнь; враждебные кельтиберийцы, волосатые и грязные, выставляли напоказ свои лохмотья; северные племена, обоготворяющие одиноко стоящие камни и собиравшие при лунном свете таинственные травы, чтобы варить из них разные зелья, — все люди суровых обычаев, вечно борющиеся с голодом, варвары, о которых рассказывали всякие ужасы, и,

между прочим, что будто после битвы они съедали трупы побежденных.

Пращники-балеарцы, несмотря на свой свирепый вид, возбуждали смех за стенами.

Рассказывали о странных обычаях, господствовавших на их островах, и толпа шутками встречала этих молодых людей, почти голых, вооруженных, вместо копья палкой с желтым концом и тремя пращами — одной обмотанной вокруг лба, второй вокруг пояса, и третьей в руках. Эти пращи были из конского волоса, камыша и воловьих жил, и употреблялась каждая, смотря по расстоянию, на которое приходилось метать шары.

Пращники-балеарцы жили в пещерах своих островов или в углублениях между скал и с детства приучались владеть пращей. Отцы клали им хлеб на некотором расстоянии, и они не могли съесть его, если не сбивали камнем. Их страстью было пьянство и женщины. В битвах они пренебрегали пленниками, за которых можно было получить хороший выкуп, ради того, чтобы захватить женщин, и часто отдавали по шести здоровых рабов за одну рабыню. На их островах не были известны ни золото, ни серебро; старшие, угадывая зло, порождаемое деньгами, запретили вводить монету, и балеарские пращники, состоявшие на службе у Карфагена, не имея возможности привозить заработанные деньги к себе на родину, напаявали солдат и тратились на грязных, жалких проституток, следовавших за войском. Их обычаи забавляли сагунтинцев. По словам людей, бывавших на их острове, у них был обычай, чтобы невеста стала достоянием всех гостей, прежде чем отдаться мужу, а при погребении они били труп до тех пор, пока разбивали все кости и превращали его в бесформенную массу, которую силой втискивали в узкую урну, а последнюю закапывали под кучей камней. Пращи их были ужасны. Они бросали с помощью их на большие расстояния глиняные, засушенные на солнце шары, конические на концах, и снабженные ироническими надписями по адресу того, кому предназначался шар; во время битвы бросали фунтовые камни с такой силой, что против них не могли устоять латы самого лучшего закала.

Кроме этих воинственных полчищ, по полям бродили растерзанные женщины всевозможных оттенков кожи, голые худые дети, не знавшие отцов, паразиты войны, шедшие в конце войска, чтобы пользоваться плодами побед, женщины, встречавшие ночь на одном конце лагеря, а утром просыпавшиеся на другом, изнуренные в расцвете молодости усталостью и побоями, умиравшие, брошенные всеми на краю дороги; дети, видевшие отцов во всех солдатах своего племени и несшие в походах дрова и котелки воинов, а в минуты отчаянных схваток один на один бросавшиеся под ноги противника и кусавшиеся, как злые щенята.

Актеон встретил Соннику у стены, откуда она смотрела на неприятельский лагерь при первых лучах солнца. Красавица-гречанка нашла вместе со своими рабами и солдатами убежище в Сагунте накануне вечером и успела перевезти в свои городские склады часть богатств из загородного дома. Дом, с его картинами и мозаикой, богатой мебелью, роскошной посудой,— все это осталось во власти неприятеля. И она с греком видела вдали, сквозь листву садов, террасу дачи с ее статуями, голубятню и крыши помещений для рабов, где бегали какие-то люди, как едва заметные насекомые. Там поселились враги. Они забавлялись, стреляя в азиатских птиц с пестрыми перьями и били старых больных рабов, оставленных во время бегства. Среди платанов сада поднимался дым костра. Гречанка и ее друг предвидели, что все будет разграблено и разрушено. Сонника пригорюнилась, однако не потеря части ее богатства печалила ее, но ей казалось, что разрушая место, выдавшее первые восторги ее страсти, вместе с тем убивали и ее любовь.

Когда наступило утро, на стенах Сагунта раздались крики негодования. На Змеиной дороге показались группы исступленных и кричавших женщин, обнимавших солдат.

То были «волчицы» из порта, отверженные проститутки, бродившие по ночам вокруг храма Афродиты и не смевшие показываться в городе. Когда в гавани появились первые карфагенские всадники, они с восторгом последовали за ними. Эти женщи-

ны привыкли к грубым ласкам мужчин всех наций и потому не испугались появления солдат, принадлежавших ко всевозможным племенам и народам, и их разнообразных нарядов. Не одна ли цена сухопутному или морскому волку? Они любили людей сильных, хищных птиц, раздиравших их своими когтями, и пошли по пятам карфагенян в лагерь, довольные в душе, что могут подойти к городу без страха наказания, и в насмешках над осажденными его жителями излить всю ненависть, накопившуюся за годы унижений.

Они пели, как безумные, вертясь в жадных объятиях людей, трепетавших похотью и оспаривавших их друг у друга, как бы готовясь разорвать их; они напивались дорогими винами из амфор, награбленных в загородных домах, и прижимались к плечам, покрытым золотыми сетками, похищенными минуту тому назад. Нумидийцы с восторгом смотрели на них своими влажными глазами газелей, увенчивали их венками из трав, а они заливались хохотом, как вакханки, ласкали шерстистые головы эфиопов, смеявшихся, в свою очередь, как дети, показывая свои острые зубы людоедов.

Они предавались любви под деревьями, рядом с длинными рядами лошадей, привязанных к палаткам, и, валяясь, показывали свою наготу, как бы оскорбляя своим бесстыдством осажденный город и сагунтинцев, смотревших невозмутимо на бесконечные ряды врага, но теперь дрожавших от бешенства за зубцами своих стен при таком оскорблении со стороны «волчиц».

— Подлые!.. Суки!..

Граждане, бледные от ярости, ругали их, высываясь наполовину из-за стен, как бы собираясь выскочить в поле, чтобы броситься на проституток, а они, желая еще больше раздражить горожан, удваивали свои насмешки, валялись по траве, обнажали свое тело, как бы приглашая целое войско насладиться им.

Скоро еще новый повод к негодованию возмутил душу сагунтинцев. Некоторым из них показалось, что они узнают одного кельтиберийского воина, ехавшего во главе группы всадников. Его изящная

посадка и твердость, с которой он сидел на лошади без седла, напомнили многим блестящих всадников панафейских празднеств. Когда он, соскочив на землю, снял шлем, чтобы вытереть пот, все узнали его и вскрикнули от негодования. То был Алорко! Никто другой!.. Он платил неблагодарностью городу, осыпавшему его вниманием и почестями. Его обязанности царька заставили его забыть братский прием, оказанный ему Сагунтом.

В него полетели стрелы гнева, так как обыкновенные стрелы не достигали до лагеря кельтиберийцев.

Рассерженные граждане составили род совета. Вдоль стен расположились группы, и с величием бога выступил вперед Ферон, жрец Геркулеса, устремив взоры на врага, не обращая внимания на преклонение перед собой окружающего народа.

Сагунтинцам казалось, что они видят самого Геркулеса, покинувшего свой храм в Акрополе, чтобы взойти на городскую стену. Он был обнажен: только его плечи прикрывала огромная львиная шкура. Когти зверя сходились на его груди, а голова животного с торчащими усами, острыми зубами и стеклянными глазами, сверкавшими под золотой гривой, защищала его голову. Он безо всякого напряжения нес в правой руке целый древесный ствол, служивший ему палицей, как палица бога. Его плечи возвышались над головами всех. Толпа с восторгом смотрела на его выпуклую, твердую, как латы, грудь, на руки с жилами, обозначавшимися, как виноградные лозы, обвившиеся вокруг мускулов, и на ноги, похожие на столбы, между которыми паховая область выступала с презрительным бесстыдством силы. Ферон был так громаден, что его череп казался мал по сравнению с огромными плечами, покрытыми подушками мускулов; грудь его дышала, как кузнечный мех, и все инстинктивно отступали на шаг, боясь толчка этой мясной туши — олицетворения грубой силы.

Молодые изящные друзья Сонники, не забывшие даже при таких обстоятельствах накраситься, шли за жрецом и восторгались им, приказывая толпе расступиться.

— Привет Ферону! — кричал Лакаро. — Посмотрим, что скажет Ганнибал, встретившись с тобой в бою.

— Привет сагунтскому Геркулесу! — повторяли другие юноши, лениво опираясь на плечи мальчиков-рабов.

Гигант смотрел на лагерь, где уже звучали рога и бегали солдаты, собираясь в группы. Пращники приближались осторожно, пользуясь сохранившимися строениями и неровностями почвы. Битва должна была скоро начаться. За стенами стрелки натягивали луки, а молодежь собирала камни в кучи, чтобы бросать их из пращей. Старейшины приказали женщинам удалиться. Около одной из лестниц стены, среди группы граждан ораторствовал философ Евфобий, не обращая внимания на негодование слушателей:

— Потечет кровь, — кричал он. — Все вы погибнете. А почему?.. Спрашиваю вас, что вы выиграете, не повинаясь Ганнибалу? У вас был бы покровитель, и не все ли равно — быть другом Карфагена или Рима? Если осада затянется, вы помрете с голода. Я переживу вас всех, потому что давно знаком с нуждой, как с верным другом... И еще спрашиваю вас: какая для нас выгода в том, что мы будем римлянами, а не карфагенянами? Живите и наслаждайтесь! Пусть хищники проливают кровь, а вы, прежде чем умерщвлять других людей, оглянитесь на себя. Если бы вы обращали внимание на мои советы, если вместо того, чтобы презирать меня, вы черпали бы из кладезя моей премудрости, мы не оказались бы окруженными в вашем городе, как лисицы в норе.

Хор ругательств и град ударов были ответом философу.

— Паразит! Раб нищеты! — кричали со всех сторон. — Ты хуже тех волчиц, отдающихся варварам.

Евфобий, дерзость которого усиливалась в зависимости от расстройства пищеварения, продолжал возражать; он, однако, остановился, когда какая-то темная масса заслонила ему свет. Перед ним стоял гигант Ферон и смотрел на него с таким презрени-

ем, с каким смотрели перед собой по ту сторону реки слоны осаждающих. Он приподнял левую руку, как бы желая щелчком сбить насекомое, и не успел философ поднять своего дерзкого лица, как покатился по ступеням лестницы с окровавленной головой, молча, без стопа, как человек, убежденный в том, что боль только призрак, и привыкший к подобному обращению.

В ту же минуту туча черных точек, как стая птиц, взлетела со стены. Посыпались черепицы, куски штукатурки с зубцов, некоторые из стоявших на стене упали с разможженными головами. Из-за зубцов в ответ полетели камни и стрелы.

Началась защита города.

VI. Асбита

Ганнибал метался под пестрым покровом на постели и не мог уснуть.

Петухи возвестили полночь, нарушая своим пением безмолвие лагеря, а сон бежал от очей вождя. Ему не давало спать пение соловья, сидевшего на большом дереве, под ветвями которого была разбита его палатка.

Глиняный ночник освещал предметы, окружавшие ложе. При свете его слабо поблескивали латы, шлемы, кольчуги, покрытые грудями богатых тканей, награбленных в загородных домах сагунтинцев. Греческая мебель, туалетные амфоры с тонкой резьбой, ковры с мифологическими рисунками, валялись вперемежку с надубленными воловьими кожей, с цитатами из гиппопотамовой кожи и изодранной одеждой Ганнибала, заботившегося о блеске своего оружия, но совершенно не обращавшего внимания на порядок и чистоту своей одежды. Греческие сосуды изящной работы предназначались для самого унижительного употребления. Алебастровая кратера, покрытая щитом, служила сиденьем; большой сосуд красной глины, украшенный греческим художником изображениями из приключений Ахилла, африканец презрительно употребил для услуг самого интимного свойства. Пол был покрыт обломками цоколей, статуй и колонн, разрушенных свирепостью набега, и на них садились вожди, когда собирались на совет в палатке Ганнибала. Все это была добыча, сваленная в кучу и испорченная

слепой страстью к грабежу. Только небольшая часть ее дошла до вождя, относившегося с полным презрением к артистической красоте, если она не выражалась в драгоценном металле. Он смеялся над богами этой страны и всего мира и обращался с мраморными изваяниями божества, наполнявшими лагерь, как с каменными глыбами, годными исключительно, чтобы пускать ими из стенобитных машин в неприятеля.

В своем нервном возбуждении, не дававшем ему спать, Ганнибал приподнялся на ложе, и свет ночника упал на его лицо. Это уже не был косматый, свирепый кельтиберийский пастух, которого Актеон встретил у ворот Сагунта. Он теперь являлся таким, каким был в действительности — статным молодым человеком с пропорциональными и крепкими членами, не отличавшимися чрезмерной мускулатурой, но изобличавшим стальную крепость и способность проявить в случае надобности чрезвычайное напряжение. Цвет лица у него был слегка загорелый, и волосы, вившиеся густыми кудрями, образовывали вокруг головы как бы черную блестящую чашу, совершенно закрывая лоб и открывая уши большими круглыми бронзовыми серьгами. Борода была густая, вьющаяся; нос прямой, но не сильно выдающийся; а глаза, большие и повелительные, постоянно были скошены в сторону с выражением чрезвычайного коварства и высокомерной сдержанности. Мускулистую шею он обыкновенно держал несколько повернув на правый бок, как будто прислушиваясь к звукам вокруг него.

Он был одет в простой разорванный и грязный кафтан, как у всех кельтиберийцев, храпевших в соседних палатках, и единственным знаком его власти были тяжелые золотые браслеты, блестевшие у его кистей, поддерживая, стягивая их мускулы и жилы рук.

Уже больше месяца стоял Ганнибал под стенами Сагунта, но без всякого результата. Еще накануне стенобитные машины громили город, но тщетно, и именно мысль об этой неудаче возбуждала его нервы в одиночестве и не давали ему заснуть. Любимый сын победы, он с налета побеждал самые ди-

кие иберийские племена; он водил своих слонов на вершины самых высоких гор, переправляясь через реки, прорубая дорогу в лесах, и самые воинственные народы преклонялись перед ним, как перед божеством; и в первый раз в его жизни ему пришлось иметь дело с упорным врагом, насмеявшимся над ним под прикрытием своих стен и не дававшим ему подвинуться ни на шаг вперед.

Город купцов и земледельцев, который он изучил в подробности, глядя с презрением на его роскошь и изнеженность, теперь грозил положить конец его удаче, и в душу вождя при виде неприступности крепости и при мысли о своих карфагенских врагах, о гневе Рима и о том, что время проходило бесполезно, начинала закрадываться тревога.

Он хорошо высмотрел слабое место Сагунта. Его стенобитные машины были собраны у нижних ворот города, где стены вдавались в открытую равнину, допускавшей приближение осадных орудий. Но едва начинали подходить сотни голых людей, тащивших тяжелые машины, как на них падал такой дождь стрел, что те из них, которые оставались не пригвожденными к земле, обращались в бегство.

Иногда двигавшиеся на колесах башни, в которых скрывались карфагенские стрелки, подъезжали ко рвам у самых стен. Но так как эта часть города была более всего открыта для нападений, стены, сделанные в других местах из глины с соломой, имели здесь основанием крепкий фундамент из скал,— и тараны с бронзовыми наконечниками, движимые сотнями рук, только напрасно притуплялись, нанося по камню удар за ударом. Дождь камней и стрел летел в осаждавших, сокрушая защищавшие их шлемы; высокая башня господствовала над всей местностью, занятой осаждавшими, и сеяла, так сказать, смерть между ними; но, не довольствуясь этим, несколько раз разъярившиеся стрелки, выбежав из-за стен, вступали с карфагенянами в открытый бой.

Каждая такая вылазка наносила большой урон войску Ганнибала. Африканцы начали говорить с суеверным страхом о голом гиганте в львиной шку-

ре, с палицей в руке, выходявшем во главе сагунтинцев и каждым ударом сбивавшем целые ряды осаждающих. Эфиопы видели в нем ужасное, кровавадное божество, подобное тому, которому они поклонялись в своих оазисах; кельтиберийцы утверждали, что это Геркулес, спустившийся с Олимпа, чтобы оказать помощь своему городу.

Ганнибал узнал его издали среди сражавшихся. То был Ферон, жрец, которого он однажды видел в Акрополе и необычайной силе которого изумлялся. Хотя и знал хорошо о его человеческом происхождении, он не мог без ужаса смотреть, когда над шлемами появлялась эта львиная голова, как будто неуязвимая ни для стрел, ни для камней.

Кроме того, осажденные пользовались *фалариками* -зажигательными стрелами. Было известно, что среди купцов и сельских земледельцев находились люди, испытанные в военном искусстве, побывавшие во многих странах. Ганнибал вспомнил об Актеоне, греческом скитальце, своем друге детства. Наверное, он был изобретателем фаларики, раскаленной стрелы, обвернутой паклей, пропитанной смолой. Раскаленная стрела летела, как ракета, и своим широким концом могла пробить и латы, и щит, и, если она не пробивала вооружение, то зажигала платье; воин срывал вооружение, чтобы избавиться от огня и таким образом попадал беззащитным под удары врагов.

Воевавшие с самыми непобедимыми варварскими племенами Иберии бежали, когда щиты их загорались от этих огненных змей, летевших со свистом и разбрасывавших искры за стенами Сагунта.

Так проходило время, а осада не подвигалась и Ганнибала охватывало жестокое нетерпение. Огонь Ваала! Он стоит тут, прикованный к этим стенам, которыми не может овладеть, а тем временем там, в Карфагене, партия Ганона строит ковы, подготавливая падение династии Барка, если ему не удастся овладеть Сагунтом, и выдачу его, как нарушителя договоров, Риму, если последний того потребует.

Волнение снова заставило его вскочить с постели, прогоняя сон, которым он желал бы забыться. Он погасил ночник, но и в темноте лежал с откры-

тыми глазами. Голубой свет луны пробивался сквозь скважину в крыше палатки и падал на латы, блестящие в темноте, как серебряные рыбы. Соловей продолжал петь на дереве.

Ганнибала это раздражало; проклятая птица не давала ему спать. Он был способен спать среди гула битвы. Его, привыкшего с детства к лагерной жизни, укачивали резкие звуки рогов; громкие песни наемников и ржанье лошадей не мешали ему. А между тем, приятное пение этой птицы с его переживаниями, раздражало его, как жужжанье улья.

Он вскочил, ощупью разыскал стрелу в хаосе оружия, тканей и прочих вещей, и вышел из палатки. Ночная свежесть несколько успокоила его.

Луна светила с безоблачного неба. Дул легкий ветерок, так как осень уже шла к концу; звезды мерцали, на трель соловья отзывались другие певцы, скрывавшиеся в деревьях, рассеянных по равнине. Лагерь отдыхал. Потухли костры, вокруг которых спали солдаты в ужасной близости с женщинами и детьми, принадлежавшими к войску, закутавшись в конские попоны или куски богатых тканей; а лошади, привязанные к кольям, вбитым в землю, стояли правильными рядами, понурив сонные головы. В глубине осажденный город тоже был погружен во мрак и молчание — как бы спал. Слабый свет, мерцавший в некоторых бойницах его стен, производил впечатление приоткрытых век, бодрствовавших, делая вид, что спят.

Ганнибал прошел мимо почетного караула, стоявшего у самой его палатки. Солдаты приподнялись, слыша его шаги, но узнав вождя, снова опустили головы к земле и продолжали храпеть. То были ветераны из воинов Гамилькара, смотревших почти с религиозным обожанием на львенка своего знаменитого вождя.

Ганнибал натянул лук при выходе из палатки, намереваясь пустить стрелу в певца, скрытого ветвями; но остановился и нахмурился, увидав прислонившуюся к стволу дерева белую фигуру, блестящую при озарявшем ее сиянии луны.

То была женщина-амазонка. На ее голове и груди светился шлем и чешуйчатые латы; туника бе-

лого полотна спускалась до ног, обрисовывая формы тела, а сильные обнаженные руки опирались о копье, воткнутое острием в землю. Черные глаза фигуры были пристально устремлены на палатку Ганнибала; она не мигала, будто спала, открыв глаза, а ночной ветерок тихо развеивал ее волосы, спускавшиеся с плеч. Рядом с ней стоял черный конь с блестящей шерстью, жилистыми ногами и глазами, налитыми кровью. На нем не было ни седла, ни узды, и нагнув голову он забирал в рот подол тунники амазонки и лизал ее обнаженные ноги, как собака, привыкшая следовать за ней повсюду.

— Асбита! — воскликнул Ганнибал, изумленный появлением женщины. — Что ты тут делаешь?

Царица амазонок как будто проснулась, и при появлении вождя устремила на него влажный и страстный взгляд своих больших глаз.

— Я не могла спать, — сказала она тихо. — Первую половину ночи мне снились ужасные вещи. Богиня Танит не давала мне покоя, и я видела тень своего отца Гиербаса, возвестившего мне скорую смерть.

— Смерть! — воскликнул Ганнибал, смеясь. — Кто думает о смерти?

— Разве я бессмертная? Разве я не сражаюсь наравне с твоими солдатами? Я храбро бросаюсь на острия копий; стрелы свистят вокруг меня, как будто в воздухе пролетает стая невидимых птиц; я презираю фалорики с их огненными наконечниками — ведь я должна умереть: мне это возвещают сны мои.

Как бы не желая показать всей своей бесконечной грусти Ганнибалу, Асбита прибавила живо:

— Пусть смерть приходит, когда хочет. Я не боюсь ее так же, как карфагенские наемники, ненавидящие себя... Если сны меня смущают, так это потому, что просыпаясь, я думаю о тебе. Не могу объяснить тебе, почему мне кажется, что и ты можешь умереть, и с этим я не могу примириться. Ты должен жить долго, как бог. Я вспомнила, что ты спишь один в своей палатке, что для того, чтобы лучше скрывать свои отлучки, ты не позволяешь стражам охранять свой сон, и я почувствовала, что

должна бодрствовать вместо тебя, провести ночь, опираясь на копье вблизи твоего ложа, чтобы враг не мог предать тебя.

— Какое сумасшествие! — смеясь воскликнул африканец.

— Вспомни Газдрубала, мужа твоей сестры, — сказала серьезно прекрасная амазонка. — Достаточно было кинжала раба, чтобы его не стало.

— Газдрубал должен был умереть, — ответил вождь с убеждением фаталиста. — Этого требовала безопасность Карфагена. Было predeterminedено, что Газдрубал исчезнет, чтобы уступить место Ганнибалу. А Ганнибала некому заменить, и поэтому он будет жить, хотя бы спал окруженный врагами. Мой сон легок, и рука быстра: кто осмелился бы проникнуть в палатку Ганнибала, тот нашел бы там свою могилу.

Асбита смотрела с восхищением влюбленной на молодого героя, опустившего лук и, говоря о своей силе, вытянувшего вперед свои мощные руки. Луна удлиняла его тень, так что при его движении казалось, будто он, как сверхъестественное существо, охватывает весь лагерь, город, всю равнину...

Амазонка приблизилась к нему, прислонив копье к стволу дерева. Оставив свое оружие, она, казалось, отбросила воинственную суровость и теперь подходила к Ганнибалу с женственной мягкостью, глядя на него влажными и робкими глазами антилопы, пасущейся на оазисах ее земли.

— Кроме того, — прошептала она, — я пришла потому, что меня тянуло к тебе. Для меня наслаждение охранять твой сон; я чувствую восторг, принося тебе жертву, о которой ты не знаешь... Никогда мне не удастся поговорить с тобой. Днем я люблюсь тобой, когда ты едешь, окруженный своими карфагенянами, в золотых доспехах, и еще дальше, когда ты руководишь продвигающимися осадными машинами и часто помогаешь им, чтобы возбудить в них воодушевление; но всегда я вижу тебя издали, вижу вождя, героя, но никогда не человека просто. Помнишь ты еще те дни в Новом Карфагене, когда я прибыла из Африки с подкреплением, и ты встретил нас криком восторга?

— Асбита! Асбита! — шептал Ганнибал, отстраняя ее, как будто эти воспоминания были ему мучительны.

— Не выходи из себя, Ганнибал, выслушай меня. Мне необходимо переговорить с тобой, по крайней мере, позволь мне высказать, что я чувствую. Если ты не согласен, то зачем я пришла в Иберию, соединяя свою судьбу с твоей?

Вождь оглянулся, как будто ему было бы неприятно, если бы кто-нибудь подслушал его разговор с амазонкой.

— Не бойся,— сказала Асбита, угадывая его мысль,— Магон, твой брат, спит далеко отсюда с Марбахалом, своим любимым военачальником. Мои нумидийцы на противоположном конце лагеря. Ты окружаешь себя одними только иберийцами, чтобы возбуждать их верность таким знаком доверия, а они не понимают по-финикийски.

Убежденный замечанием Асбиты, Ганнибал опустил голову и скрестил руки, решившись выслушать амазонку.

— Ты неприступен и неумолим, как бог,— со вздохом заговорила она.— Я люблю тебя и меня вечно пожирает внутренний огонь Молоха, а ты даже не снизойдешь до того, чтобы хотя добрым взглядом или улыбкой уменьшить его силу. Ты из бронзы; твои глаза всегда устремлены в высоту, и ты не можешь видеть тех, кто тащится по земле у твоих ног. Ты думаешь, что сделал меня счастливой тем, что водишь меня за собой от битвы к битве, от победы к победе, и считаешь, что мой долг натирать себе копьём мозоли на пальцах, которые прежде я украшала кольцами; что я обязана портить забралом шлема себе лицо, когда прежде я его покрывала драгоценными мазями, привозимыми из Египта моими караванами... Ты требуешь, чтобы я была сурова и жестока, как мужчина. Владея там далеко садами, где живет вечная весна, я терпела возле тебя голод и жажду. Я уже сама не могу сказать, кто я. Я сомневаюсь в своем поле; вечная усталость заставляет мое тело терять красоту; кожа моя, по которой руки моих рабынь скользили как по зеркалу, стала твердой, как кожа крокодила.

Если я не ужасна, как те состарившиеся жалкие самки, следующие за твоими солдатами, то только потому, что во мне еще живет молодость. И все это ради кого? Ради тебя. А ты даже не смотришь на меня, ты забыл нашу первую встречу, ты видишь в Асбите только доброго друга, полезного союзника, который следует за тобой и приводит тебе немало сражающихся сил. Ганнибал! Луч Ваала! Ты велик, как полубог, но ты не знаешь человека. Ты видишь во мне только амазонку, воинственную деву, подобную тем, которых воспевали греческие поэты... но я ведь женщина...

Асбита замолчала и некоторое время смотрела на Ганнибала, не сказавшего ни слова.

— Ты, вероятно, забыл, как мы познакомились,— снова, после долгой паузы, грустно заговорила амазонка.— Я жила счастливо в своем оазисе, пока не побежала за тобой, как будто от тебя исходила какая-то непреодолимая притягательная сила. Я дочь гароманта Гиербаса. Покинув уют своего дома, пенные своих рабынь и богатства, складываемые у моих ног торговцами, приходившими с караванами, я отправилась с Гиербасом на львиную охоту в пустыню, и воины ужасались, видя, как самые дикие звери боялись, когда чувствовали, что я гонюсь за ними, как они становились робки и покорны. Я была сильна, была красива. Только вышла я из детских лет, как самые знаменитые нумидийские вожди стали приезжать, прося гостеприимство у отца только для того, чтобы видеть меня вблизи. Они хвалились своими стадами и воинами и предлагали Гиербасу свой союз. Я же, равнодушная, холодная, только и думала о Карфагене, где была однажды с отцом, чтобы сговориться с благородными сенаторами о дани. О, этот величественный огромный город с его храмами, как целые города, и его гигантскими богами!

И, отклонившись от течения своих мыслей, она стала говорить о Карфагене; воспоминание о большом городе, несмотря на все ее путешествия и воинственные приключения, очевидно, сохранились у нее. Она вспомнила жилища богатых карфагенян с пестрыми стенами, украшенными блестящими

металлическими и стеклянными шарами; большие мраморные храмы, с их молитвенными рощами, где звучали цимбалы и лиры жрецов; храм богини Танит, окруженный розовыми кустами, благоуханными беседками, служившими для священной проституции в честь богини; а потом гавань — огромную гавань, кипевшую судами, привозившими со всех стран богатства всего мира: камыш из Бретании, медь из Италии, серебро из Иберии, золото из Офира, инкрустации из Эфиопии, специи и жемчуг из Индии, а богатые ткани — от бесчисленных таинственных азиатских племен, живущих на краю света и окруженных туманом сказочных рассказов.

Асбита обожала город, но не за одно его богатство, а за то, что там были приверженцы семьи Барка, опора героического рода, о подвигах которого нумидийские воины рассказывали ночью при лунном свете, и чьим отпрыском был Ганнибал, еще мальчиком прославившийся в Иберийских войнах.

— Мои родные всегда любили твоих, — продолжала амазонка. — Если мой отец Гиербас переносил господство Карфагена, то только потому, что во главе его стоял Гамилькар, африканец, нумидиец, как и мы. Я, так же, как и ты, ненавижу карфагенских купцов, потомков финикиян, поселившихся и расплодившихся, как черви на холмах Арада, чтобы потом переплыть через море и захватить нашу чудную африканскую землю. Я ненавижу корабль, изображенный на многих из ваших монет и храмов, потому что он — знак насильников, завладевших нами; но я обожаю карфагенского коня — нумидийского скакуна — как знак нашего прошлого.

Потом она перешла к восхищению, возбуждаемому ею славой Барка. Она любила Ганнибала, еще не видев его, под впечатлением рассказов о его подвигах, доходивших до нее. Она видела его, бьющегося как лев рядом с отцом, среди стада быков с горящими рогами и раскаленных стрел, которыми иберийцы пускали в карфагенянина, ворвавшегося в их пределы. Она смотрела на него, обезумевшего от горя у трупа Гамилькара, а затем изнывающего при красивом Газдрубале, миролюбивом посредни-

ке, до тех пор, пока, после убийства его, все войско не провозгласило своим вождем молодого сына Гамилькара.

Отец ее, Гиербас, умер, и она стала царицей своего племени, когда узнала, что Ганнибал, стремясь к славе и борьбе, осажден в Новом Карфагене, имея в своем распоряжении только остатки войска, собранного Гамилькаром в Иберии. Богачи карфагенские, враги семьи Барка, не замедлили употребить все свои усилия, чтобы лишить Ганнибала влияния, доставленного его солдатами; они молчалием подтвердили его избрание, но оставляли его без поддержки, предоставляя его собственным силам и надеясь, что туземцы сами справятся с ним, или, если ему удастся основать на берегу Иберии небольшое государство, то в недрах его медленно угаснут притязания династии Барка.

— И тогда я полетела к тебе,— вспоминала Асбита.— Я хотела узнать мужчину и спасти героя. Я заложила большую часть своих богатств карфагенским купцам, чтобы они дали мне свои корабли; возбудила храбрость наиболее воинственных из моего племени, чтобы они последовали за мной; и девушки, ходившие по моему примеру на охоту за львом и весь день проводившие на лошадях, взялись за копье, увлеченные моим безумным предприятием. Таким образом, однажды вечером, когда ты уже оплакивал все свои мечты о славе, ты увидел с вершины цитадели Нового Карфагена целый флот, прибывший из Африки. Помнишь ты это?.. Скажи: помнишь ты, как ты меня принял?

— Да, и никогда не забуду,— ответил Ганнибал мягко.— Эти дни — мое самое приятное воспоминание.

— Ты принял меня как богиню, как будто Астарот, освещающая наши ночи, спустилась с неба, чтобы оказать тебе свое покровительство. Ты не смотрел на своих воинов и видел только меня одну; забыв на минуту свое честолюбие, ты проводил ночи со мной на террасах цитадели, и звезды были свидетельницами наших объятий. Но, увы! Это счастье было подобно египетским розам, цветущим всего один день в вазах карфагенских богачей. Скоро к

тебе вернулась твоя страсть к господству, стремление вождя. Больше, чем моей красотой, ты восхищался искусством моих нумидиек, когда они по вечерам за стенами города, собравшись с твоими военачальниками, стреляли из луков, скача на лошадях, распластывавшихся по земле, поднимая пыль своими брюхами. Мы боролись с олкадами, с вацеями — всеми этими иберийскими племенами, тогда воевавшими с тобой, а теперь признающими в тебе вождя; я билась, как солдат, и считала себя счастливой, когда во время продолжительных переходов, ты, по примеру наших лошадей, любовно прижимавших головы одна к другой, ласково наклонялся ко мне, ударяясь своим шлемом о мой, чтобы поцеловать меня... Теперь уже не то. Кто я? Только воин в твоем стане, друг, достойный благодарности за помощь, принесенную тебе, когда Карфаген тебя покинул и с тобой осталась всего горсть ветеранов и несколько слонов. В битвах, видя меня в опасности, ты бросался защищать меня; а потом в походах, в лагере — несколько дружеских слов, холодная улыбка, наравне с прочими твоими начальниками. Твое сердце закрылось для меня. Разве я не та Асбита, которую ты знал в Новом Карфагене? Ты разлюбил меня за то, что я подурнела и огрубела в войне? Скажи мне, и я снова превращусь в женщину, обвешусь драгоценностями, брошу своих амазонок и окружу себя греческими рабынями. Я стану натираться мазями, чтобы вернуть коже ее прежнюю свежесть, и буду следовать за тобой в твоих походах, лежа в носилках с пурпуровыми занавесами.

— Нет! — горячо возразил Ганнибал. — Я люблю тебя такой, какая ты есть. Возлюбленной Ганнибала только и может быть такая амазонка, как ты, которая сбивает с ног на своем коне неприятельских всадников.

— В таком случае, почему ты бежишь от меня? Почему бросил меня, забывая всю сладость нашей первой встречи? Взгляни на этого соловья, которого ты хотел убить: среди лагеря, перед очарованными городами, он поет себе и поет, призывая свою самку, не обращая внимания на ужасы войны, не за-

мечая запаха крови, поднимающегося с полей. Будем, как он: забудем войну, чтобы любить друг друга, и понесем в бой наши тела, слившиеся в любви.

— Нет, Асбита,— сказал африканец с мрачным выражением.— Такое счастье невозможно: я люблю тебя; но мы не пойдем друг друга. Ты жалуешься, что я вижу в тебе только амазонку, когда ты женщина; ты же, напротив, видишь во мне только мужчину, но я не только мужчина. Я не полубог, как ты себе воображаешь; я больше: я огромная военная машина, без сердца и сострадания, созданная для сокрушения людей и народов, попадающих ей на пути.

Ганнибал сказал это с убеждением, ударяя себя в грудь, выпрямившись в мрачном величии, как бы подтверждая свою разрушительную силу.

— Я любил бы тебя, если бы был человеком, способным терять свое время на подобные нежности. Но где ты видела, чтобы орел проводил всю свою жизнь в гнезде, лаская свою самку, не чувствуя стремления взвиться за облака, чтобы оттуда ринуться на врага? Те, у кого есть когти, не могут ласкать, и я родился, чтобы мир стал моей добычей, или чтобы он сокрушил меня... Любить! Сознать — это приятно! В моей прошлой жизни полной крови и борьбы, единственным счастливым временем были те дни в Новом Карфагене, когда мне казалось, что сама Танит, во всей своей божественной красоте, снизошла до моих объятий... Но у Ганнибала есть другие привязанности, привлекающие и захватывающие его: он любит свой меч, любит все, чем владеет враг. Я не могу спать спокойно, думая о Риме... О том, что хочу вырвать у него из рук... Как еще далеко до всего этого!

Амазонка сделала жест отчаяния при виде страстного увлечения, с которым вождь говорил о своих честолюбивых мечтах.

— Ты может быть, спрашиваешь себя, не заняты ли мои мысли другими женщинами? — продолжал Ганнибал.— Кого же я любил, кроме тебя? Чтобы привязать к себе этих варваров, следующих за мной, чтобы узами родства сблизить их с моими

предприятиями, и решился жениться на дочери иберийского царька. И что же — где она? Разве она следует за мной, как ты? Она осталась в Новом Карфагене за пряжей своей пестрой шерсти и я даже не вспоминаю о ней, и ни на одну минуту меня не увлекла ее девичья красота. Люблю я тебя одну. Только в таких объятиях, как твои, закаленных привычкой к копыю, Ганнибал может трепетать от страсти. Будь же достойна его: не думай, как прочие женщины; не ищи новых объятий, присоединись ко мне в том, чего я желаю и ненавижу, в стремлении назвать мир нашим.

И как бы воодушевленный собственными словами, африканец со сверкающими глазами приблизился к Асбите, лаская ее руки, шепча ей свои горячие речи.

— Я хочу стать властелином мира, хочу, чтобы на земле существовал только Карфаген, потому что Карфаген — моя родина. Если бы я родился римлянином, то я сделал бы Рим владыкой мира. Я хочу затмить своим именем славу Александра Македонского, стать знаменитее его, завоевать еще больше земель, чем он, и мечтаю о более трудных победах, чем одержанные им над азиатскими народами, изнеженными плодородием почвы и богатством. Рим суров; он гораздо сильнее нашей торговой республики, скупаемой скупостью и удовольствиями; его же рука крепко держит и рукоятку плуга и копые... Кто сладит с Римом?.. Александр! Как незавидна его слава! Легко было идти на завоевание мира сыну Филиппа, получив от него в наследство войско, привыкшее к победам, имея за собой покорное государство и с детства пользуясь уроками Аристотеля. Но не легко Ганнибалу, покинутому родиной, без другой поддержки, кроме той, которую я сам могу найти себе; принужденному одновременно бороться с ожесточенными врагами и с изменой, и кознями соотечественников; воспитанному вдали от отца, между хищными купцами, которые, держа меня заложником, старались избегнуть будущих опасностей, заглушая мои воинственные наклонности; не имеющему другого образования, кроме поверхностного занятия греческим языком,

которому научил меня спартанец Сосилон. И несмотря на все это, Ганнибал борется с роком и побеждает его. Если восторгаются завоеваниями Александра в стране солнца, то настанет день, когда весь мир содрогнется, увидев, что я повелеваю самой природой, раздавив людей, перебравшись через высочайшие снега, сдвинув целые горы, чтобы проложить себе дорогу... Взгляни на меня хорошенько, Асбита и ты убедишься, что также бесполезно пытаться пробудить в моем сердце человеческие чувства, как смягчить грудь огромного бронзового Молоха, стоящего у нас в Карфагене. Минуту тому назад, в одиночестве своей палатки, я чувствовал себя слабым и падал духом; теперь же, когда говорю с тобой, силы мои восстанавливаются. Взгляни на меня: ты увидишь человека, не боящегося ни людей, ни богов.

— Богов! — воскликнула Асбита.— Ты не боишься, что они тебя накажут?

Громкий, саркастический хохот, в котором слышалось бесконечное презрение, был ответом амазонке.

— Боги! — повторил Ганнибал.— Я живу среди воинов различных народов. Каждый из них поклоняется своим божествам, а скольких, скольких я знаю, не верующих ни в одно... Я же смеюсь над всеми. В Карфагене я поклонялся Молоху; здесь, ты сама видела, я не раз приносил жертвы иберийским божествам, чтобы привлечь на свою сторону народ. Если мне когда-нибудь суждено вступить победителем в тот город, куда постоянно переносятся мои мысли, народ будет рукоплескать мне, видя, как я иду в Капитолий, чтобы возблагодарить его богов... Я верю в одну только силу и ум; у меня один бог-покровитель — война, возвеличивающая человека и дающая ему всемогущество божества. Если бы, став властелином всей земли, я не встретил никого, с кем мог бы воевать, я бы умер, полгая, что мир опустел.

Амазонка грустно опустила голову.

— Я понимаю, что ты никогда не будешь моим, Ганнибал. Ты любишь войну превыше всего и не изменишь ей, доколе жив. Ты хищная птица; с тебя

достаточно минутной любви рабыни; тебя удовлетворяет несчастная окровавленная женщина, попадающая во власть твоих солдат, когда они ворвутся в город после приступа. Ты никогда не поймешь любви со всей ее сладостью.

Ганнибал презрительно пожал плечами.

— Я люблю победу и торжество. Аромат лавров, которыми греки венчали себя в триумфе, для меня приятнее самого сильного благоухания роз поэтов. Перестань горевать, Асбита; если ты будешь воевать, забывая, что ты женщина, я буду любить тебя больше — ты будешь моим братом по оружию. Зачем вспоминать о ночах любви того времени, когда я бедствовал и у меня не было войска, теперь, когда вся Иберия идет за мной, и начинают осуществляться мои мечты господства. Взгляни на этот лагерь, где говорят на всевозможных языках и пестреют разнообразные одежды. Племена стекаются, как ручьи, увеличивающие реку. Каждый день являются новые воины. Сколько их?.. Никто этого не знает. Марбахал говорил вчера, что их сто двадцать тысяч, а я думаю, что скоро будет сто восемьдесят. Их привлекает слепая вера в Ганнибала; они предчувствуют, что со мной пойдут к победе; их боги сказали им, что теперь только начинается ряд успехов, которым ужаснется мир. Есть чему удивиться, Асбита. Эти люди проводили свою жизнь в междоусобных войнах; они ненавидели друг друга, и, несмотря на это, меч Ганнибала, как посох пастуха, согнал их в одно общее стадо. После такого чуда ты хочешь, чтобы я терял время, любя тебя, чтобы оставался в палатке у твоих ног, положив голову тебе на колени, слушая, как ты поешь убаюкивающие песни оазисов?.. Нет, клянусь Ваалом! Город, окруженный нами, усмехается над самым большим войском, какое когда-либо собиралось в равнинах Иберии, и пора положить этому конец. Пора полотняным палаткам сокрушить каменные башни. Наточи хорошенько свое копьё, дочь Гиербаса, приготовь своего верного скакуна, моя любовь. Обвивай меня тем таинственным веянием, где слышится топот, обещающий победу. Мы еще сегодня войдем в Сагунт.

И он устремил глаза вдаль, будто с нетерпением ожидая наступления дня. Луна светила уже не так ярко: небесная лазурь приняла более темный оттенок, и над морем обозначилась широкая полоса фиолетового цвета.

— Скоро рассвет,— продолжал африканец,— будущую ночь, Асбита, ты будешь спать на ложе из слоновой кости какой-нибудь богатой гречанки, и старейшины города будут служить тебе, как рабы.

— Нет, Ганнибал. Я не увижу конца занимающегося дня. Мне во сне явилась сегодня тень Гиербаса перед первыми петухами. Я умру, Ганнибал.

— Умрешь?.. Ты так думаешь? Чтобы враг добрался до тебя, он должен будет переступить через тело Ганнибала. Ты мой брат по оружию. Я буду около тебя.

— И ты тоже умрешь. Отец не мог обмануть меня.

— Ты боишься?.. Ты дрожишь, дочь гарамантов... Да, ведь ты женщина! Спрячься же в свою палатку; не приближайся к стенам. Я приду за тобой, когда настанет минута вступить тебе повелительницей в город.

Асбита выпрямила свой прекрасный стан, будто ее хлестнули бичом. Ее большие глаза сверкали гневом.

— Я ухожу, Ганнибал. Начинает светать. Я все приготовлю к приступу, и ты встретишь меня, когда твои рога подадут сигнал. Зная, что я умру, прошу позволения поцеловать тебя... всего один раз... Нет, не приближайся ко мне. Теперь я этого не хочу: мне это повредило бы. Если я паду, и ты найдешь меня между трупами, вспомни, какая была моя последняя мысль...

Она ушла с копьем в руке, пробираясь между палатками, в сопровождении своего черного коня, обнюхивавшего следы ее ног, как ручное животное.

День занялся. Костры погасли, и вокруг догоравших головней шевелились люди, вставали, потягивались, сбрасывали парусиновые попоны, которыми были покрыты. Рвавшихся на привязи лошадей отвязывали и отпускали на свободу, гоня к реке, чтобы выкупать и вычистить.

По всем дорогам к лагерю направились большие повозки, нагруженные провизией и кормом для лошадей, и со скрипом их колес смешивались песни солдат, в минуту веселого пробуждения вспоминавших далекую родину и певших на родном языке.

Стоял хаос голосов и криков. Каждый народ занимал отдельную часть лагеря; одно племя перекликалось с другими приветствиями. Над лагерем стоял запах обнаженных, потных тел и редких приправ, бросаемых в котлы. В воздухе раздавались громкие удары плотников, прилаживавших осадные орудия, чтобы через несколько часов начать метать из них стрелы и камни против городских стен. Несколько всадников в развевающихся плащах скакали на горячих лошадях между городом и лагерем, осматривая стены Сагунта, на рубцах которого, заалевших при утреннем солнце, начинали собираться защитники. Ганнибал, с непокрытой головой, также смотрел на город из лагеря, стоя на обломке стены — последнем остатке загородного дома, скрытого осаждающими.

Было решено начать приступ, как только войско окончит приготовления. Пятьсот африканских всадников, вооруженных пиками, строилось перед лагерем. Они должны были напасть на тот пункт города, где его стены выдавались в открытую равнину, позволявшую дойти беспрепятственно до основания. В других местах лагеря собирались иберийские пехотинцы с длинными лестницами, чтобы принять участие в осаде сразу с разных сторон. Выдвигали осадные машины-стрелометы, с гигантскими коромыслами, приводимыми в движение канатами и готовыми начать бомбардировку градом камней, вложенных в выемки их огромных плеч, готовили тараны, болтавшиеся на цепях в ожидании применения. Осадные башни со стенами, оплетенными камышами, продвигались на массивных дисках, увенчанные щитами стрелков, скрывавшимися за ними от стрел.

— Ты идешь, не защитив ноги? — спросил брат. — Не надеваешь лат?

Ганнибал поспешил в свою палатку, пройдя мимо всадников, медленно проливающих своих лошадей

и осматривавших оружие в уверенности, что им придется принять участие в приступе только в последнюю минуту. Вождь оделся в легкие доспехи. Он надел короткие латы из бронзовой чешуи, а на голову шлем и взял меч. Выходя, он встретился с Марбахалом и своим братом Магоном, начальствовавшим над резервом, обосновавшемся в лагере.

— Нет,— храбро ответил вождь.— Я иду на приступ, и ноги должны двигаться легко, чтоб пробираться через развалины. Стрелы пощадят меня, как всегда.

При выходе из лагеря ему показалось, что между двумя палатками он увидел царицу амазонок, следившую за ним грустным взглядом. Но когда глаза Асбиты встретились с глазами Ганнибала, она высокомерно отвернулась и ушла.

Затрубили трубы и весь лагерь выступил против города. Выдвинулись вперед мантлеты,— настоящие деревянные стены, за которыми скрывались стрелки. Под защитой этих подвижных крепостей выстроились африканцы, вооруженные палками, между тем как с других сторон надвигались кельтиберийцы, неся перед собой лестницы.

Стены вмиг покрылись защитниками. Над зубцами показались сильные руки, пускавшие дротики, бегали пращники, выбрасывая камни, натягивались луки, с резким свистом выпуская стрелы.

С целью воодушевить осаждающих Ганнибал ходил между ними, не обращая внимания на всевозможные снаряды, ударявшиеся о дерево мантлетов. Несколько раз, проснувшись ночью и рискуя попасть в плен, он добирался до самого подножья стены, защищавшей эту наименее укрепленную часть города. Основанием служили большие камни, связанные глиной. Вождь убедился, что взобраться на стены трудно и предполагал пробить брешь в фундаменте и разрушить красноватую стену прежде, чем его войско понесет серьезный урон.

Подъехав к стенам, африканцы вышли из-под защиты мантлетов и яростно устремились на каменную громаду. Обнаженные, черные, они кричали, потрясая своими мускулистыми руками со сверкающими в них пиками, и казались исчадиями ада,

посланными свирепыми карфагенскими божествами для уничтожения города. С упорным ожесточением они принялись за дело разрушения, не обращая внимания на сыпавшиеся удары.

Граждане, рассерженные такой смелостью, высовывались до половины из-за рубцов и осыпали африканцев стрелами и камнями, которые, падая вертикально, выбивали из рядов неприятеля немало жертв. Африканцы катились на землю с разбитой головой или размозженными плечами, сломанными руками и ногами; и не один из осаждающих остался пригвожденным к земле стрелой, пронзившей его насквозь. Но новые толпы, подступая по груде трепещущих, изувеченных тел, по крови, смешавшейся с глиной стен, выхватывали пики из рук умирающих и с удвоенной яростью продолжали дело разрушения, нанося удары по стене, будто она была их худшим врагом. И африканцы, кельтиберийцы, галлы, — люди всех цветов и рас — смешивались, произнося с пеной у рта проклятия каждый на своем языке и чувствуя, как смерть ежеминутно стоит у каждого за плечами. При грохоте таранов и падающих камней, среди стонов раненых, фаларики зажигали одежду и, впиваясь в голое тело, невыносимо жгли. Люди, корчась от боли, бежали к реке, как живые факелы.

Уже часть стены подавалась! Камни сыпались из своих ячеек. Главное было выбить первый, после него другие уже следовали сами собой. Осаждающие испускали крики дикой радости; они слышали ободрявший их голос Ганнибала; но прежде чем они успели поднять головы, чтобы перевести дух, из среды их донесся настоящий вой: на них полилась струя раскаленного адского дождя, капли которого впивались, как бесчисленные ножи в тело. Наверху, между зубцами горел костер. Купцы плавил слитки серебра из своих складов и лили расплавленный металл, как смертоносный дождь на тех, кто осмеливался разрушать городские стены.

Осаждавшие отступили с яростными воплями и спешили укрыться за мантлетами. Ганнибал, подняв меч, надеялся его ударами остановить бежавших и вернуть к работе. Но напрасны были все его

старания и все убеждения, что для победы необходимо разрушить стену. Солдаты пожимали плечами, с почтением глядя на вождя, казавшегося неуязвимым, но сами боялись мучений этого ада. Многие катались по земле с пеной у рта, задыхаясь от боли...

Вдруг как будто все стены города раскрылись, и все жители его готовились покинуть его. Они бросились на кельтиберийцев, вырывая их лестницы. Город всей своей массой сделал вылазку против осаждающих. Ворота были слишком тесны, чтобы дать выход вооруженной толпе, теснившейся в них и рвавшейся на простор, как поток, стесненный между гор и затем разливающийся по равнине. Самые нетерпеливые бросались прямо со стен, чтобы скорее встретиться с врагом.

В одно мгновение все пространство между стенами и лагерем покрылось сагунтинцами. Ганнибала увлекло бегство его солдат. Мантлеты горели, и толпа женщин и детей, схватив факелы, окружила осадные башни, поджигая их камышовые стены.

Плотной массой продвигались сагунтинцы, сметая осаждавших, бежавших в рассыпную. Перед этой движущейся стеной пик и рук с поднятыми мечами, видны были только бегущие, бросавшие оружие и падавшие, пораженные копьями и стрелами.

Гигант Ферон двигался один, как бы образуя из себя целую фалангу. Львиная шкура и его огромный рост привлекали все взгляды. Он поднимал и опускал свою палицу на группы бегущих и открывал в них широкие бреши.

— Это Геркулес! — в суеверном ужасе кричали осаждающие. — Бог Сагунта идет против нас!

Появление гиганта, даже больше ударов сагунтинцев, способствовало бегству...

Ганнибал не хотел отступить — он надеялся удержаться; но напрасно он кричал, потрясая мечом. Его захватил поток бегущих; его собственные солдаты, ослепленные паническим страхом, подхватили его, толкая вперед, ударяясь ему в спину головами, наклоненными для более быстрого бега, и ему пришлось употребить немало усилий, чтобы не быть сбитым и растоптанным. Еще момент, и граж-

дане, уничтожив все осадные приспособления, ворвались в лагерь.

Вождь обрушился с проклятиями и угрозами на своего брата и Марбахала, не сумевших со своими резервами удержать поток бегущих. Он видел, как пешие отряды в беспорядке спешно покидали лагерь, многие затягивали на бегу ремни своих панцирей; все народы смешались и никто не обращал внимания на предводителей, напрасно приказывавших трубить в рога, чтобы водворить порядок.

Сагунтинцы, увлеченные победой, столкнулись с первыми рядами резервов и сразу смяли их. Ганнибалу удалось собрать вокруг себя группу самых отважных солдат, и он выступил с ними навстречу сагунтинцам.

— Сюда! Сюда! — кричал он бегущим из лагеря и в своей растерянности не знавших, куда броситься.

Но крики его в то же время привлекли внимание врагов. Ферон, как бы руководимый своим богом, направился к Ганнибалу, и его палица обрушилась на карфагенский отряд. Он врезался с холодным мужеством в ряды врагов, сокрушая их копыя ударами палицы; мечи, казалось, тупились о его могучие мускулы, и весь покрытый кровью, стекавшей с его львиной шкуры, он был свиреп и великолепен, как божество. Ни разу он не поднял своего сучковатого ствола, чтобы к ногам его не упал враг.

Осаждавшие вторично отступили перед натиском сагунтинцев; снова войска, испуганные яростью гиганта, казавшегося неуязвимым, задержали Ганнибала, как вдруг неожиданное обстоятельство изменило картину битвы.

Земля задрожала от лошадиного топота, похожего на раскаты грома, и на врага с яростью урагана налетели амазонки Асбиты, скакавшие, пригнувшись к гривам своих коней, с развевающимися из-под шлемов волосами, и белыми туниками, завертывающимися вокруг обнаженных ног. Амазонки кричали, потрясая копьями, перекликались, устремляясь на менее плотные группы, и враг отступил в ужасе перед этими женщинами, которых впервые

видел вблизи; а они воспользовались вызванным ими изумлением.

Через головы окружавших его Ганнибал увидел Асбиту, совершенно одну, сверкавшую как солнечный луч. Яркий свет, падая на ее шлем, окружал ее как бы сиянием. Инстинкт любящей женщины помог ей угадать, где был Ганнибал, теснимый врагами, и она поспешила к нему на помощь.

Случившееся затем произошло быстро, моментально. Ганнибал едва успел заметить амазонку, как видение во сне, сквозь окружавшую ее завесу пыли. Опустив копьё, Асбита устремилась на жреца Геркулеса, который остался один в этой беспорядочной схватке среди большого пространства.

— Охоо! — крикнула она, понуждая коня воинским криком. И уцепившись ногами в бока животного, она приподнялась, чтобы лучше достать гиганта.

Лошадь, испуганная видом львиной головы, поднялась на дыбы, пятясь, и в ту же минуту на ее голову опустилась тяжелая палица, вызвав звук огромной разбившейся амфоры.

Конь, с раздробленной головой, обливаясь кровью, упал на передние ноги, и амазонка, сбита толчком, отскочила на несколько шагов, прикрываясь щитом. Если бы ей удалось удержаться одну минуту, она была бы спасена. Ганнибал, забывая всех своих, отчаянно бившихся, бросился на помощь Асбите.

Из лагеря скакали всадники на помощь смелым амазонкам, и масса горожан в беспорядке отступила к городу.

Асбита вскочила на ноги и, сделав шаг вперед, подняла копьё, намереваясь поразить гиганта, но в то же мгновение страшная палица упала на ее голову с силой обрушившейся стены. Бронзовый щит громко зазвенел; золотой шлем разлетелся вдребезги и Асбита упала в тунике, обогрив кровью, как белая птица с подбитыми крыльями.

Ферон, несмотря на свою ярость, замер, опираясь на палицу и не обращая внимания на происшедшее вокруг, как бы ужасаясь тому, во что его сила превратила эту красивую женщину.

— Ко мне, Ферон! Я вызываю тебя, свирепый Геркулес!.. Попробуй сладить со мной, я Ганнибал!

Жрец обернулся и увидел воина с лицом, закрытым щитом и поднятым мечом, быстро подбегавшего, описывая круги около него, как тигр, собирающийся напасть на слона и старающийся найти его слабое место. Битва окончилась; сагунтинцы отступали к городу. Всадники осаждающих подъезжали к стенам, и местами происходили схватки один на один. Несколько солдат подходили медленно и останавливались, охваченные суеверным ужасом, внушаемым гигантом.

Ферон не испугался, увидав себя одного. Ганнибал! Так этот воин, собиравшийся бороться с ним один на один — Ганнибал! Этот странный поединок, на виду всего города, собравшегося на стенах, казалось, был послан самим его богом-покровителем. Он избавит Сагунт от его главного врага!.. Геркулес посылает ему эту славу! И, усмехаясь, довольный, подняв палицу, он двинулся на африканца.

Ганнибал старался уклониться от него, отступая, прыгая в сторону с кошачьей быстротой, пока жрецу это не надоело, и он решил положить конец поединку до прибытия новых сражающихся. Твердо став на своих колоссальных ногах, он поднял палицу на Ганнибала. Огромный ствол рассек воздух, но Ганнибал в то же мгновение отскочил в сторону, однако палица задела его щит. Но от сильного размаха она выскочила из рук Ферона и отлетела далеко, поднимая облако пыли. У африканца от сильного удара подогнулись колени; но он удержался и, подняв щит, бросился прямо с мечом на Ферона.

Видя себя обезоруженным, жрец Геркулеса на минуту потерял самообладание; ему стало страшно, как будто перед ним стояло высшее существо, с которым он не мог сладить, несмотря на всю свою силу; он побежал к Сагунту. Видя грозившую ему опасность, находившиеся на стенах встретили его криками. Некоторые натянули луки, чтобы стрелами задержать Ганнибала, но стрелять не решились, боясь ранить Ферона. У сагунтинцев дух замер, когда они увидели бегство своего Геркулеса, преследуемого воинами, устремившимися ему наперез, чтобы помешать достигнуть города.

Грузному толстому великану трудно было бежать по полю, усеянному трупами и остатками битвы. Он споткнулся, колени у него подогнулись, он попытался встать, но теперь он уже был совершенно обнажен: львиная шкура свалилась с его плеч и осталась на поле.

Преследователь настигал его. Он почувствовал за плечами холод от прикосновения оружия и, не желая умереть преследуемым, как раб на виду всего города, он быстро повернулся, вытянув руки вперед, как две колонны, чтобы обхватить ими врага.

Но прежде, чем огромные руки опустились на него, Ганнибал успел всадить меч в бок колосса и несколько раз повернуть его. Ферон грузно опустился на землю, зажав руками рану и смотрел на кровь, текущую темным потоком.

Он смотрел на Ганнибала без злобы, с детским выражением страдания, и затем обратил тускнеющий взор на Акрополь, на крыше которого играло солнце.

— Отец Геркулес, зачем ты покидаешь своих?
— проговорил он с горечью.

Его огромная голова, падая на землю, подняла облако пыли. Ганнибал наклонился над ней и начал мигмом отсекал крепкую шею. Много ударов понадобилось, прежде чем удалось перерубить жилы, подобные веревкам и могучие мускулы, в которых завязло оружие.

Вокруг Ганнибала падала туча стрел.

Вождь снял шлем и голова в крупных кудрях осталась непокрытой. Он схватил голову Ферона за его окровавленный чуб, и поставив ногу с видом победителя на тело жреца, показал голову стоявшим на стенах.

Он стоял, великолепный, с мечом в правой руке, вытянув другую руку, державшую голову великана. Его глаза, сверкающие, как металлические круги в его ушах, были устремлены с выражением гордости и холодной злобы на темную голову.

Граждане узнали ее, и вдоль стен пронесся крик изумления и ярости.

— Ганнибал!.. Это Ганнибал!

Он же, простояв несколько минут, как статуя победы, высокомерно глядя на врагов, и не обращая внимания на массу смертоносных снарядов, свистевших вокруг него, вдруг выпустил голову Ферона и упал на колени, выронив меч.

Мопсо, стрелок прострелил ему ногу. Все со стен видели, как в порыве ярости, вызванной болью, карфагенский вождь выхватил стрелу и, разломав на куски, отшвырнул далеко прочь. Но дальше уже ничего не видели. Большая часть войска спешила к нему, чтобы прикрыть его, а пращники и стрелки снова начали обстреливать стену.

Актеон, утомленный вылазкой, смотрел из амбразуры на все, происходившее вокруг Ганнибала, не обращая внимания на пращников, которые, озлобленные раной вождя, осыпали стены настоящим градом камней.

Он видел, как Ганнибал приподнялся, поддерживаемый двумя карфагенскими военачальниками в золоченых латах и сопровождаемых отрядом телохранителей.

Вдруг вождь отделился от поддерживающих его воинов и, тяжело хромя, направился к белой, окровавленной кочке, выделявшейся на красной земле, как бесформенная масса. Он наклонился над ней, и окружавшие ее нумидийцы увидели в первый и последний раз, что ужасный Ганнибал плакал, когда прильнул губами к разможенной голове Асбиты, целуя это любимое обезображенное лицо, вокруг которого начинали уже кружиться зловещие мухи.

VII. На стенах Сагунта

Рана Ганнибала доставила городу несколько дней спокойствия. Осаждающие, оставаясь в лагере, бездействовали, издали глядя на Сагунт. Пращники выходили утром, чтобы упражнять свою ловкость, бомбардируя стену; но кроме этого и пускания стрел из города или в ответ, других враждебных действий ни осаждающие, ни осажденные не предпринимали.

Отряды конницы разъезжали по полям, собирая фураж, а огромная орда свирепых племен заканчивала дело разрушения, грабя деревенские дома и виллы. Группы деревьев все редели: каждый день срубали новые стволы для доставки дерева в лагерь, и на оголенных местах уже не виднелось ни крыш, ни башен. Только дымящиеся и почерневшие развалины поднимались здесь и там, среди покинутых полей. Остаток мозаичного пола часто являлся единственным следом изящного загородного дома, скрытого до основания вторгнувшимися ордами.

Войско Ганнибала все росло. Каждый день прибывали новые племена. Казалось, что вся Иберия, покоренная славой Ганнибала, собралась в лагерь под Сагунтом, стараясь овладеть богатствами города. Прибывали пешие и конные, грязные, дикие, одетые в звериные шкуры или лохмотья, вооруженные серпообразными или короткими обоюдоострыми мечами, жаждущие грабежа и привозившие с собой богатые подарки для африканца, слава которого их устрашала.

Сагунтинцы, торговавшие с племенами из центра страны, узнавали со своих стен вновь прибывающих. Они прибывали издалека; некоторым из них приходилось идти целый месяц, прежде чем достигнуть Сагунта. Здесь виднелись лузитанцы атлетического сложения, о ужасных зверствах которых ходило много рассказов; были гамайки, жившие рыбной ловлей и промывкой золота в своих реках; астуры, выделывавшие оружие, и мрачные воски, язык которых не могли выучить другие народы. И вместе с ними прибывали новые племена из Бетики, поспешившие отозваться на зов карфагенянина — ловкие наездники с оливковым цветом кожи, с волосами, рассыпавшимися по плечам, одетые в короткие, белые юбки с широкой пурпуровой бахромой и вооруженные большими круглыми щитами, служившими им опорой при переправах через реки. Лагерь, расположенный вдоль реки, еще больше растянулся по обширной равнине; масса палаток и лачуг покрыла ее на необозримое пространство. Вырос настоящий город, больше Сагунта, и все увеличиваясь, казалось, собирался поглотить его с его стенами.

На другой день после победоносной вылазки сагунтинцев, они заметили большое движение в лагере осаждающих. Там происходило погребение царицы амазонок. Сагунтинцы видели, как тело Асбиты было поднято амазонками на щиты. Затем среди лагеря за клубился дым огромного костра, и яркий огонь поглотил останки царицы.

Осажденные угадывали состояние умов во вражеском лагере. Ганнибал был прикован болезнью к ложу, и все войско, казалось, разделяло печаль героя. Знахари входили и выходили из его палатки, осмотрев рану, и искали в окрестных горах таинственные травы для приготовления из них целебных пластырей.

В Сагунте наиболее храбрые предлагали повторить вылазку и, пользуясь моментом растерянности, ударить на врага, чтобы обратить его в бегство. Но лагерь осаждающих хорошо охранялся; брат Ганнибала с главными военачальниками зорко следили, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Войс-

ко за земляными окопами находилось, как в крепости, и пользуясь досугом, устраивало все новые укрепления, за которыми оно могло бы укрыться в случае нападения.

Кроме того, город был не менее поражен смертью жреца Геркулеса. Сагунтинцы не могли себе представить, каким образом африканский вождь смог убить великана Ферона на глазах всего Сагунта, и наиболее суеверные видели в этом небесное знамение — предупреждение, что боги-покровители города начали покидать его.

Все проявляли такую же твердость, как и в первые дни, и решили защищаться; но шумная шутливость первого времени исчезла. Казалось, что над городом висело несчастье, и все увеличивавшееся число врагов внушало страх. Каждое утро видели, что вражеский лагерь разрастается. Когда же перестанут прибывать все новые союзники Ганнибала?

Великий и богатый торговый греческий город, недавно праздновавший веселый панафейский праздник, представлял собой вид осажденного города. Толпы крестьян, нашедшие убежище в городе, расположились на улицах и площадях, представляя из себя жалкое стадо нищих. В храмах, у подножия колонн, помещались стонавшие раненые; наверху, в Акрополе, день и ночь пылал костер, на котором сжигались трупы умиравших на стенах или падавших на улицах жертвой болезней, развившихся от скученности населения.

Запасов еще было в изобилии, но они не были свежи; и богатые, предвидя будущее, копили, что могли в ожидании дней нужды. В бедных мазанках убивали лошадей и вьючных животных и жарили их мясо на огне, разводимом на улицах беглецами, не имевшими крова.

И со стен, так же, как из Акрополя, все с нетерпением смотрели на море. Когда же придет помощь из Рима? Что делают послы, отправленные Сагунтом в великую республику?..

Нетерпение часто бывало причиной печальных ошибок, в которые впадал весь город. Однажды утром караульные, выставленные в Акрополе на

башне Геркулеса, начали отчаянно стучать в медные доски в знак тревоги: им показалось, что они видят на горизонте несколько парусов. Народ бросился на верхушку холма, затаив дух, следя за белыми и красными парусами на синей поверхности Сукронесского залива. Это они!.. Римляне!.. Вспомогательный флот идет в гавань. Однако через несколько часов напряженного ожидания наступило разочарование: это были корабли марсельских купцов, проходившие мимо или вражеские триремы, посылаемые Газдрубалом, братом Ганнибала, из Нового Карфагена с запасами для войска.

Каждое из подобных разочарований усиливало мрачное настроение сагунтинцев. Число врагов все росло, а помощь не приходила! Городу суждено погибнуть. Бодрость защитников оживлялась только появлением на стенах старого Мопсо, ранившего Ганнибала и сделавшегося героем дня, и мужественного Актеона, умевшего своими афинскими шутками оживлять угнетенное состояние.

Сонника тоже появлялась на месте сражения. Она ходила по стенам, и граждане дивились храбрости богатой гречанки, не боявшейся вражеских стрел.

Любовь к Актеону и ненависть к осаждавшим придавали ей мужество. Одно имя карфагенян приводило ее в ярость. С высоты Акрополя она видела, как взвилось пламя из-под крыши ее загородного дома, как обрушилась красная крыша голубятни, как вырубались чудные рощи, окружавшие ее дом, и как все превратилось к груды обуглившихся развалин, и она поклялась мстить не за потерянное богатство, но за разрушение таинственного приюта ее любви, роскошного жилища, полного воспоминаний. Она чувствовала себя расстроенной при несказанно неудобной жизни в осажденном городе, вынужденная питаться грубой пищей и жить в своем товарном складе, среди богатств, кое-как наваленных в поспешном бегстве, почти вместе со своими рабынями, и лишена ванны, так как в городе вода была только в цистернах, и администрация раздавала ее очень экономно, предвидя ее быстрое истощение.

Эта жизнь, полная лишений, раздражала ее и вызывала в ней воинственную смелость. Она каждый вечер присоединялась к своему возлюбленному и вместе с Актеоном, душой защиты, распоряжалась рабами, чинившими стену, а затем они отправлялись к Мопсо в Акрополь, чтобы вместе обсудить положение в стане врага. Она надеялась, что можно будет употребить затишье, вызванное болезнью Ганнибала, на то, чтобы поставить город в лучшие условия защиты; и вот она ходила по стенам, разговаривая с молодежью, обещая богатые награды тем, кто наиболее отличится, и убеждая всех сделать беспримерную вылазку: всем городом устремиться из стен на врагов и оттеснить их до самого моря.

Постоянными спутниками Сонники были Эросион и Ранто. Жизнь в тесном пространстве и общая опасность сблизили их со многими людьми, и они следовали за своей госпожой, встречая восторженной улыбкой все ее слова и воинственные замыслы.

Ранто уже не была пастушкой. Всех ее коз одну за другой съели в доме Сонники, и у нее не осталось иного занятия, как следовать за госпожой рука об руку с Эросионом. Она была счастлива таким положением вещей и желала бы, чтобы ему не было конца. Даже мрачный Мопсо, отец ее возлюбленного, при встрече с ними не протестовал и часто улыбался, видя их счастливыми и спокойно ходящими по стенам без страха перед стрелами.

Опасность заставила людей сблизиться между собой. Богатые коммерсанты стреляли из лука, стоя за зубцами рядом с рабами. Нередко можно было видеть, как богатая гречанка разрывала свою полотною тунику, чтобы перевязать раны грубого наемника, и богачка Сонника, прежде относившаяся высокомерно к городским женщинам, уговаривала рабынь образовать отряд амазонок, подобный тому, какой следовал за Ганнибалом. Ранто, довольная новым положением, была ослеплена своим счастьем до того, что не замечала всеобщего горя и бедствий вокруг себя. Сочувствуя своему возлюбленному, она часто вырывала у него из рук лук, и увлекала юношу

в отверстие лестницы у подножия стены и там ласкала его с новой страстью. Наслаждение под свист стрел, крики ярости и стоны, раздававшиеся наверху, казалось ей еще притягательнее.

Перерыв в военных действиях продолжался всего двадцать дней. В тишине лагеря не переставая раздавался стук плотников, и граждане видели, как мало-помалу росла большая деревянная башня в несколько этажей, превышавшая городские стены.

Ганнибал окреп и рвался возобновить осаду. Желая, чтобы враги увидели его, он стал выходить из палатки, как только рана закрылась, и часто скакал вдоль стен в сопровождении своих военачальников.

Вид его ослеплял сагунтинцев. Он горел, как яркий огонь на своем черном коне, солнце окружало его ослепительным сиянием, будто он был каким-то божеством. Он был одет в латы и шлем, принесенные ему в дар галаисскими племенами и изготовленный ими из золота их рек. Вождь предпочитал бронзовые доспехи, побывавшие не в одной битве, но он совершал свои поездки вокруг Сагунта на показ и желал поразить своим появлением граждан — желал, чтобы они видели его величественным, как бога.

С появлением Ганнибала снова началась осада, но еще более ожесточенная. Сагунтинцы с первого момента поняли, что осаждающиеся воспользовались затишьем, чтобы усилить свои наступательные средства. Они продвигали с большими усилиями огромные деревянные башни, которые успели выстроить. В них скрывались стрелки, стрелявшие из прорезанных в стенах амбразур. Верхняя площадка была настолько выше городской стены, что стрелометы бросали оттуда большие камни, сеявшие смерть между защитниками города.

Ганнибал выходил из себя, возбужденный стойкостью сагунтинцев, и стремился кончить скорей осаду...

По стенам уже стало невозможно ходить открыто. Осадные башни пододвинули к тому выдающемуся месту города, которое Ганнибал считал за самый слабый пункт.

Стрелы и камни падали на стены без перерыва, и в то время, как защитникам приходилось скрываться за зубцами, и они не могли выстроиться, внизу, у фундамента, работали под защитой тур тараны, медленно разрушая стену, и африканцы, оставшиеся в живых после первой вылазки, теперь работали с большой уверенностью и мало-помалу открывали брешь.

Сагунтинцы, побледневшие от ярости и сознания своего бессилия, напрасно пытались мешать этой разрушительной работе. Осадные туры, катившиеся по ровному месту, движимые усилиями людей, скрывавшихся за ними, переезжали с места на место, принося с собой смерть, и иногда приближались настолько, что граждане могли слышать голоса целившихся стрелков. А тем временем внизу, у основания стен, продолжалось медленно, но упорно дело разрушения.

Наиболее горячие граждане, сгоравшие негодованием при виде безнаказанного разрушения своих стен, высывались, чтобы стрелять в неприятеля, вооруженного луками и копьями, но едва они появлялись из-за своего прикрытия, как на них сыпался каменный дождь или они падали, пронзенные стрелой. Стена была покрыта трупами. Раненые лежали, тускнеющим взором глядя на древко стрелы, пронзившей их тело.

Напрасно осажденные пытались бомбардировать туры: камни с глухим шумом ударялись о стены, но не причиняли им вреда. Из них, как щетина, торчали во все стороны стрелы и они двигались как огромные слоны, нечувствительные к ранам; даже фаларики были бессильны против них: они долетали с шипением и дымом, но не могли зажечь мокрых кож, покрывавших верхнюю часть башен.

Наиболее осторожные уходили с места, где сконцентрировались усилия осаждающих, и места их занимали наиболее смелые, не зная наверное, как отразить неприятеля, но твердо решившись умереть прежде, чем он продвинется хотя бы на шаг.

Мопсо-стрелок был единственный, наносивший, при подобном положении дел, урон карфагенянам.

Он на минуту высовывался из-за зубцов с натянутым луком и ловко пускал стрелу из бойницы, убивая солдат, считавших себя в полной безопасности. Эросион не отходил от него. Видя своего отца в такой опасности, он отправил Ранто вниз лестницы, ведущей на стену, не обращая внимания на ее слезы, и схватив лук, намеревался следовать примеру отца, стрелять по сидящим в башне.

Однако менее осторожный, чем отец, он с увлечением юности высовывался чуть не всем телом из-за зубцов, и когда ему удавалось всадить стрелу в амбразуру, смеялся, совершенно открыто, оскорбляя осаждавших своими смелыми мальчишескими шутками.

Камень, брошенный стрелометом башни со свистом ударил его в голову и смертельно ранил. Кровь, вместе с кусками мяса, брызнула на стоявших вблизи, и мальчик, согнувшись, бессильно всем телом перевесился за стену меж двумя зубцами. Стрелы из его колчана с печальным звоном железа рассыпались вокруг его тела.

— Мопсо! Мопсо! — закричал Актеон, желая удержать стрелка.

Но старик бросился на середину стены, совершенно вне всякой защиты. С остановившимися глазами он рвал свою седую бороду, не помня себя от горя и ярости.

Три раза он пытался натянуть свой лук, чтобы пустить стрелу на площадку башни, где находится стреломет, но несмотря на все свои усилия, не мог сладить с оружием. Горе, неожиданность, отчаяние, что он одним ударом не может уничтожить всех врагов, лишили его сил.

Между тем, как он боролся с непокорным оружием, как бы восставшим против него, вокруг его головы свистели вражеские снаряды. Видя себя бессильным, охваченный горем перед обезображенным трупом сына, и не имея возможности отомстить, он испустил стон, и собрав всю свою силу воли, бросился со стены на останки Эросиона. Голова его с глухим шумом ударилась о камни, из нее хлынул поток крови, и отец с сыном образовали неподвиж-

ную группу невдалеке от осаждавших, продолжавших тараном разбивать стену.

Почти целый день продолжалась отчаянная борьба. Сагунтинцы, охранявшие эту часть стены, не могли помешать приближению врага. Чувствовались глухие удары таранов, стена, казалось, колебалась в своих устоях, и ничего нельзя было сделать, чтобы сдержать осаждающих.

Медленно стали отступать защитники. Актеон, опечаленный смертью соотечественника и убежденный в бесполезности пребывания на этом пункте, посоветовал отступить внутрь города. Он отошел с некоторыми из своих, и через несколько минут одна из башен стены, разрушенная у основания таранами, закачалась и рухнула, засыпая землю дождем обломков. После этого обрушились еще две башни, и большой кусок стены, засыпая своими обломками наиболее спокойных защитников, державшихся на своем посту до последней минуты.

Громкие крики, взрыв дикой радости встретили со стороны осаждающих падение стены. Через открывшуюся брешь из улиц города виднелась опустошенная равнина и часть лагеря. Засверкало оружие в тесном проходе, заваленном обломками; темная масса надвигалась и слышался звук рогов.

— Приступ!.. Карфагеняне входят в город!

Со всех сторон сбегались вооруженные люди. Из узких улиц, соседних со стеной, катился людской поток. Все кричали, потрясали мечами и секирами с лицами людей, готовых умереть. Пробираясь по обломкам, собрались у бреши, и это открытое пространство, широкая щель, прорвавшая каменный пояс города, скоро наполнилась пестрой толпой, потрясавшей оружием и образовавшей плотную, непроницаемую массу.

Актеон был в первых рядах. Рядом с ним шел благоразумный Алько, заменивший свой посох мечом, и многие из тех спокойных купцов, хитрые лица которых как бы облагородились героической решимостью умереть прежде, чем уступить врагам.

Когда последние пошли на приступ, они увидели, что им придется иметь дело с целым городом.

Осадные башни, стрелометы, тараны уже не могли служить им; тут предстояла борьба один на одни и горожане также уже не прибегали к фаларикам, но пускали в ход только мечи и секиры.

Ганнибал, пеший, предводительствовал фалангой, приближавшейся, подняв пики и опустив мечи. Он бился, как простой солдат, стараясь овладеть этим городом, задерживавшим выполнение его плана, понимая, что наступила решительная минута и крепостью можно овладеть только напрягая все свои силы. Отрывистыми словами он обращался к солдатам на различных наречиях их племен, напоминал о несметных богатствах города, о красоте гречанок и значительном числе рабов, находящихся в стенах, и балеарцы шли на приступ, нагнув головы, выставив вперед пики с острями, закаленными в огне; кельтиберийцы орали свои военные песни, ударяя себя в грудь, как в звонкий барабан, и размахивая короткими обоюдоострыми мечами; нумидийцы же и мавританцы, спешившись, переходили с одной стороны на другую, коварно, исподтишка пуская в горожан стрелы, скрытые под их белыми покрывалами.

Все было напрасно. Брешь представляла узкое ущелье. Карфагенское войско, несмотря на численное превосходство, должно было стягивать свой фронт. Таким образом восстановилось равновесие сил, а на стороне сагунтинцев было преимущество положения, и они отражали наступающих каждый раз, как те намеревались взобраться на груды обломков. Мечи врезывались в тела, пики распарывали груди, сражающиеся схватывались в рукопашную, переплетаясь руками, как ремнями, ломали ноги, сдавливали друг у друга грудь, дышавшую, как мех, и катились на землю, разбивая себе лицо. Вставая, победитель не раз с гордостью замечал, что держит в зубах кусок кровавого мяса...

Отряд Ганнибала, как ураган, налетел на брешь, и стремительность натиска заставила дрогнуть массу защитников. Но ни один не тронулся с места: они решили умереть на посту, образуя плечом к плечу плотную массу, где каждому волей неволей

приходилось быть храбрым, потому что было слишком тесно, чтобы бежать.

Такой бой продолжался несколько часов. Груды трупов, скоплавшихся между наступающими и защитниками, затрудняли движение первых. Солнце начинало склоняться к закату, и Ганнибал чувствовал утомление от борьбы со стойким сопротивлением, о которое разбивались все его усилия. Веря в свое счастье, он велел трубить к последнему приступу; но в эту минуту случилась неслыханная вещь, смутившая вождя и внесшая замешательство в его отряд.

Актеон не мог определить, откуда доносился голос. То была галлюцинация, выдумка какого-нибудь увлекающегося, утомленного продолжительным сопротивлением.

— Римляне! — кричал голос. — Наши союзники прибыли!

Весть быстро распространилась, и ее приняли с легковерием, предаваемым опасностью. Сообщили друг другу рассказ, что сторожевые на башне Геркулеса видели флот, направляющийся в гавань, и сейчас же приятную новость передали защитникам бреши. Все ей поверили, прибавляя от себя новые подробности, и в глазах блестела радость, лица раскраснелись, даже раненые, лежавшие среди обломков, поднимали руки, крича:

— Римляне! Римляне идут.

Сразу, в беспорядке, будто влекомые невидимой силой, все устремились из бреши и, как лавина, обрушилась на врага, строившегося для последнего приступа.

Неожиданность натиска, сила изумления, этот крик: «Римляне! Римляне!», с таким убеждением повторяемый сигунтинцами, внесли смятение в варварские племена Ганнибала. Однако они защищались, хотя весь город напал на них; даже женщины и дети сражались, как в день смерти Ферона, и солдаты Ганнибала, разбитые на мелкие отряды, не видя и не слыша своих начальников, побежали к морю.

Ганнибал отступал, скрежеща зубами от ярости: мысль, что осажденные бьют его войска, сводила

его с ума. Ярость до того ослепила его, что он попал в среду врагов, и несколько раз рисковал пасть под их ударами.

Начало темнеть. Сражающиеся сагунтинцы приближались к окопам лагеря, между тем как остальное городское население, рассеявшись по равнине, добывало раненых и намеревалось поджечь осадные машины. И они уничтожили бы все, если бы Марбахал, военачальник Ганнибала, не выехал из лагеря с несколькими когортами всадников. Горожане не могли устоять против кавалерии в открытом поле и начали медленно отступать. Под покровом ночи они снова заняли брешь, громко возвещая об одержанной победе.

Актеон с некоторыми из наиболее отличившихся в битве сагунтинцев приступил к укреплению города. Он переговорил с сенаторами о трудности долгое время защищать это отверстие. Невозможно несколько раз повторять уловку предыдущего вечера. И осажденные всю ночь проработали при свете факелов под брешью, сбрасывая черепицу и разрушая стены.

Купцы и рабы, богатые горожане и женщины из предместья — все смешались, хватали пики, собирали камни и приготавливали шары из глины. Даже сенаторы принимали участие в этой губительной работе, продолжавшейся всю ночь и большую часть следующего дня.

Евфобий, философ, остававшийся в бездействии, несмотря на оскорбления работавших, вспоминал о первых основателях города, — циклопах, переносивших камни, величиной с горы, и положивших, таким образом, основание Акрополю.

Вечером следующего дня работы прекратились, когда начали подступать войска осаждающих. Они шли на приступ плотной массой, молча, мрачные, очевидно, решившись с первого натиска овладеть этой брешью, бывшей за день перед тем свидетельницей их унижения.

Они шли через тучу камней и стрел, пускаемых в них осажденными, и первые когорты, взбежавшие на груду обломков, схватились с наиболее храбрыми сагунтинцами, оспаривавшими у них брешь.

После короткой битвы осаждающие овладели входом в город и возвестили об этом торжествующими криками.

Ганнибал храбро предводительствовал своими солдатами, но в ту минуту, как они достигли высшей точки, он отступил на шаг, с выражением крайней досады.

Он увидел перед собой целый ряд разрушенных домов, а за ними новую стену, поднимавшуюся гораздо выше груды развалин, — стену, выстроенную неожиданно, как будто огромная метла смела сюда, ко входу в город все обломки изнутри его. Огромные плиты, нетесаные камни, обломки колон, громоздились с такой же правильностью, как квадратные камни стены, а промежутки были забиты совершенно свежей глиной. Эта стена, выстроенная так быстро напряжением всего города, оказывалась гораздо выше наружной, и образуя изгиб, сливалась с двумя устоявшими выступами старой ограды.

Ганнибал побледнел от ярости, видя, что все усилия помогли ему овладеть лишь пядью земли, покрытой развалинами, и что стена, разрушенная им, каким-то чудом воздвиглась снова в одну ночь еще выше прежнего. Сагунт разрушил стены дома, чтобы укрепиться и перерезать путь врагу. Он видел, что предстоит отбивать землю шаг за шагом, улицу за улицей, и что пройдут целые месяцы прежде, чем ему удастся добраться до Форума наверху Акрополя, прежде, чем он принудит город сдаться.

На новой стене сагунтинцы проявили не меньше стойкости, чем накануне, и их пращи и стрелы отразили приступ. Карфагенянам пришлось отступить, ища убежища за обломками бреша.

Стоя у городских стен, и глядя на вершину Акрополя, Ганнибал раздумывал. Он предвидел возможность потерять мало-помалу все свое войско, нападая на Сагунт с равнины — слабого места города, где граждане стойко защищались. Позвав Марбахала и своего брата Магона, он объяснил им необходимость иметь в своем распоряжении какую-нибудь возвышенность и для этого овладеть хотя

бы частью огромного холма, на котором стоял Акрополь, чтобы оттуда начать враждебные действия против города и принудить его, таким образом, сдаться.

Прошло несколько дней без возобновления враждебных действий со стороны реки. Осадные машины были переведены к подножию холма и посылали свои тяжеловесные снаряды к самым отдаленным стенам Акрополя. Стены эти были старые и их давно не чинили, потому что сагунтинцы уповали в неприступность высот.

Число защитников города было недостаточно, чтобы растянуться на все протяжение укреплений, между тем, как осаждающие располагали вооруженной массой, которая могла устремляться сразу на различные пункты.

Однажды ночью Актеон встретился на форуме с Сонникой, искавшей его в сопровождении Алько и Пруденция.

— Старшины зовут тебя, — грустно сказала гречанка. — И Алько желает переговорить с тобой.

— Послушай, афинянин, — серьезно начал сагунтинец. — Дни идут, а помощи из Рима нет. Может случиться, что нашим послам не удалось добраться до территории союзной нации, и сенату великой республики неизвестно наше положение. Или, может быть, в Риме воображают, что Ганнибал раскаявшись в своей смелости, снял осаду?.. Нам необходимо знать, что думают наши союзники о нас; мы желали бы, чтобы римский сенат подробно был осведомлен о том, что делает Сагунт, и старшины, по моему указанию, вспомнили о тебе.

— Обо мне?.. Чего же они хотят от меня? — спросил Актеон с удивлением, глядя на грустную Соннику.

— Они желают, чтобы ты еще сегодня отправился в Рим. Вот золото; возьми эти дощечки. По ним сенат узнает в тебе сагунтского посланца. Мы посылаем тебя на праздник. Выйти из города трудно, но еще труднее найти на этом берегу, заполненном врагами, судно, которое перевезло бы тебя в Рим. Ты должен отправиться сегодня ночью — сейчас,

если возможно — выбравшись из стен в стороне, противоположной горе, там меньше врагов. Завтра может быть уже поздно. Поезжай и возвращайся скорей с ожидаемым подкреплением.

Актеон взял золото и дощечки у Алько, но согласился не сразу, понимая всю важность поручения.

— Никому лучше тебя не выполнить этого,— ответил ему сагунтинец.— Вот почему я и подумал о тебе. Ты провел всю свою жизнь в скитаниях по белу свету, ты говоришь на нескольких языках, и нет у тебя недостатка ни в проницательности, ни в храбрости... Ты знаешь Рим?

— Нет. Отец моего отца вел войну против него под начальством Пирра.

— Но теперь ты явишься туда другом, союзником, и мы молим богов, чтобы в скором времени могли благословить день, когда ты прибыл в Сагунт.

Актеон все еще не решился отправиться. Ему было как бы совестно покинуть город в минуту такой отчаянной борьбы и оставить Соннику среди осажденных.

— Я чужеземец, Алько,— сказал он просто.— Ни одна капля крови не связывает меня с вашей судьбой. Ты не боишься, что я могу скрыться навсегда, предоставив вас вашей судьбе?

— Нет афинянин! Я знаю тебя и поэтому поручился за твою верность перед сенаторами. И Сонника клялась, что ты вернешься, если не попадешь в руки врагов.

Грек посмотрел на свою возлюбленную, будто спрашивая, ехать ли ему, и она наклонила голову, покоряясь необходимости принести эту жертву. После этого Актеон согласился.

— Прощай Алько. Скажи сенаторам, что афинянина Актеона или распнут в лагере Ганнибала, или он предстанет перед римским сенатом и передаст ему важную просьбу.

Он несколько раз поцеловал Соннику в глаза, и красавица-гречанка, сдерживая слезы, пожелала сопутствовать ему вместе с Алько до вершины Акрополя, чтобы побыть с ним несколько минут.

Они шли в темноте по эспланадам Сагунта, вдоль стен Акрополя, погасив факелы, чтобы не привлекать внимания осаждающих. Их путь освещался лишь светом звезд, казалось, сверкавших ярче от свежести этой ночи начала зимы.

Алько отыскивал одно место в стене, указанное ему старейшинами, лучше всех знавших ограду Акрополя. Дойдя до этого места, сагунтинец ощупью отыскал конец веревки, прикрепленной к зубцу и бросил его в пространство.

Отправка Актеона совершалась в полнейшей тайне. Старейшины, решившие отправить посла и подготовившие его бегство, не показывались. Сонника, плача, бросилась на шею Актеону.

— Отправляйся скорей, афинянин,— сказал сагунтинец с нетерпением.— Эти первые часы ночи — лучшие. По полям еще бродят солдаты, прежде чем улечься. Ты пройдешь незамеченным. Позднее, среди ночной тишины, тебя заметят часовые.

Актеон высвободился из объятий Сонники, и, высунувшись за стену, схватился за темневшую веревку.

— Уповай на наших богов,— сказал ему Актеон, в виде последнего напутствия.— Хотя и кажется, что они нас покидают, однако они продолжают охранять Сагунт. Некоторое время тому назад один беглый раб из лагеря сообщил старейшинам, что вацеи и кальпенцы, раздраженные грабительством отрядов, посылаемых Ганнибалом за запасами для войска, восстали против него и обезглавили его посланных. Ганнибал, по-видимому, намеревался оставить на время осаду, отправиться к ним, чтобы наказать непокорных. Таким образом, под стенами города останется меньше врагов, и если ты вернешься с римскими легионами, Сагунт станет для карфагенян тем же, чем Эгастские острова стали для них в Сицилии... О! Насколько лучше мирная жизнь!

После этого меланхолического восклицания Алько расстался с греком, и последний молча спустился по веревке. Скоро его нога нащупала один из уступов скалы, служивший основанием стены. Он выпустил веревку и начал ощупью спускаться

или скорее падать, придерживаясь за жидкие маслины, тянувшиеся кверху на этой возвышенности, как будто стараясь освободиться от стеснявших их скал.

У ног грека, среди жалкой, пустынной равнины светилось несколько костров. Тут стояли передовые посты лагеря, наблюдавшие за этой частью горы, а также ютились мародеры, следовавшие за войском и поместившиеся здесь подальше от глаз Ганнибала.

Актеон спустился на землю и начал осторожно продвигаться вперед, часто останавливаясь, прислушиваясь и сдерживая дыхание. Ему несколько раз казалось, что кто-то следует за ним, осторожно подвигаясь по его пятам. Он наткнулся на дым костра, среди багрового дыма которого обрисовывались фигуры мужчин и женщин. Стараясь определить, куда направиться, чтобы миновать костер, он остановился, всматриваясь в окрестную темноту, как вдруг почувствовал, что кто-то схватил его за плечи, и среди глухого смеха, раздались слова:

— Попался! Теперь уже не спрячешься.

Актеон вырвался и, выхватив из-за пояса кинжал, принял оборонительную позу. Перед ним стояла женщина. Грек увидел при свете звезд, что она также удивлена и стоит в нерешительности.

— Ты не Герин, пращник? — проговорила она, протягивая руки к афинянину.

Они смотрели друг на друга, чуть не касаясь лицами, и Актеон узнал в женщине несчастную волчицу, накормившую его в первую ночь его пребывания в Сагунте. Встреча, очевидно, изумила ее не менее, чем самого Актеона.

— Это ты, Актеон? Сами боги, кажется, посылают меня на твою дорогу, хотя ты и презираешь меня... Ты бежал из города? Правда? Ты расстался с богачкой Сонникой, не хочешь погибать со всеми этими купцами, которых перережет непобедимый Ганнибал? Хорошо делаешь. Беги же скорей!

Она с опасением взглянула на соседний костер, как бы боясь, чтобы к ней не подошли солдаты, теснившиеся вокруг огня, смеясь и напиваясь в обществе нескольких волчиц из порта.

Жалкая проститутка рассказала Актеону, понизив голос, зачем она пришла сюда. Она была любовницей Герiona, балеарского пращника. Он расстался минуту тому назад со своими товарищами, бежав от них, чтобы не отдать им своего последнего жалования, и ища своего любовника, она наткнулась на Актеона. Его могут увидеть, могут подойти солдаты, привлеченные голосами: здесь место ненадежное... Что он предполагает делать?

— Хочу добраться до берега: может быть, почастливится встретить какую-нибудь рыбацью барку, которая доставит меня в Эмпорион или Дению. У меня есть деньги, чтобы заплатить. А после постараюсь отыскать корабль, который отвезет меня далеко... далеко.

— Ты не вернешься?.. Правда? Я желаю, чтобы ты не возвращался. Если бы ты знал, сколько раз, когда бились на стенах, я думала о тебе... я уже тебя не увижу. Но лучше и не видеть, чем узнать, что ты погиб в городе или сделался рабом моего любовника, пращника... Ганнибал покончит со всеми... О, жестокий город! Вот будет хорошо, когда орды Ганнибала устремится на всех этих богачей, приказывавших гнать нас бичами, когда мы подходили к ним в порту...

Бедная проститутка, взяв грека за руку, провела его через поле.

— Пойдем,— говорила она шепотом.— Я доведу тебя до морского берега, дальше ты уж пойдешь без иного покровителя, кроме богов. Теперь, встретив тебя со мной, тебя сочтут за кельтиберийского солдата и подумают, что ты ищешь со своей любовницей приюта на ночь. Пойдем, я накормила тебя в первую ночь, когда ты прибыл к нам, и спасу тебя в последнюю.

Они направились к морю. Когда они проходили мимо костров, солдаты и проститутки посылали им вслед грязные шутки, принимая их за возлюбленную пару. Несколько вооруженных солдат пропустили их, не обратив на них никакого внимания.

Несчастливая волчица замедлила шаг.

— Послушай, Актеон, если бы ты пожелал — я последовала бы за тобой, как рабыня. Но ты не

хочешь этого, знаю... ничем я не могу быть для тебя. Ты уходишь навсегда, но я рада, потому что ты уходишь от Сонники. Только на прощание... поцелуй меня, мое божество!.. Нет, не в глаза. В губы... так...

И афинянин, тронутый добротой несчастной, поцеловал ее с нежным участием в поблекшие сухие губы, от которых несло отвратительным винным запахом балеарских пращников.

VIII. Рим

Когда стена Капитолия заалела при первых лучах солнца, жизнь в Риме уже началась более часа тому назад.

Римляне вставали еще при свете звезд. По извилистым улицам в темноте ехали деревенские повозки; тянулся ряд рабов с корзинами и рабочими инструментами, разбуженных пением петухов; а когда день занимался, во всех домах отворялись двери, и граждане, не занятые в полях, направлялись на Форум — центр торговли и общественной жизни, начинавший уже украшаться первыми храмами, но представлявший еще много пустырей, на местах которых только через несколько веков спустя должны были появиться великолепные здания Рима — царя мира.

Уже прошло два дня, как Актеон жил в большом городе, остановившись в гостинице предместья, содержимой греком. В нем не угасало восхищение перед этой строгой республикой, жившей почти в бедности — суровым народом земледельцев и солдат, наполнявшим весь мир своей славой, а жившим беднее, чем любой крестьянин из окрестностей Афин.

Актеон надеялся предстать перед сенатом в этот день. Большая часть отцов республики жила за городом, в сельских домах без очагов, с крышами из древесных стволов, надзирая за работами рабов и сама ходя за плугом, как Цинцинат и Камилл. Когда же государственные дела призывали их в сенат, они приезжали в Рим в повозках, запряжен-

ных буйволами, между корзинами с овощами и мешками зерна; но прежде, чем вступить на Форум, одевали тоги и преображались, принимая великосветский вид, приличный их высокому сану.

Грек пришел на Форум с рассветом. Там уже кишела обычная толпа: почтенные римляне, закутанные в тоги, беседовали с молодежью и своими клиентами о способе собирать благоразумно деньги, давая их под хороший залог — главной премудрости каждого гражданина; греческие педагоги, голодные пройдохи, вечно искавшие какого-нибудь места в городе, более способные к борьбе, чем к учению; старые legionеры, в серых заплатанных юбках, с грустью вспоминаявшие о прежних войнах против Пирра и Карфагена, преследуемые за долги и угрожаемые рабством со стороны кредиторов, несмотря на шрамы, покрывавшие их тело. Наконец, простой народ, всю одежду которого составляла лацерна (короткая накидка из грубого сукна), с кукулом (остроконечным капюшоном) — римская чернь, теснимая и эксплуатируемая патрициями, вечно мечтавшая, как о лекарстве от всех зол, о новом разделе общественных земель, постепенно, путем залога, переходивших в руки богачей.

На ступенях Коммиции собирались граждане одной из триб, обсуждая завещание одного из ее членов, только что умершего. Возле трибуны ораторов несколько центурионов в котурнах и бронзовых шлемах, опираясь на посохи из сплетенных виноградных лоз, рассуждали о военных делах, обсуждали осаду Сагунта и смелость Ганнибала и высказывая желание немедленно выступить против карфагенянина.

На больших голубых плитах, которыми были вымощен Форум, продавцы горячих напитков выставляли свои большие кратеры, стуча в котлы, чтобы обратить внимание людей; у подножия лестницы храма Согласия несколько шутов в страшных масках начинали свое смешное представление, привлекая детей и празднующих со всех концов площадки.

Было холодно. Дул резкий сырой ветер с Понтийских болот. Небо было серо, а толпа, толкавша-

яся на Форуме, неумолкаемо гудела. Актеон сравнивал эту площадь с веселой Агорской площадью в Афинах и даже с Форумом Сагунта в мирное время. В Риме не было греческой веселости, приятного и бодрящего оживления народа-художника, презирающего богатство и занимающегося торговлей только ради улучшения своей жизни. Здесь был народ холодный и печальный, стремящийся к наживе и экономии, презрительно относящийся к идеалу, не знающий другого занятия, кроме земледелия и войны, истощавший почву и грабивший врагов — народ-рутинер, без увлечений и юности.

«Этому народу,— думал афинянин,— никогда не было двадцати лет. Дети уже родятся стариками».

И Актеон припоминал все, что успел заметить за эти дни со своей греческой наблюдательностью: жестокую дисциплину семьи, религии и государства, которой были подчинены все граждане; полное невежество в искусстве и поэзии; суровое и безотрадное воспитание, основанное исключительно на долге, принуждавшее каждого римлянина к постоянному тяжелому повиновению для того, чтобы со временем получить право подачи голоса.

Отец, бывший в Греции другом, в Риме являлся тираном. В латинском городе было одно только полноправное существо, — отец семейства; жена, сыновья, клиенты — все стояли наравне с рабами. Боги слушали только его одного; он был в своем деле жрецом и судьей: мог убить жену, продавать сыновей, и его власть над семьей не прекращалась с годами. Консул-победитель, всемогущий сенатор дрожали в присутствии своих отцов. И в этой более мрачной и деспотической организации, чем даже спартанская, Актеон угадывал скрытую тайную силу, которая со временем вырвется из тисков и охватит весь мир пожаром. Грек ненавидел этот суровый народ, но удивлялся ему.

Его некультурность, воинственный и суровый дух, ясно обнаруживались на Форуме. На вершине священного холма Капитолий представлял из себя настоящую крепость, с обнаженными, мрачными стенами без всяких украшений, заставлявших блес-

теть вечной улыбкой цитадель Афин. Храм Юпитера Капитолийского едва превышал стены своим низким куполом и рядом некрасивых массивных, как будто быки моста, колонн. Внизу, на Форуме, все было также некрасиво и мрачно. Здания были низки и крепки, они казались скорее постройками, возведенными в целях войны, чем храмами богов и общественными зданиями. С Форума начинались большие римские дороги — единственная роскошь, которую решался доставить себе Рим, но и то, только потому, что они представляли удобство для передвижения легионов и сбыта земледельческих продуктов. От Форума прямой линией начиналась Аппиева дорога, вся вымощенная голубыми плитами, с двумя рядами столбов, начинавшимися у города и тянувшимися по полям в направлении Капуи. В противоположную сторону направлялась дорога Фламиния, вдоль берега, до самых цисальпинских земель. Среди необозримых полей выделялись извилистыми красными полосами первые водопроводы, построенные под наблюдением Аппия Клавдия, и снабжавшие город свежей водой из гор, ослабляя таким образом вредное влияние Понтийских болот.

Но кроме этих примитивных построек сам обширный, гигантский город, способный выставить до ста пятидесяти тысяч сражающихся, представлял жалкий, некультурный вид, напоминая собой те местечки, которые Актеон встречал во время своего путешествия по Кельтиберии.

Не было двухэтажных домов. Большинство представляло из себя хижины со стенами из нетесаного камня или глиняных кирпичей, с коническими крышами из досок или древесных стволов. После того, как галлы сожгли Рим, город был перестроен за один год. Дома ютились местами до такой степени тесно, что даже одному человеку было трудно пробираться между ними; в других же местах они стояли вразброс, как загородные дачи, окруженные небольшими полями в пределах города. Улиц не существовало: были только извилистые продолжения дорог, ведущих в Рим, — артерии движения, образовавшиеся случайно, переплетавшиеся, следуя капризным изгибам построек, и часто оканчивавши-

еся большими пустырями, куда сваливались отбросы и где ночью собирались вороны, клевавшие собачью и ослиную падаль.

Бедность и грубость этого города земледельцев, ростовщиков и солдат отражалась и на внешности его жителей. Высокомерные матроны пряли шерсть и коноплю у дверей своих домов, одетые только в тунику из грубой ткани, сдерживаемую на груди бронзовыми застежками, и с такими же серьгами в ушах. Первые серебряные монеты появились после войны с самнитами; грубый тяжелый медный ас был ходячей монетой, а богатые греческие украшения, привезенные легионерами с Сицилийской войны, считались чуть ли не священными в домах богатых патрициев, и на них смотрели как на амулеты, способные нарушить добродетель суровых римских обычаев. Сенаторы, владевшие большими территориями и сотнями рабов, проходили по Форуму с гражданской важностью в своих заплатанных тогах. Во всем Риме существовала одна только серебряная столовая посуда, собственность республики, переходившая из одного дома патриция в дом другого, когда прибывал греческий или сицилийский посол или какой-нибудь богатый карфагенский купец, привыкшие к азиатской утонченности, и приходилось устраивать пиры в их честь.

Актеон, привыкший к философии спора афинской Агоры, к разговорам о поэзии или тайнах души, непременно завязывавшихся, как только сходились два ничем не занятых грека, бродя по Форуму, прислушивался к разговорам на грубом, негибком латинском языке, неприятно поражавшим слух афинянина. В иной группе разговор шел о состоянии стад и ценах на шерсть; в другой — договаривались о продаже быка в присутствии пяти совершеннолетних граждан, служивших свидетелями. Покупатель, положив на одну чашу весов бронзу — цену покупки, и тронув рукой быка, сказал торжественно, как бы произнося проповедь:

— Он мой, по гражданским законам: я заплатил за него этим хорошо взвешенным металлом.

Дальше — легионер с исхудалым лицом заключал залог у старейшины города, предлагая ему в

залог шлем и сапоги и произнося законную для таких случаев формулу.

— *Dari spondes?* (Обещаешься дать?) — спрашивал солдат.

— *Spondeo* (Обещаю),— подтвердил кредитор.

И договор был заключен этими торжественными словами, перемена одного слога в которых, могла уничтожить все дело, так как римляне питали суеверное почтение к букве и форме своих законов.

В третьей группе обсуждались качества, которые должен иметь раб, чтобы быть полезным своему господину, и чтобы он дорожил им; и на всем Форуме у этого серьезного сурового народа, не знавшего идеала, только и было разговора о богатстве и способах его приобретения.

Грек поравнялся с юношей, несмотря на свои двадцать лет имевшем вид серьезного старика. Его подстриженные до корня волосы были рыжие, а в холодном взгляде виделся ум и хитрость. Он шел медленно рядом с мальчиком, слушавшим его с вниманием, как учителя.

— Хотя твой отец и консул,— говорил рыжий,— но ты не должен забывать, Сципион, что для того, чтобы быть хорошим гражданином и служить республике, недостаточно умения владеть копьем и конем, не умея обрабатывать землю и не зная секретов земледелия. Придет день, когда наши войска призовут к делу и тогда недостаточно будет завоевывать земли для Рима, но надо будет их обрабатывать, чтобы они давали доход. Ты этого не понимаешь?

— Нет, Катон,— отвечал мальчик.

— Ты ежедневно должен выучивать статью, на каждый месяц из календаря, составленного нашими предками. Когда все запечатлеется в твоей памяти, тебе будет легче быстро и хорошо распорядиться своими рабами в их полевых работах. Вчера я объяснил тебе май месяц. Повтори, Сципион.

— Май месяц,— начал мальчик, нахмутив брови, как бы для того, чтобы лучше собраться с мыслями.— Тридцать один день. Ноны падают на седьмой день. День продолжается четырнадцать с половиной часов, ночь — девять с половиной. Солн-

це вступает в диск Тельца; покровитель месяца — Апполон. Полют хлеб. Стригут овец. Моют шерсть. Ставят под ярмо молодых бычков. Собирают бобы на полях. Чистят оросительные каналы. Приносят жертвы Меркурию и Флоре.

— Ты запомнил хорошо, Сципион. Наши предки не имели и не желали иметь другой науки: с них было достаточно знать, что они должны делать в каждый месяц года, с помощью этого знания, вместе со смелостью в защите своих полей и захвате соседних земель, они основали наш город, который все растет — скоро сделается первым во всем мире. Мы не болтуны, как греки, в восторге преклоняющие колена перед кусками мрамора и спорящие, как шуты, о том, что будет после смерти. Мы не так честолюбивы, как карфагеняне, основывающие свою жизнь на торговле и извлекающие из моря все его богатства. Наша жизнь вся в земле; мы выносливее других народов, хотя и слабее их; мы идем медленнее, но зато пойдем дальше. На земле, на которую мы вступаем в первый раз, мы не ставим палаток, как другие, мы пускаем по ней плуг, и вот почему Рим уже никогда не расстается с занятой землей. Не забывай этого, Сципион.

Афинянин не отставал от этой пары. Из слов этого двадцатилетнего старика, он научился большему, чем из своих наблюдений. Казалось, сам Рим говорил в этом уроке, преподаваемом сыну одного из его консулов.

— Ты также должен знать правила семейной жизни каждого доброго гражданина,— продолжал Катон.— Когда наши отцы хотели похвалить человека, они называли его «хорошим работником». И это была лучшая награда. Жили они на этой земле в сельских общинах, считавшихся самыми почтенными, а в Рим приходили только в базарные дни да в дни народного собрания. И хорошими гражданами оставались те, кто вел жизнь Цинцината и Камилла, являясь только на собрания сената, потому что война, с ее походами на новые страны, испортила многих. И эти люди пожелали жить в городе, заменив старинные римские хижины с деревянными

крышами и их простыми пенатами большими домами с колоннами, как у храмов, украшенными богами и богинями, вывезенными из Греции.

Энергичный жест Катона показал все его презрение к подобным иноземным утонченностям, начинавшим прорываться в суровые нравы страны.

— Хороший гражданин не должен терять в деревне ни одного дня. Если погода заставляет его оставаться дома, он должен заниматься чисткой хлебов и загонов, починкой старых изгородей и присмотреть за женщинами, чтобы они чинили платье. Даже в праздничные дни надо вставать рано: полить изгороди, выкупать стадо и, затем, уже отправиться в город продавать масло и плоды. Не следует терять время в советах с предсказателями и авгурами, не служить богам, заставляющим уходить из дому. Довольно с нас богов нашего домашнего очага и ближайших окрестностей. Лары, Маны и Сильвалы в достаточной степени охраняют доброго гражданина. Наши отцы не искали других богов и, тем не менее, были велики.

Маленький Сципион слушал внимательно, но глаза его были обращены на двух молодцов с капюшонами, спустившимися на плечи, дравшихся на кулаках возле продавца горячего вина. Щеки мальчика разгорелись от возбуждения при виде тумачков, которыми угощали друг друга атлеты, напрягая все свои крепкие мускулы.

— Если гражданин живет в Риме,— продолжал Катон, не обращая внимания на эту борьбу, не нарушавшую общей серьезности Форума,— он должен с утра открывать двери своего дома, чтобы объяснить законы своим клиентам и благоразумно собирать с них деньги, а юношей обучать искусству увеличивать сбережения и избегать разорительных увлечений. Отец семьи должен извлекать деньги из всего и не терять ничего. Давая новую одежду рабам, он должен продавать старую для другого употребления. Он должен продавать масло и сколько ему нужно вина и хлеба в конце года. Продавать также старых волов, телят, ягнят, шерсть, кожи, лишние повозки, заржавевшие орудия, больных и старых рабов. Отец семьи должен быть про-

давцом, а не покупателем. Заметь это себе хорошенько, Сципион.

Но Сципион волновался и слушал невнимательно. Борцы перестали драться, но юноша все еще смотрел на них от реки, к которой направлялся с учителем.

— Катон, теперь час борьбы. Я думаю, что пойду прежде на берег Тибра упражняться в беге и борьбе, а потом час буду учиться плаванию.

— Иди куда хочешь, и помни мои советы. После урока полезны борьба и свежее купанье, укрепляющее тело. Гражданин, намеревающийся служить своему отечеству, должен быть не только благоразумен, но и силен.

Мальчик ушел, а Катон, повернувшись, встретился лицом к лицу с Актеоном, шедшим за ним. Наружность Актеона заинтересовала римлянина, и он остановился.

— Как тебе нравится наш город, грек? — спросил он.

— Город большой, только скучный. Я в Риме всего три дня.

— Ты, может быть, тот самый посол из Сагунта, который должен сегодня представиться сенату?

Актеон ответил утвердительно, и римлянин оперся на его руку с серьезной кротостью, будто они были старинными друзьями.

— Ты немного достигнешь, — сказал он. — Наш сенат теперь болен... чрезмерной осторожностью. Я не люблю увлечений; не думаю, чтобы Ганнибал был великим полководцем только потому, что он бросается на такие смелые предприятия, как осада Сагунта; но тем не менее, я не могу молчать, видя опасливое отношение Рима к его союзникам. Я желаю употребить все средства для сохранения мира: я боюсь войны, а между тем, война с Карфагеном неминуема. Карфаген и наш город не могут уместиться в одном мешке. Мир тесен для них двоих. Я постоянно повторяю: «Мы должны разрушить Карфаген», а надо мной смеются. Несколько лет тому назад, во время восстания наемников, мы бы легко могли сокрушить его. Если бы мы послали в Африку несколько легионов, то с помощью восстав-

ших нумидийцев и возмущившихся наемников нам ничего бы не стоило разрушить Карфаген. Но нам стало страшно; Рим, после победы, занялся заживлением своих ран. Мы боялись поддержать торжествующих солдат, собранных со всех земель, и спасли Карфаген,— помогли ему справиться с восставшими.

— Теперь другое дело,— сказал Актеон с убеждением.— Сагунт ваш союзник, и если Ганнибал враждует с ним, то из-за приверженности города Риму.

— Да, поэтому мы, римляне, и принимаем участие в его судьбе; но все же от сената я не ожидаю многого. Его гораздо больше заботят пираты Адриатики, грабящие наши берега и восстание Деметрия Фаросского в Империи, куда мы собираемся послать войско под начальством консула Люция Эмилия.

— А Сагунт? Если вы оставите его, как он справится с дерзостью Ганнибала, собравшего под своим начальством самые воинственные племена Иберии? Что скажут эти несчастные о верности Рима своим обещаниям?

— Постарайся убедить сенат всеми этими доводами. Я вижу в Карфагене единственного врага Рима... Но если бы все были, как я!.. Мы поняли бы дерзость сына Гамилькара, объявили бы войну Карфагену и прогнали его в его владение... Пусть будет, что будет, мы — непобедимы... Италия — плотная масса, и пограничные земли, как часовые, стоящие на страже нашего лагеря, на востоке — Империя, в части, обращенной к Африке — Сицилия, а на западе — Сардиния образуют пояс в девятьсот миль, захватывающий большую часть африканских берегов и всю Иберию. Однако он настолько длинен и состоит из стольких различных племен, что разорваться ему не трудно. Конечно, если бы Рим проиграл даже сто сражений, он все равно остался бы Римом. И одной победы Карфагена недостаточно, чтобы уничтожить его, как народ, но все же...

— Если бы все думали, как ты, Катон!

— Если бы сенат думал, как я, он оставил бы Деметрия Фаросского и отправил бы свои легионы

в Сагунт. Таким образом, избежали бы на этот раз одной опасности: кто знает, куда пойдет этот африканский юнец и на что осмелится, если беспрепятственно овладеет городом — союзником Рима? Но мое мнение, свободного гражданина, педагога, имеет мало значения. Мальчик этот — сын консула Публия Корнелия Сципиона, и в нем с новой силой возрождаются все добродетели его семьи. Кто знает, может быть, ему суждено остановить движение Ганнибала, положить конец дерзкому могуществу Карфагена, с которым мы вечно враждуем.

Они немного побродили по Форуму, разговаривая о римских обычаях и горячо споря при сравнении их с афинскими. Строгий римлянин простился с греком, сказав, что ему надо повидаться с несколькими патрициями по своим личным делам, к которым он относился с чрезвычайной добросовестностью.

Оставшись один, Актеон почувствовал, что он голоден. До часа, когда собирался сенат, было еще долго, и утомленный шумным движением на Форуме, Актеон пошел вдоль подножья Капитолия по улице менее широкой, чем другие, с каменными зданиями, через отворенные двери которых можно было видеть относительное благосостояние патрицианских семей, живших в этих домах.

Грек вошел в булочную и постучал палкой о каменную конторку, за которой никого не было. Из подвоя раздался жалобный голос, и Актеон увидел в темной яме жернова для размалывания пшеницы и запряженного в него человека, раба, приводившего его в движение с чрезвычайным усилием.

Раб вышел, почти голый, оттирая пот, катившийся с лица, и, взяв деньги у грека, подал ему хлеб. Затем он продолжал стоять, с любопытством рассматривая Актеона.

— Ты булочник? — спросил последний.

— Нет, я только раб, — ответил он грустно. — Хозяин ушел на Форум, чтобы переговорить с хлеботорговцами... Не правда ли — ты грек?

И прежде чем Актеон сообразовал подтвердить это, раб продолжал с грустной гордостью:

— Не всегда я был рабом. Я им стал совсем недавно. А когда я был свободным, моим горячим желанием было поспешить в твою страну. О, Афины! Город где поэты — боги...

И он прочел по-гречески несколько стихов из Прометея Эсхила, изумляя Актеона чистотой своего произношения и выражением, которое умел придать своим словам.

— В Риме ваши хозяева дают вам возможность посвящать себя поэзии? — спросил афинянин, смеясь.

— Я был поэтом прежде, чем стал рабом. Меня зовут Плавтом.

И, озираясь, будто боясь, что его застанет кто-нибудь из семьи хозяина, он продолжал говорить, счастливый, что освободился на несколько минут от мучительной работы верчения жернова.

— Я писал комедии. Хотел основать в Риме театр, у вас стоящий почти наравне с религией. Но римляне — народ, неотзывчивый к поэзии. Они любят фразы; трагедия, заставляющая вас плакать, оставляет их холодными; комедия Аристофана усыпляет. Им нравятся только этрусские игры, смешные действующие лица фарсов и маски с острыми зубами и безобразными головами, идущие, изрыгая неприличности, в торжественных триумфальных процессиях. Они способны побить камнями героя ваших трагедий и, наоборот, кричать, как ослы, от удовольствия, видя при въезде консула-победителя солдат, наряженных в козлиные шкуры с султанами из щетинистой гривы, и смеются, видя, как они мстят за свое унижение, оскорбляя победителя на его триумфальной колеснице. Я писал комедии для этой публики и пишу их также теперь, когда мой хозяин освобождает меня от верчения жернова. Патриции и свободные граждане не любят стихов на сцене. Здесь презирают Аристофана, осмеявшего с подмостков первых людей Афин. Мои герои — рабы, чужеземцы и наемники — заставляют смеяться публику. В этой войне я сочинил комедию, где осмеиваю хвастовство воинов. Я бы прочел ее тебе, если бы не боялся, что вот-вот вернется хозяин.

— Как же ты попал в такое жалкое положение, после того, как забавлял свой народ?

— Я имел безумие основать в Риме первый театр, наподобие греческих. Это была круглая сцена в городском предместье. Я истратил занятые деньги, влез в долги: народ приходил смеяться, но платил мало. Я разорился, а мудрые римские законы присудили меня, когда я не мог заплатить, стать рабом моего кредитора. Этот булочник, прежде смеявшийся моим комедиям и давший мне займы несколько мешков меди, теперь мстит мне за прежнее восхищение, заставляя вертеть жернов, как какого-нибудь осла. Каждый взрыв смеха в прошлом возмещается палкой на моей спине. Такова судьба поэтов. Даже вы платили за стихи Эсхила, человека свободного, бросая в него камни.

Плавт замолк и затем с грустной улыбкой прибавил:

— Уповаю на будущее. Не всегда мне оставаться рабом. Я встречу когда-нибудь человека, который освободит меня. Римляне, ведущие войну в далеких странах, возвращаются с более мягкими привычками и любят искусство. Я буду свободен, выстрою новый театр, и тогда... тогда...

Лицо его озарилось надеждой, будто он уже видел осуществление мечты, скрашивавшей темноту подвала, где он вертел огромный каменный круг.

Внутри дома послышался шум, и прежде чем сыновья хозяина могли увидеть его, Плавт поспешно вернулся к жернову, между тем как грек вышел из булочной, омраченный встречей.

«Что это за народ, который превращает должников в рабов, а поэтов — во вьючную скотину?»

Грек съел свой хлеб, гуляя по Форуму. Он ожидал часа собрания сената и, чтобы заполнить время, взошел на вершину Палатинского холма — священного места, колыбель Рима. Там он увидел волчье логовище, где волчица вскормила Ромула и Рема. При входе в священную пещеру раскинула свои ветви, теперь обнаженная, смоковница Ромула и Рема — знаменитое дерево, в тени которого играли исторические близнецы, основатели города. Рядом с деревом, на гранитном пьедестале возвы-

шалось изображение волчицы из темной блестящей бронзы — произведение этрусского художника — с полуоткрытой пастью и двумя рядами больших сосков на брюхе, к которым присосались, теребя их, два голых мальчика.

Актеон смотрел с вершины холма на огромный город, представлявшийся собранием крыш между семью холмами. Дома взбирались на возвышенности и были разбросаны по долинам. Между ними, почти рядом с Палатинским холмом, возвышался Капитолий — крепость Рима — на отвесной бесплодной Торпейской скале. Грек перешел туда, чтобы осмотреть поближе храм Юпитера Капитолийского, более знаменитого своей славой, чем красотой.

Пройдя мимо лишнего всяких украшений храма Марса, стоявшего на вершине Палатинского холма, Актеон по крутой извилистой тропе перешел к Капитолию. Он встретил на своем пути жрецов Юпитера, выступавших важной поступью, будто принося постоянную жертву своему богу; видел мерно выступающих весталок, закутанных в белые покрывала. Из храма Марса вышли несколько легионеров, закованных в латы из медных полос, похожих одна на другую; обнаженные бедра прикрывались только шерстяными полосами, висевшими с пояса. Они шли, держась за рукоятки своих коротких мечей и оживленно разговаривая о предстоящем походе в Империю, но ни одним словом не вспомнили о положении иберийских союзников.

Актеон вступил в священную ограду Капитолия, окруженного мрачными стенами. Тут была старинная Торпейская скала с двумя вершинами, соединенными большой площадкой. На более высокой — северной — помещалась цитадель Рима, на южной — храм Юпитера Капитолийского, окруженный крепкими колоннами.

Актеон вошел в цитадель, прославившуюся своей защитой во время нашествия галлов. По краю лужи, среди храмов, примыкавших к твердыне, он увидел священных птиц, гусей, предупредивших своим криком среди ночной тишины о готовящемся нападении галлов. Затем по нижней площадке, делив-

шей холм как бы на две части, Актеон подошел к великому римскому святилищу.

Лестница в семь ступеней вела к храму, построенному во времена последнего Тарквиния в честь трех римских божеств — Юпитера, Юноны и Минервы. Здание состояло из трех отделений, параллельных трем открытым дверям на одном фронто-не. Среднее отделение было посвящено Юпитеру, оба крайних — двум другим божествам. Фронтон, по углам которого возвышалось несколько каменных лошадей грубой работы, поддерживал тройной ряд колонн. По боковым сторонам тянулись два ряда колонн, образуя портик, под тенью которого прохаживались очень старые римляне, обсуждая городские дела.

Храм был построен архитекторами, вызванными из Этрурии, и под колоннами виднелись статуи, привезенные из Сицилии и с других войн, которые вел Рим. Этот суровый народ был не способен производить художников: у него были солдаты, снабжавшие его художественными произведениями путем захвата и грабежа.

Афинянин вошел в среднее отделение, посвященное Юпитеру, и увидел изображение бога из обожженной глины, с позолоченным копьем в деснице. Перед изображением неугасимо курился жертвенный алтарь. На верхушке храма *гномон* — солнечные часы, показывали со своей высоты время всему Риму.

Пора было отправляться в *Сенакулум* — старинное здание у подножия Торпейской скалы, между Капитолием и Форумом, много лет спустя превращенное в храм Согласия. На ступенях, ведущих к Сенакулуму, Актеон встретил двух послов, отправленных Сагунтом еще до начала осады: двух старых земледельцев, в первый раз в жизни растерявшихся и сознававших свое бессилие за несколько месяцев пребывания в Риме, прошедших в бесконечных посещениях сенаторов, свиданиях с ними и убеждениях, не приводивших ни к чему. Оба сагунтинца, растерявшиеся, и сознававшие свое бессилие перед городом, все не дававшим окончательного ответа на их просьбы, последовали, как

автоматы, за развязным греком, везде чувствовавшим себя как дома, и говорившем на разных языках, будто весь свет был его родителем.

Собрались сенаторы. Одни пришли после своих городских дел и явились в белых тогах с красной каймой, сопровождаемые клиентами, пролагавшими дорогу, как бы желая привлечь внимание на своих величественных покровителей. Другие, прибывшие из деревни, оставляли свои повозки у ступеней Сенакулума и, передав вожжи рабам, восходили по лестнице с перевешанной через руку тогой, одетые в короткую юбку из грубой шерсти, какую обыкновенно носили земледельцы, и распространяющие вокруг себя запах своих конюшен и хлебов. Это были все люди зрелых лет, по крепкой мускулатуре их можно было сразу видеть, какую им приходилось вести жизнь в постоянной борьбе с землей и с врагами; были и старики с длинными бородами и высохшими лицами, дрожавшие от старости, но со взглядом, выражавшим сознание прежних сил. Толпа, двигавшаяся по Форуму у ступеней Сенакулума, смотрела на них с восторгом и почтением: они были отцами республики, головой Рима.

Посланцы Сагунта поднялись по лестнице храма. Под колоннами, поддерживающими фронтон, были навалены груды вещей, награбленных в последние войны и принесенные на Форум во время триумфального шествия победителей среди толпы, приветствовавшей их, размахивая лавровыми ветвями. Актеон видел щиты, пробитые стрелами, мечи со следами крови, большие колесницы с отломанными дышлами и позолотой, загрязненной глиной поля битвы. Это были трофеи самнитской войны. А дальше, по стенам, тянулся целый ряд деревянных фигур, окрашенных в красный и синий цвета, снятых с носов карфагенских кораблей после великой победы при Эгастских островах. Тут же лежали железные скобы с ворот многих городов, завоеванных римлянами: золотые значки с изображением фантастических животных, развевавшиеся над войсками Пирра, огромные клыки слонов, с которыми эти африканцы шли против римских легионов, шлемы лигурийцев с рогами или орлиными крыль-

ями, стрелы альпийских племен, а возле дверей, как почетный трофей — доспехи славного Камилла, пронесенные по городу с триумфом после того, как великий римлянин прогнал галлов из Капитолия. На одной из стен висело странное украшение — огромный черный кусок, напоминавший пергамент. Это была кожа большой змеи, в продолжение целого дня задерживавшей все войско Атилия Регула на его пути к завоеванию в Африке Карфагена. Это чудовище, неуязвимое для стрел, пожрало массу солдат, но само было побито камнями, и Регул отправил шкуру гадины в Рим, как свидетельство о происшедшем.

Посланцам Сагунта пришлось прождать довольно долго, прежде чем центурион позвал их в Сенакулум.

Грек, окинув взглядом полукруг, на котором разместились сенаторы, почувствовал смущение перед величием этого собрания. Он вспомнил вступление галлов в Рим. Изумление варваров перед этими старцами, неподвижно сидевшими на мраморных скамьях, закутанных, как призраки, в ярко-белые одежды, оставлявшими открытыми только серебристые бороды, и державших скипетры из слоновой кости с божественным величием, светившимся в их неподвижных глазах. Одни только варвары, опьяненные кровью, могли осмелиться поднять руку на внушительных старцев.

Их было больше двухсот. Кое-где между ними виднелись пустые пространства — места сенаторов, которые не могли явиться на собрание, и на белых скамьях, расположенных амфитеатром, белые точки казались снегом на замерзшей земле. Между скамьями полукругом возвышался ряд колонн, поддерживавших купол, через который проникал полумрак, как будто способствовавший сосредоточенному размышлению. Полукруг был огорожен невысокой каменной балюстрадой и по ту сторону ее собирались именитые граждане, еще не назначенные сенаторами. В центре барьер прерывался квадратным пьедесталом с бронзовой волчицей с близнецами, сосущими ее; на подножье пьедестала виднелись начальные буквы названия высшей правитель-

ственной власти Рима: S. P. Q. R. (Сенат всего римского народа). На треножке перед пьедесталом помещалась курильница, над которой вился ароматный голубой дымок.

Трое послов сели на мраморные скамьи возле изображения волчицы, между тройным рядом белых и неподвижных людей.

Некоторые из них опирались подбородком на руку, как бы для того, чтобы внимательнее слушать.

Послы могли говорить: сенат готов был выслушать их. И Актеон, побуждаемый умоляющими взглядами своих двух товарищей, поднялся. В его душе впечатления сменялись быстро; волнение, вызванное в первую минуту видом величественного собрания, уже улеглось.

Он стал говорить медленно, заботясь, как бы не запутаться в извилинах красноречия при объяснении на этом непривычном языке, и стараясь придать своим словам убедительность, достаточную, чтобы повлиять на представителей Рима. Он описал отчаянное сопротивление Сагунта и его упование на помощь республики; слепую веру в могущество последней, побуждавшую жителей покинуть городские укрепления и победить неприятеля при одном только слухе, что на горизонте показался римский флот. При его отправлении послом в городе уже начинал чувствоваться недостаток в припасах и боевых снарядах. А с тех пор прошло уже много времени — около двух месяцев! Ему пришлось совершить путешествие, полное опасностей и приключений, частью по морю, пользуясь попутно идущими торговыми судами, частью пешком вдоль берегов, а тем временем положение города, вероятно, сделалось отчаянным. Сагунт погибнет, если не поспешить ему на помощь. И какая ответственность падет на Рим, если он бросит покровительствуемый им город после того, как тот навлек на себя гнев Ганнибала именно своей приверженностью к Риму! Какое доверие стали бы питать к дружбе последнего другие народы, узнав о печальном конце Сагунта!..

Грек замолк, и тяжелое молчание сената указывало на глубокое впечатление, произведенное его словами.

Наконец, старый Лентул, сенатор, встал, чтобы говорить. Среди всеобщего молчания он резким старческим голосом заговорил о возникновении Сагунта, если и греческого города, основанного купцами, устроившими там свои склады, но в то же время и города итальянского, так как выходцы из Ардеи основали там колонию. Кроме того, Сагунт — друг Рима. Из верности к республике он даже отсек головы некоторых своих граждан, ставших на сторону Карфагена... Как велика смелость этого юнца, Гамилькарова сына, который, забыв договоры Рима с Газдрубалом, осмелился обнажить меч против города, дружественного римлянам? Если Рим равнодушно взглянет на это посягательство, дерзость Ганнибала еще возрастет: юность не знает удержу, когда видит, что ее безрассудство увенчивается успехом. Великий город не может терпеть подобного попирания его прав. Там, у входа в Сенакулум, лежат славные трофеи войн, доказывающие, что великий народ, восставший против Рима, падает побежденным к его ногам. Мы должны быть неумолимы к своим врагам и верны союзникам, мы должны теперь начать войну, чтобы сокрушить дерзновенного, вызывающего ее.

Мрачный, воинственный, суровый дух всего города говорил устами этого старика, простиравшего костлявую руку над головами своих товарищей, грозя врагу. Могучий участник древних самнитских пирровых войн проснулся в старце. Его мускулы напряглись и глаза засверкали.

Спутники Актеона не знали латинского языка, но поняли смысл выступления Лентула. Глаза их наполнились слезами, руки их рвали темные плащи, в которые они были закутаны в знак печального повода своего посольства, и, бросившись на землю со свойственной древним странностям при выражении горя, они судорожно подергивались, крича:

— Спасите нас! Спасите!

Отчаяние двух стариков и полная достоинства манера грека, стоявшего в мрачном молчании, служба как бы олицетворением Сагунта, ожидающего выполнения обещания, произвели впечатление на

сенат и на народ, толпившийся за балюстрадой. Все волновались, обменивались негодующими словами. Под куполом Сенакулума стоял гул тысячи голосов. Требовали немедленного объявления войны Карфагену, призыва легионов, сбора кораблей, посадки на них войск в порте Остии и быстрой отправки против Ганнибала.

Один из сенаторов потребовал молчания, чтобы иметь возможность говорить. Это был Фабий, один из самых знаменитых римских патрициев, потомок трехсот героев, умерших в один день, сражаясь за Рим на берегах Сицилии. Его устами говорило благородие; его советам следовали как самым полезным; поэтому лишь только старец поднялся, сенат мгновенно утих.

В спокойных словах выразив сожаление о положении осажденного союзного города, Фабий сказал, что еще не известно, вызвал ли Сагунт враждебность Ганнибала против себя или его образ действия тут ни при чем. Война в Иберии создаст много затруднений для Рима, особенно теперь, когда предстоит неминуемая борьба с бунтовщиком Деметрием Фаросским. Лучше отправить послов в лагерь Ганнибала, и, если африканец откажется снять осаду, отправить посольство в Карфаген с запросом к его правителям, одобряют ли они поведение своего вождя, и с требованием, в наказание за его дерзость, выдать его Риму.

Такой выход, по-видимому, казался подходящим сенату. Люди, перед тем казавшиеся воинственными и непримиримыми, склонили головы, как бы выражая одобрение словам Фабия. Напоминание о восстании в Империи внушило благородие наиболее увлекавшимся. Все стали думать о враге, появившемся почти рядом, на противоположном берегу Адриатики, и способном высадиться на латинскую территорию благодаря своему флоту, привычному к морским разбоям. Эгоизм заставлял видеть в этом предприятии первую задачу, важнейшую, чем все клятвы, а желание обмануть самих себя в собственной слабости побуждало придавать особенную важность отправлению в лагерь Ганнибала посольства, непременно следствием которого должно было быть

немедленное снятие осады и повинная, принесенная сенату.

Актеон принял такое изменение в настроении сената с видимой досадой.

— Я хорошо знаю Ганнибала,— закричал он.— Он не послушается вас, он станет смеяться над вами. Если вы не пошлете войско, путешествие ваших послов бесполезно.

Сенаторы, желая скрыть свое бессилие и побуждения эгоизма, горячо оспаривали заявление Актеона. Кто осмелится смеяться над римской республикой? Разве можно допустить мысль, чтобы Ганнибал отнесся с презрением к посланникам сената?.. Пусть же замолчит этот иноземец — вовсе не сын города, он имени которого говорит.

Актеон опустил голову. Возле него старики — его спутники — шепотом обращались к нему за объяснением, не понимая решения сената.

— Наш город погиб. Рим боится объявить войну Ганнибалу и отсрочивает вмешательство. Когда они решатся помочь нам, Сагунт уже перестанет существовать.

Трое сагунтских послов получили приказание удалиться. Сенаторы должны были выбрать двух патрициев, которым поручали отправиться в качестве римских послов. Уходя из Сенакулума, старший сенатор подошел к Актеону.

— Скажи товарищам, чтобы они готовились к дороге. Завтра на рассвете вы с посланцами сената сядете на корабль в гавани Остия.

IX. Голод

Более двух недель плыла трирема с представителями Рима.

Она поднялась вдоль берегов Тирренского моря, пересекла Лигурийское с его скалистыми островами и, пройдя мимо Мерсилии,— цветущей греческой колонии, тоже римской союзницы,— смело направилась через открытое море к берегам Иберии держа курс на Эмпорион.

Римскими послами были: патриций Валерий Флакк — один из стоявших за благоразумие и сохранение мира — и Бебий Тамфил, пользовавшийся любовью римского народа за свое участие к бедным.

Актеону хотелось поскорей добраться до Сагунта. Он стремился переговорить со своими друзьями, предупредить бесполезную жертву со стороны города и, описав состояние умов в Риме, убедить отказаться от дальнейшего сопротивления. Уже семь месяцев Сагунт отчаянно сопротивлялся. Осень только что началась, когда войско Ганнибала подступило к городу, а теперь уже кончалась зима.

С грустью вспоминал Актеон о тех надеждах, которые питал во время своего опасного путешествия в Рим.

Он думал, что его присутствие в большом городе и рассказ о страданиях верного союзного города, вызовут негодование римлян, поднимут все легионы, а между тем возвращался без солдат на корабле, где всем выказывавшим наружное участие к

Сагунту, в сущности, не было никакого дела до его страданий. Он вез с собой только громкие пустые слова и волчицу на верху мачты — эмблему торжественности посольства.

«Что скажет мужественная и легковверная толпа, оборонявшаяся на стенах, грудью защищая брешь, когда он в виде подкрепления явится только с двумя послами?» Затем мысли Актеона переходили к Соннике, отпустившей его, чтобы он спас город. Как-то живет она, привыкшая к роскоши изнеженной жизни, среди нищеты и ужасов этой осады, поглотившей, по всей вероятности, за этот продолжительный период все запасы города и подорвавшей энергию жителей?

Корабль вошел в устье Эбро, и однажды утром, когда они боролись с ветром, перед ними встал сагунтский Акрополь. С высокой башни Геркулеса поднимался густой дым: сагунтинцы узнали трирему по клетчатому парусам, какие употребляли римляне.

Солнце стояло в зените, когда корабль, спустив паруса, на трех рядах весел вступил в канал, который вел к сагунтскому порту. В тростниках у болотистых берегов виднелись мачты нескольких карфагенских судов, стоявших на якоре в тройной гавани, уткнувшись носами в землю.

Гребцы римского судна увидели собравшиеся на морском берегу большие группы всадников. То были нумидийские и мавританские эскадроны, потрясавшие своими копьями и кричавшие, как бы готовясь к битве.

Один всадник, в бронзовых доспехах и с покрытой головой, крикнул триреме остановиться. Он подъехал один, спустился в канал на лошади, так что вода доходила ей по брюхо, и подъехал к кораблю.

Актеон узнал его.

— Это Ганнибал,— сказал он послам, стоявшим на носу корабля и с удивлением смотревшим на воинственную встречу, которую им приготовили прежде, чем они успели бросить якорь в гавани Сагунта.

Подъехали еще новые эскадроны, как будто прибытие корабля вызвало тревогу в лагере и за-

ставило подняться все войско. Между группами всадников бежали со всех ног дикие кельтиберийцы, балеарские пращники, воины различных племен, составляющих осадную армию.

Рискуя утонуть, Ганнибал принуждал лошадь войти в воду канала, чтобы его лучше было слышно с корабля.

Повелительным жестом он приказал триreme остановиться, чтобы весла сейчас же легли вдоль бортов.

— Кто вы? Что вам надо? — спросил Ганнибал.

Актеон служил переводчиком между римскими послами и вождем.

— Это римские послы, приехавшие к тебе от имени республики.

— И кто ты, говорящий со мной? Твой голос мне знаком.

Он пристально стал вглядываться в говорившего, держа руку над глазами, и, наконец, узнал грека.

— Это ты, Актеон?.. Опять ты, беспокойный афинянин! Я думал, что ты в городе, а ты получил разрешение уйти оттуда, чтобы привезти ко мне этих людей? Скажи им, что теперь уже поздно. О чем теперь разговаривать? Вождь, осаждающий крепость, принимает послов только тогда, когда войдет в нее.

Грек повторил римлянам слова Ганнибала и перевел их ответы.

— Слушай, африканец,— сказал Актеон Ганнибалу,— римские послы напоминают тебе о дружеских отношениях с Сагунтом. Во имя сената и римского народа они убеждают тебя снять осаду и пощадить город.

— Скажи им, что сагунтинцы меня оскорбили и первые объявили войну, пожертвовав моими друзьями и отказались пощадить моих союзников, турдетанцев.

— Это неправда, Ганнибал.

— Грек, повтори римлянам, что я сказал тебе.

— Послы желают сойти на сушу. Они желают говорить с тобой от имени Рима.

— Лишнее. Они не заставят меня отказаться от моего намерения. Кроме того, осада продолжается

долго, войска возбуждены, и ненадежное место для римских послов — мой лагерь, где есть совершенно дикие люди из различных стран, повинующиеся только в моем присутствии. Ведь несколько часов тому назад опять произошла битва, и они еще не успокоились.

Говоря это, он повернул голову в сторону солдат, и они, приняв это движение за приказание, или угадав по глазам вождя его тайное желание, начали волноваться, подъезжая к самому каналу, как бы намереваясь устремиться на корабль. Всадники потрясали копьями, еще окрашенными кровью недавней битвы, поднимая щиты, к которым наиболее дикие африканцы прикрепили в виде трофеев волосы нескольких сагунтинцев, павших при последней вылазке. Балеарцы показывали зубы, глупо улыбаясь, и, вытащив из мешков глиняные шары, начали пускать их в римское судно.

— Видишь? — спросил Ганнибал, очевидно, довольный. — Мне невозможно принять в своем лагере послов. Теперь поздно рассуждать: Сагунту остается только понести наказание за его вину.

Римляне, не обращая внимания на вражеские снаряды, стояли закутавшись в свои тоги, опершись о борт триремы, как бы бросая вызов дерзости дикарей.

Старики побледнели от негодования при таком презрительном приеме.

— Африканец! — крикнул один из послов по-латински, не отдавая себе отчета, что Ганнибал не понимает его. — Если ты отказываешься принять у себя римских послов, мы отправимся в Карфаген требовать твоей выдачи, как нарушителя договоров Газдрубала. Рим накажет тебя, когда ты будешь нашим пленником.

— Что он говорит?.. Что говорит? — взревел Ганнибал, не понимая слов, но чувствуя в них угрозу.

Когда Актеон перевел ему речь сенатора, он презрительно расхохотался:

— Отправляйся туда, римлянин, отправляйся. Богачи там меня ненавидят и с удовольствием приняли бы ваше предложение выдать меня врагам; но

народ меня любит, и не найдется в Карфагене такого человека, который взялся бы придти в мой лагерь, чтобы захватить меня.

Стрелы падали дождем вокруг корабля, несколько глиняных шаров ударились о его борт, и римский кормчий приказал отъехать. Весла пришли в движение, трирема начала медленно поворачивать, чтобы покинуть канал.

— Мы, стало быть, едем в Карфаген? — спросил грек.

— Да, в Карфагене послов выслушивают внимательнее, — ответил один из послов. — После случившегося тамошний сенат или выдаст нам Ганнибала или Рим объявит войну Карфагену.

— Ну, и отправляйтесь себе туда, римляне. Мой долг быть здесь.

И прежде, чем двое сенаторов и посланники Сагунта, лично смотревшие на происходившее, успели опомниться, афинянин поставил ногу на борт триремы и бросился в воду при самом входе в канал. Он несколько раз нырнул в глубокой воде и поплыл вдоль берега, куда бросились и пешие, и конные воины, чтобы захватить его в плен.

Прежде, чем Актеон успел поставить ногу на твердую землю, он увидел себя окруженным пращниками, вошедшими в воду по пояс, чтобы овладеть его платьем, не делаясь с товарищами. В одну минуту у него отняли его кельтиберийский меч, кошель, висевший на поясе, и золотую цепочку, которую он носил на груди, как воспоминание о Соннике. Варвары собирались уже снять с него и дорожное платье, оставив совсем голым, и начинали угощать его пинками, как подъехал Ганнибал и узнал его.

— Ты предпочел остаться здесь? Одобряю. После того, как ты нанес мне столько вреда за стенами Сагунта, ты раскаялся и пришел ко мне. Следовало бы оставить тебя в руках этих дикарей, швыряющих в тебя камнями, следовало бы распять за моим лагерем, чтобы тебя увидела со стен гречанка, любившая тебя, но я помню обещание, данное тебе однажды в поле, когда мы встретились друзьями.

Он приказал одному из начальников накинуть на мокрое платье грека военный плащ с капюшоном из мохнатого меха, какие солдаты носили зимой поверх доспехов, и пригласил Актеона сесть на лошадь одного из нумидийцев.

Они поехали к лагерю. Отряды, выбежавшие к порту, медленно стягивались обратно, между тем как трирема, снова распустив, паруса, неслась к морю. Дым на вершине Акрополя развеялся, только прозрачное облачко его носилось в воздухе. Можно было издали догадаться о разочаровании, вызванным в городе неожиданным бегством римского корабля. С ним, казалось, умчалась последняя надежда осажденных.

Войска Ганнибала, отступая, обсуждали происшедшее у входа в порт между их вождем и посланными из Рима. Они не поняли слов, которыми те обменялись, но энергичное выражение лица римлянина при его обращении к Ганнибалу всем им показалось угрозой. Некоторые, воображавшие, что поняли послов, повторяли воображаемую речь, в которой послы грозили от имени Рима вырезать все войско, а Ганнибала распять на кресте. Они повторяли эти угрозы, приукрашивая их собственными измышлениями, а встретившись с другими отрядами по Змеиной дороге и в разных местах равнины, уже передавали, что видели цепи, привезенные кораблем, чтобы заковать в них Ганнибала, и войско ревели от ярости.

Ганнибал с удовольствием замечал волны негодования, бушевавшие вокруг него. Солдаты, вставая при его проходе, восторженно приветствовали его; на всех языках неслись угрозы Риму и просьбы, чтобы вождь приказал идти на последний приступ и взял бы город, прежде чем посланные придут в Карфаген и станут добиваться гибели молодого героя.

— Берегись, Ганнибал,— сказал кельтибериец, подходя к его коню,— твои враги в Карфагене соединятся с Римом, чтобы погубить тебя.

— Народ меня любит,— высокомерно ответил вождь.— Прежде, чем карфагенский сенат выслушает римлян, Сагунт будет наш, и карфагеняне станут приветствовать наше торжество.

Актеон с грустью смотрел на опустошенные окрестности города, недавно еще столь оживленные и плодоносные. В порту не было других кораблей, кроме нескольких судов Нового Карфагена. Матросы стали в храме Афродиты, уже заранее обобранном. Товарные склады были ограблены и разрушены, набережные завалены грязью. В полях уже не видно было и следа прежних вилл. Дикие варвары, пришедшие из центра страны, из ненависти к прибрежным грекам даже взрыли пеструю мостовую и разбросали плиты. Вся равнина представляла картину полного опустошения. Не сохранилось ни одного дерева. Чтобы бороться с зимними холодами срубили розы, смоковницы, обширные оливковые плантации, виноградные лозы, даже разрушили дома и деревянные крыши их шли на поддержку огня костров. Только и видны были развалины да низкий вереск; сорные травы, растущие быстро, питаемые трупами людей и лошадей, разрослись по всей равнине, по старинным дорогам, по развалинам и речкам, вода из которых выливалась через обвалившиеся берега, и превращала в лужи стоячей воды низкие места.

То было дело разрушения постоянно возрастающей армии, состоящей из ста восьмидесяти тысяч человек и многих тысяч лошадей. Она быстро съела весь хлеб с сагунтских полей. Солдаты, разрушив все, что не могло принести немедленной пользы, простирали свою алчность на окрестности, распространяя опустошение все дальше и дальше по мере того, как осада затягивалась.

Запасы привозились за много дней пути; их присылали отдаленные племена, надеясь получить долю добычи, как обещал им Ганнибал, рассказывая о богатствах Сагунта. Слонов уже несколько месяцев тому назад отправили обратно в Новый Карфаген, так как они не смогли принести пользы при осаде, и прокорм их становился затруднительным в опустошенной местности.

Черные стаи воронов слетались на поля. Из вереска торчали скелеты брошенных и сгнивших лошадей и мулов. По краям дорог, под грудями камней, виднелись тела варваров, умерших от ран и брошенных, по обычаю, соплеменниками на добы-

чу хищным птицам. Огромное собрание их заражало всю местность. Тела лежали на открытом воздухе, и пораженные поля, с которых поднималось как бы дыхание смерти, распространяли по всей равнине, от гор до моря, удушливый смрад, пропитанный запахом разлагающегося мяса.

Актеон, приехавший издалека, заметил этот тяжелый запах, идущий с равнины, и с грустью подумал об осажденных. Глядя на город, он, казалось, угадывал все ужасы, происходившие за красноватыми стенами после семимесячной осады.

Лагерь был уже близок. Грек увидел, что это военное поселение приняло вид настоящего города. Полотняных и кожаных палаток было видно немного. Зима, уже подходившая к концу, принуждала осаждающих выстроить каменные лачуги с крышами из ветвей и деревянные бараки, имевшие вид башен и служившие прикрытием для проходов между домами.

Ганнибал, как бы угадывая мысли грека, самодовольно улыбался, глядя на разрушение, произведенное его армией вокруг города.

— Ты находишь большую перемену здесь, Актеон?.. Не правда ли?

— Вижу, что твои войска не сидели, сложа руки, пока ты уходил наказывать возмутившихся кельтиберийцев.

— Марбахал, начальник моей конницы, — прекрасный помощник. Когда я вернулся, он сообщил мне, что две сагунтских стены разрушены, и часть города в наших руках. Видишь ты это возвышение вокруг Акрополя, внутри ограды?.. Оно теперь наше. Стенобитные машины, и до сих пор делающие свое дело, устремились на Сагунт, и он теперь почти вошел в свои старые границы. Он уже не думает защищаться. Теперь у него вся надежда только на помощь Рима. Упрямы в третий раз выстроили линию стены, и, таким образом, им становится все теснее... Скоро у них останется один Форум, где я перебью оставшихся в живых... О, гордый, непокорный город! Ты будешь моим рабом!

Африканец переменял разговор, открывая свои мысли бывшему товарищу.

— Наконец, ты прозрел и пойдешь за мной. Ты с радостью последуешь за мной. Ты, благодаря мне, принял участие в осуществлении планов, о которых я однажды на рассвете говорил в этих же полях... Последовав за Ганнибалом, ты со временем станешь царем, как Птоломей, последовавший за Александром... Ты решился?

Актеон помолчал минуту, прежде, чем возразить, и Ганнибал прочел в его взгляде нерешительность — желание обмануть его.

— Не лги, грек: лгут враги или принужденные трепетать за свою жизнь. Я твой друг и обещал щадить твою жизнь. Ты не хочешь последовать за мной?

— Со временем, может быть... но теперь не могу,— решительно ответил грек.— Я хочу вернуться в город, и если действительно в тебе сохранилась какая-нибудь привязанность к товарищу детства, то отпусти меня...

— Ты погибнешь там... Не жди сострадания, если мы ворвемся через брешь.

— Я умру,— просто сказал афинянин.— Но там есть люди, принявшие меня, как соотечественника, когда я голодный скитался по свету; там есть женщина, оказавшая мне участие, когда я был нищий, отдавая мне и любовь свою, и богатства. Они послали меня в Рим, чтобы я принес им слово надежды, и я во что бы то ни стало должен вернуться, хотя бы для того, чтобы увеличить их горе и страдание. Что тебе стоит отпустить меня?.. Все равно, можешь убить завтра. В Сагунте станет одним телом больше; там ведь, вероятно, уже свирепствует голод. Когда я скажу им, как обстоит дело, когда они увидят меня, возвратившегося без подкрепления, они падут духом и сдадут город тебе. Пропусти меня, Ганнибал! Таким образом я буду невольно помогать осуществлению твоих планов.

Ганнибал взглянул на него мрачно.

— Безумный! Никогда я не думал, чтобы афинянин был способен на такое самопожертвование! Вы так лживы, так легкомысленны, так коварны, когда дело идет об удовлетворении вашего эгоизма!.. Ты первый грек которого я вижу верным городу, усы-

новившему его. Карфагену не так посчастливилось с наемниками из твоего отечества... С тобой ничего не поделаешь: ты неменяемый, тобой управляет любовь. Женщины, бродящие вокруг лагеря, не удовлетворяют тебя, как меня; ты не стремишься взять город, чтобы потом отдать его на разграбление солдатам. Ты прилепился к женщине, ты ее раб и предпочитаешь умереть бесславно на службе горсти купцов, лишь бы еще раз увидеть ее. Ну, ступай, безумец! Ты свободен!.. Не хочу больше знать тебя. Я желал сделать тебя героем, а ты отвечаешь мне, как раб. Иди в Сагунт, но знай, что с этой минуты покровительство Ганнибала для тебя кончено. Если попадешь в мои руки в городе, будешь уж моим рабом, а не другом.

Ударив коня пятками по бокам, Ганнибал поскакал прочь, несколько раз обернувшись на грека. Последний через некоторое время увидел приближающегося карфагенского юношу, который, не говоря ни слова и не глядя на него, взял его коня под уздцы и повел к Сагунту.

Подойдя к аванпостам осаждающих, карфагенянин сказал пропускное слово, и солдаты, знавшие о происшедшем в порту и дрожавшие от ярости при мысли о цепях, которые римские послы имели дерзость привезти для их вождя, пропустили Актеона, провожая его враждебными взглядами. Этот грек, намеревавшийся войти в осажденный город, сопровождал, без сомнения, римских послов, и не один солдат вставил стрелу в лук, чтобы пустить ее в него. Только холодный и пристальный взгляд карфагенского юноши, действовавшего по приказанию Ганнибала, удерживал руку убийцы.

Они достигли первой ограды. Под ней стояли передовые отряды осаждающих. Здесь грек сошел с коня и, вырвав колючий куст вереска, стал подходить, держа его вверх, как знак миролюбивых намерений.

Стена, построенная под его руководством в одну ночь, чтобы задержать вторжение, оказалась разрушенной. Он увидел над ней шлемы нескольких защитников. Теперь нападения осаждающих направлялись на возвышенные места города. Та сторона

его, где происходили первые битвы, была почти оставлена.

Часовые на стене узнали Актеона и встретили его восклицаниями удивления и радости. Ему бросили веревку, чтобы помочь взобраться на стену, где он мог бы войти через брешь наверху. Все в напряженном ожидании столпились вокруг грека. Ему же казалось, что его окружила толпа привидений. Их доспехи как бы готовы были свалиться с исхудавших тел, из-под забрал смотрели осунувшиеся, печальные, высохшие лица, а костлявые руки, покрытые зарубелой кожей, с трудом держали оружие. Глаза горели странным, тусклым огнем.

Актеон уклонялся от прямых ответов на сыпавшиеся вопросы. Он говорил, что должен предварительно отдать отчет о своем посольстве сенаторам, просил немного потерпеть: еще до наступления ночи все станет всем известно. И, исполненный сострадания к этим героям, он трусливо солгал, уверяя, что Рим не забудет Сагунта и что он приехал вестником о приближающихся легионах, посланных союзниками.

Из ближайших домов, из переулков, соседних со стеной, выходили мужчины и женщины, привлеченные известием о прибытии грека. Его окружили, расспрашивали, каждый желал первым получить известие, чтобы распространить его по городу, и Актеон, все уклоняясь от ответа, с ужасом смотрел на эти исхудалые, ввалившиеся щеки, покрытые землистой кожей, из которой выдавались заострившиеся кости черепа, на глаза, глубоко ушедшие в черные впадины и горевшие неестественным огнем, как потухающие звезды, отражающиеся в глубине колодца, на руки, трепетавшие при резких движениях, как камыш.

Актеон двинулся, сопровождаемый толпой. Впереди него бежали странные дети, совершенно голые, с кожей, которая, казалось, готова была треснуть на обозначившихся ребрах, с неимоверно большой головой на исхудалых шеях. Они шли, шатаясь на ногах, тонких, как нити и как бы неспособных выдержать тяжесть тела. Многие в изнеможении опускались на землю.

В одном углу Актеон увидел брошенный труп с лицом, покрытым какими-то мухами, сверкавшими на солнце металлическим оттенком. Подальше, на перекрестке, несколько женщин собралось около обнаженного юноши, у ног которого лежал брошенный лук. Грек увидел с ужасом его втянувшийся живот, ввалившийся, как свернутый кусок кожи между бедрами, казалось, готовыми выскочить из тела. Это была мумия, у которой искра жизни сохранилась только в глазах и запекшихся губах, судорожно открывавшихся, как бы стараясь поймать воздух.

На пути новые люди не присоединялись к шествию. Во многих домах, несмотря на шум проходившей толпы, двери не отворялись, и Актеон сравнивал это запустение с тем оживлением, которое господствовало на улице в первые дни осады. Дохлые собаки, валявшиеся на дороге и такие же исхудалые, как люди, заражали воздух. На перекрестках виднелись скелеты лошадей и мулов, гладкие, побелевшие, без клочка гниющего мяса, к которому могли бы присосаться отвратительные насекомые, жужжавшие в этом городе смерти.

Грек, со своей наблюдательностью, обратил внимание на вооружение солдат и заметил, что все кожаные части его исчезли. На щитах обнажились остовы из камыша или воловьих жил, которые прежде скрывались под кожаной обшивкой. В одном углу он увидел двух стариков, дравшихся за черный засохший лоскут кожи — подошвы, разваренной в кипятке... Много домов в несколько этажей было разрушено и из их камней выстроены новые стены, не допускавшие врага в центр города.

Ужасный, жестокий голод заставил пользоваться всем. Самые отталкивающие вещи поглощались. Казалось, что осаждающие уже ворвались в город, уничтожая все, оставляя только здания, чтобы они свидетельствовали об их алчности. Голод и смерть царили в городе.

Близ Форума женщина, пробившись через толпу, бросилась на шею Актеону, нежно обнимая его. То была Сонника. И на ее лице лишения провели глубокие морщины. Она не имела такого ужасного

вида, как толпа, но она похудела, побледнела, нос заострился, щеки казались прозрачными, а руки, которыми она сжимала своего возлюбленного, исхудали и были лихорадочно горячи. Темные круги легли вокруг глаз, а ее богатая туника висела бесчисленными складками на теле, казавшемся от худобы выше прежнего.

— Актеон... любовь моя! Я уж не думала, что увижу тебя! Спасибо, спасибо, что вернулся!

Она обхватила его шею одной рукой и пошла рядом с ним. Толпа смотрела на Соннику с почтением: она одна посвящала себя несчастным, раздавая ежедневно последние запасы из своих складов.

Актеону показалось, что он видит в толпе философа Евфобия, в платье, еще более истрепанном, чем всегда — почти голого, но сравнительно сильного, что составляло контраст с изголодавшимся видом толпы. На Форуме Актеона уже издали приветствовали Лакаро и все изящные друзья Сонники. Они также имели вид голодный, но скрывали свою бледность под краской и всякими ухищрениями. Они выставляли напоказ свои роскошные одежды, как бы стараясь в бесполезном блеске и роскоши найти утешение за испытываемые лишения. Маленькие исхудалые рабы, сопровождавшие их, были одеты в одежды, шитые золотом, и, глядя на свои жемчужные подвески, тяжело вздыхали.

Толпа рассыпалась по Форуму. Сенаторы собрались в храме посреди площади. У подножья Акрополя шла непрерывная борьба с карфагенянами, занимавшими часть возвышенности, и падали огромные камни, бросаемые осадными орудиями. Некоторые из них долетали даже до Форума, и не раз огромные снаряды пробивали крыши и разрушали стены.

Актеон вошел в храм совершенно один. Сенаторов оказалось немного. Некоторые погибли жертвами голода и болезни, другие с юношеским увлечением искали смерти на стенах. Благоразумный Алько, по-видимому, пользовался большим влиянием и стоял во главе собрания. События оправдали его предусмотрительность, заставлявшую его в прежние времена восставать против воинственных

замыслов города и приверженности его к союзникам.

— Говори, Актеон,— обратился к нему Алько.— Скажи нам всю правду... одну правду. После всех несчастий, посланных нам богами, мы готовы выслушать самые тяжелые вести.

Грек посмотрел на этих граждан, которые в своих плащах и с высокими посохами в руках ожидали его слов с напряжением, хотя и старались скрыть свое волнение под личиной величественного спокойствия.

Он рассказал о своем свидании с римским сенатом, об осторожности последнего, побудившей его сделать шаг к примирению; о прибытии посланников в Сагунт, о приеме, оказанном им Ганнибалом, и об отправлении послов в Карфаген, чтобы добиться наказания вождя и освобождения Сагунта.

Под влиянием этого грустного рассказа спокойствие сенаторов нарушилось. Некоторые, наиболее несдержанные, вскочили на ноги, раздирая свои плащи и оглашая воздух печальными возгласами; другие, узнав, что Рим не пришлет своих легионов, в отчаянии били себя в лоб кулаками и рычали от бешенства; самые старые, не теряя своего величия, плакали, и слезы катились по исхудалым щекам, теряясь в белоснежных бородах.

— Они бросили нас!

— Когда придет помощь, будет уже поздно!

— Сагунт погибнет прежде, чем римляне доплывут до Карфагена!

Долгое время продолжалось отчаяние собрания. Многие из сенаторов, не будучи в состоянии встать от слабости, молили богов послать им смерть, прежде чем они увидят гибель своего народа.

Казалось, будто Ганнибал уже стоял в дверях храма.

— Успокойтесь, сенаторы,— обратился к ним Алько,— вспомните, что за этими стенами собрался весь сагунтский народ. Если он увидит ваше горе, он падет духом, и еще сегодня мы станем рабами Ганнибала.

Спокойствие медленно возвращалось к старейшинам, и водворилась тишина. Все ожидали, что посоветуют Алько и Пруденций. И они заговорили.

— Ведь еще нечего думать о немедленной сдаче города? Не правда ли?

— Нечего! Нечего! — слышались негодующие голоса всего собрания.

— Поэтому, чтобы поддержать мужество, чтобы продолжить защиту еще на несколько дней, надо обманывать, внушать призрачную надежду сагунтинцам. Запасы истощены: защищающие город на стенах с оружием в руках доедают последних лошадей, еще бывших в городе; народ же гибнет от голода. Каждую ночь подбирают сотни трупов и переносят в Акрополь из боязни, что их съедят бродячие собаки, мучимые также голодом и превратившиеся вследствие того в свирепых, диких животных, нападающих даже на живых. Ходят слухи, что несколько иностранцев, живших в городе вместе с рабами и наемниками, собираются ночью у стен и питаются трупами убитых. Воды в городских цистернах осталось мало; ее приходилось брать с самого дна, где она уже смешана с глиной; но, несмотря на все это, в Сагунте никто не говорил о сдаче, а, напротив, о продолжении защиты. Все знают, что их ожидает в случае, если они попадут в руки Ганнибала.

— Я говорил с ним, — сказал Актеон. — Он умолим. Если он вступит в Сагунт, мы все превратимся в его врагов.

По собранию пробежал рокот негодования.

— Лучше смерть! — кричали сенаторы.

И они быстро сговорились о том, что надо сказать народу. Все поклялись богами скрывать истину. Они хотели продолжать мучения в надежде, что помощь Рима прибудет вовремя. И, приняв такой вид, чтобы никто не догадывался об их отчаянии, сенаторы вышли из храма.

В народе быстро пустили весть, что послы отправились в Карфаген, чтобы не терять времени в лагере, и хлопотать о наказании Ганнибала. С минуты на минуту должны прибыть легионы, посланные Римом для поддержки сагунтинцев.

Народ принял это известие довольно холодно. Бедствие притупило его способность восторгаться. Кроме того, уже сколько раз пытались ободрить его

надеждой на римлян. Теперь он изверился и уже не ожидал прибытия флота.

Актеон вмешался в народ, отыскивая Соннику. Он увидел ее, окруженную Лакаро и известной сагунтской молодежью. Тут же и Евфобий улыбался ей, однако не подходил близко.

— Боги руководили тобой в твоём путешествии, Актеон,— сказал паразит.— У тебя вид лучше, чем у нас, остававшихся в городе. Видно, что ты хорошо питался.

— Но и ты, философ, не так исхудал, как другие,— ответил грек.— Кто тебя поддерживает?

— Моя беднота. Я так привык к голодовке во время изобилия, что теперь нужды почти не замечаю. Вот выгода быть философом-нищим!

— Не верь этому чудовищу,— с отвращением сказал Лакаро.— Он такой же варвар, как кельтиберийцы. Он обедает каждый день; за то его следовало бы распять среди Форума в назидание другим. Видели, как он бродил вместе с рабами около стен, отыскивая мертвые тела.

Грек с отвращением отошел от паразита.

— Не верь им, Актеон,— убеждал его Евфобий.— Им завидно на мою нищенскую умеренность, а прежде они меня за нее ругали. Голод — мой старый товарищ и меня щадит.

Все разошлись, и Актеон последовал за Сонникой в ее дом. Красавица жила почти одна. Многие из ее слуг умерли на стенах; другие погибли на улицах жертвами болезней. Некоторые, не будучи в состоянии переносить мучения голода, бежали к неприятелю. Два старых раба стояли в углу, между нагроможденными сундуками и богатой мебелью. Большие склады в нижнем этаже стояли пустые. Там поселилось несколько детей, проводивших целые часы в терпеливом ожидании, не выглянет ли из норы какая-нибудь крыса, чтобы броситься на нее, как на драгоценную добычу.

— А Ранто? — спросил Актеон у своей возлюбленной.

— Бедняжка! Я изредка вижу ее. Она не хочет жить здесь: когда я, ради ее безопасности, силой приказала удержать ее здесь, она убежала. Она

сошла с ума, увидев труп своего возлюбленного. День и ночь она бродит вдоль стен, появляется на местах самых ожесточенных битв, проходя под дождем стрел, будто не замечая их. Ночью слышат, как она жалобно поет, оплакивая Эросиона, и не раз она приходила сюда в венках из цветов, растущих на стенах, и расспрашивала о своем Мопсо, как будто он скрывался среди защитников. Народ думает, что она в сношениях с богами, смотрит на нее с почтением и расспрашивает ее о судьбе Сагунта.

Влюбленные провели ночь среди нагроможденных сокровищ склада, предаваясь в мягких кроватях страстным объятиям, как будто они еще жили в богатом заброшенном доме и только что окончили один из ночных пиров, скандализировавших старых сагунтинцев.

Прошло еще несколько дней. Бедствие в городе все усиливалось, но граждане, верные своему решению, продолжали защищать его с пустыми желудками. Осаждающие не возобновляли нападения. Ганнибал, без сомнения, догадываясь о состоянии города и желая избавить свое войско от кровопролития, выжидал, пока голод и болезни не довершат его торжества.

Смертность на улицах усиливалась. Уже некому было подбирать мертвых; костер, сжигавший их на вершине Акрополя, погас. Трупы, валявшиеся у дверей хижин, покрывались отвратительными насекомыми, а хищные птицы смело спускались ночью в самый город, яростно оспаривая добычу у собак, бродивших с высунутыми языками и горящими, как у диких зверей, глазами.

По узким переулкам прокрадывались исхудалые люди дикого вида, обезумевшие от изнурения, вооруженные палками, камнями и стрелами. Они выходили из домов при наступлении ночи. Им предводительствовал Евфобий, наставляя их высокомерными словами, как будто военачальник, обращавшийся к своему войску. Когда им удавалось убить ворона или одичалую собаку, они тащили их на Форум и жарили на костре, оспаривая друг у друга вонючее мясо, между тем, как богатые граждане отходили, чувствуя тошноту перед подобными ужасами.

Наступила весна — печальная весна, проявившаяся гражданам только в цветках, распутившихся среди пучков травы между зубцами на городской стене и на крышах домов.

Зима кончилась, но в Сагунте продолжался холод — могильный холод, пронизывающий до костей. Солнце светило, а над городом висел зловонный туман, придававший и домам, и людским лицам свинцовый оттенок.

Направляясь однажды на самое высокое место горы, где продолжалась бомбардировка, Актеон встретился на Форуме с Алько. У доброго сагунтинца вид был самый жалкий, а на лице читалось отчаяние.

— Афинянин,— сказал он с таинственным выражением,— надо решиться на неминуемое. Город не может дольше держаться. Приходится отказаться от всякой надежды на помощь Рима. Пусть же гибнет Сагунт, а на Рим падет позор за его измену союзникам. Я сам пойду в лагерь Ганнибала и предложу мир.

— Хорошо ли обдумал свое намерение? — спросил грек.— Ты не боишься негодования своего народа, когда он увидит, что ты ведешь переговоры с врагом?

— Я люблю свой город и не могу видеть его мучения, его бесконечную агонию. Мало кто будет знать об этом, но тебе я говорю, потому что ты не болтун. Дела наши гораздо хуже, чем народ это себе воображает. Уже нет ни куска мяса для защитников стен; сегодня утром из цистерн вынули одну глину. Воды уже нет больше. Еще несколько дней сопротивления и нам придется есть трупы, как тем отверженным, что питаются по ночам. Мы дойдем до того, что станем убивать детей, чтобы напиться их кровью.

Актеон молчал минуту, проводя по лбу рукой страдальческим жестом, как бы стараясь отогнать ужасные воспоминания.

— Никто лучше старейшин не знает всего, происходящего в городе,— продолжал Алько.— Боги должны содрогаться от ужаса, видя, что делается в Сагунте, покинутом ими. Слушай и забудь, Ак-

теон! — он понизил голос.— Вчера две женщины, обезумев от голода, метали между собой жребий, чью из детей съесть. Сенаторы должны закрывать глаза и затыкать уши; мы не смотрим и не слушаем, потому что наказание только распространит подобные ужасы. Защитники стен жуют кожу своих доспехов, чтобы обмануть голод. Мясо у них отваливается от костей; они слабеют и падают, как пораженные невидимыми стрелами богов. Подходит конец восьмого месяца осады, двух третей города уже не существует. Мы боролись до сих пор против неба и людей, чтобы показать, как Сагунт держит клятву.

Грек опустил голову, убежденный доводами Алько.

— И дух в городе падает, вера угасает,— продолжал сенатор.— Все предсказания не сулят нам ничего доброго. Многие видели ночью огненные шары, поднявшиеся над Акрополем и улетевшие к морю и погрузившиеся в него, как те звезды, которые светлой полосой прорезывают небесную лазурь. Народ думает, что это Пенаты, предвидя близкое падение Сагунта, покидают его, чтобы переселиться на ту сторону моря, откуда они прибыли сюда. Вчера вечером бывшие на страже в храме Геркулеса видели, как из гробницы Закинфа выползла змея, шипевшая, как бы раненая. Она была синяя с золотыми полосами. Это та змея, которая ужалила Закинфа и была причиной основания города вокруг гробницы героя. Она проползла между ног стражей, спустилась вниз и исчезла в равнине, направляясь к морю. Таким образом нас покидает и священное пресмыкающееся, бывшее как бы покровителем Сагунта.

— Это все глупости,— сказал грек.— Галлюцинация людей, мучимых голодом.

— Может быть, что и так; но послушай женщин: они плачут, горюя о бегстве змеи Закинфа. Они думают, что город остался теперь без защиты, и многие мужчины на стенах упадут духом, узнав о странном исчезновении. Народ уже не находит поддержки в вере.

Оба собеседника довольно долго молчали.

— Ступай,— сказал наконец грек.— Поговори с Ганнибалом, и да внушат ему боги милосердие!

— Отчего тебе не пойти со мной? Ты столько видел на своем веку и своим красноречием мог бы помочь мне.

— Ганнибал знает меня. Я отверг его дружбу, и он ненавидит меня. Иди и спаси город... Мой жребий брошен. Ко мне этот африканец не смягчится. Он всем простит, но не мне. Но я умру раньше, чем ты увидишь меня рабом или испускающим дух на кресте.

Х. Последняя ночь

Было уже довольно поздно, когда к Актеону, вместе с другими защищавшему высшую точку города, подошла Ранто, выйдя из переулочка у самой стены...

Он не встречался с пастушкой после своего возвращения в Сагунт и, увидев ее, ужаснулся перемене, произведенной в ней перенесенным во время осады и горем, помутившим ее рассудок.

Она шла в задумчивости, опустив голову, и в ее растрепанных волосах было воткнуто несколько цветков, с которых при каждом шаге сыпались засохшие лепестки. Через расстегнутую грязную туннику видно было ее тело, все еще, несмотря на свою худобу, сохранившее красоту и свежесть, так пленявшие грека. Грудь развилась, как будто под влиянием горя эти розовые бутоны созрели, глаза, расширенные безумством, как бы заполняли собой все лицо и светились лихорадочным таинственным светом.

Она приближалась медленно, но временами поднимая голову и взглядывая на людей, стоявших в углублениях стены и, наконец, остановившись у каменной лестницы, проговорила умоляющим голосом:

— Эросион! Эросион!

Несмотря на то, что за мантилетами врагов замечалось какое-то движение, как будто осаждающие готовились на новый приступ, Актеон сошел со стены, желая поближе взглянуть на девушку.

— Ранто!.. Пастушка, узнаешь ли ты меня?

Он заговорил с ней ласково, взяв ее за руки, но она испугалась и старалась вырваться, но усилие быстро сменилось упадком сил и, устремив на грека свои огромные глаза, она воскликнула:

— Ты!.. Ты!..

— Ты узнала меня?

— Да, ты — афинянин, мой господин, любовник богачки Сонники... Скажи, где Эросион?

Грек не знал, что сказать, но Ранто продолжала говорить, не ожидая ответа.

— Мне говорили, что он умер; даже и мне кажется, будто я видела, что он лежит у стены; только это неправда: был дурной сон. Умер его отец, стрелок Мопсо. И вот с тех пор он убегает от меня, будто хочет один оплакивать смерть отца. Днем он прячется. Я вижу его издали на стене, между сражающимися, а когда приду туда искать его, вижу только чужих мужчин, а Эросиона уж нет. Он верен мне только ночью, тогда он меня отыскивает и приходит ко мне. Только я усядусь у стены и положу голову себе на колени, как он приходит ко мне в темноте, он опять любит меня, у него колчан у пояса и лук за спиной. От него убегают злые собаки, что бродят во тьме и обнюхивают мне лицо, глядя огненными глазами. Он приходит, садится рядом, улыбается, только все молчит. Я говорю, мне отвечает его улыбка, а не рот. Я ищу его плечо, чтобы положить свою голову, а он убегает — будто тьма его проглатывает. Что это такое, добрый грек?.. Если увидишь его, попроси его не прятаться, не убегать... Он так... так любит тебя. Сколько раз он рассказывал мне про твою страну!..

Она замолкла на минуту, будто эти слова разбудили в ее памяти все прошлое, полное воспоминаний. Она ухватывалась за них, сопоставляла с большим усилием, что отражалось на ее лице, и медленно вставали в ее памяти картины тех счастливых дней до осады, когда они с Эросионом бродили по полям и находили приют во всех рощах окрестностей Сагунта.

Она улыбалась Актеону, глядя на него ласково, и напоминала ему их встречи: первое знакомство на

Змеиной дороге, когда он только что сошел с корабля, бедный и никого не зная в городе. Потом отеческое покровительство, с которым он поздоровался с ними в полях, когда она, взобравшись на вишневое дерево, рвала ягоды, которые потом, смеясь, они вырывали друг у друга губами; и наконец та встреча, когда он застал ее совсем голой, когда она служила моделью молодому скульптору. Помнил ли все это грек? Не забыл ли эти дни мира и счастья?

Все это сохранилось в памяти Актеона. Не изгладилось впечатление, произведенное наготой пастушки, и в этот самый момент его взгляд проникал через прорехи старой туники, с наслаждением художника, останавливаясь на очертаниях тела, хотя и исхудалого, но свежего и молодого, с его теплыми ногами янтарной кожи.

Но вспомнив все это, Ранто вернулась к своему помешательству. Где Эросион? Видел он его? Он там, наверху, между защитниками? И грек снова удерживал ее за руки, чтобы она не стала подниматься на стену.

Там кричали защитники, пуская стрелы, бросая камни. Осаждающие шли на приступ. Снаряды снизу пролетали, как темные птицы между зубцами, и стена тряслась от глухих ударов, как будто африканцы старались таранами и пиками пробить в ней брешь.

Актеону, бывшему, со времени возвращения в Сагунт душой защиты, необходимо было подняться на стену.

— Уйди, Ранто,— поспешно убеждал он ее.— Здесь тебя убьют. Вернись в дом Сонники... Я приведу к тебе Эросиона... Только беги, спрячься... Смотри, как падают стрелы вокруг нас.

Схватив ее, он резким движением стащил ее с лестницы, так что у нее подкосились колени.

Грек поспешно поднялся наверх, не меняясь в лице от смертоносных снарядов, свистевших вокруг его головы. Но не успел он дойти до зубцов, как за его спиной раздался тихий стон, слабый крик, напомнимший Актеону крик лани, раненой на охоте. Обернувшись, он увидел на половине лестницы Ранто, пытавшуюся встать, с грудью, залитой

кровью, и торчащей в ней большой стрелой с перьями, еще трепетавшими от быстрого лета.

Девушка последовала за ним на стену и на лестнице ее настигла вражеская стрела.

— Ранто!.. Бедная!

Грек, охваченный горем, которого сам не мог объяснить себе, горем, взявшим верх над его волей, забыв защиту стены, приступ, все бросился к девушке, тихо склонявшейся к земле, как раненая птичка.

Подняв ее крепкими руками, Актеон снес ее к подножию лестницы. Ранто вздохнула и сделала движение головой, будто стараясь удалить подступающую боль.

Грек поддерживал ее за плечи и звал ласково:
— Ранто!.. Ранто!

В ее глазах, еще больше расширившихся от боли, казалось сосредоточился весь свет. Взгляд их был теперь человеческий, бессмысленность безумия исчезла, разум как будто вернулся под влиянием боли, как будто в эту последнюю минуту просветления она сразу увидела перед собой все прошлое.

— Ты не умрешь, Ранто,— шептал грек, не отдавая себе отчета в том, что говорил.— Смотри, я вырву у тебя эту стрелу, я отнесу тебя в Форум, чтобы тебя вылечили.

Но девушка грустно покачала головой. Нет, она хочет умереть, хочет соединиться с Эросионом у богов, среди розовых и золотых облаков, где проходит мать Амура в сопровождении тех, которые на земле сильно любили друг друга. Она бродила как тень среди ужасов осажденного города, думая, что Эросион жив и ища его повсюду, но Эросион умер, она теперь вспомнила, что сама видела его труп. Он умер, зачем же ей жить?

— Живи для меня! — воскликнул Актеон, не помня себя от отчаяния, не видя окружающих, не слыша криков защитников на близкой стене и шагов, раздавшихся за его спиной в ближайшем переулке.— Ранто, пастушка, послушай меня. Теперь я понимаю, почему желал видеть тебя, почему воспоминание о тебе преследовало меня временами в Риме, когда я думал о Сагунте. Живи и сделайся

для Актеона последней весной его существования. Я люблю тебя, Ранто. Ты моя последняя любовь, цветок, распустившийся среди зимы моей ночи. Я люблю тебя, Ранто: люблю с того самого дня, когда увидел тебя обнаженной, как богиня. Живи, и я стану твоим Эросионом.

Девушка, уже побледневшая, с тенью смерти, ложившейся на ее лицо, улыбнулась, шепча:

— Актеон... добрый грек... благодарю, благодарю.

Ее голова лежала на руках Актеона, тяжело клонилась к земле. Афинянин не шевелился, не сводя глаз с тела девушки. Тишина, водворившаяся внезапно на стене, вывела его из тяжелого забытья. Осаждающие прекратили обстрел. Грек поднялся, но несколько раз становился на колени, чтобы поцеловать еще теплый рот пастушки и уже неподвижные, широко раскрывшиеся глаза, в которых, как в тихой воде, отражались яркие лучи заходящего солнца.

Поднявшись, он увидел перед собой Соннику, смотревшую на него холодным, ироническим взглядом.

— Сонника!.. Ты?

— Я пришла сказать тебе, чтобы ты шел на Форум. Посланный из вражеского лагеря подошел к воротам города и хочет говорить со старшинами. Народ собрал на Форуме.

Несмотря на всю важность известия, Актеон не двинулся. Холодное обращение Сонники озабочивало его.

— Ты давно здесь?

— Пришла вовремя, чтобы видеть, как ты навеки прощался с моей рабыней.

Он молчал мгновение, но затем, как бы поддаваясь чувству, превышающему его волю, подошел к ней вплотную с блестящими глазами и протянул руки.

— Ты любил ее? Правда? — спросила Сонника с горечью.

— Да, — ответил грек тихо, будто стыдясь своего признания. — Теперь я знаю, что любил ее... но и тебя я тоже люблю.

Они простояли несколько времени, наклоняясь над этим трупом, разъединившим их. Между ними как бы встала холодная стена, навеки разлучив их.

Актеону было стыдно, что он огорчил женщину, так любившую его. Сонника, казалось, вся погрузилась в свое бесконечное разочарование и смотрела холодными глазами неумолимой Немезиды на труп рабыни.

— Уходи отсюда, Актеон,— обратилась она к греку.— Тебя ждут на Форуме. Старшины желают твоего присутствия, чтобы ты был посредником с посланным Ганнибала.

Афинянин сделал несколько шагов, но затем вернулся, нежно прося милосердия к трупу.

— Ее бросят здесь... Скоро наступит ночь и бродячие собаки... бессовестные люди, отыскивающие трупы...

Он содрогался при мысли, что это человеческое тело, возбуждавшее в нем некогда трепет восторга, будет пожрано зверями.

Сонника ответила ему жестом: он может уйти, она останется здесь.

И Актеон, покоренный холодным высокомерием своей возлюбленной, быстро удалился, направляясь на Форум.

Когда он прибыл на площадь, начало темнеть. Посредине площади горел большой костер, который зажигали каждую ночь, чтобы бороться со страшным холодом, господствовавшим в городе, несмотря на весну.

Сенаторы занимали свои кресла из слоновой кости у подножия лестницы храма, готовясь принять перед народом посланника Ганнибала. По всему городу разнесся слух об этом, и люди стекались на Форум, спеша услышать предложения осаждающих. Новые группы каждую минуту прибывали из всех улочек, выходивших на площадь, где сосредотачивалась замиравшая жизнь города.

Актеон подошел к старейшинам. Он всматривался и не видел Алько. Тот, вероятно, находился еще в лагере осаждающих, и посылка ими парламентаря была, очевидно, следствием его свидания с Ганнибалом.

Один из сенаторов сообщил, что к городским воротам подошел карфагенянин, не вооруженный, с масличной веткой в руке. Он желал говорить с сенатом от имени осаждающих, и собрание старейшин сочло нужным созвать весь город, чтобы все жители приняли участие в этом последнем заседании.

Отдали приказание ввести посланного, и через несколько минут среди расступившейся толпы показалась группа вооруженных людей, окружавших человека с непокрытой головой, безоружного и с ветвью — символом мира — в поднятой руке.

Когда он проходил мимо костра, свет от огня упал ему прямо в лицо, и по Форуму пронесся гул негодования:

- Это Алорко!.. Алорко!
- Неблагодарный!
- Изменник!

Многие схватились за мечи, чтобы броситься на посланника, над головами толпы показались руки с зажатыми в них стрелами, но присутствие сенаторов и грустная улыбка кельтиберийца успокоили вспышку. Кроме того, изнурение давало себя знать: уже не хватало сил для негодования, и все напряженно стали прислушиваться к словам посланника, чтобы узнать, какую судьбу им готовит враг.

Алорко подошел и остановился перед старейшинами. На обширной площади водворилось глубокое молчание, прерываемое только треском горящего костра. Все взгляды обратились на кельтиберийца.

— Алько благоразумного нет среди вас? — спросил он.

Все с изумлением оглянулись. До сих пор никто не заметил отсутствия этого человека, всегда занимавшего первое место при обсуждении общественных дел. Его не было.

— И не ищите его, — сказал кельтибериец. — Алько в лагере Ганнибала. Глубоко опечаленный положением города, понимая всю невозможность дальнейшей защиты, он пожертвовал собой ради вас и, рискуя жизнью, несколько часов тому назад добрался до палатки Ганнибала, чтобы со слезами умолять сжалиться над вами.

— Почему же он не пришел с тобой? — спросил один из сенаторов.

— Он боится и совестится повторить слова Ганнибала и его условия для сдачи города.

Тишина стала еще глубже. Народ угадывал чрезмерные требования победителя: все предчувствовали их в душе прежде, чем они были высказаны.

На Форум прибыли новые группы людей. Даже защитники стен оставили свои посты и, привлеченные происходившим, толпились при выходе из улиц; их бронзовые шлемы и щиты различной формы — круглые, длинные, в виде полумесяца — сверкали при огне костра. Актеон увидел и Соннику, перед которой толпа расступилась, когда она направилась к группе изящной молодежи — своих поклонников.

Алорко продолжал говорить:

— Вам известно, кто я. Сейчас, когда вы узнали меня, раздались угрозы, и руки поднялись на меня. Я понимаю негодование, вызванное моим появлением перед вами. Я не неблагодарный, но, припомните, что я родился в другой земле, и смерть отца поставила меня во главе народа, которому я должен повиноваться и с союзниками которого я должен идти вместе. Я не забывал никогда гостеприимства, оказанного мне Сагунтом, это воспоминание я храню, и судьба вашего народа так же близка мне, как судьба моей родины. Подумайте хорошенько о вашем положении, сагунтинцы. У храбрости есть свои границы и, несмотря на все ваши усилия, судьба мужественного Сагунта решена богами. Они это доказывают, покинув вас, и ваши стрелы ничего не в состоянии сделать против их непреклонной воли...

Неопределенная речь Алорко только усиливала чувство неизвестности в народе. Все боялись условий Ганнибала, а кельтиберийцу, очевидно, тяжело было высказать их.

— Условия! Говори условия! — кричали с разных сторон Форума.

— Доказательством, что я прибыл сюда в ваших интересах, — продолжал Алорко, будто не слыша этих криков, — может служить то, что пока вы могли защищаться собственными силами или надеяться на

помощь римлян, я не приходил к вам с предложением покориться. Но теперь ваши стены уже не могут служить вам защитой; ежедневно сотни сагунтинцев гибнут от голода, римляне не придут — они далеко и заняты другими войнами; вместо того, чтобы послать легионы, они отправили к вам послов, и поэтому я, видя, что Алько медлит с возвращением, решил выдержать ваше негодование, чтобы принести вам мир — не почетный, но необходимый.

— Условия! Условия! — кричала толпа, ревом своим потрясая Форум.

— Подумайте, — продолжал Алько, — что победитель, вступая с вами в переговоры, тем оказывает вам снисхождение: ведь ему принадлежит все, что вы имеете — и жизнь, и имущество.

Это была ужасная истина, и, сознавая это, толпа замолкла.

— Он требует разрушения Сагунта, уже и так большей частью разрушенного и занятого его войсками, но он позволяет вам выстроить новый город в месте, где Ганнибал укажет. Все сокровища, хранящиеся как в общественной казне, так и в ваших домах, перейдут к победителю. Ганнибал пощадит вашу жизнь, жизнь ваших жен и детей, но он требует, чтобы вы вышли по указанному им пути без оружия и только с двумя одеждами. Я понимаю, что условия жестоки, но несчастье принуждает вас подчиниться им. Хуже вам было бы умереть, а вашим семьям сделаться военной добычей торжествующих солдат.

Алорко кончил говорить, а молчание на Форуме продолжалось — молчание глубокое, грозное, подобное затишью перед бурей.

— Нет, сагунтинцы, нет! — крикнул женский голос.

Актеон узнал голос Сонники.

— Нет! Нет! — вторила ей со всех сторон толпа, как эхо.

Все волновались, перебегали с одной стороны на другую, толкались, объятые бешенством, будто намереваясь растерзать друг друга под влиянием ярости, возбужденной условиями победителя.

Сонника исчезла, но затем Актеон увидел, что она снова появилась на Форуме в сопровождении целого шествия. Рабы, женщины, солдаты несли на плечах богатую утварь загородного дома, перенесенную в городские склады: ларцы с драгоценностями, роскошные ковры, слитки серебра, сосуды с золотым песком. Народ смотрел на эту выставку богатств, не угадывая намерения Сонники.

— Нет, нет,— повторяла гречанка, как бы говоря сама с собой.

Предложение победителя возмутило ее. Она видела себя выходящей из города без всяких средств, кроме единственной туники на себе и другой запасной на руке, представляла себя просящей милостыню по дорогам или работающей в полях, как рабыня, воображала, как ее будут преследовать эти свирепые солдаты различных племен...

— Нет, нет,— повторила она энергично, прокладывая себе дорогу через толпу к костру посередине Форума.

Она была великолепа со своими огненными волосами, распустившимися от волнения, в тунике, разорвавшейся в тесной толпе, со сверкающими глазами фурии, находящей горькое наслаждение в разрушении. Зачем богатства? Зачем жить? И к ее отчаянной энергии в значительной мере примешивалась горечь, испытанная ею час тому назад перед трупом своей рабыни.

Она дала сигнал, бросив в костер изображение Венеры из яхонта и серебра, которое несла в руках. Статуэтка, как камень, канула в костре. Спутники Сонники, все несчастные и изголодавшиеся, радостно последовали ее примеру. Разрушение стольких богатств вызвало рев удовольствия и заставило скакать этих бедняков, прошедших свою жизнь в вечных лишениях и рабстве. Полетели в пламя ларцы из слоновой кости, кедрового и черного дерева, и, падая на дрова, раскрывались. Из них потоком лились скрывавшиеся в них сокровища: жемчужные ожерелья, нитки топазов и изумрудов, дождь алмазов — целая гамма драгоценных камней, которые сверкали на мгновение среди головней, как загадочные саламандры. За драгоценностями после-

довали ковры, шитые серебром покрывала, туники с золотыми цветами, золотые сандалии, кресла с ножками в виде львов, ложа, окованные металлом, гребни из слоновой кости, зеркала, лиры, флаконы для духов, мраморные столики с богатой инкрустацией — все сокровища богачки Сонники. И несчастный народ, возбужденный этим разрушением, аплодировал с ревом при виде костра, разгоравшегося все сильнее, получив столько горючего материала. Пламя его поднялось на значительную высоту, и горящие головни полетели на ближайшие крыши.

— Ганнибал требует сокровища, — кричала Сонника хриплым голосом, переходившим в вой. — Несите сюда все свое: пусть африканец отобьет свою добычу у огня.

Ей не надо было напрягать свой голос, чтобы вызвать подражание. Многие из сенаторов, бежавшие в первую минуту замешательства, вернулись на Форум, неся ларцы под белыми мантиями, и бросали в огонь свои богатства, принесенные из домов.

Над головами толпы из рук в руки передавались домашние вещи и шкафы, чтобы в следующую минуту очутиться в огромном костре, поднимавшемся все выше среди белого, светящегося дыма.

То была жертва всесокрушения в честь немых и глухих богов Акрополя. Дома, очевидно, пустели, отдавая все свои богатства костру. Люди творили угрюмо и молча свое дело разрушения. Женщины же, казалось, обезумели: растерзанные, кричащие, с глазами, выкатывающимися из орбит, они кружились вокруг костра. Привлекаемые пламенем, они почти касались его лицами, не отдавая себе отчета в том, что делали, и изрыгая проклятия губами, на которых клубилась пена бешенства.

Одна из них, как бы окончательно обезумев от адского хоровода, не могла устоять против притягательной силы огня: она сделала скачок и исчезла в пламени. В один миг запылала одежда и волосы, и несколько секунд живой факел стоял над костром. Другая женщина подкатилась к костру, как шар, держа ребенка у иссохшей груди, и вслед за первой ринулась в середину огня...

Огонь перешел на деревянные крыши домов Форума. Венец пламени окружил площадь. Толпа задыхалась от дыма и жара, и в этой густой, смрадной атмосфере вещи как бы сами собой шли к костру над головами толпы.

Лакаро и его изящные друзья заговорили о смерти. Эти изнеженные люди обсуждали с чудным спокойствием, как им пасть. Они не хотели идти за Сонникой, предлагавшей, вооружившись мечами и щитами, сделать вылазку и умереть сражаясь. Им казалось отвратительным бороться с грубым, полудиким солдатом, чувствуя идущий от него запах дикого зверя, и, упав с лицом, разможенным ударом, валяться в грязи, как убитая скотина. Заколоть себя кинжалом тоже не казалось им привлекательным: к такому средству прибегали герои. Им казалось лучше умереть на костре: это напоминало сожжение азиатских цариц, сгоравших на кострах благовонного дерева. Одно жаль, что такой яркий огонь причиняет такую боль! Но момент был не таков, чтоб долго раздумывать, и закрыв лицо плащами, эти изящные молодые люди, увлекая за собой своих маленьких рабов, взошли на костер спокойным шагом, как будто были еще те мирные дни, когда они гуляли по Форуму, наслаждаясь скандалом, вызываемым их женскими нарядами...

Сонника, оставив обнаженной всю очаровательную белизну своей груди, собрала тунику вокруг талии, чтобы легче было бежать.

— Идем умирать, Евфобий,— звала она философа, смотревшего рассеянно на общее разрушение.

В первый раз паразит не ответил своим дерзким и ироническим жестом. Он смотрел серьезно и нахмурившись на то, как умирали люди, над которыми он столько смеялся.

— Умереть? — повторил он.— Надо умереть? Ты так думаешь, Сонника?

— Да, кто не хочет стать рабом, должен умереть. Возьми меч и иди за мной.

— Нет такой необходимости. Если надо умереть, так зачем понапрасну утомлять себя бегством и нанесением ударов. Я умру спокойно в тихом бездействии, скрашивавшем мою жизнь.

И медленно, незаметно, он сделал несколько шагов к пламени, закрыв лицо своим заплатанным плащом, тем же, в котором прохаживался в мирные дни под портиками Форума.

На ступенях храма сенаторы убивали себя ударами кинжала в грудь. Умирая, один передавал свое оружие соседу, и все употребляли последние усилия, чтобы остаться выпрямившись в своих креслах. Группа женщин, схватив горящие головни, как разъяренные вакханки, устремились по улицам Сагунта, зажигая двери, бросая горящие головни на деревянные крыши.

Вдруг в самой высокой части города, на которой сосредоточилось нападение осаждающих, раздался страшный треск, будто вся гора разрушилась. Защитники, собравшиеся на Форуме, покинули стены, и одна из башен, которую карфагеняне подрывали уже несколько времени, рухнула. Когорта ганнибалова войска, видя проход открытым, устремилась в него, дав знать вождю, чтобы он последовал со всеми своими силами.

— Сюда! Сюда! — кричала Сонника охрипшим голосом. — Наша последняя ночь. Я не умру на костре: хочу умереть сражаясь... Я жажду крови!

Она, как фурия, умчалась с Форума в сопровождении Актеона, бежавшего рядом с ней и старавшегося обратить на себя ее внимание, называя ее по имени. Но красавица-гречанка в своей ярости не обращала на него внимания, будто рядом бежал кто-то совершенно ей незнакомый.

Все, остававшиеся на Форуме — вооруженные граждане, женщины, потрясавшие ножами и стрелами, голые юноши, без иного оружия, кроме пик — все поспешили за Сонникой и Актеоном. При свете пожара они бежали, как обезумевшее стадо, сверкая бронзовым оружием, запятнанным кровью, высокими шлемами, и, обнаруживая через прорехи одежды исхудалые тела на костях, как бы плясавших в мешках иссохшейся и огрубевшей кожи.

Они вышли из Сагунта через каменную часть и двинулись при зареве пылающего города к лагерю осаждающих.

Когорта кельтиберийцев, спешившая в Сагунт, была разрознена и смята этим ураганом отчаянных людей, бежавших, нагнув головы и врезаясь во встречающиеся препятствия. Но несколько дальше им попались новые отряды, подступавшие к городу, получив известие о вылазке, и они натыкались на стену щитов. Однако борьба один на один уже не была под силу сагунтинцам. Обессиленные люди не могли устоять против натиска. Кельтиберийцы рубили без малейшего милосердия своими обоюдоострыми мечами, и эта пестрая толпа ослабевших мужчин, женщин и детей быстро растаяла.

В то время как Актеон боролся, закрыв лицо щитом и подняв меч кверху, с двумя сильными солдатами, он увидел, что Соннику поразил в голову удар кинжала, и она выпустила оружие, стараясь последним усилием выпрямиться.

— Актеон! Актеон! — воскликнула она в эту минуту, забыв свою горечь против него и чувствуя, что вместе с подошедшей смертью к ней вернулась вся горячность прежней любви.

Она упала ничком на землю. Грек хотел подбежать к ней, но в это самое мгновение у него зазвенело в ушах, как будто об его череп ударились целая скала. Он почувствовал в боку холод железа, пронзившего его тело, в глазах у него потемнело, будто он летел с высоты в бездонную, мрачную пропасть, до конца которой никогда нельзя было достигнуть, и он упал...

Грек очнулся. Его грудь давила как будто гора. Он не сознавал, действительно ли он жив. Тело отказывалось повиноваться ему. Только с болезненным усилием ему удалось открыть глаза и неясно сообразить, почему он очутился там, где лежит.

Наконец он понял, что гора, давившая ему грудь, была телом огромного солдата. И Актеон вспомнил, что в ту самую минуту, как он почувствовал, что летит в таинственную темноту, он всадил меч в тело этого воина.

Он огляделся. При багровом свете как бы бесконечно занимающейся зари он увидел сверкавшую на земле массу оружия и заметил разбросанные, а местами наваленные в кучу трупы в странных по-

зах, приданных им последними предсмертными содроганиями.

Вдали горел город. Темные, обезображенные здания выступали из-за языков пламени, на фоне которого джожа обрисовывались стены Акрополя.

Актеон вспомнил все. Этот город — Сагунт: из него доносились крики победителей, бегавших по улицам, покрытых кровью, зажигая еще не горевшие дома, разъяренные против населения, поглощенного только истреблением своих богатств, убивая всех встречавшихся на пути и приканчивая раненых.

Отдав себе отчет во всем этом, он осознал, что еще жив, но скоро умрет. Он чувствовал это по чрезвычайной слабости, овладевшей им, по смертельному холоду, пронизывающему все тело, и сознание теплилось в его уме только как слабый огонек...

А Сонника? Где же Сонника?.. Его последним желанием было добраться до ее трупа, который, вероятно, был поблизости. Он хотел поцеловать ее, как поцеловал ее рабыню — отдать ей эту дань прежде, чем умрет. Но когда он, сделав последнее усилие, поднял голову, он почувствовал, что лицо его залила горячая липкая жидкость. Он истекал кровью.

В эту минуту неясно, как будто в мимолетном сне, он увидел черного кентавра, скакавшего по трупам и смеявшегося с адской радостью, глядя на горящий город.

Кентавр проскакал мимо Актеона. Копыта его коня ушли в тело кельтиберийца, лежавшего на груди грека. И при свете пожара последнему показалось, что он узнает всадника.

То был Ганнибал. Без шлема на голове, весь охваченный торжеством победы, он скакал на черном, как ночь, коне, казалось, разделявшем ярость своего всадника, топтавшем, попиравшим трупы и развешивающим своим хвостом по полю остатки битвы... А греку он показался фурией, вышедшей из ада за его душой.

Перед ним мелькнуло лицо Ганнибала, оживленное гордой улыбкой жестокого самодовольства. Его

величественный и непреклонный вид напомнил Актеону одно из карфагенских божеств, милосердие которого можно было вызвать только принося на его алтарь человеческие жертвы.

Ганнибал смеялся, ликуя, что наконец этот город, под стенами которого он простоял восемь месяцев, в его руках. Теперь уже ничто не помешает развитию его смелых планов!

Грек уже не видел больше ничего. Его поглотила вечная ночь.

Ганнибал поскакал вдоль стены города и, видя, что со стороны моря занимается яркая полоса зари, остановил лошадь. Глядя на восток, он протянул руку, как бы желая простереть ее дальше голубой линии горизонта, и крикнул с угрозой, как бы обращаясь к невидимому врагу перед тем как устремиться на него:

— Рим! Рим!

Меч Ганнибала

Текст печатается по изданию:
Карл Оппель,
«Меч Ганнибала», роман
С.-Петербург, 1913 г.
Издательство Гранстрема

Новая редакция:
издательство «Octo Print»
1994 г.

Редактор В.И. Кузнецов

ГЛАВА I. КЛЯТВА

— Отец, возьми меня с собой! Я не хочу остаться в Карфагене, когда ты уйдешь в поход! — молил отца маленький Ганнибал.

— Я не могу взять тебя с собой! — возразил серьезно Гамилькар. — Мы отправляемся не на прогулку, а в тяжелый поход, в котором девятилетнему мальчику не место! Я не хочу тебя подвергать трудностям и лишениям походной жизни!

Но мальчик не унимался и продолжал умолять отца:

— Дорогой отец, испытай меня! Ты увидишь, я все перенесу; я могу маршировать, бегать, лазать, кормить лошадей и слонов, чистить панцири и шлемы!

— Нет, это невозможно! — возразил Гамилькар. — Зной, ливни, голод, жажда, тяжелые и продолжительные переходы без отдыха и сна, все это быстро расстроит твоё здоровье. Ты сам скоро стал бы жаловаться на все эти лишения, а помочь тебе мы все-таки не могли бы. Что мы тогда будем с тобой делать?

— Отец, — заметил серьезно Ганнибал, и большие темные глаза его засверкали, — испытай меня, и если я начну жаловаться, брось меня в море!

Гамилькара радовало, что сын его проявлял такую силу воли, но он тем не менее сказал:

— Ты не должен быть полководцем, займись дома торговыми делами и предоставь другим копье и меч!

— Не хочу оставаться дома,— возразил мальчик,— хочу сделаться таким же героем, как мой отец!

— Тебя ослепляет пурпуровая тога,— заметил Гамилькар,— блестящий шлем с развевающимися перьями и золотая цепь! И когда ты видишь меня на коне, в полном вооружении, как полководца, перед которым преклоняются тысячи народа и с ликованием встречают победителя, у тебя, вероятно, сильнее начинает биться сердце, и ты сам также желаешь испытать все это! Но счастье изменчиво, и часто в бою гибнут самые доблестные воины!

Сто лет тому назад (340 до Р. Х.) мы, карфагеняне, сражались в Сицилии против сиракузцев. Чтобы напасть на врага, который расположился по другую сторону реки, нам пришлось переходить ее в брод, но не успели мы дойти и до середины реки, как разразилась ужасная буря. Черные тучи заволокли все небо, засверкала молния, и раздались оглушительные раскаты грома, а затем хлынул страшный ливень с крупным градом, который ураган гнал нам в лицо, совсем ослепляя нас, между тем как врагам нашим град бил в спину, и они не так страдали от непогоды. В реке образовалась невообразимая толчея — пехотинцы, конница, обоз смешались в кучу — а вода прибывала с невероятной быстротой, и в ее водоворотах гибли люди и кони.

Но в нашей армии был «священный отряд» в две с половиной тысячи человек; он отступил на находившийся вблизи холм и защищался с необычайным мужеством.

— Сдавайтесь! — кричали им враги. — Сами боги предрешили вашу судьбу; не миновать вам плена!

Но карфагеняне продолжали храбро отбиваться и ответили:

— Если нам суждено умереть, мы все до последнего умрем.

И все они пали до последнего геройской смертью!.. А ты, Ганнибал, мог ли бы ты поступить, как они?

— Да, отец, мог бы! — воскликнул мальчик, гордо выпрямившись перед отцом и глядя ему в лицо сверкающими глазами.

— Я был уверен, что ты ответишь так! Яблоко не далеко откатывается от дерева. С помощью Вала ты со временем будешь яркой звездой для нашей родины и страшным богом Мелькартом для наших врагов! Сейчас я покажу тебе меч, изготовленный для тебя, который ты со временем будешь употреблять во славу Карфагена. Перед отъездом я вручу его своему управителю, который будет воспитывать тебя, научит владеть оружием, а когда ты подрастешь и окрепнешь, придет тебя ко мне с этим мечом!

Гамилькар открыл шкаф и вынул оттуда меч, украшенный золотом и драгоценными камнями, великолепие которого совсем ослепило мальчика.

Ганнибал обнял колени отца и стал молить его:

— Дай мне этот меч теперь, сейчас, и возьми меня с собой! Я хочу учиться только у тебя!

В эту минуту тяжелая, украшенная золотой бахромой занавесь откинулась, и вошли восемь полководцев Гамилькара, который поспешно спрятал прекрасный меч в шкаф и, приказав сыну удалиться, просил товарищей присесть.

— Я пригласил вас сюда, чтобы ознакомить с планом похода,— сказал Гамилькар.— После заключения мира Рим вызвал возмущение против нас среди наших двадцати тысяч наемников, и нам стоило много жертв не покорить, а уничтожить эти полчища; но великая богиня Танит не покинула нас, мы всюду победили, и теперь Карфаген богаче и могущественнее, чем был раньше!.. В годину бедствий граждане удостоили меня неограниченными полномочиями предпринимать все необходимое для блага нашей родины. И я использовал эти полномочия; но все, что сделано до сих пор, только приготовления к великой и трудной работе. Вероломный Рим вытеснил нас из Сицилии, и пока у нас нет надежды снова укрепиться там! Но взамен потерянного мы постараемся сторицей вознаградить себя в другом месте. Теперь я сообщу вам мой план: вся наша армия направится на запад, и в том же направлении вдоль берега поплывет весь флот. Все племена, которые встретятся нам на пути, должны подчиниться нам, а когда мы достигнем скал Абель-

ских и Кальпы (горные цепи на африканском и испанском берегах по обе стороны Гибралтарского пролива), мы переправимся в Тарс и будем забирать там одну область за другой, увеличивая таким образом наше царство. Затем для нас наступит наконец тот день, когда мы можем посчитаться с вероломными правителями берегов Тибра. Это будет день решительной битвы Карфагена с Римом, ибо обоим нет места на земле, и один из них должен погибнуть.

Тебя, Газдрубал, я назначаю начальником флота. Но никто не должен знать, куда мы направляемся; пусть думают, что мы выступаем против западных соседей! И только когда мы зайдем Тарс, пусть карфагеняне узнают, какое великое дело мы совершили. Мы, без сомнения, будем отсутствовать несколько лет, поэтому советую вам сделать все необходимые распоряжения.

— Не нахожу слов, как благодарить тебя за ту высокую честь, которой ты удостоил меня! — воскликнул Газдрубал, зять Гамилькара. — Ты никогда не пожалеешь, что удостоил меня таким доверием!

— Веди нас, куда угодно! — воскликнули в восторге все полководцы, обступив своего главнокомандующего. — Мы всюду последуем за тобой! Наша жизнь принадлежит нашему родному городу!..

— Завтра выступит флот, — сказал Гамилькар, отпуская своих военачальников, — а послезавтра войско. Главное, будьте немые, как рыбы в море!

Едва успели удалиться полководцы, как из-за занавеса показалась голова Ганнибала.

— Можно войти? — спросил мальчик.

Получив утвердительный ответ, мальчик радостно вбежал к отцу и, обнимая его, спросил:

— А ты дашь мне мой меч и позволишь идти с тобой в поход?

— Ты еще ребенок и не понимаешь, что творится на войне; умереть с честью не трудно, но знать, что идешь на верную смерть, несмотря на все старания — вот что ужасно!.. Двести лет тому назад (440 г. до Р. Х.) наш полководец Гимилькон одерживал в Сицилии победу за победой, и нас чтили, уважали и страшились, как никогда раньше; но вот

в наш лагерь проник враг, перед которым не могла устоять никакая храбрость: разразилась чума и стала распространяться с невероятной быстротой среди нашего войска, воины гибли ежедневно целыми тысячами, и через несколько недель от доблестного войска осталась жалкая горстка. Чтобы спасти хоть остаток войска, Гимилькон вернулся в родную гавань и этим спас от гибели суда и несколько сот человек. Исполнив все это, он заперся у себя и вонзил себе в грудь меч!

— Я тоже поступил бы так! — воскликнул Ганнибал в сильном возбуждении.

Но вот загремели трубы, забили барабаны, и к гавани направились полки, которые в этот день должны были сесть на суда. Гамилькар с сыном поспешили на улицу.

На следующий день в Карфагене все побросали свои занятия и поспешили полюбоваться необычайным зрелищем выступления войска в поход. Большая часть назначенного для флота войска была уже размещена на судах ночью.

Карфаген был один из самых красивых городов того времени, а в этот день он разукрасился самым блестящим образом: на всех улицах были поставлены мачты, разукрашенные гирляндами и разноцветными пестрыми флагами, весело развевавшимися в воздухе, на окнах красовались гирлянды с роскошными цветами и дорогими тканями, а по улицам двигались стотысячные толпы. В гавани скопилось столько людей, что полки не могли пройти сомкнутыми рядами. Тогда выступило двести человек; они с громким криком пошли впереди войска и разгоняли толпу, размахивая длинными палками.

Сидя на своем прекрасном пегом коне, взнузданном серебряной уздечкой и покрытом чепраком из леопардовой шкуры, Гамилькар с трехгранным копьем в руке смотрел на маршировавшие мимо него войска, безусловно ему преданные. Все хорошо помнили, как семь лет тому назад он овладел в Сицилии римской горной крепостью: среди ночного мрака он со своими воинами, карабкаясь по скалам,

перебрался через стены крепости и напал на врагов так неожиданно, что они не успели даже очнуться от сна. Кто же не стал бы с радостью сражаться под знаменами такого военачальника, победоносные знамена которого развевались повсюду.

— Слава тебе, око Ваала! — ликовали войска, проходя мимо него.

— Слава тебе, Гамилькар! — вторил им с восторгом народ.

Под звуки весело гремевшей музыки по улице беспрерывно шли отряд за отрядом; солнце стало уже склоняться к западу, когда наконец войска были посажены на суда. Воины столпились на палубах огромных судов, а на берегу стоял плотной массой народ в ожидании торжественной минуты отплытия судов. Когда прибыла весть, что суда готовы к отплытию, военачальник подал знак, и пятьдесят труб протрубили сигнал.

На берегу и на судах раздались крики народа и ликующего войска, с шумом развернулись паруса, и мерно начали опускаться и подыматься весла, на берегу загремел воинственный марш, и суда величественно поплыли из гавани в Средиземное море. Едва стихли звуки марша, как воины на судах запели старинную песню, в которой каждый стих кончался припевом:

Мы — цари морей,
Нам принадлежит весь мир!

Народ долго еще размахивал с берега платками и головными уборами, посылая отъезжающим морякам свое приветствие с криками:

— Да хранит вас Ваал, гордые карфагеняне!.. Да хранит вас Ваал на бушующих волнах!

Поздно вечером Ганнибал снова пробрался к отцу и повторил свою просьбу. Гамилькар был серьезен и сказал мальчику:

— Выслушай меня, сын мой, и вникни в каждое мое слово!.. Лет пятьдесят тому назад король сиракузский Гиэрон уволил несколько тысяч наемников,

которые разбрелись по Сицилии, и затем направились к Мессане, чтобы оттуда переправиться в Италию: но только меньшая часть отправилась дальше, большинство осталось в Мессане и принялось грабить окрестности. Они назвались мамертинцами в честь римского бога войны Марса, которому посвятили себя, дав обет и впредь жить только добычей, а не плодами мирного труда. В Италии римляне не потерпели этого и без пощады перерезали этих разбойников. Жители Мессаны были не прочь последовать примеру римлян, но они сознавали, что одним им не справиться с грабителями. В своем горе они обратились к нам за помощью. Сначала мы хотели помирить враждующие стороны, разобрав их тяжбу по всей справедливости; но мамертинцы не желали вступить в переговоры, и нам пришлось взяться за оружие. Когда же мамертинцы пришли к убеждению, что они будут побеждены нами, то они обратились за помощью к Риму, и Рим, учинивший в Италии кровавый суд над этими разбойниками, стал на защиту их против нас, выслал флот и войско в Сицилию и у нас разгорелась война, которая длилась двадцать три года и наделала нам неисчислимо много бед.

— Это было бесчестно! — воскликнул с возмущением Ганнибал.

— Да, сын мой, это было бесчестно, но, помни: так поступает Рим! Слушай дальше! Война кончилась для нас несчастно, и мы потеряли много земель, денег и свой престиж, но мы должны были покориться. Мы перевезли с Сицилии свои наемные войска обратно в Карфаген; но едва успели они ступить на берег, как по наущению римлян возмутились против нас, уговорили наших союзников присоединиться к ним и, подступив к нашему городу, уничтожили водопровод, так что мы оказались на краю гибели.

— Бесчестно! Подло! — воскликнул Ганнибал.

— Не забудь, так поступает Рим! — продолжал Гамилькар.— Началась борьба не на жизнь, а на смерть! Но с помощью Ваала и нашей великой благодатной богини Танит, покровительницы нашего города, мне удалось уничтожить всех восставших.

Но послушай, что в это время сделал наш враг!.. Когда мы находились в самом безвыходном положении, Рим во время мира отнял от нас большой остров Сардинию и объявил нам снова без всякого повода войну, зная, что мы не в состоянии обороняться. Что нам оставалось делать? Пришлось купить мир дорогой ценой, выплатив Риму тысячу двести талантов и уступив ему Сардинию и Корсику, которые сделались римскими провинциями.

Сжав свои маленькие кулаки, мальчик зарыдал от гнева, а отец торжественно произнес:

— Запомни же: так поступает Рим! И если ты глубоко запечатлеешь все это в своем сердце, чтобы оно никогда не изгладилось из твоей памяти, тогда я, может быть, уже завтра вручу тебе меч и возьму с собой в поход, чтобы ты служил Карфагену.

— Я этого никогда не забуду! — вскричал радостно Ганнибал.

На другое утро, когда весь город еще спал, Гамилькар разбудил сына, сказав ему:

— Сегодня выступают в поход войска, теперь надо решить, пойдешь ли ты со мной или останешься здесь. Пойдем в храм богини Танит, принесем ей жертву и испросим ее благословение для тебя. Затем мы предстанем перед могущественным Мелькартом и отдадим ему на служение твои руки и твой меч.

И отец с сыном направились к горному замку и вступили в роскошный сад, окружавший храм высокочтимой богини Танит. Всюду были проложены тенистые аллеи, росли душистые цветы и роскошные пальмы, среди которых красовались статуи из белоснежного мрамора, алебастра и стекла. И все это отличалось необыкновенной роскошью, которой карфагеняне желали достойным образом окружить благодатную покровительницу величайшего в мире торгового города. Величественный храм сверкал пестрым мрамором, золотом и серебром, а тяжелые шелковые занавеси с золотой бахромой умеряли свет, проникавший через окна.

Окончив торжественные воззвания, пропев молитвы и принеся в жертву гранаты и белых голубей, отец с сыном вернулись в нижний город и направились к храму всемогущего Мелькарта, гнев-

ного божества, снискать расположение которого было необходимо. Этот идол изображал великана с бычьей головой в сидячем положении. Сделан он был из железа и был внутри пустой; под ним помещался огромный очаг; на животе и груди божества находилось семь больших отверстий, расположенных одно над другим и запертых железными дверцами. Во время жертвоприношения жрецы указывали, в какое отверстие следовало вложить приносимую жертву, предаваемую пламени. В верхнее отверстие насыпалась только мука, во второе кидали голубей, в третье — обезьян, в четвертое — баранов, в пятое — овец. В шестое отверстие вводили быков, кому же такая крупная жертва была не по средствам, а между тем он желал ей придать такое же значение, тот жертвовал шкуру быка, служившую эмблемой любого животного.

В самое же нижнее отверстие принимались только самые драгоценные и наиболее умиротворяющие бога жертвы,— живые люди. Но и для них существовали символические заместители: вместо самого человека бросали в раскаленного Мелькарта локон его, или он должен был перед ликом идола перебежать через небольшой огонь. Но если требовалась крупная жертва ради города, если Карфагену грозила опасность или его постигала беда, тогда ради всеобщего блага по жребию выбирали детей из знатнейших семей и подвергали их мучительной смерти через сожжение.

Когда в храм вошли Гамилькар с сыном, жрецы, одетые в красные плащи, сосредоточенно поддерживали огонь в печи и под каменной плитой перед идолом. Но вот затрубили трубы, загремели литавры, и жрецы запели жертвенный гимн, которому с глубоким чувством вторили отец и сын.

Затем Ганнибал опустился на колени перед идолом и повторил громко и ясно слова отца:

— Великий Мелькарт! Могущественный, сильный бог, господин Карфагена! Тебе посвящаю себя,— при этих словах Гамилькар бросил в пламя локон волос мальчика,— тебе и городу. Во славу твою и на благо Карфагена я посвящу всю свою жизнь. Благослови мой меч!

И он подал оружие главному жрецу, который коснулся идола и затем три раза провел лезвие через пламя.

— Я буду всю жизнь бороться с врагами города, ненавидеть и преследовать Рим! Каждый удар сердца для Карфагена, каждый удар меча — против Рима! Так буду я жить и так умру! Моя жизнь принадлежит тебе, Мелькарту, и Карфагену! — и Ганнибал, быстро вскочив, три раза перебежал через высоко вспыхивающее перед идолом пламя.

Жрец благословил его, Гамилькар вручил крупную сумму денег в пользу храма, и затем отец с сыном довольные и счастливые, поспешили домой.

Дома Гамилькар приказал призвать одного из своих лучших полководцев, Бодашторета, и обратился к нему со следующими словами.

— Я решил взять Ганнибала в поход, он уже настолько подрос, что воспитанием его следует заняться мужчинам. Я поручаю его тебе и отдаю в твои опытные руки; научи его плавать и ездить верхом, обращаться с мечом и копьем и стрелять из лука. Изнеживать его не следует; он должен привыкнуть переносить жару и холод, голод и жажду, спать на голой земле, не пугаться никаких трудностей; словом, он должен стать лучшим из нас всех. Бодашторет, на твою долю выпала честь воспитать будущего полководца Карфагена, — оправдай мое доверие!

— Благодарю тебя за него! — воскликнул Бодашторет. — Когда наступит время, потребуй с меня отчет в том, что я сделал из твоего сына! Ты будешь мной доволен!

Уже много лет не видали карфагеняне такого торжественного дня. Карфаген был богатым и могущественным городом, и в нем процветали науки и искусства. При великих торжествах украшались не только храмы, но и улицы и площади, а в этот день всюду царила ослепительная роскошь.

Покончив с жертвоприношениями идолам, все полководцы собрались перед дворцом Гамилькара, который, отдав им приказания, обратился с речью к армии. Затем войска двинулись к морским воротам.

Жаждающей зрелищ толпе было на что посмотреть: иберийские наемники в белых полотняных кафтанах с красной оторочкой, галлы, обнаженные по пояс и вооруженные щитами и закругленными, незаостренными железными мечами, нумидийцы со щитами из слоновой шкуры, затем шли гордые копьеносцы в блестящих кирасах и шлемах из чистой меди; одетые в красные кафтаны стрелки были в полотняных колпачках и ярко-красных поясах, их колчаны висели на широких кожаных ремнях; пращники, вооруженные секирами, воины с серповидными мечами и в шапках из звериных шкур на головах, татуированные ливийские племена, затем воины тяжеловооруженные, в кольчугах из металла, массивных бронзовых панцирях и набедренниках, в тяжелых шлемах с конскими хвостами и пестро раскрашенными перьями.

Но главное внимание привлекали всадники, начиная с легких нумидийских наездников с плащами из шкур льва или пантеры, скакавшие на маленьких неоседланных лошадях, до тяжелой кавалерии, вооруженной с ног до головы и привлекавшей взоры толпы сверкавшим металлом вооружения и яркими красками одеяний. Народ приветствовал всех громкими возгласами, но при приближении сотни слонов раздались оглушительные крики ликования. У слонов на спине были деревянные башни, в которых помещались копьеносцы; грудь слонов была покрыта металлическим щитом, из-за которого высовывалось короткое копьё, клыки были удлинены железными ятаганами; на коленных суставах были прикреплены кинжалы, бока и спина были защищены металлическими панцирями; на конце хобота был прикреплен кожаными ремнями большой нож, а весь хобот был выкрашен красной краской, так что когда слон размахивал им, хобот походил на огненного окровавленного змея.

Слоны были всеобщими любимцами карфагенян, и за ними постоянно с любовью ухаживали, кормили сладостями и баловали; в таком вооружении приходилось их редко видеть, и в этот день слонов тоже разоружили, как только войска вышли за город, чтобы облегчить им поход.

Впереди воинов шли музыканты, одетые в красное с желтым одеяние, с трубами, с металлическими рожками, барабанами, тамбуринами, треугольниками и с большими выложенными серебром рогами буйволов. На расстоянии пятидесяти шагов от них одиноко ехал Гамилькар, а на таком же расстоянии от него следовали полководцы, среди них, рядом с Бодашторетом, ехал на маленьком спокойном коне Ганнибал. Громким ликованием и аплодисментами приветствовал народ отца и сына — опору настоящего, надежду в будущем.

Когда последние полки исчезли за Морскими воротами и громовые крики последнего привета смолкли, часть людей вернулась в свои жилища, а скоро возвратились и толпы, провожавшие войска за городские ворота, и когда ночь покрыла мраком город, в нем снова водворились тишина и спокойствие.

Кое-где продолжали еще сидеть за стаканом вина веселые собеседники, вспоминая о близких, ушедших в поход и высказывая свои предположения о планах и целях Гамилькара, но все поголовно выказывали глубочайшее уважение к доблестному военачальнику.

Только в одном из садов предместья сидели в беседке два богатых купца, Гула и Капуза, и вели вполголоса беседу за стаканом вина.

— Он отправился в поход, — сказал Гула, — никому неизвестно, что он собирается предпринять. Я был еще ребенком, когда карфагеняне явились на мою родину, грабили, убивали и жгли целые селения, и не было семьи, которую не постигло бы горе и несчастье. На моих глазах были убиты отец и мать, сестру подняли на копье, дом стал добычей пламени. Только я, еще совсем крошка, остался в живых, и если бы не сжалились надо мной соседи, то я погиб бы от голода. Милосердные люди меня вырастили и устроили мою судьбу. Я много путешествовал, жил долго в Утике, побывал в Сиракузах, а также в Риме; все, что я ни предпринимал, мне удавалось: я разбогател, меня стали уважать, но мне не забыть того ужасного дня. В конце концов, я поселился в Карфагене, потому что здесь

ведется самая крупная торговля, но, несмотря на это, я не карфагенянин. Напротив, я их злейший враг, и все мои помыслы направлены к тому, чтобы отомстить за отца, мать и сестру. Я вступил в тайные сношения с Римом, я тщательно наблюдал за каждым шагом Гамилькара и в точности донес обо всем туда. Кто мог ожидать, что обреченный на гибель город снова так оправится! Что он соберет такие полчища и снова предпримет завоевательный поход!

— Моя судьба не лучше твоей! — сказал в свою очередь Капуза. — И меня постигли такие же бедствия. Городок, в котором мы жили, был обращен в груды пепла, и я поклялся отомстить поджигателям. У Рима нет более преданного слуги, как я! И я надеюсь увидеть тот день, когда сюда войдут римские легионеры, и римский консул тут произведет кровавый суд.

— В общем, — заговорил снова Гула, — неважно, покорит ли Гамилькар несколько жалких племен на африканском побережье, — это не представляет никакой опасности для Рима. А на всякий случай мы оба тут; мы тут око Рима, наблюдаем за всем и докладываем, куда следует, а там уж знают, когда обнажить меч.

— Неоценим в нашем деле Юба, третий в нашем союзе, — вставил Капуза. — Он сопровождает пунические войска в качестве одного из военачальников, чтобы в точности знать о каждом предприятии и доносить обо всем. К тому же он хитер, предприимчив и не отступит ни перед чем! Сегодня утром, выступая в поход, он торжественно поклялся, что позаботится о том, чтобы Гамилькару не вернуться в свой Карфаген, и насколько я его знаю, он сдержит свое слово.

Оба заговорщика молча пожали друг другу руки и распрощались, — была уже полночь.

ГЛАВА II. ГОДЫ УЧЕНИЯ

Пунийская армия подвигалась вдоль моря на запад, оставляя за собой вереницу городов. Наконец перед ней поднялись Абельские скалы, а по другую сторону пролива высились к небу Кальпийские горы. Перед переправой в Тарс армия расположилась на отдых.

Бодашторет усердно исполнял службу воспитателя Ганнибала. Мальчик маршировал с воинами, пока у него хватало сил, а когда они ему изменяли, укладывался в башню на слоне на отдых. Иногда он ехал на своей смирной лошадке.

Армии предстоял продолжительный отдых, но неожиданное обстоятельство разрушило эту надежду. Город Гадес (Кадикс), осажденный многочисленным неприятелем, обратился за помощью к Гамилькару.

Он скоро переправил туда весь свой флот, но едва успел высадиться последний отряд, как пришлось дать сражение. Неприятель был разбит, обращен в бегство, и пуны вернулись в лагерь с богатой добычей.

Ганнибал не мог еще участвовать в битве, но с крыши высокого дома наблюдал за всем происходившим, а приставленный к нему опытный военачальник давал ему объяснения.

Мальчику страстно хотелось взять в руки меч, и он высказал свое желание. В ответ он услышал суровое замечание: «Карфаген немного выиграет от того, что ребенка в бою затопчут кони». Сын пол-

ководца не должен много мнить о себе, а должен понимать, что он ничто, и стремиться стать чем-нибудь!

После заключения мира войско предалось отдыху и веселью, а Ганнибал принялся за полезные занятия.

Нумидийцы повсюду славились, как великолепные наездники, и о них обыкновенно говорили, что они срослись со своими конями. Но лучшим из них бесспорно был Калев

Когда он показывал товарищам свое искусство, перескакивал через рвы и кусты, скакал мимо них то стоя, то на коленях на неоседланной лошади, зрители бурно выражали ему свое одобрение и в один голос говорили:

— Этого никому не сделать!

Ему-то Бодашторет поручил Ганнибала.

— Приложи все старания,— сказал он ему.— Пусть мальчик превзойдет тебя в верховой езде, и пусть войско дивится ему и говорит: «А ведь его научил Калев!»

— Спасибо за доверие,— ответил нумидиец.— Я постараюсь, чтобы мой воспитанник сделал мне честь... Пойдем, Ганнибал, попробуем!

— Я уж умею ездить верхом! — заметил мальчик, часто ездивший на лошади.

— Посмотрим! — сказал Калев.— Поедем-ка вместе!

С этими словами он поднял юного героя на неоседланную лошадь и так сильно стегнул ее бичом, что она взвилась на дыбы, и сын полководца, описав большую дугу в воздухе, упал на землю.

Нумидиец улыбнулся и, заложив руки за спину, насмешливо спросил:

— Это ты называешь ездить верхом?

Ганнибал вспыхнул, поднялся, но овладел собой и, подойдя к Калеву, схватил его за руку и сказал:

— Научи меня!

После первого урока у Ганнибала болело все тело; зато он ясно сознавал, что ездить верхом не умеет, но у Калеба научится.

Так же искусен по своей части был еврей Зеруйя: о нем в шутку говорили, что он на лету мог

застрелить жука из лука. И он стал тоже учителем Ганнибала.

Ганнибал научился владеть мечом и палицей, метать копьё, колоть пикой, бросать камни и ядра, владеть секирой и топором, а также плавать и нырять, словом, всему, что полезно знать воину. При этом Бодашторет умел выбирать ему наставников из числа самых искусных воинов.

Гамилькар не любил бездействия. Заключив мир в Гадесе, он двинулся со своим войском на восток и завоевал Карфагену всю южную часть Испании. Здесь он вступал в торговые сношения, там заключал союз, в другом месте подчинял сопротивлявшихся силой оружия и наконец покорил всю страну на расстоянии пятидесяти часов пути от берега. То была самая прекрасная часть южной Европы, и она составила могущественное государство.

Гамилькар был мягкий, справедливый правитель, и побежденные скоро привыкли к новым условиям. Но в войске находился изменник, то был военачальник Юба, товарищ Гулы и Капузы. Переправа пуннов в Гадес была для него неожиданностью. После занятия города прошло несколько недель, и из Карфагена прибыло торговое судно; покончив свои дела, оно отправилось обратно. Многие послали с купцами письма на родину, и Юба сообщил своим друзьям о том, что предпринимал Гамилькар.

«Отсюда,— писал он,— я не могу снестись с Римом. Одним богам известно, куда еще нас поведет Гамилькар. Он страшный человек. Без сомнения, с Карфагеном будут поддерживаться сношения, и я могу время от времени посылать вам вести; об остальном вы должны позаботиться».

Юба был ливиец. Несколько лет тому назад, когда в Карфагене вспыхнул мятеж среди наемников, грозивший погубить город, к ним примкнули и ливийцы. Юба с братьями взялся за оружие, чтобы вернуть родине независимость, но их надежды не сбылись.

Как ни храбро сражались ливийцы, одержавшие даже несколько побед, талантливый Гамилькар за-

влек их в ловушку. Однажды, проснувшись утром, ливийцы увидели, что все высоты заняты пунами, и они окружены, причем пуны усердно рыли и копали землю, чтобы окружить их еще валом и рвом.

Скоро припасы окруженных ливийцев стали истощаться, и люди стали массами умирать. Наконец, доведенные до отчаяния, они решили убивать десятого из среды своих и съедать. Среди погибших этой ужасной смертью в первую очередь был один из братьев Юбы.

Когда невероятное свершилось, ливийцы совсем озверели. Через несколько дней снова кинули жребий и второй брат Юбы был отведен на бойню. Наконец Юба, последний из братьев, оставшийся в живых, обратился к своим товарищам по несчастью, призывая их сразиться с пунами не на жизнь, а на смерть.

— В тысячу раз лучше умереть в кровавой схватке и погибнуть в неравном бою, чем быть зарезанным подобно скотине! — кричал он. — Я хочу умереть с оружием в руках, как воин! Кто со мной — вперед!

Загорелся бой. Слабые, изголодавшиеся ливийцы должны были погибнуть, и скоро все их войско было уничтожено.

Юба лишился чувств от потери крови и лежал среди мертвых и умирающих. С наступлением ночной прохлады он пришел в себя, и ему удалось бежать. Оправившись и окрепнув, он стал непримиримым врагом Карфагена и Гамилькара в особенности. Случай свел его с Гулой и Капузой, тоже пострадавшими от войны. Они заключили союз. «Месте Карфагену!» — стало их лозунгом. Чтобы вернее достигнуть цели, необходимо было вступить в сношения с заклятым врагом Карфагена — Римом.

Во главе заговора стал Юба. Он проник в армию Гамилькара и под видом преданнейшего слуги готовил измену

Верный Бодашторет преданно заботился о воспитании Ганнибала. У мальчика была такая же

постель, как и у прочих воинов, и он скоро привык спать на траве и на жестких сучьях, на мягком мху и на голой земле. Когда износилось его нарядное платье, его одели в одежду простого пехотинца. Такое воспитание закалило его, сделало здоровым, сильным и выносливым и приучило ко всякого рода лишениям. Этим он приобрел любовь и уважение восхищавшихся им воинов.

Во время стоянок Ганнибал совершенствовал свои познания, занимаясь со своими учителями.

Так прошло шесть лет. Ганнибалу минуло пятнадцать, и в армии все были убеждены, что с ним никто не сравнится, что он лучше всех и будет вождем, когда старик умрет.

Теперь он мог сражаться в их рядах. Но ему еще кое-чего не доставало: сообразительности, опыта.

И отец стал сам заниматься с ним, делился с ним планами, изучал карты, объяснял позиции и обсуждал предприятия, которые надлежало осуществлять в следующие дни.

Как горд был мальчик, когда его впервые послали вперед, к опушке леса для того, чтобы он, взобравшись на высокое дерево, изучил неприятельский лагерь и дал отцу необходимые сведения.

В другой раз, когда его отправили на разведку, переодев в платье местного жителя, он попался в плен: его схватили, связали по рукам и ногам и бросили в палатку. Но ночью, пока хозяин палатки спал, Ганнибал перегрыз веревку на руках, развязал другую, опутывающую ему ноги, и, захватив длинный нож ибера, на четвереньках выполз из палатки; пользуясь темнотой, он выбрался из лагеря и на заре явился к отцу, смеясь и играя добытым оружием.

— Ты еще ребенок, и я не могу бранить тебя за то, что ты попал в руки врагу,— серьезно заметил отец,— но помни: это должно быть в последний раз! Подумай, что было бы, если бы меня взяли в плен!

Ганнибал совершенствовался; ему давали все более трудные поручения, и отец надеялся, что лет через десять сын будет обладать достаточным опы-

том, сообразительностью и проницательностью, чтобы занять его место, и что тогда он может передать ему руководство армией.

Но вышло иначе, чем предполагали. Прошло девять лет, и Гамилькар успел многое совершить. Двигаясь все дальше, чтобы овладеть восточным берегом, он должен был наладить добрые отношения с воинственным народом, веттонами: от их дружбы зависел дальнейший успех. Было снаряжено посольство к королю; оно должно было передать ему богатые дары, предложить союз и испросить войску разрешение беспрепятственно пройти через их владения.

Юба просил, чтобы его поставили во главе посольства.

— Я умею вести такие переговоры и даже немного понимаю их язык,— говорил он.

— Я не сомневаюсь в твоих добрых намерениях,— возразил полководец,— но в таком серьезном случае я должен выбрать уже испытанного человека. Пойдет Балеазар, а ты будешь его сопровождать и передашь подарки.

Все совершилось как по писанному. Соглашение было достигнуто, и армии были обещаны проводники и съестные припасы, а также был намечен более тесный союз.

— Ну, как держал себя Юба? — спросил Гамилькар.

— Мне кажется, мы ему многим обязаны,— заметил Балеазар.— Он держался очень скромно, но оживленно разговаривал с королем, и мне сдается, что мы главным образом обязаны ему за дружеский прием и согласие вступить в союз с нами.

Половина войска в полной готовности осталась на месте, а другая, во главе с полководцем, двинулась в путь. В день выступления случилось нечто, что для робких послужило бы дурным предзнаменованием. На заре восемнадцатилетний Ганнибал вбежал в палатку отца.

— Отец, мой меч исчез! Тот самый, который я посвятил великому Мелькарту! Я каждую ночь

вешал его над изголовьем; я заметил его пропажу, как только проснулся, и уж целый час ищу его; он исчез бесследно.

Отцу это дело тоже показалось подозрительным, но откладывать поход было нельзя.

— Он найдется! — заметил Гамилькар и дал сигнал к выступлению.

Веттоны встретили пунов весьма благожелательно и предоставили им съестные припасы, проводников, повозки, и даже сам король приветствовал знаменитого вождя — чего же было еще желать!

Окрыленное надеждами войско расположилось лагерем на отдых. Но вдруг на заре следующего дня с форпостов донеслись тревожные сигналы, затрубили рога, забили барабаны, — войско оказалось окруженным со всех сторон. Пуны прошли хорошую школу, и их полководцу знакома была измена: в несколько минут войско приготовилось к бою и бросилось на наступавшего врага.

— Что это значит, Балеазар? — спросил Гамилькар.

— Не понимаю, — ответил тот. — Позорная измена и предательство! Лестью они завлекли нас и ночью окружили со всех сторон. Ясно, что все было предусмотрено и подготовлено. Теперь надо сражаться, и бой этот будет стоить жизни многим из нас!

— А что говорит Юба. Где он?

— Не знаю! Но в битве мы его увидим.

Несмотря на всю быстроту и львиное мужество пунов, условия для них были слишком неблагоприятны. Неприятель тщательно выбрал такое место, где можно было уничтожить всю армию. Ни слонов, ни конницу нельзя было пустить в дело из-за труднопроходимой местности; в довершение всего веттоны со всех сторон погнали на лагерь большие горящие телеги, пугавшие животных, которые металась из стороны в сторону, увеличивая смятение и давку.

Восходящее солнце осветило залитое кровью поле битвы, но через несколько часов отчаянной борьбы

пуны одержали победу. Враг отступил и только в одном еще месте веттоны стойко держались: там сражался сам король, окруженный своими храбрейшими воинами.

Гамилькар заметил это и, несмотря на свои тяжкие раны, ринулся туда с криком:

— Мелькарт дарует нам победу! За мной!

Трудно было сломить сопротивление храброго врага, потребовались новые жертвы. Раненый Гамилькар придвинулся к самому королю, настала решительная минута.

— Этот меч несет смерть! — воскликнул король, меч его сверкнул в воздухе, и пораженный им Гамилькар упал.

В эту минуту вперед ринулся Ганнибал и одним ударом уложил короля на месте. Судьба боя была решена. Оставшиеся в живых веттоны обратились в бегство. Но победа досталась дорогой ценой: тот, кто стоил целой армии, доживал свои последние минуты. Истекая кровью, Гамилькар успел только проговорить:

— Газдрубал пусть заменит меня и будет вашим вождем!

Балеазар тоже запечатлел своей кровью верность Карфагену.

Когда Ганнибал на коленях наклонился над ним, он едва слышно прошептал:

— Он... изменник... я... его... видел там.

— О ком ты говоришь?.. — спросил Ганнибал.

Но храбрый Балеазар уже испустил дух.

Во время погребения павших и перевязки раненых было сделано удивительное открытие: в руке вражеского короля был меч Ганнибала, которым, без сомнения, и был нанесен Гамилькару смертельный удар. На допросе один из захваченных в плен военачальников рассказал следующее:

— Существует старинное поверье, что никто не может устоять против собственного оружия; всякий, в кого бы я ни кинул его собственное копье, или против кого направил бы его собственный меч, неминуемо будет сражен, как бы слаб я ни был. Наш король хотел добыть меч вашего вождя, и это ему удалось. Откуда и каким путем он к нему по-

пал, я не знаю, но, как видите, меч убил своего хозяина.

Так и не удалось узнать, как меч оказался в руках врага.

Но когда Ганнибал взял его, он проговорил:

— Ты окроплен кровью моего отца и потому трижды священен для меня! Ты будешь мне служить во славу Карфагена, на погибель Рима и в отмщение Гамилькара!

Когда веттоны были окончательно разбиты, Юба предстал пред Газдрубалом и Ганнибалом и выразил им свое соболезнование.

— А где ты был во время боя? — спросил Газдрубал. — Тебя нигде не было видно.

— Неудивительно, — заметил Юба, — я был повсюду, то тут, то там.

Но вечером в своей палатке, убедившись, что за ним никто не следит, он тихо проговорил:

— Отлично! Дело начато, и первый удар попал в цель. Правда, я предпочел бы истребить все войско; все было хорошо подготовлено, но пуны дрались, как полубоги. Ничего! Сегодня мне удалось погубить человека, который один стоил больше, чем все остальные вместе взятые. Это возмездие за первого брата! За второго тоже будет принесена достойная жертва.

После окончательного подчинения веттонской земли, Газдрубал решил временно отказаться от дальнейших завоеваний, чтобы устроить испанские владения Карфагена. На узкой косе, в юго-восточном углу полуострова, он основал Новый Карфаген, общую столицу всех завоеванных земель. В течение нескольких лет этот город приобрел огромное значение, как в качестве крепости, так и морского и торгового пункта, составлявшего звено между старой родиной карфагенян и их новыми владениями. С соседними королями и вождями пуны вступали в дружественные сношения, и Ганнибал, посещая их, приглашал взглянуть на новый город.

Роскошь и великолепие поражали приезжавших, а войско со слонами, конницей и боевыми орудиями побуждало их вступать в военный союз с пунами.

Газдрубал приобрел много друзей и приверженцев, и короли один за другим переходили на службу Карфагена, отказываясь от власти ради почестей.

Через семь лет после смерти Гамилькара в руках его преемника сосредоточились земли от Гадеса до реки Ибер (Эбро); по величине они равнялись половине Италии; таким образом, потеря Сицилии, Корсики и Сардинии была с избытком вознаграждена.

Доходы нового государства не только покрывали все расходы по содержанию войска и флота, а также морского порта и великолепного двора, но их в избытке хватало на подарки для поощрения новых друзей. Кроме того, Газдрубал имел возможность посылать значительные суммы на родину.

Однажды, когда в гавани стоял готовый к отплытию с такой посылкой корабль, Юба испросил разрешения съездить в Карфаген навестить родных. По причине полного спокойствия и мира ему разрешили отпущ.

По прибытии в Карфаген Юба выполнил возложенное на него поручение. И в то время как в городе все радовались по поводу добрых вестей, трое заговорщиков были заняты своими соображениями.

— Несомненно,— говорил Юба,— Карфаген теперь сильнее, чем когда-либо; он победоносно вышел из всех затруднений и теперь наслаждается роскошью и изобилием.

— Рим не может предпринять военных действий: ему довольно дела дома с опасными соседями, кельтами. Да это и не нужно. Судьба народов зависит от отдельных лиц, стоит убрать с дороги Газдрубала, и Карфаген погибнет.

— Совершенно верно,— согласился Юба,— вождям обязаны народы своим положением, и Карфаген их имеет! Гамилькар проявил сверхчеловеческую силу и способности, но он был устранен, а его преемник превосходит его.

— Ого! — рассмеялся Капуза.— Если человека так легко заменить и превзойти,— не дорого же он стоит!..

— Его не легко заменить,— горячился Юба,— но в армии есть юноша, которого солдаты боготворят. Это Ганнибал, сын Гамилькара; они поставят его во главе, а у нас есть доказательство, что в нем живет дух его отца.

— Не горячитесь,— успокаивал Гула.— Если мы все признаем, что вся суть в голове, и без нее тело ничто, то все сведется к тому, чтобы срубить эту голову.

— Гм! Будто это так просто! — пробормотал Юба.

— Ведь, есть же мечи и кинжалы,— заметил Капуза.

— Хорошо же вы понимаете дело! — запальчиво возразил Юба.— Сколько труда, золота, опасений, тревог и волнений стоило мне устранить Гамилькара! А с Газдрубалом в тысячу раз труднее. В бою он не ищет опасных мест — победа ему обеспечена.

— И яда он не боится? — насмешливо спросил Капуза.

— Не думаю; только тебе придется самому поднести его ему, потому что из его воинов каждый предпочтет скорее сам отравиться, чем отравить своего обожаемого вождя!

Почти ежедневно велись подобные разговоры и обсуждались способы, какими вернее достичь цели, а Юба обещал сделать все, что можно, путем подкупа и убеждения.

— Если не найдешь никого,— воскликнул Капуза,— отыщи влюбленную пару и воздействуй на невесту так, чтобы она принудила своего жениха исполнить твою волю. Если не найдешь обрученных, поищи замужнюю женщину, женщина все может сделать!

С такими мыслями и планами Юба отплыл в Новый Карфаген. Гула и Капуза донесли обо всем в Рим, и через три месяца в гавань Нового Карфагена вошел римский корабль. Прибывшее посольство имело поручение от сената договориться с правителем нового королевства относительно границ его завоеваний.

Сенаторы пояснили, что это разграничение необходимо, дабы государства не столкнулись, реали-

зую свои интересы; словом, Рим полон миролюбия и питает к Карфагену самые дружественные чувства, но Карфаген обязуется сохранить независимость Сагунта и не переходить за реку Эбро.

— Если Рим и Карфаген будут действовать единомышленно,— говорили сенаторы,— они могут поделить между собой все страны света!

Газдрубал спокойно обсудил эти предложения. Ему было ясно: Рим ласкал руку, которую не мог отрубить; Сагунт должен быть самостоятельным для того, чтобы римляне могли им овладеть без лишних жертв, когда придет время; равным образом не подлежало сомнению, что они перейдут границу, как только почувствуют за собой силу. Однако Газдрубал согласился. Он желал воспользоваться всеми выгодами договора, усилить и укрепить государство, предоставляя дальнейшие решения будущему.

В числе рабов Юбы находилась молоденькая сирийка, Иезавель. Когда Юба вернулся в Карфаген, она бросилась к его ногам и, воздевая к нему руки, проговорила:

— О, господин, благоволи выслушать меня. Пока тебя здесь не было, твой раб Лутар и я решили соединиться браком; умоляем тебя: дозвожь нам это, и мы будем служить тебе до конца жизни!

Юбе вспомнились слова Капузы, и он улыбнулся.

— Я сделаю для вас еще больше,— сказал он рабыне,— вы будете богаты, свободны и за мой счет уедете в Рим, чтобы там жить в довольстве и счастье, но с одним условием. Ступай и расскажи об этом Лутару. Понимаешь: свобода, богатство, жизнь в Риме. Об условии я скажу послезавтра!

Вне себя от радости и благодарности побежала Иезавель к Лутару и бросилась ему на шею.

— Мы самые счастливые на свете! — воскликнула она и передала ему слова Юбы.

— Да, мы счастливы! — согласился тот.— Кто бы мог подумать! Пусть требует, что хочет; если он пожелает, чтобы я отрубил себе большой палец на

правой руке, я и на то согласен. Не будет цепей, и я буду сам себе господин! Свобода и богатство с тобой!.. Боги, не позавидуйте моему счастью!

Два дня они были счастливы надеждой и говорили об ожидающих их радостях. Когда же Иезавель спросила Юбу об условии, он велел ей придти на следующий день,— он хотел довести ее нетерпение до крайности. Наконец он высказал свое требование, и рабыня передала его жениху.

— Не может быть! — воскликнул в ужасе Лутар.— Ты, верно, ослышалась! Я не могу сделать этого, и Юба не может этого требовать!

Однако Иезавель не ослышалась, и Юба, видя их упорство, посадил их порознь под стражу на два дня, чтобы они на досуге поразмыслили о том, как могли бы быть счастливы, если бы только захотели. Затем он разрешил им свидание.

Иезавель умоляла жениха согласиться:

— От этого зависит наше счастье! Неужели он тебе дороже, чем я?

— Но это ужасно! Такого человека!.. Если бы не ты передала мне это поручение, а кто-нибудь другой, я тотчас донес бы; но тебя, конечно, я не могу предать, и Юба в безопасности, потому что ты поклялась ему страшной клятвой не называть его. Я готов на все, но этого не могу сделать!

Юба снова посадил их в темницу и сказал Иезавель:

— Пока Газдрубал жив, вы будете в темнице, и вас ежедневно будут бить! Если же Лутар согласится, вы без промедления отправитесь в Рим. В гавани стоит римский корабль, а в открытом море капитан передаст вам обещанные деньги. Когда не станет Газдрубала, вы будете свободны и заживете по-царски.

Иезавель жила в сильнейшем возбуждении; ее щеки горели, глаза метали искры, а через неделю разнеслась ужасная весть: Газдрубал убит!

Злодеяние совершил галльский раб; он недвижно стоял над трупом вождя и не оказал ни малейшего сопротивления. Когда великан-галл предстал пред судьями, все ожидали, что услышат о серьезном заговоре, но ошиблись.

— Я его убил,— сказал раб.— Почему? Этого вы не узнаете. К моему бегству были сделаны все приготовления, и я успел бы скрыться прежде, чем вы могли меня схватить; вы сами видите, что я не карлик и силой не обижен. Я был вооружен, и горе тому, кто попытался бы поднять на меня руку! Но когда я нанес ему смертельный удар, я почувствовал такую слабость, что не мог двинуться с места. Ну, убейте же меня!

Судьи хотели непременно узнать, почему он совершил преступление, и кто его сообщники; но он сначала молчал, как бы не слыша вопросов, а потом заметил:

— Не тратьте даром слов. Вы знаете, что должны знать, больше вы ничего не услышите. Газдрубал убит, и я, Лутар, его убийца,— это мое последнее слово!..

— Он сознается! — воскликнул возмущенный судья.— Какое отношение мог иметь к полководцу этот презренный галльский раб?.. Без сомнения, тут был заговор. Но у нас есть средства развязать язык. Несите орудия пытки!

Началась пытка; но Лутар не проронил ни слова. К нему применили самое ужасное орудие пытки, и он без звука испустил дух.

— Этот галл заставляет себя уважать,— заметил один из военачальников.— Не могу и представить себе, что побудило его стать нашим врагом, и я желал бы, чтобы он был нам другом. Служа Газдрубалу, он мог бы совершать чудеса.

— Лутар был орудием,— добавил другой военачальник, Элули,— это рука, а где голова? Мы должны быть бдительны, потому что тайна от нас сокрыта.

Все было готово к отъезду обрученных. Иезавель ждала своего Лутара и мечтала о предстоящем безоблачном счастье, когда до нее донеслась ужасная весть, что он схвачен! У нее не было никого, с кем она могла бы поделиться своим горем и услышать слова утешения: страшная клятва связывала ее уста. Она мечтала о счастье с ним и навлекла на него ужасную беду! Несчастливая лишилась рассудка и бросилась в море.

— Это жертва за моего второго брата,— прошептал Юба.— Теперь очередь за тремя сыновьями Гамилькара. Он истребил множество тысяч ливийцев, я истреблю весь его род.

После смерти Газдрубала собрался военный совет, чтобы решить, кому стать во главе армии.

Но армия сама решила за себя: солдаты на руках внесли Ганнибала в палатку вождей и объявили им, что должен повелевать тот, кто не кичится пред ними роскошью, живет среди них, как равный, но доблестью превосходит их всех!

— Благодарю! — произнес Ганнибал.— Но я предупреждаю вас, что при мне не ждите ни покоя, ни удовольствий, вам предстоит лишь труды и лишения! Мой лозунг: жить и умереть за Карфаген! Вперед на Рим!

— Веди нас! — раздались со всех сторон крики войска.— Мы твои душой и телом! Ты наше солнце! С тобой Мелькарт!

Шестнадцать лет минуло с тех пор, как Гамилькар расстался с родным городом. Теперь старший из его сыновей занял его место! Ганнибалу было всего двадцать пять лет, но судьба сулила ему стать величайшим из полководцев всех времен и народов.

ГЛАВА III. ПОД САГУНТОМ

Ганнибал стремился укрепить власть Карфагена в Испании, расширить его владения и защитить себя с тыла прежде, чем перейти к дальнейшим предприятиям.

Своими успехами он был обязан трем обстоятельствам: остроумию замыслов, быстроте их выполнения и храбрости своих войск. Первый удар он нанес олькадам, жившим к северу от Нового Карфагена. Форсированным маршем подступил он к их богатой, роскошной столице Альтее, взял ее приступом и разграбил. Быстрота нападения и жестокость сражения ошеломили всех, и остальные города добровольно сдались победителю.

На следующую весну он покорил земли, лежащие по ту сторону Тага (Тахо), и овладел крепостью Германдика, ее называли еще Элемантика (современная Саламанка), и планы врагов, готовивших ему гибель, содействовали лишь утверждению его мощи и славы.

Олькады заключили с карпетанами тайный союз и, едва Ганнибал, возвращаясь после одержанной победы, успел перейти Таг, встретили его с огромным стотысячным войском. Ганнибал остановился и, не вступая в бой, расположился лагерем на берегу реки, оставшейся у него в тылу. Неприятель не отважился атаковать и тоже раскинул лагерь.

Наступила ночь. Ганнибал был далек от сна: он обдумывал свое положение. Вдруг ему вспомнилось сражение при Эримиссе...

Его взор загорелся: «Нашел!» — прошептал он, и тотчас призвав к себе своих военачальников, изложил им свой план. Приказ его был в точности выполнен.

Ночной сумрак все еще расстилался над землей, когда в пуническом лагере затрубили рога и трубы, забили барабаны, будя объятых сном воинов. Поспешно строились полки, и едва забрезжила утренняя заря, войска перешли Таг и раскинули новый лагерь.

Неприятель слышал тревогу, стал готовиться к бою и вдруг заметил отступление пунов.

— Смотрите,— насмешливо говорили союзники,— он боится! Он хочет, чтобы нас разделяла река, чтобы мы не могли произвести нападение. Но и мы можем переправиться на ту сторону! Поспешим, чтобы он не успел окопаться и возвести укрепления!

Полчища ринулись вброд, спеша переправиться и встретиться с врагом.

Между тем пунические воины с помощью лопат и секир насыпали искусственный земляной холм, с которого Ганнибал мог обозревать все, что происходило.

Окружавшие его полководцы с напряженным вниманием следили за своим вождем... вот он поднял меч... раздался призывный клич труб, и нумидийская конница понеслась к реке, за ней спешили слоны, и завязался ужасный, неравный бой. Кони твердо держались на ногах, а неприятельские пехотинцы с трудом справлялись с течением и легко могли быть опрокидываемы; всадник еще высоко сидел на коне, а пехотинцу вода доходила уже до горла. И слоны вошли в воду, производя страшное опустошение. Бурное течение, проворная конница и слоны уничтожили большую часть противника, а выбравшиеся на берег стали добычей пунийских воинов.

Разнося смерть и ужас во вражеском войске, Ганнибал еще раз перешел реку и разбил оставшихся на другой стороне врагов.

Теперь вся сторона от южной оконечности полуострова до Дуэро и на восток до самого моря, по

размерам равная Италии с островами, признала верховную власть Карфагена,— недоставало только одного Сагунта.

Сагунт лежал на восточном берегу Испании, на расстоянии получаса от моря на склоне горы, спускавшейся в равнину. Город был хорошо укреплен, а сухопутная и морская торговля обеспечили ему богатство и благополучие; но лучшим украшением Сагунта были его доблестные граждане: для них честь и благо родины были превыше всего.

Сагунтинцы стремились расширять свои владения и часто приходили в столкновения с соседними народностями, которые обратились за помощью к Ганнибалу. Он обрадовался, что ему представляется повод вмешаться в дела города. Но Рим воспротивился: он не потерпит вмешательства Карфагена в дела Сагунта.

Но пуны понимали, что Рима им нечего опасаться, а потому отпустили римских послов без всякого определенного ответа. Между тем Ганнибал послал своего воспитателя Бодашторета в Карфаген с донесением о всем происшедшем, дабы, по причине осложнений, получить необходимые указания от своего правительства.

Ответ был краток и гласил:

— Ганнибал сам лучше всех знает положение вещей, пусть поступает, как ему кажется лучше!

Через неделю в Карфаген прибыли римские послы с требованием выдачи Ганнибала, нарушителя мира.

Послов встретили и приняли с подобающими почестями, но на требование ответили:

— Войско боготворит Ганнибала, сотни тысяч встанут на его защиту. Мы не можем исполнить вашего желания. Если вы сумеете его взять, берите, мы не можем!

Римским сенаторам пришлось этим удовольствоваться.

Но Рим решил: «Вновь война, пока мы не связаны какими-нибудь осложнениями!»

Под Сагунтом события развивались с большой поспешностью: граждане знали, что им предстоит, и воспользовались зимним временем, чтобы укрепить

стены, возвести новые башни, запастись водой и жизненными припасами. Мужество не покидало их, и они храбро готовились к бою.

Весной 219 г. до Р. Х. Ганнибал подступил к Сагунту с войском в сто пятьдесят тысяч человек и сразу без промедления повел осаду. Тараны пробивали бреши в стене, баллисты засыпали город своими тяжелыми ядрами... Осажденные отвечали градом стрел и копий, потом вдруг произвели вылазку, бросились на неприятеля и произвели страшную резню.

Но пуны не испугались.

— Прекрасно! — воскликнул Ганнибал.— Теперь они в наших руках!

Он ринулся навстречу сагунтинцам, увлекая за собой своих. Вдруг неприятельское копьё со свистом прорезало воздух и ранило вождя в бок; обливаясь кровью он упал на землю, и только с трудом удалось перенести его в безопасное место.

В течение нескольких дней он был лишен сил держать оружие, но и с одра болезни руководил осадой. Когда он снова появился во главе войска, стены были пробиты в нескольких местах, и три башни разрушены. Пуны с громким кликом бросились в брешь, но фаларика отняла у них честно заслуженные лавры.

Фаларика была изобретена сагунтинцами и представляла собой еловое метательное копьё с железным наконечником в три фута длиной. Древко над самым наконечником было обмотано паклей и облито смолой. Во время сражения смолу зажигали и бросали копьё; огонь сильно разгорался во время полета... В том случае, когда копьё не поражало самого воина, а вонзалось только в щит, тот приходилось отбрасывать, и человек оказывался легкоуязвимым. Страшные огненные копья несли смерть и панический ужас в ряды пунов, которые стали отступать, преследуемые до самого лагеря торжествующими сагунтинцами.

Ганнибал был занят новым планом сражения, когда ему доложили о прибытии второго посольства: Рим серьезно предостерегал от дальнейших враждебных действий против Сагунта. Ганнибал

приказал ответить, что у него нет времени на переговоры, и что он не советует уполномоченным являться в лагерь, так как не может поручиться за то, что ему удастся сдержать раздраженных воинов.

В тот же день он отправил в Африку честного, осторожного и умного Эзули. Когда же Юба стал настойчиво просить, чтобы ему разрешили сопроводить посланца, Ганнибал отпустил и его повидаться с друзьями.

Когда карфагенский Совет выслушал Эзули и ознакомился с положением вещей, он приказал военачальникам остаться в городе до окончания переговоров с ожидаемым римским посольством, чтобы затем немедленно отплыть в Испанию и сообщить результат их. Ждать им пришлось недолго. Не прошло двух недель, и римские сенаторы прибыли. Им была приготовлена пышная встреча и, как только они оправались от морского переезда, торжественно проводили на заседание Высшего государственного совета. Но ответ был тот же, что и в прошлый раз: Рим не желал понизить своих требований, Карфаген не шел на уступки, и соглашение было невозможно.

На следующий же день после решающего заседания Эзули и Юба отплыли в Испанию.

Под вечер того же дня карфагенский суфкет сидел у себя в кабинете, обдумывая все, что произошло за последние недели. В этой уютной комнатке высший сановник Властительницы морей принимал своих приближенных, тайно обсуждая предложения, которые нужно было представить на рассмотрение Верховного совета или Народного собрания. Ни один звук из того, что здесь говорилось, не должен был проникнуть за пределы этой комнаты. Из соображений предосторожности выходная дверь запиралась, пол был устлан толстым мягким ковром, стены обиты тяжелыми шелковыми тканями. Убранство комнаты по роскоши соответствовало положению высшего чиновника и представителя богатого торгового города.

Удар в металлическую доску оповестил суффета, что кто-то желает с ним говорить. Около мягко-

го кресла суффета стояла витая, тщательно полированная деревянная колонка, а на ней в большой золоченой чаше лежал маленький художественно сработанный молоточек. Суффет ударил молотком о чашу, и тотчас же между драпировками просунулась голова чернокожей служанки, ожидавшей приказаний своего господина.

— Кто там? — спросил он.

— Белая служанка просит, чтобы ее впустили, — ответила негритянка, — она очень волнуется и говорит о том, что городу грозит большая опасность.

— Пусть войдет! — приказал суффет.

Через минуту в комнату вошла хорошенькая девушка и, бросившись на колени перед могущественным вельможей, воскликнула:

— Не гневайся, что я осмелилась к тебе проникнуть; я сознаю свою дерзость, но опасность придала мне мужества!

— Чего же ты хочешь? — милостиво спросил повелитель.

— О! Я слышала, — заговорила Циба, так звали девушку, — что мой господин замышляет погибель города и полководца Ганнибала. Я давно уже подозреваю измену, а вчера вечером я убедилась в том, что не ошибаюсь!

— Встань, дитя, — ласково заметил суффет. — Пододвинь к себе ту скамеечку, сядь и расскажи мне по порядку, с самого начала, все, что тебе известно, и, смотри, ничего не забудь!

Циба была рабыней Гулы. Она знала, что у ее господина часто бывают ночные собрания, и даже успела уловить несколько отдельных слов. Гула смотрел на нее, как на ребенка, и не предполагал, что она сумеет сопоставить на лету схваченные слова и будет помнить их в течение нескольких лет.

Между тем девушка обладала необычайной способностью схватывать и понимать, связывать отдельные части и угадывать недостающее.

В течение долгих лет у Цибы постепенно складывалось убеждение, что Гула, Капуза и Юба изменники; она жадно схватывала каждое слово и тщательно хранила в памяти... Ей недоставало лишь доказательства.

Накануне вечером ее позвали: она должна была приготовить вино из трав и разнести гостям. Она пробыла в комнате один только миг, но одно услышанное ею слово уничтожило все сомнения. Дрожа от волнения, Циба, как только за ней затворились двери, прокралась в соседнюю комнату и, приложив ухо к стене, стала напряженно слушать. Ее предположения подтвердились, и у нее явилось страстное желание сообщить о своем открытии тому, кто стоял на страже безопасности родного города. Будь она свободна и независима, она еще ночью прибежала бы сюда!.. А ведь она раба и должна была ждать удобного случая.

Суффет задал девушке еще несколько вопросов, а затем дважды ударил по чаше. В ту же минуту явился начальник дворцовой стражи.

— Гула и Капуза должны быть немедленно, но без всякого шума, арестованы, закованы в цепи и приведены ко мне!..

Офицер исчез. Суффет снова позвонил один раз, и явилась негритянка.

— Возьми с собой эту девушку, позаботься о ней, сторожи ее и знай, что ты за нее отвечаешь головой,— приказал господин, и обе девушки удалились.

Прошло полчаса, и Гула, скованный по рукам и ногам, предстал перед суффетом в сопровождении конвоя. Капузу не могли разыскать. В момент ареста друга и соучастника он был как раз у него и вместо того, чтобы вернуться к себе домой, бежал из города, решив вернуться, когда обстоятельства сложатся благоприятным для него образом.

И действительно, прошло много времени, прежде чем он вновь увидел Карфаген.

Как только Гула был доставлен, прибыли два члена Верховного совета, была приведена и Циба.

— Гула,— начал суффет,— прежде всего я покупаю у тебя эту служанку; во сколько ты ее оцениваешь?

Арестованный еще не успел освоиться со своим положением и, застигнутый врасплох вопросом, назначил довольно высокую цифру. Суффет улыбнулся, тотчас же отсчитал указанную сумму и заметил:

— Так! Теперь Циба принадлежит мне, и ты не вправе ею распоряжаться!

С чувством признательности склонилась невольница перед своим новым господином и поцеловала ему руку. Суфкет снова обратился к Гуле:

— Теперь расскажи нам честно и откровенно, что вы задумали и что успели привести в исполнение; при этом не думай, что ты можешь нас обмануть или провести: твои показания будут сопоставлены с показаниями Капузы и с теми, которые Юба даст своему судье Ганнибалу.

«Вот как,— подумал Гула,— наш союз обнаружен, и они хотят допрашивать нас поодиночке, чтобы показания одного служили уликой против другого! Дело плохо! Все равно я не проговорюсь, и у тех хватит ума молчать!»

И он рассказал, что они часто сходились, беседовали о международных отношениях, но о каких-либо враждебных замыслах ему ничего не известно.

Ни один мускул не дрогнул на лице суффета, и он спокойно до конца выслушал показания Гулы и только потом заметил:

— По-видимому, многое ускользнуло у тебя из памяти; я даю тебе день сроку, чтобы ты без помех, в тиши подземелья мог припомнить все обстоятельства. Быть может, к утру ты что-нибудь и припомнишь... Отведите его в номер первый!

С этими словами суфкет поднялся. Гула был помещен в темницу, находившуюся в подземелье дворца. За ее наружной стеной слышался плеск воды; воздух проникал в это темное сырое помещение только через высоко лежащее отверстие, выходящее на внутренний двор. Вся «мебель» этого страшного места состояла из брошенного на пол снопа соломы. Пища соответствовала помещению — ее было достаточно ровно настолько, чтобы не сразу умерить человека голодом, а постепенно привести к смерти от истощения. Заточенный богатч в отчаянии сулил своему тюремщику, приносившему ему скудную пищу, огромные суммы, если он выпустит его; но тот не отвечал,— возможно, что он был нем. Правительство Карфагена умело подбирать слуг.

На следующий день на допросе Гула рассказал довольно много, но, разумеется, не самое важное, и всю вину постарался свалить на своих сообщников.

— Твоя память все еще тебе изменяет, но она вернется!.. Пусть его отведут в номер второй.

Эта темница была вышиной всего в четыре фута, так что заключенный не мог даже встать, а должен был сидеть или лежать на голом каменном полу, потому что не было даже соломы. Мучения Гулы в этой тесной темнице были настолько велики, что он решил во всем сознаться, хотя и знал, что суффет неумолим и в силу своих полномочий может предать его любой казни: распять, обезглавить, посадить на кол, утопить, зарезать или побить камнями.

Через сутки Гула, совершенно разбитый, снова предстал перед своим судьей. Тот обратился к подсудимому с такими словами:

— Вот орудия пытки, щипцы лежат уже в огне и раскалены докрасна, но я неохотно применяю эти орудия. Ганнибал, наверно, не будет так церемониться с Юбой, но с тобой, пожалуй, мы обойдемся без них!

До пытки дело не дошло. Гула сознался.

После расследования суффет объявил ему, что его пошлют в Тарс на очную ставку с Юбой, а пока, прибавил он, ему можно облегчить заключение и поместить в номер пятый.

В течение месяца искали Капузу, но не нашли: он бежал в Рим.

Гула в оковах, под надежным конвоем, был отправлен в Новый Карфаген и препровожден в лагерь под Сагунтом. Ганнибал изумился, узнав из донесения, какую роль играл Юба. И этот заговорщик был взят под стражу, но следствие и наказание были отсрочены до взятия осажденного города.

Бой под Сагунтом длился без перерыва. Граждане совершали невероятные подвиги; под лучами палящего солнца, ночью, при свете факелов работали буквально все: мужчины, женщины и дети возводили новые стены, укрепляли старые, рыли рвы, ковали оружие... Все были воодушевлены одной мыслью

— за свободу пожертвовать всем и, если суждено, даже жизнью.

Осаждавшие, в свою очередь, были довольны: голод заставит сагунтинцев в конце концов сдаться.

Прошло больше полугода, прежде чем Сагунт был взят. Борьба была жестокая, кровавая, каждую улицу, каждую площадь приходилось брать с боем, каждый дом приходилось штурмовать, и наконец в руках сагунтинцев осталась только высоко расположенная и неприступная крепость.

Однажды ночью во время длительного перерыва, предшествовавшего последнему штурму, в лагерь Ганнибала явились двое граждан и представили ему условия, на которых они готовы сдать крепость.

— Если бы вы так говорили со мной восемь месяцев тому назад,— возразил вождь карфагенян,— я поставил бы вам гораздо более выгодные условия, чем вы теперь желаете. Ведь мы отнюдь не стремимся опустошать города, ввергать народ в нищету: наоборот, куда бы мы ни пришли, мы всюду насаждаем и поднимаем земледелие, скотоводство, добычу металлов, ремесло и торговлю; народ должен благоденствовать — его богатство усилит славу Карфагена. Не прошло еще и двадцати лет с тех пор, как мы завоевали Тарс, а оглянитесь вокруг, посмотрите на страны, подвластные Карфагену,— что видите вы? Старые города стали богаче и больше, возникли новые, повсюду пролегли дороги; там, где это выгодно, устроены гавани, открыты многочисленные рудники, введены налоги, равные для всех, никого не обременяющие и приносящие большие доходы. Могут ли жители Иберии быть недовольны нашим господством? И вы могли бы воспользоваться подобными преимуществами, но вы не пожелали этого. Теперь дело обстоит иначе. Вы заставили меня в течение долгих семи месяцев вести кровопролитную войну, тысячи моих воинов сложили в ней свои головы, теперь ваши силы истощены, вы чувствуете свою слабость,— но теперь вы не можете ставить условий, и я на них не пойду. Вам остается одно: сдаться на нашу милость!..

Этот ответ поверг весь город в уныние, хотя много едва ли можно было ожидать.

— Он хочет овладеть нашим золотом,— говорили богачи,— но ничего ему не достанется, пусть лучше пламя все пожрет!

Они собрали в кучу предметы роскоши, богатое одеяние и подожгли все это. Пламя этого гигантского костра еще не погасло, как страшный гром потряс землю, и столб густой пыли поднялся кверху: пуны взорвали самую большую башню. Через минуту послышалась боевая музыка пунических труб, и Ганнибал ворвался в крепость со своим торжествующим войском; еще один отчаянный натиск, и карфагеняне овладели городом.

В добычу победителям досталось все имущество горожан — деньги, оружие, драгоценности. Она была так велика, что Ганнибал отправил в Африку огромный груз золота и драгоценностей: колец, цепей, различных украшений, драгоценной утвари, оружия, украшенного слоновой костью и жемчугом.

Карфаген ликовал без конца, прославляя полководца, который не только не нуждался в деньгах для ведения войн, а еще сам доставлял городу несметные богатства.

К побежденным Ганнибал отнесся милостиво; прошло немного времени, напуганные жители успокоились, и жизнь стала входить в прежнюю колею; сагунтинцы понемногу пришли к убеждению, что и под властью Карфагена они могут счастливо жить.

Война кончилась, и Ганнибал стал думать о возвращении в Новый Карфаген. Ему, однако, предстояло еще совершить акт правосудия.

Сподвижники Ганнибала и знатнейшие граждане Сагунта собрались вокруг вождя, когда привели Юбу в цепях. Ганнибал прямо приступил к допросу.

— Нам известна твоя измена, известны твои коварные замыслы в мельчайших подробностях; твой соучастник, Гула, схвачен и уже подвергся допросу. Тебе не удастся нас обмануть, потому лучше сознайся!

«Как бы вы ни были ловки,— подумал про себя Юба,— меня вы не поймаете. Мне говорят, что мой

соучастник сознался для того, чтобы я выболтал все. Нет, Гула не дастся вам в руки, и от меня вы ничего не узнаете».

Однако, когда ему показали Гулу, его надежды исчезли, и орудия пытки оказались излишними: заговорщики, допрошенные в отдельности, раскрыли в своих показаниях полную картину преступного заговора. В день объявления приговора преступники были введены в зал с завязанными глазами. После короткого вступления Ганнибал объявил им:

— Слушайте, каким наказанием намерены вас подвергнуть мои соратники! А вы, мои друзья,— прибавил он, обращаясь к своим людям,— говорите по очереди, какая участь должна постичь изменников!

— Кто продал родину врагу,— воскликнул первый,— тот пусть будет привязан к столбу и пронзен копьем!

— Того следует побить камнями! — прозвучал приговор второго.

— Кто нарушил клятву,— произнес третий,— тот должен быть растоптан слонами!

— Пусть его растерзают ливийские львы! — предложил четвертый, а пятый требовал, чтобы он умер под пытками.

— Кто бросит камнем в собственную мать,— вставил свое слово шестой,— должен быть прикован к каменной плите и помещен в подвал, который будут понемногу наполнять водой, чтобы смерть с каждым днем постепенно придвигалась к нему!

Смертельная бледность покрыла лица осужденных, когда они услышали приговор; затем Ганнибал снова обратился к Гуле и спросил, не имеет ли он чего сказать.

— Я не пуниец,— ответил Гула, гордо выпрямившись,— я из Мавритании, я родину не предавал, я лишь отомстил за нее тому, кто убил моих родителей и мою сестру!

Этот смелый ответ придал мужества Юбе, и он в свою очередь сказал:

— Я ливиец, я не кидал камнями в собственную мать! Нет, я боролся за свободу моего народа... Я содействовал гибели Гамилькара и Газдрубала, то

было возмездие за бесчеловечную позорную смерть моих братьев!..

Полководцы с изумлением переглядывались, слушая подобные речи, но Ганнибал спокойно возразил:

— Если бы вы выступили против нас в открытой схватке, мы уважали бы вас! Но ты, Юба, добровольно вступил в войско моего отца, клялся ему в верности и потом изменил, ты — клятвопреступник. А тебя, Гула, кто звал в Карфаген? Разве ты не обещал служить городу и повиноваться? Ты отдался под его покровительство и оплатил изменой?! Но вы умрете менее жестокой смертью!..

Через два дня после суда загрела военная музыка, войско собралось в полном вооружении, все сагунтинцы всполошились. Перед городом построились большим четырехугольником войска, в восемь рядов один за другим: два ряда пехоты стояли на коленях, за ними два ряда в обычном строю, затем два ряда всадников и наконец два ряда слонов. Войска заняли три стороны четырехугольника, четвертая была занята гражданами. В середине замкнутого пространства видны были две небольшие ямы, тут же были сложены длинные поленья и, наконец, два больших деревянных креста.

Загремели трубы, приветствуя Ганнибала, ехавшего со свитой. В это же время привели преступников. Палачи набросились на них, сорвали платье и схватили бичи, но Ганнибал знаком отменил эту пытку. Он оказал осужденным еще большее благодеяние: распятые часто днями томилась в страшных страданиях на своих крестах, пока не умирали от потери крови; иногда, чтобы облегчить агонию, им давали одуряющий напиток, лишавший их сознания, и затем убивали их.

Так было и на этот раз; каждому из осужденных дали по полной чаше, и они осушили ее до дна; потом их пригвоздили к крестам, подняли кресты, вставили в приготовленные ямы и укрепили при помощи поленьев,— приговор был приведен в исполнение.

— Гула! Взгляни туда! — воскликнул Ганнибал.— Ты видишь море? За ним лежит Карфаген,

который ты хотел предать и погубить. Он стоит во всей славе и мощи, а ты казнен. Так боги мстят изменникам!.. Юба! Видишь меч, который ты похитил у меня, и которым был убит мой отец? Он снова у меня в руках, а ты на кресте. Думаешь ли о том, что коварно умертвил Газдрубала? Что ты виновен в гибели Иезавель и Лутара? Право побеждает, а безбожники погибают!

Спасительный напиток уже сделал свое дело: распятые потеряли сознание. По знаку полководца два копьеносца выступили вперед и пронзили им сердце: казнь свершилась.

Ганнибал высоко поднял свой меч и громко воскликнул:

— Да стоит во веки Карфаген!..

Раздался гром труб, и гул голосов подхватил:

— Да стоит во веки Карфаген! Великий Мелькарт с нами!

ГЛАВА IV. НА АЛЬПАХ

Когда известие о взятии Сагунта пришло в Рим, сенат решил безотлагательно отправить в Карфаген третье посольство с поручением спросить, действовал ли Ганнибал в силу предписаний своего правительства, и в случае утвердительного ответа тотчас же объявить войну. Пуны не говорили ни да, ни нет, а только твердили:

— Сагунт для вас лишь предлог; скажите прямо, чего вы добиваетесь!

Тогда Квинт Фабий выступил вперед и ответил:

— Я несу войну или мир, выбирайте!..

— Нам безразлично,— заметил суфкет,— дайте, что вам угодно!

— Хорошо,— воскликнул Фабий, опуская тогу,— берите же войну!..

Ганнибалу сообщили о вызове Рима.

— И прекрасно! — заметил он.— Я помню свою клятву и храню меч, освященный Мелькартом. Мне предстоит исполнить свое назначение; боги нам помогут, и враги Карфагена дрогнут!..

Войска ликовали; военачальники развлекались пирами, солдаты пили и кричали от избытка веселья: никто не сомневался, что победа останется за ними: Ганнибал был их кумиром.

Ганнибал действовал весьма осторожно. Он отправил в Африку опытного полководца с двадцатитысячным войском, чтобы обезопасить Карфаген на случай нападения; младшего своего брата Газдрубала, которому минуло двадцать шесть лет, он оста-

вил наместником Испании. В распоряжение ему было дано пятнадцать тысяч воинов, двадцать один слон и пятьдесят семь военных кораблей. К кельтским народностям, обитавшим по ту сторону Ибера, в Пиренеях и в Альпах, он отправил послов для переговоров, заключил с ними дружеские союзы, заручился обещанием переводчиков и проводников, и когда весеннее солнце нового 218 года глянуло на землю, он двинулся к северу, имея девяносто две тысячи пехоты, двенадцать тысяч всадников и тридцать семь боевых слонов.

Ганнибал держался все время моря. Приподнятое настроение не покидало его, хотя он прекрасно понимал всю смелость задуманного предприятия; с другой стороны, он принял все меры, чтобы обеспечить себе успех. Он пересек Иберию, перешел через Пиренеи и вступил в неизвестные ему пределы, населенные дикими народами... И это во главе войска, заключавшего в своих рядах представителей всех племен и народов, обитавших по берегам Средиземного моря! У него были солдаты из Африки и из Иберии, рядом с ними шли нумидийцы и ливийцы, греки и сыны южной Италии, Корсики и Сардинии, а также Галлии. Это пестрое воинство говорило на разных языках, но всех объединяла и тесно сковывала страсть к кровавому делу войны, чувство воинской чести, верность клятве и благоговение перед благородством своего доблестного вождя.

Вступив в южную Галлию, он щедро наделил дарами кельтских князей, доверчиво предлагал им свою дружбу и соблюдал в войске строжайшую дисциплину, чтобы никто не мог пожаловаться на насилия со стороны его солдат. Таким путем он привлек на свою сторону и тех, кто сперва его боялся, и без больших затруднений дошел до Роны, двумя рукавами впадающей в море. Войско двинулось к северу и расположилось лагерем выше того места, где река разделяется; оставалось только совершить переправу.

Однако храбрые племена, населявшие местность, не желали допускать вооруженного неприятеля в свои пределы и, не имея возможности противосто-

ять такому войску, перешли на противоположный берег.

Разумеется, не все могли уйти, и с оставшимися Ганнибал очень быстро установил самые дружеские отношения. Он умел обходиться с дикими народами, всячески выражал им свое доверие, раздавал золото и все, чего они только желали, искал и добивался союзных отношений, не преминув, однако, указать им на непреодолимую силу своего войска и гигантских слонов.

Он скупил у жителей не только все крупные суда, но и маленькие челноки, вмещавшие не больше двух солдат, и не пренебрегал ничем, что могло служить для переправы, брал даже надутые кожаные меха: левой рукой воин прижимал такой мешок к груди, чтобы держаться на воде, а правой греб.

Несмотря на все приготовления, переход обещал быть трудным. Течение Роны было очень бурно и сильно, а на противоположном берегу стояли вражеские войска, пешие и конные, решившие отнюдь не допустить переправу пунов.

Ум и хитрость Ганнибала нашли выход и из этого трудного положения. День за днем велись приготовления к переправе, приковывая внимание неприятеля; на третий день Ганнибал призвал к себе своего опытного учителя Бодашторета и отдал ему тайный приказ. С чувством пожал Бодашторет руку своему бывшему ученику, одобряя его план, и с наступлением темноты бесшумно двинулся с тысячными полками пехоты и конницы вверх по реке, пользуясь сведущими проводниками. На следующее утро он был на расстоянии десяти часов от лагеря Ганнибала и беспрепятственно совершил переправу, щедро заплатив прибрежным жителям за услуги. На пятую ночь он двинулся к югу, и на заре шестого дня форпосты Ганнибала увидели вдали на другом берегу густой дым огромного костра: это был условный знак, извещавший их о прибытии Бодашторета.

Как только на форпостах проверили точность этого сигнала, тотчас же началась переправа. Река была сплошь покрыта большими и маленькими лодками, тысячи воинов плыли на своих деревянных

щатах. Но на противоположном берегу стояли враги и всех сбрасывали в реку, кому только удавалось достичь берега. Тем временем с тыла к кельтам подошел Бодашторет: за шумом сражения они не заметили его приближения, не заметили, как огонь охватил их лагерь. Вынужденные бороться на два фронта, кельты были отчасти уничтожены, отчасти обращены в бегство, отчасти вынуждены были покориться тому, кому не в силах были противостоять.

Лошадей пуны переправляли, привязывая к большим судам, чтобы они могли плыть; трудно было переправить тридцать семь слонов. Для них готовили крепкие, широкие, длинные плоты, уложили их землей и дерном, накрепко привязали к низкому берегу и пустили туда слонов. Когда же они разместились, канаты были перерублены и гребные лодки перетянули плоты на другой берег.

Успешный исход переправы через Рону придал бодрости пунам, но их радостное настроение омрачилось, когда они узнали о трудностях, ожидающих их в Альпах; войско впало в уныние: каждому казалось, что он погибнет ужасной смертью вдали от родины.

— Вы подниметесь на горы,— рассказывали галлы,— которые доходят почти до небес, так что облака будут под вами. На вершинах этих гор все пусто, тихо, мертво, там никто не живет, ничего не растет,— вы будете лишены жизненных припасов. Тысячи погибнут в пропасти и будут лежать на дне с раздробленными костями; огромные, как тучи, снежные лавины с грохотом скользят вниз по обрывам и хоронят сразу сотни людей; вас ждут тысячи смертей от холода, от голода, вы можете разбиться насмерть и быть заживо погребенными!..

К счастью, к Ганнибалу прибыло посольство от кельтского племени, обитающего в Северной Италии. Ганнибал расспросил их о том, что их привело и поговорил с ними о цели своего похода. Созвав потом армию, он обратился к ней с речью:

— Вы страшитесь гор? Неужели вы думаете, что скалы опаснее вооруженного врага? Разве скалы могут метать копья и действовать мечом? Вы дума-

ете, что горы так высоки и круты, что их и перейти нельзя? Так взгляните на этих послов, пришедших с той стороны, из-за гор: ведь они не летели, как птицы, по воздуху, они шли и ехали. Их предки жили в Галлии, и целые тысячи мужчин, женщин, детей и стариков с возами, со всем скарбом и со скотом, целый народ со всем своим имуществом перебрался на ту сторону гор. Неужели же воин со своей ничтожной поклажей не сможет совершить этот путь? Но не полагайтесь на мои слова, а послушайте того, кто живет по ту сторону Альп и пришел к нам через горы!

Король Мегал, стоявший во главе посольства, заговорил:

— Мы здесь все и всех знаем; я берусь перевести вас и проводить к своим единоплеменникам: они вас страстно ждут и примут с распростертыми объятиями. Я повежу вас не кратчайшим путем, а там, где легче добыть продовольствие войску, путем, который идет через владения дружески настроенных народов и наименее труден для перехода. Вы можете на меня положиться, потому что я хочу вернуться к себе домой, обнять жену и детей, отдохнуть у очага. Я беру на себя ответственность за это дело, но ставлю три условия: во-первых, до перехода через Альпы вы не должны вступать в сражение с римлянами, чтобы не терять сил; во-вторых, нужно предпринять переход без промедления, дабы воспользоваться благоприятным временем года и перебраться на ту сторону гор до наступления холодов с их снегом и метелями, в-третьих — все должны следовать моим указаниям. Вся наша страна настроена против римских тиранов, и если вы соединитесь с нами, мы пойдем на них и победим!

Войска бурно выразили свое одобрение и свой восторг. Но Ганнибал отдал приказ:

— Теперь подкрепитесь, веселитесь, пейте, ешьте, пока я принесу жертву богам, а на заре мы снимемся с места!

Чтобы увериться в успехе предприятия, Ганнибал отправился к заклинателю духов и кудеснику, жившему поблизости, и спросил, завершится ли его поход удачей.

— Приди сегодня, когда совсем стемнеет, и сам спроси духов земли! — ответил кудесник.

В назначенный час Ганнибал явился со своими ближайшими сподвижниками; их встретил помощник заклинателя. Прибывшие должны были снять с себя обувь и оружие, умыться руки, и тогда только были проведены в пещеру, лежавшую вдалеке от дороги; сандалии и мечи были заперты в хижине.

Посреди пещеры горел огонь, отбрасывая на стены причудливые, похожие на привидения тени; видеть и кое-что различить можно было только с трудом. Пуны должны были поместиться с одной стороны; у наружной двери, охраняя вход, стоял прислужник. Кудесник с растрепанными волосами, босой, завернутый лишь в волчью шкуру, бродил по пещере и укладывал кости вокруг огня; потом он руками выкопал в земле маленькую ямку, вывел откуда-то из глубины пещеры черного барана, пропел на непонятном языке свои заклинания, перерезал барану горло ножом, который до той минуты держал в пламени, и спустил кровь в ямку; затем он оттащил зарезанного барана вглубь пещеры, бросил в огонь травы, и вся пещера наполнилась удушливым непроницаемым дымом. Кудесник громко выкрикивал непонятные слова, эхо глухо их повторяло, потом он еще раз бросил что-то в огонь, пламя ярко вспыхнуло на одно мгновение, и послышался шум, похожий на гром.

Тут волшебник взял Ганнибала за руку, ввел его в круг, приказал опуститься на колени подле пламени, а остальным велел хранить полное молчание, что бы ни случилось. Вслед за тем он обмакнул палец в кровь, начертал на лбу коленопреклоненного вождя магический знак и сказал:

— Теперь спрашивай!

Ганнибал был не подготовлен, но быстро нашелся и спросил:

— Придем ли мы в Италию?

В ту же минуту раздался громкий удар, и из глубины пещеры донесся глухой голос:

— Да, но не все!

— А я сам перейду ли через горы? — спросил Ганнибал.

— Да! — вторично ответил голос.

Ободренный этим ответом Ганнибал продолжал:

— Нанесем ли мы римлянам поражение?

— Неоднократно,— последовал ответ, и все вздрогнули от радостного известия.

«Теперь еще один вопрос,— подумал Ганнибал,— и с меня довольно».

— Суждено ли мне победоносно вступить в Рим?
— спросил он.

Снова раздался гром, пламя погасло, и мрак окутал всех своим черным покровом.

— Тебе дозволено только три вопроса, не больше,— пояснил кудесник.

— Если бы я это знал,— заметил Ганнибал,— я иначе поставил бы свои вопросы!

— Через три ночи приходи опять, и тогда сможешь узнать свою судьбу,— ответил заклинатель, помешал угли, зажег лампаду и отпустил посетителей.

Ганнибал не мог вернуться через три дня, потому что на следующий день войско выступало в поход, который по опасностям и трудностям превосходил не только все, что до сих пор пережила армия Ганнибала, но и все, что воины могли себе представить. Бодро и весело выступили полки в путь: они знали, что благополучно вступят в пределы благословенной Италии, что Ганнибал останется на своем посту, что римляне будут разбиты неоднократно.

Пуническое войско благополучно подвигалось вперед по восточному берегу Роны, радостно встречаемое дружески настроенными племенами. Достигнув Изара, пуны без всяких затруднений перешли его и вступили в страну аллоброгов. Этот народ по численности и воинственности превосходил всех своих соседей. Король Бранк был тесним восставшим против него младшим братом; Ганнибал, явившийся как раз в это время, встал на сторону настоящего вождя, помог ему одержать блестящую победу и тем приобрел себе верных и преданных друзей, которые не только доставляли все необходимое, но еще и прикрывали пунов с тыла, пока они не углубились в горы.

Тут началась ожесточенная борьба. Жители весьма враждебно относились ко всякому вторжению; занимали вершины гор и скалистые утесы и оттуда сбрасывали вниз на армию, двигавшуюся в узких проходах, камни, стволы деревьев, валуны, внося сумятицу и смерть в ряды чужеземцев.

На одной из вершин перед воинами открылось зрелище, по величию своему превосходившее все, когда-либо ими виденное. Перед ними лежали во всем великолепии ослепительные снежные поля, сверкающие глетчеры, зубцы скал; позади возвышалась высочайшая из европейских гор, гигант в мире Альп — Монблан; внизу грохотали лавины, срывая и унося все, что им встретилось на пути, а вечером горы зажглись багрянцем...

Это была чарующая, глубоко захватывающая картина! Затем войска спустились в долину Изара, где можно было отдохнуть на приветливых мягких лугах и в селениях пополнить свои запасы. Однако скоро нужно было сниматься; наиболее трудная часть пути была впереди; предстояло перейти через высочайшие вершины, а между тем сентябрь уже наступил, ночи на Альпах были леденяще-холодные, а свежий слой снега засыпал почти ежедневно никогда не тающий ледяной покров. Подтаявшие за лето глетчеры превратились в зеркально-гладкую поверхность, и вьючный скот скользил и, обрываясь, падал в пропасть, увлекая за собой проводников и воинов. Местами ледяная кора разрыхлилась и давала трещины, как только на нее ступали тяжело навьюченные животные. Свежевыпавший снег предательски прикрывал обрывы и расселины, и порой отважные путники видели, как идущий впереди вдруг проваливался и исчезал. Когда же они приближались к роковому месту, оно было уже снова сравнено навалившим снегом.

На третий день восхождения таким образом исчез доблестный Эзули. Здоровый сорокалетний мужчина, он легко переносил все трудности. Осторожный и в то же время бесстрашный, он прекрасно понимал кельтский язык, почему Ганнибал и послал его вперед исследовать тропу, когда войску пришлось идти по обрыву.

Впереди шагали два проводника, за ними Элули с восемью старыми воинами; у каждого в руках был длинный шест, которым он ощупывал землю, чтобы убедиться, что войско может спокойно идти.

На небольшом расстоянии за ними двигался авангард. В одном месте тропа совсем сузилась, и Элули остановился, чтобы точно исследовать, сколько человек может здесь идти в ряд; но едва он ощупал почву с левой стороны подле обрыва, как оборвался и на глазах авангарда исчез в бездонной глубине вместе со своими восемью спутниками. Раздался отчаянный крик, и проводники вернулись на место, где произошло несчастье, пристально вглядываясь в глубину,— но внизу расстилалось только сверкающее снежное поле, покрывавшее все своим белым пушистым покровом.

Узкими шеренгами войска преодолели перевал и снова спустились в населенную страну. Народ выслал навстречу им послов с венками, с зелеными ветвями, чтобы заключить мирный договор.

— Вы отразите всякое сопротивление,— сказал посол.— Мы научились чужим опытом и предпочитаем, чтобы вы проявили к нам свое расположение, не давая почувствовать силу своего превосходства. Мы несем вам припасы, дадим опытных проводников, а чтобы вы не сомневались в честности наших намерений, мы просим вас взять из нашей среды заложников.

Посланцы производили впечатление честных людей, но Ганнибал все-таки подумал, что может полагаться только на себя и только себе самому доверять, а потому взял заложников, воспользовался съестными припасами, но зорко за всем наблюдал и шел, как во вражеской стране.

Шествие открывали слоны, возбуждавшие панический страх в варварах, так что тут нечего было ждать нападения; за ними двигалась конница, дальше пехота и обоз, а замыкал наступление сам Ганнибал с тяжеловооруженными пешими воинами, закрывая тыл армии.

Два дня миновали вполне спокойно, а вслед за тем путь опять пошел по краю высокой, крутой горы... Едва пуны вступили на узкую тропу, по

которой обоз не мог идти, как вдруг сверху раздался военный клич, показался неприятель, вниз полетели камни, древесные стволы, производя в рядах наступавших страшное опустошение. К счастью, сам Ганнибал находился в арьергарде; к вечеру он был совершенно отрезан от своих и должен был провести ночь на уединенном плато. Но войска все-таки медленно подвигались вперед.

На следующий день кельты произвели вторичное нападение. Обе стороны жаждали решительного боя. Кельты находили, что более подходящего места для истребления чужеземцев не может быть. А пуны, в свою очередь, говорили: «Постоянные стычки нас утомляют, нужно положить этому конец». Борьба шла со страшным ожесточением и с невероятным упорством; обе стороны жаждали конца, но каждый из противников надеялся, что другой ослабеет и сдастся.

— Да здравствует Ганнибал! Слава Карфагену! — внезапно раздалось голоса с высот над кельтами, и на вершине появились хорошо знакомые лица Элули и его товарищей.

— Мелькарт с нами! — разнеслось среди пунов, и они с новым взрывом воодушевления ударили по врагам. Кельты же никак не могли понять, как все произошло, и, не предполагая, что над ними всего восемь человек, обратились в бегство.

Вечером как бы заново рожденный Элули сидел в кругу соратников и рассказывал о своем чудесном спасении:

— Мы ощупывали землю шестами, и все шло благополучно, как вдруг подо мной снег провалился, и я с быстротой водопада полетел в пропасть, ничего не видя и не слыша. Вслед за мной обрушились снежные массы, и мои товарищи полетели туда же. Сколько времени я лежал без сознания под белым холодным покровом, я не знаю; когда же я очнулся, то стал работать руками, и мне удалось высвободиться. К своей невыразимой радости я увидел, что в нескольких местах снег тоже шевелится. Мы стали перекликаться, и наконец нам удалось высвободиться окончательно из-под снега. Не доставало одного, и мы предположили, что он

стоял на твердой земле и не упал. Раз вы утверждаете противное, значит, он умер с голоду или замерз; вероятно, его слишком глубоко засыпало... Никто из нас не был ранен, но мы не имели представления ни о том, где мы, ни чем мы будем питаться, ни как выберемся из этой пустыни и отыщем путь к вам. Мы осторожно пошли наудачу, провели ночь в пещере, тесно прижавшись друг к другу, а на следующий день набрали на одинокую хижину; там отдохнули, подкрепились пищей, найденной там, взяли с собой про запас и двинулись вперед, пробираясь к вершинам и прислушиваясь, не обнаружится ли чем-нибудь ваше присутствие... Услышав вчера шум сражения, мы бросились в этом направлении и сегодня с гребня увидели внизу кельтов, а под ними и вас. Вне себя от радости мы закричали, и вот мы опять с вами!

Велика была радость по случаю возвращения товарищей, которых считали уже погибшими, а через несколько дней пунийские войска достигли высшей точки своего пути. (Это был Малый Сен-Бернар, 6792 футов над уровнем моря). Войска расположились лагерем и решили отдохнуть два дня, чтобы отставшие могли нагнать, а ослабевшие набрались бы сил.

Наиболее трудная часть пути была пройдена, но никто и не подозревал, какая опасность грозила величайшему из сынов Карфагена здесь, в царстве облаков.

Наступила ночь, и все было объято сном: утомление пути сказалось и на сильнейших.

После полуночи облака скрыли месяц... В ущелье ближней горы зашевелилась человеческая фигура, проскользнув вперед, острым взглядом дикаря пронизала ночной мрак, различила форпосты и наметила на неровной земле путь, где можно проползти незамеченным.

Это был огромного роста кельт. Он в течение всего дня изучал пунийский лагерь, оставаясь сам незамеченным. Бросившись на землю, он пополз, как змея, между сугробами и камнями, пробираясь между постами все дальше, пока не очутился у цели. Он все время приподнимал голову, прислу-

шивался и озирался, не шевелится ли кто-нибудь; у палатки Ганнибала он приостановился еще раз, чтобы убедиться, все ли спокойно, и исчез в ней.

Сын Гамилькара не старался поражать своих подчиненных роскошью и блеском; его значение покоилось на убеждении воинов, что он лучше всех; он не нуждался в почетном карауле, потому что он был Ганнибал! И что ему почетный караул, когда у него двадцать тысяч преданных ему воинов, готовых за него пожертвовать жизнью!

Однако дабы всякий мог в любой момент найти вождя, над его палаткой днем на высоком шесте развевался флаг, а ночью зажигался фонарь.

Кельт проскользнул в палатку и притаился, прикинув к земле и не шевелясь. Только убедившись, что все спит мертвым сном, он тихо и осторожно поднялся и выпрямился во весь рост, не выпуская меча из рук. Он смотрел на спавшего перед ним человека: простой плащ служил постелью вождю, который вторгся в страну с многотысячным войском и все сокрушал перед собой.

В эту минуту его жизнь висела на тончайшем волоске, и от воли стоявшего над ним кельта зависело, когда угаснет искра жизни. Острый глаз великана заметил, что около спавшего лежал обнаженный меч. Однако рука Ганнибала не лежала на самой рукоятке, а только подле, так что в любой момент он мог схватить меч. Это было опасно; ведь если Ганнибал не будет убит на месте, а сможет вскочить на ноги, попытается защищаться и будет звать на помощь, тогда, без сомнения, покушавшийся на его жизнь будет схвачен и казнен, и таким образом напрасно пожертвует своей жизнью. За ударом в грудь должен следовать другой удар, чтобы жертва не успела оказать сопротивления. Кельт осторожно нагнулся и тихонько взялся за острие меча, чтобы его оттянуть. Но едва он к нему прикоснулся, как спавший вскочил на ноги и уже с этим мечом в руке приготовился отразить нападение.

Всегда готовый ко всяким неожиданностям, не исключая и ночных нападений, Ганнибал каждый вечер клал свой меч рядом с собой, а чтобы воро-

чаясь во сне, не отодвинуться от него, и чтобы в нужный момент не пришлось искать оружия, а всегда иметь его рядом, он тонкой веревкой привязывал меч к руке; в темноте кельт не разглядел веревочной петли. Ганнибал не знал, в чем дело, но, видя перед собой человека, спросил, что ему нужно; когда же ответа не последовало, в нем шевельнулось подозрение, и, отступив на шаг, он приготовился к защите.

Теперь у кельта не было сомнений в том, что за этим последует; он не хотел умереть мучительной смертью и собственным мечом пронзил себе грудь.

Полководец кликнул своих людей; переводчики допрашивали умирающего, но он умер прежде, чем взошло солнце.

— Смотрите,— говорили между собой пуны,— Ганнибал под особым покровительством великой Тانيت: враги бессильны против него; кудесник на Роне предсказал ведь, что вождь наш придет в Италию и неоднократно разобьет римлян, а пока он с нами, победа нам не изменит.

Перед тем, как начать спуск, Ганнибал повел военачальников на высокое плато и показал на лежащую внизу плодородную долину:

— Взгляните на Италию: там внизу наша цель! Альпы — стены крепости; кто приступом опрокинул стену, тому нечего бояться спуститься за добычей.

Военачальники с радостью рассказали своим воинам о том, что они видели, и солдаты с восторженными кликами: «В Италию! На Рим!» двинулись вниз.

Уже пять месяцев прошло с тех пор, как армия Ганнибала выступила в поход из Нового Карфагена; две недели отнял переход через Альпы; от храброго войска оставалось еще дватцать тысяч пехотинцев и шесть тысяч всадников. Все они обносились, изголодались, были изнурены и плохо вооружены; стройная армия превратилась в орду оборванцев, по виду похожих на дикарей.

Но эти исхудалые, грязные воины были наделены мужеством, которое не отступает ни перед какими лишениями, ни перед какими трудностями. Кто перешел Альпы, тот закален, кто среди веч-

ных снегов, над пропастями, сумел отразить наскоки варваров и противостоять грозной природе, тому римляне не страшны!

Жители долины приветствовали пунов громкими радостными кликами, предложив им лучшее из того, что сами имели. Был конец сентября, очень погожего. Альпы остались позади, и пуны стояли у входа в долину реки Пад (По). Ганнибал решил дать им время хорошенько отдохнуть и оправиться, а обитавшие здесь галлы доставляли своим избавителям от римского ига все, чего они только желали.

ГЛАВА V. УДАРЫ ЛЬВИНОЙ ЛАПЫ

Вся северная Италия была населена переселившимися сюда из Галлии народами кельтского племени, всеми силами стремившимися освободиться от римского владычества. В некоторых местах они открыто восставали и присоединялись к пунам, однако многие не осмеливались на это из боязни мести римлян в случае неудачи.

Ганнибал желал вступить в союз с тауринцами, но они не согласились, и ему пришлось в течение трех дней осаждать их столицу Тауразию (Турин). Город был взят приступом.

Между тем навстречу пунам выступил консул Публий Корнелий Сципион с пятидесятитысячной армией. Он перешел Пад у Плацентии (Пьяченца), построил мост через Тицинус (Тичино) и на другом берегу расположился лагерем. Здесь римляне услышали, что Ганнибал идет им навстречу ускоренным маршем. При этом известии консул собрал свои войска и обратился к ним с такой речью:

— Наконец-то нам удастся встретиться с этими пунами и уничтожить их. Кто они, что дерзают идти на нас? Ведь это у них вы отняли Сицилию, Корсику и Сардинию; они сражаются не от избытка воодушевления, а по необходимости; до начала боя они уже знают, что их ждет поражение. Быть может, вы думаете, что на вас идут герои? Нет! Это лишь тени людей, истощенных голодом, холодом, грязью, измученных, изнуренных борьбой со скалами и камнями... Их суставы поражены морозом, их

члены свело от холода, их оружие заржавело и поизломалось, кони их тощие и хромые... Не с врагом предстоит вам встретиться, а с жалкими остатками вражеской армии!.. Разве не дерзостное безрассудство со стороны этих людей поднимать глаза на римлян? Потому-то при встрече с этим неспособным сопротивляться сбродом, вы должны помнить, что одно ваше появление уже обеспечивает вам победу; вам незачем даже проявлять свою обычную храбрость, достаточно и негодования, какое испытываешь при виде рабов, восставших против своего господина и повелителя под предводительством неистового юноши!

Невдалеке от римлян расположился лагерь Ганнибал. С раннего утра его войско находилось в боевой готовности, а он во главе конного отряда отправился на разведку, надеясь обнаружить слабое место врага.

Нужно было соблюдать величайшую осторожность, потому что во всем войске не было ни одного человека, знакомого с местностью, никто не знал, не помешают ли наступлению ручьи, реки, овраги и ложбины.

Противника одолевали те же заботы: Сципион с отрядом тоже выехал на разведку, и, огибая лесистый холм, оба вождя встретились лицом к лицу.

Оправившись от неожиданности и изумления, они быстро вернулись каждый к своему войску и вступили в бой. У Сципиона было значительное число лучников; он поставил их в авангарде, чтобы помешать врагу подойти слишком близко. Ганнибал встал во главе конницы и медленно продвигался вперед, пока не подошел на расстояние стрелы, затем ринулся на римлян с такой стремительной быстротой, что все смешалось.

Бой разгорался, пуны во главе с Ганнибалом геройски сражались, а нумидийская конница наступала на римлян справа, слева и с тыла...

Римляне не выдержали и побежали. Сципион сохранил хладнокровие, но был ранен копьем и упал с коня. Если бы не мужество преданных телохранителей, он попал бы в руки врагов. Против ожидания римлян пуны одержали блестящую победу.

Римляне вернулись в свой лагерь, а с наступлением темноты перешли Тицинус и у Плацентии переправились через Пад; таким образом река отделила их от пунов.

Вечером, после одержанной победы, Ганнибал собрал своих военачальников и объявил им, чтобы войскам было приказано немедленно ложиться спать с тем, чтобы хорошенько отдохнуть и ранним утром идти на приступ римского лагеря.

Приказ был приведен в исполнение. Ликование и крик, пение и бражничанье прекратились. Не успело взойти солнце, как все полки были опять на ногах; солдаты подкрепились, лошади были накормлены, и армия весело и бодро двинулась вперед. Но птицы улетели из гнезда,— римлян уже не было в лагере. Нужно было преследовать беглецов. Однако мост был снят, а река по-осеннему вздулась; пришлось искать брод.

Наконец, найдя брод и переправившись, Ганнибал стал непрерывно тревожить римлян нападениями и безостановочно преследовать их. А когда они перешли Требию и расположились лагерем на холме, пуны подоспели и раскинули свой лагерь на расстоянии всего трех часов. Для римлян создалось крайне мучительное положение. Близость врага и быстрота карфагенской конницы держала их и днем и ночью под страхом, а между тем Сципион все еще не оправился от полученной раны, что исключало возможность наступления. Тут совершенно неожиданно подоспел на выручку второй консул Тиверий Семпроний со значительным войском. Теперь римляне значительно превосходили числом своего противника.

Что же делал Ганнибал? Он скупал хлеб, занимал города, вербовал сторонников, нанимал солдат к себе на службу и раза два в неделю появлялся перед лагерем Сципиона, насмешливо вызывая его на бой. Семпроний неоднократно извлекал свой меч из ножен и готов был принять вызов, но консул Сципион удерживал его, чувствуя, что ему не справиться с пунами.

— Я не желаю, чтобы год моих полномочий истек напрасно, без славной победы,— настойчиво гово-

рил Семпроний, не знавший еще силы карфагенян, — оставайся ты со своим войском здесь в лагере, а я со своим поступлю, как подобает римлянам!

Во время разведки Ганнибал открыл на восточном берегу Требии ручей, бегущий среди высоких камышей и густого кустарника. Призвав к себе младшего своего брата Магона, он сказал ему:

— Оставайся тут в засаде, чтобы напасть на римлян в подходящий момент; я буду их дразнить, пока они не выйдут из терпения, а тогда приведу их к тебе. Кустарник такой высокий и густой, что в нем легко может укрыться и конный воин; запаситесь пищей и питьем, и будьте начеку. На рассвете подкрепитесь хорошенько, накормите коней и помните, что вам нужны силы и бодрый дух!

Военачальники поставили обо всем в известность свои части; все в войске знали, какой план сражения намечен, и оно завершилось настоящим триумфом.

Под утро нумидийцы подкрепились пищей, накормили коней, в предрассветном сумраке перешли Требию и появились перед римским лагерем. Перебив постовых, они до тех пор раздражали Семпрония, пока он не пустил на них сперва свою конницу, затем ей в подкрепление послал шесть тысяч пехотинцев и наконец бросился сам со всей армией. Нумидийцы недолго держались на месте, стали отступать к реке и снова перешли ее, яростно преследуемые римлянами. Семпроний желал не только победить врага, но жаждал его уничтожить; он не знал Ганнибала и не подозревал, что идет в расставленную ему ловушку.

В день зимнего солнцестояния (21 декабря 218 г. до Р. Х.) стояла холодная погода. Дождь и снег висели в воздухе, почва размякла, ледяной ветер носился по долине... А в погоню за нумидийцами была послана не только конница, но и пехота. Усталые, продрогшие, голодные воины Семпрония подошли к Требии. Вздувшаяся от осенних дождей река поднялась, и ледяная вода доходила пехотинцам по грудь. Когда выходящих на берег римлян стал обдувать резкий ветер, они совершенно окоченели и с трудом держали оружие, и многие, обес-

силев, падали на землю. А нумидийцы отступали, увлекая врага к пунийскому лагерю. Тут-то карфагеняне, все время гревшиеся у костров, сытые, со свежими силами ударили по ним и разбили их наголову.

Балеарские пращники засыпали их градом свинцовых пуль, пробивавших шлемы и латы, а слоны произвели страшное опустошение; когда же римляне поравнялись с местом засады, Магон кинулся на них со свежим отрядом и с громким радостным кличем довершил поражение.

Из целой армии римлян осталось всего десять тысяч человек: одни пали в сражении, другие погибли во время бегства, иных увлекло бурным течением разлившейся реки,— всего погибло не меньше тридцати тысяч! В следующую же ночь Сципион покинул свой лагерь и ушел подальше, чтобы обезопасить себя и своих приближенных.

Пуны и римляне, прежде чем перейти к дальнейшим действиям, должны были переждать зиму.

Но пуны не отдыхали: они вылазками тревожили римлян на зимних квартирах и препятствовали подвозу провианта. В схватке у Плацентии Ганнибал был снова тяжело ранен, но это не помешало ему через несколько дней лично руководить штурмом города Виктумвии, с незначительным отрядом разбить тридцатипяти тысячное войско, взять город и разграбить его.

Затем он двинулся в Лигурию, где климат оказался мягче, а при первых признаках весны направился через горы в Этрурию, иначе говоря, все ближе к Риму. Но тут как будто сами боги вмешались в события и оказали поддержку Вечному городу, не подпустив врага.

Пуны поднимались по северному склону Апеннин, как вдруг разразился страшный ливень, водяные потоки хлестали воинам в лицо, страшный вихрь захватывал их, кружил и опрокидывал на землю, не давая стоять на ногах; они с трудом садились на корточки, подставляя ветру спины, но тут поднялась гроза, от которой дрогнули даже самые мужественные воины. Молнии блистали без перерыва, удары грома следовали один за другим, небо пыла-

ло, люди лишались зрения и слуха. Пуны хотели было раскинуть лагерь, но ураган все сокрушал. Вдруг зашумел град со снегом, и несчастные воины почти обезумели от ужаса; они бросались на землю и, зарываясь под свои покрывала, ждали конца этой бури. Наступил такой холод, что люди коченели в своем промокшем платье, и только немногие, особенно сильные, принялись по окончании непогоды разводить костры, чтобы как-нибудь отогреться. Прошло целых два дня, пока войско настолько оправилось, чтобы спуститься обратно к своей прежней стоянке.

Опустошения, произведенные ураганом, были ужасны; много погибло лошадей и людей, а из восьми оставшихся еще слонов выжил только один, и эта потеря была трудно поправима. Ганнибал думал о том, как бы вернуть войску бодрость, веру в свои силы и убеждение, что, несмотря на удары судьбы, победа возможна.

— Семпроний жаждет подвигов, его легко вызвать на бой,— говорил Ганнибал своему сподвижнику Эзули.— Он снова у Плацентии; мы двинемся туда, вызовем его из-за укреплений, потом начнем притворно отступать, а там повернем и разобьем его. Наши воины нуждаются в победе!

Этот план был точно выполнен. Пуны стали наступать, расположились лагерем в некотором отдалении от Плацентии и старательно укрепились; затем начали делать вылазки, снимать посты и всячески старались вызвать Семпрония на бой.

В течение нескольких дней консул не поддавался искушению, но наконец решился загладить урон, понесенный при Требии; число участвовавших в вылазках было не велико, а он ударил на них со всем своим войском. Римляне храбро сражались, враг должен был отступить, и римляне преследовали его, оттесняя все дальше и дальше, до самого лагеря, который тоже решено было взять.

Задача была не из легких: лагерь был великолепно укреплен, и для защиты его требовался незначительный гарнизон, остальная же часть Ганнибаловой армии отдыхала и выжидающе следила за боем.

В середине лагеря был воздвигнут небольшой холмик, на нем стоял единственный оставшийся в живых слон, и с этой живой башни Ганнибал следил за ходом осады. Натиск римлян стал ослабевать: силы их иссякали, и к вечеру Семпроний приказал отступить.

Едва колонны римлян начали отступление, как раздалась команда Ганнибала, затрубили трубы, раздались боевые клики, пехота из лагеря бросилась на римлян с тыла, справа и слева налетели всадники. Пуны дрались со свежими силами, между тем как римляне были уже утомлены штурмом лагеря.

Конечно, бой оказался неравным, и римляне были разбиты.

Правда, Ганнибал не взял города, но к войску его вернулась уверенность в том, что несмотря на удар судьбы, причинивший им страшный урон в Апеннинах, они могут еще побеждать...

Велики были успехи карфагенского вождя, но переходы и сражения стоили людей, и ряды ливийцев и иберов, составлявших ядро армии, с которой он год тому назад предпринял свой знаменитый поход, заметно поредели. Пополнить войско не представляло большого труда: среди народностей, населявших северную Италию, было много недовольных, из одной ненависти к угнетавшему их Риму готовых встать под знамена Ганнибала. Но на кельтских воинов нельзя было положиться: им были неведомы понятия чести. Они разочаровывались, как только сталкивались со строгой дисциплиной, господствовавшей в войске Ганнибала, готовы были бросить оружие и разбежаться; нередко оказывалось, что они легко идут на подкуп. С грустью пришлось Ганнибалу убедиться в том, что кельтские воины соблазняются римским золотом и готовы покуситься даже на его жизнь... Ему пришлось заботиться о личной безопасности и принимать меры, в которых прежде не было ни малейшей надобности.

Наконец миновала зима; проглянула лазурь, засветило яркое солнце. Пуны опять поднялись с мест, полки благополучно перешли Апеннины и спустились в долину Арно. Ганнибал выбрал путь, где его никто не ожидал. Но он не знал местности, провод-

ники его тоже были мало осведомлены, и в результате на долю пунов выпали такие испытания, перед которыми меркли все ранее перенесенные невзгоды. Войска спустились в сырые низины, потом попали в отвратительную болотистую местность, пропитанную ядовитыми испарениями; в течение трех суток им пришлось идти по сырой топкой земле, всюду выступала вода, негде было расположиться для отдыха, о сне никто не смел и мечтать; в полной амуниции брели воины по болоту, утоляя голод из скудных запасов и не зная, хватит их или нет.

Впереди выступали ливийские и иберийские пехотинцы, надежное ядро войска, за ними шли галлы. На них нельзя было положиться; они боялись трудностей и охотно повернули бы назад, покинув своих товарищей, но Ганнибал предвидел и предупредил это: нумидийская конница преграждала им отступление. Сам Ганнибал ехал на единственном слоне и озирал окрестности, насколько было возможно.

Храбрые воины, они сражались под палящими лучами ливийского солнца, испытали суровость альпийских глетчеров с их ледяными пещерами, неоднократно выдерживали грозу, бурю, ливни, дождь и снег; но то, что им теперь предстояло, далеко не всем оказалось по силам. При этом тяжелом переходе много пало вьючных лошадей, и как только лошадь валилась наземь, к ней бросались ближайшие воины и садились на нее, чтобы хоть немного отдохнуть. Но многие воины падали, изнемогая от усталости, и, не имея сил подняться, погибали ужасной смертью...

Военачальники и все, кому случалось приближаться к Ганнибалу, черпали силы при одном взгляде на него: он как бы передавал долю своего спокойствия и уверенности. В течение нескольких недель у него болели глаза, и, за невозможностью лечения, болезнь усиливалась от гнилых болотных испарений; кончилось тем, что Ганнибал ослеп на один глаз. Друзья были неутешны, а Ганнибал хранил неизменное спокойствие.

— Человек должен покоряться воле богов; недостойно мужа тратить слова там, где ничего нельзя изменить,— говорил он.

Ни одной жалобы не сорвалось с его уст; ослепнув на один глаз, он не утратил мужества и с надеждой смотрел вперед. Выбравшись на сухое место, отдохнув и собравшись с силами, армия снова двинулась в путь.

Ганнибала известили, что один из новых консулов, Фламиний, человек очень горячий, собрал вокруг себя многочисленных юных представителей римской аристократии, жаждавших почестей, славы и наживы.

— Такой противник как раз для меня,— заметил Ганнибал.— Этот смело кинется в битву, он не будет ждать согласия другого консула, а перейдет к наступлению, как только мы его вызовем на бой, а мы воспользуемся преимуществом выбора поля битвы!

Пуны немедленно приступили к осуществлению своего плана. Продвигаясь к югу, они жгли и грабили села, угоняли скот. Разоренные жители в отчаянии бросались к консулу, умоляя защитить их.

— Я защищу вас и отомщу за вас! — успокаивал их Фламиний и немедленно двинулся туда, где хозяйничал дерзкий враг.

Едва узнал Ганнибал о приближении римлян, как стал отступать, увлекая за собой пылкого консула, предполагавшего, что пуны хотят избежать сражения. Римляне не нуждались в поощрении: они нетерпеливо рвались в бой, к победе и к добыче. Недаром же они несли с собой мешки, недаром же за войском следовали телеги и фуры: они предназначались для военной добычи,— на них будут нагружены сокровища, отобранные у карфагенян!.. Римляне не забыли захватить и цепи, чтобы заковать знатных пленников...

Можно представить себе радость римлян, когда разведчики принесли известие, что виден арьберггард пунийской армии: теперь враг не уйдет, и близок день, когда многие разбогатеют!

Чем быстрее двигались римляне, тем проворнее становились карфагеняне; неоднократно они исчезали из виду, пока не оказались на берегу Тразименского (Перуджийского) озера.

Несмотря на усталость после дневного перехода, несмотря на то, что он видел одним только глазом,

Ганнибал сразу взглядом полководца оценил преимущества позиции. Именно здесь можно поставить западню, из которой врагу не уйти. Большое озеро (три часа пути в длину), окруженное горами, узкий вход в долину, — лучших условий нельзя и желать. Ганнибал созвал своих соратников и дал им необходимые указания. Высоты были заняты, Магон с конницей расположился справа и слева над входом в долину и должен был закрыть выход, как только неприятель войдет в долину. Сам Ганнибал с главным ядром армии занял долину между горой и озером. После того, как все приготовления были закончены, раздалась команда: «Ложиться спать!» Через четверть часа установилась тишина; только форпосты бодрствовали, и караулы всматривались в ночную мглу, припадая время от времени к земле, чтобы убедиться, не приближается ли враг.

На следующее утро, когда было еще совсем темно, Фламиний снова двинулся со своим войском за карфагенянами, в надежде напасть на пунийский лагерь и уничтожить врага прежде, чем он успеет оправиться от неожиданности и испуга. Когда консул подошел к Тразимену, уже рассвело, но густой туман окутывал озеро и долину.

Но через час пути передовые конные отряды заметили форпосты Ганнибала, а когда налетевший ветер на мгновение разорвал пелену тумана, перед ними оказались готовые к бою полки. Передовые отряды римлян помчались обратно и донесли о всем, что видели...

Фламиний возблагодарил богов и радостно взмахнул мечом — желанный день настал.

С восторженными кликами римляне бросились вперед, и в ту же минуту с горы, справа, раздался звук пунийских труб, с другой стороны послышался ответный сигнал, еще немного и те же звуки, глубокие и протяжные, донеслись из глубины долины, с тыла прозвучал тот же сигнал, и на римлян посыпался град копий и разных метательных снарядов... За густым туманом врагов поначалу не было видно, но они теперь сбегали с гор, появлялись из ущелий, кололи и рубили. Римляне оказались в отчаянном положении; в десяти шагах ни-

чего не было видно: тут вода, там горы... Нечего было и думать о грамотном сражении, о том, чтобы развернуть строй: всякий сражался с тем, кто был перед ним, и для всех было ясно, что они заперты и окружены; нужно было истребить возможно большее количество врагов,— в этом была единственная надежда на собственное спасение.

Сражение было единственное в своем роде. Гром труб, бряцание оружия, свист стрел, яростные крики сражающихся, вопли раненых, стоны умирающих... И все это в густом тумане, так что никто не видел, где другие, никто не знал, возможно ли спасение. В то время, как люди бесцельно рубились, истребляя друг друга, разразилось страшное землетрясение: дома падали, города разрушались, горы разверзались, но бившиеся у Тразимена не чувствовали, что земля колеблется, не слышали подземного гула, не видели волн, без ветра вздымавшихся на озере: каждый рубил в тумане и, если перед ним был враг, убивал, если друг, становился с ним рядом.

Когда туман рассеялся и выглянуло солнце, римляне увидели всю безвыходность своего положения и стали думать лишь о спасении. Что делать? Они окружены врагами и нечего думать пробиться, остается лишь озеро. Многие бросали свое оружие и кидались в воду, надеясь переплыть,— но озеро было шириной в час пути, и волны высоко вздымались. Спасти удалось лишь тем, кому посчастливилось незаметно в тумане прошмыгнуть между врагами или проскользнуть через ущелье.

Сражение при Тразимене было настоящей бойней! Пятнадцать тысяч воинов с консулом Фламинием здесь обрели свою смерть, и, по крайней мере, столько же было взято в плен. На целый час пути берег был покрыт трупами, которые не дождалась погребения, и пропитанная людской кровью долина скоро была прозвана «полем костей».

Из пленных Ганнибал оставил только настоящих римлян, остальных отпустил без выкупа.

— Идите с миром! — сказал он.— Возвестите у себя на родине, что я пришел не для того, чтобы поработить италийские народы, а для того, чтобы

освободить их от римского ига; я веду войну только против поработителей с Тибра! Кто хочет вернуть себе свободу и самостоятельность, пусть примыкает ко мне!

Теперь необходимо было дать отдых войску, измученному переходом через болота. Переход этот произвел в войске страшные опустошения: пал последний слон, множество лошадей, воины болели и были истощены, — пожалуй, только Ганнибал мог с таким войском одерживать победы.

Время отдыха было использовано для того, чтобы ливийцев вооружить по римскому образцу, разделить на полки и так подготовить, чтобы они могли выдержать и более продолжительное сражение в открытом поле, не пользуясь преимуществами нападающей стороны или засады. А когда армия пришла в боевую готовность, Ганнибал двинулся к Адриатическому морю и впервые за все время пребывания в Италии послал прямое донесение в Карфаген. Отсюда он повернул на юг; для осады Рима его войско, при всей своей храбрости, было чересчур малочисленно.

Ганнибал ошибся в своих расчетах: он думал, что стоит ему, освободителю, появиться, и все подвластные Риму народы возьмутся за оружие, чтобы под его знаменами вернуть себе независимость; так было бы нетрудно освободить всю Италию от римского владычества, но итальянцам не хватило воодушевления. Они свыклись со своим подневольным положением; в укрепленных городах имелись римские гарнизоны, которые, конечно, отомстят, как только Ганнибал уйдет; окончится война, отплывет за море пунийское войско, и римские легионы снова наводнят страну. Для итальянских народов Ганнибал был не вестник освобождения, а непрошенный нарушитель спокойствия, принесший в страну бедствия войны.

Ближних побед тоже не ожидалось — враг не рвался в бой. После сражения при Тразимене весь Рим облачился в траур, оплакивая гибель своих сынов, и жил под страхом внезапного появления Ганнибала. Тогда сенат избрал диктатора, то есть поставил во главе государства правителя с неогра-

нической властью. Он мог, не справляясь с мнением сената, вербовать и распускать войска, заключать мир и союзы и расторгать их; он распоряжался жизнью и смертью граждан; эта полнота власти давала диктатору возможность без промедления принимать любые меры, что должно было спасти город.

На этот высокий пост сенат избрал Квинта Фабия, и лучшего выбора нельзя было сделать.

Избранный прежде всего сознавал, что в качестве полководца не может сравниться с Ганнибалом, и потому заранее отказался от воинской славы, предпочтя путь менее беспокойный, но по-своему хитрый. «Мне его не победить,— рассуждал он,— но я могу мешать ему всюду и становиться у него на дороге; пусть он, сколько хочет, вызывает меня на бой, я не приму вызова; зато, когда истечет срок моей диктатуры, обо мне должны будут сказать, что я ни разу не потерпел поражения». Так и поступил Фабий. Недели шли одна за другой, потом месяцы, лето было в полном разгаре, и Ганнибал все продвигался к югу. Как хищный зверь, выслеживающий добычу, крался за ним на расстоянии одной мили Фабий. Стоило пунам направиться к морю, и римляне спускались с гор и следовали за ними, если же они поднимались в горы, враги пропадали. Ганнибал не мог отважиться на то, чтобы углубиться в неизвестную горную страну, как нарочно приспособленную для засад и нападений.

ГЛАВА VI. ОПАСНОСТИ И ЗАБОТЫ

На отрогах Апеннин пуны расположились на дневку. В соседние деревни были отправлены отряды за припасами; форпосты несли свою обычную службу, а военачальники обозревали местность и знакомились с населением. Один из них, Маттан, направился к горам и через час поднялся на вершину холма, поросшего густым кустарником и с одной стороны ограниченного крутым обрывом. Он внимательно осматривался, прислушивался, прикладывал ухо к земле: не слышно ли откуда шагов, но все кругом было тихо, враги далеко, и он один на этой уединенной вершине. Он не боялся неожиданного нападения, потому что горизонт был открыт, и спокойно прилег в тени кустов.

Но тут с осторожным и рассудительным Маттаном случилось нечто, чего он никак не мог даже предположить: погрузившись в свои думы, он задремал. Сон его, однако, был некрепок, и легкий шорох вернул его к действительности: с другой стороны к кустам приближались два человека. В ту же минуту он выхватил свой меч, но, приготовясь к прыжку, остался лежать и подслушал следующий разговор:

— Здесь открытое место, и к нам никто не подойдет незамеченным, сядем здесь и обсудим все спокойно,— сказал один из них.— Фабий не отваживается перейти в наступление и хорошо делает. Мы десять раз разбили бы проклятых пунов, если бы не Ганнибал: он один нам страшен и непобедим.

Нужно его устранить, и тогда Рим может торжествовать победу. Мы должны постараться отправить его в преисподнюю. Открыто действовать нельзя, но нас уж около двадцати в пунийской армии, и кому-нибудь, верно, удастся вонзить ему в грудь меч!

— Прекрасно, но тут есть над чем призадуматься. Кто отважится нанести удар, тот должен и сам погибнуть. А пуны боготворят своего Ганнибала и, конечно, придумают такую казнь для его убийцы, что меня при одной мысли об этом бросает в дрожь. Я не желал бы испытать на себе ярость их гнева!

— Потому-то и нельзя действовать открыто, днем, когда тысяча глаз следит за тем, чтобы ни один волос не упал у него с головы. Каждый вечер, когда все уже лежат, он обходит лагерь, смотрит все ли в порядке, крадется от поста к посту, чтобы убедиться, насколько постовые бдительны. Тут-то и представляется удобный случай: один из нас должен притаиться в ночной тени и, нанеся удар, скрыться, воспользовавшись темнотой! Ганнибал должен быть принесен в жертву!

Тихо и осторожно поднялся Маттан, не выдав себя ни малейшим шорохом, но из куста с громким криком выпорхнули птицы, и злодеи вскочили на ноги. Одному из них Маттан в ту же минуту раскроил череп, но второй быстрым движением столкнул Маттана в пропасть. Взглянув на товарища и убедившись, что тот успел испустить дух, он сбросил туда же и его тело. Поле битвы было чисто; никто, кроме него, ничего не знал о происшедшем, и он мог спокойно вернуться в лагерь, не возбудив ничьих подозрений.

Когда Маттан ни в этот вечер, ни на следующий день не вернулся в лагерь, его воины предположили, что он по неосторожности зашел слишком далеко и попал в руки неприятеля; они пожалели своего храброго начальника, но объяснили по-своему его отсутствие, и преступник, столкнувший Маттана в пропасть, мог быть спокоен.

Падая с обрыва, Маттан зацепился за выросший среди камней куст и ухватился за него. Через

минуту мимо него пролетело тело изменника, которому он разрубил голову, и упало на самое дно пропасти; стоявший над обрывом второй изменник скоро удалился, и все стихло. Оправившись от первого испуга, Маттан обдумал свое положение и, увидев, что мог бы скорее спуститься вниз, чем подняться наверх, сделал попытку в этом направлении. Но он был настолько взволнован, что весь дрожал, ноги его не слушались, и он сорвался. Однако и на этот раз ему посчастливилось, он остался цел, хотя все тело у него болело, и он, не будучи в силах искать выхода из пропасти, провел ночь рядом с мертвецом.

Солдаты могли примириться с исчезновением своего предводителя, но Ганнибал думал иначе:

«Маттан слишком осторожен, чтобы попасть в руки римлян; с ним, верно, случилось несчастье!»

На рассвете следующего дня человек сто собрался в путь, разбрелись во все стороны и, громко призывая пропавшего, принялись за поиски. Через некоторое время подошли они к пропасти, и Маттан откликнулся на их зов слабым голосом.

Не без труда воинам удалось добраться до него через горные ущелья и овраги и перенести в лагерь.

Маттан ни слова не сказал Ганнибалу о том, что он слышал. Когда же он несколько оправился, то созвал других военачальников и рассказал им об ужасном замысле.

Как сказать великодушному мужу, с детства выросшему в армии, двадцать лет делившему с ней горе и радость, что среди людей, которым он доверяет, есть предатели? А между тем нужно защитить его от опасности. Какая участь постигла Гамилькара и Газдрубала! И что пережил он сам на снежных альпийских вершинах! Одно казалось очевидным: при свете дня убийцы не осмелятся напасть на вождя; опасность ему угрожает во время его вечерних и ночных обходов,— это Маттан слышал собственными ушами.

Нумидиец Калев, учивший Ганнибала-мальчика ездить верхом, с годами выслужился и теперь был одним из военачальников.

— Мне пришла в голову одна мысль,— сказал он.— Я попытаюсь отклонить Ганнибала от ночных обходов и надеюсь, мне это удастся. Однако пока никому ничего не говорите; если он мне откажет, мы откроем ему всю правду!

Друзья согласились, и Калев поспешил к Ганнибалу:

— У меня есть к тебе просьба, и у тебя не хватит духу мне отказать. Ты должен мне разрешить в течение семи дней совершать за тебя ночной дозор; только семь дней, чтобы каждая из планет взглянула на меня. Не бойся, я ничего не пропущу; у меня острый глаз, я все увижу, и ты останешься мной доволен.

— Я знаю тебя, Калев,— заметил Ганнибал,— я ценю тебя; ведь, ты служил моему отцу, когда я был еще ребенком, но я не пойму, к чему ты клонишь?

— Я видел сон,— объяснил Калев.— Танит и Мелькарт понуждают меня, я не могу, не смею им противиться. Никто во всем войске не должен знать, что ты спишь у себя в палатке; пусть все думают, что ты сам делаешь обычный обход; я каждый вечер буду приходить к тебе в палатку, буду одевать твоё платье, брать твой шлем; постовые будут меня принимать за тебя. Разреши мне это только на семь дней! На меня ведь ты можешь положиться, а я точно и подробно буду тебе докладывать обо всем, что увижу, узнаю или услышу!

— Хотя я не понимаю, в чем дело,— возразил Ганнибал,— но ты мой учитель, мой верный Калев, и у меня нет оснований отказать тебе, я исполню твою просьбу.

Все вышло, как предполагалось. Своим друзьям и товарищам Калев сообщил, что их предводитель согласился временно прекратить свои ночные обходы; но они не подозревали, что Калев заменит его. Солдатам ничего не было сообщено. Калев нес свою службу с умом и рвением осмотрительного старого воина; постовые принимали его за Ганнибала, а он давал ему подробный отчет. Все меры предосторожности были им приняты; он не вкладывал меч в ножны, а только держал его с левой стороны, не снимая правой руки с рукояти.

Наступила уже пятая ночь. Калеб шагал по лагерю, зорко всматриваясь в темноту, чутко прислушиваясь, чтобы не упустить ни малейшего шороха, ни единого звука; однако он не разглядел того, кто притаился во мраке и с быстротой молнии вскочил, как только он прошел мимо. Вдруг старый воин почувствовал, как острое железо глубоко вонзилось ему в спину, и хриплый голос прошептал:

— Это посылает Рим!

Быстро повернувшись, Калеб взмахнул мечом и ранил в ногу убежавшего убийцу.

— Да здравствует Ганнибал! — воскликнул он, падая на землю рядом с изменником.

Лагерь всполошился, и в ту же минуту все были на ногах. Раненых унесли, и благородный Калеб в ту же ночь умер от потери крови. Недаром он сказал: «Я хочу направить на себя кинжал убийцы, чтобы сберечь жизнь того, кого мы все, вместе взятые, не могли бы заменить!»

Теперь военачальники открыто и прямо поговорили с Ганнибалом и тут постигли всю высоту души человека, который стал для них образцом преданности долгу и самопожертвования.

— Пусть Калеб послужит нам примером, — сказал Ганнибал, — я думаю, что и мы не должны прозябать в покое и бездействии, а должны все, от старшего до младшего, положить свою жизнь за родину!

Торжественно, с величайшими почестями погребли Калеба и только после того приступили к допросу раненого. Он видел, что его план не удался, и не стал скрывать своих замыслов.

— Я римский патриций, — сказал он, — и поступил в ваше войско, чтобы удалить с дороги единственного человека, перед которым Рим дрожит. Мне лично Ганнибал не сделал никакого зла, а с тех пор, как я нахожусь среди вас, и я научился уважать его и удивляться ему. Я завидую вам и говорю: будь он римлянин — весь мир был бы у наших ног! Но он наш враг и поэтому должен быть уничтожен. Тебе, Ганнибал, в знак своего глубокого уважения, я скажу одно: если тебе жизнь дорога, садись на корабль и возвращайся в Карфаген, ина-

че ты погибнешь от руки мстителя. В этот раз за тебя пожертвовал жизнью другой; мой последователь окажется счастливее; в твоих легионах много людей, которые разделяют мой образ мысли: не удастся одному, другому, третьему — удастся четвертому. Если ты добровольно не оставишь Италию, ты здесь найдешь свою смерть и никогда больше не увидишь Карфагена!

— Ты меня столкнул в пропасть? — спросил Маттан.

— Нет, — ответил римлянин. — Я даже не знаю его имени, а если бы и знал, не сказал бы!

Речь преступника произвела разное впечатление; одни удивлялись мужеству римлянина, другие презрительно говорили:

— Для строптивых придумана пытка; у нас есть средство заставить его говорить!

Но Ганнибал объявил:

— Тебе ничего не сделают. Ребенком я поклялся в храме Мелькарта всю жизнь бороться с Римом. Твоя ненависть к нам понятна, и ни один порядочный человек не смеет порицать тебя за нее. Правда, мы не подсылаем в Рим или к вам в лагерь наемных убийц, чтобы лишить жизни ваших консулов! Я прощаю тебе, что ты, пользуясь темнотой, хотел сзади напасть на меня; ты — римлянин и можешь делать многое, что недостойно карфагенянина! Тебя вылечат, и ты можешь вернуться к своим; но прежде тебя покажут всей армии, чтобы ты впредь не мог у нас объявиться. Эзули, позаботься о нем!

Великодушие Ганнибала было совершенно непонятно для рядовых воинов, и даже некоторым из военачальников казалось чрезмерным.

— Сын Гамилькара — великий герой, — говорил стрелок Зеруйя, — победитель, выше которого один только царь Давид, но он слишком добр. Царь Давид не церемонился с врагами, он сжигал их в печах, размалывал между жерновами, а не лечил, не откармливал, чтобы отпустить с миром. Впрочем, клянусь перед престолом Всемогущего, этот изменник не сможет больше вредить, не будь я Зеруйя из Иудеи. Я подстерегу его, когда он уйдет! Вы

знаете, что моя стрела без промаха попадает в летящего жука!..

— У нас на Тибре почли бы за счастье назвать Ганнибала римским гражданином,— говорил пленный римлянин Элули.— Я удивляюсь Ганнибалу, но он свысока смотрит на меня, и этого я не могу перенести. Римская честь не ниже пунийской, и я заставлю его меня уважать.

На следующее утро Элули, заглянув к отданному на его попечение пленнику, нашел его повесившимся на перекладине палатки.

Этот случай произвел на Ганнибала сильное впечатление. Ему было тяжело сознавать, что он не может жить по-прежнему, свободно двигаться среди верных людей, но он говорил:

— Если я ношу шлем и панцирь, чтобы защитить себя от ударов в открытом бою, я могу найти способ обезопасить себя от предательского нападения. Нужно сознаться, что мы имеем дело не с одним неприятельским войском, а с целой враждебно настроенной страной!

Ночные обходы были отменены; вместо того Ганнибал ежедневно посылал доверенных людей, которые в разное время во всех углах осматривали лагерь. Кроме того, он велел изготовить себе несколько париков, различных цветов и фасонов, к каждому заказал соответствующее платье, так что его иногда не могли узнать даже те, с кем он ежедневно встречался. Но к переодеванию прибегал он только в крайних случаях. Чтобы не оставаться одному, Ганнибал должен был держать всегда, даже ночью, в палатке часовых.

Много прошло времени, прежде чем покушение повторилось. Зато в самой армии возникла новая опасность. Лигурийцы, этруски и галлы, служившие в войске, составили заговор на жизнь полководца решив напасть на его палатку и заодно перебить всех военачальников. Но рознь среди заговорщиков была столь велика, что они не только не могли придти к какому-нибудь соглашению, но постоянно ссорились и вздорили между собой, выдавая друг друга.

Никакие силы в мире не могли воспрепятствовать убийцам и изменникам проникать в войско:

оно нуждалось в наемных воинах, а на них нельзя было полагаться.

Положение было в высшей степени затруднительное; Ганнибал перешел Апулию с севера на юг, предлагая жителям городов и деревень свою дружбу и союзничество; но они не соглашались. Припасы приходилось добывать силой, и вслед войску Ганнибала кричали: «разбойники».

Между тем Фабия нельзя было вызвать на бой. Когда же пуны повернули в Самниум, он направился туда же, не спускаясь в долину.

Так миновало лето (217 г. до Р. Х.), наступила осень, и Ганнибал повернул в плодородную Капуанскую долину, рассчитывая там без труда запастись припасами на всю зиму; оттуда он двинулся к северу, намереваясь перейти через горы по уже известному ему пути. Когда Фабий узнал об этом плане неприятеля, он обратился к своим помощникам с такими словами:

— Настал наш час; теперь мы их уничтожим; судьба наших врагов в наших руках, и мы приготовим им мертвое поле, подобное Тразименскому!

Фабий занял высоты перехода, послал начальников конницы с четырьмя тысячами всадников на единственный путь, по которому пуны могли пройти, и стал ждать исхода.

Прошло дня два, а карфагеняне не показывались. Тогда диктатор обратился к начальнику конницы Манцию:

— Спустись с четырьмястами своих лучших всадников в лес и выследи, что они делают; но я приказываю тебе держаться на таком расстоянии, чтобы быть в безопасности, и ни при каком условии не вступать в битву.

Манций спустился в долину, оставил свой отряд в лесу и один выехал на равнину. Врага нигде не было видно, только в одной деревне ему навстречу попался мародер нумидиец, которого он и приколол без дальних разговоров.

«Прекрасно,— подумал он,— для начала недурно!»

Немного дальше в поле он увидел еще одного, который угонял скот. Манций убил и этого. Заме-

тив еще нескольких африканцев, он вызвал своих всадников и приказал им переловить этот сброд.

Однако это оказалось не так легко, как он думал: нумидийцы дали сигнал, собрались и быстро кинулись на левый фланг, ударили на врага и отступили, чтобы броситься на правое крыло, вырваться из строя несколько человек и снова исчезнуть. Во время этой перестрелки нумидийцы отступали все дальше, увлекая врага к своему лагерю, куда уже заранее был послан вестник.

В лагере высоко на телеге стоял человек с одним глазом и озираал равнину. Сотни храбрых всадников на горячих конях нетерпеливо следили за ним. Вот он поднял палец, и они вихрем понеслись на врага, немилосердно его истребляя, не давая ему даже опомниться. Увидел Манций, что он попал в ловушку, заготовленную Ганнибалом, повернул коня, и за ним все его воины помчались к лесу. Однако карфагеняне оказались лучшими наездниками; два часа продолжалась дикая погоня: вся дорога была усеяна трупами, Манций тоже пал. Не доходя до гор, пуны повернули обратно, чтобы самим не попасть в западню.

Когда Фабий услышал от случайно спасшихся скорбную весть, он заметил:

— Пора уж всем знать уловки пунов; в них все искусство Ганнибала; благодаря засадам, он победил при Тицинусе, при Требии, у Тразимена и теперь здесь; но на этот раз он попадет в западню, от которой его не избавят никакие боги!

Для пунийских разведчиков не представило большого труда узнать план диктатора, но трудно было его разрушить. Тогда Ганнибал отдал приказ, чтобы двести человек собрали по десяти охапок соснового хвороста, затем из соседних деревень согнали две тысячи быков и стали ждать наступления темноты. Каждый точно знал, что ему делать. Быков поставили перед войском, привязали хворост к их рогам и в полночь зажгли. Напуганные огнем, разъяренные от боли и погоняемые копейщиками животные помчались вперед на горы.

При виде огней, несшихся на гору со всех сторон, римляне были объаты ужасом; на них надви-

галось целое море огня, ужасный вой и рев оглашали ночную тишину, словно духи гор очнулись и решили истребить всех, кто осмелился проникнуть в их царство. Когорты бежали все выше и выше, в горы; а за ревущими быками продвигались отряды пунов, занимая высоты с обеих сторон прохода: наконец проход был освобожден, и Ганнибал провел по нему все свое войско.

Наутро Фабий увидел, что именно произошло: внизу в долине весело и спокойно двигалось пунийское войско, которому удалось достигнуть укрепленного города Герония.

Это место было прекрасно приспособлено для зимних квартир. Ганнибал предложил жителям свою дружбу и союз и объявил, что готов предоставить даже заложников. Когда же они враждебно отклонили все попытки к сближению, он заметил: «Кто не хочет добровольно,— того заставят», и, осадив город, взял его приступом. Самые большие здания были обращены под склады для припасов, а неподалеку от города расположился огромный лагерь.

Вскоре явился и Фабий и раскинул свой лагерь на холме между Геронием и морем. Диктатор не мог оставаться сам при армии: торжественные жертвоприношения требовали его присутствия в Риме, и он передал командование армией своему законному заместителю — начальнику конницы Минуцию, серьезно увещевая его не пускаться в рискованные предприятия.

— Полагайся только на свою предусмотрительность, а не на счастье! — говорил он. Но Минуций не внял его советам, — он не сочувствовал такому способу ведения войны и жаждал подвигов.

Обстоятельства ему благоприятствовали: Ганнибал заботился прежде всего о сборе зерна и корма в достаточном количестве, чтобы хватило на зиму для людей и скота. С этой целью он отправил две трети войска в глубь страны, оставив только одну треть для защиты лагеря. Таким образом наличное число воинов в лагере было незначительно, а остальные были слишком далеко, чтобы прийти на помощь в трудную минуту

Неподалеку от римского лагеря возвышался небольшой холмик, и Ганнибал приказал нумидийцам ночью занять его. На следующее же утро, как он и предвидел, Минуций двинулся со всем войском, взял холм приступом и преследовал нумидийцев до пунийского лагеря. Тогда выступил Ганнибал и заставил римлян отступить.

Сражение еще не кончилось, как подоспели пунийские конные разведчики с донесением:

— Фабий идет во главе сильного войска пехоты и конницы, — они уже близко!

Но это был не сам Фабий, а посланное им подкрепление из восьми тысяч пеших и пятисот конных воинов.

Карфагеняне не желали оказаться между двух огней, прекратили сражение и отступили в свой лагерь. Обе стороны потеряли несколько тысяч убитыми.

Минуций отправил в Рим гонцов, и они преувеличили успехи победы.

«Победа! Великолепная победа! — гласило донесение. — Мы разбили пунов, штурмом взяли гору, на которой они укрепились; испуганный враг обратился в бегство, оставив тысячи убитыми. Если бы он не прервал сражения, война была бы, быть может, кончена. Мы — прежние римляне, нам только не доставало настоящего вождя!»

Народ ликовал. Радостные возгласы раздавались на улицах. Сенат разделял общее настроение и объяснения Фабия встречал насмешками. Злейшим врагом Фабия был Теренций Варрон, сын мясника, получивший от отца в наследство большое состояние и приумноживший его, благодаря неразборчивости в средствах. Путем подкупов он получал одну за другой государственные должности и теперь, в надежде получить в следующем году консульство, льстил слабостям толпы. Было постановлено предоставить диктаторские полномочия начальнику конницы, несмотря на то, что не может быть двух лиц с неограниченной властью

Фабий и Минуций поняли это и разделили армию поровну, дабы каждый мог со своей половиной делать, что ему заблагорассудится.

Ганнибал с радостью наблюдал, как римляне расположились в двух лагерях.

Местность была безлесная, довольно ровная; только цепь отдельных холмов — отроги главного хребта — уходила внутрь страны. Во время своих разведок Ганнибал открыл, что склоны некоторых холмов причудливо изрезаны ущельями и глубокими пещерами. В сумерки он отправил туда пять тысяч воинов, а отряду легкой конницы приказал занять холм, находившийся поблизости от римского лагеря.

Он не позволил бы себе такого маневра в отношении спокойного, медлительного Фабия, но Минуций — иное дело: он жаждет триумфа и потому должен погибнуть.

К холму, занятому пунами, понеслась легкая римская кавалерия, за ней следовали тяжеловооруженные конники. На помощь пунам подоспели всадники в латах. Минуций выслал своих пехотинцев, Ганнибал своих; наконец римский полководец двинул свои главные силы, то же сделал карфагенянин. Победа, однако, не склонялась на сторону римлян, они были оттеснены, а тут еще, словно из-под земли, выросло пунийское подкрепление, пять тысяч пеших и конных воинов. Началось ужасное смятение, страшная резня и дикое бегство воинов Минуция.

Фабий из своего лагеря видел отступление римлян и выслал опытных разведчиков. Они вскоре вернулись на взмыленных конях и донесли: «Все кончено! Конные оттеснены и топчут пеших, смерть и гибель среди наших легионов, обращенных в бегство!»

— Мы не можем оставить их без помощи, — заметил Фабий. — Живо! К знаменам!

Конница помчалась вперед, за ней спешила пехота: Минуций бросился к своим, и Ганнибал вынужден был отступить; сражение окончилось с большими потерями для римлян.

Минуций теперь понял, что он не годится для роли главнокомандующего, перешел со своим войском в лагерь Фабия и добровольно подчинился тому, кто, хотя и не мог победить Ганнибала, но не был еще ни разу им разбит.

Время серьезных сражений подходило к концу: погода испортилась, пошли дожди, дороги стали непроходимы,— настала пора зимнего отдыха.

Ганнибал окружил свой лагерь глубоким рвом, который наполнился водой, возвел высокие окопы, обезопасив себя на случай неожиданного нападения. Впрочем, он придумал такую систему шпионажа, что был всегда хорошо осведомлен о всех крупных предприятиях врага: у него были шпионы в римском лагере и даже в самом Риме, и он знал все, что там происходит.

Между тем и неприятель готовился к зиме. По закону диктатура не могла длиться больше полугода; шесть месяцев истекло, и Фабий сложил свои полномочия. Но его преемники также избегали столкновений с Ганнибалом, будучи заранее уверены в своем поражении.

ГЛАВА VII. КАННЫ И КАПУЯ

Миновал год, и в Риме предстояли новые выборы. Теренций Варрон, способствовавший назначению второго диктатора, всеми способами добивался консульского поста. Благодаря богатству ему удалось обеспечить себе большинство голосов на первых выборах, но на вторых патриции провели своего кандидата — Люция Эмилия Павла. Стоявшие теперь во главе государства консулы были убежденными противниками. Вновь набранные легионы они объединили с действующими и условились ежедневно чередоваться в командовании. Однажды против бродячих шаек пунов консулы выслали значительные силы, за ними послали новые легионы, пока наконец Павел, — в этот день он был главнокомандующим, — опасаясь засады, не приостановил дальнейшее продвижение войск. Варрон шумел и кричал, что нельзя выпускать врага из рук, но ему пришлось смириться.

Ганнибал в этот раз потерял свыше тысячи человек, но надежда его не покидала. Раз противники готовы вступить в бой, можно думать об окончании войны. Ганнибал только этого и желал; с каждой неделей его положение становилось все хуже. Для армии требовались огромные запасы продовольствия; с каждым днем они таяли, а пополнять их было нечем.

Консульские войска также должны были здесь искать себе продовольствие. Положение казалось весьма тревожным: поблизости все было использо-

вано; местное население попряталось или разбежалось, а до следующей жатвы было еще далеко. Но римляне могли получать все необходимое из столицы, а карфагеняне были лишены всякой помощи.

Скоро дошло до того, что запасов осталось всего на десять дней. В войске, среди наемников, слышался ропот; они говорили, что если нечего будет есть, они перейдут на сторону римлян. В прежние годы Ганнибал просто прогнал бы недовольных. А теперь разве он мог это сделать? Они без дальних разговоров ушли бы к его врагам и на несколько тысяч увеличили бы их легионы.

В эту трудную минуту сказался блестящий ум Ганнибала.

— Сегодня выдайте солдатам двойной паек,— приказал он.— Пусть они досыта пьют и едят, будут веселы и бодры!

Приказание было исполнено. Воины сходились кучками и спрашивали друг друга, что это значит. Никто не мог им ответить. Когда стемнело, и в лагере зажглись огни, половина войска вдруг получила приказ сниматься и готовиться к походу. Остальные продолжали пить, есть и шуметь. Через полчаса был отдан приказ и остальным готовиться к походу, а еще через полчаса раздалась команда, всем ложиться спать.

Постовые ходили взад и вперед, усердно подкладывая дрова в костры; военачальники осматривали лагерь, чтобы убедиться, все ли в порядке. Все было тихо: после бурного дня воины улеглись и заснули. Прошло часа два, и без сигналов, без тревоги войско было разбужено и выступило из лагеря.

Пешие не смели идти в ногу, копыта лошадей были обернуты дерном, под страхом тяжкого наказания было запрещено разговаривать; полки шли на значительном расстоянии друг от друга... Все совершилось так тихо, что неприятель даже ничего не заподозрил. Всю ночь горели костры. А когда под утро в лагере пунов все оставалось по-прежнему тихо, и он казался опустевшим, консул Варрон заявил:

— Ганнибал хочет заставить нас думать, что он ушел, а на самом деле он где-нибудь в засаде; стоит только нам проникнуть в его лагерь, и он бросится на нас с тыла. Мы знаем его фокусы. Он ставит нам западню, но мы разыщем его и, так как нас вдвое больше, окружим и накроем волка в логове!

Лучшие разведчики ничего нигде не могли обнаружить, и когда наконец с величайшей осторожностью римляне отважились войти в пунический лагерь, Варрону пришлось убедиться, что лагерь опустел, и враг исчез. Всадники рассеялись по окрестностям и увидели вдали всю армию пунов, направляющуюся к югу; тотчас же было решено преследовать врага и не давать ему отдыха. Однако прошло много времени, прежде чем римская армия действительно могла сняться с места.

Между тем пуны дошли до южной Апулии, перешли реку Ауфидус (Офанто) и очутились в прекрасной плодородной стране. Тут лежал разрушенный во время прежней войны город Канны и при нем хорошо сохранившаяся крепость, которой римляне пользовались как складом и сосредоточили в ней огромные запасы продовольствия. Совершенно неожиданно Ганнибал появился под стенами города, и, прежде чем слабый гарнизон успел оказать сопротивление, пуны уже овладели городом, и римляне лишились своих хлебных запасов.

Теперь у Ганнибала были в избытке всевозможные продукты, и он находился в плодородной стране, удобной к тому же для военных действий: совершенно гладкая, ровная местность была точно приспособлена для карфагенской конницы.

Благодаря своей редкой наблюдательности, вождь пунов через несколько дней уже подметил, что господствующие здесь юго-восточные ветры несут на северо-запад пыль и песок, и потому расположил свой лагерь так, чтобы римляне не могли раскинуть свой на юго-запад от него, а должны были бы расположиться на противоположной стороне; тогда, в случае столкновения, ветер понесет им в глаза пыль и песок.

Зима миновала, наступила чудесная весна 216 г. до Р. Х. Римляне подошли, расположились на бе-

регах Ауфидуса, и тотчас же начались мелкие стычки: каждая сторона старалась задеть другую при встречах у реки, куда и те, и другие ходили за водой. Так шли дни и недели. Осторожный Павел довольствовался этими наскоками, но пылкий Варрон жаждал решительного боя и победы. Того же требовало и войско: римлянам хотелось померяться силами с варварами. Учитывая такое настроение, Варрон объявил однажды под вечер, что на следующий день он перейдет в наступление, дабы положить конец войне.

В тот же день, после заката солнца, Ганнибал в платье простого воина отправился с несколькими ливийцами на реку за водой: он довольно часто предпринимал эти прогулки, чтобы ознакомиться с настроением неприятеля.

На этот раз он заметил, что римляне как-то особенно высокомерны и заносчивы; тогда он стал вызывать неприятеля на решительный бой. Число римлян, находившихся вблизи, было слишком незначительно для нападения, и они крикнули: «Завтра мы вас всех уложим!..» А когда Ганнибал презрительно крикнул им в ответ: «Вы не посмеете!», — те снова пригрозили: «Подождите! Завтра мы вам покажем, как бьются римляне!»

Этого было достаточно. Ганнибал велел своим людям рано лечь спать, чтобы пораньше встать, подкрепиться пищей и питьем и до восхода солнца начать бой.

Варрон, в свою очередь, готовился к решительному бою, и его войска на заре были вполне готовы; всех воодушевляла радостная надежда на победу, так как тут не было ни пещер, ни ущелий в которых неприятель мог бы укрыться, ни одного холмика на горизонте, ни одного ручья. На открытой равнине можно развернуть строй, использовать свое боевое уменье.

Кроме того, у Варрона было почти девяносто тысяч воинов, а карфагеняне не насчитывали и пятидесяти тысяч, и самый злейший враг не мог бы отказать римлянам в храбрости, в уменье сражаться и побеждать. Со времен Ромула и своего основания, Рим никогда еще не выставлял такого большо-

го, так хорошо вооруженного войска; сегодня на бой шли представители знатнейших римских родов, цвет аристократии.

Воины перешли реку, обе консульские армии соединились и в боевом порядке выстроились против неприятеля. Середину занимала хорошо вооруженная пехота, правое и левое крыло составляла конница, перед строем стояли пращники, лучники и копейщики. Эти легкие отряды открывали сражение и вели его, пока оно не переходило в рукопашный бой. В таком же порядке были выстроены полки Ганнибала. Одним крылом обе армии подходили к реке. Еще до начала сражения выяснилось, что внешние условия не одинаковы для враждующих сторон. Сильный юго-восточный ветер гнал песок римлянам в лицо, а пунам в тыл; по мере того, как солнце поднималось, оно слепило римлянам глаза, между тем как пуны от него не страдали.

Раздался трубный клич, за ним последовала команда, и бой начался. В самом же начале сражения камень пращника ранил в голову консула Павла, командовавшего правым крылом всадников. Отерев струившуюся по лицу кровь, он храбро помчался вдоль реки на вражескую конницу. Однако пунийские наездники превосходили римских, и те вынуждены были отступить. То же было и на другом фланге. Зато в центре разворачивалась иная картина. После выступления пращников и стрелков пунийская пехота быстро врезалась в ряды противника, но после первого же натиска была отброшена далеко назад. Римляне с радостной надеждой предвкушали миг, когда враг будет разделен и легко станет их добычей. А в том месте, где ряды пунов были разорваны, на коне возвышался сам страшный Ганнибал! Что он должен был испытывать в эту решительную минуту?!

Он подал знак; находившиеся около него горнисты протрубили сигнал, который разнесся по рядам до крайних пределов войска, в ту же минуту загрели трубы всадников, раздался топот десяти тысяч коней, и оба крыла широко развернутым фронтом устремились к центру, разя римлян с двух сторон и с тыла. Судьба сражения была решена.

Долго длился еще геройский, отчаянный, упорный бой, но исход не оставлял сомнений. Тысячи римлян, среди них много бывших консулов, как и их начальник Минуций, своей кровью запечатлели свою верность отечеству, а тысячи бежали с поля битвы. Римляне потерпели ужасное, небывалое поражение; они потеряли семьдесят тысяч человек, из них восемьдесят сенаторов, двадцать военных трибунов, много видных должностных лиц и членов знатнейших фамилий. В этой битве погиб и Павел Эмилий.

А в пуническом лагере другой герой окончил свой жизненный путь в битве при Каннах: окруженный двумя десятками врагов, сраженных его мечом, лежал Бодашторет. Маттан на коленях склонился над ним, стараясь задержать отлетавшую жизнь. К умирающему подошел Ганнибал и, протянув ему руку, сказал:

— Бодашторет, отцу и тебе я обязан тем, что я есть и что я делаю; ты с детства учил и воспитывал меня; твоя заслуга в том, что мне удалось сделать, в том числе и в сегодняшней победе. Карфаген благодарит тебя!

В глазах умирающего блеснул луч счастья, он прижал ко лбу руку победителя и скончался.

В битве при Каннах Ганнибал взял свыше пяти тысяч пленных и огромную добычу оружием и драгоценностями. Ликованию пунов не было конца, и более молодые военачальники держались мнения, что нужно немедленно идти на Рим, захватить его врасплох и через пять дней в Капитолии диктовать условия побежденным. Чем, в сущности, рисковали молодые военачальники? Только своей жизнью, больше им терять было нечего, но Ганнибал рисковал счастьем Карфагена, а его он не смел ставить на карту. Он был гораздо дальновиднее, чем его подчиненные: если бы он предпринял это наступление, население со всем имуществом заперлось бы в укрепленных городах, предав огню дома и села, и Ганнибалу пришлось бы идти по пустыне, а Рим в это время успел бы прекрасно подготовиться. Все жизненные припасы с окрестных сел будут сосредоточены в Риме, и осаждающие принуждены будут погибнуть с голоду. Вооруженные толпы рабов и поселян

вышли бы пунам навстречу и подавили их своим количеством: войско Ганнибала казалось бы против них горсткой. Если пуны потерпят под стенами Рима поражение, все от мала до велика сбегутся из окрестных сел и городов и буквально истребят их. Если даже победа останется за ними, и они штурмом возьмут город, что будет стоить по крайней мере половины войска,— это не исключит новой опасности. Улицы в Риме кривые, узкие, дома высокие, жителей сотни тысяч, и бой при этих условиях был бы ужасен: храбрый воин мог бы легко погибнуть от руки слабой женщины, ей стоит только бросить сверху камень ему на голову.

Предположим, что Ганнибал даже победит с остатками своей армии, но со всех сторон, из Сицилии, Сардинии и Корсики, из Иберии и Галлии, с берегов Пада стекутся римские легионы, и ему придется погибнуть с голоду или сдать в плен, потому что уничтожить эти полчища ему не по силам. Ближайшие недели подтвердили правильность его предположений. Для осады города нужно было бы иметь в распоряжении гораздо большее войско, а это было бы возможно только при том условии, если бы пуны владели гаванью, через которую им был бы обеспечен приток войск из-за моря.

Ганнибал пересек Апулию и Самний, дал часть армии своему брату Магону и поручил ему идти в Бруттий, а оттуда через южную Италию и Регий поспешно направиться в Карфаген, чтобы там лично изложить положение дел и вернуться с подкреплением. Сам он тем временем проник в Кампанию и форсированным маршем направился к Неаполю, в надежде овладеть необходимой гаванью. Однако условия оказались еще более неблагоприятными, чем он предполагал. Город был обнесен высокими крепкими стенами: быстрым штурмом взять его было нельзя, а на длительную осаду Ганнибал не мог решиться, потому что неприятель угрожал ему с тыла.

— Попытаемся захватить их врасплох,— сказал он своим приближенным, наметил план и начал его осуществлять...

У самых городских стен дерзко и вызывающе сновали вразброд нумидийцы, спешивались, располагались для дележа добычи, словно врага и совсем не существовало, несмотря на то, что сотни римских воинов стояли на стенах и наблюдали за ними.

— Взгляните на этих варваров! — говорили патриции. — Они даже без лат, одним ударом их можно разрубить до костей, а они еще имеют дерзость вести себя так, как будто нас и вовсе нет. Они смеются над нами, показывают нам награбленное добро. Живо вперед! На вылазку! За это они поплотятся!

Мгновенно ворота распахнулись, и сотни великолепно вооруженных всадников с громкими криками бросились из города и, конечно, искрошили бы всех нумидийцев, если бы те с быстротой молнии не вскочили на коней и не скучились. Отбиваясь от врага, они все отступали, и вдруг в воздухе засвистели стрелы, копья, и навстречу римлянам понеслись новые отряды всадников с обнаженными мечами...

Неаполитанцам пришлось повернуть обратно, но от города их отрезала опередившая их неприятельская конница; слева, справа, с тыла — всюду пуны. Спасенья нет, единственный выход — море! Вихрем понеслись они к морю, но большинство погибло, не достигнув берега; только незначительная часть спаслась на рыбацких лодках, выйдя в открытое море. Многие попали в плен.

Хитрому вождю пунов удалась и эта уловка, недаром же он мастерски умел устраивать ловушки неприятелю; но серьезных результатов этот успех не имел, — город был хорошо укреплен, и нападение было невозможно.

Ганнибалу нужно было поискать удачи в другом месте, и он обратил свое внимание на город, лежащий всего в десяти часах пути у подножия горы Тифата, в расстоянии не более одного часа от реки Волторно. Великолепная Капуя, по справедливости, занимала первое после Рима место. Эти города постоянно соперничали за первенство, и капуанцы утверждали, что их город гораздо более достоин быть столицей, хотя в настоящее время и занимает подчиненное положение.

Когда Ганнибал приблизился к Капуе, настроение в городе приподнялось.

— Хорошо! — говорили жители.— Откроем ему ворота: пусть он здесь обоснуется и низвергнет могущество Рима, тогда Капуя займет подобающее ей место!

Однако, стремясь сбросить одно иго, капуанцы отнюдь не желали заменить его другим. К карфагенскому вождю отправили посольство, чтобы заключить с ним формальный договор. Ганнибал охотно согласился и поставил следующие условия: город сохраняет свое правительство и свои законы, граждане никоим образом не подчинены пунийским военачальникам, и никто, помимо личного желания, не будет принуждаем к военной службе.

Как только в городе узнали о соглашении, все возликовали,— военная служба составляла самую тяжкую повинность. Тысячи людей с песнями и криками высыпали на улицы; но толпа не ограничилась таким невинным выражением своей радости: пылая жаждой мщения, она схватила римских чиновников и заперла их в бани, которые топили до тех пор, пока несчастные не задохнулись от жары. На этих римлянах раздраженная толпа выместила всю злобу, накопившуюся из-за небрежности и произвола римских властей.

За городскими стенами Ганнибал раскинул свой лагерь и там разместил армию, а сам с небольшим отрядом и со свитой своих сподвижников торжественно въехал в ликующий город. Мужчины, женщины и дети устремились ему навстречу, теснились, чтобы увидеть знаменитого полководца, смирившего римлян, и были счастливы, если им удавалось коснуться его ноги или хотя бы погладить его коня.

Но полного единодушия в настроении капуанцев не было: среди богатых и знатных многие состояли в родственных отношениях с римскими патрициями и, ставя личное благо превыше всего, они были против союза с Ганнибалом.

Среди недовольных особенно выделялся Магий; с самого начала он с подкупающим красноречием выступил публично против передачи города Ганни-

балу. Не встретив у большинства сочувствия, он уже после заключения договора повторил:

— Вы решили пустить их в город, да будет так! Но когда они заснут под вашим кровом, вонзите им в сердце кинжал. Пусть каждый умертвит всех находящихся у него в доме; Рим нас поблагодарит, и мы будем взысканы его милостью!

Граждане с возмущением отвергли подобное предложение, считая низостью убийство человека, которого приняли под свой кров. Но на одного юношу, Пероллу, слова озлобленного Магия произвели сильное впечатление, и он громко и открыто заговорил против союза с Карфагеном. Никакие убеждения отца его, Каловия, стоявшего во главе сторонников Ганнибала, не могли поколебать его решения. Перолла считал подвигом убийство пунов во время сна.

До Ганнибала дошли слухи о несогласиях сына с отцом, и он обдумывал уже, какие меры ему принять, но не хотел поднимать этого дела в день своего въезда в город. Он принял приглашение двух братьев поселиться в их доме и даже согласился участвовать со своими сподвижниками в великолепном пиршестве, которое любезные хозяева устроили в его честь.

Едва Ганнибал расположился на своей квартире, как явился некий гражданин и убедительно просил принять его с сыном. Это были Каловий и Перолла. Накануне тщетно старался отец переубедить сына.

— Я попрошу его простить тебя,— говорил испуганный Каловий,— ты еще молод, ты увлекся дурными речами; он смилуетя и не взыщет с тебя, как со взрослого!

Представ пред Ганнибалом, он не старался оправдать или выгородить сына, он только молил о прощении, и его страх за сына произвел впечатление на победителя. Ганнибал протянул им руки и заметил:

— Все будет забыто и прощено!

Затем он отправился со своим хозяином осматривать город, а когда вернулся к торжественному обеду, сказал:

— Печальный отец и легкомысленный юноша-сын не выходят у меня из головы; пусть они разделят нашу трапезу; это окончательно успокоит отца!

Каловий чувствовал себя счастливым, сидя за столом со знаменитым полководцем, и не беспокоился больше за участь сына.

После захода солнца общество отправилось в большой, расположенный за домом сад, чтобы насладиться вечерней свежестью в густой зелени длинных аллей. Оставшись наедине с отцом, Перолла заговорил:

— Теперь я открою тебе свой план: Рим сумеет его оценить. Смотри,— он откинул свою тогу и показал на скрытый под ней меч,— как только мы вернемся в зал, я подойду к Ганнибалу и ударю его в грудь. Я не промахнусь, потому что никто ни о чем подобном и не подозревает... А раз Ганнибал будет убит, другие не страшны. Таким образом, твой сын не только явится спасителем родного города, но, весьма вероятно, положит конец затянувшейся кровопролитной войне!

— Мой сын! — в ужасе воскликнул отец.— Как ты осмеливаешься думать о столь ужасных вещах?! Всего несколько часов тому назад мы оба жали ему руку и клялись в верности, а теперь наши руки должны обогреться его кровью! Он пригласил тебя к своей трапезе, а ты хочешь его умертвить! Но сначала тебе придется пронзить меня, я грудью защищу его!.. Если в мире есть еще что-нибудь священное, это страшное дело не совершится! Я сегодня просил его за тебя, и он тебя простил, неужели я тщетно буду молить тебя?

Перолла был тронут и не мог противостоять отцу.

— Хорошо, я повинуюсь воле отца, а не голосу долга перед родиной. Не гневайтесь, боги, на меня за то, что я покидаю приют врага, не выполнив своего намерения! Вот мой меч! Сам отец исторг его у меня из рук,— и с этими словами он перебросил свой меч через стену сада.

Таким образом эта опасность миновала Ганнибала.

Без сомнения, взятие такого богатого, видного города, как Капуя, имело очень большое значение;

но в общем положение вещей не изменилось; всеобщего восстания не последовало, один город присоединился добровольно, другой был взят штурмом, от третьего пришлось отступить ни с чем. Но ни новый диктатор, ни новый полководец не шли в открытый бой; они держались тактики старого Фабия и избегали столкновений. Между тем миновал и 216 г., и пуны расположились в Капуе и ее окрестностях на зимние квартиры.

ГЛАВА VIII. ВЕЛИКИЙ ГАННИБАЛ

Магон исполнил возложенное на него поручение в Бруттии, благополучно добрался до Карфагена и, представ перед советом города, с воодушевлением поведал о подвигах своего брата: как тот разбил шесть консульских армий, уничтожил двести тысяч врагов и при Каннах посрамил мощь Рима.

— Хотите представить себе нашу победу? — закончил он.— Хорошо! Римские всадники, по обычаю, носят золотые кольца на пальцах,— вот кольца, которые мы снимали на полях сражений! — и с этими словами Магон высыпал пред изумленными зрителями тысячи колец.

— Мы на пути к полной победе,— продолжал он,— наш вождь приведет нас к цели, и через год знамя Карфагена будет развеваться над Капитолием. Но вы должны знать, что наше войско растаяло, и мы не можем предпринимать серьезных шагов; во-вторых, у нас нет денег для оплаты наемников; в-третьих, войска страдают от недостатка съестных припасов. Поэтому необходимо как можно скорее переправить в Италию новые войска, большие запасы хлеба и достаточную сумму денег. Если это будет исполнено, война быстро и победоносно завершится; в противном случае никто не может поручиться за будущее!

Тут поднялся Ганнон, член Верховного совета, и заявил:

— Я не понимаю, как победоносный вождь может просить о подкреплении. Ему нужны воины?

Людей всюду достаточно,— он может их набрать из городов и сел. Ему нужны деньги и припасы? У него все под рукой,— он должен только уметь брать!

— Да,— возразил Магон,— так думает тот, кто далек от событий. Набранные силой воины, чего они стоят? Они пользуются первым удобным случаем, чтобы бежать или перейти к врагу! Брать деньги и хлеб, значит, жить грабежом. Кто же откроет нам ворота, захочет вступить с нами в союз, если мы разбойники? Союзники, какие нам нужны, не приобретаются силой и принуждением; только в том случае, если им у нас лучше, чем под римским владычеством, они с радостью перейдут к нам, останутся нам верны и будут нас поддерживать!

Верхи правительства хорошо поняли положение дел, и было решено отправить все нужное с Магоном в Италию. Однако снаряжение армии шло очень медленно, а тем временем из Испании пришли печальные вести.

Там, после ухода Ганнибала, положение Карфагена пошатнулось, и Магон получил, по предложению Ганнона, приказ отправиться с войском в Испанию. Для Италии предполагалось набрать другую армию. Однако на этот раз сборы затянулись, и личная вражда и счеты решили участь Карфагена.

Когда лет двадцать пять назад восстало двадцать тысяч наемников, Ганнону было поручено подавить мятеж. Однако дела шли все хуже, и город был близок к гибели. В эту трудную минуту образовали вторую армию, и начальство над ней было возложено на Гамилькара. Ему в короткое время удалось достигнуть больших успехов, и если бы у него было достаточно войска, он одержал бы окончательную победу.

Гамилькар предложил Ганнону соединить обе армии в одну, и тот сразу согласился. Но командующие никак не могли сговориться между собой в деталях, и оба стали просить Верховный совет уволить их в отставку.

Правительство ответило, что уволит только одного, и пусть само войско выберет себе вождя,— ему лучше судить, кому оно больше доверяет.

Как один человек все полки высказались за умного, неутомимого и деятельного Гамилькара, и Ганнон получил отставку. Выбор армии глубоко оскорбил его, и он направил свой гнев на избранного. А Гамилькару не только удалось подавить мятеж, но и одержать еще несколько побед. Гнев Ганнона перешел в страстную ненависть, и благодаря влиятельной родне он мог всегда и всюду препятствовать и вредить своему врагу. По смерти Гамилькара он перенес свою ненависть на Газдрубала, а потом на Ганнибала. И теперь ему было легко затягивать выполнение нужного полководцу решения.

Из Сардинии пришло известие, что народ желает свергнуть господство римлян и готов изгнать их из своих пределов, если только ему окажут поддержку.

— С этого острова,— говорил Ганнон,— мы можем влиять на дела Италии; пошлем вновь набранное войско в Сардинию, там на нашей стороне будет целый народ; это важнее, чем поддерживать Ганнибала!

Хотя граждане и не хотели оставлять без помощи своего полководца, но поддержка Сардинии была делом очень большой важности, и вторая армия была отправлена туда, а для Ганнибала, жаждавшего помощи и поддержки, было решено набрать третью армию. Так прошла зима. Ганнон и его сторонники старались затянуть с подмогой, а когда весной из Италии донесся вопль о помощи, и возмущенные карфагеняне спрашивали, что это значит и почему не принимаются должные меры, то в Италию послали Бомилькара с сорока слонами и с четырьмя тысячами всадников, но пехотинцев в третий раз набрать не удалось.

Однако конницей и слонами нельзя было штурмовать Рим.

Пунический лагерь по-прежнему находился на горе Тифата (при Капуе). С трех сторон наступали римские войска: одна армия состояла из тридцати шести тысяч человек, другая — двадцати пяти тысяч и третья — двенадцати тысяч. Риму приходилось отовсюду набирать солдат, в легионы зачислялись

даже приговоренные к смерти преступники. Положение, образно говоря, выглядело так: в середине покоился, с сознанием своей силы, могучий лев, вокруг него, ворча и скаля зубы, припадали к земле три леопарда, все три готовые к прыжку, лишь бы лев обнаружил чем-нибудь свою слабость, но каждый опасался удара сильной лапы; если лев поднимался, огромные кошки приготавливались к бегству; если он направлялся к одной из них, она проворно отскакивала в сторону.

Ни одна из армий не нападала, ни одна из них не допускала нападения; каждая уклонялась от боя, но Ганнибалу приходилось с ними считаться. В поисках союзников он обратился к молодому, жаждавшему завоеваний македонскому царю Филиппу: союз был заключен; но в первом же сражении царь потерпел поражение и поспешил на родину. Тщетно вождь пунов делал нечеловеческие усилия, но улучшений не предвиделось, а скорее даже с каждым годом его положение ухудшалось, трудности возрастали, и самой непреодолимой был мятежный дух в одной части войска: этруски, лигуры и особенно галлы желали окончить войну: если нельзя обессилить Рим, нужно убить Ганнибала, и мир обеспечен...

Однажды Ганнибал крепко спал, вернувшись с утомительной разведки. Вдруг кто-то вошел в палатку; в ту же минуту он вскочил на ноги и с мечом в руках готов был поразить врага; но перед ним оказался его верный Эзули.

— Вот уже несколько дней,— доложил Эзули,— я наблюдаю волнение в кельтских легионах: люди боязливо озираются, что-то творится. Вчера и сегодня я целый день бродил по лагерю, оглядывался, присматривался и, проходя сейчас между рядами палаток, увидел, что там не так спокойно и тихо, как всегда; я стал наблюдать и обнаружил, что галлы не спят, а группами собрались в палатках.

— Проводи меня, я хочу сам видеть все,— прервал его Ганнибал,— каждая минута может быть решающей!

Через двадцать минут он уже ознакомился с положением вещей.

— Не пройдет и четверти часа,— пояснил он,— и кельты восстанут, прольется кровь, и они с оружием в руках объявят себя господами. Необходимо захватить их врасплох, предупредить восстание и вернуть к дисциплине. Прикажи бить большую тревогу, как будто мы окружены со всех сторон: они тотчас же выстроятся и станут послушным орудием. Когда иберы и ливийцы двинутся, ни одному галлу не придет в голову послушаться.

И вот раздался резкий сигнал и прорезал ночную тишину, со всех сторон загрели трубы, и все поднялись, бросились к оружию, стали впрягать лошадей в обозные фуры, всадники вскочили на коней, вспыхнули факелы, телеги закрипели, копыта застучали, раздалась громкая команда, и полки выступили. На различных пунктах Тифаты были размещены отряды, готовые к обороне и к нападению; другие рассыпались по всем направлениям, и только когда уже совсем рассвело, все усталые, измученные возвратились в лагерь,— врага нигде не оказалось.

Что же произошло? Большинство воинов решило:

— Разведчики узнали, что римляне готовят ночное нападение; когда же мы поднялись с быстротой молнии и предупредили их, они отступили, обманувшись в своих ожиданиях.

Воины и даже военачальники так и не узнали истинной причины тревоги и выступления. Она была известна лишь небольшому кружку близких Ганнибалу лиц.

Но в ближайшие же недели в лагере были произведены многочисленные перемены. Обоз был перемещен, на место пращников встали нумидийцы; были переставлены кое-какие ворота и выходы; расставлены новые посты; но непосвященные не заметили, что при новом размещении палатка вождя оказалась окруженной самыми лучшими и надежными войсками, что галлы были отодвинуты на самый край и окружены верными полками, а все остальные перемены имели целью маскировать эти главные.

Дальновидность Ганнибала через месяц уже принесла свои плоды. Средь бела дня в кельтских

войсках начался бунт, к ним примкнули лигуры и этруски и угрожающе двинулись было вперед.

Но с другой стороны раздался трубный сигнал, и тотчас же бунтовщики были окружены; еще минута,— раздалась команда, и в их ряды посыпались стрелы и копья... Их теснили со всех сторон, всадники врезались в их ряды и рубили их направо и налево...

Ужас обуял мятежников, они сопротивлялись еще несколько минут, потом побросали оружие, пали на колени и стали молить о пощаде.

Но Ганнибал не сразу скомандовал спрятать мечи: бунтовщиков следовало наказать и дать им почувствовать, что за возмущение они расплатятся жизнью. Когда же резня была прекращена, все главари восстания были схвачены и через три дня казнены; но перед казнью всем изменникам на глазах войска была отрублена правая рука, которую они дерзнули поднять на своего вождя... Всех воинов снова привели к присяге, а затем помиловали.

Совершенно неожиданно в Карфаген прибыло посольство царя сиракузского Гиеронима; он предлагал военный союз для борьбы с Римом, пока тот не будет окончательно усмирен; тогда к пунам отойдет материк с Корсикой и Сардинией, а Сицилия должна принадлежать царю Гиерониму.

Договор был заключен, и царь выступил с семнадцатитысячным войском, но через несколько дней был убит в какой-то случайной стычке.

Сиракузцы объявили у себя республику и возобновили союз с Карфагеном, но римляне явились под стены города, и сражение началось (214 г.). Пока граждане героически отражали их атаки, на южном берегу высадился пунийский полководец Гимилькон с двадцатью пятью тысячами пехотинцев, тремя тысячами всадников и с двенадцатью слонами и тотчас же взял несколько значительных городов. Однако он не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы напасть на хорошо защищенный римский лагерь у Сиракуз. Шли месяцы и годы, а война тянулась; наконец римляне путем подкупа и измены захватили город и предали его

грабежу и пожарам: город был в большей части опустошен. Гимилькон не мог воспрепятствовать этому, потому что сам вдруг оказался во власти неожиданного врага: жара в 212 г. под конец лета достигла необычайных пределов, болота распространяли ядовитые испарения, появилась чума и опустошила все вокруг; число ее жертв возрастало изо дня в день: скоро нельзя уже было хоронить трупы, и их кидали в море; когда же жертвой чумы пал сам Гимилькон, то войска не могли уже больше сопротивляться, и весь пунический лагерь распался.

На море сильные бури разбили и потопили карфагенский флот в сто тридцать военных и сто семьдесят грузовых кораблей, и римляне овладели всей Сицилией.

Кроме того Рим располагал флотом и войском в Испании и в Македонии, другая армия стояла в Галлии, а в самой Италии сражались две армии в сто двадцать две тысячи человек.

Что же мог предпринять Ганнибал против такой силы?

При малочисленности своих войск ему приходилось отказываться от больших сражений.

Он повернул в Калабрию, где на узкой косе лежал город Тарент. Эта греческая колония была обязана своим могуществом и богатством обширной торговле; культура, искусства и науки составляли славу Тарента, известного своей красотой всему древнему миру. Уже шестьдесят лет, как город находился в руках римлян; но с появлением в Калабрии Ганнибала двое юношей Филимон и Никон решили вернуть свободу родине. Однажды вечером они отправились в лес как будто на охоту, а сами, пользуясь ночной темнотой, пробрались в пунический лагерь, рассказали Ганнибалу о настроении в городе и просили помощи для освобождения. Полководец выслушал их очень благосклонно, но заметил, что подобное предприятие может повлечь весьма серьезные последствия, поэтому он советует все хорошо обсудить и тогда, если их намерения не изменятся, вернуться к нему. Чтобы никто не заподозрил их в сговоре, он дал им несколько

быков из своих стад, которых они могли выдавать за свою добычу.

Через несколько дней они вернулись в Тарент и, кроме убитой дичи, пригнали трех быков.

— Смотрите! — еще издали кричали они привратнику у городских ворот, — мы наткнулись на стада Ганнибала, обратили пастухов в бегство, и вот наша добыча! Теперь мы чаще станем туда ходить за жарким!

Всем гражданам случай показался очень забавным, и никто ничего не имел против того, чтобы охотники, кроме дичи, пригоняли еще и пунийский скот. Молодые патриоты неоднократно возвращались к Ганнибалу, и когда он нашел их достойными своего доверия, он заключил с ними договор, который обе стороны скрепили клятвой.

Филимон и Никон все больше пристращались к охоте и по большей части возвращались с хорошей добычей. Они отдавали долю привратнику, который всегда услужливо открывал им ворота, как только слышал условный свист. Но лучшая доля доставалась Каю Ливию, представителю римского правительства.

Ганнибал расположился на расстоянии трех дней пути от Тарента; а чтобы его бездеятельность ни в ком не возбуждала подозрений, он распустил слух о своей серьезной болезни. Разумеется, слух дошел и до римлян в Таренте, и они с радостной надеждой ожидали дня, когда вдруг разнесется весть, что Ганнибала нет в живых. В самом пунийском лагере воины были опечалены и ежедневно справлялись о здоровье вождя. Только самым близким было известно истинное положение вещей; только они знали, что он, переодетый, побывал с Эзули у самого Тарента и изучил расположение города и окрестностей, чтобы взять его без кровопролития.

Тем временем Филимон и Никон разыскали среди молодежи свободолюбивых и предприимчивых людей и составили заговор, торжественно поклявшись хранить тайну и верно служить родному городу.

Для приведения в исполнение тщательно обдуманного плана был выбран праздничный день, ког-

да римский правитель с самого утра отправлялся на пиршество, как правило, длящееся до глубокой ночи.

Ганнибал внезапно появился среди своего обрадованного войска, выбрал десять тысяч человек, снабдил их съестными припасами на четыре дня и на заре выступил в поход. В шести часах от Тарента войско было встречено Филимоном, который и принял начальство над ним. Однако только вблизи от городских стен план был раскрыт всем участникам, дабы они могли содействовать успеху смелого предприятия.

Тут Ганнибал отделился с частью армии и обошел город с восточной стороны.

Тем временем тарентинцы пировали: богатые сидели в своих домах, веселые группки подвыпивших граждан с музыкой и пением бродили по улицам, чернь теснилась у балаганов, нищие попрошайничали, воры пользовались случаем,— об Ганнибале никто и не думал. С самого утра Кай Ливий сидел за кубком среди своих помощников, все были веселы, пили, ели, шутили и смеялись. Под вечер, когда веселые собутыльники почти охмелели, к Каю явился вестник и доложил, что днем в отдаленных окрестностях видели нумидийцев, угонявших скот.

— Ну что ж?! — воскликнул Кай.— Они голодны и хотят есть, а будь у них вино, они бы и выпили. А как поживает сын Гамилькара? Я думаю, что ему уж недолго остается жить. Выпьем за его скорый отъезд! За здоровье моего друга Ганнибала!

— А ты,— обратился он к сидевшему с ним рядом начальнику конницы,— возьми завтра людей, переловишь ливийский сброд и обрубишь им лапы. Но это завтра, сегодня будем веселиться!

Наступила ночь, и тьма окутала поля и рощи; с одной стороны к городу подходил Ганнибал, с другой Филимон... а Кай Ливий по-прежнему пил, ничего не подозревая. Наконец, после полуночи Кай Ливий с приятелями направился по домам. Впереди выступали музыканты, за ними рука об руку веселая компания кутил. Они шли с песнями, дразня и за-

девая прохожих. Им повстречалась другая кучка подвыпившей молодежи, искавшей выход своему веселью. Во главе был Трагиск, один из самых деятельных заговорщиков.

— Кто идет? — воскликнул он. — Клянусь богами, это Кай Ливий, наш господин и повелитель! Друзья, мы должны составить ему почетный караул, долг нам повелевает это!

— Верно! — согласился градоправитель. — Долг велит... Ты славный малый, Трагиск!

Ливия благополучно доставили домой, и он тотчас же заснул. События его разошлись по домам, и улицы скоро опустели. У дома градоправителя Трагиск поставил двух товарищей в караул и приказал никого не впускать в дом, чтобы до Ливия не дошло какое-нибудь известие.

На восточной стороне города размещалось, примыкая к стене, общественное кладбище. После полуночи заговорщики пробрались туда, и Никон взобрался на высокую могильную насыпь, чтобы видеть через стены, и стал всматриваться вдаль в ожидании условного сигнала.

Тем временем пуны продвигались с восточной стороны; фуры и всадники составляли арьергард, чтобы стук и грохот не достигали слуха тарентинцев, а пехотинцам под страхом смерти было приказано соблюдать полную тишину. Таким образом они подошли к небольшому холмику и тут, согласно условию, зажгли костер. Дрожа от радости, прыгнул Никон с могильного холма и, с своей стороны подав ответный сигнал: «Мы готовы! Идите!» тотчас же поспешил со своими единомышленниками к воротам, перебил стражу, растворил ворота, и авангард Ганнибала вошел бесшумно, но с обнаженными мечами. Не теряя ни минуты, пунов провели на рыночную площадь, и они расположились фронтом во все стороны.

Тарентинцы крепко спали, не подозревая, что город перешел в другие руки.

Ганнибал был, как всегда, предусмотрителен и постарался обеспечить себе успех на случай любого препятствия. Исполнение его плана было поручено Филимону.

Подойдя со своим отрядом к городу, Филимон остановился невдалеке и только с тридцатью воинами приблизился к воротам, через которые он обыкновенно возвращался с охоты. На знакомый свист вышел привратник.

— Скорее! — крикнул из-за стены Филимон. — У нас огромный кабан, мы с трудом тащим его!

Привратник поторопился открыть калитку и при свете фонаря увидел, как тарентинец с помощью трех человек в пастушьей одежде пронес свою добычу. Положив ее на землю, Филимон воскликнул:

— Благодарение богам! Хорошее будет жаркое! Как ты думаешь?

Привратник нагнулся над великолепной дичью, с удовольствием предвкушая, что и ему перепадет кусок. Подошел и караульный, но в ту же минуту меч охотника поразил в спину привратника, а один из пастухов приколол часового. По сигналу подошел остальной отряд и, пройдя через калитку, перерезал всю стражу и раскрыл ворота. Через четверть часа вошли полки и присоединились к Ганнибалу. С большой осторожностью были заняты все площади и главные улицы, а когда забрезжило утро, вождь пунов осуществил одну из своих удивительных выдумок: в многочисленных столкновениях с римлянами он добыл массу римских боевых труб, а его трубачи так часто слышали сигнал тревоги, что могли хорошо воспроизвести его. Когда город был занят пунами, во всех углах и концах вдруг раздался сигнал тревоги. Римляне, разбросанные по всему городу, быстро вскакивали с постелей, хватались за оружие и выбегали из домов, потому что сигнал приказывал им спешно собираться в крепости. Но им не удалось выполнить приказа: они все поодиночке были истреблены.

Когда трубы заиграли, слуги разбудили Кая Ливия. Он не мог понять, что случилось, но ему удалось через заднюю дверь выбраться из дома и пробраться в крепость; он был единственный, кому посчастливилось это сделать.

Ганнибал отдал приказ немедленно созвать всех граждан на главную площадь. Заговорщики вместе

с герольдами разъезжали по городу и громко возвещали:

— Свобода! Свобода! Ганнибал нас освободил, мы уже не рабы Рима! Кай бежал! Да здравствует свобода!..

Граждане в первую минуту не знали, что предпринять, и поспешили на площадь. Тут Ганнибал объявил им, что они свободны, каждый должен на своей двери написать: «Дом тарентинца», и домов с такой надписью пуны не коснутся, а остальные, принадлежащие римлянам, будут разграблены без пощады. Граждане с удивлением смотрели на порядок и дисциплину, господствовавшие в пунийской армии. Из предосторожности Ганнибал приказал своим войскам остаться на ночь в полном вооружении, чтобы не быть застигнутыми врасплох гарнизоном крепости. Крепость эта, действительно, была опасна: она занимала небольшой полуостров и с моря была ограждена высокими скалами, что делало ее с этой стороны совершенно неприступной.

От города крепость отделялась высокой стеной, позади которой был широкий и глубокий, наполненный водой ров; узенький мостик вел к единственным входным воротам.

На следующий день Ганнибал созвал городских старейшин на совет и сказал им:

— Я не могу ни сам остаться с вами, ни оставить у вас сколько-нибудь значительный гарнизон; мне еще многое нужно сделать, и я не могу дробить и без того небольшое войско, а чтобы римляне не могли на вас произвести нападения, я обнесу город высокой крепкой стеной, которая оградит его от крепости.

У него был еще план, но о нем он ничего не сообщил тарентинцам.

«Римляне,— думал он,— едва ли дадут себя запереть; наверно, они сделают вылазку, чтобы помешать работам, а тогда мне представится случай разбить их!»

Работы были начаты с размахом. Складывали камень, свозили землю и мусор, пользовались древесными стволами для креплений, и Ливий с удивлением следил за тем, как понемногу вырастал вал.

— Не воображают ли они, что мы позволим себя запереть?.. Вот мы отхлещем их по рукам...

Ворота распахнулись, римляне бросились на рабочих, а за ними, чтобы поскорее завершить дело, Ливий выпустил и весь гарнизон. Без сомнения, рабочие были бы истреблены, если бы вслед за прозвучавшим протяжным сигналом со всех сторон не вынырнули, словно из-под земли, пуны. Битва была тем ожесточеннее, что места для сражения было очень мало. С одной стороны вал, там кучи мусора, сложенный камень, немного подалее штабеля бревен, а с тыла у римлян глубокий ров, и пуны сбрасывают в него врагов... Римляне понесли большой урон, но большинство погибло не от меча, а во рву.

Вал был возведен и увенчан частоколом, накопец была сложена еще толстая каменная стена, и с этой стороны Кай Ливий был заперт, что обеспечивало Таренту безопасность со стороны крепости.

Для крепости такое положение не представляло особенной опасности, потому что ее нельзя было взять приступом, а со стороны моря она всегда могла обеспечить себе подвоз припасов. Хотя тарентинцы владели значительным флотом и легко могли бы при его помощи отрезать подвоз, но суда стояли в маленькой бухте, открытой со стороны крепости; таким образом, по мнению тарентинцев, воспользоваться судами было невозможно, потому что их нельзя было вывести в море.

— Нет ничего невозможного,— заметил Ганнибал.— Я выведу ваши суда. Ведь только крепость лежит высоко, а остальной город расположен в равнине; от бухты, где стоят суда, через город к морю идет широкая дорога; вот по этой-то дороге мы перевезем суда на низких телегах к морю, а там под парусами подойдем к крепости с моря и сделаемся господами положения. Ливию придется или выйти, или сдаться нам в плен!

Тарентинцы с изумлением взирали на храброго героя. Широкая дорога была вымощена, были приготовлены плоские, соответствующие числу и величине судов телеги, заготовлены подъемники, чтобы суда вкатить на телеги и спустить в море;

наконец впрягли всех, сколько было, лошадей и волов; сами граждане помогали в работе, и она удалась на славу. С ужасом и изумлением смотрел Ливий, как флот по суше передвигался к морю через город.

— На это способен только Ганнибал! — воскликнул он; а когда через несколько дней суда остановились у входа в гавань и отрезали римлянам подвоз припасов, он в раздумье покачал головой:

— Что же будет?

Пока еще крепость ни в чем не терпела нужды, и обе стороны ограничивались взаимным наблюдением.

Так миновал 212-ый год, и все понемногу освоились с положением. Ганнибала отзывали другие дела, а тарентинцы ничего не предпринимали, что дало Ливию возможность пополнить свой гарнизон и запастись большим количеством провианта. Миновал еще год, не внося перемен во взаимоотношения сторон, когда же в следующем 210-м году недостаток провианта дал себя чувствовать, прибыл римский флот под начальством храброго Децима Квинкция, чтобы положить конец нужде. Однако тарентинцы проведали об этом, вышли римлянам навстречу, одержали над ними победу на море, захватили весь провиант и завладели несколькими военными судами.

Тарент торжествовал по случаю нанесенного Риму поражения; но в ходе событий ничего не изменилось. Кай Ливий храбро держался, и противники истощали силы друг друга, но ни один не мог уничтожить другого. Наконец (209 г. до Р. Х.) к городу подступил с огромным войском Квент Фабий, вновь избранный консулом. Он осадил Тарент со всех сторон; но тарентинские граждане мужественно выдерживали осаду.

Был отбит второй штурм и третий; однако, нужно было спешить: если страшный Ганнибал успеет прибыть, тогда придется оставить всякую надежду на победу. Чего не может меч, то доступно измене. У одного из видных военачальников тарентинского гарнизона была невеста-римлянка; она убедила своего жениха ночью открыть ворота

консульским войскам... На улицах вспыхнул страшный бой, но исход его не оставлял сомнений. Резня была ужасная. Никон погиб геройской смертью на площади, Филимон сражался на коне и истребил множество врагов, но когда увидел, что город предан, в отчаянии бросился в колодезь.

Дни свободы миновали, Тарент снова должен был томиться в римском рабстве.

ГЛАВА IX. ПОСЛЕДНЯЯ БОРЬБА

Когда три года тому назад Тарент при помощи Ганнибала вернул себе независимость, римляне решили возместить эту потерю и во что бы то ни стало вновь завоевать богатую Капую. Они набрали солдат, вооружили рабов и, прежде чем город успел что-нибудь узнать об угрожающей ему опасности, с трех сторон двинули на него три армии под предводительством консула Аппия, Фульвия и претора Клавдия. Они спешно приступили к осаде, и граждане Капуи едва успели послать вестника в Тарент к Ганнибалу с просьбой о помощи.

Он был на расстоянии восьмидесяти часов, но тотчас же выступил к Капуе; его войска, испытанные в лишениях и трудностях, совершили еще и этот подвиг и подошли к городу прежде, чем римляне успели подумать о них. В тот же день начался жаркий бой и прекратился лишь с наступлением темноты. Пуны на следующий день хотели продолжать сражение, но римский лагерь оказался пуст,— римляне ушли.

Ганнибал тоже направился на юго-восток, куда, судя по донесениям, двинулся Аппий. Но консул был уже далеко и шел таким быстрым маршем, что догнать его не удалось.

К тому же пришло новое известие: Центений, храбрый римский военачальник, высокого роста и геркулесовой силы, предложил сенату уничтожить Ганнибала со всем его войском, если ему дадут пять тысяч испытанных воинов.

— Нужно только поставить во главе человека,— говорил он,— который ни при каких условиях не отступит; один герой родит тысячу других! Кроме того, я хорошо знаю местность, где держатся пуны, знаю, где можно устроить засады, и могу осилить врага теми же уловками и военными хитростями, какими до сих пор он побеждал нас!

Сенат дал ему не пять, а восемь тысяч человек, и едва распространился слух об этом предприятии и планах Центения, к нему со всех сторон стали стекаться люди, способные носить оружие. В общем составила шестнадцатитысячная армия, готовая на все. Враги не долго ждали встречи. Центений использовал свое знакомство с местностью, но все-таки не мог сравниться с Ганнибалом. Центений воодушевлял всех своей отвагой и смелостью, но не прошло и часа, как он увидел, что его войску останется или спастись бегством или погибнуть. Свою воинскую честь он, конечно, не мог запятнать постыдным бегством и потому с мужеством отчаяния кинулся в самое опасное место битвы. Все пути к бегству были отрезаны: свыше пятнадцати тысяч полегли на поле битвы, и только небольшая горсть римского войска добралась до Рима и поведала о кровавом поражении.

Едва окончилось это сражение, как прибыли гонцы из Апулии. Они донесли Ганнибалу, что претор Гней разоряет и жжет маленькие города, державшие сторону пунов; римские солдаты совершают насилия, и жители молят избавить их от этой пытки!

Просьба была исполнена. Не прошло недели, как поздно вечером Ганнибал появился перед войском Гнея. Претор с трудом сдерживал своих солдат: они рвались в бой, нисколько не сомневаясь, что разобьют пунов и завладеют их сокровищами. Однако их постигла та же участь, что и ополчение Центения: шестнадцать тысяч человек погибли, и только две тысячи спаслись бегством.

Через несколько дней к Ганнибалу явилась депутация из Капуи: город ждал от него помощи, и Ганнибал снова направился туда.

Положение действительно было тяжелое. Рим решил покорить Капую, чего бы это ни стоило. Аппий,

Фульвий и Клавдий снова сошлись под стенами города; войска их напряженно работали, чтобы окружить город валом и рвом и заставить запертых таким образом жителей сдаться; с другой стороны римляне окапывались сами, огораживались частоколом, чтобы защитить себя от нападения. В окрестностях, на большом расстоянии вокруг, был уничтожен весь корм на полях, сожжено все сено, чтобы карфагенянам нечем было кормить своих лошадей и слонов. Предводители трех армий решили не покидать свой лагерь, не переходить в наступление, а только защищаться.

Аппий и Фульвий так хорошо себя зарекомендовали, что за ними и на следующий (211 г. до Р. Х.) год было оставлено командование осадой Капуи, хотя им и пришлось сложить с себя консульские полномочия.

Когда Ганнибал подошел, и его пехота стала метать в римский лагерь стрелы и копья, в надежде, что римляне сделают вылазку, те хладнокровно оставались за своими валами. Через несколько дней Ганнибал пошел на приступ, одновременно сделал вылазку и городской гарнизон, но попытка эта не привела ни к каким результатам: окопы римлян могли противостоять любому натиску... Аппий во время приступа подвергся большой опасности и был ранен.

Когда солнце зашло, Ганнибалу пришлось командовать отступление.

Но изобретательный Ганнибал искал нового выхода: не удастся ли отвлечь римлян, и таким образом освободить осажденный город. Если внезапно появиться под стенами Рима, пожалуй, даже овладеть частью столицы, то Аппий и Фульвий, конечно, будут отозваны на помощь. Если хоть половина осаждающих уйдет к столице, пуны с быстротой ветра вернутся и разобьют оставшихся. По кратчайшему пути до Рима было пятьдесят часов, и, имея в распоряжении лишний день, можно рассчитывать на полную победу. Решение было быстро принято. Вверх и вниз по течению были захвачены все суда, и все подготовлено к выступлению. В назначенный час войско выступило, запасшись при-

пасами на десять дней. В лагере же всю ночь горели огни, и наутро там для видимости суетились люди.

Переправившись через Волторно, Ганнибал сжег все суда и направился по плодородной, богатой местности, давно уже не видевшей войны. Местные жители даже и теперь не отдавали себе отчета в том, что происходило: нумидийские всадники с легкостью ветра носились по полям, слоны выступали, как колоссы, а войско в странном вооружении продвигалось так спокойно, как будто об опасности не было и речи. Через неделю пуны спустились из горной местности в долину Анио и здесь, в непосредственной близости от Рима, расположились лагерем. Страшное известие быстро проникло в город. Но сенат принял решение, делавшее честь его энергии и осторожности: в Капую был послан гонец, который должен был скакать без отдыха и передать проконсулам приказ, гласивший: Капуя должна быть отрезана, должна быть взята голодом; часть войска, без которого вы можете обойтись, должна быть, как можно скорее приведена к Риму! Вам лучше на месте решить, кто должен идти, кто останется; только не забывайте: Рим в опасности, но Капуя должна пасть.

Аппий страдал еще от полученной раны, и Фульвий, выбрав из всех трех армий шестнадцать тысяч человек, поспешил с ними в Рим и успел прибыть вовремя. В городе царила паника, беженцы, не видевшие врага и в глаза, толпами с семьями и с домашним скарбом устремлялись в город, ища защиты за его стенами. Они рассказывали ужасные вещи: Ганнибал все истребляет, все сжигает на своем пути, после него остаются только трупы и горы золы. Плачущие женщины металась с детьми по улицам города, мужчины готовились к бегству, знатные римлянки спешили в храмы, коленопреклоненно молились, вытирая своими распущенными волосами пол и алтари, чтобы своим смирением умиловить богов... Жители были в полном отчаянии, но сенат оставался тверд и непоколебим в своих решениях.

Ужас охватил всех, когда грозный вождь действительно явился под стены города и раскинул

свои палатки в получасовом расстоянии от него. Немного спустя он с небольшим отрядом бесстрашно подъехал к самым стенам и, невзирая на то, что стены были заняты вооруженными людьми, которые могли засыпать его стрелами и копьями, осмотрел вал и ворота и возвратился в свой лагерь.

О правильной осаде нечего было и думать: для этого его войско должно было быть раза в четыре больше; можно было говорить разве о том, чтобы поугаать римлян неожиданным смелым нападением, вызвать в городе смятение и обратить жителей в бегство.

На следующее утро положение изменилось; консулы отовсюду сзывали всех способных носить оружие, и на заре под стенами Рима стояло восемьдесят тысяч человек. Ганнибалу предстояло выдержать сражение. Спустя несколько часов проконсул Фульвий прибыл из-под Капуи с шестнадцатитысячным войском и вошел в город. С такими силами римляне, конечно, не стали бы выжидать нападения, а предприняли бы наступление, имей они дело с любым врагом, но только не с Ганнибалом.

Как только римское войско оправилось от перехода, Фульвий вывел его из города и выстроил под стенами. Вдруг сам Ганнибал дерзко выехал вперед со своими нумидийцами и стал внимательно изучать расположение неприятельских сил, а на следующее утро карфагеняне с барабанным боем пошли в наступление, несмотря на численное превосходство врага.

Но пока войска строились, горизонт заволкло темными тучами; с непостижимой быстротой облака неслись по небу и затянули весь небосвод. Раскаты грома все приближались; вдруг ослепительная молния прорезала воздух, раздался оглушительный удар грома, земля дрогнула, и сильный град посыпался на готовые к битве полки. Через несколько минут град сменился ливнем, поднялся такой вихрь, что сильные солдаты едва держались на ногах... Молнии сверкали одна за другой, гром гремел без перерыва, наступил сумрак, и бой не состоялся,— каждый думал только о себе.

Этот день был потерян, но на следующий, когда земля пообсохла, пуны снова двинулись к городу, и римляне также взяли за оружие.

— Медлить нельзя, мы должны начать бой,— говорил Ганнибал.— По донесениям моих разведчиков неприятель со всех сторон ждет подкрепления. Сенат во все концы разослал гонцов, сзывая отовсюду гарнизоны. Еще дня два, и все дороги будут заняты, отступление будет отрезано, и нам отовсюду будет грозить нападение.

Но словно сами боги взяли город под свою защиту,— снова разразилась такая ужасная гроза с градом, что многие бросали свое оружие и старались хоть как-нибудь укрыться от непогоды.

Сподвижники Ганнибала были неутешны при виде этих капризов природы, вырывавших победу у них из рук.

— Кажется,— говорили они,— боги не желают, чтобы мы вступили в Рим!

Но Ганнибал им возражал:

— Что делают боги, нам неизвестно, но что нам надлежит делать, совершенно ясно. Нас в любой момент могут окружить: нам нечего ждать, и у нас нет выбора; войско должно приготовиться, и как только наступит ночь, мы направимся к югу; завтра к восходу солнца мы должны быть уже далеко!

Римляне немало изумились, увидев наутро, что африканцы исчезли. Но мосты через Анио были сняты, и неприятелю было отрезано отступление. Поэтому римские легионы тотчас же поспешили за ними и настигли пунов, как надеялись, на берегу. Ганнибал не долго раздумывал: он повернул обратно, разбил своих преследователей и, не теряя времени, направил свою армию по воде кратчайшим путем в Капую. На пятый день высланные вперед гонцы принесли известие, что Аппий и Клавдий не покидали лагеря, что город по-прежнему окружен, и что возведено еще несколько новых укреплений.

— В таком случае,— сказал Ганнибал,— мы не в силах освободить город! — и дал знать капуанцам, что он слишком слаб, чтобы взять приступом

укрепления осаждающих, и потому вынужден предоставить город на милость богов.

Вслед за этим Ганнибал поспешил туда, где его никто не ожидал,— к проливу Регия. Когда Фульвий с остатком войска прибыл вновь к стенам Капуи, осаждающие сделали последние приготовления и пошли на приступ. Голод и измена помогли им, и город был взят. Сенаторы Капуи сложили головы на плахе, город был разграблен, знать была продана в рабство, и весь город объявлен собственностью сената и римских граждан.

В следующем году Ганнибал напал на проконсула в Апулии, уничтожил и рассеял его войско: тринадцать тысяч остались на поле сражения, а сам полководец был убит; но война этим не кончилась. Год спустя (209 г. до Р. Х.) сиракузский тиран Марцелл вздумал испытать свое счастье, но был разбит Ганнибалом, потерял шесть знамен и три тысячи человек; однако в следующем году он хотел положить конец войне, вступил в союз с вторым консулом Криспином и призвал освободившиеся после усмирения Тарента войска; они должны были напасть на пунов с тыла. Ганнибал оказался в критическом положении. Помочь могла только хитрость и решительность. Тарентинскому войску была устроена засада, и в результате из римского войска две тысячи были убиты, и тысяча двести взяты в плен.

Вслед затем оба войска были завлечены в намеченные для битвы места, и в удобный момент с молниеносной быстротой начался бой.

Марцелл и много военачальников были убиты, Криспин был дважды ранен копьем и должен был отступить с остатками обеих консульских армий. Долго продолжаться война уже не могла: Риму приходилось содержать свыше двухсот тысяч человек в разных местах; военная казна была уже давно израсходована, солдаты вербовались всюду, где только их можно было взять; поля были не возделаны, потому что некому было их обрабатывать. Ганнибал находился в таком же положении: средств, присланных из Карфагена, не могло хватить на покрытие расходов даже на одно большое сраже-

ние, и ему приходилось выходить из трудностей самому.

«Война скоро и победоносно завершится,— писал он в Карфаген,— если в мое распоряжение будет предоставлено войско, достаточно многочисленное, чтобы я мог сказать: «Не беда, если я потеряю десять, даже двадцать тысяч!» Предстоит последняя короткая борьба; кто теперь потерпит поражение, тот уже не оправится».

В ответ на это донесение правительство Карфагена решило послать в Италию брата Ганнибала Газдрубала с шестидесятитысячным войском. Он должен был идти путем, который десять лет тому назад прошел его брат.

Газдрубалу переход дался гораздо легче, потому что за десять лет многие уже пользовались этим путем. Галлы из северной Италии с радостью присоединились к пунам.

Когда в Рим пришло известие, что Газдрубал с войском стоит у реки Пад, все поняли, что близок решительный день; новый год (207 г. до Р. Х.) завершит то, что подготавливалось в течение одиннадцати долгих лет. На должность консулов были избраны прославившийся осадой Капуи Клавдий и полководец Ливий, отличившийся в войне с иллирийцами.

— Если Газдрубалу удастся со своей армией соединиться с братом,— говорил сенат,— Рим погиб; поэтому теперь нужно всеми силами помешать соединению!

Поэтому Клавдий был послан на юг, а Ливий на север, навстречу надвигавшемуся врагу, и борьба началась. Клавдий встретился со своим непобедимым противником; они долго сражались с переменным успехом. Наконец армии стали готовиться к серьезному сражению. В двух часах от Канн, у города Канузиума, на правом берегу Оффанто, обе армии расположились лагерем одна против другой. Ганнибал желал как можно дальше пройти навстречу брату, чтобы ускорить соединение армий, но он долго не получал никаких известий. Последнее известие гласило, что армия идет через Альпы; однако Ганнибал и не подозревал, что переход со-

вершился необычайно быстро, и что Газдрубал миновал уже Лигурию.

Со дня на день ждал он известий; но римляне принимали все меры, чтобы перехватывать гонцов. Кельтские гонцы счастливо добрались до южной Италии, но заблудились около Тарента и были схвачены. Пыткой у них добились показаний, отобрали письмо и переслали их самих вместе с письмом в Канузиум к консулу Клавдию.

Пунийские вожди ничего не знали друг о друге, не знали даже, когда и где встретятся они. А Клавдий теперь имел в руках самые точные сведения и предпринял смелый шаг: в случае удачи шаг этот должен был доставить ему славу, а при неудаче — делал его изменником: он решил оставить назначенный ему сенатом пост. Он объявил, что идет с частью армии в Луканию и скоро вернется; остальное войско должно оставаться в лагере, делать вылазки, угонять скот, собирать хлеб, чтобы враг не заметил его отсутствия.

Дня через два Клавдий вдруг повернул на север и быстрым маршем направился в Умбрию, где, как было сказано в письме, Газдрубал рассчитывал встретиться с братом. Поздно ночью Клавдий вошел в лагерь Ливия. Тот считал, что вновь прибывшие должны бы несколько дней отдохнуть, но Клавдий так убеждал не откладывать боя, что Ливий уступил.

Утром легионы выстроились и выступили. Газдрубал был очень доволен и, в свою очередь, двинул свои полки. Со свойственной его семье пронизательностью он сразу заметил, что прибыли новые полки; в строю были грязные запыленные пехотинцы и всадники на конях, которые, очевидно, только что сделали трудный переход.

Когда Ливий преградил ему путь и расположился лагерем, Газдрубал все разузнал и взвесил, но не вступил в битву, а послал к брату гонца. Когда брат с юга присоединится к нему, тогда они уничтожат римское войско и вдвоем с восьмидесяти тысячной армией явятся под стены Рима, и гордый город падет. Газдрубал отправил к брату дюжину гонцов, рассчитывая, что если многие из

них погибнут, не разыскав его, то хоть один дойдет до цели...

К несчастью, ни один не добрался до Ганнибала!

Узнав, что ночью к неприятелю прибыло подкрепление, Газдрубал велел схватить двух солдат, пришедших за водой, допросил их и узнал, что прибыл другой консул со своим войском. После этого известия он решил, что с братом случилось большое несчастье.

— Если бы Ганнибал мог еще сражаться, Клавдий не решился бы придти сюда и подвергнуть Рим случайности; очевидно, брат разбит и не страшен больше римлянам, а, может быть, он даже убит. Теперь я не могу отважиться на бой, не рискуя проиграть все добытое в течение стольких лет!

Он отступил за лагерьный вал, а противник не смел наступать. В следующую же ночь Газдрубал двинулся в путь. Прежде всего он хотел перейти Метавр, чтобы река прикрыла его от неприятеля, но все проводники-кельты сбежали, пользуясь наступлением ночи. Тот брод, по которому войска с их помощью раньше переправились, теперь, ночью, не зная местности, невозможно было отыскать. Армия двинулась вверх по течению, но Метавр делает бесконечные петли, берега его становятся все круче и выше, и потому до рассвета войска Газдрубала недалеко ушли от своего прежнего лагеря.

Римляне тотчас же оценили невыгоды положения своих противников и решили это использовать. У Газдрубала не было времени даже на то, чтобы сделать окопы, ему нужно было отражать нападение.

Сам Газдрубал командовал правым крылом и разбил и оттеснил Ливия; в центре бой шел с равными шансами; на левом фланге пунической армии находились галлы; они занимали холм, и Клавдий тщетно пытался к ним подойти: они стлкнували всех его воинов вниз. Тогда Клавдий отважился еще на один рискованный шаг: отобрав лучших из пехотинцев и всадников, он зашел с другой стороны и напал на неприятеля с тыла и с фланга. Если бы галлы сбежали вниз и напали на

неприятельский центр с тыла, сражение решилось бы в пользу Карфагена; но они не были, как прежние пунические воины, закалены голодом и жаждой, не привыкли ко всякого рода лишениям. А в это время усилилась жара, поэтому они решили не преследовать Клавдия, а отдохнуть от трудностей ночного перехода и тем самым дали Клавдию возможность придти на помощь другому флангу.

Около полудня бой уже близился к исходу. Центр пунического войска составляли лигуры; Клавдий напал на них с тыла и вызвал смятение в их рядах; часть продолжала биться вразброд, часть бежала, галлы не могли дольше сражаться; лишь правое крыло держалось твердо. Однако Газдрубал ясно сознавал, что о победе нечего и мечтать, и поставил себе целью положить возможно большее количество врагов.

Газдрубал был прекрасный полководец, достойный сын великого Гамилькара и брат еще более великого Ганнибала. Ему чуждо было мелкое тщеславие, и он никогда не стремился щегольнуть перед войском личной храбростью, подвергая себя ненужной опасности; он знал, что легче набрать десять тысяч храбрых солдат, чем найти одного хорошего полководца, и что самое храброе войско погибнет, если у него нет головы. Вместе с тем он не мог из малодушия и любви к жизни посрамить свое славное прошлое. Когда его войска поредели, и он в качестве командира был уже бесполезен, он подал своим солдатам пример мужественной гибели, бросившись в самое опасное место битвы, и пал доблестной смертью.

Ливий отказался от преследования обратившихся в бегство лигуров и галлов. Консул Клавдий, дав своим войскам отдохнуть, отправился обратно на юг и ночью вошел в свой лагерь.

Ганнибал не заметил его двухнедельного отсутствия. Прежде чем покинуть берега Метавра, Клавдий разыскал труп Газдрубала, отрубил ему голову и взял с собой, захватив нескольких взятых в плен ливийцев.

Наутро, когда Ганнибал объезжал лагерь и зорко всматривался в неприятельские укрепления, там

вдруг зашевелились, солдаты вывели закованных в цепи людей и поставили так, чтобы пуны их видели; сомнения быть не могло,— пленники были ливийцы. Карфагеняне тотчас же это увидели и стали гадать, откуда они взялись. В это время из неприятельского лагеря была брошена голова: описав большую дугу, она покатилась по земле. Часовой поднял ее и принес Ганнибалу.

Взглянув на нее, вождь с глубоким волнением промолвил:

— Это голова моего брата Газдрубала! Он убит, его армия, по-видимому, разбита, уничтожена! Какая большая потеря для Карфагена!..

Молча возвратился он к себе в палатку и стал обдумывать, что ему предпринять.

Клавдий между тем приказал расковать двух пленников и сказал им:

— Ступайте к своим землякам и расскажите им обо всем, и о том, что пунийское войско уничтожено!

Когда Ганнибал из уст очевидцев услышал о всем происшедшем, он почувствовал всю безнадежность своего положения. Предательство галлов привело к гибели Газдрубала, и теперь на успех в Италии не оставалось никакой надежды. О наступлении пока не могло быть и речи. Он созвал все полки, бывшие в его распоряжении, и направился к югу, чтобы удержать Бруттий.

ГЛАВА X. В ЗАМУ

В Тарентинской бухте, недалеко от города Кротона, Ганнибал раскинул свой лагерь. Однажды он сидел на выступающей в море скале и задумчиво смотрел в синюю даль. Его глаз был устремлен на юго-запад, где лежал Карфаген. О, если бы он захотел поддержать своего сына!

— Все равно! — воскликнул Ганнибал, решительно вставая! — Мой меч, тридцать лет тому назад врученный мне отцом, еще со мной; я буду владеть им во славу родного города!.. Пусть я не могу вести наступательную войну, не могу преследовать врага, но я останусь в Италии и буду постоянно грозить ему, а ему со мной не совладать!

Затем Ганнибал подозвал к себе Маттана и Зеруйю, сопровождавших его, и поручил им отправиться в Карфаген, представить Верховному совету отчет о положении дел и объяснить, что необходимо прислать подкрепление, чтобы не все потерять.

— Я скажу им все без боязни! — горячо воскликнул Зеруйя. — Пусть они краснеют от стыда за то, что тебя не поддержали. Они слепы! Такой глупости не видано с сотворения мира...

И действительно, когда испытанные воины предстали перед своим правительством, они ни о чем не умолчали; они ведь пережили то, о чем в Карфагене знали лишь из донесений.

— Вы жалуетесь, — заметил Ганнон, — как будто мы ничего не сделали? Это неверно, мы всюду посылали помощь — в Испанию, в Сардинию, в Сицилию.

— Разумеется, Верховный совет посылал войска в Иберию, в Сиракузы и в другие места,— заметил Зеруйя,— он нас только забыл; героя, равного царю Давиду, он оставил без подкрепления.

— Мы вам послали слонов и всадников,— возразил Ганнон,— остальное Ганнибал мог добыть и в Италии!

— Если бы все войска, рассылавшиеся за эти десять лет во все стороны, были посланы Ганнибалу,— заявил Маттан,— Рим давно уже был бы побежден, и его колонии отошли бы к нам. Если бы после битвы на Тразименском озере и при Каннах для нас была сделана хоть половина того, что делал Рим для своих воинов, война давно была бы закончена, и Карфаген вышел бы победителем!..

Члены Верховного совета согласились со всеми этими доводами и без промедления отправили Ганнибалу значительные суммы денег. Магон был послан в Гадес с приказом двинуться с флотом в северную Италию, там на вербовать возможно большее число галлов и лигуров и поспешить на соединение с Ганнибалом.

Едва Магон покинул свою резиденцию в Испании, город перешел на сторону римского полководца Публия Корнелия Сципиона, и вся Испания оказалась под властью Рима. Победитель выставил свою кандидатуру на должность консула и получил ее, а вместе с ней и разрешение двинуться в Африку, если, по его мнению, того потребуют интересы Рима.

По возвращении из Карфагена Зеруйи и Маттана, Ганнибал, выслушав донесение об удачном исходе их поездки, с неудовольствием покачал головой и заметил:

— Мой брат должен с флотом идти в Лигурию и затем пробиваться ко мне?! Почему не послали они флот прямо ко мне с людьми, с деньгами и с хлебом?! Я не понимаю Верховного совета!

Умный Зеруйя понял суть взаимоотношений партий в Карфагене, но не мог осилить влиятельной семьи Ганнона. С каким удовольствием он принес бы своему бывшему ученику, теперь начальнику, более приятные вести!..

Последнее время Элули был очень озабочен: многое казалось ему подозрительным, и его подозрения скоро подтвердились. Однажды ночью вдруг вспыхнул огонь вблизи палатки Ганнибала, и не в одном каком-нибудь месте, а сразу в четырех. Если бы не бдительность часовых, палатка Ганнибала была бы в несколько минут охвачена огнем; при этом оказалось, что поблизости от нее были сложены кучи соломы. Старые военачальники не могли избавиться от убеждения, что тут не обошлось без измены. Однако кто же изменник? Палатку полководца окружали лучшие и самые надежные полки, их нельзя было ни в чем заподозрить. Но где же искать поджигателя?

У Ганнибала был молодой раб, Акбар, который служил только ему лично; но со времени пожара юноша пропал. Сперва предположили, что он погиб в пламени, но тщательные розыски установили, что человеческих жертв не было; тогда решили, что он принимал участие в поджоге.

— Мне этот малый не нравился,— говорил Зеруйя,— с самого нашего возвращения мне все казалось, что у него совесть не чиста; до нашего отъезда он был совсем другой — всегда веселый, беззаветно преданный своему господину; тогда это был счастливый невинный ребенок — теперь сознательный грешник!

Но это были лишь предположения — загадка пожара осталась неразрешенной. Прошло недели полторы. Однажды вечером Зеруйя вышел на скалы подышать свежим воздухом моря. Вдруг он увидел в некотором отдалении человека, перепрыгивавшего с камня на камень.

«Это исчезнувший Акбар!» — подумал он.

Зеруйя поспешил к нему, и когда ему удалось, не будучи замеченным, подойти достаточно близко, он громко крикнул:

— Акбар, стой!

Испуганный раб оглянулся, узнал начальника стрелков и бросился бежать.

— Стой, или я убью тебя! — приказал Зеруйя, доставая из колчана свою меткую стрелу.

Он до такой степени сжился со своим оружием, что не расставался с ним даже на прогулке. Акбар

понял намерение Зеруйи и стал бросаться из стороны в сторону, он то припадал к земле, то вскакивал, стараясь укрыться за скалами. Однако стрела его настигла, но она попала не в ногу, как желал Зеруйя, а в спину. С громким криком упал раб на камни, и в ту же минуту стрелок был около него и без дальних разговоров приступил к допросу.

— Акбар, теперь все кончено, сознайся; наказания тебе бояться нечего; не пройдет часа, и ты станешь трупом. Скажи, ты подложил огонь, чтобы погубить Ганнибала?

— Да! — крикнул мальчик с отчаянием.

— Что тебе сделал наш вождь, что ты покушался на его жизнь? — продолжал Зеруйя.

— Ничего, ничего! — возразил Акбар, корчась на земле.— Он был всегда добр ко мне, я любил его и почитал, как отца, но меня принудили сделать это.

— Кто тебя принудил? — спросил стрелок.— Лежи спокойно и рассказывай. Подумай: Ганнибал твой благодетель; долг велит тебе рассказать обо всем и тем хоть несколько искупить свое тяжкое преступление.

— О,— простонал мальчик,— он преследовал меня в течение нескольких месяцев, принуждал меня и грозил страшными пытками, если я его выдам. Я не мог иначе!..— и Акбар, внезапно вскочив, в отчаянии взбежал на скалу и прыгнул в море.

Спасение было немыслимо. Зеруйя вернулся в лагерь и сообщил друзьям о случившемся; было решено каждую ночь по очереди дежурить у палатки вождя. Ганнибал купил себе другого раба, Урамилка, десятилетнего ливийца с открытым, честным взглядом.

Мальчик нес личную службу при Ганнибале и скоро беззаветно привязался к нему, почитая его, как полубога.

Между тем Магон подошел к Генуе с моря, высадился и тотчас же взял ее. Но как только в Риме узнали о высадке опасного врага, было решено принять все меры к тому, чтобы не допустить встречи

братьев. На север были посланы две армии, преградившие Магону путь к югу.

А в это время в Бруттие Ганнибал переживал тяжелые минуты. Римляне окружили его большим кольцом, но в сражение не вступали, предпочитая грабить окрестные города и села, опустошать поля, чтобы лишить пунов съестных припасов. И многие в рядах храбрых соратников Ганнибала гибли жертвой голода и лишений, а пробиться сквозь полчища врагов они не могли.

Между тем управление Сицилией и в следующем (204 г. до Р. Х.) было поручено деятельному Сципиону, который во главе большого, сильного войска решил переправиться в Африку, чтобы напасть прямо на Карфаген и вырвать у него первенство на море. Он высадился с сорокатысячной армией на африканском берегу, расположился лагерем, возвел валы, выкопал рвы и начал грабить окрестности. Жители бежали со своим скарбом в глубь страны и укрывались в городах. В самом Карфагене началась паника.

Посланные на разведку всадники вернулись с кратким донесением: «Деревни выжжены, поля опустошены, флот идет к Утике». Сципион хотел сперва покорить окрестные города и потом уже одним ударом сокрушить мощь Карфагена. Пуны поняли, что им нужно собрать все силы, чтобы отразить смертельный удар, и спешно отправили корабль в Геную, чтобы отозвать полководца Магона.

А между тем Магон выдержал длительный, кровопролитный бой. Победа долго не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, пока предводитель пунов не был ранен копьем в бедро. Кровь ручьем хлынула из зияющей раны, он упал с лошади и без сознания был унесен с поля битвы; пуны отступили, и римляне не преследовали их.

Магон не умер от своей раны и, как только пришел в сознание, скомандовал отступить к морю, где можно было рассчитывать на прикрытие флота. Там его уже ждал прибывший из Карфагена посол с приказом немедленно со всей армией отплыть в Карфаген. «Мы не можем вести наступательную войну и думать о завоеваниях, мы должны защи-

щать собственный кров,— гласил приказ.— Вы должны спешить на выручку родного города! Будем надеяться, что Танит нас не покинет, и докажем еще раз, что мы живем для родины и умрем за родной Карфаген».

Корабли быстро распустили паруса и пошли на помощь родному городу. Уже половина пути была пройдена, и команда уже высчитывала, когда покажутся берега Африки, как вдруг Магон призвал к себе кормчего и сказал ему:

— Я чувствую, что жизнь уходит, что мои часы сочтены. Твоя задача — благополучно привести флот в родную гавань. Поклянись, что ты сделаешь все, что в твоих силах, чтобы сберечь суда и команду!..

— Ты не умрешь! — с глубокой грустью возразил капитан.— Ты в полном расцвете сил и здоровья, Карфаген нуждается в тебе. Танит нас не покинет!

— Я чувствую, что мой конец приближается,— заметил Магон,— я не переживу утра. Клянись же! Мелькарт услышит твою клятву!

Кормчий торжественно исполнил этот ритуал и прибавил:

— Воля божества неисповедима, и судьба людей часто необычайна. Возможно, что римляне произведут на нас нападение, но я твердо знаю, что судно, на котором я нахожусь, войдет в гавань Карфагена или ляжет со мной вместе на дно моря. Я решил, если неприятель вступит на мой корабль, отчаянно бороться, а если мне не удастся их сбросить в море, я одним прыжком буду в трюме. Я сегодня же приготовлю топор, и один-два сильных удара, балки будут разрублены, доски отскочат, волны хлынут, и римляне вместе со мной уснут в глубине. Если мне суждено погибнуть, со мной погибнет много римлян!

Как только разнеслась весть о близкой кончине Магона, каждый пожелал его увидеть еще раз, поговорить с ним, посидеть у одра любимого вождя... Испытанные в боях воины были в отчаянии.

— Не горюйте обо мне! — уговаривал их умирающий.— У вас есть Ганнибал. Он — наша звезда. За него нужно молиться и приносить жертвы богам. Ганнибал и Карфаген — одно!..

День и ночь прошли среди надежд и опасений. На заре Магон потребовал, чтобы его вынесли на палубу и положили так, чтобы он мог смотреть туда, где лежит родина. Вот на востоке всплыл огненный шар.

— Ах! — простонал умирающий. — Солнце! Оно светит и над Карфагеном, над моим Карфагеном! — он вздохнул еще раз, и вождя не стало.

Между тем война разгоралась. Сципион сжег пунийский лагерь, разбил войско, посланное ему навстречу, уничтожил и второе, несмотря на героическое сопротивление. Тогда карфагеняне решили вызвать Ганнибала из Италии, потому что только один он мог еще спасти город. Опять корабли понеслись на север, чтобы вернуть героя на родину.

Римляне в это время штурмом взяли Утику и овладели городом Тунис, лежавшим всего в шести часах от Карфагена. Отсюда они легко могли наблюдать за всем происходившим в Карфагене и в любую минуту произвести нападение.

Пятнадцать лет провел Ганнибал в Италии. Рим дрожал перед ним и до сих пор еще озабоченно глядел на юг, где расположился африканский лев; враг не мог его осилить, но Родина звала его! Невыразимо тяжело было ему покидать страну своих побед, но родина звала его! А он был ее верный сын.

Он никому не сообщил о полученных из Карфагена распоряжениях, снарядил суда, отправил ненадежные полки в мелкие города в качестве гарнизонов: если они и перейдут на сторону римлян в его отсутствие, — это не важно, на них он не мог полагаться. С собой он взял только отборное войско.

Когда все было готово к отъезду, Зеруйя, не будучи в силах сдержать свой гнев, запальчиво спросил послов:

— Разве правительство не могло вместо пустых судов прислать нам солдат?

— Все идет не так, как нужно! — раздраженно воскликнул Маттан. — Нужно было прислать сюда

Ганнибалу стотысячную армию, Рим отозвал бы Сципиона, и нам не пришлось бы покидать Италию.

Эзули также был глубоко опечален и сказал:

— Если бы Карфаген был хоть вполовину так деятелен, как Рим, война была бы кончена еще четырнадцать лет тому назад... Верховный совет имеет глаза и не видел, имеет уши и не слышал того, что мы ему рассказывали. Все кончено!..

Тут Ганнибал обернулся к своим сподвижникам и взволнованно промолвил:

— Много слез прольется в Карфагене; я все предвижу!

Войско было посажено на суда, были совершены торжественные жертвоприношения, военачальники взошли на корабль, и наконец, последним, взошел Ганнибал; корабли снялись с якоря и понеслись по зеленым волнам.

Скрестив на груди руки, Ганнибал с грустью смотрел на страну, куда вступил полный надежд.

«Мой путь отмечен победами,— думал он,— но нам не суждена награда. Сципион, ни разу не оказавший нам сопротивления здесь, в Италии, идет на Карфаген!»

Тридцать четыре года тому назад, ребенком, покинул Ганнибал родной город, чтобы впоследствии весь мир наполнить своей славой, и теперь возвращается домой (208 г. до Р. Х.) с гложущим сознанием, что напрасны были все труды и лишения, тщетны борьба и победы. Когда до Рима донеслась радостная весть, что Ганнибал отплыл в Африку, город возликовал. Знатный и простолюдин, старый и малый — все устремились на улицы, кричали, ликовали, желали слышать подробности; в храмах приносились жертвы, по городу ходили процессии с музыкой, богатые устраивали роскошные пиры; сенат постановил по случаю этого радостного события в течение пяти дней повсюду совершать молитвенные бдения и принести в жертву сто двадцать быков.

Наконец войска Ганнибала увидели африканский берег. Но повсюду стояли римские войска, набранные среди добровольцев и среди жадных к

добыче ливийцев. Пришлось взять курс далеко на восток, и только у Лептиса можно было высадиться.

С тяжелым сердцем произвел Ганнибал смотр своему войску. Из храбрецов, с которыми он перешел через Альпы, большинство остались на полях сражений, раскинутых по всей Италии, а из героев, прошедших с Гамилькаром через Морские ворота, осталась лишь небольшая горсть.

— И мне пришлось пережить этот день! — вздохнул Эзули.— Лучше было бы мне тогда, в Альпах, остаться в снегу: Счастливы павшие в битве!

— Да,— согласился Ганнибал,— счастливы мертвые! И кто думает только о себе, в первом же бою бросается в самую сечу и скоро находит себе покой и мир. Умереть легко! Но что такое я? Я — ничто, Карфаген — все, и пока я могу быть полезен родине, я не смею покинуть свой пост. Мы все еще в неоплатном долгу перед родиной!

На следующее же утро войско направилось к Адрумету и расположилось лагерем. Пока армия отдыхала от переезда через море, во все стороны были посланы разведчики, чтобы выведать расположение и силы неприятеля, а заодно узнать, как обстоит дело в Карфагене. Ганнибал теперь снова проявил необычайную деятельность: добывал слонов, вербовал ливийцев, присоединил к себе остатки армии брата и отряды, завербованные в Карфагене. Когда войска были приведены в боевую готовность, он перешел Баградас и двинулся к Заме, лежавшей в пяти днях пути от Карфагена.

Нумидийский царь Масинисса выставил на помощь Сципиону десять тысяч человек, и римский полководец, сознавая свое численное превосходство и ни минуты не сомневаясь в победе, двинулся к Заме и приготовился к битве.

Ганнибал отлично понимал свое положение, а потому решил вступить с противником в переговоры. Сципион согласился.

На виду обеих армий оба полководца выехали друг другу навстречу в сопровождении небольшой конной свиты, затем, отделившись от свиты, они

съехали в сопровождении одних только переводчиков.

— Наши народы готовы к последнему бою,— начал Ганнибал,— но прежде, чем мы обнажим мечи, выслушай благосклонно то, что я тебе скажу. Ты считаешь на победу, полагаясь на свое численное превосходство, но победа тебе не обеспечена. Вспомни Канны! В каждой битве многое зависит от счастья и случая; если ты будешь разбит, твоей славе конец; если ты победишь, нам придется смириться пред Римом и признать его главенство. Попробуем договориться без кровопролития. Мы пойдем на все условия, лишь бы они не противоречили чести, а твоя слава возрастет, если ты, в сознании своей силы, не потребуешь от противника выполнения позорных условий. Я предлагаю: сохраните все земли, лежащие по ту сторону моря, которыми вы уже владеете и которые завоюете, возьмите все острова и оставьте на нашу долю земли, что лежат по эту сторону моря. К тому же у вас уже достаточно земель, и много еще есть свободных территорий, чтобы на сотни лет удовлетворить вашу страсть к завоеваниям, а мы будем искать счастья в Африке. На этом основании мы можем заключить дружественный союз и будем честно хранить его на все времена!..

— Рим с Карфагеном не ведет переговоров! — гордо ответил Сципион.— Он диктует свою волю. Карфаген может сдаться на его милость и должен принять все условия, какие сенату угодно будет предложить!

— Таких условий ты нам не можешь предлагать,— с достоинством возразил Ганнибал.— На милость неприятеля сдается тот, кому не на что больше рассчитывать; у Карфагена есть еще защитники. Ты так уверен в победе, потому что ты молод, и счастье тебе до сих пор улыбалось, а мне уже сорок четыре года, и с девятнадцати лет я предводительствую; я испытал и знаю превратности судьбы; знаю, что решение богов неисповедимо. Я сумел вам противостоять под Сагунтом, я без числа истреблял ваши войска и наносил поражения вашим полководцам, и свидетели тому — мертвое поле у Тразимена и равнина Ауфидуса. Мы были

ближе к Риму, чем вы к нашим воротам, мы побеждали в течение целого ряда лет; сегодня счастье на вашей стороне, вы все у нас отняли, и я сам предлагаю тебе почетные условия! Подумай: один единственный час может низвергнуть тебя с высоты. Кто поручится, что боги тебе даруют победу?

— Я знаю, что судьба изменчива,— заметил Сципион,— но я ее не боюсь. Вперед! На решительный бой! Кто победит, распорядится по-своему с побежденным!..

Вожди поклонились друг другу и отъехали со свитой каждый к своему войску.

Через час Зеруйя пришел к Ганнибалу.

— С той минуты,— сказал он вождю,— как ты объявил назавтра решительный бой, меня донимают со всех сторон, но я не хочу ничего предпринимать без твоего приказанья. Очень легко в качестве перебежчика проникнуть в римский лагерь, а там мне ничего не стоит завтра, когда Сципион будет строить войска, послать ему смертоносную стрелу... А если перед началом боя будет убит предводитель, судьба сражения тем самым будет решена. Таким путем я содействовал бы победе Карфагена; но я решусь на это только с твоего одобрения.

— Нет, ты не должен этого делать,— спокойно возразил Ганнибал.— Это было бы убийство из-за угла; если завтра, когда Сципион будет в строю перед нами, ты найдешь его, пошли ему свою крылатую стрелу. Это будет честный бой, достойный нас, а измена не для Зеруйи.

— Слава Богу и да святится Его святое имя! — воскликнул стрелок.— Хорошо, что ты мне не приказываешь. Мне было бы трудно идти на такое дело!

Ганнибал, готовясь к бою, прикрыл свое войско с флангов конницей; перед пехотой стояли восемьдесят слонов; пехота была выстроена в три ступени: первую составляли вновь набранные ливийцы и прочие африканцы; вторую — карфагенские граждане, третью — прибывшие из Италии, закаленные в боях воины Ганнибала. Таким образом римляне должны будут постепенно подходить к более сильному врагу, в то время как их собственные силы уж станут слабеть.

Бой начался (202 г. до Р. Х.), земля задрожала от топота слонов, но римляне разомкнулись и пропустили их, а затем стали колоть слонов копьями, пугая их спереди горящими головнями, и слоны повернули обратно и понеслись на карфагенян. Их встретили пиками, лязгом оружия и криком, стараясь направить опять на неприятеля; испуганные животные заметались из стороны в сторону, и карфагенская конница погибла. Произошло страшное смятение, всадники рассеялись, и враги воспользовались этим, рубили и преследовали пунов, пока Ганнибал не остался без конницы.

Иначе развернулся бой в пехотном строю. Это было настоящее, правильное сражение, и Ганнибал примером вдохновлял своих воинов. Он был во главе первой колонны и, когда она под натиском римлян дрогнула, храбрый вождь воскликнул:

— Кто покинет меня? Сюда, ко мне! Я здесь!..

Еще раз попытались пуны дать отпор врагу, но тщетно, и первый ряд их был отброшен и побежал. Вторая линия оказала более сильное сопротивление, но Сципиону удалось и его сломить... Между тем Ганнибал успевал быть всюду, где была опасность; ему не знаком был страх, и с изумлением следили за ним и свои и враги:

— Неужели он такой же смертный, как мы?..

Наконец очередь дошла до третьей линии: в бой вступили старые испытанные полки, прибывшие с вождем из Италии.

— Если мы уступим,— воскликнул Сципион, обращаясь к своим воинам,— мы обречены на смерть все до единого; через несколько недель Ганнибал будет в Риме и с Капитолия будет смотреть на развалины города. Победа или смерть, иного выбора у нас нет!

В таком настроении сражались обе стороны. Наконец римляне начали отступать, пуны теснили их все решительнее. Сципион с беспокойством стал озираться по сторонам, ища выхода... Вдруг вдали показалось облако пыли, оно все ближе и ближе... вихрем несется Масинисса с десятью тысячами всадников и нападает с тыла на пунов... начинается кровавая резня и решает судьбу сражения.

Случилось, как и говорил Ганнибал, что в битве многое зависит от случая: опоздай конница на час, судьба этого дня решилась бы иначе, и римлянам пришлось бы думать о своем спасении; теперь же нумидийцы обеспечили победу тем, кто считал ее уже проигранной.

Ганнибал, как всегда, находился в самом опасном месте сражения и ободрял своих, когда к нему протиснулись Маттан и Элули.

— Прочь, прочь! Спасайся! — кричали они. — Ты не смеешь погибнуть, ты обязан беречь себя для Карфагена!

— Твоя смерть не принесет нам пользы, твоя жизнь дорога! — убеждал Элули и, схватив его коня, повернул, и конь поскакал с поля битвы.

— Прощай, Ганнибал! Я охраняю твой путь! — крикнул Маттан. — Ты должен быть спасен, тебя не будут преследовать!

И Ганнибал спасся с горсткой верных людей, а Маттан остался среди убитых.

Ганнибал прибыл в Карфаген и сообщил, чем кончилось сражение, и в каком положении дела теперь. Жалобы, причитания и слезы не могли помочь беде, карфагеняне должны были признать, что они сами виновны в своем несчастье и создали его, следуя ложным советам. Часть населения готова была сопротивляться до последней капли крови, но Ганнибал говорил:

— Если они захотят разрушить город, тогда и мы погибнем с ним; если же они удовольствуются деньгами и драгоценностями, которые могут быть вновь нажиты, мы должны согласиться на мир и не ставить на карту судьбу Карфагена...

Все согласились с Ганнибалом.

Когда пунийские послы явились к Сципиону с просьбой о мире, римские полководцы хотели настаивать на крайне тяжелых условиях, но Сципион остановил их:

— Ганнибал и при Заме показал себя великим полководцем; если мы доведем карфагенян до крайности, они под его предводительством станут тво-

рять чудеса, и не всегда Масинисса может явиться вовремя.

На это никто ничего не мог возразить, и условия мира были выработаны: Карфаген должен в течение трех месяцев оплачивать и содержать римское войско, должен выдать всех пленных и перебежчиков, все свои военные суда, включая и самые мелкие, и всех слонов; Карфаген обязуется никогда вновь не заводить боевых слонов, должен возвратить царю Масиниссе все, что раньше принадлежало Нумидии; в течение пятидесяти лет ежегодно выплачивать по двести талантов; без согласия Рима не вести войн и в обеспечение договора представить двести заложников.

Тяжелы были условия, но выбора не было, и пришлось уступить неизбежности. Но когда пятьсот военных судов были выведены римлянами в открытое море и зажжены воинами Сципиона, пуны на берегу бросались на колени и, воздевая руки к небу, плакали и рыдали; они не могли понять этой страсти к разрушению; со стен и насыпей мужчины, женщины и дети со слезами смотрели, как пылали галеры и барки, как неопценимые сокровища превращались в пепел.

В тот же день Эзули доложил своему другу Ганнибалу:

— Граждане возбуждены и негодуют на то, что по вине правительства город осужден на гибель; слышны угрозы, заставляющие опасаться худшего; пока народ мог надеяться, он поддавался уговорам, но теперь он видит, что конец начертан огненными письменами, и ярость его прорывается наружу!

Через полчаса явился Зеруйя и рассказал, что с берега возвращаются толпы возбужденного народа и с бранью и проклятиями движутся по улицам; народ говорит, что его обошли, и хочет потребовать обманщиков к ответу; прольется кровь, и свершится жестокая расправа.

Эти донесения не были преувеличены. Страсти народа разгорались; великолепные дворцы погибли в пламени, иные были разрушены, и всюду царили произвол и беззаконие. Но здесь благоразумной части граждан пришла в голову счастливая мысль,

прояснившая мрак будущего: есть еще человек, чей острый взгляд видит недостатки правления, и у него хватит энергии уничтожить их в корне; поставим его во главе правительства, облечем его неограниченной властью! Пусть Ганнибал встанет у руля и приведет государственный корабль в счастливую гавань!

Как только было произнесено это слово, на него откликнулись тысячи сердец, народ ухватился за эту мысль:

— Ганнибал будет нашим спасителем!..

Со всех сторон к дому, где жил Ганнибал, устремились толпы народа с криками:

— Да здравствует Ганнибал! Да живет Ганнибал во веки!..

Когда Ганнибал вышел к толпе, ему была объявлена воля народа. Но Ганнибал был чересчур умен, чтобы согласиться сейчас же на все; он потребовал, чтобы дело пошло законным порядком, чтобы его избрание было утверждено властями.

Народ бурно выражал свое недовольство, и людям, стоявшим во главе правительства, пришлось с ним считаться. Ганнибал торжественно был призван к управлению, и граждане теперь с надеждой стали смотреть в будущее: во главе государства стоял человек, честности и проницательности которого они безусловно доверяли,— Ганнибал, звезда Карфагена.

ГЛАВА XI. СМЕРТЬ ЛЬВА

Прошло три года с тех пор, как Ганнибал стал во главе родного города, и, действительно, ему удалось совершить очень многое. Как часто бывает в военное время, знатные и богатые захватили по-немногу власть в свои руки и мало-помалу лишили народ его прав, стремясь, главным образом, к личному обогащению. Вырвать у них власть, принудить их нести, соответственно их состоянию, часть государственного долга, вернуть народу то, что ему принадлежит по праву,— это тоже была своего рода война, серьезная и тем более трудная, что ее нельзя было разрешить мечом.

— Умереть за родину легко,— говорил Ганнибал,— а жить для нее порой очень трудно; но это священный долг.

Прежде всего он уничтожил пожизненность должностей, ввел подоходный налог и вновь передал верховную власть в руки народа, которому она принадлежала.

Однажды вечером он сидел со своими старыми друзьями, Элули и Зеруйей, и толковал о положении дел. В Риме возникла большая влиятельная партия, которая была недовольна заключением мира с Карфагеном и настоятельно требовала уничтожения ненавистного города, снова достигшего процветания под властью Ганнибала. Рим был точно осведомлен о делах Карфагена; но старый многоопытный Элули ежегодно тайком ездил в Рим и, оставаясь неузнанным, собирал все нужные сведения. В

этот вечер он именно и делился с друзьями своими наблюдениями.

— Нам предстоит исполнить две задачи,— заметил Ганнибал.— Во-первых, мы должны всеми силами содействовать общему благу и стремиться к тому, чтобы все, знатные и простолюдины, бедные и богатые, чувствовали свое единство, чтобы каждый гордился званием карфагенского гражданина. Во-вторых, мы должны тщательно следить за тем, нет ли где у Рима врага, которому стоит оказать поддержку. Я уже давно слежу за выступлением одного человека, который может оказаться опасным Риму. В таком случае Рим, пожалуй, обратится к нам за помощью, и тогда мы могли бы поставить свои условия. Конечно, не следует забывать, что Карфаген должен честно соблюдать условия мирного договора, но я — человек независимый и могу покинуть родной город, когда захочу, могу поступить на службу к любому царю!

Ганнибал говорил горячо и взволнованно, а окончив, ударил маленьким молоточком по металлическому колоколу; дверь открылась, и на пороге, отодвинув тяжелый занавес, появился купленный в Кротоне раб-ливиец. Он вопросительно, но молча и застенчиво смотрел на своего господина.

— Урамильк, я хочу пить,— сказал Ганнибал.

Мальчик с поклоном исчез, а через две минуты вернулся и поставил на столик перед своим господином драгоценный кубок из чистого стекла на золоченой ножке, наполненный холодной водой. Заметив, что раб все еще стоит в дверях, Ганнибал строгим взглядом приказал ему немедленно удалиться и поднес кубок к губам. В ту же минуту Урамильк с ловкостью и быстротой леопарда подскочил к нему, выхватил у него из рук кубок и бросил его на пол; кубок со звоном разлетелся на куски. Мальчик упал на колени и с отчаянием в голосе воскликнул:

— Убей меня! Убей!

В одну минуту Эзули и Зеруйя были на ногах, но, прежде чем они успели схватить преступника, мальчик обнял ноги своего господина, касаясь пола лбом.

— Говори! — сказал Ганнибал.— Что ты задумал?

— О, господин, прикажи меня распять, пронзить стрелами, пусть меня слоны растопчут,— я заслужил тысячу смертей, потому что я хотел тебя отравить!..

— Хотел меня отравить? — спросил Ганнибал с удивлением, стараясь казаться спокойным.— Почему?

— О, мой повелитель, он требовал этого,— ответил раб.— Он еще в Кротоне вручил мне яд, обещая все сокровища мира, если я помогу ему; я все не хотел, но теперь... теперь...— и мальчик должен был остановиться, чтобы собраться с силами; затем он продолжал: — С отъезда из Италии я его не встречал, пока, с полгода тому назад, он не появился здесь и снова не пристал ко мне!

— Кто он? Как его зовут? — прервал его Эзули.

— Не знаю,— ответил Урамильк,— судя по лицу и поговору, он не римлянин; мне кажется, он нумидиец и состоит на римской службе. Он всегда является совершенно неожиданно, в саду, на улице, в сенях, и я никогда не вижу, ни как он приходит, ни куда уходит! Но он не дает мне покоя!

— И ты ни слова не сказал своему господину о том, какая ему угрожает опасность? — воскликнул Зеруйя.— Господину, который с тобой обращается, как с сыном, оказал тебе столько благодеяний?! Как ты от стыда не провалишься сквозь землю?

— О, если бы ты знал,— возразил Урамильк,— какими пытками он мне грозил, если я выдам его хоть одним словом, хоть одним жестом! Впрочем, я ведь не соглашался, и моему господину не грозила опасность. Когда мы вдруг собрались в путь, я не встречал искусителя, а во время переезда я бросил склянку с ядом в море. Я обрел покой и не думал больше о встрече с этим человеком, пока он неожиданно не появился снова. Я не хотел его слушать, но он силой вложил мне в руку пузырек с ядом, каждую неделю уговаривал меня, обещая свободу, богатство и почести, а третьего дня сказал: «Если через три дня Ганнибал будет еще жив, ты сам умрешь мучительной, медленной смертью». С того

дня я лишился сна и покоя, не могу больше есть... Ах, я тебя почитаю, молюсь за тебя, только из страха я хотел отравить тебя!

— Хорошо,— сказал Ганнибал.— Возьмите мальчика с собой и тщательно допросите его; примите все меры, чтобы с ним ничего не случилось,— его жизнь драгоценна. Встань, Урамильк; ступай с Элули и ничего не бойся, ни один волос не упадет с твоей головы; когда следствие окончится, ты снова будешь мне служить,— я не отталкиваю тебя!

С минуту раб безмолвно смотрел на своего господина, потом вдруг разразился слезами; сквозь рыдания можно было расслышать, как он повторял:

— Я не стою этого! Я трус! Убийца! О, боги!..

Друзьям Ганнибала с трудом удалось его увести.

На следующий день Элули был у Ганнибала и толковал с ним по поводу протокола допроса; вдруг в комнату вошел Зеруйя и доложил.

— Какая-то женщина хочет поговорить с тобой с глазу на глаз; ей на вид лет тридцать-сорок, она не знатного происхождения, но производит впечатление порядочной.

— Ни за что! С этих пор мы должны всех подозревать! — воскликнул Элули.

Ганнибал улыбнулся и возразил:

— Я ведь не принимаю из ее рук пищи и питья, а если она захочет напасть на меня с мечом или с кинжалом, надеюсь, я смогу одержать над ней верх; чего же ты боишься? Пусть войдет, а вы оба подождите в передней комнате, на случай, если я вас позову!

В комнату вошла бледная взволнованная женщина.

— Мы здесь одни, господин? — спросила она, боязливо озираясь.

Ганнибал откинул занавес, и она убедилась, что в комнате рядом никого нет. Когда он опустился в свое кресло, женщина упала на колени и, простирая к нему руки, воскликнула дрожащим голосом:

— Спасайся, господин! Спасайся! Он опять здесь, я видела его собственными глазами. Он не успокоится, пока не отправит тебя к праотцам!..

— Успокойся, моя дочь,— мягко сказал Ганнибал.— Я тебя не понимаю. Расскажи, не торопясь и по порядку, что у тебя на душе!

— Меня зовут Циба,— сказала после небольшой паузы женщина.— Двадцать лет тому назад я была служанкой у Гулы. У него часто собирались друзья, и он вел с ними тайные беседы. На меня, ничтожную невольницу, он не обращал внимания, а между тем несколько странных слов заставили меня задуматься, и случай помог мне раскрыть ужасный заговор: дело шло о том, чтобы предать Карфаген, причем его вожди и ты между прочими были обречены на смерть. Я поспешила к суфкету и все ему рассказала. Он купил меня у моего господина, а впоследствии даровал мне свободу. Гула был тогда же схвачен, допрошен и отослан к тебе в Тарс, где и был распят вместе со своим товарищем Юбой. Третий заговорщик, Капуза, исчез; его всюду разыскивали, но он бесследно пропал, как в воду канул! Четверть часа тому назад предо мной мелькнуло его лицо, и, кажется, я громко вскрикнула. Если он снова появился в Карфагене, значит, дело идет о тебе, для тебя отточен кинжал и приготовлен яд! Капуза не выпустит свою жертву!

— Благодарю тебя за твое участие,— сказал полководец,— но подумай, ведь ты двадцать лет не видела этого человека; как он мог измениться за это время! Быть может, ты видела сегодня не его, а самого безобидного человека?

— Нет, нет! — воскликнула Циба.— Его лицо я узнаю из тысячи. Умоляю тебя, прикажи разыскать его, чтобы он не мог тебе повредить!

— Хорошо,— ответил Ганнибал.— Я обдумаю, что следует предпринять, ты скоро узнаешь о моем решении!

Тотчас же были приняты все возможные меры, чтобы выследить опасного человека; но в таком городе, как Карфаген, куда ежедневно прибывали тысячи людей, это было делом нелегким. Кроме того, нужно было найти еще другого изменника, давшего Урамилку яд. Всем слугам было приказано задерживать каждого постороннего, которого увидят в саду или в доме, каждого, кто будет прохаживаться перед домом.

Приказание было в точности исполнено; но ни в ком из задержанных Урамильк не признал человека, давшего ему яд.

На следующий день шпионы выследили одно подозрительное лицо, но Циба заявила, что не знает его. Через четыре дня ее снова позвали, и она, едва войдя в комнату, воскликнула:

— Капуза! Это он! Он!

Арестованный отрицал все, утверждал, что его не зовут Капузой, и что он купец из Лакриды.

— Приведите Урамилька! — приказал Ганнибал.

Мальчик, увидев арестованного, как и Циба, воскликнул:

— Он! Это он!

Теперь было бесполезно запереться, и переданный суду преступник сознался во всем: оказалось, что он подготовил пожар в лагере и тем самым был причиной смерти Акбара. Возмущенные судьи решили отбросить всякое сострадание и осудили изменника на самую мучительную казнь. Ганнибал внимательно прочел протокол судебного заседания, но когда ему нужно было его подписать, без раздумья написал: «Смягчить наказание и отдать на распятие».

Крест был поставлен на берегу моря; Капуза должен был смотреть в сторону Испании, как двадцать лет тому назад Гула и Юба под Сагунтом смотрели с крестов на Карфаген.

Двадцать пять лет тому назад на сирийский престол совсем молодым человеком вступил Антиох III. Он тотчас же бросился в военные предприятия, покорял новые земли и даже перешел Геллеспонт (Дарданеллы). Это не понравилось римлянам, полгавшим, что только они одни имеют право расширять свои владения, и они отправили ему послание: «Мы требуем, чтобы ты оставил всякие притязания на Европу и перешел обратно за море».

— Я не вмешиваюсь в ваши дела в Италии,— ответил Антиох,— и вы не вмешивайтесь в мои; я вам не делаю никаких предписаний, но, в свою

очередь, прошу вас впредь не позволять себе обращаться ко мне с таковыми.

Чем больше на берегах Тибра негодовали на дерзость сирийца, тем больше радовался Ганнибал.

«Вот человек,— думал он,— который не знаком со страхом; он честолюбив, жаждет завоеваний и располагает огромными средствами; я должен вступить с ним в союз».

Антиох в то же время думал: «Вот, если бы у меня был такой полководец, как Ганнибал, я заговорил бы с Римом другим языком. Шестнадцать лет держался он с незначительным войском в Италии; у меня есть то, чего ему недоставало, мы должны соединиться!»

При таком настроении сторон, послы царя негласно прибыли в Карфаген, потом отвезли царю полученный ответ, потом снова явились. Все шло как нельзя лучше, только Ганнибал медлил с решением и оттягивал его выполнение, что было ему совсем несвойственно. Как ни осторожно велись переговоры, о них проведали римские шпионы, и в Риме заговорили:

— Смотрите, как процветает Карфаген с тех пор, как Ганнибал стоит во главе управления! Низвергнутый во прах город пышно расцвел, и если он пожелает снова поднять против нас оружие, его сундуки полны и войско готово. Пока мы можем еще повелевать, потом они будут смеяться над нами. Мы должны требовать выдачи Ганнибала!..

Эзули узнал об этих толках и сообщил Ганнибалу.

— Не следует обольщаться: если Рим потребует моей выдачи, карфагенянам не устоять; знать, питающаяся потом и кровью народа, станет вопить и кричать и нагонит такого страху на простой люд, что он пойдет на все, лишь бы римляне не пришли в город. Я приму меры и живой им в руки не дамся!

Вскоре в гавань прибыл римский корабль, и три сенатора вышли на берег.

— Мы приехали,— сообщили они,— чтобы уладить вопрос о границе Карфагена с Масиниссой, дабы устранить всякий повод к вражде!

Большинство поверило этим словам; но Ганнибал был дальновиднее.

Вечером, выйдя из заседания совета, он направился в сопровождении Элули, Зеруии и Урамилька за город. Они шли, спокойно беседуя, около получаса, затем сели на заранее приготовленных быстрых коней и понеслись. Спутники Ганнибала ничего не подозревали.

На заре следующего дня, после дикой скачки, они подъехали к крепкой башне, одиноко стоявшей у моря и принадлежавшей полководцу. Около нее с некоторого времени стоял оснащенный, готовый к отплытию корабль. Ганнибал со своими спутниками взошел на него и поднял якоря (195 г. до Р. Х.).

Когда судно отошло от берега, Ганнибал подзвал к себе трех друзей и объявил им:

— Как только мне стали известны планы Рима, кони и корабль были все время наготове. Сенаторы рассчитывали привезти меня в Италию, а мы едем в Сирию, к царю Антиоху.

Урамильк бросился к ногам своего господина и, целуя ему руку, воскликнул:

— Куда бы ты ни пошел, я всюду последую за тобой, а когда ты умрешь, умру и я!

Оба старых воина обняли своего вождя и друга, и окрыленные надеждой, отправились в неизвестное будущее.

Никто в городе не заметил отъезда Ганнибала. На следующий день его хватились и обнаружили, что он исчез. На третий день сенаторы пожелали присутствовать на заседании Верховного совета, поговорили о пограничных недоразумениях с Нумидией и в заключение прибавили:

— Впрочем, пока Ганнибал жив и на свободе, нельзя рассчитывать на продолжительный мир; потому вот воля и требование Рима: вы должны выдать Ганнибала, дабы он не мог нам больше вредить; если вы не согласны, мы сегодня же отплывем, а через несколько дней вы увидите римский флот; тогда настанет последний день Карфагена. Теперь решайте!..

Члены Совета поспешили ответить, что исполнят

волю Рима, как надлежит подвластному народу, но что им неизвестно, где Ганнибал находится.

— Третьего дня он был на заседании Совета,— говорили они,— и был здоров, когда уходил. Вчера он не показывался, и мы навели справки; оказалось, что он не ночевал дома, не был у себя в имение и никто не знает, что с ним случилось!

Сенаторам пришлось удовлетвориться этим — даже всемогущий Рим не мог взять человека, который отсутствовал.

Ганнибал между тем спокойно плыл к Тиру и был встречен с радостью и торжеством.

Тирские купцы прекрасно понимали, что Рим добровольно не ограничит своих завоеваний, и что Тир попадет под власть Рима, если его алчности заранее не будет положен предел. Путь Ганнибала до Эфеса, где находился Антиох, был сплошным триумфом.

В Эфесе Ганнибал был встречен с большими почестями и, при виде флота, богатства города и неистощимой казны царя, стал надеяться на победу; но при дворе пиры сменялись пирами, время шло в забавах и развлечениях, все стремились к наслаждениям, были изнежены, и о серьезной военной подготовке никто и не помышлял. Вопреки увещаниям Ганнибала и несмотря на то, что царь вполне с ним соглашался, полководцы не хотели менять приятную жизнь при дворе на лагерную и полную лишений обстановку серьезного похода. Время шло, и все оставалось по-старому.

Когда римляне узнали, что их смертельный враг живет при дворе царя Антиоха, они заговорили:

— Вот почему сириец так высокомерен! Вот почему он разговаривает с нами так, как никто не осмеливается. Раз Ганнибал у Антиоха, это значит, что Сирия готовится к войне с Римом!..

Вторично в Эфес было отправлено посольство с требованием, чтобы царь вернулся в пределы Сирии. Ответ был дан опять отрицательный: Антиох остался при решении померяться силами с римлянами и уж взялся за меч, но не извлек его из ножен.

Таким образом прошло три года с тех пор, как Ганнибал поселился в Эфесе, как вдруг воинствен-

ные этолийцы вступили в борьбу с Римом и предложили Антиоху начать совместные действия. Это побудил Антиоха спешно снарядить корабли. Но его военачальники обставили дело так, что Ганнибал не получил командования, а должен был состоять советником при царе. Герой Ганнибал был слишком велик на их ничтожном фоне; его деяния могли затмить их подвиги; кто заметил бы их тусклый свет в сиянии пунийского солнца!?

Все вышло так, как и следовало ожидать. На беду, в Колхиде царь познакомился с девушкой необычайной красоты, возвел ее (хотя ему было уже 46 лет) в сан своей супруги и с восточным великолепием праздновал свою свадьбу: пиршества и празднества длились всю зиму, и докучливый советник Ганнибал был отстранен.

Между тем римляне успели хорошо подготовиться к войне, и им нетрудно было одержать окончательную победу. При Фермопилах (191 г. до Р. Х.) сирийское войско было уничтожено, и Антиох бежал.

Храбрый Зеруя без устали работал своим мечом, много погубил римлян, увлекая стоящих вокруг воинов своим воодушевлением, и сам погиб в Фермопильском ущелье. Ганнибал и Эзули тоже погибли бы здесь, если бы Антиох не увел их. Тут только понял сирийский царь, что все его полководцы, вместе взятые, не стоят одного карфагенянина. К сожалению, было уже поздно, и нельзя было исправить непоправимого...

Антиох покинул Грецию и снова расположился в Эфесе; но римский флот уже приближался... Разбив сирийские корабли у Фокеи, несколько севернее Смирны, войска высадились на сушу и стали брать один город за другим. Тут царь решил попытаться заключить союз с сильным царем вифинским Прузией и направил ему послание, в котором заявлял то, что несколько лет назад ему самому говорил, к сожалению напрасно, Ганнибал:

— Мы всеждемся своей очереди; только общими силами можно задержать поток, все сокрушающий на своем пути.

Прузия видел это, но так как и римляне искали его дружбы, он сделал то, что делают все трусы:

стал ждать дальнейшего развития событий, чтобы примкнуть к победителю.

А когда сирийский флот вторично потерпел поражение и был почти уничтожен, Антиох отчаялся в победе и стал просить мира.

Однако римские полководцы не желали вступать в переговоры и требовали безусловного подчинения.

— Я еще не так беспомощен,— заявил Антиох,— у меня шестьдесят две тысячи пехотинцев и двенадцать тысяч всадников: сдаться на милость победителя я могу и после поражения. Итак, к оружию!

Он двинулся со всем своим войском к Магнесии, в шестнадцать часов на северо-запад от реки Герм и призвал к себе Ганнибала.

— Командуй и распоряжайся,— говорил царь,— я даю тебе неограниченную власть; ты видишь моих великолепно вооруженных солдат, мой обоз, моих верблюдов и пятьдесят четыре слона! Под твоим начальством мы победим!

— Я приветствовал бы тебя, как победителя,— возразил серьезно Ганнибал,— если бы не препятствовало одно условие. Видишь ли, когда в Италии я командовал своей армии наступление, воины говорили: «Мы снова разобьем римлян!» — и с этой мыслью они побеждали. Только в конце войны они узнали, что значит поражение. У тебя, к сожалению, все иначе. Никакой обоз, никакие верблюды не заменят сознания: «Я до сих пор был победителем и должен победить и в этот раз». Во всяком случае, сделаем, что возможно, и, если боги к нам милостивы, ты украсишь себя лаврами!

Ганнибал укрепил свой лагерь, окружил его двойным валом, глубоким и широким рвом, а внутри возвел еще стену. Когда римляне подступили, он ринулся со своими полками вперед, разбил римлян и обратил их в бегство. Антиох вел себя, как подобает герою, и отразил врага со своего фланга. Но вожди не могли всюду быть одновременно, и там, где их не было, полки под начальством неспособных военачальников уже с начала знали, что потерпят поражение... Кровавопролитное сражение при Магне-

сии завершилось полным разгромом сирийской армии (190 г. до Р. Х.). Антиох бежал с горсткой преданных людей.

— Ты оказался во всем прав,— говорил он Ганнибалу,— сделай я тебя единственным полководцем всей армии и флота, мы сидели бы теперь в Капитолии и в водах Тибра поили бы своих коней. Но все это миновало, и упущенного не вернешь; теперь приходится склониться перед роком.

Уйдя на значительное расстояние и считая себя в безопасности, он отправил к римским консулам послов; было заключено перемирие, в следующем году сменившееся миром.

Антиоху пришлось отказаться от всех земель к северу от Тавра, уступить всех слонов, доставить римлянам огромное количество зерна и уплатить свыше пятнадцати тысяч талантов. Кроме того был определен ряд условий, и самое серьезное среди них — выдача Ганнибала.

Это условие было самое тяжелое для царя Антиоха; несмотря на многочисленные недостатки, он был прямой, честный правитель и не мог согласиться выдать врагу человека, перед которым должен был сам почтительно склоняться. Ганнибал сам помог ему выйти из затруднения. Он точно был осведомлен обо всем, что происходило в Риме, и знал, каковы будут условия мира, а потому римские послы уже его не застали,— он исчез, и Антиох совершенно искренно мог сказать:

— Его нет в моей стране! Клянусь всеми богами, я не знаю, где он!

Все усилия римлян найти грозного врага ни к чему не привели; по всем значительным городам были разосланы шпионы, была обещана большая награда тому, кто его найдет, но никто не мог дать сведений о бесследно исчезнувшем вожде.

Он направился в страну, о которой никто не думал, и спокойно жил на острове Крит... О нем почти забыли, полагая, что его уже нет в живых. А он жил со своим старым сподвижником Эзули, вспоминая пережитое и былую славу: следя за отношениями государств, оценивал их властителей и спрашивал себя: «У кого из них хватит мужества и

силы выступить против Рима, и где я мог бы содействовать победе, бросив свой меч на весы?»

Шли недели, месяцы, годы. Вдруг купцы принесли в Рим известие: «Знаете ли вы, кто спокойно и в полной безопасности живет на Крите? Ганнибал!» Это известие, как громом, поразило римлян: «Значит, он жив? Следовательно, он угрожает нам. Немедленно следует послать на Крит послов: Ганнибал теперь от нас не уйдет».

Был снаряжен корабль, и два бывших консула отправились на остров. По прибытии в богатую Гортину они узнали, что Ганнибал жил там действительно долгие годы, но несколько дней тому назад скрылся.

— Подождите,— говорили критяне,— он вернется!

Римляне ждали дни, недели, месяцы, но Ганнибал не появлялся. Прошло полгода, и послы вернулись домой с донесением:

— Мы опоздали: случилось то, что всегда с нами бывает, когда дело идет о нем; только богам известно, где он и что замышляет!

— Что он замышляет,— говорили сенаторы,— знаем и мы: он создает планы и точит меч против Рима,— на то он Ганнибал. Но где собирается гроза и где она разразится, мы не знаем. Больше тридцати лет этот человек угрожает нам, и мы не можем спокойно спать, пока он жив; но настанет день, когда мы в оковах поведем его по улицам города, и весь народ будет тесниться, чтобы взглянуть на африканского льва, потрогать его, потому что он уже не будет кусаться; тогда мы отпразднуем этот день; таких торжеств Рим еще не видывал! Стены дрогнут от радостных кликов народа, и громовым раскатом повсюду пронесется весть: «Ганнибал, Ганнибал наш!» О, скорее бы настал желанный день!

На южном берегу Черного моря лежало царство Вифинское с главным городом Никомедия. Царем в то время был предприимчивый и честолюбивый Прузия II.

Покинув Крит, Ганнибал неожиданно явился при дворе вифинского царя и открыл ему глаза на его положение:

— Ты поддерживаешь Рим и не думаешь о том, что чем он сильнее, тем скорее наступит день, когда он поглотит и тебя. Пока ты еще слишком слаб, чтобы с ним воевать; ты должен сперва усилить себя завоеванием небольших государств и сделать так, чтобы все добивались союза с тобой, искали бы твоего благоволения и дрожали бы перед твоим гневом!

Руководствуясь указаниями Ганнибала, царь стал заключать союзы, набирал войска, которые Ганнибал обучал в Никомедии. Он умел им сообщить ту уверенность в своих силах, которая так необходима для успеха всякого дела.

Самым могущественным властителем Малой Азии был Эвмен II. Его резиденция Пергам находилась против острова Лесбос, неподалеку от берега, и была одним из красивейших городов. Прузия во многом уступал Эвмену, воспитывавшемуся в школе римлян, и при первом же сражении вифинские войска были разбиты.

— Ты обучал мои войска,— сетовал Прузия на Ганнибала,— и говорил мне, что они могут одержать верх над пергамцами, а оказалось, что они потерпели поражение.

— Я выковал меч,— возразил ему Ганнибал спокойно,— которым умелый воин может разрубить череп и перерубить панцирь; станет ли он негодным от того, что слабая рука не сможет им разрубить и кожаного щита?

Хотя царь и обиделся на слова Ганнибала, но заметил:

— Ты думаешь, что удача возможна? В таком случае, прими начальство и все полномочия с ним связанные.

Работа закипела: войска упражнялись, вооружались, готовились и вскоре вифинский флот выстроился перед пергамским. Эвмен видел численное превосходство своего флота и нисколько не сомневался, что и морская победа останется за ним. Ганнибал за большое вознаграждение приказал наловить

множество ядовитых змей и запрятать их в глиняные, плотно закрывающиеся горшки, которые и были розданы на вифинские корабли. Воинам он сделал следующие указания:

— Я позабочусь о том, чтобы вы знали, на каком корабле находится царь; тогда сосредоточьтесь только на этом судне, берите его на бордаж, занимайте его, и кто схватит или убьет Эвмена, будет поцарски награжден! От остальных судов только обороняйтесь — они вам не опасны.

Оба флота приготовились к бою, и тут совершенно ясно обозначилось, что пергамцы с обоих флангов блокировали вифинцев.

Эвмен отнюдь не изумился, когда неприятель выслал лодку с герольдом в парадном вооружении. Увидев у него в руках большой пакет с печатью, царь решил, что герольд везет просьбу о мире.

Герольд потребовал, чтобы его допустили к царю, потому что он должен передать ему лично письмо Ганнибала, и был допущен к Эвмену. Вручив письмо, посланец сел в лодку и отправился обратно: теперь воины Ганнибала знали, на каком судне находится царь.

Распечатав письмо, Эвмен увидел, что оно включает лишь совет не быть высокомерным и выражение презрения к прислужнику Рима. Царь не мог придти в себя от изумления и стоял с пергаментом в руках, а между тем на его корабль со всех сторон бросились неприятельские суда, как будто больше и не было кораблей у пергамцев. Те, правда, зашевелились, двинулись на вифинцев — и тут на них полетели, пущенные баллистами, глиняные горшки, которые, конечно, все перебили в черепки. Сперва пергамцы только смеялись, но смех быстро сменился ужасом, когда из-под осколков стали выползать ядовитые змеи, кидавшиеся на матросов и на солдат и немилосердно жалившие их. Суда кишели ядовитыми гадами; команды забыли о неприятеле, а думали только о том, чтобы избавиться от страшных змей, несших с собой смерть. В страшной суматохе никто и не думал о спасении царя, но он решил спастись бегством. Невдалеке от

берега стояла его пехота, и если ему удастся добраться до берега он будет под защитой своих войск. Был отдан приказ плыть к берегу; гребцов немилосердно били кнутами, чтобы заставить спешить. Корабль летел стрелой, и царь в страшном волнении стоял на носу, готовясь прыгнуть. За ним гнались неприятельские галеры, вифинцы кричали и грозили. Но счастье спасло Эвмена, он успел добраться до берега, и преследователи не настигли его.

Прузия был в восторге. Неприятельский флот частью стал его добычей, частью был уничтожен, враг разбит, множество пленных, царь бежал. Кто мог надеяться на подобное счастье!

— С этих пор ты первое лицо после меня в стране,— говорил он Ганнибалу.— Распоряжайся моими слугами, моей казной,— все тебе должно подчиняться, и я позабочусь о том, чтобы тебе оказывались почести, какие оказывают только мне. Ты недавно был со мной в моем дворце Либиссе, он понравился тебе; пусть же с этих пор он будет твоей собственностью. Пусть его отделают и украсят по твоему вкусу; не стесняйся в расходах,— мой казначей за все заплатит.

— Благодарю тебя, царь,— ответил Ганнибал,— этот подарок мне очень приятен, я ценю его. Но теперь следует уничтожить Эвмена; мы научили пергамцев грести, теперь следует научить их бегать.

Прузия согласился, и вскоре после морского сражения состоялся кровопролитный бой. Эвмен заклинал своих воинов не отступать, не колебаться; но враг нападал там, где его совсем не ожидали, совершал переходы и маневры, каких он еще никогда не видывал, и кончилось тем, что Эвмен был увлечен общим потоком бежавших солдат. Поражение было ужасное. Никомедия торжествовала победу, все ликовали. Победители принесли огромную добычу, и царь ежедневно осыпал своего несравненного полководца все новыми почестями. Дворец Либисса лежал всего в восьми часах от столицы. Ганнибал устроился в нем очень уютно, но помимо уюта подумал еще кое о чем.

— Как только римляне узнают, что я здесь, они, конечно, потребуют моей выдачи; кто поручится, что Прузия из страха не уступит им? Следует позаботиться о выходе, которым можно будет воспользоваться в случае нечаянного нападения.

Из этих соображений Ганнибал устроил во дворце и в саду выходы на все стороны. Главной же его задачей было обучение и формирование воинского характера, и в скором времени его войска могли сделать вдесятеро больше и напоминали ему его старых пунов.

В один из дней прискакал на военной колеснице сам Прузия и сообщил, что ему донесли о необычайных приготовлениях царя Эвмена: он не щадит никаких средств, не останавливается ни пред какими жертвами, чтобы снарядить достаточное по численности и качеству войско, дабы одним ударом покончить с вифинцами.

— Твои слова, царь, меня необычайно радуют,— заметил полководец,— мои соглядатаи давно уже обо всем мне донесли, а я предпочитаю разбить восьмидесятитысячную армию, вместо сорокатысячной!

Царь с изумлением смотрел на него.

— Ты, однако, очень самонадеян! Уверен ли ты, что подтвердишь эту самонадеянность?

— Да, и войска верят мне, они знают, что вместе мы победим!

Ганнибал выполнил свои намерения и одержал полную победу. Три четверти неприятельской армии остались на поле сражения, а остальная четверть вместе с царем спаслась отчаянным бегством. Вифинцам досталась несметная добыча: тут было оружие, колесницы, кони, верблюды, драгоценности царя и его приближенных. Прузия чуть не причислил Ганнибала к сонму богов и устроил ему такой въезд в Никомедию, какого город никогда еще не видывал и какого ему и в будущие времена не суждено было увидеть. Над Вифинией взошло солнце славы, зато Пергам погрузился в глубокое уныние, а Эвмен обратился к римлянам за помощью.

— Рим ко всему равнодушен,— возразил ему консул Фламиний,— но, надо сознаться, были вре-

мена, когда мы трепетали, но то было при Ганнибале; с тех пор прошло уже двадцать лет. Как ты только позволяешь какому-то Прузии тебя бить?

— О, если бы дело шло о нем, я не беспокоился бы, но у него есть новый полководец и не кто иной, как Ганнибал.

— Ганнибал? — воскликнул Фламиний и вскочил с места.— Карфагенянин Ганнибал!.. Мы считали его уже умершим. Ты в этом совершенно уверен?

— Совершенно! — подтвердил царь.— Он заново организовал армию Прузии и всем распоряжается.

— Тогда другое дело! Теперь все понятно,— заметил консул.— Распорядись, чтобы немедленно снарядили к отплытию корабль, и я поспешу пока в Рим. Да, если твоими противниками командует Ганнибал, ясно, почему ты потерпел поражение. Я сегодня же отправлюсь в путь!

Фламиний поспешно прибыл в Рим и доложил обо всем сенату. Тотчас же было принято единодушное решение и без промедления в Никомедию отправлено посольство с Фламинием во главе. Консул, сойдя на берег, явился к царю и потребовал выдачи страшного врага, присовокупив, что не допустит никаких переговоров, а в случае отказа немедленно будет объявлена война.

Требование это застигло Прузию врасплох, и он не нашелся ничего возразить, кроме того, что законы гостеприимства запрещают ему выдать Ганнибала.

— Конечно,— согласился Фламиний,— гость под защитой богов, для тебя он неприкосновенен, но я могу его взять. Выслушай мое предложение: ты или примешь его, или отвергнешь: на моих судах много солдат; ты укажешь мне местопребывание Ганнибала и поклянешься, что о нашем разговоре не узнает ни одна душа, пока я тебя не уполномочу. Решайся же! Но скорее!

— А если я дам свое согласие,— робко спросил царь,— будет ли мне обеспечена неприкосновенность моей страны, и согласны ли вы меня защищать от всех врагов?

— Рим защищает всех своих друзей,— заметил Фламиний.

— Я согласен, вот тебе моя рука,— сказал Прузия, и союз был заключен.

Однажды рано утром, когда Ганнибал работал у себя, в комнату ворвался Урамильк.

— Господин! Я только что был на башне: со всех сторон сюда направляются вооруженные люди. Тебе угрожает опасность!

Не говоря ни слова, Ганнибал поднялся наверх: все выходы были заняты, дворец и сад были окружены со всех сторон,— спасенья не было. В одну минуту Ганнибал взвесил положение и приказал:

— Закройте все двери; пусть римляне приступом возьмут дом. Эзули и Урамильк, подойдите сюда!

Оставшись наедине с ними, он продолжал:

— Живым в руки римлян я, конечно, не дамся; в этом вы, разумеется, не сомневаетесь. Я с давних пор ношу при себе пузырек с ядом. Урамильк наполни вином мой кубок. Ты, Эзули, последний из тех, кто пятьдесят четыре года назад, когда я был еще ребенком, вместе с моим отцом покинули Карфаген. Возьми мой меч, освященный в храме Мелькарта, отнеси его в Карфаген и вручи кому-нибудь из нашего рода,— пусть, они честно носят его, как я носил. Прощай, мой друг!

Урамильк, рыдая как ребенок, упал на колени.

— Живи, господин, живи!

— Разве ты хочешь,— спокойно возразил Ганнибал,— чтобы я в цепях шел за триумфальной колесницей римлянина?

— Нет, нет, господин, лучше смерть! Но и я умру с тобой!

— Вот пузырек с ядом: одной четверти его достаточно. Ну, виночерпий, в последний раз исполни свою обязанность! Так!.. Подай сюда кубок!.. Благодарю!..

— И я хотел бы умереть с тобой,— дрогнувшим голосом заметил Эзули,— но я должен жить, чтобы поведать обо всем. Слышишь! Они стучат в ворота!

— Вся жизнь лишь подготовка к последней минуте,— спокойно и задумчиво сказал Ганнибал.—

Горе тому, кто в смертный час не сможет сказать, что исполнил свой долг!

Элули и Урамилък благоговейно склонили колени перед благородным вождем. Он высоко поднял свой кубок и воскликнул:

— О, боги, призываю ваше благословение на Карфаген! Возвеличьте, украсьте мой дорогой город всем, что есть лучшего в мире, всем, что вы можете даровать человеку! Пошлите ему свободу и счастье! Проклятие Риму, проклятие умирающего ему, разрушителю, престапующему клятвы верности!..

В несколько глотков он осушил кубок и снова заговорил:

— Так! Дайте мне руки! Вы остались мне верны до смерти... Она идет... идет... боги, благословите Карфаген!..

Судорога пробежала по его телу, и геройский дух покинул его.

Внизу римляне кричали, стучали и ломались во входную дверь... Урамилък вторично наполнил кубок, вылил в него весь остальной яд, выпил, встал на колени перед своим господином и положил голову на его руку,— еще минута, он громко вскрикнул и скончался.

Входная дверь с треском подалась под ударами, и все стихло. Начальник римлян поднялся наверх, чтобы взять грозного врага. Он отбросил занавес, за ним теснились воины, блестили мечи и копья. В великолепном вооружении, словно триумфатор, вошел Фламиний... но на кресле сидел мертвый Ганнибал, а у его ног лежал другой, тоже объятый вечным сном; за креслом стоял, опершись обеими руками на спинку, семидесятишестилетний старец. Прошла минута глубокого молчания, и Элули заговорил торжественным голосом:

— Склонись, ты в чертоге смерти. Вы ищете Ганнибала? Его нет,— здесь только его тело. Возьмите его, как добычу, покажите римлянам, удвольтесь одеждой,— герой был не для вас!..

Когда в Рим пришло известие о смерти человека, перед которым он так часто дрожал, народ воз-

ликовал и торжественно отпраздновал этот день. Но ни до, ни после Ганнибала ни один из полководцев не мог при подобных условиях столько совершить, и никто не может искреннее и глубже любить родину, чем Ганнибал. Вся его жизнь была бескорыстная жертва на алтарь отечества; потому-то слава о нем, как яркая звезда, сияет во все времена, и на скрижалях истории в ореоле величия начертано имя его — Ганнибал.

ГЛАВА XII. ЗАНАВЕС ПАДАЕТ

Элули принес Карфагену прощальный привет Ганнибала и его драгоценный меч. Город оплакал смерть своего вождя, справил по нем торжественную тризну, и меч был повешен в храме Мелькарта.

Через несколько недель и Элули ушел на вечный покой: звезда, которой он благоговейно поклонялся, закатилась, что же ему оставалось делать здесь, на земле?

Скоро пришла новая беда. Царь нумидийский, Масинисса, напал на земли Карфагена, зная, что римляне возьмут его сторону; наконец терпение пунов истощилось, они отбросили его назад и послали в Рим сообщение, что они отнюдь не желают нарушать мир, напротив, твердо решили соблюдать его. Сенат потребовал триста юношей в качестве заложников. Когда же заложники были доставлены, к берегам Африки двинулся большой флот (149 г. до Р. Х.) и потребовал выдачи оружия и боевых орудий; а когда пуны, опасаясь за жизнь заложников, исполнили это требование, консулы объявили, что Карфаген будет разрушен до основания.

Пуны были возмущены, негодовали и решили умереть с оружием в руках.

Город подвергся нападению с моря и с суши; жители защищались с беспримерным мужеством. Рубили деревья, вырубали балки, чтобы доставить материал для боевых орудий и для судов; всякий металл шел на выделку мечей и копий; жители

отдавали свою серебряную утварь для выделки наконечников для стрел; на площадях и в храмах с утра до вечера и ночью, при свете факелов, стучали молотки, визжали пилы, раздавался стук кузнечных молотов; мужчины, женщины и дети,— все принимали посильное участие в работе... Стены укреплялись, бреши засыпались, корабли закладывались, панцири, щиты, мечи и метательные копья имелись всегда в запасе; тысячи хорошо вооруженных воинов защищали город, производили вылазки, мешали работам осаждавших и поджигали неприятельские корабли.

Прошел год, одни консулы сменились другими, а пуны не сдавались, сознавая всю важность положения. Суфпет был заподозрен в намерении заключить мир с Римом и единогласно приговорен к смерти. На его место был призван полководец, стоявший до сих пор с войском вне городских стен. Жрец Мелькарта вынес из храма меч Ганнибала и торжественно, в присутствии Верховного совета, передал его избраннику.

Вновь избранный суфпет с воодушевлением схватил поданный ему меч и воскликнул:

— Ганнибал да будет мне примером, а Карфаген — судьей!

Бой продолжался с еще большей силой. Газдрубал, новый суфпет (он не состоял в родстве с родом Гамилькара), был на ногах и день и ночь и наносил римлянам страшный вред своими безумно-смелыми вылазками... Прошел и второй год осады, а повелитель морей по-прежнему стоял с гордо поднятой головой, не думая склониться перед Римом.

На следующий год римляне призвали молодого Сципиона, сына погибшего при Каннах консула Эмилия Павла, и послали его со свежими силами в Африку. Сципион совершенно иначе повел осаду: он прежде всего опустошил всю страну вокруг Карфагена, чтобы пунам преградить подвоз продовольствия. Карфагеняне завели правильное полевое хозяйство в пригородах, обратили сады в хлебные поля, но земля не могла произрастить столько, сколько было нужно, и нужда надвигалась.

Прошло четверть года, полгода, жители бились, презирая смерть, но нужда становилась острее, и наконец пришел голод со всеми его ужасами.

Когда был съеден весь скот, дошла очередь до лошадей, ослов, верблюдов, потом стали есть собак, кошек, певчих птиц, обезьян и попугаев; все растения употреблялись в пищу: цветы, листья, корни, трава, но лозунг оставался прежний: «Мы не сдадимся!»

Так минул еще год, и начался четвертый год осады. Сципион остался у власти и, когда весной перешел в наступление, почувствовал, что голод делает свое дело, и силы осажденных падают. Город был погружен в печаль и уныние; всюду раздавались жалобы: и во дворце и в самой бедной хижине. Прежде всех погибли грудные дети, за ними последовали больные, старики и слабые; смертность возрастала, и мертвецов уже не могли, как следует, хоронить. Нужда все росла, и Газдрубал решил просить Сципиона о мире: вся область, пусть вся область отойдет к Риму, только город останется свободным и сохранит свою независимость.

— Сдай мне город, и я тебе заплачу десять талантов, — ответил на это Сципион.

Газдрубал с презрением отверг такое предложение. В городе совершались религиозные процессии, тысячные толпы с зажженными свечами двигались по улицам, торжественно носили статуи богов, все храмы были завешены черным, над входами горели факелы, и молящиеся падали ниц, умоляя богов о помощи — люди были уже бессильны...

Нужно было всем жертвовать для умиловления грозного и всесильного Мелькарта.

— Карфаген в несчастье! Кровью склоните бога на милость! — раздался страшный клич.

Был брошен жребий, чьи сыновья должны быть принесены в жертву богу огня, и ежедневно стала повторяться страшная церемония. Вокруг, на стенах храма стояли курильницы, наполняя весь храм одуряющим ароматом и окутывая его синеватым дымом, трещал огонь, пожирая кедр и лавр, а внизу на ступенях лестницы, ведущей к трону Мелькарта, полукругом стояли отцы, приносившие в жертву ро-

дному городу все, что было самого дорогого. Перед каждым из них стоял закутанный во все черное (чтобы не видеть, что происходило) сын; жрецы в красных плащах пели свои песнопения, верховный жрец провожал одного мальчика за другим наверх, клал его на вытянутые руки Мелькарта, дотрагивался до железной цепи, и жертва исчезала в пламени; трубы гремели, барабаны трещали, жрецы пели, и до слуха благоговейно настроенной толпы не долетало ни единого стона.

А голод становился все сильнее, смертность все усиливалась, сила сопротивления ослабевала, и Сципион наконец проник в пригород.

Утвердившись здесь, римляне бросились на сам город. Защитники его, исхудалые, изголодавшиеся, и тут оказали героическое сопротивление: каждую улицу нужно было брать с боем, каждый дом приходилось осаждать, отвоевывать каждый этаж. Узкие улицы, заключенные между шестизэтажными домами, вели на скалы; копья, камни, посуда летели из окон на наступавших, и тела павших преграждали им путь. Сципион приказал подкапывать дома, чтобы они рушились и под развалинами погребали обитателей. Однако, дело подвигалось слишком медленно. Тогда римляне стали поджигать дома, и город горел целую неделю, потом целую неделю римлянам пришлось расчищать себе путь от руин, чтобы предпринять штурм крепости.

Жители, доведенные до изнеможения голодом и бессонными ночами, при виде страшного опустошения, потоков крови и пожаров, при виде легионов, готовых продолжать свое страшное дело, пришли в отчаяние и вступили с врагом в переговоры. А когда римляне обещали пощадить их жизнь, пятьдесят пять тысяч человек вышли из крепости: их слабые руки не в силах были поднять меч.

Но Газдрубал с семьей и с ним девятьсот человек граждан сказали: «Умрем, но не сдадимся!» и направились к большому храму, стоявшему на самом высоком холме. К храму вела лестница в шестьдесят ступеней. Тут начался бой, какого не было еще за все время осады. Сципион все предал огню и решил во что бы то ни стало штурмовать послед-

нее прибежище. Осажденные не думали о победе, они знали, что здесь умрут все до единого.

На долю Газдрубала выпали нечеловеческие усилия: он не только мечом отражал наступавших врагов, он должен был обо всех заботиться, руководить боем, ободрять падавших духом и воодушевлять своим примером, и это в течение нескольких ужасных дней.

Но настала минута, и он не выдержал, его энергия иссякла. Вокруг все пылало, мертвецы, раненые, искалеченные,— все смешалось в одну кучу, глаз видел всюду только кровь, трупы и огонь. Ужас охватил неустрашимого вождя; широко раскрытыми глазами смотрел он на всю эту жуть и, не зная, что делать, отшвырнул от себя свой меч, бросился вниз и, пав ниц перед кровавым победителем, молил: «Мир! Мир!»

Когда вождь, охваченный отчаянием покинул место сражения, оставшиеся сами подожгли здание. На плоскую крышу храма взошли в праздничном уборе жена Газдрубала с двумя детьми, тоже в праздничных одеждах. В руке она держала меч Ганнибала. Призывая богов, она подняла его высоко к небу, затем пронзила им детей и бросила их в пламя. Вновь подняла она меч к солнцу, призывая Мелькарта и Танит, вонзила себе его в грудь и сама ринулась в пламя. Через несколько минут раздался страшный глухой удар, и храм обрушился. Бой кончился.

Город был отдан на разграбление солдатам, а потом подожжен со всех концов: в течение семнадцати дней продолжались пожары, и на месте города осталось обширное поле пепла.

Великий сын Карфагена, воплотивший в себе идеал патриотизма и героического мужества, покоился в чужой стране, а символ его жизни погиб вместе с родным городом — во время пожара Карфагена погиб и меч Ганнибала.

Три Войны

Текст печатается по изданию:
А.И. Немировский
«Три войны»

Государственное
учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Ленинградское отделение
Ленинград, 1961 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ СХВАТКА

Весной 264 года до н. э. по извилистой улице Рима двигалась толпа. Впереди шли двое мужчин в серых шерстяных плащах, края которых наподобие капюшона закрывали голову. Это были жрецы-фециалы. В руках одного из жрецов, старшего — священное копьё бога войны Марса. Наконечник копья в крови только что принесенного в жертву коня. Другой жрец нес в вытянутой руке пучок травы, растущей на склонах римского Капитолия. За жрецами шли сенаторы в белоснежных тогах и люди из простонародья, называвшегося в Риме плебсом.

В глубоком благоговейном молчании процессия приблизилась к вкопанному в землю каменному столбу у храма богини войны Беллоны. Старший жрец поднял копьё, и в тишине прозвучали слова, всегда произносившиеся при объявлении войны:

«...Так как пунический народ и пуны выступили против римского народа и римский народ повелел быть войне, и сенат римского народа эту войну одобрил, я объявляю и начинаю войну римского народа против пунов...»

С этими словами жрец метнул копьё за каменную колонну, и оно исчезло в густой траве.

Этот священный обряд объявления войны был хорошо знаком не только римлянам, но и их соседям. С тех пор, как на семи холмах у реки Тибр появился Рим, жители города бесчисленное множество раз наблюдали этот обряд.

Границы Рима когда-то проходили у самых его стен. Для объявления неприятелю войны жрецам-фециалам достаточно было выйти из городских ворот и спуститься к Тибру. На северном берегу реки жили этруски, могущественный и культурный народ, некогда господствовавший в Средней и Северной Италии.

Текли к морю мутные воды Тибра. Лилась кровь в бесконечных войнах Рима с многочисленными племенами Апеннинского полуострова. Все дальше отодвигались границы Римского государства на север, юг и восток. Все дальше и дальше приходилось идти фециалам, чтобы забросить копье войны на вражескую землю. И наступило время, когда к югу от Рима, вплоть до пролива, отделяющего Италию от Сицилии, простирались римские владения.

Враги находились за морем. Им бросал теперь Рим вызов. Но как забросить на вражескую землю копье? Отказаться от древнего обычая? Нет, на это римляне не могли пойти! Они боялись гнева бога войны Марса. Но Марс не обидится, если несколько изменить древний обычай. И римляне вкопали в землю близ храма Беллоны столб. Этот столб должен был обозначать пограничный рубеж, а покрытый травой клочок земли за столбом — воображаемую территорию врага.

Копье Марса брошено. Война с пунами началась.

ПУНЫ И КАРФАГЕН

Пунами римляне называли жителей могущественного Карфагена.* Карфаген находился на полуострове, глубоко вдающемся в морской залив, называемый ныне Тунисским. Карфаген был основан выходцами из финикийского государства Тира** в конце IX в. до

* Точное название города — Карт Хадашт, что означает «Новая столица».

** Финикия — страна на восточном берегу Средиземного моря (ныне Сирия и Ливан). Здесь в глубокой древности выросли могущественные города-государства. Выходцы из финикийского города Тира основали в 814 г до н. э. город

н. э. и скоро превратился в крупнейший город западного Средиземноморья. После захвата Финикии сначала ассирийцами, а затем персами, Карфаген распространил свою власть на многие страны Средиземноморья. Карфагену принадлежала часть Сицилии, остров Корсика, Балеарские острова, юго-восточное побережье Испании. Столбы Мелькарта* — так называли финикийцы Гибралтарский пролив — были в руках Карфагена.

Власть в Карфагене принадлежала знатным родам, считавшим своих предков основателями города. Главы родов составляли Большой Совет. Из трехсот пожизненно входящих в него членов выделялись пятерки, каждой из которых поручалось какое-нибудь особое задание. Помимо этого тридцать членов Большого Совета ежегодно избирались в состав Малого Совета. Во главе этих тридцати стояли два высших должностных лица — суффеты (судьи). Они могли быть переизбранными неограниченное число раз. Суффеты командовали армией и флотом, творили суд, принимали послов. Они могли созывать народное собрание. Простой народ в Карфагене, так же как и в Риме, не пользовался правами. Он должен был подчиняться воле рабовладельцев-богачей.

Карфаген славился как торговый город. На его рынке близ гавани всегда шел бойкий торг. Здесь можно было купить не только изделия карфагенских ремесленников, но и дары всех известных в то время морей и стран. Здесь был и золотой песок в кожаных мешочках с западных берегов Ливии,** куда проложил путь отважный мореплавателю Ганнон, и янтарь с побережья Балтийского моря, называвшийся «золо-

Карфаген. Предание приписывало основание города полусказочной царице Дидоне. Она будто бы купила у местного племени землю, какую могла бы покрыть шкура быка. Разрезав шкуру на тонкие ремни, хитрая царица, уплатив небольшую сумму, приобрела большой участок земли. Здесь и вырос богатый Карфаген.

* Мелькарт (по-финикийски — «царь города») — солнечное божество, почитавшееся сначала в Тире, а затем в Карфагене.

** Ливией называлась в древности Африка.

том Севера», слононая кость из степей Ливии, ковры из Малой Азии, украшения из Египта, лес из Италии.

Но больше всего на рынке Карфагена было рабов. Сотнями и тысячами доставляли их сюда с кораблей. Полуголые, со связанными руками, стояли они на помостах. На рабов был большой спрос. Их охотно покупали богатые карфагеняне, имевшие поля, сады и виноградники в окрестностях Карфагена или других городов Ливии.

Рабов заставляли пахать землю, пасти скот, сажать деревья, рыть каналы, обрезать сухие виноградные лозы. Земля, обработанная руками невольников, давала обильный урожай. Закрома наполнялись золотым зерном. В глиняные бочки в подвалах бесконечной струей лилось пахучее оливковое масло и светлое вино. А богачи отказывали рабам и в пище и в одежде. Они не жалели для них, пожалуй, только палок и плетей.

Чтобы никогда не иссякал поток золота и серебра, чтобы карфагенские богачи не испытывали недостатка в рабах, Карфаген вел войны. Вся история Карфагена наполнена войнами. Карфагеняне воевали с нумидийцами,* греками, иберийцами (жителями современной Испании) и другими племенами и народностями. Войны обогащали карфагенскую знать, крупных землевладельцев и купцов.

Сами карфагенские богачи не любили воевать. Сияние золота в их сокровищницах было для них приятнее блеска отточенного клинка. Зачем богачам было рисковать жизнью? Разве в Греции, Иберии, Египте мало людей, не имеющих средств к существованию? Дать этим людям немного серебра и золота, и пусть они воюют на стороне Карфагена, доставляют новых рабов, новые богатства!

Так в III в. до н. э. в армии Карфагена появились отряды наемников. Конечно, наемникам были чужды интересы Карфагена. Они воевали, пока им платили. Они повиновались военачальникам, пока это им выгодно. Управление наемным войском было искусством, которым владели в совершенстве лишь немногие

* Нумидия — страна к западу от Карфагена. Нумидийские цари обычно находились в зависимости от Карфагена.

карфагенские полководцы. Достаточно сделать один неверный шаг, и наемники отказывались сражаться или даже поднимали оружие против Карфагена.

Наемники получали золото и серебро из рук полководца. Если бы полководец вздумал приказать им идти на Карфаген, они бы выполнили этот приказ. Карфагенская знать с большим недоверием относилась к выдающимся карфагенским полководцам, опасаясь, что они, с помощью наемников, захватят власть.

Могущественные полководцы опирались, конечно, не на одних наемников. Они привлекали на свою сторону неимущих и малоимущих граждан Карфагенской республики, готовых по любому поводу выступить против ненавистных богачей.

Острая борьба, происходившая внутри Карфагенского государства, борьба между рабами и рабовладельцами, богатыми и бедными, карфагенянами и наемниками, противоречия внутри правящего класса — также толкали Карфаген на войну.

В VI-IV вв. до н. э. карфагеняне вели войны с греками. С Римом же в это время они поддерживали дружественные отношения. «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами», — этими словами начинается первый договор Рима с Карфагеном, заключенный в 509 г. до н. э.

Во время вторжения Эпирского* царя Пирра в Италию Рим и Карфаген заключили новый, третий по счету, договор. Обе стороны должны были оказывать друг другу военную и денежную помощь в войне с Пирром. Таким образом, на протяжении нескольких столетий между Римом и Карфагеном существовали дружественные отношения. Оба государства были заинтересованы в торговле, мореплавании и взаимной военной помощи.

Третий договор между Римом и Карфагеном был заключен в 280 г до н. э., а в 264 г. до н. э. римляне и карфагеняне вступили в самую продолжительную и кровопролитную войну, которая известна древности.

Первый период этой войны, длившийся двадцать три года, получил название Первой Пунической войны.

* Эпир — область на севере-западе Греции.

СИЦИЛИЯ

Что же положило конец многолетней дружбе между двумя государствами? Из-за чего началась первая Пуническая война? На это можно ответить одним словом: Сицилия.

Почти в центре Средиземного моря раскинулся этот благодатный остров. Греки называли Сицилию «Тринакрией» — треугольной. Один угол острова обращен на север, к Италии, два других — на запад и восток.

Издалека можно разглядеть высокую гору с белой вершиной. Это Этна, самая удивительная гора, которая была знакома людям древности. В ее груди бушует вечное пламя. Иногда оно вырывается наружу. Тогда Этна напоминает сказочного великана Тифона, содрогающегося от ярости. Как живое существо она выбрасывает из своего кратера огромные глыбы камня.

Но ни Этна с ее страшным и беспричинным гневом, ни другие опасности, угрожающие мореплавателю, не могли отвлечь от острова отважных и жадных искателей приключений и богатств. Они посещали берега Сицилии, торговали с местными жителями — сикулами, а порой нападали на них, убивали мужчин, увозя в трюмах крутобоких кораблей женщин и детей.

Наступило время, когда греков уже не удовлетворяли разбойничьи набеги на берег Сицилии. Возросшему населению их каменистой страны не хватало хлеба. На склонах величавой Этны и других гор паслись бесчисленные стада овец и свиней. Тут имелся в изобилии лес, годный для постройки кораблей; реки Сицилии богаты рыбой.

В VIII-VI вв. до н.э. толпы переселенцев из различных городов материковой и островной Греции высаживались на восточном берегу Сицилии и основывали здесь поселения, которые принято называть колониями. Местные жители обращались в рабство или отгеснялись вглубь острова. Со временем богатые греческие колонии стали соперничать со старыми городами Греции — Афинами, Коринфом. Самой богатой и могущественной из сицилий-

ских колоний греков были Сиракузы. Владетели Сиракуз распространили свою власть на всю Восточную Сицилию.

Богатства Сицилии привлекли внимание и карфагенских рабовладельцев. Они захватили юго-западное побережье острова. В течение нескольких столетий из-за Сицилии происходила борьба между греками и карфагенянами. Не раз карфагеняне наносили грекам поражения. Не раз и греки топили карфагенский флот, уничтожали карфагенскую армию. Но ни грекам, ни карфагенянам не удавалось утвердить свое господство над всей Сицилией.

А пока греки и карфагеняне истощали свои силы в бесконечных войнах, выросло могущественное Римское государство.

В 270 г. до н. э. римский гарнизон стоял уже в городе Регии, на берегу узкого Мессинского пролива. С обсаженной широколиственными платанами набережной Регии римляне бросали жадные взоры на благодатный остров. Они понимали, что тот, кто завладеет этим островом, будет держать ключи от всего Средиземноморья. Риму нужен был лишь повод для захвата Сицилии — и он его нашел.

МАМЕРТИНЦЫ

Удивительный обычай существовал у итальянских племен. Раз в несколько лет, в начале весны, богу Марсу (иначе Мамерсу) посвящалась мужская молодежь, в этом году достигшая совершеннолетия. Возглавляемые своим предводителем — «царем молодежи» «дети Марса», или мамертинцы, должны были навсегда покинуть родину и искать счастье на чужбине. Считалось, что сам Марс отныне заботится о молодых воинах.

Этот обычай посвящения молодежи Марсу и ее переселения в новые места назывался «священной весной».

Один из отрядов мамертинцев поступил на службу в войско Сиракуз. Буйные и непокорные наемники стали внушать страх сиракузцам, и те поспешили от них избавиться.

За годы скитаний мамертинцы давно уже забыли путь на родину. Поэтому, прибыв в город Мессану,* чтобы оттуда переправиться через пролив в Италию, они решили захватить этот город. Воспользовавшись темной ночью, они ворвались в дома, перебили мужчин, а женщин и детей обратили в рабство. Укрепившись в Мессане, мамертинцы стали совершать отсюда разбойничьи нападения на земли Сиракуз и карфагенские селения.

Владетель Сиракуз, Гиерон, собрав большое войско, выступил к Мессане. В кровопролитном сражении у стен города он разбил мамертинцев. Одни из них искали поддержки у карфагенян и даже передали им городскую крепость — акрополь, — другие же обратились за помощью к римлянам, к которым они были близки по языку и религии. Римляне понимали, что если не помочь мамертинцам, Мессана с ее прекрасной гаванью перейдет в руки карфагенян. Обладая Мессаной, карфагеняне захватят всю Сицилию, и римляне будут иметь дело с могущественным соседом, отделенным от Италии лишь узким проливом.

Римский сенат колебался. Более решительным оказалось народное собрание. Оно дало одному из консулов,** Аппию Клавдию, полномочия для помощи мамертинцам. Собрав торговые и военные корабли из греческих колоний, Аппий Клавдий ночью переправился через пролив и высадился в Сицилии.

Это был первый выход римского войска за пределы Италии, послуживший поводом к Первой Пунической войне.

РИМСКИЙ ЛАГЕРЬ

Римляне появились под стенами Мессаны ночью. Переправа через пролив была очень утомительной, но консул Аппий Клавдий, как поступил бы на его месте любой римский полководец, не дал своим воинам желанного отдыха. В темноте мелькали челове-

* Ныне итальянский город Мессина.

** Консул — высшее выборное должностное лицо в Риме. Римляне избирали двух консулов сроком на год.

ческие фигуры, слышались отрывистые слова воинской команды, удары заступов о землю.

К рассвету вырос римский военный лагерь. Он имел четырехугольную форму, был окружен ровом глубиной в несколько локтей, валом и частоколом. В центре обычно находилась палатка полководца — преторий. Преторий стоял на земляном возвышении, отсюда полководец обычно обращался с речью к войскам. Здесь трубачи и горнисты трубили сбор. Здесь приносились жертвы перед походом или после победы. Здесь же складывались трофеи. Слева и справа от претория, на равном расстоянии друг от друга, находились палатки старших офицеров — военных трибунов. Младшие командиры — центурионы — спали в тех же палатках, что и воины их подразделения — центурии. Эти палатки, покрытые грубым холстом и кожей поверх деревянного остова, образовывали улицы, пересекавшиеся под прямыми углами.

Лагерь казался пустым. Утомленные воины спали в своих палатках. Лишь часовые стояли на своих постах, зорко наблюдая, чтобы никто не приблизился к лагерю. У восточных ворот стоит на посту молодой легионер. Глаза слипаются, голова словно из свинца. Вздремнуть, хотя бы на мгновение. Но сон для часового — смерть. Если центурион, обходящий сторожевые посты, не найдет часового на месте или застанет его спящим, то в этот же день состоится военный суд. Военный трибун касался обвиненного своим жезлом, и по этому сигналу воины били его или забрасывали камнями. Такая же кара постигала и центурионов, если они неправильно совершат обход. Неповиновение и трусость тоже карались смертью. Если нельзя в целом отряде найти виновного, казнили по жребию каждого десятого солдата. И ничто не могло спасти воинов от смерти — ни приобретенная слава, ни молодость, ни любовь товарищей.

Несколько дней стояли римские легионеры в лагере под Мессаной. Казалось, они здесь устроились навсегда. Но так мог думать лишь человек, не знающий римских порядков. Аппий Клавдий медлил с выступлением лишь потому, что надеялся уговорить сиракузцев снять осаду Мессаны. Как только римс-

кий полководец убедился в непреклонном решении Гиерона вести осаду до конца, он призвал к себе трубачей.

Ночной сумрак еще покрывал землю, когда заиграли трубы. Лагерь ожил. Без суеты воины разбирали и свертывали палатки, вырывали колья, которые пригодятся для строительства другого укрепленного лагеря, навьючивали мулов. Каждый воин имел определенные обязанности и знал свое место. И римляне выступили четырьмя колоннами из лагеря.

В сражении у стен Мессаны сиракузцы и карфагеняне были разбиты. Аппий Клавдий подошел к стенам Сиракуз, и здесь вырос такой же лагерь, как у Мессаны.

В распоряжении Аппия Клавдия было два легиона. Каждый из них состоял из четырех тысяч пехотинцев и трехсот всадников, не считая несших вспомогательную службу союзников (так называли покоренных римлянами жителей Италии). Всего же в Риме в ту пору было четыре легиона.

Получив известие о победах Аппия Клавдия, римский сенат направил в Сицилию еще два легиона во главе с консулом. Когда это подкрепление прибыло в Сицилию, большинство ее греческих городов перешло на сторону Рима.

Вскоре и владетель Сиракуз Гиерон предложил римлянам мир и союз. Римляне охотно приняли союз с ним, потребовав у него возвращения без выкупа пленных и уплаты дани. Союз с Гиероном не только освобождал римлянам руки для борьбы с Карфагеном, но и обеспечивал их продовольствием. После заключения мира с Сиракузами римляне оставили в Сицилии лишь два легиона, которые были брошены на осаду древнего города Агригента.

ГОЛОД

Грозно высится на крутой скале крепость Агригент. С юга и запада город омывается двумя реками, с востока он защищен ущельем.

Достаточно взглянуть на Агригент, чтобы отказаться от мысли взять его приступом. Римские кон-

сулы Луций Постум и Квинт Мамилий решили захватить город измором. Поперек равнины и по склонам холмов, окружающих Агригент, они приказали возвести валы с широкими и глубокими рвами. За валами выросли два римских лагеря, а за лагерями появился новый ров. Теперь можно было спокойно ждать, пока в городе не иссякнет все продовольствие. От перебежчиков римляне узнали, что у осажденных имеется годовой запас зерна и кроме зерна имеется сушеное и соленое мясо, масло и вино. Этот запас был рассчитан на жителей города, но в Агригент согнали десять тысяч карфагенских наемников. Они быстро очистят запасы, и тогда город упадет к ногам Рима, как созревшее яблоко.

В Агригенте в те дни можно было увидеть людей всех племен Запада. На вершине акрополя, у ограды великолепного храма Зевса сидели высокие люди в овчинных плащах. В руках у них — небольшие кожаные щиты, а на загорелых шеях — черные шнуры различной длины. Это пращники с Балеарских островов. На берегу пруда расположились высокие длинноволосые галлы. В Риме их называли «косматыми». Они в штанах из козьего меха до щиколоток и легких, накинутых поверх голого тела плащах с капюшонами. У каждого галла на поясе висит прикрепленный двумя ремнями кинжал, в руке — небольшое копье. На шее у некоторых золотые гривны — знак знатного происхождения. У городской стены можно было увидеть темноволосых иберийцев в белых туниках с красной каймой. Склоны холма, на вершине которого находился знаменитый храм Асклепия,* заняли нумидийские всадники.

В первые месяцы осады начальник крепости выводил своих воинов за городские стены. Однажды, во время жатвы, когда римляне с серпами в руках рассыпались по полям, карфагеняне сделали вылазку тремя отрядами. Один они бросили на врагов, убравших хлеб, другой направили на сторожевые посты, а третий — на римский лагерь.

* Асклепий — бог врачевания у древних греков (у римлян Асклепия называли Эскулапом). У нас эскулапом в шутку иногда называют врача.

Лишь дисциплина спасла римлян. Каждый римский легионер сражался на своем месте и, хотя римляне понесли большие потери, им удалось не только отстоять лагерь, но и загнать карфагенских наемников за городские стены.

После этого карфагенянам ни разу не удавалось застать римлян врасплох. Главным врагом осажденных стал теперь голод. С ним не вступишь в открытую сватку, в него не попадешь дротиком, его не поразишь мечом, этого невидимого врага. Как вражеский лазутчик за городские стены проник голод в тело воина и поедает его изнутри. Голод можно победить лишь похрустывающим на зубах хлебом или сочным мясом или ячменной похлебкой. О мясе, хлебе и смокве приходится лишь мечтать.

Давно выловлена и съедена рыба в агригентском пруду, но вооружившись сачками и удочками сотни жителей города стоят на берегу в надежде поймать рыбежку. Неприхотливые к еде балеарцы начали охоту на крыс и мышей. Недаром отцы обучили их обращаться с пращей, ставя в отдалении кусок хлеба. Маленькие балеарцы не получали хлеба, пока в него не попадали. Справедливо говорят, что голод лучший учитель.

Голод был испытанным средством полководцев древности. Там, где было бессильно железо и нельзя было использовать военные машины, прибегали к голоду. Отрезали все пути подвоза продовольствия и ждали, пока голод не ослабит силу сопротивления врага или совсем не сломит его. Так было и при осаде Агригента.

ОГНЕВАЯ АЗБУКА

«Корабли! Корабли!» — закричал дозорный с башни. Этот крик был подхвачен всеми на городской стене. Ослабевшие от голода агригентцы покидали свои дома и выходили на возвышенные места, чтобы лучше разглядеть приближающиеся к городу карфагенские корабли.

Одного за другим отправляли агригентцы послов в Карфаген с просьбой о помощи, и вот, наконец, она

пришла. Пятьдесят тысяч пехотинцев, шесть тысяч всадников и пятьдесят боевых слонов доставил к берегам Сицилии опытный полководец Ганнон.

Не решаясь высадиться в виду римских лагерей, Ганнон миновал рейд Агригента, прошел далее на запад и бросил якорь у Гераклеи. Счастье с самого начала благоприятствовало Ганнону. Хитростью он захватил все римские склады продовольствия. Теперь римляне оказались в положении осажденных, и если бы их союзник Гиерон не подвез хлеб, они вынуждены были бы снять осаду.

Прошло еще два месяца. Все чаще на городской стене по ночам вспыхивали и гасли огни. Это были знаки огневой азбуки. Впервые огневые сигналы использовали персы для передачи сообщений из столицы во все концы огромной персидской державы. Рано стали применять огненные сигналы и греки.

Когда они хотели сообщить о приближении друзей, они держали факелы неподвижно, когда же появлялся противник, они быстро размахивали ими.

Постепенно связь с помощью факелов была усовершенствована. Греки, карфагеняне и другие народы научились передавать отдельные буквы. Из букв складывались слова. С помощью факелов агригентцы сообщали Ганнону, что они доведены до крайней степени истощения. Уже съедена вся трава и подошвы сандалий, многие перебегают к врагу.

Ганнон решил не медлить и дать римлянам сражение у стен Агригента.

БОЕВЫЕ СЛОНЫ

Слоны шагали медленно, словно под их ногами была не твердая земля, а палуба корабля.

Слоны напоминали движущиеся крепости. На спине — башенка с четырьмя стрелками, лоб защищен медным щитом, а на шее сидит вожак с длинной железной палкой.

Слона приручили в далекой Индии в незапамятные времена. И в наши дни в Индии и Бирме можно увидеть слонов, терпеливо таскающих бревна и тюки, валящих лес и исполняющих другие тяжелые рабо-

ты. Но слоны имели и другое применение. Правители древних государств Индии вели бесконечные войны друг с другом. Они впервые направили силу огромных животных на убийство людей. Слонов учили схватывать людей хоботом и топтать их ногами.

Александр Македонский* в походе в Индию встретил боевых слонов индийского царя Пора. Он убедился в том, что обладание боевыми слонами дает большие преимущества. Александр решил, что в задуманном им походе на запад примут участие боевые слоны. Но поход не состоялся. Александр вскоре после возвращения из Индии умер. Его огромная держава распалась на ряд государств. Один из властителей Сирии — Селевк I приобрел в Индии стадо в пятьсот слонов.

Владетели других государств, возникших на развалинах державы Александра, не желали отставать от Селевка. Царь Египта Птолемей II, владения которого доходили почти до Индии, решил приручить африканских слонов. Для этого на западном берегу Аравийского залива (ныне Красное море) был построен город Птолемида Охотничья. В его окрестностях вылавливали слонов, обучали их, а затем на барках доставляли в Египет.

Слоны, начиная с III в. до н. э., стали важнейшим родом войск. Преемник Селевка I, Антиох I, после того, как в одном из сражений одержал победу с помощью слонов, воздвиг памятник с изображением слона. Слоны имелись и в армии Карфагенской республики. В Карфагене были стойла для трехсот слонов.

Римлянам пришлось столкнуться с боевыми слонами в 280 г. до н. э., когда мечтавший о славе Александра Македонского царь Эпира Пирр высадился со своей армией на юге Италии, в Лукании. Римляне не знали этих огромных животных, но так как все в мире должно как-нибудь называться, они назвали слона «луканскими ослиами». Эти «луканские ослы» оказали огромную услугу Пирру. В сражениях под

* Александр Македонский вторгся в Индию в 327-326 гг. до н. э.

Гераклеей и Аускулом римские легионеры потерпели поражение. Но через четыре года, под Беневентом, римские стрелки уже не испытывали страха перед слонами. Напротив, они сами напугали слонов, которые повернули обратно и расстроили ряды вражеского войска. Римляне узнали, что хотя у слонов очень толстая кожа, они чувствительны к боли, копья и стрелы, даже не проникающие глубоко, могут привести слона в бешенство.

Пятнадцать лет прошло со времени битвы под Беневентом. В римском войске, стоявшем у стен Агригента, было немного воинов, сражавшихся с Пирром. Но и те римляне, которым не приходилось сражаться с боевыми слонами, уже их не боялись.

Римляне пошли в наступление. Колыхались черные и красные перья на шлемах, сверкали короткие мечи. Натиск был неодолим. Карфагенские наемники бросились бежать и заполнили пространство между слонами. Погонщики слонов, боясь раздавить своих воинов, остановили животных, и в это время туча тяжелых римских дротиков опустилась на слонов, которые заметались, топча карфагенян.

Римляне продолжали наступать, врезаясь во вражеские ряды. Скоро нельзя было понять, где римляне, где карфагеняне. Гайнрон не смог применить конницу, самую сильную часть своего войска. Отступление карфагенян сделалось всеобщим. Лишь немногие спаслись бегством в Гераклею. Римляне захватили обоз и большую часть слонов.

В ночь после битвы начальник крепости решил спасти остатки своего войска. Тихо открылись городские ворота. Неслышно, как тени, вышли защитники Агригента. Вот и лагерьный ров. В него летят плетенки, набитые мякиной. По образовавшемуся мосту беглецы проходят мимо задремавшего часового. Еще один ров. Снова летят плетенки. Лагерь остался позади. Карфагеняне идут по полю вчерашней битвы. Луна освещает тела павших.

Когда римляне обнаружили исчезновение защитников города, те уже давно были в Гераклее и готовились к посадке на корабли. Римляне бросились к стенам Агригента, разбили городские ворота и растеклись по улицам.

И вот они уже выталкивают из домов женщин и детей, безжалостно гонят их на городскую площадь. Пленники, будущие рабы, должны вознаградить римлян за бессонные ночи на сторожевых постах, за изнурительный труд при постройке лагеря, за раны и пролитую кровь.

Так пал некогда могущественный город Агригент. На холме, где когда-то кипела жизнь, остались одни развалины. Люди, проплывающие вдоль южного берега Сицилии, видят поросшие плющом руины, и думают о бессмысленных разрушениях, которые приносит человечеству война.

МОРСКАЯ БИТВА

Италия с трех сторон омывается морем. Ее морская граница в одиннадцать раз превышает сухопутную. Однако море никогда не было римской стихией. Римляне его боялись и не любили. Если у них был выбор между поездкой по морю или путешествием по суше, они выбирали второе. Пастухи и земледельцы, веками пасшие свои стада и обрабатывавшие землю, испытывали неприязнь и к людям моря.

К началу Первой Пунической войны у римлян имелись лишь торговые корабли. Экипажи состояли из греков и этрусков. У Рима не было крупного военного флота. Без него римляне не могли закрепить победы, одерживаемые ими на суше.

Главную силу карфагенского военного флота составляли длинные пятирядные корабли — пентеры. У них было пять рядов весел, которые обслуживали триста гребцов. Помимо весел пентеры имели прикрепленный к мачте большой квадратный парус. Он позволял развивать при попутном ветре большую скорость. Если пентера ударяла своим медным бивнем в борт небольшого вражеского корабля, то он или сразу перевертывался и шел ко дну или получал такую пробоину, что выбывал из строя. Искусство моряков состояло в том, чтобы не подставить врагу незащищенный борт и нанести кораблю противника молниеносный удар. Для карфагенян море было родной

стихийей. В древности долго не было более искусных моряков, чем они.

Перед Римом стояли две задачи: построить флот и обучить моряков.

Образцом для строительства кораблей римлянам послужила карфагенская пентера, которая была выброшена на берег бурей. В рабочих руках у Рима не было недостатка. В захваченных Римом греческих колониях было много опытных кораблестроителей. Они и руководили постройкой ста пентер и двадцати трехрядных кораблей (триер).

Если за год можно построить сто с лишним кораблей, то этого времени совершенно недостаточно чтобы из человека, привыкшего пасти скот или пахать землю, сделать опытного моряка. Большинство римских воинов никогда не держало в своих руках даже весла. Им ли соперничать с прославленными карфагенскими моряками?

Самое большее, что можно было сделать за то время, пока строили флот, это обучить будущих моряков обращаться с веслами. Для этого на суше были поставлены скамьи в том самом порядке, в каком они стояли на кораблях. Рядом со скамьями были укреплены перекладыны с тяжелыми веслами. Людей посадили на скамьи. По команде они должны были откидываться всем телом назад, притягивая к себе рукоятки весел, а потом с вытянутыми руками наклоняться вперед.

К тому времени, когда корабли были спущены на воду, у Рима были сносные гребцы. Но искусство ведения морского боя заключалось не только в умении грести. Надо было быстро снимать и ставить парус, изменять курс корабля, вести судно по звездам. Для овладения мореходным искусством нужны долгие годы.

На помощь пришла сметка. Римлянин, имя которого осталось неизвестным, придумал простое приспособление, не только уравнившее силы римских и карфагенских моряков, но и давшее римлянам значительные преимущества. На палубе корабля вбивался крепкий столб, к которому в нижней его части на петлях прикреплялась длинная и широкая доска с перилами. На противоположном ее конце имелся

металлический выступ в форме клюва. Поэтому все сооружение называлось «вороном».*

В то время, когда корабль шел на сближение с врагом, доска поднималась к столбу и придерживалась в таком состоянии канатом. Но стоило вражескому судну приблизиться на расстояние нескольких локтей,** как канат отпускался, силой тяжести доска опрокидывалась и впивалась своим клювом в палубу противника, сцепляя оба корабля.

Действия римского флота начались неудачно. Консул Гней Корнелий с семнадцатью кораблями зашел в гавань одного из Липарских островов. Здесь на него напал карфагенский флот, и консул попал в плен со всей своей командой.

Когда второй консул Гай Дуилий узнал о неудаче Гнея Корнелия, он передал сухопутное войско военным трибунам и принял командование на море. Он вел флот к мысу Миле. Карфагенские морские начальники, завидев неповоротливые римские пентеры, не колеблясь, бросили на них все сто тридцать своих военных кораблей. Полные презрения к неопытности римлян, они не сочли нужным соблюдать боевой порядок. Добыча казалась им обеспеченной.

Приближаясь к римским судам, карфагеняне обратили внимание на какие-то странные столбы на палубах вражеских кораблей. Но это их не смутило. Они двинулись навстречу римлянам, стремясь пройти вплотную мимо бортов их кораблей и сломать врагам весла. Но тут произошло то, чего карфагеняне не могли предвидеть. На палубы их кораблей опустились «вороны», сцепляя их с суднами римлян. По образовавшимся мостикам с мечами и копьями ринулись римляне. Морская битва превратилась в сухопутное сражение. В нем римляне были сильнее. В первые же мгновения много карфагенян пало под ударами римских мечей, другие в ужасе сдались врагу. Карфагенский адмирал, судно которого было захва-

* Устройство ворона точно неизвестно. Неизвестно и почему римляне перестали им пользоваться в морских сражениях

* Локоть — древняя мера длины, от конца среднего пальца руки до локтя, приблизительно 0,5 метра.

чено одним из первых, бежал на лодке. Карфагеняне потеряли пятьдесят кораблей.

Весть о блестящей морской победе наполнила радостью Рим. Ликующие толпы граждан вышли на улицы, чтобы встретить Гая Дуилия. Сенат постановил, чтобы вечером Дуилия сопровождали домой факельщик и флейтист. Сенат заботился о здоровье и безопасности героя.

На форуме вскоре появилась колонна, украшенная бивнями вражеских кораблей. Ярко блестела врезанная в камень медная доска с надписью в честь Дуилия. Эта колонна, называемая ростральной,* пережила Дуилия и его славу. Она и поныне стоит в Риме.

В новое время колонны такого типа стали воздвигать в честь морских побед. Ростральные колонны как памятник побед русских военных моряков имеются и у нас в Ленинграде, а также в Пушкине (Чесменская колонна).

РИМЛЯНЕ В АФРИКЕ

В 256 г. до н. э., через 8 лет после начала первой Пунической войны, римский флот плыл вдоль восточных берегов Сицилии.

Римский сенат решил перенести военные действия в Африку, под стены Карфагена. Было построено еще двести судов. Теперь у римлян имелось триста тридцать кораблей. Никогда еще такой большой флот не проплывал у берегов Сицилии.

Консулы Марк Атилий Регул и Луций Манлий Вульсон плыли каждый на большом корабле с шестью рядами весел.

На горизонте у горы Экномы показались паруса карфагенских кораблей. Узнав о намерении римлян высадиться в Африке, карфагеняне собрали все свои силы. Ими командовал потерпевший неудачу при Агригенте суфжет Ганнон. Ганнон задумал раздробить строй римских кораблей и отрезать врага от берега. Центр карфагенского флота искусно уступал натиску римских тяжелых кораблей. Другие карфагенские ко-

* Рострум по-латыни значит «нос корабля».

рабли охватывали римскую эскадру. Всюду закипел жестокий бой. Воздух гремел воинственными криками. С грохотом падали римские перекидные мостики, скрещивались мечи в рукопашном бою

Долго и упорно бились с обеих сторон. Но, наконец, римляне взяли верх. Они захватили шестьдесят четыре карфагенских корабля с экипажами. Еще тридцать кораблей было потоплено. Победа была полной.

Исправив захваченные корабли и заготовив съестные припасы, римляне снова вышли в море. После двух дней плавания показался берег с зелеными садами и белыми домами. Это был Гермесов мыс, замыкающий обширный залив. На западном берегу этого залива находился Карфаген. Консулы не решились войти в морские ворота Карфагена. Обогнув мыс, римляне высадились в Клупейской бухте. Воины выгрузили военные машины. Их поставил Риму союзник, правитель Сиракуз.

В тот же день к стенам небольшого карфагенского города Аспида были поставлены тараны, Таран — это длинное и толстое бревно, подвешенное цепью к верхней перекладине прочной рамы. Конец бревна оковывался железом и имел обычно вид бараньей головы. Над тараном сооружался навес из досок, прикрытых сырыми кожами. Их поливали водой, чтобы враг не смог поджечь грозную боевую машину.

Римляне начали раскачивать таран и разом пустили его. Железный наконечник ударил в стену. Под ударами таранов рухнули стены, и римляне ворвались в город. Отсюда они рассыпались по побережью, захватывая беззащитное население. Двадцать тысяч рабов и огромное количество скота было отправлено в Рим на кораблях, которыми командовал Луций Манлий Вульсон.

В Африке оставался другой консул, Марк Атилий Регул. У него было пятнадцать тысяч пехотинцев, пятьсот всадников и сорок кораблей. Ему удалось пополнить свое войско местными жителями — ливийцами, недовольными карфагенским владычеством. Войско возросло до тридцати тысяч человек.

В захваченных городах победителям досталась несметная добыча. Тут были и оружие, украшенное

золотом и серебром, драгоценные камни, множество одежды из тонкой шерстяной материи. Римляне захватили огромные запасы продовольствия. Его было достаточно для прокормления римской армии на много лет. Город Тунет (теперь Тунис), расположенный рядом с Карфагеном, стал главной квартирой* Регула.

Близость врага вызвала подъем духа у карфагенян. Карфагенские богачи вооружили своих сыновей и внуков. В соседние страны были разосланы вербовщики, не скупившиеся на обещания тем, кто вступал в карфагенскую армию.

С Тенарского полуострова на Пелопоннесе, где обычно толпы праздных наемников ожидали случая, кому бы подороже продать свою кровь и оружие, прибыло несколько сот греков под командованием спартанца Ксантиппа. Ознакомившись с обстановкой, узнав о недавних неудачах карфагенян, Ксантипп дал карфагенским военачальникам совет не сражаться с римлянами в горах и лесистых местностях, а принимать бой лишь в открытом поле, где можно лучше использовать конницу и боевых слонов.

Зима 256-255 гг. до н. э. прошла в приготовлениях к решительной схватке. В начале весны карфагенское войско, состоявшее из пехоты, конницы и боевых слонов, подступило к римскому лагерю близ Тунета. Регул мог еще отойти и дожидаться прибытия другого консула с подкреплением. Но он понадеялся на собственные силы и выступил навстречу врагу.

Римляне шли манипулами. Так назывались отряды из ста двадцати тяжеловооруженных воинов с приданными к ним сорока легковооруженными бойцами. В переднем ряду каждой манипулы можно было разглядеть военные значки — отлитые из бронзы орлы на длинных шестах были знаменами римских частей.

Манипулы различались не только своими значками. Тяжело вооруженные воины римского легиона были разделены по возрасту. Самые молодые воины входили в десять первых манипул. Они назывались

* Главная квартира — место, где разместился главнокомандующий со своим штабом.

гастатами. Воины среднего возраста — принципы — составляли десять других манипул. Воины старшего возраста — триарии — образовывали пять манипул.

Во время сражения вперед выдвигались манипулы гастатов. Они располагались на небольшом расстоянии одна от другой. За этой первой линией манипул выстраивались манипулы принципов так, что они приходились против промежутка в манипулах гастатов. За принципами находились манипулы триариев.

Впереди своего войска карфагеняне поставили сто боевых слонов, справа и слева от пехоты стояли легковооруженные воины и конница.

Уже не более ста шагов отделяет оба войска. Консул дал знак, и сразу же вперед выступили римские пращники и легковооруженные стрелки. Регул рассчитывал испугать карфагенских слонов, обратить их в бегство, чтобы, как под Агригентом, они смяли стоявших позади карфагенских пехотинцев.

Римляне не успели еще бросить дротики, как в бой ринулась карфагенская конница. Припав к гривам быстрых коней, мчались нумидийцы. Они обходили римское войско с тыла. В то время как триарии отбивались от нумидийских всадников, вперед двинулись карфагенские слоны. Перед их дружным напором не устояли ни легковооруженные, ни гастаты, ни принципы. Слоны пробились в центр римской пехоты, а за ними ворвались карфагенские солдаты.

В короткой схватке почти все римское войско было уничтожено. Регул со штабом попал в плен. Лишь двум тысячам воинов удалось горами и лесами добраться до Аспида и скрыться в укрепленном лагере, который с моря прикрывали римские корабли.

Утомленные и израненные воины были посажены на подоспевшие корабли. Несмотря на осеннее бурное время, флот пустился к юго-восточным берегам Сицилии. Разразилась буря. Волны и ветер гнали римские корабли на прибрежные скалы, и вскоре весь берег до Пахинского мыса был усеян обломками кораблей и трупами.

Так, уничтожением римской сухопутной армии и флота закончилась первая попытка Рима завоевать Карфаген. Ареной военных действий вновь стала Сицилия.

ПОДКОП

Далеко в море вытянулся мыс Лилибей в Сицилии. У подошвы мыса — город того же названия. Угрюмо смотрят с холма зубчатые серые стены. Под ними зияет глубокий ров.

Воодушевленные победой над Регулом, карфагеняне сделали Лилибей своей главной твердыней. Десять тысяч наемников во главе с отважным Гимильконом укрепились в городе.

Римляне решили во что бы то ни стало взять это горное гнездо. Осада началась по всем правилам искусства. Помимо таранов были подвезены камнеметы. Греки называли эти орудия катапультами и баллистами. Они действовали силой натянутой тетивы, закрученной деревянными рычагами. Катапульты и баллисты могли бросать камни весом в несколько десятков килограммов.

Пока проверялись и налаживались боевые машины, римские мастера построили деревянную осадную башню. По высоте она не уступала ни одной из семи каменных башен Лилибея и имела перед ними то преимущество, что могла двигаться. Башня имела шесть этажей. Сторона, обращенная к противнику, имела в каждом этаже бойницы. Через них можно было метать с помощью небольших катапульт камни и стрелы. В нижнем ярусе башни укрепили таран.

Две недели ушло на подготовку пути к стенам Лилибея. Надо было засыпать ров, срыть неровности и бугорки, плотно утрамбовать землю. Наконец, путь был готов. По знаку консула воины схватились за канаты. Заскрипели деревянные колеса. Башня тронулась с места, медленно поползла. Ее вершина, отстоявшая от земли на шестьдесят локтей, слегка покачивалась. Высыпавшие на стены защитники Лилибея с ужасом наблюдали эту картину. С помощью таких башен пятьдесят лет до начала войны с Римом македонский царь Деметрий Полиоркет едва не взял неприступную крепость Родос. С тех пор за осадными башнями укрепилось название «гелепол» — берущих города. И вот гелепола у городской стены. Из бойниц верхних этажей сыплются на головы защитников города камни, летят стрелы. Теперь уже кар-

фагеняне не могут даже подойти к стене города и помешать разрушительной работе таранов. Шесть таранов были поставлены у основания башни, обращенной на юг. На пятый день башня рухнула. Римляне подвезли гелеполу к другой башне. Еще четыре дня — обвалилась и эта башня.

Обрадованные успехом, римляне подвели гелеполу к третьей башне. Не успели воины привести в действие катапульты, как вдруг гелепола осела и опрокинулась со страшным грохотом.

Двести трупов вытащили в этот день римляне из-под обломков гелеполы и камней.

Причиной этой неудачи был подкоп. Днем и ночью карфагеняне рыли под землей траншею. Выкопанную землю ночью незаметно убирали на носилках. Подземный ход прошел под башней, которую собирались разрушить римляне. Когда гелепола стала там, где заканчивался подземный ход, карфагеняне вытащили в этом месте деревянные подпорки, и гелепола рухнула. Защитники города ликовали.

Римляне не были смущены неудачей. Они начали строить новую гелеполу. Но как подвести ее к башне, если под ней подземный ход? Надо засыпать его камнями и землей. При первой же попытке это сделать, римляне натолкнулись на сопротивление.

Подземный ход охранялся карфагенянами. Двое римских солдат, спустившихся под землю, погибли. Кто-то предложил пустить в подкоп ос и пчел, чтобы они прогнали неприятеля. Но консул принял другое решение. Он приказал подготовить бочку, соответствующую ширине подкопа, и просверлить ее дно, пропустив через отверстие железную трубку. Бочку наполнили куриными перьями и закрыли крышкой с многочисленными мелкими отверстиями. Затем бочку опустили в подкоп так, что она была обращена крышкой с отверстиями к неприятелю, и заделали глиной зазоры между стенками бочки и стенами подземного хода. Вытащив железную трубку, в бочку бросили тлеющий уголь, затем снова пропустили трубку. К наружному ее концу присоединили кузнечные мехи и начали их раздувать. В сторону неприятеля повалил удушливый дым. С верхнего яруса достроенной римлянами гелеполы было видно, как враги выскаки-

вают из подкопа. Теперь можно приступить к засыпке подземного хода.

Наступившая ночь принесла римлянам новую неожиданность. Еще с вечера усилился ветер с юга. Ночью он превратился в ураган. Свирепело море. Волны разбивались о прибрежные скалы. Стонала гелепола, едва выдерживавшая натиск ветра.

Вдруг раздались зловещие звуки африканских рогов. Рассеивая мрак, запылали факелы. Воспользовавшись бурной ночью, осажденные сделали вылазку. Факелы поднесены к осадным машинам. Сухое дерево вспыхнуло. Ураган, как огромные кузнечные мехи, раздувал огонь. Осыпаемые золой и искрами, римские воины падали под ударами мечей. К осадным машинам брошены манипулы из римского лагеря. Но враг уже скрылся за городскими стенами. Гелепола, так и не испытанная в бою, пылала как огромный факел.

К утру ураган стих. У стен Лилибея, черных от золы, кое-где догорают головни. Это все, что осталось от римских осадных машин. Вместе с их пеплом развеяны и надежды римлян взять приступом Лилибей.

Новый римский консул Публий Клавдий Пульхр заявил в сенате, что победа над Карфагеном ожидает римлян не на суше, а на море, и Карфаген сам отдаст римлянам Сицилию, если у него не останется ни одного военного корабля.

СВЯЩЕННЫЕ КУРЫ

Римский флот под командованием консула 249 года до н. э. Публия Клавдия Пульхра шел вдоль северного берега Сицилии, направляясь к карфагенской гавани Дрепан.

Консул находился на носу самого большого корабля в окружении своих офицеров. С нетерпением он вглядывался вдаль, ища взором мыс с раздвоенной вершиной. Этот мыс, как ему было хорошо известно, ограждал с севера гавань Дрепан, в которой находился большой карфагенский флот. «Карфагеняне, наверно, сейчас спокойно спят в городе,— думал кон-

сул.— Могут ли они ожидать, что мы, после потерь под Лилибеем, сразу выйдем в море?»

Кто-то тронул консула за плечо. Консул обернулся.

— Авгур просит разрешения вынести кур,— сказал один из офицеров.

Публий Клавдий Пульхр недовольно поморщился.

— Пусть выносит,— проговорил он сквозь зубы.

На лестнице, ведущей на палубу из трюма, показался человек в длинной белой тоге. Конец ее наброшен на голову. Это был жрец-авгур. В правой руке он нес клетку с курами, в левой горшок с кормом. Ни в одном важном деле римляне не обходились без гаданий. Перед тем, как открыть народное собрание или заседание сената, начать сражение, вступить в брак они прибегали к гаданиям.

Гаданиями занимались специальные жрецы-гаруспики и авгуры. Гаруспики гадали по внутренностям животных, авгуры предсказывали будущее по полету птиц, по их крику и поведению. Наблюдая полет орла или ястреба, авгуры определяли высоту полета, его направление, частоту взмахов крыльев. Они мысленно делили небо на части. Передвижение птицы из одной части считалось благоприятным, из другой — зловещим признаком. Вслушиваясь в карканье вороны или крик ночной совы, жрецы пытались узнать «волю богов», предугадать ход событий. Авгуры наблюдали и за домашними птицами. Они держали в клетках из медных прутьев белых кур. Если птицы жадно клевали зерна, это считалось хорошим признаком, если отворачивались от корма — дурным.

Авгур поставил клетку на палубу и взглянул на консула.

Клавдий махнул рукой:

— Начинай!

Авгур открыл дверцу клетки и бросил корм. Куры испуганно жались к стенке клетки.

Сам консул сел на корточки.

— Цып! Цып! — шептал он.

— Не клюют! — сказал авгур.

— Сам вижу, что не клюют,— пробормотал консул, вставая.

— Не клюют,— повторил авгур.— Сегодня нельзя сражаться.

Консул сжал кулаки.

— Ты хочешь сказать, чтобы я вернулся из-за твоих кур? А подумал ли ты, тыквенная голова, что пунам, которые сейчас дрыхнут в Дрепане, нет никакого дела до твоих кур?!

— Боги против сражения,— сказал жрец, разводя руками.— Куры не клюют.

— Им не хочется есть,— воскликнул рассвирепевший консул,— так пусть они попьют!

С этими словами он ударил ногой по клетке. Клетка с курами полетела в море.

Все, находившиеся в то время на палубе, бросились к борту. Но клетка уже исчезла в волнах. Наступило молчание. Всем был известен бешеный нрав консула. Авгур поспешил удалиться, Он боялся разделить судьбу священных птиц.

Консул ошибался, полагая, что карфагеняне в Дрепане спят. Дозорные давно уже сообщили начальнику карфагенской эскадры Атарбалу о приближении римского флота. Вскоре карфагенские моряки и находившиеся в городе наемники были подняты по тревоге. Атарбал коротко объяснил им, что, если они сейчас не дадут врагу битву, их ожидают те же лишения долгой осады, какие выпали на долю воинов в Агригенте. Карфагенские моряки и солдаты рвались в бой. Атарбал отдал приказ садиться на корабли и повел эскадру из гавани в открытое море. Как раз в это время передовые римские корабли входили в гавань.

Увидев, что вопреки его ожиданию враг не застигнут врасплох, консул приказал эскадре повернуть назад. Корабли, выходящие из гавани, столкнулись с теми, которые были у входа в нее. Раздался треск ломающихся весел. С трудом удалось римлянам выстроиться у берега в боевую линию носами к неприятелю.

Атарбал атаковал с открытого моря, пользуясь всеми преимуществами своего положения. Ему удалось в нескольких местах врезаться в римский строй и расколоть его. Карфагенские корабли быстро огибали вражеские, нападали на них сбоку. В совершенно

ином положении находились римские корабли. Всякий раз, когда римский корабль отступал, он либо попадал на мель, либо разбивался о скалы. Консул решил бежать, чтобы спасти остатки эскадры, За ним последовало лишь тридцать кораблей. Все остальные суда были уничтожены или достались врагам. Шесть тысяч римлян пало в битве у Дрепана, двадцать тысяч попало в плен.

Позднее римский суд привлек Публия Клавдия Пульхра к ответственности. Авгуры объявили причиной поражения при Дрепане неуважение бывшего консула к религиозным обычаям.

Клавдию нельзя было отказать в остроумии.

— Ты меня обвиняешь, что я дал сражение в тот день, когда не клевали куры? — обратился он к одному из авгуров.

— Да,— отвечал авгур,— ты навлек на нас гнев богов...

— Другие полководцы не выбрасывали кур в море? — перебил Клавдий.

— Никогда. Все консулы свято чтити обычаи старины.

— Но почему же они тогда терпели поражения? Ведь перед битвами, в которых были разбиты Квинт Корнелий Сципион и Марк Атилий Регул, знамения были благоприятные!

Авгур не нашелся, что ответить. Но все же Публий Клавдий Пульхр был приговорен к большому денежному штрафу. От смерти его спасли знатное происхождение и богатство.

ГАМИЛЬКАР БАРКА

Круто возвышается над окрестной равниной гора Эрикс. Ее склоны, обращенные к морю и суше, почти неприступны для вражеской пехоты, а вершина образует плоскогорье, удобное для занятия земледелием и в особенности скотоводством. Здесь нет хищников и ядовитых змей. Испокон времен на вершине Эрикса пасли сицилийцы свои стада.

На восемнадцатом году войны гора Эрикс стала местом кровавой схватки между римлянами и карфа-

генянами. Римский консул захватил расположенный под горой город Эрикс и на вершине горы у храма Афродиты расположил свои посты. Укрепленный лагерь он разбил у подножья горы. Ему казалось, что римляне обеспечили за собой город и гору.

Иначе рассудил молодой карфагенский полководец Гамилькар Барка. Уже несколько месяцев во главе флота он опустошал южное побережье Италии. Однако он хорошо понимал, что этими набегами ему не удастся изменить ход войны. Во время одного из своих плаваний он высмотрел гору Эрикс и расположенные на ней римские посты. Ночью при попутном ветре Гамилькар Барка* проскользнул в гавань, высадился с отборными воинами и повел их на плоскогорье по единственной дороге с моря.

В том месте, где эта дорога выходила на вершину Эрикса, Гамилькар разбил лагерь. Отсюда можно было обозревать на многие мили побережье и внутреннюю часть Сицилии. Отсюда Гамилькар совершал молниеносные нападения на вражеские отряды, на обозы с хлебом. Карфагенские моряки, наблюдая с моря знаки огненной азбуки, которые были понятны лишь Гамилькару и им, доставляли на побережье хлеб, скот и подкрепления.

Почти три года происходили эти беспрерывные стычки, из которых Гамилькар Барка почти всегда выходил победителем. Однажды ему удалось смелым броском овладеть городом Эриксом. Положение римлян, находящихся на вершине горы, стало опасным. Но и сам Гамилькар Барка теперь оказался между двух огней. Теперь он потерял связь с морем, но его радовало, что своим небольшим отрядом он сковывает почти все римские силы в Сицилии.

БИТВА ПРИ ЭГАТСКИХ ОСТРОВАХ

Шел двадцать второй год войны. Оба государства были истощены налогами и расходами, города и селения обезлюдели. И все же ни Рим, ни Карфаген не складывали оружия. Казалось, войне не будет конца.

* По-финикийски барка значит «молния».

Успехи Гамилькара Барки в Сицилии заставили римлян поторопиться с постройкой флота взамен уничтоженного близ Дрепана. Казна была пуста. На помощь государству пришли богатые римские землевладельцы и купцы. Соединяясь в товарищества по двое, по трое, они строили один корабль. Сенат обещал им в случае успешного окончания войны возместить затраты. К началу 242 года до н. э. у римлян было двести пентер. Их вывел в море консул Гай Лутаций Катулл. Неожиданно появившись у берегов Сицилии, он овладел гаванями Дрепана и Лилибея. Гамилькар Барка был отрезан от моря.

Узнав о действиях римлян, карфагеняне начали снаряжать флот для отправки в Сицилию. Весной 241 года этот флот вышел из Карфагена. В трюмах кораблей было много оружия и съестных припасов, необходимых для ведения войны. Но матросы были не обучены, пехотинцы только что набраны и не испытаны в боях. Адмирал, командовавший флотом, надеялся пополнить команду за счет опытных наемников Гамилькара Барки.

Римский консул разгадал план Карфагена. Оставив гавань Дрепана, он вышел навстречу карфагенскому флоту. Когда карфагенский адмирал увидел, что римляне отрезали ему путь к берегам Сицилии, он приказал спускать паруса и готовиться к сражению. И закипел грозный бой. Загремели падающие с римских кораблей «вороны», римляне перебежали на палубы вражеских кораблей и теснили малочисленных и неумелых карфагенских воинов. Короткой была битва, но она имела решительные последствия. 50 карфагенских пентер было потоплено, 70 захвачено врагом, остальные корабли отступили к скалистым Эгатским островам.

Победители, обремененные добычей, устремились к Лилибею. Теперь римляне нераздельно господствовали на море и обладали почти всей Сицилией. Гамилькар Барка еще держался, но надежды на успешное окончание войны не было ни у него самого, ни в Карфагене. Получив из Карфагена полномочия для ведения переговоров, Гамилькар отправил к консулу послов с предложением мира. Лутаций Катулл с радостью принял предложение Гамилька-

ра, так как он хорошо знал, что Рим до крайности истощен войной.

Мир был заключен на следующих условиях. Карфаген обязывался очистить всю Сицилию, которая стала первой римской провинцией,* уступить Риму острова между Италией и Сицилией, вернуть без выкупа всех пленных и в течение десяти лет платить Риму большую сумму денег.

Так победой Рима закончилась Первая Пуническая война, длившаяся двадцать три года. Никогда еще не сталкивались такие могучие противники, никогда еще не были так велики разрушения и людские потери. И все же эта война не решила спора Рима и Карфагена. Риму не удалось окончательно сломить своего противника. Карфаген готовился к новым боям.

ВОССТАНИЕ

Наемники собирались в Карфагене. Небольшими отрядами они прибывали из Лилибея, Дрепана и других сицилийских городов, теперь захваченных Римом. Во время войны карфагенские военачальники не скупилась на обещания, а теперь оказалось, что денег для уплаты жалования в казне нет. «Подождите,— уговаривали наемников правители города,— еще не прибыло все войско из Сицилии. А пока оно соберется, мы взыщем налоги».

Наемники согласились ждать. Они вышли из Карфагена и остановились в городке Сикке. Сюда съезжались другие отряды из Сицилии.

Когда все войско было в сборе, в Сикку прибыл управитель карфагенских владений в Африке Ганнон. Ссылаясь на стесненное положение государства, он склонял воинов к отказу от части жалования.

Наемники были возмущены. Почему они должны отказаться от вознаграждения за пролитую ими кровь? Почему бы не отказаться карфагенским богачам от

* Провинция — покоренная римлянами страна, бывшая ранее самостоятельной. Провинция управлялась римскими наместниками, которые жестоко грабили население.

своих сокровищ, от золота и серебра! Пусть они продадут свои поместья и уплатят им их жалование. Наемники кричали на разных языках, на кельтском, иберийском, ливийском, лигурийском,* греческом. Они обнажали тело и показывали рубцы на груди, на ногах. Они выкрикивали места сражений, где были ранены за республику — Агригент, Лилибей, Тунет, Эрикс. Они срывали богатые одежды с посланцев Карфагена. Заплывшие жиром, умащенные ароматным маслом тела карфагенян говорили о сытой жизни вдалеке от опасностей войны. А тела наемников, покрытые рубцами — это летопись войны. Испуганные, в разорванных одеждах, послы республики ни с чем вернулись в Карфаген.

В тот же день к Карфагену подошли наемники — двадцать тысяч воинов. Карфагеняне шли на уступки. Они послали продовольствие и одежду, обещали уплатить все деньги сполна. Уступки карфагенян показали наемникам их силу. Теперь их возмущало, что к ним посылают для переговоров людей, которые не сражались вместе с ними в Сицилии и не знают их заслуг.

Карфагеняне послали одного из сицилийских военачальников, Гескона, с деньгами. Собрав начальников наемных отрядов, он стал раздавать им деньги. Но наемники не успокаивались. Их вожди, ливиец Мато и бывший римский раб Спендий, требовали уплаты денег за лошадей, которые принадлежали наемникам и погибли в сражениях. Когда Гескон отказался выплатить деньги за лошадей, наемники набросились на Гескона и прибывших вместе с ним карфагенян, связали их и отдали под стражу.

Вожди наемников — ливиец Мато и бывший раб Спендий — были выдающимися людьми. Они смело повели за собой разношерстную массу наемников и присоединившихся к ним рабов. К восставшим присоединялись жестоко угнетенные Карфагеном африканские племена. Восстание наемных солдат быстро превратилось в грозную войну рабов и угнетенных против рабовладельческого государства.

* Лигурийцы жили на берегу Лигурийского залива (ныне Генуэзский залив).

Карфагенские рабовладельцы готовились к решительной схватке с восставшими. В город были стянуты верные Карфагену отряды войск, вооружены граждане, оснащены уцелевшие суда. Близ Утики карфагенскому военачальнику Ганнону удалось завладеть лагерем восставших и обратить их в бегство. Успокоившись, Ганнон возвратился в Утику на отдых. А между тем восставшие быстро собрались с силами, напали на войско Ганнона и нанесли ему тяжелое поражение.

Карфагенский Совет назначил главнокомандующим для войны с наемниками и ливийцами Гамилькара Барку. Несмотря на то, что войско повстанцев насчитывало семьдесят тысяч человек, а у Гамилькара имелось лишь десять тысяч воинов и семьдесят слонов, карфагенянам удалось у речки Макары разбить часть сил повстанцев. Этот первый успех воодушевил карфагенян. На сторону Гамилькара Барки перешел нумидийский вождь Нар-Гавас с двумя тысячами всадников. Усиленное этим отрядом карфагенское войско нанесло еще одно поражение восставшим. На поле боя наемники оставили десять тысяч убитых, четыре тысячи попало в плен к карфагенянам.

Гамилькар Барка собрал всех пленных и предложил выйти вперед всем, кто желает сражаться под его началом. Вышло несколько сот человек. Гамилькар приказал дать им оружие. Остальные пленники ожидали, что сейчас их казнят.

— Я прощаю вас,— сказал Гамилькар.— Вы свободны.

Гамилькар рассчитывал, что наемники в войске Мато и Спендия, узнав, что карфагеняне отпустили пленных, разбегутся. Но этого не произошло.

Мато и Спендий созвали своих воинов на сходку и убедили их, что нельзя обольщаться милостью Гамилькара.

Увидев, что его план не удался, Гамилькар показал свое истинное лицо. Он приказал убивать захваченных в плен повстанцев или бросать их в Карфагене в клетки львам.

Большим успехом восставших был переход на их сторону крупнейших ливийских городов Утики и Гип-

по-Дуарритус.* Карфагенские военачальники ссорились друг с другом. В городе не хватало продовольствия.

Войско Мато и Спендия осадило Карфаген. Положение Карфагена стало настолько тяжелым, что Рим решил оказать помощь находящимся в беде рабовладельцам Карфагена. Римский сенат приказал торговцам снабжать карфагенян всем необходимым и воспретил всякие сношения с восставшими. Большую поддержку Карфагену оказал владетель Сиракуз Гиерон. В Сицилии было много рабов, и Гиерон боялся, что в случае победы восставших в Африке поднимутся на борьбу и сицилийские рабы.

Получив продовольствие из Сицилии и Италии, Карфаген с новыми силами вступил в борьбу с повстанцами. Гамилькару Барке удалось не только отеснить врагов от Карфагена, но и окружить часть сил повстанцев, которыми командовали Спендий и Автарит. Сорок тысяч наемников было растоптано слонами. Автарит и Спендий были схвачены и распяты на крестах. Не прошло и двух дней после этого, как войску Мато удалось разгромить одну из армий Карфагена. Захваченный в плен карфагенский командующий был повешен на кресте, на котором был казнен Спендий.

Последнее решительное сражение произошло у города Лептина. Победа была на стороне карфагенян. Мато попал в плен. Победившие рабовладельцы предали Мато и его товарищей мучительной казни.

Три года и четыре месяца вел Карфаген войну с восставшими наемниками и ливийцами. Эта война дорого стоила республике. Воспользовавшись слабостью Карфагена, в 238 г. до н. э., римляне захватили острова Сардинию и Корсику и заставили карфагенян уплатить контрибуцию большую, чем это было установлено условиями мира 241 года.

* Гиппо-Дуарритус — ныне Бизерта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГАННИБАЛОВА КЛЯТВА

Никогда еще за всю свою многовековую историю Карфаген не переживал таких тяжелых дней. Окрестности переполнены трупами, и некому их убрать. Люди, которых не тронул меч, умирают от голода и болезней. Только одним шакалам да хищным птицам раздолье. Они пируют на незасеянных полях.

Кто как не Рим виновник всех этих страшных бедствий? Ненависть к Риму объединяла всех карфагенян — богатых купцов и нищих ремесленников, землевладельцев и крестьян, матросов и жрецов.

Но, кажется, никто в Карфагене не ненавидел римлян больше, чем Гамилькар Барка. Римляне отняли славу его побед в Сицилии. Он был вынужден сложить с себя звание главнокомандующего и частным человеком вернулся в Карфаген. Он был свидетелем страшных опустошений, которые принесли республике взбунтовавшиеся наемники. Его поместья разорены. Рабы разбежались.

Он сражался с воинами, которые когда-то служили под его водительством. Он давил их слонами, распинал на крестах, убивал как бешеных собак.

А ведь это были в прошлом неплохие воины. И где он найдет им замену? Нет, война с бунтовщиками не принесла славы Гамилькару. А позор, который он навлек на свой род, выдав дочь* за Нар-

* Известно, что у Гамилькара была дочь, сестра великого полководца Ганнибала, но как ее звали, мы не знаем. Имя героини романа Флобера Саламбо придумано писателем.

Гаваса! Его зятем стал нумидиец, пусть и знатный, но все же варвар. И Гамилькар должен был согласиться на брак, так как Нар-Гавас обещал ему привести две тысячи всадников. Хорошо, что у него есть другой зять — Газдрубал. Пока можно пожить только на него. Старшему сыну Ганнибалу всего лишь девять лет.

Он подошел к мальчику и посмотрел ему в глаза.

— Ганнибал, ты хочешь отправиться со мной?

— Куда, отец? — спросил мальчик.

— За море, в Иберию.

Мальчик захлопал в ладоши.

— Я поплыву на корабле, я поплыву на корабле! — радостно закричал он.

— Сейчас ты пойдешь со мной, — строго сказал отец.

В храме Ваала Аммона* стоял полумрак. Лишь около алтаря горел светильник, освещавший фигуру жреца в белом одеянии. Увидев Гамилькара, жрец почтительно отступил,

— Положи сюда руку, — Гамилькар показал мальчику на истекавшую кровью овцу.

Мальчик послушно положил руку на алтарь.

— Теперь повторяй за мной слово в слово.

— Пусть меня покарают боги...

— Пусть меня покарают боги...

— Если я когда-нибудь буду другом вероломных римлян...

— Если я когда-нибудь буду другом вероломных римлян...

— Если я им не отомщу за позор моего отца...

— За позор моего отца...

— И за унижение моей родины.

— И за унижение моей родины.

История не сохранила точных слов клятвы, которую повторял вслед за отцом девятилетний Ганнибал. Но слова «Ганнибалова клятва» остались, как выражение необычайного постоянства в ненависти к врагу.

* Ваал Аммон — главное божество карфагенян. Римляне отождествляли его с Юпитером.

ПРЫЖОК В ИБЕРИЮ

Гамилькар Барка был опытным полководцем. Смелость и решительность он проявил еще в Первой Пунической войне. Благодаря ему Карфаген подавил восстание наемников и рабов.

В год, когда Карфаген с величайшими усилиями разгромил повстанцев, Гамилькар задумал удар по Риму.

Далеко на западе лежит большой полуостров Иберия. Карфагенские купцы и мореходы давно знали южные бухты и заливы Иберии и даже основали здесь на берегу несколько поселений. Однако они не пытались проникнуть дальше береговой полосы и подчинить местные племена. Эту задачу и поставил перед собой Гамилькар Барка. Захватом богатого серебром и продовольствием полуострова он намеревался возместить утрату Сицилии, Сардинии и Корсики. Из воинственного населения страны Гамилькар хотел создать могущественное войско.

Переведя свою армию в Иберию, Гамилькар приступил к осуществлению своего плана. Это было нелегко. С удивительным упорством и самоотверженностью отстаивали иберийцы свою свободу. Но военная выучка карфагенян, искусство их вождя сломили сопротивление свободолюбивых иберийцев. Юго-восточная часть полуострова была захвачена Гамилькаром.

В 229 г. до н. э. Гамилькар Барка был убит в сражении с иберийцами. Войско избрало вождем его зятя Газдрубала. В очень выгодном месте, на берегу моря, Газдрубал основал город, получивший название Нового Карфагена.* Он окружил его крепкими стенами, построил склады и арсеналы, на высоком холме внутри города воздвиг крепость. Сюда, в Новый Карфаген, в огромном количестве свозили серебро из расположенных неподалеку серебряных рудников.

Обладание Новым Карфагеном не только обеспечивало карфагенянам удобную связь с родиной, но и облегчало покорение иберийских племен.

* Ныне испанский город Картахена.

К 226 году до н. э. карфагеняне продвинулись далеко на север, к реке Ибер (ныне Эбро).

Римляне вынуждены были считаться с могуществом новых властителей Иберии. Они заключили договор с Газдрубалом. Ибер был признан границей, отделяющей владения двух государств. В то же самое время римляне потребовали, чтобы Газдрубал не чинил обид расположенному к югу от Ибера городу Сагунту, с которым Рим находился в союзных отношениях.

В 221 году Газдрубал погиб от руки иберийца, ненавидевшего карфагенских поработителей. Захваченный стражей и подвергнутый пыткам, ибериец не только не проронил ни слова, но даже улыбался, довольный, что достиг цели.

Во главе карфагенского войска стал двадцатипятилетний Ганнибал.

ЮНОСТЬ ПОЛКОВОДЦА

С девяти лет солдатский лагерь стал домом Ганнибала. Он пробуждался от звуков военной трубы. Без усталости мог скакать на коне, с удивительным терпением переносил зной и холод, голод и жажду. Часто его можно было видеть лежащим на голой земле под солдатским плащом. Одеждой или отделкой оружия он не отличался от простых воинов. И в конном и пешем строю он всегда был одним из первых.

Ганнибала окружали преданные советники и друзья. Среди них был Магарбал, который позднее прославился как начальник нумидийской конницы, и Магон, ставший известным под именем «Самнит». На них можно было положиться в трудную минуту. Однако в той суровой борьбе, для которой себя готовил Ганнибал, ему не приходилось надеяться на чужую помощь.

Еще от отца Ганнибал слышал, что к восставшим наемникам были посланы для уговоров выдающиеся и уважаемые карфагеняне. Наемники не понимали финикийскую речь. Нужны были толмачи, и ими стали начальники наемнических отрядов. Они умышленно искажали речь карфагенян, придавали ей оскорбительный смысл. И на карфагенян падал град камней.

«Полководец должен понимать своих воинов, воины должны понимать полководца», — решил Ганнибал. И так как в карфагенском войске служили иберийцы, галлы, лигурийцы, греки, нумидийцы, Ганнибал со свойственной ему решимостью взялся за изучение галльского, иберийского, лигурийского, греческого, нумидийского языков и овладел ими так хорошо, что не только понимал речь любого из своих воинов, но и умел разговаривать с ним на его родном языке.

Греческому языку Ганнибала обучил его учитель Силен. По вечерам он часто читал ему книгу Птолемея о подвигах Александра Македонского. Вместе с греческими прилагательными и глаголами Ганнибал изучал и военное искусство греков, знакомился с действиями и приемами знаменитого полководца.

Храбрость, знание солдата и простота в обращении создали Ганнибалу любовь воинов. В двадцать пять лет он пользовался не меньшим влиянием, чем его отец в зрелые годы. Тех, кто знал Гамилькара, поражало внешнее сходство черт отца и сына. Тот же упрямый подбородок, то же повелительное выражение глаз. Воинам, состарившимся на службе, казалось, что воскрес сам Гамилькар, который когда-то, с высот Эрикса, вел их на римские легионы.

Первые шаги обнаружили в молодом Ганнибале и талант полководца, которым отличался его отец. В схватках с иберийцами он показал смелость и редкую выдержку. Разорив два их города, Ганнибал на обратном пути в Новый Карфаген был настигнут объединенным войском иберийских племен численностью до ста тысяч человек.

Неравенство сил делало сражение в открытом поле очень опасным. Поэтому Ганнибал ночью переправил свою армию через реку Таг и расположился в некотором расстоянии от берега.

На рассвете враги, сознавая свою силу и многочисленность, с громкими воинственными криками бросились в реку, разделявшую оба войска. Этого только и ждал Ганнибал. Во время переправы его конница сумела перебить большую часть нападавших, а те, которым удалось перейти реку, были раздавлены слонами. Внезапную опасность Ганнибал сумел превратить в замечательный успех.

Уничтожив наполовину армию иберийцев, Ганнибал возвратился и предал их поля страшному опустошению, Запылали хижины, воины убивали стариков и старух, уводили детей и женщин в рабство. Ганнибала не трогали человеческие страдания. Города, племена и народы были для него игрушками в той большой и жестокой игре, которую называют войной.

Движимый ненавистью к Риму и жаждой славы, Ганнибал не останавливался перед любыми преступлениями, лишь бы они приблизили его к цели. Так и теперь, в начале своей самостоятельной деятельности Ганнибал не остановился перед нападением на Сагунт.

ОСАДА САГУНТА

Приморский город Сагунт жил мирной, безмятежной жизнью. В окружавших город садах зрели розовые яблоки и пурпурные гранаты. Жители готовили корзины для сбора богатого урожая. В предместье с зари до заката бесшумно вращались гончарные круги. Трудлюбивые ремесленники лепили посуду из знаменитой сагунтийской глины, которая была легче воды; обожженная в гончарных печах посуда приобретала красноватый оттенок, ценимый повсюду, где в посуде понимают толк. Богатые сагунтийские купцы в тавернах на главной площади города, как всегда подсчитывали выручку. Мальчишки играли в бабки.

Беда пришла неожиданно. Ганнибал подкрался к городу. Лишь немногим жителям окрестных поселений удалось укрыться за городской стеной. С высоких башен можно было видеть, как рассыпавшиеся по дворам в предместьях карфагенские наемники вытаскивают утварь, выгоняют скот, как палками они сбивают с деревьев еще не созревшие плоды. Слышались отчаянные вопли уводимых в рабство людей.

Горожане взяли за оружие. Ремесленники готовили катапульты и баллисты. Нашлась работа и детям. Они подтаскивали к метательным орудиям камни, разносили защитникам крепости воду в высоких амфорах.

Ганнибалу не удалось застичнуть сагунтийцев врасплох, и он приступил к осаде города.

С помощью метательных снарядов осажденные держали карфагенян в отдалении. По ночам молодые сагунтийцы совершали вылазки к постам и караулам неприятеля, нанося ему немалый ущерб. Как-то сам Ганнибал, неосторожно приблизившийся к стене, был ранен метко брошенным дротиком.

Ранение оказалось несерьезным. Пока вождь зализывал раны, войско успешно продолжало осаду. Везде, где позволяли условия местности, осаждающие возводили террасы и пододвигали по ним стенобитные орудия. Сагунтийцам было трудно повсюду отражать нападения карфагенян, и они выбивались из сил.

А тараны карфагенян начали свою разрушительную работу. Стены города крошились под их ударами. На одной стороне упала стена, открыв доступ к городу, на другой с грохотом обрушились три башни. Еще одно усилие — и город будет во власти Ганнибала. Но сагунтийцы проявляли чудеса храбрости. Заняв обломки городской стены, они забрасывали неприятеля стрелами и дротиками. Особое замешательство среди карфагенян производило копье с привязанным к нему жгутом из соломы. У сагунтийцев оно называлось «фаларика». При бросании фаларики соломенный жгут поджигался. От полета пламя разгоралось еще сильнее, и если огненный снаряд попадал в щит, испуганный воин сразу же его бросал, оставляя себя без защиты.

Долго успех не склонялся ни на чью сторону. Видя, что им удастся сдержать натиск превосходящих сил, сагунтийцы ободрились. С громкими криками они кинулись на опешивших врагов, заставили их покинуть развалины стен и искать спасения в лагере.

ПОСОЛЬСТВО ВАЛЕРИЯ ФЛАККА

Римляне давно уже наблюдали за событиями в Иберии. Однако они не могли и думать о вмешательстве в помощь иберийцам. Их силы были заняты борьбой в Адриатическом море. Даже тогда, когда Ганнибал открыто напал на дружественный римлянам Сагунт, явно ища повода для войны, римляне медлили. Наконец, они решились отправить посольство к Ганни-

балу под стены Сагунта. Во главе посольства стоял сенатор Валерий Флакк.

Когда Ганнибалу сообщили, что римские послы высадились на берег и желают его видеть, он отправил к ним своих людей. Те передали римлянам, что Ганнибал не может обеспечить их безопасность и советует обождать окончания осады. Взбешенный Валерий Флакк потребовал встречи с Ганнибалом. Ему ответили, что сейчас Ганнибал занят более важным делом и ему некогда разговаривать с римлянами.

Валерию Флакку ничего не оставалось делать, как сесть на корабль и направиться в Карфаген, чтобы потребовать там прекращения осады Сагунта.

Догадываясь об этом намерении римлян, Ганнибал тотчас же послал гонцов с письмами к своим друзьям в Карфаген, прося их о поддержке.

В Карфагене в то время боролись две партии. Одна из них стояла за подготовку к войне, а другая, возглавляемая старым врагом Гамилькара Барки — Ганноном, придерживалась осторожной политики, советовала уступать Риму во всем, что не наносит серьезного ущерба богатству и процветанию Карфагена. Осада Ганнибалом Сагунта вызвала усиление первой партии, Ее сторонники с восторгом встретили известие о твердом намерении молодого полководца уничтожить этот город, последнее препятствие на пути к господству Карфагена над всей Иберией.

Следовало ожидать, что появление в Карфагене римского посольства вызовет еще большие симпатии к Ганнибалу. Так это и оказалось.

Выступление римского посла Валерия Флакка, обвинявшего Ганнибала в нарушении договора между Римом и Карфагеном, было выслушано Большим Советом в недружелюбном молчании. Лишь один Ганнон поддержал римского посла.

Ганнон говорил об угрозе, которую навлек на Карфаген Ганнибал, о том, что, подобно отцу, сын простирает руки к царскому престолу. С негодованием он вспоминал об оскорбительном отказе Ганнибала принять послов римского народа, пришедших просить за своих союзников. Ганнон утверждал, что, нападая на Сагунт, Ганнибал подрывает стены Карфагена.

Советники слушали затянувшуюся речь Ганнона, словно исполняя досадную обязанность. Некоторые обменивались насмешливыми взглядами. Многие помнили о яростных нападках Ганнона на Гамилькара, о том, что в тот день, когда в Карфаген пришло известие о смерти Гамилькара Барки, Ганнон явился в Совет в праздничной одежде. Смерть героя Эрикса и победителя восставших наемников была для него праздником. Вражда пережила и смерть Гамилькара. Она перешла в неприязнь к его сыну Ганнибалу.

А тем временем Ганнон, стоя на возвышении для оратора, бросал слова в зал. Голос стал прерывался, словно ненависть душила его. Ганнон требовал дать немедленное удовлетворение Риму, увести войско от Сагунта и выдать Ганнибала. Он требовал вознаградить сагунтийцев за понесенный ими ущерб.

Когда Ганнон окончил свою речь, по залу прокатился ропот.

Ответ был передан Валерию Флакку в тот же день. В обширном послании перечислялись все договоры о дружбе между Римом и Карфагеном. «И будет ли справедливо, если римский народ предпочтет сагунтийцев древнейшему союзу с Карфагеном?» — этими словами закончилось послание.

ПАДЕНИЕ САГУНТА

Пока Рим посылал в Карфаген послов и ждал их возвращения, пока происходили споры, нарушил ли Карфаген условия мирного договора или нет, осада Сагунта продолжалась. С жадностью и нетерпением смотрели наемники на полуразрушенные стены, за которыми их ждала богатая добыча.

В некотором отдалении от еще не разрушенного участка стены по приказанию Ганнибала воины строили гелеполю. Чтобы придвинуть ее к стене, надо соорудить ровную насыпь из дерева и земли. На это ушло две недели тяжелого и опасного труда под вражескими выстрелами. Наконец, насыпь была готова и по ней башню подкатили к самой стене. С высоты башни воины Ганнибала забрасывали осажденных дротиками из катапульт, каменными глыбами из баллист. Сагунтий-

цы были вынуждены оставить стену. Не теряя времени, Ганнибал отправил около пятисот ливийцев с ломами и топорами, чтобы пробить брешь в стене. Брешь пробили быстро. Стена Сагунта была скреплена не цементом, а глиной. Через брешь в город ворвались карфагенские солдаты. Они захватили близлежащий холм, расположили на нем свои метательные орудия.

Пока карфагеняне подкатывали гелеполу к городской стене, сагунтийцы успели сложить внутреннюю стену.

В течение нескольких месяцев карфагеняне разрушали эту стену своими таранами и, наконец, вытеснили защитников Сагунта в акрополь.

Знатный сагунтиец Алькон без ведома своих соотечественников перешел в лагерь карфагенян в надежде договориться с Ганнибалом об условиях сдачи города. Они были немыслимо тяжелыми. Ганнибал приказывал сагунтийцам оставить город и все свое имущество победителям. Им разрешалось выйти в одной лишь одежде, чтобы поселиться там, где им будет указано. Зная, что вольнолюбивые сагунтийцы отвергнут эти условия, Алькон даже не осмелился их передать осажденным. Это сделал посол Ганнибала.

Пока на народном собрании посол излагал требования Ганнибала и убеждал их выполнить, те сагунтийцы, которые еще сохранили силу тела и духа, сносили в одно место все золото и серебро, одежду и утварь. Все это было подожжено. И, когда костер разгорелся, люди стали бросаться в пламя. Страх и смятение распространились по городу и овладели всеми его жителями. Римляне, видя, что крепость никем не охраняется, мгновенно захватили ее.

Ганнибал отдал приказание беспощадно убивать всех совершеннолетних мужчин. Ганнибала никогда еще не видели в такой ярости. Восемь месяцев у него отняла осада этого города. А между тем для осуществления его замысла дорог каждый день.

Толпы женщин и детей потянулись из разрушенного и горящего Сагунта. Ганнибал разделил рабов между своими соратниками. Захваченное золото и серебро он оставил себе, а всю утварь, не уничтоженную огнем, немедленно отправил в Карфаген, чтобы расположить в свою пользу правительство республики.

Затем Ганнибал распустил своих воинов на отдых, а сам в Новом Карфагене с нетерпением поджидал послов, отправленных им к галлам, жившим за Пиренеями и Альпами. Как прилежный ученик, он изучал страны, через которые он должен будет пройти. Ничто не ускользало от его внимания — дороги, перевалы, одежда, обычаи местных жителей.

Ему были известны все награды римских полководцев. Закрыв глаза, он старался представить себе внешность и характер Гая Фламиния, Фабия Максима, Публия Корнелия Сципиона. Гай Фламиний, наверно, стройный худощавый человек. Голову он держит высоко. Баловень судьбы. Победитель галлов. Его именем названа дорога от Рима до Аримина. Есть от чего возгордиться! В сражение он будет рваться первым, чтобы показать свою храбрость. Фабий Максим представлялся Ганнибалу стариком с лысым черепом, носом с горбинкой, широко расставленными серыми глазами. У него седые мохнатые брови. Он говорит, растягивая слова. Нет, Фабий Максим не способен на безрассудство. А вот Публия Корнелия Сципиона, который в этом году избран консулом, Ганнибал себе не представлял. В Риме столько этих Сципионов, что их не различишь.

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Почти в то же самое время, когда посольство Валерия Флакка возвратилось из Карфагена, Рим узнал о падении Сагунта. Война стала неизбежной. Никогда еще Риму не угрожал такой опасный враг и никогда еще не были римляне так плохо подготовлены к отпору. Римляне понимали — если Ганнибал вступит на территорию Северной Италии, он найдет поддержку недавно покоренных римлянами галлов. Поэтому было решено с наступлением лета отправить одну армию во главе с консулом Публием Корнелием Сципионом в Иберию, чтобы не допустить Ганнибала в Италию. Другой армии во главе со вторым консулом, Тиберием Семпронием Лонгом, предстояло двинуться в Сицилию, чтобы оттуда морем переправиться в Ливию, под стены Карфагена.

Италия пришла в движение, В гаванях спешно строили корабли. В городах и селениях производился набор в армию. Римляне в этот год выставили шесть легионов, а их союзники — около сорока тысяч пехотинцев и пяти тысяч всадников. Народное собрание* приняло решение об объявлении войны карфагенскому народу. По этому поводу состоялось молебствие и принесены жертвы Марсу.

Оставалось лишь соблюсти установленные обычаи и известить карфагенян о начале войны. Для этого было отряжено чрезвычайное посольство во главе с престарелым сенатором Фабием.

В начале лета 218 г. до н. э. римские послы прибыли в Карфаген. Их допустили в Большой Совет Карфагена.

Послы были в длинных тогах. Дорожные шляпы из черного войлока подчеркивали синеву гладко выбритых щек и подбородков. Лицо старшего посла, Марка Фабия, выделялось резкими чертами.

Сторонники обеих партий, только что кричавшие до хрипоты и обвинявшие друг друга в измене, замолкли, ожидая, что принесли послы.

Резко объявил Марк Фабий требование — или выдать Ганнибала, как главного виновника всего происшедшего, или взять на себя ответственность за нарушение договора.

Молчание, в котором был выслушан римский посол, сменилось возмущенными возгласами. Даже про-

* У римлян было несколько видов народных собраний. Наиболее важными были центуриатные собрания, происходившие по сотням (центуриям), причем сотня — это не сто человек, а округ, выставлявший сто воинов. Все население республики (только мужчины, совершеннолетние, не рабы и не вольноотпущенники, не иностранцы) делилось в зависимости от имущества на 5 классов и 193 центурии (18 центурий всадников, 80 центурий пехоты и 95 центурий остальных). Голосовали сначала 18 центурий всадников и 80 центурий пехоты, то есть самые зажиточные граждане. Если эти 98 центурий решали вопрос, остальные 95 не голосовали. Только центуриатные собрания могли объявить войну. Но сенат отпускал деньги на войну и решал вопрос — продолжать ее или заключить мир. Заключение мира было правом сената,

тивников Ганнибала оскорбило это неразумное требование и тон, которым оно высказано. Только что сами они призывали проявлять уступчивость к римлянам, но ведь есть предел и в уступках. Рим будет судить карфагенского полководца! Такого унижения Карфаген еще не испытывал.

Один за другим выступали карфагенские советники. Настойчиво указывали они римлянам, что их договор с Газдрубалом для Карфагена недействителен, что сагунтийцы не должны считаться союзниками Рима. Все доводы оказались тщетными. Видно было, что послы пришли с твердым решением объявить войну.

Собрав край своей тоги и как бы скрывая в нем последнее решение Рима, Фабий воскликнул:

— Здесь приношу я вам, карфагеняне, войну и мир. Выбирайте, что хотите.

— Выбирай сам,— послышался ответ.

— Вы избрали войну,— холодно и важно произнес римский посол и распустил складки тоги.

СЛОНЫ ГАННИБАЛА

Шагают слоны Ганнибала. Корзины на их спинах покачиваются, как лодки в море. Наемники стоят по обочинам дороги, пропуская вперед слонов. Лишь немногим из этих тысяч иберийцев и кельтов, сардов* и балеарцев довелось видеть слонов. С суеверным ужасом они взирают на животных, не похожих ни на одного зверя из гор и лесов. С восхищением они разглядывают их толстые, как вековые дубы, ноги, в которых ощущается невиданная мощь. И эта мощь послушна их повелителю Ганнибалу. Он, кажется, понимает не только языки всех племен земли, но, подобно волшебнику, может управлять этими сказочными животными. Стоит ему подать знак, и слоны ринутся и растопчут каждого, кто осмелится перечить карфагенянам.

Шагают слоны Ганнибала. В их тяжелой поступи непреклонность воли полководца и неотвратимость возмездия. Рим должен быть уничтожен, Рим будет раз-

* Сарды — жители Сардинии.

давлен карфагенскими слонами. Десятки дней отделяют войско Ганнибала от Рима. А какие преграды его ожидают! Реки, обрывы, снежные горы, воинственные и дикие племена. Но разве меньше преград было у этих слонов на пути до Иберии?

Рим должен быть уничтожен. Такова цель похода, известная лишь самому Ганнибалу и его ближайшим помощникам. Для остальных движение на север, к Пиренеям — это только завоевание еще не захваченной карфагенянами части Испании от реки Ибер до Пиренеев.

Шагают слоны Ганнибала. Пыль поднимается из-под их ног и повисает в воздухе, покрывает лица всадников и пехотинцев, ложится на конские попоны. Пестрое, как праздничная процессия, войско втягивается все выше в горы. Осталась позади цветущая долина Ибера. Только изредка попадаются огороженные камнями клочки пашни на склонах гор. Племя летанов, занимающее эти склоны, спешит увести стада подальше от прожорливого, как саранча воинства.

Шагают слоны Ганнибала. Открылась цепь Пиренеев — рубеж Иберии. Теперь уже всем ясно, что Ганнибал задумал нечто более грандиозное, чем завоевание всей Иберии. Три тысячи иберийцев отказались покидать родную землю. Ганнибал мог окружить их и раздавить слонами. Но он не сделал этого. Ганнибал понимал, что эта мера поднимет на борьбу против Карфагена всю Иберию. Справится ли с этим новым восстанием его младший брат Газдрубал, которого он оставил в Иберии всего лишь с двадцатью тысячами пехотинцев, всадников и моряков? Поразмыв, Ганнибал разрешил остаться в Иберии всем, кто не хочет разделить с ним риск похода. Таких нашлось около одиннадцати тысяч человек. Он распустил их по домам. Отпуская домой всех желающих, Ганнибал избавлялся от трусливых и ненадежных воинов, которые могли впоследствии стать обузой. Ганнибал этим также показывал, насколько он уверен в победном исходе войны. Еще десять тысяч человек Ганнибал оставил в завоеванной им области между Ибером и Пиренеями. Пиренеи перешли лишь пятьдесят тысяч пехотинцев и девять тысяч всадников. Но это были верные Ганнибалу, закаленные в боях воины.

Шагают слоны Ганнибала. Пока на пути нет серьезных преград. Галлы, собравшиеся близ Русцина, пытались было помешать, но золото из сагунтийской добычи открыло дорогу Ганнибалу. Десять дневных переходов — и карфагеняне стоят на берегу Родана.* Жители пустыни, ливийцы, привыкшие беречь каждую каплю воды, с изумлением смотрели на широкую и полноводную реку. Оставленный ими позади Ибер казался по сравнению с Роданом ручейком. Ливийцев удивляла расточительность богов этой северной страны, не умеющих беречь воду.

Остановились слоны Ганнибала. Воины сняли с их спин башни и пустили животных пастись на лугу, покрытом густой зеленой травой. Рядом с ними пасутся нумидийские кони. Только людям нет отдыха. Они сооружают по приказу Ганнибала лагерь. А сам полководец стоит на берегу Родана. С тревогой он вглядывается в противоположный берег реки, где расположились нестройные полчища галлов, готовые помешать осуществлению его плана.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ РИМА

В то время, как Ганнибал подходил к Пиренеям, Публий Корнелий Сципион находился еще в Риме. Консула задержали чрезвычайные обстоятельства. На севере Италии восстало племя бойев. К ним присоединились инсумбры,** недовольные недавним разорением их страны римлянами, захватом их земель римскими поселенцами из колоний Плаценции*** и Кремоны. Соединив свои силы, бойи и инсумбры напали на землю римских колонистов. Высланные для переговоров с галлами римские послы были захвачены восставшими. Более того, галлы осадили главную римскую крепость в Северной Италии — Мутину.****

Брошенный против галлов легион Луция Манлия попал в засаду в покрывавших тогда Северную Ита-

* Родан — теперь Рона.

** Бойи и инсумбры — галльские племена.

*** Плаценция — ныне итальянский город Пьяченца.

**** Мутина — ныне итальянский город Модена.

лию густых лесах. Бросая убитых и раненых, оставляя в руках неприятеля знамена, римляне бежали в открытое место на берег реки Падуса (теперь По).

На выручку им и был брошен один из легионов Публия Корнелия Сципиона, намечавшийся для отправки в Иберию. Вместо отосланного легиона пришлось набирать новый. В заранее назначенный день из Рима и окрестных городов и селений к Капитолию стекались военнообязанные. Это были восемнадцатилетние юноши из зажиточных семей. Неимущих, или, как их называли в Риме, «пролетариев», в армию не призывали. Будущие солдаты являлись в Рим вооруженными. Оружие они приобретали за свой счет.

Военные трибуны отделили из явившихся наиболее крепких и из отобранных взяли по жребию четыре с половиной тысячи воинов. Они и составили новый легион.

Наконец, воины были посажены на корабли. Вместе с консулом отправились его брат Гней и семнадцатилетний сын, которого также звали Публий.

Молодой Сципион впервые выходил в плавание. Его волновало зрелище огромной флотилии из шестидесяти кораблей и постоянно изменяющийся вид берега. Но вскоре он почувствовал необыкновенную слабость. Ноги подкашивались, в глазах стояли красные круги, тошнило. На еду нельзя было даже смотреть. Сципиона не радовало и появление высоких, покрытых снегом вершин, о которых он так много слышал. Морская болезнь. Она изматывала силы, выворачивала внутренности.

Лишь на пятый день корабли отдали якоря близ греческой колонии Массилии (ныне Марсель).

Пока юноша, пошатываясь, как пьяный, брел по песчаному берегу, его отец беседовал с только что прибывшими послами галлов. Оказывается, Ганнибал уже перешел Пиренеи и идет к Родану. Какую цель преследует карфагенский полководец? Очевидно, он хочет захватить Массилию. Консул не мог себе даже представить, что Ганнибал со своей конницей и слонами решится перейти Альпы.

Звуки военной трубы поднимали рассыпавшихся на берегу воинов. Еще не отдохнувшие и не оправившиеся от морской болезни, они должны были строить лагерь.

ПЕРЕПРАВА

День и ночь с берега реки близ карфагенского стана доносились удары топоров. Воины сооружали лодки и плоты из доставленного окрестными жителями леса. Удалось также купить у местных рыбаков немало лодок-однодеревок. Ганнибал платил за дерево серебром и золотом из сагунтийской добычи. Он был по-царски щедр, стремясь выиграть время.

Предстояло преодолеть не только буйную силу Родана, но и ярость неприятеля, занимавшего противоположный берег реки. Поэтому Ганнибал приказал Ганнону, сыну суффета Бомилькара, взять часть войска и ночью двинуться против течения реки, чтобы в удобном месте переправиться на другой ее берег. Это место было указано проводниками-галлами. Здесь река, разделявшаяся на несколько рукавов, была не так глубока. Быстро нарубив деревья, воины изготовили плоты для переправы лошадей и оружия, а сами без труда переплыли реку.

Через день Ганнибал увидел на противоположном берегу реки, левее неприятеля, столб дыма. Это был условленный сигнал: войско Ганнона находится вблизи.

Ганнибал тотчас же приказал начинать переправу. Пешие воины сели в стоявшие на привязи лодки. Всадники переправлялись на плотях, держа за уздцы плывших коней.

Видя, что карфагеняне начинают переправу, галлы выбежали на берег. Их воинственные вопли сливались с шумом воды, пенившейся под ударами весел, с криками карфагенских воинов, ободрявших с берега своих товарищей, с ржаньем лошадей.

Отряд Ганнона подходил с тыла к вражескому стану. Галлы оказались между двух огней. Их теснили спереди и сзади. Заметавшись по берегу, они отыскивали еще незанятый карфагенянами проход и разбежались по своим селам.

Теперь можно было приступить к переправе слонов. Сколотив из бревен множество паромов, карфагеняне прикрепили два из них на спуске к реке. К первым паромам карфагеняне приладили с наружной стороны другие два. К этим наружным паромам было

прикреплено много канатов, концы которых перевезли на противоположный берег. Кроме того на все паромы было нанесено много земли и дерна, пока их поверхность не стала походить на тот путь, который вел по суше к месту переправы.

Затаив дыхание карфагеняне на обоих берегах реки смотрели, как индийцы провели первых слонов по насыпи к крайним паромам. Затем скрепы, соединявшие эти паромы с другими, были сорваны, воины натянули канаты и крайние паромы вместе с находившимися на них животными вскоре оказались на середине реки.

Таким способом каждый раз прилаживалось два парома, и на них была перевезена большая часть слонов. Несколько животных в страхе кинулись посредине реки в воду. Находившиеся на их спинах индийцы погибли, но сами слоны переплыли реку и невредимыми вышли на противоположный берег.

Пока происходила переправа слонов, часть нумидийской конницы была отправлена Ганнибалом по течению Родана на разведку. Неподалеку от своего лагеря всадники столкнулись с римскими конными войсками, посланными на разведку Сципионом. После упорной схватки нумидийцы были обращены в бегство и римские всадники приблизились к карфагенскому лагерю близ переправы. Не догадываясь, что большая часть карфагенян находится уже на противоположном берегу, римские разведчики повернули коней, чтобы известить консула о местонахождении неприятеля.

Горя желанием сразиться с врагом, Публий Сципион направился ему навстречу. Каково же было удивление консула, когда через три дня, прибыв к месту переправы, он застал брошенный лагерь.

В месте, где в Родану вливается река Изара, началась область галльского племени аллоброгов. Здесь Ганнибал узнал о разделявшей племя распре. Два брата спорили из-за царской власти и стояли друг против друга с войсками.

Старший из братьев призвал Ганнибала на помощь. Вмешательство Ганнибала решило спор в пользу старшего брата, и в благодарность за поддержку карфагеняне получили в изобилии хлеб, обувь, теп-

лую одежду и даже оружие. Более того, признательный галльский вождь провожал армию Ганнибала часть пути, прикрывая ее своим отрядом от нападения других галльских племен.

Появление римской армия на нижней Родане вынудило Ганнибала отказаться от дороги через Альпы, которая им была намечена раньше, и искать путь значительно севернее. Этот путь и был указан Ганнибалу галльскими проводниками.

В АЛЬПАХ

Всего неделю назад в долине Роны карфагеняне оставили лето: яркую зелень прибрежных лугов, ветер, ласково играющий листьями дубов, кленов и дикорастущих яблонь. А здесь в лицо повеяло холодом вечной зимы. Покрытые снегом и льдом вершины сливались с тяжелыми облаками и от этого казались еще выше. Исковерканные, изогнутые скалы напоминали сказочных чудовищ, окаменевших по чьей-то злой и непреклонной воле.

«Если есть на свете грозные духи, они должны обитать здесь», — думали суеверные воины, хватаясь за свои амулеты — зубы дельфина, пучки полыни и валерианы.

По уступам скал раскинулись хижины. Их обитатели торопились увести малорослых, словно сдавленных невыносимой тяжестью гор, лошадей.

Воины рассыпались по селению. Но люди гор были также голы, как сами горы. В хижинах, сложенных из камней или неотесанных бревен, не было ничего кроме перепревшей соломы, от которой отворачивались даже голодные слоны.

Кое-кому в подвалах под хижинами удалось отыскать несколько кругов тяжелого, как камень, сыра. Вот и все, чем удалось поживиться в этом забытом богами уголке.

Днем войско достигло подножия высокого холма. Ганнибал посмотрел вверх. Над тропинкой нависли огромные камни. Каждого из них было достаточно, чтобы раздавить сто воинов, а из-за камней выглядели страшные, обросшие волосами лица горцев. На-

ходясь в безопасности, они могли преградить путь целой армии.

Ганнибал послал во вражеский стан лазутчиков. Это были галлы из Иберии, понимавшие речь горцев. Они узнали, что горцы на ночь покидают проход и занимают его только на рассвете. Ночью Ганнибал приказал разложить побольше огней, чтобы обмануть врагов, а сам, отобрав лучших воинов, поспешил занять склоны, оставленные вечером горцами. Путь был свободен. Утром на виду у неприятеля карфагенское войско двинулось к главным поселениям этой горной страны.

Долина Изары становилась шире. Жители, пасшие свои стада, казались более приветливыми. С зелеными ветвями они выходили навстречу пришельцам, добровольно предлагая съестные припасы, проводников и даже заложников. Но стоило карфагенянам снова зайти в теснину, как сверху на них полетели камни, стрелы. Лишь на девятый день пути Ганнибал достиг перевала. Здесь он разбил лагерь, поджидая отставших людей и животных.

Снявшись со стоянки, карфагеняне начали спуск. Крутая дорога местами была еще покрыта твердым снегом, остатком последних обвалов. Снег проламывался под тяжестью вьючных животных. Дорога петляла по голым обледеневшим склонам — ни кустиков, ни корней. Поскользнешься — лети в пропасть.

Войско таяло. Путь в Италию был отмечен закопченными трупами людей и животных. Над ними кружились альпийские орлы, и ветер пел свою вечную песню.

Ганнибал находился впереди с проводником и двумя телохранителями. Достигнув вершины, он дал знак воинам, чтобы они быстрее шли к нему. Отсюда открывался вид на страну, перерезанную реками, расцвеченную зеленью лугов, на море, сверкающее под солнцем, как медный щит. Внизу, под ногами была Италия.

Дорога стала такой крутой, что едва ли один пеший воин мог бы спуститься по ней. Кони ступали неуверенно и трясли головами. Всадники остановились. Левее спуск не был таким крутым, но тропу завалила упавшая сверху огромная каменная глыба. Пришлось разбить лагерь на вершине горы — в снегу, под ледяным

ветром. После короткого отдыха Ганнибал приказал воинам срубить росшие вокруг сосны и свалить их на глыбу. Деревья были подожжены. Ветер раздул гигантский костер, и когда камень накалился, воины стали лить в щели воду. Послышался треск раскальвавшегося камня. Карфагеняне сбрасывали в пропасть отколовшиеся куски и снова разжигали костер. Четыре дня ушло только на то, чтобы очистить путь от глыбы. А слоны и кони в это время околевали от голода.

Наконец, кручи Альп остались позади. Войско спустилось в долину. Начали попадаться хорошие пастбища. Проголодавшиеся животные жадно щипали траву. Люди получили отдых. Местные жители их встречали как друзей, приносили мясо и сыр, с торжеством провожали от селения к селению.

Переход армии через Альпы длился 15 дней. Карфагеняне потеряли почти половину войска, но цель, поставленная Ганнибалом, была выполнена. Как снежная лавина обрушилось его войско на зеленые долины Италии. Если бы Ганнибал не одержал больше ни единой победы, он все равно вошел бы в историю как великий полководец лишь из-за перехода через Альпы.

Впервые в позднее время года армия, состоявшая из неподготовленных к горной войне воинов, проложила дорогу через снежные горы.

Ученым неизвестно, через какой перевал прошел Ганнибал. В 1959 г. один английский археолог попытался на опыте установить перевал, которым 2150 лет назад прошла армия великого полководца древности. Было решено использовать слона, взятого в цирке. Слону надели суконные галоши, чтобы он не изранил ноги, и огромное животное повели в Альпы. Однако слон не пожелал идти вверх, а туннели приводили его в неистовство. Опыт провалился. Да он и не мог удаться — дрессированный слон наших дней и боевой слон древности — совсем не одно и то же.

До сих пор не установлено, какие слоны были у Карфагена, индийские ли — они легко приручаются — или африканские — они приручаются с большим трудом. Возможно, в древности умели хорошо дрессировать африканских слонов, но этот секрет позднее забыли.

ТИЦИН

Узнав о намерении Ганнибала вторгнуться в Италию через Альпы, Публий Сципион решил вернуться с частью своего войска. Другую часть армии во главе со своим братом Гнеем он отправил в Иберию, которую считал главной базой врага. В пути от Массилии до подножия Альп римлянам не угрожали ни пропасти, ни нападения горцев. Поэтому Публий Сципион рассчитывал опередить Ганнибала, если тот вообще уцелеет в горах, уже покрытых снегом.

Оба полководца — римский и карфагенский — подошли к притоку Падуса — Тицину (ныне Тичино) почти одновременно. Римляне навели на Тицине мост и на берегу воздвигли предмостные укрепления. Пока римляне были заняты этими работами, Ганнибал разослал гонцов к окрестным галльским племенам, призывая их к восстанию.

Лагерь противника были отделены значительным пространством.

Ганнибал и Сципион выехали на разведку. Пурпурный плащ римлянина развевался за его плечами, меч колотил по левому бедру. Офицеры следовали за вождями. Далее двигались ряды конницы. Сначала оба отряда не видели друг друга. Густая пыль на время скрыла движение конницы. Когда пыль рассеялась, Публий Сципион увидел вражескую конницу. У римлян, кроме всадников, были легковооруженные пехотинцы. В страхе стали они искать спасения за строем римской конницы, внося замешательство в ее ряды.

Карфагеняне на скаку бросили дротики. Многие раненые римляне упали с коней, а другие сами соскочили, чтобы оказать им помощь.

Вдруг падает консул, пораженный копьем. Римские всадники сжались в круг, защищая Сципиона своими телами. Все редеют ряды римлян, и уже совсем рядом слышится воинственный клич нумидийских всадников. Они обошли римлян и показались в тылу у них.

В это время к консулу подскочил юноша, принял раненого на своего коня и помчался с ним в римский лагерь. Спасителем консула был, согласно преданию, его сын Публий Корнелий Сципион (младший), впо-

ледствия прозванный «Африканским» за победу над Ганнибалом.*

Так произошла первая схватка римлян с Ганнибалом. В ней участвовала с обеих сторон лишь конница. Это был первый урок, показавший, что Рим встретил выдающегося противника. Сципиону стало ясно, что несмотря на усталость и понесенные во время перехода через Альпы потери, карфагенская конница превосходит римскую. И это заставило его отказаться от плана дать Ганнибалу решительное сражение. Римский командующий решил выждать, пока придет из Сицилии армия консула Тиберия Семпрония Лонга.

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

В следующую ночь Публий Сципион приказал воинам тихо собрать оружие и вещи, и, сняв лагерь, поспешил от берегов Тицина к Падусу. Мост из плотов, наведенный на реке, был еще цел. Перебравшись на другой берег, консул уничтожил мост.

Утром Ганнибал увидел покинутый римлянами лагерь и приказал двигаться к переправе. Дорога шла лесом. Несмотря на зимнюю пору, то там, то здесь можно было видеть домашних свиней. Эти животные были мало похожи на тех свиней, которых карфагенянам приходилось наблюдать в Сицилии или в Иберии. Вместо грязновато-белой щетины галльские свиньи были покрыты густой черной щетиной, похожей на шерсть. Худые и подвижные, эти свиньи напоминали собак.

Галл-проводник объяснил, что здесь свиней кормят под рожок пастуха. Услышав его мелодию, свиньи стремительно бегут к своим закускам, где их ждет корм.

Ганнибал подошел к берегу могучей реки. Долго он стоял в раздумье. Конечно, можно переправить слонов вброд, конницу вплавь. Пехота может воспользоваться наполненными воздухом мехами. Но кто знает, каких

* По другому преданию, сообщенному римским историком Титом Ливием, консула спас раб-лигуриец.

потерь будет стоить переправа? Люди и животные ослабели во время похода в горах. Надо беречь их силы, Главные схватки впереди.

Из раздумья Ганнибала вывел приход галльских послов. Узнав о первой победе пришельцев над ненавистными римлянами, галлы предлагали Карфагену дружбу и помощь, обещали снабдить войско необходимыми припасами.

Ласково принимая послов, Ганнибал говорил, что явился в их страну, чтобы освободить ее от римлян. Цель его похода — Рим, но река преграждает путь войску. Ему нужны лодки.

Публий Сципион стоял лагерем под Плаценцией. Воины отдыхали и набирались сил. Рана залечивалась, и консул надеялся, что сумеет в скором времени держать в руках меч. Больше всего радовала Сципиона полученная им весть, что его товарищ по консульству Тиберий Семпроний Лонг спешит на помощь. Пока Ганнибал переправится через Падус, Семпроний будет здесь.

Однако вскоре консулу донесли, что Ганнибал с войсками находится уже по эту сторону реки. Это казалось чудом. Римляне говорили, что Ганнибал, поднявшись к верховьям реки, перешел ее вброд, поставив слонов в ряд, чтобы ослабить напор течения. Другие уверяли, что карфагеняне навели мост из присланных галлами лодок. Как бы то ни было, Ганнибал за два дня сделал то, что другой полководец сумел бы выполнить лишь за неделю. Консул, лишний раз убедившись, что противник, несмотря на свою молодость, превосходит его опытом и талантом, приказал усилить внешние караулы.

Нападение совершилось оттуда, откуда консул не ожидал. На рассвете лагерь огласился криками. Нельзя было понять, что происходит. На улицах лагеря было пусто, а крики слышались из самих палаток. Наконец, стало ясно, что находившиеся в римском лагере галлы проникли в ближайшие палатки и напали на спящих римлян. Пока консул собирал силы, галлы уже успели покинуть лагерь, перебив караульных. Преследование было бессмысленным. Лагерь Ганнибала находился всего лишь в пятидесяти стадиях от римского. Это событие показало, что галлы ненадеж-

ны. Консул решил в следующую ночь покинуть лагерь и идти на соединение с Семпронием Лонгом.

А тем временем Ганнибал принимал перебежчиков. Они подходили по одному и складывали перед ним окровавленные головы римлян. Ганнибал приветливо улыбался и обещал галлам щедрые дары. Он не воспользовался случаем увеличить свое войско людьми, которые должны были сражаться не на жизнь, а на смерть, опасаясь римского плена. Ганнибал распустил перебежчиков по домам. Он понимал, что явившись к своим, перебежчики будут лучшими ходатаями в его пользу.

ВСТРЕЧА КОНСУЛОВ

Ночью Публий Сципион двинулся к реке Требии. На ближайших высотах можно было не опасаться нападения вражеской конницы, а пехота римлянам не страшна. Окружив лагерь рвом и валом, Сципион решил дожидаться прибытия войска второго консула.

Сорок дней шло войско Тиберия Семпрония Лонга от Лилибея на юге Сицилии через южную Италию, Рим, а далее по Фламиниевой дороге к Аримину на побережье Адриатического моря. Еще шесть дней понадобилось, чтобы пройти от Аримина до Требии, и вот, наконец, консулы встретились.

Недовольный, хмуро слушал Семпроний рассказ Сципиона. Он и раньше знал его, как человека осторожного, но теперь ему казалось, что эта осторожность губельна. И откуда у консула такое преувеличенное мнение о таланте Ганнибала? Ведь Требия не более как сражение конницы. Этого не отрицает и Сципион. Почему же он тогда советует ждать лета и использовать оставшееся время для военных упражнений? Если галлы увидят, что римляне медлят, они тотчас же перейдут на сторону Ганнибала. «А нет ли у Сципиона задней мысли? — думал подозрительный Семпроний. — Он не может из-за раны участвовать в сражении и не хочет, чтобы лавры победителя достались мне».

Ближайшие дни укрепили намерение Семпрония дать Ганнибалу сражение. Действовавшая по ту сторону Требии римская конница напала на неприятелей,

в то время, когда они возвращались из деревень галлов с припасами. Неожиданное нападение привело врагов в смятение. Большинство их было перебито. Лишь немногим удалось добежать до карфагенского лагеря, откуда навстречу римлянам уже мчалась нумидийская конница. Но всадники Ганнибала уклонились от боя и унеслись в свой лагерь. Тиберий Семпроний считал себя победителем. Откуда ему было знать, что Ганнибал дал приказ нумидийским всадникам вести себя так, будто они боятся вступать в бой с римлянами.

Ганнибал знал, что Тиберий Семпроний Лонг рвется в бой. Поэтому карфагенский вождь заранее наметил место сражения. Опытным глазом полководца он оценил выгоды равнины, разделявшей противников. Поле пересекалось ручьем с высоким берегом, густо поросшим терном. Ганнибалу было известно, что римляне опасаются лесистых местностей, в которых галлы обычно устраивают засады. Этот же ручей даже не заставит их насторожиться. А между тем под его высоким берегом, в кустах, можно скрыть не только пеших, но и конных воинов. Надо лишь им приказать положить блестящее оружие на землю и спрятать шлемы за кустами. Ганнибал призвал к себе своего младшего брата Магона. Поручив ему отобрать из числа нумидийцев две тысячи лучших пеших и конных бойцов, вождь приказал ему ночью стать в засаде.

ТРЕБИЯ

Римский легионер не красноречив. Спроси его, где он сражался, за что получил бронзовую фалеру* или шейную цепь, где был ранен — он промычит в ответ что-то невразумительное. Но попроси рассказать, чем его кормили, какая еда ему по душе — и ты его не узнаешь.

И откуда у него тогда появятся и дар слова и воображение! Он вам так опишет гусиную печенку в

* Фалера — знак воинской награды в римской армии бронзовый, серебряный или золотой кружок, носившийся на груди.

молоке с медом, или маринованные маслины или хрустящую корочку жареной свинины, что вы проглотите собственный язык. И не удивительно!

Что приносит воину каждый новый день? Брань центуриона, розги, раны, смерть. Одна лишь еда скрашивает суровую, полную изнурительного труда и опасностей солдатскую жизнь.

И в это холодное утро, когда воины Тиберия Семпрония, зябко поеживаясь, выходили из палаток, они думали о завтраке. Чем их сегодня накормит повар Муммий, порази его Юпитер. С тех пор, как они прибыли в эту суровую и дикую страну из солнечной Сицилии, воины знали одну лишь бобовую похлебку. Сколько было шуток по ее поводу. «Муммий хочет нас заживо похоронить!» — смеялись легионеры. Ведь в дни поминания умерших предков на их могилы приносят бобы.

Из приоткрытого медного котла шел вкусный запах. Нет, сегодня не бобовая похлебка, а что-то более привлекательное. Солдаты доставали свои миски и садились у котла, Муммий суетился и весело подмигивал.

Тревожно прогудела труба. «Строиться!» — кричали центурионы.

Пуны совсем обнаглели. Их всадники появились у вала. Они метают дротики чуть ли не в палатку самого консула. Может ли Тиберий Семпроний упустить этот момент? Ганнибал вызывает его на битву. Правда, время слишком раннее и воины не успели позавтракать. Ну что ж, они будут обедать с большим аппетитом!

Консул дал знак к выступлению. Конница, а за ней пехота покидали лагерь. Пуны отступали к Требии.

Ночью в горах шел дождь. Река вздулась. Пехотинцам вода доходила до пояса. Когда весь легион совершил переправу, было уже около полудня. Сквозь густые облака пробивалось солнце. Но оно было бессилно согреть воинов. Кровь их застыла не только от холода, но и от сосущего голода. Муммий! Где твоя бобовая похлебка? Сейчас она казалась желанной, как родной дом. Но Муммий со своим медным котлом остался на том берегу этой мерзкой речушки.

В это же время на карфагенского лагеря Ганнибал выводил своих воинов. Они успели подкрепить себя пищей и питьем, накормить своих лошадей и даже смазать у костров грудь и руки касторовым маслом.*

Пуны строились в одну прямую линию. Конница стояла на флангах. Впереди всадников были боевые слоны. В центре находились балеарские пращники, за ними ливийцы, иберийцы, галлы. Своими свинцовыми шарами балеарцы так дружно встретили римских стрелков, что те скрылись за рядами тяжелой пехоты.

Римской пехоте, защищенной шлемами и щитами, балеарцы не могли причинить большого ущерба, поэтому Ганнибал направил пращников против римской конницы. Неожиданная атака произвела удивительный результат. Осыпаемые градом свинцовых шаров и камней, всадники смешались и обратились в бегство.

Несмотря на холод и истощение, римские пехотинцы в центре выдержали натиск карфагенских слонов. Пропустив их вперед, римляне засыпали четвероногих гигантов тучей дротиков и копий. Испуганные слоны повернули назад, и если бы не искусство их вожakov, они раздавили бы карфагенских воинов.

Судьбу сражения решила карфагенская конница. Она опрокинула римскую, погнала ее назад к реке и в то же время охватила с двух сторон римскую пехоту, храбро сражающуюся в центре. Наконец, вышел из засады Магон со своими всадниками и ударил в тыл римлянам.

В римском войске исчез всякий строй и порядок. Лишь десять тысяч легионеров во главе с Семпронием пробились через вражеские полки на Плаценцию.

ПОСЛЕДНИЙ СЛОН

Зиму карфагенское войско пробыло в Северной Италии. Это было трудное для Ганнибала время. Привыкшие к знойному климату своей страны, карфагеняне и ливийцы страдали от холода. Видя, что их страна сделалась полем боя, галлы стали враждебно относиться к карфагенянам. Стало известно, что их старейшины собираются убить Ганнибала. Карфагенскому вождю пришлось принять меры предосторожности.

Он постоянно менял одежду, наряжаясь то нумидийцем, то балеарцем. На голове у него были то рыжие, то светлые поддельные волосы. В довершение всего в схватке под Плаценцией с передовыми отрядами римлян Ганнибал был легко ранен.

Решив еще до наступления весны покинуть Галлию, Ганнибал повел свое войско в Этрурию, намереваясь склонить этрусков к восстанию. При переходе через Апеннины карфагенское войско было застигнуто небывалой в этих местах бурей. Дождь со снегом бил воинам в лицо, бешеные порывы ветры не позволяли перевести дыхание.

Ганнибал приказал разбить палатки. Ветер срывал их. Вскоре пошел град. Как свинцовые шары пращников градины били по головам коченеющих от холода людей. Наконец, удалось развести костры, кое-как согреться. Когда буря стихла, пришлось возвратиться к оставленному лагерю близ Плаценции.

Глядя на спускающихся с гор карфагенян, можно было подумать, что они только что выдержали сражение: люди шатались от усталости. Одежда и оружие были в беспорядке. Из восьми слонов, оставшихся после сражения при Требии, в горах пало семь.

В начале весны Ганнибал со всем войском снова двинулся на юг. Он узнал, что в Риме избраны новые консулы. Одним из них был Гай Фламиний, который, набрав новые легионы, спешно шел на соединение с войсками, зимовавшими в Северной Италии. Ганнибалу было важно не допустить этого соединения. Поэтому он, покинув большую дорогу, ведущую на Аримин, избрал кратчайший прямой путь через местность, наполненную водой весенних разливов. Впереди шли с обозами иберийцы и ливийцы. С ними вместе был Ганнибал, сидевший на единственном оставшемся слоне. Напряжение зимних месяцев дало себя знать. От страшной боли голова, казалось, была готова расколоться. Липкий пот покрывал лицо и тело. Ганнибал бредил.

Вслед за иберийцами и ливийцами шли галлы. Дорога была истоптанной и вязкой. Многие проваливались в ямы. Галлы охотно отказались бы от будущей добычи и пустились бы домой, но сзади галлов двигалась карфагенская конница — горе тому, кто вздумает бежать.

На пятый день войско, наконец, выбралось из болот. Но в каком виде! Худые, в отрепьях, покрытые засохшей грязью, люди напоминали выходцев из царства теней. Сам полководец ехал на коне. В болоте погиб последний слон. Во время похода через болота Ганнибал лишился глаза.

Черная повязка придавала лицу Ганнибала мрачное выражение, но в глубине души полководец ликовал. Он добился цели, обошел армию Фламиния, не дал соединиться двум консульским армиям.

Пламя пожаров обозначало движение карфагенского войска по Этрурии. Население, бросая имущество, бежало в римский лагерь.

ТРАЗИМЕНСКОЕ ОЗЕРО

Утро было пасмурным. Огромная чаша озера дымилась, словно ее поставили на огонь. Густой серый туман медленно полз в горы, скрывая их очертания, заполняя долины и впадины, рассеиваясь на вершинах, едва освещенных хмурым солнцем. Ничто не нарушало тишины. Лишь изредка на низменных, покрытых камышом берегах были слышны крики чаек.

Но вот послышались еще какие-то звуки. Это был звон оружия, фырканье мулов, ржанье лошадей, топот ног, отрывистые команды центурионов, крики погонщиков. Римское войско вышло на единственную дорогу, которая вела к Риму мимо Кортонь и огибала Тразименское озеро.

Римляне торопились, Фламиний был охвачен яростью. На его глазах карфагеняне опустошали Этрурию и осмеливались угрожать Риму. У Фламиния была сильная и свежая армия. Он был настолько уверен в победе, что приказал собрать побольше цепей и колодок для будущих рабов. Он их проведет по Риму. Пусть увидят все, что он, Фламиний, а не Сципион спас Рим от вражеского нашествия.

Не успели передовые отряды римлян обогнуть озеро, как тихая до сих пор местность огласилась нестройным гулом. Ганнибал дал знак к сражению. Его конница обошла высоты, окаймлявшие в виде полумесяца долину, и заняла вход и выход из ущелья. В бой

вступила пехота. Град камней, тучи копий посыпались на римлян. Враги напирали. Туман мешал разглядеть, сколько их. Теснота и паника не позволяли развернуться в боевой строй. Застигнутые врасплох, римляне кинулись вправо и влево, но навстречу им бежали их же солдаты, которых гнала карфагенская конница.

Многие бросились в озеро. Они шли по дну, пока было мелко. Поверх воды виднелись головы, плечи, руки с бесполезным оружием. В ужасе люди пускались вплавь. Оружие и доспехи тянули ко дну. Другие искали спасения на неприступных кручах, скользили и падали. Крики наполнили местность. Воины просили друг друга покончить с ними, молили о пощаде и погибали под ударами.

Кое-где завязывался бой. Несколько десятков легионеров окружило консула. Гай Фламиний сбросил свой позолоченный шлем, надев вместо него шлем рядового воина. Но Фламиния узнал один из тех инсумбров, поля которых он опустошал в 223 г. Галл бросился к консулу. Оруженосец, защитивший Фламиния телом, сбит конем. Удар меча — и консул погиб.

Солнце нагрело воздух. Туман рассеялся. Ливийцы со смехом сбрасывали колодки и цепи с повозок, нагружая их валявшимися повсюду римскими мечами, щитами и копьями. Только одному римскому отряду в шесть тысяч человек удалось пробить себе дорогу через ряды врага. К вечеру римляне достигли какой-то возвышенности и здесь, истощенные, голодные провели всю ночь. Утром они увидели конницу, посланную им вдогонку Ганнибалом, и сложили оружие.

Пленных римлян Ганнибал повелел заковать в цепи, а римских союзников отпустил. Он объявил, что пришел сражаться не с ними, а с римлянами.

ФАБИЙ МАКСИМ

Рим замер от ужаса, узнав о новом страшном поражении. Сенат заседал несколько дней подряд с восхода до заката. По городу ползли темные слухи. Толпы горожан — женщин и мужчин — блуждали по улицам, теснились у городских ворот, ожидали своих близ-

ких или известий о них. Слышались глухие удары. Солдаты спешно разбирали мост через Тибр.

Сенат признал, что государству грозит опасность и надлежит избрать диктатора.

В Римской республике в случае крайней опасности государству вся полнота власти передавалась диктатору. Его назначал один из консулов. Диктатору подчинялись все военные и гражданские власти, консулы слагали свои полномочия. Срок диктатуры был шесть месяцев, после чего диктатор слагал власть и вновь избирались два консула. Диктатор назначал себе помощника — начальника конницы, также на шесть месяцев.

В 217 г. до н. э. в столице не было консулов... Поэтому, в виде исключения, диктатора избрало народное собрание.

Диктатором стал Фабий Максим, человек уже пожилой, отличавшийся хладнокровием и сильной волей.

Фабий Максим созвал сенат. Он заявил, что Гай Фламиний, погибший в битве, относился с пренебрежением к римским богам, что и вызвало их гнев. Диктатор представил дело так, будто жертвы, принесенные в начале войны богу войны Марсу, были принесены не так, как следует, и их нужно повторить с большей щедростью. Сенат принял решение, чтобы каждый римский гражданин дал клятву принести в жертву богам весь молодняк скота, если римское государство выйдет невредимым из войны.

Клятва была принесена, и диктатор выступил из Рима, чтобы принять командование над войском консула Сервилия, которое было пополнено двумя наскоро набранными легионами.

Несмотря на принесенные богу Марсу жертвы и обещания новых еще более обильных, Фабий Максим, выставлявший напоказ свое благочестие и религиозность, мало надеялся на помощь богов. Он понимал, что во всяком деле надо полагаться только на себя. А свои полководческие дарования он отнюдь не переоценивал, так же как и боевые качества своих новобранцев. В то время как Фламиний вышел из Рима, стремясь как можно скорее дать Ганнибалу бой, Фабий Максим покидал Рим с единственным желанием: как

можно дольше избегать решительного сражения с врагом. Это не было трусостью. Фабий Максим стремился измотать и обессилить врага. Он знал, что преимущество римлян — в неистощимости их запасов и численном перевесе их войск.

Фабий Максим, прозванный «медлителем», был одним из немногих римских полководцев, которого можно считать победителем Карфагена, хотя он и не выиграл ни одного крупного сражения.

У БЕРЕГОВ АДРИАТИКИ

Пока римляне приносили жертвы богам и Фабий Максим собирал войска, карфагеняне быстро двигались от берегов Тразименского озера к верховьям Тибра. Перейдя реку, Ганнибал вышел на Фламиниеву дорогу. Отсюда до Рима было три дневных перехода.

Почему Ганнибал не пошел на Рим? Для этого у карфагенян не было сил. Римляне могли рисковать своей армией. Они находились дома. В случае поражения они могли укрыться за стенами городов, пополнить свои войска и набрать новые. Ганнибал же был в чужой стране. Одно крупное поражение — и проиграна вся война.

Люди утомились. Износились одежда и обувь. Хромали кони. Войско нуждалось в длительном отдыхе. И оно, наконец, получило этот желанный и заслуженный отдых у берегов Адриатического моря. Больные и ослабевшие воины лежали на прибрежном песке, блаженно вытянув стершиеся в кровь ноги. Вина в захваченных погребах было так много, что им не только утоляли жажду, в вине купали заболевших лошадей.

Ночью от берега отчалили два корабля. Ганнибал воспользовался случаем, чтобы сообщить в Карфаген и своему брату Газдрубалу в Иберию, что он находится с войском на берегу Адриатического моря в Апулии и ждет помощи для окончательного разгрома противника.

Ганнибал занялся перевооружением своей армии. В битвах при Требии и Тразимене он убедился в превосходстве римского вооружения. Римский меч был

короче карфагенского. Его клинок был из прочного металла. Им удобнее поражать врага в ближнем бою, меч имел заостренный конец. Римский щит был немного громоздок, но зато он закрывал почти все тело. Щит был сколочен из двух досок, снаружи обтянутых сначала холстом, а затем кожей. По краям, сверху и снизу, щит был обит железными полосами, защищавшими его от ударов меча. В центре щита имелась еще выпуклость (*умбон*), предохранявшая от сильных ударов.

Славилось римское метательное копьё — *пилум*. Оно имело длинный и тонкий наконечник. Впиваясь в щит, этот наконечник гнулся, и копьё можно было вытащить лишь с большим трудом. А так как во время боя это нельзя было сделать, противнику приходилось бросать щит, подставляя себя под удары. Хороши были и римские панцири из металлических полос. Этого оружия на берегу Тразименского озера было собрано столько, что хватило бы не на одну армию. Однако Ганнибал дал римское оружие лишь наиболее опытным и наиболее преданным ему воинам — ливийцам.

Ганнибал надеялся, что ему удастся дать новую битву римлянам на полях Апулии. Апулия, богатая табунами коней, давала ему возможность укрепить свою конницу, особенно пострадавшую во время перехода через болота. Ровная местность позволяла наилучшим образом использовать преимущества конницы.

Легионы диктатора стояли в предгорьях Апеннин. Что только не делал Ганнибал, чтобы вызвать их на бой! Он переносил лагерь, на виду у римлян опустошал селения и города, внезапно исчезал, устраивая засаду в ущельях. Офицеры полагали, что теперь настал момент решительного сражения, но Фабий Максим был верен принятому ранее плану и приказал войску оставаться на месте.

Теперь уже сам Ганнибал терял равновесие. Не раз в беседе со своими приближенными он смеялся над хваленными римским духом и воинской доблестью. Но больше всего его беспокоило то, что ни один из народов юга Италии, ни один греческий город не поддерживали его.

Никто не видел в нем друга и освободителя. А ведь только с помощью населения Италии он мог победить Рим. Ни из Карфагена, ни из Иберии не было никакой помощи. Большой Совет Карфагена прислал Ганнибалу лишь поздравления, а Газдрубал сам нуждался в помощи для борьбы с легионами Гнея Сципиона.

Ганнибал решил двинуться в другие области Италии. Может быть, ему удастся там найти союзников, которые откроют ему ворота. Или, видя опустошение областей и городов юга, римляне, наконец, откажутся от этой игры в кошки-мышки и решатся на сражение.

В САМНИИ И КАМПАНИИ

Перевалив через Апеннины, карфагеняне вступили в Самний, плодородную область, еще не тронутую войной. Здесь было такое обилие продовольствия, что Ганнибал мог обеспечить свое войско на долгое время. В самом центре Самния расположен город Беневент.* Он попал в руки римлян во время войны с Пирром. Захват этого города, стоящего на пересечении четырех дорог, дал бы Ганнибалу власть над всем Самнием. Но Беневент был сильно укреплен, и Ганнибал не хотел терять время на осаду. Ограничившись набегом на прилегающие к Беневенту поля, карфагеняне двинулись на северо-восток долиной реки Вольтурна, а затем круто повернули на юг и горным проходом вышли в Кампанию.

Кампания была плодороднейшей частью страны. Римляне называли ее Счастливой Кампанией. «У богов было чудесное настроение, когда они создавали этот край», — сказал один римский писатель. И, действительно, природа ничем не обделяла Кампанию. Плодородная земля приносила три урожая в год.

Кампания славилась своим фалернским вином, нежными грушами, ароматными яблоками, терпкой айвой, сочными гранатами и маслинами, получившими

* Близ города Беневента в 275 г. до н. э. Рим одержал решительную победу над Пирром. С этого времени город, называвшийся ранее Малевент (дурной воздух) был переименован в Беневент (хороший воздух).

название «царских». По берегам залива, окаймленного широкой песчаной полосой, словно драгоценные камни в золотой оправе сверкали города. Их было двадцать семь. Среди них выделялись Кумы, основанные греческими колонистами из Эвбеи за пятьсот лет до похода Ганнибала.

Кумы были почти ровесником Карфагена. Приморские города Кампании славились не только своей красотой. Сюда, притягиваемые богатством, заходили корабли чуть ли не из всех концов земли. Эти города были хорошо знакомы и карфагенским купцам и этрусским пиратам, разгромленным греческими колонистами в 474 г. до н. э. в морском сражении близ Кум, и племенам гористого Самния и Лация, не раз вторгавшимся в Кампанию.

В центре равнины, называемой Флегрейскими полями, лежал главный город Кампании Капуя. По богатству Капуя могла соперничать с Карфагеном и древнейшим городом Греции Коринфом. Недаром римляне полагали, что для своей безопасности они должны уничтожить Карфаген, Коринф и Капую.

Капуя считалась сестрой Рима. Недаром на ее монетах изображена волчица с младенцами Ромулом и Ремом, легендарными основателями Рима. Но большинство капуанцев не питало к римлянам братских чувств. Могли ли забыть капуанцы, что римляне отняли у города плодороднейшую Фалернскую область и разделили ее между своими колонистами. Только страх заставлял капуанцев терпеть римское иго. И как поведут себя капуанцы теперь, когда можно воспользоваться помощью Ганнибала?

Эта мысль больше всего тревожила Фабия Максима. Он и теперь придерживался ранее выработанного плана. Однако он торопливо двигался в Кампанию, делая вид, что разделяет воинственный пыл своего войска. Главной задачей Фабия Максима было показать капуанцам и другим союзным городам, что в случае отпадения от Рима они не останутся безнаказанными. И эта задача была выполнена. Капуя, управляемая сочувствовавшими Риму аристократами, в этот год не открыла Ганнибалу свои ворота. А осаждать Капую, имея в тылу римское войско, Ганнибал не мог.

Поход в Кампанию оказался бесцельным. Это была первая неудача Ганнибала. Раздосадованный ею карфагенский полководец приказал опустошить не защищенные стенами поселения Кампании. Часть продовольствия была собрана и погружена на захваченные повозки. Впереди зима, и надо было иметь запасы.

Той же дорогой, которой карфагеняне пришли в Кампанию, они покидали ее. Это стало известно Фабия Максиму, и он решил устроить в узком горном проходе засаду, отрядив для этого около четырех тысяч воинов. Основные свои силы Фабий Максим расположил в укрепленном лагере близ выхода из теснины.

Ганнибал сразу же понял замысел своего противника и тотчас принял решение.

ОГНИ НА ВЫСОТАХ

Ночь обещала быть спокойной. Уже сменилась вторая стража.* В карфагенском стане тихо. Видно, Ганнибал раздумал покинуть Кампанию. Наверно, она пришлась ему по душе. Где он найдет лучше место для зимнего отдыха? Но что это такое? Во мраке загорелись огни. Их становится все больше и больше. Нет, это не костры. Огни двигаются. Море огней. Оно залило всю равнину и скоро достигнет высот, господствующих над тесниной, где стояли в засаде четыре тысячи легионеров. Возглавляющему их военному трибуну казалось очевидным, что карфагенское войско выступило с факелами, что пуны хотят захватить высоты, чтобы обойти отряд с тыла. Нет, он этого не допустит! Разделив солдат на две группы, военный трибун скомандовал им идти на сближение с врагом.

Стараясь быть незамеченными, римляне карабкались вверх. Ноги скользили. Воины падали, цепляясь за ветви каких-то колючих растений и обдирали руки. Здесь склоны были круче, чем там, где поднимались

* Римляне делили ночь на четыре стражи по три часа каждая. Вторая стража — от 9 часов до полуночи.

карфагеняне. Но вот враг уже близок. Римляне занесли копья и остановились в недоумении. Навстречу им бежали обезумевшие от страха быки с привязанными к рогам пучками горящего хвороста. Они мотали головами, пытаясь сбросить эти движущиеся с ними костры. Откуда-то сзади доносились гортанные выкрики погонщиков, щелканье бичей, воинственные возгласы воинов. Быки идут не сами. Их гонят вверх пуны. Но как сразиться с ними, если врагов отделяют быки? Быки идут прямо на римлян. Они обдают их своим жарким дыханием, задевают влажными боками. Это мирные быки, привыкшие тянуть плуг и тащить огромные повозки с сеном или дровами. Коварным пунам было мало того, что они заставили сняться землепашцев со своих насиженных мест, заставили их сменить плуг на меч, они взялись и за верных друзей землепашца — быков. С их помощью они хотят добиться победы. Опасаясь новой хитрости, римляне бросились бежать и наткнулись на легкую конницу карфагенян. От полного истребления их спасла лишь темнота.

Огни на высотах были видны и Фабию Максиму, но он с присущей ему осторожностью приказал своим воинам оставаться на местах. Когда рассвело, римляне увидели карфагенское войско, непрерывную вереницу нагруженных телег, запряженных лошадьми и мулами. Карфагеняне уже прошли через теснину, оставленную римским отрядом. Римляне были обмануты Ганнибалом, еще с вечера приказавшим собрать две тысячи рабочих быков и погнать их в горы с привязанными к рогам факелами.

Задержать карфагенян уже нельзя. Но может быть можно ударить им в тыл! Это попытался сделать Фабий Максим. Но и здесь он потерпел неудачу. Ганнибал оставил в качестве заслона иберийских наемников. Выросшие в горах, они обладали ловкостью и навыками войны в горных условиях. Положив на месте около тысячи римлян, иберийцы без труда соединились со своими.

Ганнибал продолжал марш на северо-восток. Он не встретил врагов, но не нашел и союзников, Италийские города по-прежнему закрывали перед ним ворота.

КАННЫ

Пробив себе дорогу в открытые равнины Апулии, Ганнибал начал готовиться к зиме. Рассыпавшись по полям, карфагеняне убирали хлеб и свозили его в свои лагеря. Ганнибал надеялся на отпадение италиков от Рима. Он ждал помощи из Карфагена. Фабий Максим тоже ожидал, когда истощатся силы карфагенской армии.

Проходили недели и месяцы. Терпение Фабия Максима было неистощимо, но начало иссякать терпение римских крестьян, поля которых разоряли отряды Ганнибала. В Риме и Италии с каждым днем росло недовольство действиями римского диктатора. Он не оправдал ожиданий. Его обвиняли в медлительности, чуть ли не в трусости. Вспомнили прозвище его детских лет — «овечка». Кое-кто открыто говорил: «Разве может овечка совладать с карфагенским львом?»

Закончился шестимесячный срок диктаторской должности. Вместо Фабия Максима в конце 217 г. были избраны два консула — осторожный Луций Эмилий Павел и запальчивый Гай Теренций Варрон. Первый из них считал действия Фабия Максима правильными, полагал, что нужно воздерживаться от решительного сражения с Ганнибалом. Второй был сторонником решительных военных действий.

Варрон перед огромной толпой народа заявил, что Фабий и его друзья умышленно пропустили Ганнибала в Италию. Варрон обещал положить конец войне в день, когда увидит врага.

Римляне сочувствовали Варрону. Жрецы сообщали о благоприятных знамениях. Боги обещали победу. В Италии набирались новые легионы и отряды союзников. Рим выставлял все свои силы. О них должно было, как об каменную скалу, разбиться даже признанное искусство Ганнибала.

Весной 216 года стало известно, что Ганнибал, находившийся в северной Апулии, внезапно двинулся на юг. Молниеносным ударом Ганнибал захватил небольшой город Канны на быстрой речке Ауфиде. Здесь карфагенянам достались огромные запасы продовольствия. Римский сенат опасался, что этот новый успех Ганнибала толкнет на сторону карфагенян колеблю-

щихся римских союзников. Из Рима выступила в Апулию новая армия под начальством обоих консулов на соединение с действующей. Всего у римлян было восемь легионов. Вместе с союзническими отрядами римское войско насчитывало свыше 80 тысяч человек.

Зная, что у Ганнибала не более пятидесяти тысяч воинов, Теренций Варрон настойчиво стремился к решительному сражению. Эмилий Павел напротив предлагал не торопиться с битвой. Его беспокоила открытая равнина перед карфагенским лагерем, удобная для действий конницы Ганнибала, насчитывавшей 14 тысяч всадников.

В один из дней Варрон, сменивший Павла в очередном командовании войском,* дал приказ к выступлению. Римская армия была построена широким фронтом. Центр боевого строя заняла римская и союзническая пехота, построенная в 70 рядов. Справа, прикрываясь берегом реки, стала римская конница, слева — конница римских союзников.

Солнце уже поднялось высоко, когда карфагенская армия перешла Ауфид и приняла боевой порядок. На левом крыле Ганнибал поставил галло-иберийскую конницу, справа к ней пристроились колонны ливийцев в пестрых туниках. Они были вооружены римским оружием. В центре расположились галлы с длинными и тяжелыми мечами. Рядом с ними иберийцы с круглыми щитами, в белых отороченных красной каймой туниках. Галлы и иберийцы считались худшей частью карфагенской пехоты. На правом крыле также стояли ливийцы. Правее их — нумидийская конница.

Впереди войска, как обычно, расположились легковооруженные отряды. Они должны завязать сражение.

Сначала карфагенская армия была построена в прямую линию, затем ее центр выдвинулся вперед, сделался тоньше, и линия приобрела форму полумесяца, он был выпуклой стороной обращен в сторону римлян.

Но недолго карфагенский строй сохранял эту форму. Римляне всей массой армии ударили по центру войска Ганнибала. Некоторое время ряды иберов и галлов, которыми командовал сам Ганнибал, стойко выдерживали натиск противника. Затем они подались

* Консулы командовали армией поочередно, через день.

и стали медленно отступать, втягивая за собой своих преследователей. В пылу преследования римская тяжелооруженная пехота втянулась в середину карфагенской армии. Оба крыла, где находились ливийцы, остались на месте, лишь развернувшись в сторону наступающих римлян. Карфагенский строй сохранял форму дуги, но теперь эта дуга была обращена в сторону карфагенян выпуклой стороной и рога полумесяца грозно охватывали врага.

Ганнибал ждал этого момента. Он дал знак. Нумидийские всадники вихрем бросились на римскую конницу, оттеснили ее, а затем, развернув коней, ударили в тыл римской пехоты. Слева и справа, как чудовищные змеи, давят на римлян два крыла карфагенской армии. Римское войско окружено. Впрочем, теперь это уже не войско, а беспорядочные толпы объятых ужасом людей. Они уже не слышат команды. Они устремляются туда, где, как им кажется, можно уйти от неминуемой смерти, но повсюду наталкиваются на вражеские копыта и мечи.

В этой страшной битве пало по меньшей мере сорок тысяч римлян, цвет римского гражданства — консул Эмилий Павел, проконсулы, квесторы, двадцать один военный трибун, восемьдесят сенаторов. Многие попали в плен. Лишь четырнадцать тысячам римлян, в том числе и виновнику поражения Теренцию Варрону, удалось спастись бегством. Ганнибал потерял всего 6 тысяч убитыми.

Сохранилось известие, что сейчас же после победы начальник конницы карфагенян Магарбал советовал Ганнибалу немедля идти на Рим. «На пятый день ты будешь пировать на Капитолии», — говорил Магарбал. Но Ганнибал понимал, что силы римлян не истощены, а Северная и Средняя Италия сохраняли верность Риму. Вождь не решился идти на Рим.

В КАПУЕ

Огромный город встречал победителя римлян. Тысячи жителей вышли на улицы, чтобы лицезреть человека, овеянного славой величайшего полководца. Богатые капуанские купцы разостлали по всей улице

от городских ворот до дома братьев Ниниев, где должен был остановиться Ганнибал, дорогие ковры. Под ноги коней летели цветы; приветственные выкрики сливались в гул, напоминавший рокотание волн. Два года после вступления Ганнибала в Италию капуанцы сохраняли верность Риму. Только теперь, после Канн, рассеялся страх перед римским оружием и римской местью. Честолюбивые помыслы получили новую богатую пищу. Чем Капуя хуже Рима? Разве она не может с помощью Ганнибала стать первым городом Италии?!

Братья Нинии удостоились невиданной славы. В их доме остановился Ганнибал. Здесь он пировал со своими приближенными и новыми друзьями, здесь он принимал послов.

Послы приносили отличные вести. Племена Бруттия предлагали Ганнибалу союз. В Сицилии против Рима готовились выступить Сиракузы. В Капую прибыл Ксенофан, посол македонского царя Филиппа. Он имел полномочия заключить союз между Карфагеном и Македонией. Союзный договор был подписан. Македоняне клялись своими богами — Зевсом, Герой, Аресом, Тритоном, Посейдоном, карфагеняне — Мелькартом, Эшмуном* в том, что они не сложат оружия, пока не добьются победы над Римом.

Прибыли послы из Карфагена. На заседании Большого Совета младший брат Ганнибала Магон высыпал сотни колец, снятых у знатных римлян, погибших в Каннской битве.

Правительство Карфагена обещало помощь. Прибывали послы из Тарента, Неаполя, Нолы и многих других городов. Не было лишь римских послов. Рим не признавал себя побежденным.

Страшное поражение при Каннах не парализовало воли римлян. Выпустив узников из тюрем и призвав юношей, еще не достигших 17 лет, римляне образовали из них два легиона. Еще два легиона составили рабы, которым обещали свободу. Снова у Рима было четырнадцать легионов.

Теперь римляне поняли правильность плана Фабия Максима, избегавшего решительного сражения с Ган-

* Эшмун — у карфагенян бог-врачеватель.

нибалом. Они решили использовать свои силы для нападения на Ганнибала и его союзников всюду, где это было возможно. Это была война на истощение, в которой на стороне римлян были неисчерпанные людские силы Италии, утомление союзников Ганнибала, их недовольство затянувшейся войной. Греческие рабовладельцы с благодарностью вспоминали о твердом порядке, который установил в завоеванной Италии Рим, о порядке, обеспечивающем власть над рабами, безопасность торговли и мореплавания. Они были на стороне Рима.

Зиму 216-215 гг. Ганнибал провел в Капуе. Отсюда летом 215 года до н. э. он совершал нападения на приморские города Кампании — Неаполь и Нолу. Ему нужно было овладеть одним из этих портовых городов, чтобы иметь морскую связь с Карфагеном и Иберией. Но греческое население Неаполя и Нолы, поддержанное римлянами, оказало такое сильное сопротивление, что он вынужден был отступить. Еще одну зиму пришлось провести в Капуе. Следующее лето у Ганнибала отняла осада ничтожного городка Казилина. Жители его сдались лишь после того, как в городе были съедены все мыши и крысы, вся трава и корни, росшие у городских стен. На осаду Казилина ушло время, истощались силы воинов. «А сколько в Италии таких городов, как Казилин?» — думали карфагеняне, понимая всю бессмысленность дальнейшего пребывания в Италии.

Но Ганнибал, мечтавший о победе над Римом или хотя бы о почетном мире с ним, не мог отступить. Он требовал у Карфагена подкреплений, денег и боевых слонов. После долгих сборов ему были, наконец, присланы четыре тысячи нумидийских всадников, сорок слонов и тысяча талантов серебра. Этого было мало для большой войны.

АРХИМЕД

Ганнибал, Фабий Максим, Сципион... Сколько написано о них книг! Сколько страниц посвящено описанию их подвигов, изложению их военных планов! Сколько восторгов по поводу их необыкновенной храбрости!

А между тем, что оставили эти люди потомству? Чем они обогатили человечество? Развалинами городов, обломками статуй, воспоминаниями о кровавой резне и преступлениях!

Иная слава Архимеда. Он не переправлялся через бурные реки, не проходил обледенелыми тропами в горах, он не осаждал вражеских крепостей, не продавал детей и женщин в рабство. Его не подымали солдаты на щит, родина не награждала лавровыми и золотыми венками. Через сто лет после смерти Архимеда жители его родного города Сиракуз забыли даже, где находится его могила. И все же слава Архимеда пережила карфагенских и римских полководцев.

Вы видите башенный кран, поднимающий огромную бетонную плиту и кладущий ее в фундамент строящегося дома? Железный трос проходит через колесо. Это блок, усовершенствованный Архимедом.

Вы, наверно, были в планетарии и видели, как на белом потолке и стенах воспроизводится движение небесных светил? А знаете ли вы, что первый планетарий, приводившийся в движение водой, был создан Архимедом? Две тысячи двести лет назад созданная Архимедом модель небесной сферы объясняла движение солнца, луны и звезд, природу солнечных и лунных затмений.

Столетиями жители Египта, страны, где почти не бывает дождей, пользовались для поливки полей механизмом, известным под именем «улитки»: Достаточно было вращать рукоятку, и из деревянной трубы лилась вода, дающая земле жизнь. «Улитка» с успехом применялась и при откачке воды из шахты. «Эта машина была так гениально построена, — говорит один древний писатель, — что при помощи ее можно было выкачивать огромные массы воды: без труда можно было целую реку извлечь из глубины земли на ее поверхность». Эту машину также усовершенствовал Архимед, она называется архимедовым винтом.

В то время, когда умы многих выдающихся людей были направлены на то, чтобы завоевывать чужие страны, покорять другие народы и обращать свободных людей в рабов, мысль Архимеда упорно искала пути для покорения природы, для облегчения жизни человека на земле. «Дайте мне точку опоры, и я пере-

верну весь мир», — говорил Архимед. Какая уверенность в могуществе науки, в силе человеческого ума звучит в этих словах!

В мире бушевала война. На зеленых полях Италии гибли десятки тысяч людей. В море тонули боевые корабли. Страх охватил сиракузцев. Как всегда в тяжелые времена, обостренное воображение приписывало таким естественным явлениям, как грому, молнии, подземным толчкам пророческую силу. Многие богатые люди уезжали в другие страны, чтобы быть подальше от войны. А Архимед продолжал жить в своем мире цифр и формул, словно, все, что происходило вокруг, не имело к нему никакого отношения. Жители города часто видели его идущим по улицам с учениками. Бывало, он разговаривал с самим собой или, сев на корточка, чертил на мостовой какие-то знаки и фигуры, не обращая внимания на крики торговцев, остановивших свои повозки, или ругань знатного сиракузца, которого несли на носилках рабы.

Однажды прохожие остановились в изумлении, увидев на главной улице Архимеда — голого со следами золы, заменявшей в древности мыло. Архимед бежал с несвойственной его возрасту быстротой и радостно кричал: «Нашел, нашел!» Что мог найти этот человек в городской бане? Что могло его заставить позабыть свою одежду и правила приличия? Многие потом смеялись, узнав, что Архимед отыскал в бане не клад и не способ разбогатеть, а решение сложной задачи.

Как гласит предание, владетель Сиракуз заказал ювелиру диадему (корону) из золота, а когда великолепное изделие было готово, заподозрил мастера в том, что тот утаил часть золота и заменил его серебром или медью. Владетель призвал Архимеда и повелел ему установить, действительно ли мастер украл золото, и сколько именно, но узнать это, не расплавляя драгоценную диадему. Долго размышлял мудрец над задачей. Однажды, сидя в ванне, он понял, что при погружении тела в воду, оно становится легче и теряет в весе столько, сколько весит вытесненная вода. Решение пришло мгновенно. Позабыв одеться, ученый побежал по улице с радостным криком «Нашел!»

Архимед взвесил кусок золота в воздухе и в воде. Он узнал, таким образом, на сколько легче должна быть корона в воде, если мастер ничего не украл. А затем он взвесил корону в воздухе и в воде и без труда установил, сколько золота утаил бессовестный ювелир. Открытый Архимедом закон природы, по которому тело, погруженное в жидкость, теряет в весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость, называется законом Архимеда.

В городе происходила ожесточенная борьба между римской и карфагенской партиями. Богач Аполлоний требовал, чтобы Сиракузы поддержали Рим. Только римляне, по его мнению, могли навести на острове твердый порядок и обеспечить покорность городской бедноты и готовых восстать рабов. Противники Аполлония призывали к войне.

Сиракузы вступили в войну на стороне Карфагена. И это сразу же навлекло на граждан страшные бедствия. Римский флот под командованием Марцелла и сухопутное войско под начальством Аппия Клавдия двинулись к Сиракузам и осадили их. Римляне надеялись быстро покончить с городом.

И в этот момент, когда Сиракузам угрожала смертельная опасность, Архимед стал на защиту родного города. В эти дни Архимеда можно было видеть в мастерских, на городских стенах, на заседании военного совета. Он был окружен кузнецами, плотниками, моряками. Под его руководством сооружались невиданные машины.

В гавань вошли римские корабли. Лет шестьдесят назад, когда Сиракузы обладали сильным флотом, ни один враг не осмелился бы на эту дерзость. А теперь римляне с палуб смотрели на богатый город, предвкушая добычу и радуясь своей безопасности. И вдруг на палубу первого корабля упали тяжелые свинцовые шары. Послышались стоны раненых, треск ломавшихся досок. Вражеские стены еще так далеко, что римляне невольно обратили свои взоры к небу. Не посылают ли оскорбленные боги этой страны свинцовый град? И только тогда, когда под ударами новых свинцовых шаров сломалась как соломинка и упала в море мачта, римляне поняли, что опасность исходит из города.

Враг обладает какими-то удивительными военными машинами, превосходящими мощностью и дальностью римские. Зная, что ближе к врагу находится безопасное «мертвое поле», римляне налегли на весла, чтобы проскочить опасное место. Но тут вступили в действие другие машины, осыпавшие палубы тучей стрел.

С трудом развернув корабли, римляне бежали из гавани. После этой неудачи консулы решили атаковать город с суши. Ночью к городской стене, были подвезены тараны. Осажденным не удалось помешать римлянам занять выгодную позицию у городской стены. От ударов камней, от струй кипятка или расплавленного свинца легионеры были защищены козырьками и навесом.

Утром, когда римляне стали раскачивать таран, над стеной показалось что-то черное, напоминающее огромный клюв. Не успели римляне опомниться, как из клюва выпал огромный камень, пробивший щит римского тарана и вдавивший его в землю. Но ведь у римлян была не одна машина. У осажденных же, как видно, лишь один клюв Стимфалийской птицы, так называли римляне изобретенную Архимедом военную машину. О Стимфалийских птицах с медными крыльями, когтями и клювами говорилось в преданиях о подвигах Геракла, перебившего этих легендарных птиц. Хотя римский полководец Аппий Клавдий и не считал себя равным Гераклу, все же он полагал, что легко одолеет эту единственную Стимфалийскую птицу, тем более, что она может лишь плеваться камнями, но не умеет летать. Однако римляне убедились, что неведомая военная машина больше напоминает чудовищную птицу, чем это им казалось раньше. Ее клюв разворачивался на большом протяжении. И так как осаждающим не были видны блоки и канаты, находящиеся за стеной, им казалось, что клюв, начиненный тяжелым камнем, поворачивается как у настоящей птицы.

Страх обуял римлян. В каком бы месте они не приближались к городским стенам, их ожидала гибель. Скоро стоило им увидеть кусок каната или бревна, высовывающийся из-за стены, они обращались в бегство.

ГАННИБАЛ У ВОРОТ!

— Ганнибал у ворот! Ганнибал у ворот! — с ужасом кричали римляне, заполнившие площади и улицы города. Как в дни самых страшных бедствий, женщины вытирали своими волосами ступени храмов, камни алтарей.

Ганнибал у ворот! Уже восемь лет это имя витало над Италией. Сколько раз после страшных поражений своих легионов римляне повторяли его, бессильно сжимая кулаки! Сколько слез и стонов оно принесло в Рим! Даже за сотни миль Ганнибал внушал римлянам ужас.

А теперь, страшно подумать, Ганнибал у ворот!

Ганнибал смотрел на великий город. Рим был его целью, когда он принял командование войском. В диких, занесенных снегом ущельях Альп он мечтал о взятии Рима. Казалось, каждая победа приближала его к Риму. У берегов Тразименского озера была разгромлена армия Фламиния. Римляне с ужасом ожидали, что Ганнибал двинется на их город. Но он не сделал этого. Воины были слишком утомлены. После разгрома римской армии при Каннах римляне с минуты на минуту ожидали появления Ганнибала. Но и тогда он не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы двинуться на Рим.

Что же заставило Ганнибала подойти к стенам Рима в 211 г. до н. э.? Может быть, он одержал победу, затмившую Канны? Нет. Не силой, а слабостью Ганнибала был вызван его поход на Рим.

Во время одного из походов Ганнибала по Италии римские отряды, пользуясь его отсутствием, осадили главную союзницу карфагенян Капуу.

Тогда на выручку явился Ганнибал. Он заставил римлян снять осаду, но не мог долго оставаться в городе, не имевшем запасов продовольствия, и отступил. Вокруг Капуи вновь сжалось кольцо римской осады. Вновь подошел Ганнибал. Он пытался вызвать римлян на открытое сражение. Римляне оставались в своем лагере, преграждавшем путь в город. Осаждать римский лагерь карфагеняне не могли. Римляне предусмотрительно уничтожили все запасы продовольствия и корма для лошадей в окрестностях Капуи. Тогда

Ганнибал и решил совершить поход на Рим надеясь, что осаждающая Капую римская армия двинется на помощь столице. Приказав оставить горящие сторожевые огни, быстрым маршем Ганнибал двинулся на Рим.

Ганнибал смотрел на Рим. Город оказался совсем иным, чем он прежде вставал в его воображении. Одноэтажные и двухэтажные домики, тонущие в зелени садов, узкие и кривые улицы. Ни одного храма, который мог бы сравниться по величию и красоте с храмами Танит* или Ваала-Аммона. И этот город тщится затмить Карфаген! Ему вспомнилась греческая басня о лягушке, которая хотела стать больше быка, надулась и лопнула. Ганнибал засмеялся.

Послышался топот.

— Повелитель, — крикнул гонец, остановив коня, — римляне не снимают осаду Капуи.

Отпустив гонца, Ганнибал снова глядел на Рим. Теперь уже в нем было не любопытство, а раздражение и ненависть. Другой город на месте Рима давно бы сложил оружие, запросил бы мира. А Рим продолжает борьбу, прячась за стенами, за рвами и частоколами, нападая исподтишка. Разве Канны не показали римлянам, что они не могут победить!

Ганнибал чувствовал бессилие перед навязанным ему римлянами способом ведения войны. Он, Ганнибал, привык сражаться в открытом поле, а его заставляют ждать. Время сейчас самый страшный его враг. Время отнимает у него союзников, истощает его воинов.

Через два дня армия Ганнибала, опустошив окрестности Рима, разрушив загородные дома, двинулась на юг. Римлянам уход Ганнибала казался чудом. Они вышли из городских ворот и двинулись ко второму милевому камню на Аппиевой дороге, где стоял Ганнибал. Эти места были объявлены священными. Здесь среди надгробных памятников, окруженных темной зеленью кипарисов, воздвигли алтари божествам-охранителям города.

* Танит — главная богиня, почитавшаяся карфагенянами и ливийцами. Танит считалась матерью всех богов и владычицей Карфагена.

Неудачный поход Ганнибала на Рим открыл римлянам ворота Капуи. Страшной была месть Рима.

Всех жителей города вывели на городскую площадь. На их глазах одного за другим секли розгами и казнили капуанских сенаторов, считавшихся виновными в отпадении Капуи от Рима. Римляне хотели напугать капуанцев, сломить их дух.

Окончилась казнь. Консул приказал легионерам вывести всех горожан за стены Капуи и продать их в рабство. В это время из толпы вышел пожилой капуанец.

— Прикажи казнить и меня,— обратился он к консулу,— ты сможешь потом хвастаться, что убил человека, который храбрее тебя.

— Ты сошел с ума,— воскликнул консул,— я бы мог убить тебя за твою дерзость, но римский сенат даровал тебе, как и всем другим, стоящим здесь, жизнь.

— Зачем мне жизнь,— грустно сказал капуанец,— если родина моя в руках врагов, родные и друзья погибли, своей рукой убил я жену и детей, чтобы они не испытали рабства. Если ты мне отказываешь в смерти, я найду ее сам.

Выхватив из-за тоги спрятанный кинжал, человек пронзил себе грудь и упал к ногам консула.

История сохранила имя этого мужественного человека. Звали его Таврея Вибеллий.

МЕЧ И ЦИРКУЛЬ

Мечь римлян ожидала Сиракузы. Карфаген делал все, чтобы помочь своему союзнику.

В начале 213 г. до н. э. на южном побережье Сицилии высадилась сильная карфагенская армия во главе с Гимильконом. Сиракузцам удалось прорвать кольцо римской осады и соединиться с Гимильконом. Жители Сицилии — сикулы — стали массами переходить на сторону карфагенян.

Однако снять осаду Сиракуз не удалось. Армия консула Марцелла по-прежнему стояла у городских стен.

Однажды в римский лагерь из города прибыл перебежчик. Он сообщил, что сиракузцы готовятся к трех-

дневному празднику в честь богини Артемиды, выкачивают из подземелий глиняные бочки с вином, украшают лодки. Храм Артемиды находился на островке Ортигия, в сиракузской гавани.

Ночью Марцелл подвел часть своего войска к городской стене. Тихо пододвинуты лестницы. Первые воины незаметно забрались на стену и побежали по ней к близлежащей башне. Справиться с пьяной стражей было делом нескольких мгновений. Открыты ворота. Римляне хлынули в Сиракузы. Город спал. Чтобы внести замешательство, Марцелл приказал трубить во все рога и трубы. Сиракузцы заметались по улицам. К утру римляне захватили целый район города. Дальнейшему их продвижению препятствовала стена, защищавшая центральную часть города.

О нападении римлян узнал Гимилькон. Он двинул свою армию к Сиракузам и окружил воинов Марцелла. Осаждающие превратились в осажденных.

Вспыхнула эпидемия чумы. Больше всего от нее пострадало греко-карфагенское войско, находившееся за городской стеной, в низине. Чума унесла Гимилькона. Лишенная руководства армия разбежалась.

Теперь ничто не мешало Марцеллу завершить осаду Сиракуз. Подкупленный римлянами начальник наемников, охранявших одни из городских ворот, ночью впустил римлян в город. Сопrotивление ослабевших от голода сиракузцев было быстро подавлено. Летом 211 года Сиракузы пали.

В древности существовал жестокий обычай. После взятия города полководец мог отдать его на разграбление. Это означало, что воинам дозволялось разрушать и грабить.

Даже в бесчинство озверевшей солдатни римляне внесли определенный порядок. Если у других народов в разграблении города участвовало все войско, то у римлян грабила и убивала лишь половина армии, а другая в то время стояла на страже. При захвате следующего города солдаты менялись местами.

Гай Постумий, воин шестого манипула принципов, считал себя неудачником. Каждый раз, когда его манипуле приходил черед грабить, попадались уже разоренные города. При разграблении богатой Капуи ему пришлось стоять на страже. Лишь в Сицилии

счастье улыбнулось Постумию. Он попал в число тех, кому были отданы на разграбление Сиракузы. Еще до того, как прозвучала военная труба, Постумий наметил себе белый дом с красной черепичной крышей. Дом был выше соседних зданий и, наверное, принадлежал какому-нибудь богатому сиракузскому купцу.

— Это мой дом,— сказал Постумий центуриону,— я его оставляю за собой.

Как только прозвучала труба, Постумий бросился к «своему» дому. Над входной дверью висел какой-то странный предмет — круг со стрелками.

Ворвавшись в прихожую, Постумий по-хозяйски огляделся. Неужели чутье его обмануло? На полу нет ковра. Голые стены. Не похоже, что хозяин богат.

Постумий нетерпеливо сорвал занавес, закрывавший вход в другую комнату.

На низком сиденье сидел худой старик с изможденным лицом. Он склонился над листом папируса, лежавшим на полу.

Появление римлянина не осталось незамеченным, но тем не менее старец не проявлял ни страха, ни беспокойства. Постумий занес меч, но и это не произвело никакого впечатления.

Ярость охватила Постумия. Он досадовал на самого себя. Зачем он выбрал этот проклятый дом?

— Золота! — бросил он, подходя ближе.

— Друг,— воскликнул старик, преграждая Постумию путь своим циркулем,— не повреди моего чертежа!

Меч Постумия не дал промаха. Циркуль выпал из рук Архимеда.

СОН СЦИПИОНА

Следующий 210 год до н. э. принес римлянам новый успех. На этот раз победа была одержана в Иберии, где римским войском командовал Публий Корнелий Сципион, сын консула 218 года.

Еще в Риме Сципион узнал, что в Иберии находятся три карфагенских армии, что карфагенские военачальники ссорятся и ни один из них не находится к Новому Карфагену ближе, чем на десять

дней пути. У Сципиона возник смелый план захвата Нового Карфагена.

Прибыв на полуостров и перезимовав в лагере близ Пиренеев, Сципион с наступлением весны двинулся на Новый Карфаген. В римской армии было 25 тысяч пехотинцев и 2 тысячи всадников. Кроме того у римлян был флот.

С возвышенности был виден весь Новый Карфаген, расположенный на узком полуострове в обширном заливе. Утреннее солнце золотило высокие стены и башни. Над плоскими крышами возвышался холм с дворцом Газдрубала, утопавший в зелени садов, ближе к морю — еще один холм с храмом.

— Посмотрите на этот город, — говорил Сципион, — сюда свозят пуны все серебро из рудников Иберии. Здесь хранятся несметные богатства, и все они будут принадлежать римскому народу и вам, победителям. В городе сейчас нет вражеской армии. Только тысячу воинов оставил здесь Газдрубал. На вашей стороне сила и помощь богов. Этой ночью мне снился сон — сам бог морей Нептун протягивал мне золотые короны с зубцами, чтобы я наградил ими храбрецов, одолевших стены города.

Воины слушали полководца, затаив дыхание. Они были суеверны. Они верили вещим снам.

Бой начался по звуку военной трубы. Оттеснив карфагенян, сделавших вылазку из города, римляне придвинули к стенам лестницы и стали взбираться по ним вверх. Стены были очень высоки. Сверху сыпались груды камней, летели заостренные и окованные железом бревна, лились кипятки и расплавленная смола. Воины обрывались и падали с головокружительной высоты. Их место занимали другие. Время шло. Воины гибли. Не золотая корона с зубцами, а каменный столбик и могила в чужой земле выпали им на долю. Нет, не сбывался пророческий сон Сципиона. «Какое дело богу морей Нептуну до осады городов, — думали воины, снимавшие осадные лестницы, — вот если бы дело шло о морском сражении, тогда Нептун мог бы помочь».

Осажденные карфагеняне не знали ни о сне Сципиона, ни о его планах. Слыша сигнал отбоя, они радовались, что опасность миновала. Главное для них сейчас

— выиграть время, пока не подспеет помощь. Уже отправлены гонцы ко всем трем армиям в Иберии — к Газдрубалу, сыну Гамилькара Барки, к Газдрубалу, сыну Гескона, и Магону. Они явятся и выручат город из беды.

Штурм города со стороны перешейка был предпринят Сципионом лишь для отвода глаз. Отборных воинов консул направил к мелководному заливу. У входа в этот залив лежит остров, по обе стороны его имеются узкие проходы для кораблей, прибывающих в Новый Карфаген. Здесь очень глубоко, но за островом есть мели. Но все же пройти здесь вброд нельзя. Воины, стоявшие наготове с лестницами, недоумевали, зачем их сюда послал полководец. И вдруг на их глазах начали откатываться волны, кое-где обнажая дно. Солдаты вспомнили о сне Сципиона. Сам Нептун осушил море, чтобы дать им пройти к стенам города.

Воины двинулись в залив. Ноги застревали в песке и в иле. Оружие и лестницы в вытянутых вверх руках стали втрое тяжелей. Местами вода доходила до горла. Но воины шли и шли. Вот и городская стена, сползающая к самому морю. Здесь она много ниже, чем со стороны перешейка. Пододвинуть лестницы и взойти по ним — дело немногих мгновений. Теперь по стене вправо и влево — к ближайшим воротам. Враги уже обнаружили их. Но в городе лишь тысяча воинов. А штурм начался отовсюду. Снова со стороны перешейка к стене пододвинуты лестницы. Как муравьи во время наводнения вползают на корягу, так римляне взбираются на стены города. Упорные, цепкие и беспощадные, они опрокидывают вниз врагов, охраняющих башни, спускаются по лестницам и по веревкам к воротам, сбивают замки и засовы.

Теперь уже не отдельные воины, а целые манипулы с поднятыми верх военными значками развернутым строем вступают в город.

Призывно звучит труба. Сколько дней в утомительных учениях и походах солдаты мечтали услышать эту мелодию. Она разрешает любое насилие, любую бессмысленную жестокость. Женщина, старик, грудной ребенок — никому нет пощады. Полководец разрешает им все. Попадется на пути собачонка, виляющая хвостом — удар мечом. Осел, жующий сено,—

снова удар. Вот что пишет историк Полибий, сочувственно относящийся к римлянам и особенно к Сципиону: «Часто можно видеть в городах, взятых римлянами, не только трупы людей, но и разрубленных пополам собак и рассеченные туши иных животных».

Вечером богу Нептуну была принесена благодарственная жертва. Солдаты были уверены, что бог даровал им победу. Получая из рук Сципиона золотые венки с зубцами, воины вспоминали о вещем сне полководца. Произошло так, как он сказал утром.

И только один человек в целом войске знал, что в ночь перед падением Нового Карфагена Сципион не видел никакого сна. Это был сам Сципион. План штурма города со стороны залива родился еще зимой, когда Сципион узнал от рыбаков, что залив, окружающий крепость мелководен и в нем бывает значительный отлив.

Такова история одного из «чудес», история того, как явление природы было использовано для распространения веры в сверхъестественные силы.

КОЖАНЫЙ МЕШОК

После падения Сиракуз и Капуи положение Ганнибала в Италии пошатнулось.

В 209 г. до н. э. после долгой осады восьмидесятилетний Фабий Максим захватил город Тарент, союзный Ганнибалу. Римляне осадили город Локры.

И в это время римлянам стало известно, что Газдрубал Барка перешел со слонами и конницей Альпы и спустился в долину По, где галлы присоединились к его армии.

Газдрубалу было очень важно сообщить брату о своем прибытии. На юг Италии были отправлены гонцы с письмом. В нескольких шагах от лагеря Ганнибала они были перехвачены римлянами. Стоящему неподалеку от лагеря Ганнибала в Канузии консулу Клавдию Нерону из доставленного письма стало ясно, что Газдрубал намерен соединиться с Ганнибалом в Апулии. Ганнибал по получении письма должен был двинуться в Восточную Италию. «Но так как он письма не получил и не получит, то будет оставаться на месте в

своем лагере», — заключил консул и принял смелое решение.

Ближайшей ночью он незаметно вывел свое войско из лагеря, оставив только сторожевые посты. Нерон шел на соединение с армией второго консула Марка Ливия, расположенной в Северной Италии. Летом 207 г. до н. э. войско Газдрубала достигло небольшой речки Метавра близ ее впадения в Адриатическое море. Здесь же находилась и римская армия обоих консулов. Любивший, подобно брату, вступать в решительные схватки с врагом, Газдрубал готовился к бою. На заре он услышал звуки двух рожков, сначала одного, затем другого. Газдрубалу, знавшему римские обычаи, стало ясно, что перед ним две консульские армии. Где же тогда Ганнибал? Может быть его войско уничтожено и он погиб? Или находится где-то рядом? Или римляне стали выбирать трех консулов? Или они просто обманывают его?

Газдрубал погиб, так и не разгадав эту загадку. Вместе с полководцем в кровопролитном сражении близ Метавра пало и большинство его воинов.

Нерон не разрешил своим воинам воспользоваться победой и захватить добычу. Еще ночью он тронулся в обратный путь. Через четырнадцать дней он был снова в лагере при Канузии. Ганнибал так и не заметил его отсутствия.

Однажды карфагенский часовой обнаружил у вала лагеря кожаный мешок. «Ганнибалу» — было написано на мешке; часовой принес мешок полководцу.

— Развяжи, — приказал Ганнибал.

На траву упала человеческая голова.

— Римская шутка, — презрительно сказал полководец.

Внезапно Ганнибал наклонился, взял голову и стал пристально вглядываться в ее черты. Ганнибал узнал голову своего брата, которого он не видел двенадцать лет.

В этот же день в лагерь прибыл карфагенянин сражавшийся у Метавра. Он рассказал Ганнибалу, как все произошло. Теперь Ганнибал знал, что ему нечего надеяться на чью-либо помощь. Судьба его похода в Италию была решена.

Похоронив голову брата, Ганнибал повел свое войско на крайний юг Италии, в Бруттий.

Недалеко от города Кротона на вершине обращенного к морю холма находился храм Геры. Высокие кипарисы издали указывали мореходам место святилища. По склонам холма паслись стада овец, принадлежащие храму. Здесь и остановился Ганнибал.

НАДПИСЬ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ПЛИТЕ

Резчик бил молотком по зубилу. Предки Ганнибала оставляли надписи на камне и меди, повествовавшие о плаваниях к неведомым берегам, о морских битвах и сухопутных сражениях. Ганнибал в юности читал эти надписи в храмах. Полустершиеся письмена звучали чужой и далекой славой, наполняли сердце желанием подвига. Пусть и другие узнают о его победах. Камень и медь не пойдут для зеркала его славы. Он выбрал железо, металл, из которого куют копья и мечи, изготовляют катапульти и баллисты, металл, честно служивший ему и несший смерть римлянам. Пятнадцать лет он провел в их стране, пятнадцать лет, наполненных жестокой, беспощадной борьбой с противником, который, казалось, тоже был железным. Об этом и должна рассказать надпись, которую он оставит в храме.

Резчик бил молотком по зубилу, высекая искры. Колонки букв и цифр заполняли плиту.* Сто тридцать семь тысяч человек было у Ганнибала после взятия Сагунта, девятнадцать тысяч девятьсот воинов отправил он в Африку, пятнадцать тысяч двести оставил в Новом Карфагене, одиннадцать тысяч оставил севернее Ибера, еще одиннадцать тысяч наемников распустил в Пиренеях по домам, двадцать тысяч человек погибли в боях или дезертировали. В Галлию он перешел с пятидесятидевяти тысячным войском, а в Италию — с двадцатипяти тысячным. Здесь он пополнил армию галлами.

* Плита с надписью Ганнибала до наших дней не сохранилась. Греческий историк Полибий видел ее в середине II в. до н. э. и пользовался ее данными.

Тицин, Требия, Тразимены, Канны — победы одна значительнее другой. И все же теперь, после пятнадцатилетней борьбы Ганнибалу казалось, что он дальше от своей цели, чем в начале похода. Силы Рима не сокрушены. Иберия потеряна. У него нет больше средств для борьбы. И только нежелание признать свою неудачу еще удерживает его в Италии.

Резчик бил молотом по зубилу, но даже эти удары были бессильны заглушить тяжелые мысли Ганнибала. Сципион в Сицилии. Он готовится к высадке в Африку. Ганнибал бессилён этому помешать.

В АФРИКУ

Вот уже год, как находится в Сицилии армия Публия Корнелия Сципиона. После побед в Испании Сципион был избран консулом и послан в Сицилию, чтобы в удобный момент переправиться в Африку. Кончился срок консульской должности. Сципион был переизбран консулом на новый год (204 г. до н. э.), а римская армия все еще находится в Сицилии. Терпение сената начало иссякать. Появились доносы, выступили обвинители. «Забыв о своем назначении, Сципион живет в Сиракузах, как грек среди греков. Он променял тогу на греческий плащ. Он посещает гимнасий.* Он читает святки греческих философов. Он окружил себя поэтами. Он распустил войска». Одно обвинение страшнее другого.

Сенат решил послать комиссию из десяти человек с правом лишить Сципиона власти, если подтвердятся обвинения.

Сципион приветствовал сенаторов с показным радушием. Устроив им ночлег, он пригласил их утром на смотр армии, Воины шли по манипулам — гастаты, принципы, триарии — плечом к плечу, не нарушая строя. По звуку трубы принципы выступали вперед, в промежутки между манипулами гастатов, а гастаты отступали назад. Тысячи людей действовали четко и

* Гимнасий — школа в древнегреческих городах, посетители которой наряду с гимнастикой могли заниматься философией.

уверенно, строй был похож на сложную и послушную воле полководца военную машину.

За тяжеловооруженной пехотой на площадь выступила конница.

Потом Сципион показал манипулы в беге. Сильные, хорошо обученные воины стремительно неслись, выставив копья и мечи.

Два манипула гастатов вступили в поединок. Они бились деревянными мечами, обернутыми в кожу, метали друг в друга копья с кожаными шариками на концах.

Когда сенаторы уже еле держались на ногах от усталости, Сципион повел их в склады и арсеналы. Он показал им запасы хлеба, одежды, ряды вычищенных и смазанных мечей, копий, военные машины. Все было в образцовом порядке.

Посланцы сената докладывали в Риме о своем посещении Сицилии с таким подъемом и воодушевлением, словно они принесли весть о победе. Только Сципион может одолеть Ганнибала. Таков был их вывод.

Вскоре после посещения сенаторов консул втайне приказал военным трибунам готовиться к отплытию. Легионы были подтянуты к городу Лилибею, туда же собраны корабли — военные и торговые.

Погрузка шла всю ночь. Рано утром огромный римский флот покинул гавань Лилибея. На палубах было тридцатипятитысячное войско.

ОГОНЬ

Каждую ночь Сципион в своем лагере близ города Утики встречался с какими-то людьми. Они входили в преторий после второй стражи и уходили оттуда лишь на рассвете, прикрывая лица краем плаща.

Эти люди были лазутчиками. Под видом римских рабов они бродили возле стана союзника карфагеня нумидийского царька Сифакса.* Как купцы, они предлагали доверчивым нумидийцам вино и ткани, при-

* Сифакс — царь Западной Нумидии, родственник карфагенского военачальника Газдрубала.

творно жаловались на войну, которая их совсем разорила.

Вскоре Сципион знал устройство вражеского лагеря не хуже, чем расположение своего. Ему было известно, сколько у нумидийцев шатров, защищенных валом и рвом, и сколько их находится на открытом поле, где расположены ворота и какой они ширины. Все лазутчики уверяли, что шатры сложены из сухого камыша и крыты соломой. Зная размеры и количество шатров, Сципион легко определил, что у Сифакса не менее шестидесяти тысяч воинов. В часе ходьбы от стана Сифакса, как было известно Сципиону, находился лагерь карфагенского полководца Газдрубала, сына Гескона. Лазутчикам удалось выяснить, что карфагеняне живут в землянках, покрытых сухими листьями, что воинов у Газдрубала вдвое меньше, чем у Сифакса.

Ночью Сципион принимал лазутчиков, а днем послов Сифакса. Он старался их убедить, что стремится к миру с Карфагеном и просит царя быть посредником, что Сифакс, как человек мудрый и беспристрастный, может помочь окончанию этой ненавистой войны. Сифакс принимал предложение Сципиона всерьез. Ему казалось вполне естественным, что Сципион говорит о мире. Ведь в его лагере вместе с конницей римского союзника Масиниссы* не более сорока тысяч воинов. Сифакс и не догадывался, что римляне лишь оттягивают время и ждут удобного случая для нападения.

Эта ночь выдалась темной. Луна скрылась за тучами. Из нумидийских шатров доносился храп. Воины крепко спали. Ведь вчера купцы у ворот за рвом чуть не даром отдавали вино. Спали и часовые, сидя с копьями, зажатыми между колен.

Со всех сторон подползли римляне к нумидийскому стану, бесшумно, как ужи, скользнули в ров и оказались на гребне вала. Послышался негромкий свист, и на соломенные кровли полетели тлеющие головни. Несколько мгновений и шатры уже пылают, как факелы. Наружу выбегают полуголые люди, они трут кулаками глаза. Ну-

* Масинисса (240-149) — царь Восточной Нумидии. Как союзник Карфагена Масинисса воевал против римлян в Иберии, но в 204 г. до н. э. перешел на сторону римлян, надеясь с их помощью увеличить свои владения.

мидийцы и не подозревают о близости врага. Пожар мог произойти из-за простой неосторожности. Пламя перекидывается от шалаша к шалашу. И вот уже пылает весь лагерь. Нумидийцы толкая друг друга бегут к воротам. У многих в руках ведра: ручей протекает за валом.

Звенят римские трубы. Под звуки труб с земли поднимаются воины Сципиона. С гиком несутся всадники Масиниссы. Нумидийцы мечутся. Они гибнут у выходов из лагеря от огня, от ударов римских мечей, под копытами коней, они сами топчут друг друга.

Огненные языки пламени замечены и в лагере Газдубала. Карфагеняне тоже решили, что лагерь Сифакса загорелся по неосторожности. Ведь Сципион ведет переговоры о мире! С ведрами и топорами спешат карфагеняне на помощь своим союзникам и попадают в засаду. Римляне рубят безоружных, гонят их назад в лагерь, преследуют бегущих. Главное оружие римлян теперь не меч, а горящие головни. Огонь проникает и в карфагенский лагерь.

Пылают крыши землянок. Треск пламени сливается с воплями и стонами обожженных людей, ржаньем лошадей, криками мулов. С ревом из горящего лагеря вырываются слоны, они топчут и давят бегущих, внося еще большее смятение и ужас.

Эта ночь принесла Карфагену страшное поражение. В огне, под ударами римских мечей нашли смерть несколько десятков тысяч воинов. Город Утика открыл римлянам свои ворота. Заколебались и другие союзники Карфагена. В городе царило смятение. Советники сваливали вину за неудачи друг на друга, проводили время в бесконечных спорах. Наконец, было решено отозвать из Италии Ганнибала. Только Ганнибал, вот уже пятнадцать лет воюющий с римлянами и не потерпевший ни одного поражения, может спасти Карфаген.

БИТВА ПРИ ЗАМЕ

Осенью 203 года до н. э. с палубы корабля Ганнибал смотрел на белые колонны храма Геры, на высокие кипарисы. Ганнибал прощался с Италией, Он мог сказать, что знает эту страну больше, чем свою родину. Девятилетним мальчиком он оставил Карфаген, и боль-

ше не был в родном городе. Он мечтал вернуться в Карфаген как победитель римлян, как герой великой войны. Но что он теперь везет с собой? Воспоминания об одержанных им победах? Требия, Тразимен, Канны — в чьем сердце найдет отклик чуждое звучание этих варварских имен? Ганнибал с тоской смотрел на уходящий берег Италии. Он прощался со своей славой.

Двенадцать тысяч воинов высадились вместе с Ганнибалом на берег Африки. Это были закаленные, испытанные бойцы, поседевшие в сражениях и преданные своему полководцу. Еще двенадцать тысяч привел Газдрубал, сын Гескона. Это были горожане, наспех обученные, напуганные недавним поражением. Этого мало для решительной схватки. Ганнибалу нужны боевые слоны, ему нужны наемники. Снова во все земли и острова были посланы вербовщики. В лагерь Ганнибала съезжались наемники с Балеарских островов, из Иберии и Приальпийских земель.

Из Северной Италии в Африку возвратилось небольшое войско, во главе которого стоял его брат Магон. Армия Ганнибала стала представлять пеструю смесь всех племен и народов. У Ганнибала осталась слава непобедимого полководца, но у него не было армии, которая могла бы победить.

Ганнибал стремился оттянуть решительную схватку. Он даже вступил в переговоры со Сципионом о мире. Эти переговоры ни к чему не привели. Римляне хотели, чтобы Карфаген признал свое поражение.

Карфагенский Совет не хотел затяжки войны. Римляне разоряли поместья карфагенских рабовладельцев, захватывали рабов. К Ганнибалу были отправлены послы с просьбой идти навстречу римлянам и кончить войну одним сражением. Хотя Ганнибал и отослал послов со словами: «Пусть отцы города занимаются своими делами — место для битвы я выберу сам», — все же через несколько дней он покинул свою стоянку и двинулся к городу Заме, отстоявшему от Карфагена на 5 дней пути.

На рассвете противники вышли из лагерей и выстроились к бою. Сципион поставил впереди манипулы гастатов, за ними принципов, но не против промежутков в передних рядах, как обычно, а в некотором расстоянии от них. Последними были поставлены три-

арии. На левом фланге полководец поставил италийскую конницу, на правом — нумидийскую во главе с Масиниссой. Промежутки между передними манипулами Сципион заполнил отрядами легковооруженных.

Впереди всего войска Ганнибал поставил своих слонов, за ними поместил наемников. Тяжелую пехоту Ганнибал выстроил в две линии — в первой стояли карфагенские граждане, во второй войска, приведенные им из Италии. Первая линия отстояла от второй на триста с лишним шагов. На флангах Ганнибал поставил нумидийскую и карфагенскую конницу.

Сражение начали слоны. Они тяжело двинулись на римский строй. Выбежавшие вперед легковооруженные закидали слонов дротиками. Несколько слонов повернули назад, но большинство неслось вперед. Римское войско, построенное на этот раз не в шахматном порядке, пропустило их. Слоны оказались за боевой линией.

В это же время в бой вступила римская конница. Нумидийцы Масиниссы легко оттеснили карфагенских всадников и с победными криками погнали их прочь. Началась схватка пехотинцев. Карфагенские наемники столкнулись с манипулами гастатов. Противники сражались один на один. Наемники, умело действовавшие мечами, ранили много римлян. Но за первым рядом римлян шел второй, третий. Как волны на берег, ряд за рядом, бросались римляне на врага. Карфагеняне же не оказали помощи наемникам, которые стали отходить. Отступление внесло замешательство во вторую линию карфагенской пехоты. Будучи уверены, что карфагеняне их покинули, наемники рубили своих же.

Тут карфагеняне, став поневоле храбрыми, вступили в бой и даже привели в смятение римских гастатов. Все же в конце концов карфагенские войска были разбиты. Сципион велел трубными сигналами вернуть гастатов из преследования. Поле боя было так завалено трупами, ранеными и оружием, что остальные воины не могли наступать в порядке.

Пока убирали раненых, принципы и триарии сомкнули свои ряды и двинулись на войска, приведенные Ганнибалом из Италии. Воины Ганнибала храбро сражались с врагом. Казалось, еще миг, и римляне обратятся в бегство. Но вот на горизонте поднялось облако пыли. Это возвращалась из погони за карфа-

генскими всадниками конница римского союзника Массиниссы. Ударив в тыл Ганнибала, конница решила исход сражения.

Карфагеняне оставили на поле боя около десяти тысяч человек. Столько же было захвачено римлянами в плен.

ГОРЯЩИЕ КОРАБЛИ

С горсткой уцелевших друзей бежал Ганнибал горами и ущельями в Карфаген, Два дня и две ночи понадобилось ему, чтобы проделать этот путь, который отнял бы у другого всадника пять дней. Но весть о поражении обогнала и самого Ганнибала. Раздирая на себе одежды, с воплями ужаса стекались граждане на городскую площадь. На заседании Большого Совета выдвигали планы один смелее другого. Посадить всех граждан на корабли и дать бой римскому флоту. Открыть тюрьмы и освободить рабов.

— Мы не должны соглашаться на мир,— потрясал кулаком оратор,— это смерть.

Из зала к трибуне бросился человек. Схватив оратора за плечо, он оттолкнул его.

— Ганнибал! — прокатилось по залу.

Суфкет встал.

— Ты, Ганнибал, забыл, где находишься. Это заседание Совета, а не сходка воинов. Или у тебя нет иных доводов, кроме кулака?

Зал встретил эти слова рукоплесканием.

— Пусть меня простят советники,— начал Ганнибал.— Девятилетним мальчиком покинул я Карфаген. Теперь мне сорок пять. Я научился обычаям войны. Ваших обычаев я не знаю. Но я не мог спокойно слушать, как этот человек, не знающий, с какой стороны нужно брать меч, призывает сражаться. Вся моя жизнь была отдана войне. Никто не назвал меня трусом. Но сейчас я вас призываю к миру. Если мы не примем условия Сципиона, римляне уничтожат Карфаген и сделают всех нас рабами. У нас нет выбора!

В этот же день в соседнем с Карфагеном городе Тунете Сципион передал условия мира. Карфагеняне сохраняют власть над своими африканскими владениями и все свое имущество, рабов и скот. Они могут

жить свободно по своим законам. Они должны выдать пленных и перебежчиков, передать все корабли за исключением десяти, всех боевых слонов. Они обязуются не вести войны за пределами Ливии, а в Ливии могут воевать лишь с согласия римлян. Они передают Масиниссе города и земли, которые принадлежали его предкам. В течение пятидесяти лет они выплачивают Риму десять тысяч талантов серебром.

Для подписания условий мира в Рим были отправлены карфагенские послы. Они привезли с собой двести пленных карфагенян, которых римский сенат отпускал без выкупа.

И вот выведен карфагенский флот — пятьсот кораблей. Все население города бросилось к стенам и в гавань, чтобы в последний раз увидеть корабли, на которые возлагалось столько несбывшихся надежд.

У кораблей снуют римские лодки с факельщиками. Пламя охватывает корабли и скрывает их в облаке дыма. Над морем поднимается зарево, видимое на многие мили. Казалось, пылает огромный погребальный костер. Карфагеняне сжимая зубы, стиснув кулаки, прощались с морской славой своей родины.

Закончилась война, длившаяся шестнадцать лет. Как и Первая Пуническая война, это была война двух хищников — двух рабовладельческих государств — за владычество на Средиземном море. Молодой хищник Рим победил старого. Рим меньше страдал от внутренних противоречий, свойственных развитому рабовладельческому государству, каким был Карфаген.

Рим превратился в могучую Средиземноморскую державу.

ПОЛКОВОДЕЦ БЕЗ ВОЙСКА

Пять лет после заключения мира с Римом Ганнибал провел в Карфагене. Здесь ему приходилось вести битвы с карфагенскими заправилками, для которых казна республики, ее государственные должности служили источником наживы. Борьба была длительной и упорной. В Большом Совете Ганнибал был в одиночестве. Советники, обладавшие пожизненной властью, были неуязвимы. С помощью народного собрания Ган-

нибал, избранный суффетом, провел закон об ежегодном обновлении Совета.

Отцы города нанесли Ганнибалу удар в спину. В Рим последовал донос о тайных сношениях Ганнибала с сирийским царем, враждебным Риму. Римский сенат давно уже искал повода разделаться со своим врагом. В Карфаген прибыло римское посольство.

Как обычно, утром к дому суффета собралась толпа посетителей. Одни явились его приветствовать, другие — проводить в город. Ганнибал не вышел из дома. От прислути стало известно, что Ганнибал дома не ночевал. Распространился слух, что суффет убит римлянами. Но в полдень прибыли корабли карфагенских купцов. Они рассказали, что видели Ганнибала на острове Керкине, неподалеку от Карфагена, и что при встрече он им объявил, что назначен послом в Тир. Пока собирался Совет для суждения о Ганнибале, пока принималось постановление об объявлении Ганнибала вне закона, конфискации его имущества и срытии до основания его дома, Ганнибал был уже в недостижимости в открытом море.

С попутным ветром он прибыл в древний финикийский город Тир, жители которого в IX в. до н. э. основали Карфаген. Здесь встретили Ганнибала как героя. Из Тира он прибыл в столицу Сирии Антиохию. Сын царя Антиоха III оказал ему почетный и дружественный прием. Не задерживаясь, Ганнибал отправился дальше к самому царю. Он застал Антиоха на побережье Малой Азии, в Эфесе. И здесь его ждал почетный прием. Имя Ганнибала, его подвиги и слава были хорошо известны. Но что значил он теперь, полководец без армии? Антиох назначил ему содержание, сделал его своим советником. Ганнибал предлагал царю объединение всех сил против Рима. В Италии должна высадиться новая армия. Ганнибал соглашался ее возглавить.

Антиох вежливо слушал Ганнибала. Во многом он соглашался с ним. Да, нужно положить конец наглости римлян. Он, Антиох, решил объявить Риму войну. Но Италия слишком далеко. Отправить туда армию рискованно. Надо начать с Греции. Греки теперь убедились, что собой представляет римское владычество. Они выступают против Рима.

Размах Ганнибала был чужд Антиоху. Чем большую настойчивость проявлял Ганнибал, тем с большей

подозрительностью относились к нему царь и его придворные. Ганнибал превратился в безгласного свидетеля событий. На его глазах страшное поражение потерпела армия Антиоха. Публий Корнелий Сципион, которому сенат присвоил почетное прозвище «Африканский», имея всего лишь тридцать тысяч воинов, разгромил восьмидесятитысячную армию Антиоха. Это было под Магнезией в 190 г. до н. э.

Среди мирных условий, предъявленных царю Римом, была выдача Ганнибала. Предупрежденный друзьями, Ганнибал скрылся. Одно время он жил на Крите частным человеком. Его местопребывание было раскрыто. Он бежал в Вифинию, небольшое государство, расположенное на южном побережье Черного моря. В городе Либисса у Ганнибала был дом, пожалованный ему царем Вифинии Прусием. Однажды Ганнибалу сообщили, что к царю прибыло римское посольство, требующее выдачи Ганнибала. Через несколько дней дом Ганнибала был окружен.

Ганнибал наклонил голову и крепко сжал виски ладонями. Высохшие пальцы ощутили биение крови. Он сидел так несколько мгновений. Но в эти мгновения в его памяти пронеслась вся жизнь. Он снова слышал далекий и близкий голос отца, слова клятвы: «Пусть меня покарают боги, если я не отомщу за позор моей родины». Трубные звуки слонов сливались со ржаньем коней, ударами мечей и копий. Казалось, вся его жизнь была одним большим сражением.

Двери сотрясались от тяжелых ударов. Римляне стучали в дверь так, как колотит запоздавший хозяин в дверь своего собственного дома. Да, не только у себя в Италии, но и в любом уголке Средиземноморья римляне были хозяевами. Он, Ганнибал, не смог этому помешать.

Все сильнее и сильнее слышались удары. Ганнибал поднес к губам перстень. Теперь его может спасти от унижения лишь эта капля яда.

Когда римляне ворвались в дом, они увидели уже остывший труп великого полководца. И на этот раз Ганнибал ускользнул из ловушки, которую ему приготовили римляне.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ

Древние историки сохранили предание о страшном времени галльского нашествия. Полчища воинственных галлов прорвались сквозь альпийские теснины и двинулись на Рим. У реки Аллии римское войско было разбито. Неприятель вступил в город. Горсточка храбрецов укрылась на Капитолии, чтобы отстоять твердыню Рима. Но эти храбрецы не могли долго противостоять армии галлов. Врагам был предложен выкуп, чтобы они покинули Рим. Когда римский посланец принес золото, галльский вождь Бренн нашел, что его недостаточно. У галлов были неверные весы. Римлянин заметил обман и запротестовал. Тогда Бренн бросил на чашу весов еще свой тяжелый меч и воскликнул: «Горе побежденным».

Карфаген после Второй Пунической войны находился в таком же положении, как римляне в дни галльского нашествия. Победитель мог диктовать любые условия.

В середине II в. до н. э. в Риме появились люди, которым было мало того, что Карфаген потерял свои заморские владения и низведен на положение второстепенного государства. Их страшила не военная мощь Карфагена, а его хозяйственное процветание. К этим людям принадлежал Марк Порций Катон.

Участник Второй Пунической войны Марк Порций Катон неоднократно занимал высшие государственные должности. Он был консулом, воевал в Испании. Однако в памяти поколений Катон остался не только как выдающийся политический деятель, но и как образцо-

вый хозяин. В его поместьях под бичами надсмотрщиков гнули спину сотни рабов. «Раб должен работать или спать», — говорил Катон, и управляющие его поместьями находили для рабов занятие и в праздники, и в зимние дождливые дни.

Выжимая из своих рабов все соки, наживаясь на их труде, Катон проявлял мелочную экономию в содержании рабов.

Он давал им «вино», состоявшее наполовину из уксуса и морской воды, кормил их палыми, полусгнившими маслинами, одевал в лохмотья. С большой выгодой для себя Катон продавал вино, оливковое масло, зерно, молодых рабов, которых выращивали в его поместьях, как скот. Но Катону казалось, что он еще недостаточно богат.

«КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН!»

Помещение сената, называемое в Риме курией, было переполнено. Сенаторы в белых тогах с пурпурной полосой размещались по скамьям, где кто хотел. Против входной двери стояли обитые слоновой костью кресла, известные под именем «курульных».* Одно из этих кресел пустовало. Неотложные дела помешали одному из консулов присутствовать на заседании сената.

Консул позвонил в колокольчик. Двое служителей втащили в зал упирающуюся белую овцу, подвели ее к жертвеннику, украшенному лентами и венками цветов.

Консул сделал знак. Служитель вонзил бронзовый нож в сердце животного. Когда кровь стекла в специальный желоб, служитель ловко разрезал брюхо жертвы, вытащил печень и передал ее консулу. Несколько

* Курульным креслом называлось торжественное церемониальное сиденье высших римских магистратов (консулов, диктатора, претора и других). Кресло не имело спинки и подлокотников и изготовлялось из дорогих материалов. Оно всегда сопровождало того, кому присвоено. Считалось, что решение имеет законную силу, когда его принял магистрат, сидевший в кресле.

мгновений при всеобщем молчании консул рассматривал печень, перекладывая ее из ладони в ладонь. Вытерев руки о кусок шерстяной материи, он произнес:

— Знамение благоприятно. Да помогут нам боги!

Консул открыл заседание словами: «Дабы в счастье и благоденствии жил римский народ, взываем к вам, господа сенаторы!»

Заседание сената началось. Консул изложил суть вопроса.

Сенаторы потребовали обсуждения. В широком проходе, разделявшем курию на две части, показался высокий старец. Он шел медленно, волоча худые ноги. Блестел голый, как яйцо, череп. Из-под рыжеватых бровей смотрели не по-стариковски внимательные, немного насмешливые глаза. Это был Марк Порций Катон.

Поднявшись на возвышение, Катон выпрямился, одернул тогу и начал речь. Голос у него был громкий, как у медной этрусской трубы.

— Господа сенаторы! Вчера я прибыл из Карфагена. Служа под командой Публия Корнелия Сципиона Африканского, я впервые посетил Африку пятьдесят лет назад. Наложив на Карфаген огромную дань, лишив его флота, мы полагали, что пуны будут разорены. Что же увидел я в Африке через пятьдесят лет? Страну более богатую, чем она была раньше, долины, покрытые виноградниками и плодовыми деревьями. Смотрите!

Катон вытащил из-под тоги какой-то большой круглый предмет, и, потрясая им в воздухе, сказал:

— Эта смоква растет на расстоянии трех дней пути от Италии. Видели ли вы что-либо подобное? А виноград! Клянусь, я никогда не ел более крупного и приятного на вкус винограда. Можно ли удивляться, что наши торговцы виноградом терпят убыток?!

— Верно! — послышались возгласы сенаторов.— Катон прав.

Многие вскочили с мест.

Закон 218 г, до н. э., проведенный другом Гая Фламиния, народным трибуном Клавдием, запрещал сенаторам заниматься торговлей. Но они, в обход зако-

на, поручали своим управляющим-вольноотпущенникам продавать вино, оливковое масло и другие сельскохозяйственные продукты. Поэтому сенаторы хорошо знали, что карфагенское вино и масло ценились на рынке дороже римского. Слова Катона задели их за живое.

А Катон тем временем говорил о намерении девяностолетнего Масиниссы захватить Карфаген.

— Представьте себе, господа сенаторы, что произойдет, если Масинисса захватит Карфаген! — воскликнул Катон, поднимая высохшую руку. — Он завещает Карфаген своим внукам, и Италия увидит второго Ганнибала!

В наступившей тишине прозвучали слова, произнесенные вполголоса. Тем не менее их услышали не только сенаторы, но и люди, толпившиеся у открытых дверей курии:

— Карфаген, я полагаю, должен быть разрушен.

Невозмутимое выражение лица Катона и равнодушный тон еще более оттенили беспощадный смысл этих слов.

Всего лишь час назад на алтаре была убита овца, а теперь Катон требовал принести в жертву корыстным интересам римских рабовладельцев огромный город со всем его населением, с его дворцами и храмами, со всем его прошлым и будущим.

Не все были согласны с Катоном.

— Не надо разрушать Карфагена, — выкрикнул сенатор Сципион Назика, один из дальних родственников победителя Ганнибала. — Если мы захотим, все богатства Карфагена будут нашими. Не лучше ли наложить на город дань?!

Катон с усмешкой взглянул на Сципиона Назику. Ничего не ответив, он сошел с возвышения. Катон был упрям, как истый римлянин.

«Капля камень долбит не силой, а частым паденьем», — говорили римляне. На какую бы тему ни выступал Катон в сенате или народном собрании, о пользе занятия земледелием, или о вреде женской роскоши, он неизменно заканчивал свою речь словами:

— А все-таки я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен.

ВЕРОЛОМСТВО

Весной 149 г. до н. э. Карфаген переживал беспокойные дни. Толпы людей сновали по узким улицам, ведущим от военной гавани к акрополю Бирсе. Никогда за семьсот лет своей истории город не находился в такой опасности.

Римляне натравили на Карфаген нумидийского царя Масиниссу. Карфагеняне взялись за оружие, и хотя потерпели поражение, все же были обвинены в нарушении мирного договора 201 года. Ведь этот договор запрещал карфагенянам вступать с кем-либо в войну без согласия Рима.

Рим готовился к войне. В боевую готовность приводился флот, по всей Италии набирали новые легионы. Карфагеняне сделали все, чтобы предотвратить войну. К смертной казни был приговорен полководец Газдрубал, воевавший против Масиниссы. В Рим было отправлено посольство, чтобы объяснить сенату: карфагенский народ не виновен в нарушении договора. Но сенат не принимал никаких объяснений.

В Африку была направлена армия во главе с двумя консулами. Карфагеняне отправили в Рим новое посольство. На этот раз как будто сенат смягчился. Он согласился не начинать войны, если карфагенские советники дадут своих сыновей консулам в качестве заложников. Пусть будут доставлены в Сицилию триста детей, а после этого карфагеняне должны выполнить все дальнейшие распоряжения, какие им дадут консулы.

При обсуждении этого неслыханного требования в Большом Совете возникли жаркие споры.

Один из вождей антиримской партии Стритон сказал: — Вы хотите отдать римлянам заложниками не только наших детей, но и весь Карфаген. Знаете ли вы пределы римскому вероломству?!

Голос Стритона прозвучал в карфагенском Совете одиноко. Римские легионы находились уже в Утике, в двух днях пути от Карфагена, и перед лицом этой угрозы большинство советников было готово на любое унижение и уступки.

Совет согласился удовлетворить требования римлян, и детей той же ночью доставили на корабль, стоящий у набережной торговой гавани.

На набережной слышались плач и иступленные крики. Матери метались по берегу. Они хватали за руки матросов, упрашивая взять их на корабль, раздирали себе длинными, ярко покрашенными ногтями лица, рвали свои богатые одежды.

Корабль отчалил от мола. Одна из матерей бросилась в воду. Она хотела схватить якорный канат, но матросы подняли его. Ветер надул паруса. Корабль вышел из гавани, а женщина все плыла, словно надеялась его догнать.

Когда заложники были доставлены в Лилибей, консул передал карфагенским послам новое требование — сдать все оружие. Страх за судьбу сыновей, находившихся у римлян, сделал карфагенских советников покорными. Карфагеняне должны были под покровом ночи вывезти оружие из арсеналов. К городским стенам подошли повозки. Их нагроулили мечами, копьями, частями военных машин. Сверху оружие забросали сеном, накрыли холстом.

Печальное шествие замыкали слоны, они шли тихо и как бы укоризненно покачивая хоботами. Казалось, они хотели сказать людям: «Куда вы отправляете нас, чем мы провинились перед вами? Смотрите, на нашей коже рубцы, наши бивни стерлись от ударов».

— Прощай Бар, прощай Сурус, — шептал старый воин, сражавшийся еще под началом Ганнибала. По его морщинистым щекам текли слезы.

ЯРОСТЬ

Прошло еще несколько дней. Советники терялись в догадках, какое еще требование предъявит Карфагену римский сенат. Кто-то высказал мнение, что римляне хотят разрушить Карфаген. Большинство советников этому не верило. Сципион ведь мог разрушить Карфаген после битвы при Заме, а он этого не сделал. Зачем же римлянам разрушать город сейчас, когда он безоружен?

Наконец, консул вызвал карфагенских послов. Оправдались самые худшие предвидения. Сенат приказывал всем жителям Карфагена выйти из города и поселиться вдали от моря, в указанном месте.

Советники молча выслушали страшную весть. Они были связаны по рукам и ногам. Их дети в руках у римлян. В городе нет оружия.

Известие о требовании римлян быстро распространилось среди населения огромного города. Ремесленники и матросы заполнили площадь перед зданием Большого Совета. Суффет вышел, чтобы успокоить толпу, Его голос заглушался ревом:

— Оружия!

Суффет показывал знаками, что оружия нет, силась перекричать толпу, он объяснял, что все оружие выдано римлянам. Толпа ничего не хотела знать.

— Оружия! — требовала она, подступая к суффету.

Чувствуя горячее дыхание толпы, суффет протянул руку с унизанными золотыми кольцами пальцами по направлению к городской стене.

— Там,— прохрипел он,— в арсенале.

Карфагенские арсеналы занимали огромные ниши городской стены.* Тут же находились стойла для слонов и коней. Железные ворота арсеналов были на замке. Суффет послал народ к арсеналам, но не дал ключей, Несколько мгновений толпа была в замешательстве. Как быть? Но вот вперед протиснулись люди с ломami и топорами. Сбиты замки, сорваны петли. Люди хлынули внутрь. Арсеналы были пусты.

— Ааа! — раздался крик, напоминающий рев разъяренного зверя.

Эти люди, которых никогда не допускали к управлению государством, с которыми никогда не советовались, почувствовали себя преданными. Они не могли поверить, что римлянам выдано все оружие, что не оставлено ни одного меча, ни одной военной машины. Но может быть остались слоны?

— К слонам! К слонам!

Слоны были последней надеждой. Но и стойла для слонов были пусты. Люди ворошили полусгнившее сено, словно слон мог в нем спрятаться. Они рвали на

* Остатки городской стены были обнаружены в 1949 году во время воздушной разведки с самолета. Стена Карфагена имела толщину в 20 метров.

себе волосы, раздирали ногтями щеки. Они выкрикивали по именам своих любимцев: «Бар!», «Сурус!»

— Бар! Сурус! — гулко откликалось эхо в каменных сводах.

— В Магару! — крикнул кто-то, и люди, толкая друг друга, бросились к выходу.

Магара лежала в бело-розовом сиянии цветущих фруктовых деревьев. От каналов тянуло свежестью. По блестящей как бронзовое зеркало поверхности пруда плыли лебеди. Казалось, здесь не было никому дела до страшных бедствий, постигших карфагенский народ.

Под напором плеч и локтей, под ударами ног затрещали ворота особняков. Толпа врывается во дворы, выволакивала наружу перепуганных советников. Это они выдали врагу оружие, они предали Карфаген. «Смерть им!» Из подземелий выводили рабов, изможденных, с кровоподтеками на спинах, с рубцами на лицах. От яркого света рабы щурили глаза.

— Теперь вы свободны! — кричали им, указывая на растерзанные тела их господ.

И рабы вливались в толпу и вместе с ней текли в город. На площади у здания Большого Совета на ковре лежали драгоценности. Проходили женщины, снимали серьги и браслеты, бросали их на ковер. Но государству нужно не только золото и серебро. Оно нуждается в метательных машинах, в мечях и копьях. Женщины срезали свои волосы для канатов. Прямо на площадь вынесены наковальни и кузнечные меха. Нет угля! В костер полетели скамьи, столы, шкатулки из эбенового дерева, все, что может гореть. Вздучились мускулы на полуобнаженных телах ковалей. Тяжелые удары молотов наполнили площадь. Прекрасен был народ Карфагена в своем справедливом гневе. Не для походов в далекие страны за рабами и золотом ковалось это оружие — для защиты родины. Если бы канаты для катапульт можно было бы плести не из волос, а из нервов и сухожилий, эти женщины отдали бы и их. Прекрасен был народ Карфагена в своей любви к родине.

Когда римляне подошли к городу, чтобы вступить в него, перед ними была неприступная крепость

БЕССЛАВНОЕ НАЧАЛО

Военные действия начались летом 149 г. до н. э. На земляной косе, называемой карфагенянами Языком, был высажен римский десант. Со стороны моря городская стена была ниже и слабее и римляне рассчитывали разрушить ее с помощью таранов. Днем римляне пробили большую брешь в стене. Ночью осажденным удалось не только заделать большую часть этой бреши, но при вылазке испортить римские осадные машины. Они были теперь пригодны разве лишь в качестве топлива для костра. Римляне все же отважились пойти на приступ. Но каждый из домов, примыкающих к стене, был превращен карфагенянами в крепость. Проникшие в город римские воины были почти полностью истреблены. Дело могло кончиться полным истреблением армии, нападающей со стороны моря, если бы не предусмотрительность военного трибуна Сципиона Эмилиана. Он удержал своих воинов под стенами и прикрыл отступление римлян.

Еще меньший успех имели действия второго консула, расположившегося на перешейке, отделявшем город от долины реки Баграда. В римском лагере из-за непривычного для римлян зноя и отсутствия свежей воды распространились болезни, уносившие каждый день десятки жертв. Карфагенская армия под командованием полководца Газдрубала, приговоренного к смерти карфагенским сенатом за участие в войне против Масиниссы, но бежавшего из Карфагена, стала увеличиваться за счет жителей приморских городов, нумидийских и мавританских наемников. Все попытки римлян в 148 г. до н. э. захватить эти приморские города с тем, чтобы лишить армию Газдрубала поддержки, окончились провалом.

Небольшой городок Клупея, в годы Первой Пунической войны захваченный войсками Регула, теперь отразил нападение римской армии. Осада другого города — Гиппо-Дуарритуса длилась все лето. Осажденные дважды сжигали осадные машины римлян. Римлянам пришлось отступить.

Карфагеняне воспрянули духом. Участились нападения на римские отряды. Газдрубал придвинул свой лагерь к самому городу и был назначен главнокомандующим всех сил Карфагена.

В Риме считали, что все неудачи — следствие неопытности и бездарности полководцев. На 147 год консулом был избран Сципион Эмилиан. Ему поручили ведение войны в Африке.

ОСАДА

Сципион Эмилиан прибыл в Африку вовремя. Римский отряд был оттеснен карфагенянами от городской стены на крутую скалу в малодоступной стороне предместья Магары. У римлян не хватало продовольствия. Связь с главными силами римской армии была затруднена. Посадив на корабли прибывшие с ним войска, Сципион Эмилиан немедленно направился на помощь римскому отряду.

С вершины скалы был виден весь город. Над узкими улицами, над плоскими крышами домов возвышался карфагенский акрополь Бирса. Здесь находились храм Эшмуна и здания государственных учреждений. Отсюда расходились улицы с многоэтажными зданиями. Здесь жили купцы и ремесленники Карфагена. В лавках, куда не проникали лучи палящего солнца, торговали оружием, коврами, тканями, посудой.

Сципиону хорошо были видны огромные здания храмов Ваала и Танит. Вот площадь перед храмом Ваала с блестящей точкой. Это медная статуя божества, которой приносят человеческие жертвы. Еще дальше знаменитый Кофон — внутренняя военная гавань. Стены доков скрывают от глаз корабли, но хорошо виден небольшой островок в центре гавани с домом командующего карфагенским флотом. С башни этого здания, как было известно Сципиону, и днем и ночью ведется наблюдение за морем. На горизонте, в виде вытянутого прямоугольника, торговая гавань Карфагена с бесконечными складами.

— Как велик этот город! — воскликнул Сципион, обращаясь к своему другу, греку Полибию, впоследствии написавшему историю войн Рима с Карфагеном.

— Да,— отозвался Полибий.— С Карфагеном не сравнится ни один из городов Италии или Эллады. Чтобы обойти его стены, путнику понадобится четыре часа. А ведь за стенами еще находятся предместья.

— Брать Карфаген приступом — безумие, — продолжал Сципион. — Я отрежу Карфаген и задушу его в тисках голода. Он сам падет к моим ногам, как созревшее яблоко.

В этот же день с городской стены карфагеняне видели, как римские солдаты долбили ломами и лопатами каменистую землю. Ров сооружался на расстоянии полета стрелы от городской стены.

Работы затянулись на все лето. Сципиону докладывали, что солдаты начали роптать, что несколько человек перебежало к карфагенянам, но это его не смущало.

— Ничего, — говорил он. — Поропщут и перестанут. Безделье — бич для осаждающей армии.

Когда ров был прорыт через весь перешеек, Сципион Эмилиан приказал выкопать другой ров на небольшом расстоянии от первого, параллельно ему, Свой лагерь полководец расположил между обоими рвами. Теперь он совершенно отрезал город от материка и обезопасил себя от нападения с тыла. Но в гавань Карфагена все еще приходили суда с продовольствием. Тогда Сципион решил соорудить между песчаной косой и берегом залива каменную плотину. С кораблей по приказу Сципиона матросы сбрасывали тяжелые камни, чтобы их не могли разрушить волны. Карфагеняне сначала с насмешкой наблюдали за этими работами. Потом они тайно прорыли новый выход из военной гавани в залив.

Однажды на башне дома карфагенского командующего флотом показались три воина. Они вскинули блестящие серебряные трубы, поднесли их к губам и из труб полились призывные волнующие звуки. Гребцы подняли весла, и пятьдесят кораблей отплыли.

Не успели римляне опомниться, как первый карфагенский корабль, выйдя из канала, закачался на волнах.

Римские корабли стояли на якорях неподалеку от каменной плотины, закрывавшей путь в торговую гавань. Многие из них были без оснастки. Команды находились на берегу. Если бы карфагеняне сразу же напали на римский флот, он был бы полностью уничтожен. Но их корабли, сделав разворот, ушли в гавань.

Воспользовавшись этим промахом, Сципион Эмилиан приказал привести свои корабли в боевую готовность. Когда через три дня карфагенский флот снова вышел из гавани, его встретила оснащенная эскадра в 120 кораблей. Карфагенские корабли были прижаты к берегу и потоплены.

После этого Сципион повел наступление на внешнюю набережную. Она находилась вне городских стен и защищалась лишь земляным валом. Подтянув тараны и осадные машины, римляне пробили в валу брешь. Но карфагеняне, перейдя ночью вброд мелководную часть залива, напали на осадные машины римлян и подожгли их. Сципиону пришлось послать конницу, чтобы остановить беглецов. По совету Полибия в дно залива вбили острые колья, набросали железо. После этого машины были восстановлены и осада возобновилась. Город оказался запертым и со стороны суши и со стороны моря. Наступила зима. Военные действия были прекращены. В город проник самый страшный враг — голод.

НА ПРИСТУП

Яркая зелень пробилась из-под земли. В заброшенных садах зацвели деревья. Стаи птиц, зимовавших на песчаной косе и в прибрежных скалах Тунетского залива, с гортанным радостным криком летели на север. Римские легионеры долго провожали их взглядом, завидуя, что они скоро будут в Италии.

Шла третья весна осады Карфагена. С воздвигнутого римлянами вала можно было видеть улицы, покрытые трупами мужчин и женщин, умерших от голода. Перебежчики рассказывали, что многие, не выдержав мучений, убивали себя и своих детей. За зиму население огромного города убавилось вдвое. Но и теперь в нем не менее ста тысяч человек.

Сципион Эмилиан решил, что время атаки наступило. К стене, защищавшей внешнюю гавань, были приставлены длинные лестницы. Заработали катапульты. Карфагеняне подожгли внешнюю гавань. Запылали доки и корабли. Море огня преградило римлянам

путь. Но все же осаждающим удалось найти почти незащищенный участок стены. Римляне вышли на набережную Кофона, овладели примыкавшим к ней рынком и начали продвигаться по всем трем улицам, ведущим к акрополю Бирсе.

Карфагеняне пропускали римлян вперед, и когда те не ожидали нападения, бросали в них камни, обливали кипятком. Римляне предпочитали двигаться по крышам громадных домов, достигавших высоты в шесть этажей. Они перебрасывали бревна и доски на соседние или противоположные здания и переходили по ним, как по мостам. Так прошли шесть страшных дней уличных боев. Римляне продвинулись почти к самой Бирсе. Но карфагеняне, видимо, воспользовавшись подземными ходами, снова оказались в тылу у наступающих.

Сципион Эмилиан приказал поджечь все три улицы сразу. Пламя пожирало все, что попадалось ему на пути. Треск рушившихся зданий сливался с криками раненых, с воплями обожженных людей. Вслед за огнем шли легионеры. Топорами и кирками они убирали обломки, сбрасывали мертвых и еще живых людей в ямы.

Наконец путь к Бирсе был расчищен. Карфагенский акрополь возвышался нетронутый, прекрасный. Кто знает, сколько еще придется его осаждать? Но ужасы голода и смерти сделали свое дело. Укрывшееся в Бирсе население отправило к Сципиону послов. Пять седобородых старцев в длинных до земли одеждах были приняты римским полководцем. Упав на колени, они просили только сохранить жизнь населению.

Сципион обещал сохранить жизнь всем, кроме перебежчиков и Газдрубала.

Старцы удалились. На следующий день из Бирсы потянулась длинная колонна пленных. Тут было не менее пятидесяти тысяч человек — стариков, женщин и детей.

Девятьсот римских перебежчиков и Газдрубал с семьей укрылись в храме бога-целителя Эшмуна в самой высокой части Бирсы. Шестьдесят каменных ступеней отделяли храм от площади, на которой в былые дни собирались верующие. Теперь на этой пло-

щади стояли враги и, подняв головы вверх, смотрели на серебряный купол, украшенный золотыми звездами, на стены храма, облицованные красными гранитными плитами.

По храму Эшмуна из конца в конец, наталкиваясь друг на друга, метались люди. Они сносили в кучу скамьи, срывали с себя одежду, бросались на пол, заламывая руки.

Человек в облачении жреца бормотал:

— Молитесь Эшмуну! Он — могущественнейший из богов — ниспошлет спасение всем укрывающимся в святилище.

Один из перебежчиков, оттолкнув жреца, закричал срывающимся голосом:

— Хватайте светильники! Лучше сгореть в огне, чем погибнуть на кресте!

Храм запылал в нескольких местах, наполняясь удушливым дымом. Пламя подступило к алтарю. Сорвав занавес, оттуда стремительно выбежал человек в блестящих доспехах. Прежде чем его могли остановить перебежчики, он был уже у выхода из храма, и в несколько прыжков очутился внизу, на площади, в ногах у Сципиона. Это был Газдрубал, в течение трех лет руководивший героической обороной Карфагена.

В руке у Газдрубала была оливковая ветвь, в знак мольбы и покорности. Обнимая ноги Сципиона, он кричал так громко, что его голос был слышен не только на площади, но и наверху в храме:

— Пощади! Пощади во имя богов! Спаси моих детей.

Сципион отвернулся. Взгляд его остановился на кровле горящего храма. На краю кровли стояла женщина с двумя детьми. Они прижимались к матери, прячась в широких складках ее одежды.

— Трус! Трус! — кричала она. — Ты хочешь сохранить себе жизнь! Будь проклят!

Жена Газдрубала столкнула в огонь своих сыновей, а затем сама бросилась в пламя. Кровля храма обрушилась, погребая всех, кто в нем находился.

Судьба Газдрубала неизвестна. Вероятно, он участвовал в триумфе победителей и затем, по римскому обычаю, его казнили.

ПРИКАЗ СЕНАТА

Семнадцать дней горел Карфаген. Семнадцать дней корчились в огне лимонные и миндальные деревья, за которыми когда-то старательно ухаживали садоводы. Рушились арки и своды храмов, гибли здания, простоявшие сотни лет и достойные того, чтобы стоять многие века. Гибли в огне спрятанные в тайниках сокровища карфагенских купцов и жалкий скарб бедняков. Пылали библиотеки, хранившие опыт и мудрость народа.

Сципион Эмилиан и его свита поднялись на скалу. Вместо прекрасного, полного жизни города до самого залива простиралось черное безжизненное поле с бесформенными развалинами. Удушливый дым низко стлался по земле. Даже птицы теперь не летали здесь.

Сципион безучастно смотрел вдаль, погруженный в свои мысли. Губы его шептали:

День придет и погибнет священная Троя. Погибнет
Вместе с нею Призм я народ копыеносца Приама.

— Почему ты вспомнил Гомера, Публий? — спросил Полибий.

Обернувшись и взяв грека за правую руку, Сципион сказал:

— Города, подобно нам, смертным, испытывают превратность и изменчивость судьбы. Кто-нибудь тоже будет стоять у развалин Рима, как мы стоим у могилы Карфагена.

Сципион стал спускаться со скалы. Полибий остался один. Вглядываясь в белую точку, он различал фигуру белого быка. Медный плуг по приказу сената взрыхлял мертвую землю. Римский жрец в черной одежде бросал в борозду вместо зерен проклятья. Место, где стоял Карфаген, где трудились ремесленники и торговали купцы, предавалось вечному проклятию, чтобы отныне на нем не появлялись ни дома, ни пашни.

Так повелел римский сенат. Сенат конфисковал земли у всех карфагенских городов, которые не примкнули к Риму в войне. Отныне эта земля принадлежала Римскому государству и за нее победителю платилась подать.

Карфаген перестал существовать как самостоятельное государство, Его территория превращалась в римскую провинцию Африка. Позднее это название перешло на весь материк, вытеснив древнее имя Ливия.

От уничтожения крупнейшего города на Средиземном море выиграли римские купцы. Толпами устремились они в новую провинцию грабить население:

Развалины города Карфагена долго заносили пески. Здесь никто не жил. Шакалы выли там, где стоял могучий город. Позднее жизнь вновь появилась здесь, и в позднеримское время Карфаген был крупным административным центром римской Северной Африки.

На том месте, где когда-то была торговая гавань Карфагена, стояли римские корабли. По сходням поднимались легионеры, с мешками и котомками на плечах. В них были золотые кольца, серебряные чаши, пурпурные ткани — все, что добыли воины во время разграбления города, все, что когда-то принадлежало гражданам города. Золото, серебро и другие богатства, находившиеся в карфагенских храмах, стали собственностью Римского государства. Карфагенские пленники в лохмотьях, сквозь которые просвечивало грязное тело, несли к сходням огромную золотую статую карфагенского бога Резефа, которая должна будет украсить римский форум. Отдельный корабль был предназначен для некоторых вещей, некогда принадлежавших сицилийским городам и вывезенным в Карфаген во время его владычества в Сицилии. На палубе уже находилась статуя медного быка.

На берегу стояли двое римских легионеров. Один из них, показывая на статую, говорил:

— Смотрите, это бык Фаларида.

— Фаларид это греческий бог? — спросил другой легионер.

Первый солдат рассмеялся.

— Фаларид был тираном Агригента. В мире не было более жестокого правителя, он приказывал бросать людей в чрево этого быка и разводить под ним костер. Медь накалялась. Человек, находившийся внутри кричал. Крик доносился через отверстие в пасти быка. Фалариду нравилось слышать вопли сжигаемого

заживо человека. Он говорил, что не променяет его на любую музыку.

— Тьфу! — сплюнул другой легионер. — Зачем же эту пакость отправлять в Сицилию?

— А ты хотел бы, чтобы мы возвратили этим грекам золото и серебро, отобранное у них карфагенянами?

— Посторонись, — сказал второй легионер. — Ведут рабов.

По набережной двигалась длинная колонна пленников. У мужчин руки и ноги были в оковах.

— Куда их?

— В Сицилию. Там для них найдется работа.

ТРИУМФ

После окончания победоносного похода полководец праздновал свой триумф, то есть торжественный въезд в Рим. Из всех триумфов, которых когда-либо устраивались римские полководцы, триумф 146 года до н. э. был самый великолепный. Это был праздник не одного Сципиона Эмилиана, но всего римского народа, торжественно отмечавшего свою победу над Карфагеном. Нелегко далась Риму эта победа. Сто восемнадцать лет понадобилось для того, чтобы уничтожить соперника. А сколько было пролито крови, сколько отдано человеческих жизней на алтарь бога войны!

Войско выстроилось на Марсовом поле, за городской чертой. Воины стояли по манипулам. Над начищенными до блеска шлемами, над черными и красными перьями приподняты военные значки. Сципион обходил строй своего войска. Полководец был в походном плаще. В руках у него лавровая ветвь, на голове лавровый венок. Даже грозные фасции — пучки розог с воткнутыми в них топорами в руках у телохранителей — украшены лавром.

Прямо против войска стояли сенаторы в белоснежных тогах. За сенаторами теснился народ, привлеченный красочным зрелищем.

Сципион обходит строй своего войска. Рядом с ним шагает военный трибун с плоским серебряным блюдом. На нем лежат браслеты, шейные цепи, пряжки,

фалеры из бронзы, серебра и золота. Проходя по рядам, триумфатор хвалит отличившихся солдат и раздает им почетные награды. Наибольшего почета удостоился молодой воин Тиберий Семпроний Гракх. Полководец наградил его золотой короной с зубцами. Тиберий первым ворвался на стену Карфагена.

Вдали показалась колесница. Она запряжена четверкой белых коней. Сверкает на солнце золотая упряжь. Возница остановил коней. Сципион надел поданную ему затканную золотыми пальмовыми листьями пурпурную тогу, взял в правую руку скипетр, увенчанный золотым орлом, в левую — лавровую ветвь и взшел на колесницу. Там стояло курульное кресло. Приподняв края тоги, Сципион сел. Раб, стоявший на запятках поднял над головой триумфатора золотой венок Юпитера, взятый из храма на Капитолии.

Через Карментальские ворота триумфальная процессия вступила в празднично разукрашенный город. Мимо Большого цирка она направилась по Священной дороге к Форуму. Впереди шли сенаторы и должностные лица 146 года — консулы, преторы, квесторы, народные трибуны. Государственные рабы несли картины с изображением осажденного, горящего и разрушенного Карфагена, вывезенные из карфагенских храмов статуи, золотые и серебряные сосуды. Проезжали повозки. В них лежало наваленное грудами карфагенское оружие — шлемы со следами крови и вмятинами от ударов мечей, серебряные и бронзовые панцири, кожаные, деревянные и металлические щиты, катапульты, напоминающие огромных насекомых.

На огромной повозке, запряженной пятью быками, провезли отливающую золотом статую. Это было изображение карфагенского бога Резефа, который у римлян стал называться «Карфагенским Аполлоном». Говорили, что гигантская статуя весит сто талантов.

Провели слонов, украшенных пурпурными попонами. Пронесли на носилках модели вражеских кораблей.

В воображении римлян, толпившихся на всем пути до самого форума, вставали уличные схватки, морские бои. Это было зрелище, превосходившее все праздники и театральные представления, которые когда-либо приходилось им видеть.

— Ио! Триумф! Ио! Триумф! — слышались приветственные крики толпы.*

Показались белые быки. На их шеях гирлянды из роз. Рога покрыты золотом. Быков вели юноши в ярких, богато расшитых передниках. Животные будут принесены в жертву Юпитеру.

Юношей сопровождали мальчишки с золотыми и серебряными сосудами.

За быками шли скованные по четыре пленные. Грязные спутанные волосы, лохмотья когда-то богатых одежд, стертые в кровь ноги. Им осталось уже недолго идти. В конце Священной дороги есть низкое приземистое здание. Чтобы попасть в него нужно спуститься по шести вырытым в землю каменным ступеням и открыть обитую медными листами дверь. Это Мамертинская тюрьма. Сюда отведут самых знатных пленников. Здесь их ждет могильный холод. В то время, когда триумфатор вступит на Капитолий, палач задушит их во славу бога войны Марса.

А вот и колесница триумфатора. Раб, стоящий за триумфатором, кричит: «Смотри назад! Смотри назад!» Сзади к колеснице привязаны звонок и бич.

Они, также как и слова раба, должны напоминать триумфатору, что судьба превратна, что он в будущем может подвергнуться бичеванию...

Стройными рядами проходили войска под звуки труб. Воины пели вольные солдатские песни. Только сейчас, шагая за колесницей своего полководца-триумфатора, они могли сказать все, что они о нем думают. Они высмеивали его внешность, потешались над его привычками. Они вспоминали о том, как Сципион заставлял их рыть землю, как из-за него они голодали. Сципион Эмилиан всякий раз улыбался, когда до его слуха доносились шутки воинов. Для триумфатора они не более как звон колокольчика, привязанного к колеснице. Кончится триумф. Полководец сойдет с колесницы. С фасций снимут перевязь из лавра, и он сможет приказать своим телохранителям висечь любого из этих воинов, которые сейчас чувствуют себя расшалившимися детьми.

* «Ио» у римлян соответствует нашему «ура!»

Но триумф пока еще только начался. Впереди еще торжественное жертвоприношение на Капитолии, все-народное пиршество под портиками храма, а вечером при свете факелов бои гладиаторов...

Шли годы. Сохли и осыпались листья лавровых венков, тускнела позолота победных значков. Ржавело победное римское оружие. Участники великой осады Карфагена давно уже возвратились к своим семьям, к мирному труду. Они столкнулись с горькой правдой. Война им ничего не дала. Земля по-прежнему принадлежит богачам. Богачи, не державшие в руках меча, благоденствуют. Превращенные в рабов жители Карфагена и других покоренных римским оружием земель доставляют им сказочные богатства. А те, кто испытывали зной и холод, жажду и голод, те, кто проливали кровь на полях Африки и Иберии, ведут жалкую жизнь. Нередко их прогоняют с участков за неуплату долгов, и толпами они идут в Рим обивать пороги богачей. «Разве это справедливо?» — спрашивали бедняки.

Шли годы. Через тринадцать лет после триумфа Сципиона площадь, которая когда-то была заполнена ликующими людьми, стала местом другого народного сборища. Тысячи бедняков, изможденных, оборванных, ждущих правды, истосковавшихся по земле, явились на Форум со всех концов Италии. На ораторской трибуне тот самый воин Тиберий Семпроний Гракх, которому полководец на Марсовом поле вручил золотую корону. Теперь он народный трибун. Над форумом разносятся его слова:

— И дикие звери имеют в Италии свои норы и логовища. А люди, которые сражаются и умирают за свою прекрасную родину, не владеют в ней ничем, кроме света и воздуха! Как кочевники странствуют они по дорогам Италии со своими женами и детьми. Полководцы обманывают воинов, призывая их защищать гробницы и храмы. Воины! У вас нет ни отчего алтаря, ни гробниц предков! Вы сражаетесь и умираете за чужую роскошь, за чужое богатство! Вас называют владыками вселенной, а вы не имеете ни клочка собственной земли.

Гул одобрения прокатился по площади. Слова проникли в души слушателей и нашли в них отклик.

Однако Тиберию Гракху и его друзьям не удалось возродить свободное крестьянство, составлявшее во время Пунических войн основу римской армии. Крестьяне беднели. С каждым годом становилось труднее производить набор войска. Тогда в армию стали набирать солдат из бедного городского люда. Государство давало им средства на первое обзаведение оружием и постоянное жалование. А на войне войско само себя кормило. Был установлен срок службы в 16 лет. Служба в армии сделалась постоянной, независимой от войны или мира. Да и солдаты становились все более независимыми от римских республиканских учреждений — от народного собрания, сената и выборных должностных лиц. Их повелителем был полководец. В руках честолюбивого полководца армия легко могла стать орудием захвата власти.

Прошло немногим более пятидесяти лет после разрушения Карфагена, и у стен Рима, когда-то видевших Ганнибала, стояла армия. Эта армия состояла из римлян и возглавлялась римским полководцем, а между тем она осаждала Рим, как вражеский город. Рим был захвачен римской армией! Это событие, происшедшее в 88 г. до н. э., а потом неоднократно повторявшееся, свидетельствовало о вступлении Рима в новую эпоху, эпоху гражданских войн.

Содержание

КУРТИЗАНКА СОННИКА

I. Храм Афродиты	7
II. Город	38
III. Танцовщицы из Гадеса	72
IV. Среди греков и кельтиберийцев	108
V. Набег	131
VI. Асбита	151
VII. На стенах Сагунта	177
VIII. Рим	196
IX. Голод	217
X. Последняя ночь	237

ГАННИБАЛ

Глава I. Клятва	255
Глава II. Годы учения	268
Глава III. Под Сагунтом	283
Глава IV. На Альпах	297
Глава V. Удары львиной лапы	311
Глава VI. Опасности и заботы	324
Глава VII. Канны и Капуя	337
Глава VIII. Великий Ганнибал	349
Глава IX. Последняя борьба	364
Глава X. В Заму	376
Глава XI. Смерть льва	391
Глава XII. Занавес падает	412

ТРИ ВОЙНЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕРВАЯ СХВАТКА	419
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГАННИБАЛОВА КЛЯТВА	453
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ	520

Ганнибал. Сборник исторических романов.

Бласко Ибаньес, Куртизанка Сонника; пер. с исп., Оппель, Меч Ганнибала; пер. с нем., романы; А.И. Немировский, Три войны, ист. очерк; Рис. Ю. Станишевского. М., 1994.— 544 (6) стр., ил.— Сериал «Легион», собрание исторических романов.

ISBN 5-85686-008-X (Вып. 10)

ISBN 5-85686-005-5

Мощная историческая фигура гениального полководца Древнего мира Ганнибала является связующим звеном всех трех редких произведений, входящих в данный сборник: Ганнибал в Испании — «Куртизанка Сонника», Ганнибал в Италии — «Меч Ганнибала» и исторического очерка А.И. Немировского «Три войны» (римско-карфагенские войны), в котором также центральное место занимает Ганнибал.

Художественный редактор
В.О. Визгин

Редактор
В.И. Кузнецов

Технический редактор
Ю.К. Кущ-Жарко

Корректор
М.В. Небрятенко

Лицензия № 061697 от 20.10.1992 г.

Сдано в набор 25.02.1994 г. Подписано в печать 15.03.1994 г.
Формат 84x108/32. Бумага типографская
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 50000 экз. Заказ № 1878

Компания «Octo Group Inc.»
Издательство «Octo Print»
125047, г. Москва
2-я Тверская-Ямская, 54-113

Издание сериала осуществлено
при техническом содействии
фирмы «Аль-Китаб LTD»
тел.: 280-73-12

Отпечатано в Московской типографии № 5
Министерства печати и информации РФ
129243, г. Москва, Маломосковская, 21

